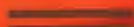

ДЖЕРАЛЬД ДАРРЕЛЛ

- ЗОЛОТЫЕ КРЫЛАНЫ И РОЗОВЫЕ ГОЛУБИ •
- САД БОГОВ •
- ПИКНИК И ПРОЧИЕ БЕЗОБРАЗИЯ •
- ПТИЦА-ПЕРЕСМЕШНИК •

ДЖЕРАЛЬД ДАРРЕЛЛ

- ♦ ЗОЛОТЫЕ КРЫЛАНЫ И РОЗОВЫЕ ГОЛУБИ ♦
- ♦ САД БОГОВ ♦
- ♦ ПИКНИК И ПРОЧИЕ БЕЗОБРАЗИЯ ♦
- ♦ ПТИЦА-ПЕРЕСМЕШНИК ♦

МОСКВА

«ЭКСМО»

2004

GERALD DURRELL

GOLDEN BATS AND PINK PIGEONS

© By Gerald Durrell, 1977

© Перевод с английского Л. Жданова, 1981

THE GARDEN OF THE GODS

© By Gerald Durrell, 1978

© Перевод с английского Л. Жданова, 1984

THE PICNIC AND SUCH LIKE PANDEMONIUM

© By Gerald Durrell, 1979

© Перевод с английского Л. Жданова, 1995

THE MOSKERY BIRD

© By Gerald Durrell, 1981

© Перевод с английского С. Лосева, 1997

Оформление художника *Е. Савченко*

Даррелл Д.
Д 20 Золотые крыланы и розовые голуби. Сад богов. Пикник и прочие
безобразия. Птица-пересмешник. — М.: Изд-во Эксмо, 2004. — 576 с.
УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

ЗОЛОТЫЕ
КРЫЛАНЫ
И РОЗОВЫЕ
ГОЛУБИ

*Фариде и Вахабу,
чьими добротой и радушием
увенчано очарование Маврикия*

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Пожалуй, стоит вкратце объяснить, как родилась эта книга. В ней описаны два путешествия, которые я, мой помощник Джон Хартли и моя секретарша Энн Питерс совершили на волшебный остров Маврикий. Меня привели туда две причины.

Несколько лет назад я основал Джерсийский фонд охраны диких животных, чтобы спасти от вымирания исчезающие виды, разводя их в неволе. Наши планы осуществляются с большим успехом, однако мне стало ясно, что таких животных лучше всего разводить на их родине. Сложность тут заключалась в том, что большинство стран, которых это касается, не располагает людьми, обученными тонкому делу звероводства. А потому трест учредил стипендии для желающих пройти у нас курс обучения, с тем чтобы потом у себя на родине они налаживали разведение диких животных в неволе. Поскольку эмблема нашего зоопарка — дронт, нам представлялось, что логично начать с Маврикия и принять оттуда первого стипендиата. Вот я и отправился в это государство, чтобы переговорить с местными властями. Одновременно мне хотелось повидать некоторых исчезающих птиц, млекопитающих и рептилий и выяснить, можем ли мы как-то помочь маврикийцам спасти эти виды. Перед вами рассказ о том, что из этого вышло.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДЕРЕВО ДРОНТА И ЛЕС МАКАБИ

Если вы задумали посетить край, где еще не бывали, необходимо — тем более если вас интересуют животные — сделать два дела. Во-первых, припасти возможно больше рекомендательных писем к местным деятелям; во-вторых, собрать максимум сведений о месте, куда вы едете, какими бы специфическими и ненужными ни казались они на первый взгляд. Один из способов получить сведения — обратиться в соответствующее посольство или представительство. Во многих случаях этот способ приносит превосходные плоды, вас засыпают картами и ярко иллюстрированными изданиями, которые содержат много интересных фактов и изрядную долю дезинформации. Бывают, однако, и менее вдохновляющие случаи. Так, я все еще жду гору информации, обещанную мне обаятельным джентльменом из лондонского представительства Малайзии, когда я собирался посетить эту страну. Путешествие состоялось в 1969 году. Тем не менее по тому, как к вам отнесутся в посольстве или представительстве, можно составить себе некоторое впечатление о преобладающем стиле жизни в намеченной вами стране.

Исходя из этого, когда было окончательно решено, что мы едем на Маврикий, я позвонил в лондонское представительство этого государства. Мне ответила очаровательная молодая особа с приятнейшим азиатским акцентом.

— Алло, — сказала она с осторожным интересом, не спеша разглашать свое имя и номер домашнего телефона.

— Это представительство Маврикия? — спросил я.

Пауза. Мой вопрос явно застал особу врасплох, и ей потребовалось время, чтобы решить, как тут поступить.

— Да, — призналась она наконец без особой охоты, — это представительство.

— Представительство Маврикия? — переспросил я, чтобы убедиться, что не ошибся.

— Да, — ответила она уже более твердо, — представительство Маврикия.

— Чудесно, — сказал я. — Мне хотелось бы получить у вас кое-какие сведения, поскольку я очень надеюсь вскоре туда поехать.

Снова короткая пауза.

— Куда поехать? — спросила она наконец.

Разумеется, я знал, что Маврикий не ближний свет, и все же, на мой взгляд, онахватила через край. Тем не менее таким было мое первое знакомство с очаровательной нелогичностью маврикийского образа жизни. В конце концов я получил от представительства небольшой буклет, содержащий, в частности, не совсем четкие фотографии мисс Маврикий 1967 года, причем она возлежала на пляжах, которые с виду ничем не отличались от наших борнмутских или богнорских. Волей-неволей пришлось обращаться за сведениями к книгам натуралистов прошлых веков и к более свежим зоологическим и географическим исследованиям.

Маскаренские острова, в ряду которых Маврикий второй по величине, расположены в Индийском океане, к востоку от Мадагаскара. Размеры Маврикия — 32 на 64 километра, а оттенков зелени — миллион, тут и изумруд, и малахит, и нежная зелень утренней зари, и кремовая зелень бамбуковых побегов. Все это инкрустировано радугой цветения, от пылающих волшебными кострами могучих деревьев до напоминающих фиалку хрупких ярко-красных цветочков, тысячами бабочкиных крылышек рассыпанных среди травы — где зеленой, где желтой, а где и розовой, как вечернее небо.

Маврикий образовался на заре формирования Земли, когда гигантские вулканические нарывы, лопаясь, извергали огонь и лаву. Титанические конвульсии сорвали остров со дна океана и вознесли к небу; циклоны и цунами, жаркие ветры и проливные дожди мяли и точили раскаленные и расплавленные горные породы; чудовищные судороги сотрясали остров и лепили причудливые гряды, перемешивая размягченные пласты подобно повару, который сбивает яичные белки, пока они не застынут, образуя фантастические фигуры на зубцах поднятой вилки. Так выросли диковинные горы Маврикия — небольшие, все меньше тысячи метров, но такие своеобразные, уникальные, гротескные, как будто их старательно конструировали для театрального задника. А затем звездные полчища коралловых полипов обнесли защитным рифом остров и лагуну, которая окружила Маврикий подобно крепостному рву.

Постепенно, по мере эволюции земного шара, занесенные по морю или по воздуху семена укоренились в орошаемой множеством светлых речушек мягкой плодородной вулканической почве. За ними, влекомые блуждаю-

Д щими ветрами, явились из других краев птицы и летучие мыши; приплыли, словно жертвы кораблекрушений, черепахи и ящерицы на плотках из ветвей и лиан. Они благополучно освоились на новом месте, и миллионы лет их потомство развивалось по своим, присущим островному миру линиям.

Так появились дронг и большой бескрылый черный попугай. Черепахи прибавляли в росте, пока не стали величиной с кресло при весе около тонны, а ящерицы старались перешеголять друг друга причудливыми формами и пестрой расцветкой. В отсутствие хищников, если не считать совы и маленького сокола, многие виды не обзавелись защитными приспособлениями. Жирный дронг, став бескрылым, ходил вразвалку по земле, здесь же и гнезвился, как и черный попугай, ничего не страшась. Ничто не тревожило неторопливое допотопное существование черепах. Только притким глянцеви́тым ящерицам да златоглазым гекконам приходилось остерегаться сокола и совы.

На клочке вулканической почвы посреди огромного океана природа бережно, неторопливо творила неповторимый, миролюбивый, по-своему совершенный мирок. Он был совсем не подготовлен к обрушившемуся на него через сотни тысяч лет опустошительному нашествию прожорливых животных, ненасытной когорты во главе с самым лютым хищником на свете — *Homo sapiens*. Вместе с человеком явились все его дорогие друзья: собака, крыса, свинья и — в данном случае, пожалуй, второй после человека хищник — обезьяна.

В невероятно короткий срок сгинули уникальные виды: дронг, огромный бескрылый черный попугай, гигантская маврикийская черепаха, за которой вскоре последовала и ее родригесская родственница, удивительная птица пустынный. Исчезли толпившиеся вдоль рифов дюгони, и от всей неповторимой и безобидной местной фауны сохранилась лишь горстка птиц и ящериц. Да и те, вместе с остатками исконного леса, испытывают сильнейшее давление. Мало того что Маврикий — одна из наиболее густо населенных стран мира; помимо собак, кошек, крыс и обезьян, человек с присущим ему опасным недомыслием интродуцировал здесь множество других чужеземцев. Так, он привез двадцать видов птиц, включая вездесущего домового воробья и развязную назойливую майну. Назову также беспощадного юркого мангуста и не столь кровожадного, но все равно неуместного здесь ежеподобного мадагаскарского тенрека. А сколько интродуцировано деревьев и кустарников! Китайская гуайява, дикая малина и полчища других растений теснят и душат аборигенную растительность. В итоге можно сказать, что исконные флора и фауна Маврикия цепляются за жизнь из последних сил.

Вопреки дурным предчувствиям, которые посеяло в моей душе общение с представителем, Маврикий, хотя и впрямь не ближний свет, ока-

зался достаточно известным и вполне достигаемым. Не прошло и нескольких дней, как заботами французской авиакомпании «Эр Франс», превосходно обставившей все путешествие, мы в обстановке роскоши и неги пересекли по воздуху половину земного шара, и полногрудые стюардессы с такой готовностью выполняли все наши пожелания, что мы с Джоном Хартли с тревогой думали, каково-то будет нам покинуть самолет и снова взглянуть в лицо внешнему миру. Однако едва вдаль показался остров, как нами овладело возбуждение, неизбежное при внезапном лицезрении новой, неведомой вам земли. Зеленый и огневой, с голубыми и пурпурными вкраплениями гор, остров напоминал исполинский драгоценный камень в голубой эмалевой оправе; вместе с белопенным кольцом рифа он красовался на фоне густой синевы Индийского океана, словно ювелирное изделие на бархате. Наш толстокожий самолет с рыканьем зашел на посадку, и мы увидели лежащие внутри рифа зеленые островки, ослепительно белые пляжи и четырехугольные плантации сахарного тростника, которые заняли, казалось, все ровные участки, обрамляя зеленой клетчатой скатертью диковинные горы. Было что-то парадоксальное в том, что мы, бескрылые млекопитающие, на одном из самых крупных в мире летательных аппаратов приземляемся на клочке земли, скрывающем останки одной из самых удивительных бескрылых птиц на свете: кладбище дронта, откуда извлечены кости, послужившие источником того небольшого, что нам известно о дронте, покоится под бетоном аэропорта Плээнс.

Открылись двери самолета, и нас обдала волна горячего благоухающего воздуха и ослепили яркие краски, какими располагают только тропики. В теплой одежде — в Англии шел снег — мы сразу вспотели, по спине и груди побежали неприятные струйки. Через таможню мы прошли без хлопот благодаря обаятельнейшему джентльмену с благозвучным именем Ли Эспиталье Нозль (позднее мы установили, что семейство Нозль насчитывает свыше двухсот членов, вследствие чего им пришлось отказаться от обычая обмениваться рождественскими подарками), обладателю прелестного французского акцента, перед которым речь Мориса Шевалье показалась бы грубой и простонародной.

Так мы на первых же шагах столкнулись с одним из многочисленных алогизмов Маврикия. На острове, который свыше полутора столетий был английской колонией и все еще оставался членом Содружества, где английский преподают в школе как основной язык, все запросто болтают по-французски. И в других отношениях мы наблюдали своеобразный сплав английской и французской культур: хотя движение на улицах левостороннее и жесты водителей учтивостью и изяществом не уступают движениям балерины, манера вождения явно отдавала свойственной французской нации самоубийственной лихостью.

Д Наш водитель-креол гнал с бешеной скоростью по дороге между рядами молодого сахарного тростника, чьи нежные розовато-голубые стебли оттенялись ядовито-зелеными листьями, и через деревни с жестяными и деревянными домиками, где толпились женщины в цветастых, точно крылья бабочек, сари, окруженные развеселой ватагой псов, кур, горбатых коров, коз и ребятишек. Каждая деревня встречала нас благоуханием цветов и плодов и сиянием длинных шалей бугенвиллеи под сенью исполинских баньянов, напоминающих сотни огромных черных оплывших свечей, зеленое лиственное пламя которых, соединяясь, создавало переливающийся летучими тенями сплошной титанический полог.

Меня очаровали пронесившиеся мимо вывески и указатели. «Мистер Тин Вин Вэнк» («Денежки — пенсы — винцо») торговал табачными изделиями и спиртными напитками, часы торговли нерегулярные (вероятно, они определялись недобором двух первых слагаемых названия, а не перебором третьего). Таинственный указатель среди протянувшихся на километры сахарных плантаций гласил просто и без экивоков: «Нарушать»; и не поймешь, как его толковать — как предостережение или как приглашение. Когда мы сбавили скорость, пропуская деловито похрюкивающих, облепленных мухами свиней, которым вздумалось пересечь дорогу, я с удовольствием отметил вывеску деревенского часовщика «Ми Ту» («Я тоже»), а также некоего мистера с громкой фамилией Гунгадин — его лавка располагалась на перекрестке, и хозяин, не претендуя на большую изобретательность, назвал ее «Гунгадин корнер шоп». Я уже не говорю про мелькающие под баньянами среди плантаций аккуратные маленькие указатели «Автобусная остановка» и обращенные к водителям призывы: «Тихий ход — школьное пересечение». Зараженный атмосферой этой Страны чудес, я живо представлял себе набитое очаровательными детьми деревянное школьное здание на колесах, катающееся взад-вперед через дорогу. Еще в Англии, знакомясь с Маврикием по карте, я был пленен названиями населенных пунктов; теперь мы проехали через некоторые из них.

Наконец, одурманенные жарой, мельканием кадров и всевозможными тропическими запахами, ослепленные красками и солнцем, натерпевшись страху из-за склонности нашего водителя ездить на волосок от смерти, мы подкатили к гостинице, привольно разбросавшей свои здания среди гибискуса, бугенвиллеи и казуарин на берегу безмятежной голубой лагуны, за которой странным Маттергорном в миниатюре высилась гора Морн. Славные люди, излучая томное очарование, встретили нас и развели по комнатам, а в тридцати шагах на белом пляже искусительно шептало что-то голубое море.

На другой день мы отправились в Блэк-Ривер знакомиться с супругами Маккелви, которые занимались программой разведения животных в нево-

ле, финансируемой Международным советом по охране птиц, Всемирным фондом дикой природы и Нью-Йоркским зоологическим обществом. Дэвид Маккелви и его миловидная жена Линда тепло встретили нас и сразу же начали рассказывать о трудностях и испытаниях, связанных с попытками выследить и отловить экземпляры соколов и розовых голубей. Эти птицы относятся к редчайшим в мире; первые представлены всего лишь восемью, вторые — тридцатью тремя особями, и обитают они в лесном краю площадью около четырех тысяч квадратных километров. Просто чудо, что Дэйв вообще сумел добиться успеха. Голубые глаза его светились энтузиазмом; он малость гнусавил и несколько форсировал голос, словно обращался к задним рядам большой аудитории. Этот симпатичный тридцатипятилетний брюнет был в полной мере наделен живостью ума и речи, которые придают особый колорит и юмор говору американского весельчака. Быстрый остроумный рассказ, пестрящий превосходными степенями, как далматский дог пятнами, сопровождался поразительно верным звукоподражанием: Дэйв не просто описывал, как голуби, пролетев над его головой, садились на ветки и ворковали, но и чрезвычайно точно воспроизводил все звуки, так что вы ощущали себя очевидцем происходящего.

— Хожу я по этому проклятому лесу, гнезда высматриваю, а дождь так и хлещет, по мне реки-ручьи текут, честное слово. Прямо хоть вторую профессию осваивай — грибы между пальцами ног выращивать. Надежды на успех не больше, чем если бы я задумал дронта искать. До самой темноты бродил, а темень в этих горах, скажу вам, такая — похлеще, чем в брюхе дохлого овцебыка. И вдруг в один прекрасный день — вот они, пожалуйста, спускаются в криптомериевую долину, крыльями воздух секут «хуф, хуф, хуф». Сели, поклонились друг другу и завели «каруу-куу-куу, каруу-куу-куу».

Продолжая в том же духе, Дэйв провел нас от жилого дома к обнесенному забором саду, где один местный птицевод-энтузиаст выделил ему участок под вольеры.

— Сейчас, — продолжал Дэйв, подходя к первому вольеру, — вы увидите одну из самых редких птиц на свете — и одну из самых чертовски красивых, и притом они ручные, как новорожденные морские свинки, с первого дня совсем ручные. Прошу!

В вольере сидели три голубя; ничего не скажешь — хороши! Намного крупнее, чем я представлял себе, и неожиданно стройные благодаря чрезвычайно длинным хвосту и шее. Рыжевато-коричневое оперение отливало на груди и шее розово-цикламеновым оттенком. Маленькая голова венчала длинную изящную шею, придавая этим элегантным представителям семейства голубиных сходство с пернатой антилопой. Когда мы подошли к прово-

Длочной оgrade, они обратили на нас типичный для голубей туповато-любопытный взгляд, прикинули что-то в уме, отключились и снова задремали. Я понимал, что такие редкие птицы исключительно ценны для биологов и птицеводов, однако яркой индивидуальностью тут и не пахло.

— Те же лесные голуби, только крашенные, — ляпнул я, и Дэйв уязвленно посмотрел на меня.

— Их всего тридцать три осталось, — сказал он, словно эта цифра делала розовых голубей куда более красивыми и желанными, чем если бы их было двадцать пять миллионов.

Мы перешли к вольеру, где содержалась пара маврикийских соколов. Маленькие плотные птицы с дикими злыми глазами были до того похожи на европейскую и североамериканскую пустельгу, что только специалист отличит, и непосвященному человеку вполне простительно задать себе вопрос, чего это с ними так носятся. Может быть, я несправедлив к маврикийскому соколку именно потому, что очень уж он похож на знакомую мне с детства птицу, которую я сам держал и с которой охотился на воробьев? Может быть, я потому и не восторгаюсь им, как восторгался бы диковиной вроде дронта? Поразмыслив с полминуты, я решил, что это не так. Взять, скажем, вестиндскую хутику — куда как похожа на самую обыкновенную морскую свинку, а ведь я всем сердцем привязался к этому грызуну, чье будущее выглядит не менее мрачно, чем будущее соколка. Нет, просто моя душа больше лежит к млекопитающим, чем к птицам, оттого-то неказистый маленький зверек в моих глазах стоял выше маленькой неказистой птицы. Решив, что это никуда не годится, я дал себе обет исправиться. Тем временем Дэйв живописал судьбу четы соколов, которая по недомыслию свила себе гнездо на недостаточно неприступной скале.

— Обезьяны, — говорил он взволнованно, — леса кишат этой мерзостью. Самцы бывают ростом с шестилетнего ребенка. Бродят огромными стаями. Издали слышно: «А-а-агх, а-а-агх, а-а-агх, и-и-ик, и-и-ик, и-и-ик, я-ах, я-ах» — это старый самец, — а вот детеныши: «У-и-ик, у-и-ик, у-и-ик, и-и-ик, и-и-ик, и-и-ик, я-ах, я-ах, я-ах».

За потоком звуков, производимых голосовыми связками Дэйва, я совершенно явственно увидел стаю злокозненных обезьян, от престарелых патриархов до новорожденных младенцев. Эти сметливые всеядные вредители наводнили отнюдь не заслуживающий такой кары остров, опустошая гнезда не только соколов, но и розовых голубей.

Отдав дань восхищения голубям и соколкам, мы направились в Кьюрпайп, где находится контора лесничества, и познакомились со старшим лесничим Вахабом Овадали, по-юношески симпатичным молодым азиатом, обладателем заразительной улыбки и еще более заразительного энтузиазма. После того как мы обменялись в кабинете учтивыми фразами, Ва-

хаб и его европейский заместитель Тони Гарднер повели нас осматривать прилегающий к конторе прекрасный ботанический сад, и здесь энтузиазм Вахаба побудил меня в корне изменить свое отношение к пальмам. Я привык без особого восторга созерцать пыльные заплесневелые экземпляры этих древовидных, окаймляющие улицы тропических селений или дрожащие на ветру английского суррогатного лета на курортах вроде Борнмута или Торки, но тут, на просторах великолепно спланированного ботанического сада, пальмы смотрелись совсем иначе. Здесь были высокие и стройные «харрикейны», королевские пальмы со стволами, подобными колоннам Акрополя, знаменитые сейшельские пальмы, но больше всего мне пришлось по душе бутылочные пальмы. Вахаб познакомил нас (я намеренно употребляю этот глагол) с маленькой плантацией этих прелестных деревьев. Ствол молодых пальмочек в точности напоминал бутылку для кьянти с зеленым фонтаном растрепанных листьев вверху. Листья шевелились на ветру, и казалось, диковинный пузатый народец приветственно машет нам.

Возвратившись в кабинет Вахаба, мы обсудили, что надлежит посмотреть и сделать на Маврикии. Мне не терпелось в первую очередь посетить криптомериевую рощу, где гнездились розовые голуби, затем лес Макаби и заповедник Блэк-Ривер-Годж — последнее прибежище соколов и маврикийских попугайчиков. Вахаб настаивал на том, чтобы мы непременно побывали на маленьком островке Круглом, расположенном к северу от Маврикия.

— Это, так сказать, маврикийский Галапагос, — говорил он, улыбаясь. — Площадь — всего сто пятьдесят гектаров, а на нем три вида деревьев, три вида ящериц и два вида змей, каких нет больше нигде на свете. Сейчас остров под угрозой, интродуцированные кролики и козы поедают всю растительность. Положение отчаянное, я еще расскажу об этом, когда мы там будем. Пока не решим эту проблему, эрозия будет продолжаться, и тамошние рептилии могут вовсе исчезнуть.

— А известно, сколько всего особей насчитывает сейчас популяция ящериц? — спросил я.

— Ну-у, — Вахаб оттопырил губы, — точное количество установить трудновато, но, по нашим прикидкам, гекконов Гюнтера, сцинков Телфера и ночных гекконов осталось около пятисот. Что до змей, то земляного удава за последние двадцать лет наблюдали всего несколько раз, так что он, вероятно, вымер. От второго вида уцелело что-нибудь шестьдесят-семьдесят особей.

— Надо бы для страховки отловить несколько экземпляров и содержать в неволе, — предложил я.

У Вахаба загорелись глаза.

Д — Разговоры о размножении в неволе давно идут, — сказал он. — И в докладе Проктора есть такое предложение, но пока что не нашлось желающих этим заняться.

— Я займусь, если вы не против, — отозвался я. — Мы как раз отстроили с этой целью превосходный новый комплекс для разведения рептилий.

— Это было бы замечательно, — произнес Вахаб так, словно его только сейчас осенило. — А как вы себе это представляете?

— Ну, я предложил бы действовать поэтапно. Попробуем для начала взять наиболее выносливые виды, и если дело пойдет, то в следующем году, когда я приеду, чтобы помочь с отбором кандидата на курсы, продолжим с другими видами. По-моему, лучше начать со сцинков и геккона Гюнтера — он, как я понимаю, покрупнее и крепче.

— Идет, — обрадовался Вахаб. — Я организую для вас поездку на остров Круглый, как только установится погода. А пока Дэйв покажет вам лес Макаби.

— Точно, — подхватил Дэйв. — Я как раз хотел попробовать поймать еще одного сокола, вот и проведем там денек. Возьмем с собой сети, захватим мою американскую пустельгу для приманки и попытаем счастья. Места там красивые, даже если ничего и не поймает. Хотите, завтра же и отправимся.

— И покажи ему дерево дронта, — вставил Вахаб.

— Что это за дерево дронта? — спросил я.

— Потерпите — увидите, — последовал загадочный ответ.

И на другое утро мы отправились на денек в Макаби. Чтобы попасть в этот лес, надо пересечь Шампанскую равнину — еще одно знаменательное название. Маленькие выносливые растения образуют уникальную экологическую нишу, и было бы жаль лишиться ее. По всему свету люди уничтожают леса и прочую флору, проявляя преступную расточительность — ведь при нынешнем уровне знаний ничего не стоит истребить виды, которые могут представить огромную ценность для медицины.

Оставив позади Шампанскую равнину с красно-черными птицами, которые гвардейцами торчали среди вереска или проносились языками пламени над дорогой, мы на опушке Макаби въехали на неровную просеку. В глубине леса, на поляне, где просека разветвлялась на четыре луча, Дэйв остановил машину, и мы вышли. Озаренные солнцем, в неподвижном жарком воздухе висели, будто вертолеты, золотисто-зеленые мошки с большими переливчато-синими глазами. Время от времени, торопливо взмахивая шоколадными крылышками, мимо пролетала бабочка — ни дать ни взять престарелая дама, опаздывающая на свидание. Крохотные грозди кремо-

ных орхидей висели на эбеновых деревьях; со всех сторон нас окружали стройные коричневатые и серебристо-зеленые стволы китайской гуайявы и кусты бирючины, нежные, молодые бледно-зеленые листья которой морщились по краям, словно балетные пачки. Тихо, тепло, уютно... В этом лесу некого было опасаться. Единственный по-настоящему злокозненный обитатель здешних мест — скорпион, но за три с половиной месяца, что я бродил по Маврикию, переворачивая камни, роясь в гнилых стволах и конаясь в старой листве, будто пес, натасканный на поиск трюфелей, я не встретил ни одного скорпиона. Макаби — дружелюбный лес, тут можно спокойно сесть или лечь на землю, точно зная, что единственный представитель местной фауны, способный причинить тебе неприятности, — комар.

— Глядите, — сказал Дэйв, — глядите вон туда, не пожалеете: геккон на дереве дронта.

Он показал на высшее рядом с просекой дерево с серебристым стволом. Судя по трещинам в корнях-контрфорсах, дерево было старое и уже начало гнить. На высоте около пятнадцати метров его венчало густое сплетение ветвей с темно-зеленой листвой, а в полутора-двух метрах над землей к стволу прилепилась ящерица поразительной красоты, длиной сантиметров двенадцать-тринадцать. Преобладающая интенсивная бархатисто-зеленая окраска переходила на шее и голове в темно-голубую с алыми и вишневыми метинами. Глаза — большие, умные, черные; пальцы снабжены расширенными пластинками-присосками, позволяющими ящерице удерживаться на гладкой поверхности ствола. Мы собирались отловить несколько этих красивых дневных гекконов, и Джон захватил для этой цели длинное тонкое бамбуковое удилище с нейлоновым силком на конце. С удочкой в руках он начал приближаться к геккону, который созерцал его с самым простодушным видом. Подпустив Джона метра на два, геккон тронулся с места и заскользил по коре, словно камень по льду. К тому времени, когда Джон подошел вплотную к дереву, ящерица была уже за пределами досягаемости: поднялась вверх метров на шесть да еще, на всякий случай, укрывалась за стволом.

— Они здесь малость недоверчивые, — сказал Дэйв. — Должно быть, потому, что просекой часто пользуются. Дальше в лесу они не такие пуганые, там мы что-нибудь добудем.

— А почему это дерево называется деревом дронта? — спросил я.

— Ах да, — отозвался Дэйв, — это очень просто. Дело в том, что перед вами тамбалакоке, одно из самых древних маврикийских деревьев, их все-го-то сохранилось двадцать или тридцать экземпляров. Взгляните-ка на это семя.

Д Он сунул руку в карман и извлек светло-коричневое семя величиной с каштан, с одной стороны сравнительно гладкое, будто абрикосовая косточка, а с другой — узорчатое, словно кто-то задумал вырезать на нем восточное лицо да на полдороге остановился. Семя было довольно тяжелое и явно твердое.

— Так вот, — продолжал Дэйв, — по этому поводу есть гипотеза. Бог ведает, кто ее выдумал, но звучит красиво. В разных ботанических садах и в питомнике лесничества пытались прорастить эти чертовы семена, но почему-то из этого ничего не получается. Зато в те времена, когда здесь еще водились дронты, тамбалакоке росли в изобилии, вот и придумал кто-то, что дронты охотно ели плоды этого дерева. Переварят мякоть, потом желудочные соки принимаются разъедать твердую скорлупу, и к тому времени, когда семя выходило с пометом, оно было достаточно мягким, чтобы прорасти.

— Прелестная гипотеза, — сказал я, восхищенный мыслью о необычной связи между птицей и деревом, так что истребление первой повлекло за собой исчезновение второго. — Да только боюсь, что слабых мест в ней вагон и маленькая тележка.

— Это верно, — нехотя согласился Дэйв. — Но туристам она нравится, и ведь это факт, что тамбалакоке почти вымерли.

Продолжая углубляться в лес, мы почти на каждом стволе замечали яркие пятна гекконов. В воздухе парили золотистые крылатые тли, на них охотились крупные светло-зеленые стрекозы с хрупкими прозрачными крылышками, а в одном месте через просеку брел расписанный в черный и сургучно-красный цвета палочник длиной около двадцати сантиметров. Раза три-четыре смертоносной стрелой дорогу перед нами пересекали стремительные мангусты, а однажды за поворотом мы застигли врасплох ватагу обезьян, которые растворились в зарослях гуайявы с такой волшебной быстротой, что впору было усомниться — видели ли мы их на самом деле. Дальше над просекой пролетела стая ожереловых попутайчиков, едва ли не половина уцелевшей полусотни особей этого вида. Потом мы остановились, чтобы полюбоваться четой маврикийских дроздов, — еще один вид, численность которого убывает с пугающей быстротой. Дэйв так поразил этих красивых пернатых умением воспроизводить их переливчатый клич, что они подлетели совсем близко, разглядывая нас из-за веток и удивленно перекликаясь.

Наконец мы свернули с просеки на тропу, которая вилась вдоль острого гребешка над спадающими в обе стороны крутыми склонами. Между деревьями просматривались живописные ущелья Блэк-Ривер — зеленые, красные, золотистые заросли, крутые скальные стенки с перистыми струя-

ми водопадов. На дне теснин реки то распластывались блестящими полотнищами, то с грохотом скакали в белой пене через мшистые камни, а в воздухе над ними парили и кружили светлыми крестами белохвостые фазотны. Вскоре мы вышли к большому сухому дереву, которое торчало сбоку от тропы, нависая над ущельем, и Дэйв объявил, что именно здесь он видел соколов, отдыхающих на ветвях после очередного вылета за добычей.

Развернув сети, мы с некоторым трудом развесили их на дереве; затем Дэйв снял колпак со своей пустельги и привязал ее за лапы к сухой ветке. Пустельга взмахнула крыльями раз-другой, потом утомилась. Спрятавшись в кустарнике вдоль тропы, мы стали ждать. Я спросил свернувшегося в калачик поблизости Дэйва, кто пользуется этими извивающимися через лес узкими тропами. Наша тропа не позволяла уклоняться в сторону больше чем на шаг; зазеваешься — будешь лететь не одну сотню метров до дна долины. Если раньше не напорешься на гуайяву.

— Это тропы лесничества, — ответил он. — А еще ими пользуются возделыватели марихуаны.

— Возделыватели марихуаны? — удивилась Энн Питерс, удобно расположившаяся ниже по тропе.

— Выращивать эту травку — выгодный бизнес, — объяснил Дэвид. — Они забираются в лес, расчищают небольшой участок, снимают урожай и продают.

— Разве это не запрещено законом? — спросил Джон.

— Конечно, запрещено, — отозвался Дэйв. — У Маврикия нет армии, но есть так называемые специальные мобильные отряды, что-то вроде коммандос или американской морской пехоты, и одна из задач этих отрядов — охота на возделывателей травки. Даже с вертолетами охотятся. Не так давно я набрел на большой участок и сообщил. Давно у них не было такого улова, и я подозреваю, что надолго впал в немилость у торговцев наркотиками.

Медленно тянулись утренние часы — и вот уже полдень, самая жаркая пора. Под солнечными лучами мы чувствовали себя, как перед раскаленной топкой, и объятый зноем лес притих. В это время дня ни одно здравомыслящее существо не покидает свое убежище, и соколки, конечно, где-то отдыхали. Мы решили перекусить, расправили затекшие конечности и расположились со своими припасами на относительно широкой части тропы подле сухого дерева. Только мы от бутербродов перешли к сочным плодам манго, как на тропе показались два стройных юнца в пестрых рубашках и расклешенных брюках. Длинные, по господствующей на острове молодежной моде, черные, лоснящиеся волосы обрамляли на редкость красивые и мягкие лица. Перед преградой, образованной нашими телами и нашими яствами, юнцы остановились, робко и угодливо улыбаясь.

Д

— Добрый день, — вежливо поздоровались мы.

— Добрый день, сэр, — мягко отозвались они, приподнимая соломенные шляпы.

— Хотите пройти? — спросил Дэйв. — Проходите, только не наступите на меня.

— Что вы, что вы, сэр, — ответили они, потрясенные таким предположением, и с легкостью газелей проследовали через наши лежащие тела и припасы.

Благополучно миновав препятствие, они сказали:

— Благодарим, всего доброго, сэр, — учтиво приподняли шляпы и двинулись дальше по тропе.

Я заметил, что оба вооружены секачами.

— Что это за ребята? — полюбопытствовала Энн.

— В лесничестве таких нет, — сказал Дэйв, — стало быть, это возделыватели травки, потому что в такое время дня только они да чокнутые вроде нас бродят по лесу. И сдаётся мне, они не одни. Теперь жди их шефа.

Его предсказание сбылось: минут через пять появился еще один стройный красавчик с походкой газели. Что-то в его облике сразу выдавало горожанина. Костюм лучше сшит, и материал подороже, рубашка поэлегантнее, шляпа более стильная. При виде беспорядка на тропе он на секунду замер в нерешительности, потом подошел вплотную, обворожительно улыбаясь.

— Доброе утро, сэр, — произнес он, снимая шляпу размашистым движением. — Простите, вы не видели моих друзей?

— Видели двоих, они направились вон туда, — ответил Дэйв, как будто можно было направиться еще в какую-то сторону. — Желаете пройти?

— Э-э... нет-нет, — отозвался парень. — Я должен предупредить одного друга.

— О, у вас есть еще друг? — осведомился Дэйв.

— Да, он ждет там, сзади. Я должен сказать ему, куда пошли остальные мои друзья. Всего доброго, сэр.

— Всего доброго, — отозвались мы и проводили взглядом молодого горожанина, который топал по тропе, будто некий грациозный дымчатый представитель копытных.

— Что все это значит? — озадаченно спросил Джон.

— Возвращается, чтобы предупредить своих приятелей, — объяснил Дэйв. — Теперь они пойдут на участок нижней тропой. Она подлиннее, но не такая рискованная, как эта, где мы торчим.

Медленно тянулась вторая половина дня. Стало ясно, что нам вряд ли удастся поймать соколка. Сети убрали, Дэйв посадил свою пустельгу на

пень поблизости, и мы устроили чаепитие. А затем, к нашему удивлению, на тропе снова показался «шеф», но теперь уже с другой стороны. Когда он приблизился, бросилось в глаза, что за последние часы его, как говорится, малость укачало. Шляпа сдвинута на затылок, черные кудри спутаны, глаза мутновато-стеклянные, как у человека, которого вдруг разбудили и он еще не переступил рубеж между сном и явью. Походка его не утратила грациозности, однако в движениях ощущалась некоторая неуверенность. Подойдя вплотную к нам, он остановился и небрежно прислонился к дереву.

— Привет, — сказал Дэйв. — Хорошо прогулялись?

— Да-да, я гуляю, — подтвердил «шеф», добродушно улыбаясь. — Я гуляю по лесу.

— Хорошо провели время? — спросила Энн.

— Великолепно, мадам, — ответил он и объяснил: — Гуляю, потому что это полезно для здоровья.

Неожиданное объяснение, однако мы не стали придирааться. «Шеф» перевел сонный взгляд в глубь дикой теснины, где снежинками кружили фаттоны. Казалось, он забыл о нашем существовании. Лицо его выражало бездумное спокойствие. Внезапно он очнулся.

— Вы англичанин? — обратился он ко мне.

— Да, — ответил я.

— Из Лондона?

— Примерно, — сказал я, чтобы не вдаваться в долгие разъяснения о местоположении Нормандских островов.

— У меня в Лондоне много родственников, — заявил он. — И много родителей.

— В самом деле? — заинтересовался я.

— Очень много, — подтвердил он. — А еще у меня много родственников и родителей в Бирмингеме.

— Красивый город — Бирмингем, — заметил Джон.

— Очень красивый — и Лондон тоже. Мои родители говорят, оба города очень красивые, и... — Веки «шефа» сомкнулись, и я уже решил, что он, подобно соне в «Алисе», уснул на ходу, но тут он вдруг открыл глаза, глубоко вздохнул и продолжал: — ...Вот соберусь как-нибудь и поеду ко всем своим родителям.

— И часто вы гуляете в лесу? — спросил Дэйв.

— Часто гуляю, это полезно для моего здоровья, — ответил «шеф».

— А птицы вам встречаются? — допытывался Дэйв.

— Птицы? — «Шеф» задумался. — Птицы? Вы спрашиваете про птиц?

— Ну да, — подтвердил Дэйв. — Голуби там или попугаи.

Д

— Птицы? — снова повторил «шеф». — Как же, я встречаю птиц, а иногда и слышу, как они поют.

— Вам попался когда-нибудь маленький сокол — соколок? Его еще называют куроедом.

Последнее слово Дэйв произнес по-французски. «Шеф» посмотрел на Дэйва, потом на американскую пустельгу, которая чистила перышки в метре от нас. Он зажмурился, облизнул губы, открыл глаза, снова посмотрел на Дэйва и на пустельгу.

— Сокол? — молвил он неуверенно.

— Ну да, мы его ищем, — вяло объяснил Дэйв.

— Вы ищете маленького сокола? — «Шеф» добивался полной ясности.

— Да-да, — сказал Дэйв. — Куроеда.

«Шеф» еще раз внимательно рассмотрел Дэйва и пустельгу. Опять зажмурился и открыл глаза, явно надеясь, что птица исчезнет. Но она не исчезла.

Затруднительное положение... Может быть, пустельга — плод его воспаленного марихуаной воображения? Но стоит ли в таком случае привлекать к ней внимание? А если она настоящая, почему эти люди, у которых, похоже, есть родители в Лондоне и Бирмингеме, ее не видят? Не в силах решить столь сложную проблему, он в отчаянии озирался по сторонам. Мы старались не глядеть друг на друга, чтобы не прыснуть со смеху. В конце концов «шеф» нашел выход из положения.

— До свидания, — сказал он, снял шляпу, поклонился, переступил через наши простертые тела и нетвердыми шагами удалился вниз по тропе.

Часом позже, спускаясь к просеке, мы вновь увидели «шефа». Он сидел с книгой в руках на земле, прислонясь спиной к дереву и уплетая большущий бутерброд.

— Уже нагулялись? — добродушно осведомился он, вставая и стряхивая крошки с брюк.

— Да, теперь направляемся домой, — ответил Дэйв.

— В Лондон? — удивился «шеф».

— Нет, в Блэк-Ривер.

— Тогда всего доброго, — сказал «шеф». — А мне надо дожидаться друзей.

Мы сели в машину, и «шеф» весело помахал нам на прощание.

— Ты разобрал, что он читает? — спросила Энн.

— Нет, — ответил я, — никак не мог рассмотреть.

— «Отелло», английское издание, — сообщила она.

И я понял, что мне суждено полюбить Маврикий.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ГОЛОС РОЗОВЫХ ГОЛУБЕЙ

Наступил день, намеченный нами для охоты на розовых голубей, и, когда занялась заря (если сей оборот годится для столь хмурого утра), оказалось, что небо над Индийским океаном от края до края застилают плотные слои противных клубящихся облаков. Как и следовало ожидать, облака эти обрушили на землю потоки дождя, наиболее примечательного тем, что температурой он приближался к горячему душу. Мы смотрели на небо и чертыхались. Такая погода нас никак не устраивала по двум причинам. Во-первых, это был единственный день недели, когда мы могли рассчитывать на крайне необходимое содействие специальных мобильных отрядов Маврикия — доблестных ратников, которые под водительством английского майора Глэйзбрука должны были помочь нам в выслеживании птиц, лазании по деревьям, переноске прожекторов и (хоть бы сбылось!) поимке розовых голубей. Во-вторых, если потоп не прекратится, всякий поход в мокрый и скользкий лес будет совершенно пустой затеей.

К нашему облегчению, во второй половине дня облачный полог раздвинулся и наметились голубые просветы, словно куски мозаики на грязном шерстяном платке. К четырем часам небо совсем расчистилось, и в жарком воздухе над землей курились струйки пара. Яркое солнце высветило пойманные листвой и цветками дождевые капли, и они мерцали среди зелени ветвей, точно упавшие с неба созвездия. Ливень безжалостно исхлестал пышные деревья по бокам дороги, ведущей в лес розовых голубей, и каждое дерево, пылающее алым и желтым цветением, стояло в широком круге из мятых лепестков, будто в луже собственной крови.

В приподнятом настроении мы покатали в горы. Дорога извивалась и петляла на склонах, открывая чудесный вид сверху то на лес в обрамлении плантаций, которые с высоты казались ровными и яркими, как бильярдный стол, то на переливающееся темно-голубыми оттенками море с небрежно разложенной на его поверхности гирляндой белопенного рифа. Мелодично перекликаясь, в сверкающем влагой придорожном кустарнике кормились стаи черно-белых бульбулей с острым хохолком и красными щеками. Время от времени две птицы поворачивались друг к другу, поднимали крылья, словно ангел на могильном камне, и часто-часто помахивали ими в знак нежной любви. Несколько раз дорогу впереди стремительно перебежали стройные пятнистые мангусты — маленькие глаза хищно поблескивают, нос обнюхивает землю, предвкушая кровопускание. За очеред-

Д ным поворотом мы вдруг увидели сидящую на обочине стаю из восьми макак. Свиные глазки и отдающее фальшью надменное выражение придавали им поразительное сходство с членами правления какого-нибудь сомнительного консорциума в лондонском Сити. Старый бдительный самец испустил отрывистое «я-а-а-х», самки подхватили своих большеголовых и тощеньких, словно Оливер Твист, отпрысков, стая нырнула в стену китайских гуайяв у дороги и исчезла, как по мановению волшебного жезла.

Добравшись до питомника лесничества, мы свернули с шоссе на неровную, но вполне сносную просеку и почти сразу увидели рядом с дорогой машину Дэйва и армейский «Лендровер». Дэйв вприпрыжку кинулся приветствовать нас.

— Здорово! — крикнул он. — Нет, вы когда-нибудь видели такую погоду? Небо то черное, будто задний фасад крота, то синее, как обезьянья задница. Лило-то как — я уж думал, придется отменить всю затею. Теперь в долине внизу воды как в колодце, ну да ничего, управимся. Пошли, познакомлю вас с ребятами.

Мы выбрались из машины, выгрузили снаряжение и проследовали за Дэйвом к «Лендроверу», у которого выстроились щеголеватые воины в зеленой форме и беретах, с отливающей шоколадом кожей и с Геркулесовым телосложением. Руки и ноги — вдвое больше, чем у простых смертных, грудь — колесом, пятерней только деревья выкорчевывать, а обнаженные в широкой улыбке зубы сверкали, точно рояльные клавиши. Несмотря на исполинские пропорции этих выходцев из Бробдиньяга, улыбавшихся нам с высоты своего могучего роста, движения их отличались спокойной плавностью, присущей лошадям-тяжеловозам. Когда их огромные длани мягко сжали наши ручонки, я сказал себе, что с такими людьми лучше дружить, чем враждовать. Командира никак нельзя было отнести к недомеркам, но рядом с ними и он выглядел несколько тщедушным.

Наше войско привезло с собой сети, фонари, переносной прожектор, а также огромный бидон с чаем, без чего, как свидетельствует история, ни один британский солдат или иной воин, прошедший британскую выучку, не в состоянии функционировать гладко и эффективно, когда надо перехитрить и одолеть противника. Распределив между собой диковинное снаряжение, мы зашагали гуськом по узкой тропе сквозь кустарник, который припас для нас столько влаги, что уже через сто шагов мы промокли насквозь до пояса. Затем тропа нырнула в долину, и дальше путь шел через заросли прямых китайских гуайяв, чередующихся где с искривленными черными стволами эбенового дерева, где с группой древа путешественников, напоминающего воткнутый в землю изящный веер восемнадцатого века. Крутую тропу узловатыми венами пересекали корявые корни. И столько воды кругом, что после каждого шага оставались лужицы, точно осколки раз-

битого зеркала в мягкой и скользкой грязи карамельного цвета, которая в створе с корнями норвила сломать вам ногу, как ломают хрусткий грифель. Солнце склонялось к западу, и косые тени еще подбросили нам хлопот. По мере того как мы, скользя и спотыкаясь, спускались в долину, воздух становился все гуще и горячее, и к окружающей влаге добавился наш собственный пот. После крутого откоса, по которому мы буквально скатились, смешанный лес сменился кущами темно-зеленых криптомерий с тяжелыми пучками хвои, напоминающих на первый взгляд какие-то особенно ершистые сосны.

— Долина Розовых Голубей, — гордо возвестил Дэйв. — Не сразу я ее отыскал, пришлось порыскать. Большая часть стаи обретаеся здесь.

Не успел он договорить, как с деревьев слева от нас донесся громкий, хриплый, влекущий призыв: «Кару-у, кару-у, кару-у, ку-у, ку-у, ку-у».

— Ага! — воскликнул Дэйв. — Слышите? Что-то они сегодня рано явились.

В приливе восторга он запрокинул голову и воспроизвел переключку целой стаи голубей, изображая широчайшую гамму чувств — от злобы до искательной любви. Голуби примолкли, явно пораженные этим внезапным звуковым каскадом; так человек, напевающий в ванне, наверное, был бы ошарашен, подпой ему вдруг ансамбль песни и пляски Советской Армии.

— Чудо, — удивился Дэйв. — Обычно они отвечают. Ладно, давайте-ка лучше рассыпемся и приступим к поиску, они вот-вот начнут устриваться на ночевку.

Выполняя его указания, мы рассыпались и начали пробираться сквозь криптомериевую чащу, высматривая деревья, обеспечивающие хороший обзор, или же прогалины, позволяющие без помех следить за прилетом голубей. Я заметил на склоне большую криптомерию с сучьями почти от самой земли, так что лезть на нее было все равно что подниматься по трапу. В десяти-двенадцати метрах над землей я втиснулся в удобную развилку, снял с шеи бинокль и приготовился к встрече с розовыми голубями. С моего наблюдательного пункта открывалось широкое поле зрения, включающее ту часть лесистого откоса, где, заверил меня Дэйв, собирались на ночь голуби.

В ожидании я размышлял над своеобразным методом отлова, который разработал Дэйв. Птицеловы прибывают на место перед самым заходом солнца и ждут прилета голубей. С началом сумерек птицы, неторопливо взмахивая крыльями, направляются к дереву, избранному ими для ночевки. Ваше дело — взять это дерево на заметку. Когда стусится мрак (лунные ночи — смерть для таких предприятий), участники охоты подходят с фонарями к дереву, окружают его и направляют лучи света на спящего голубя. Затем вы живо лезете вверх по стволу и либо руками, либо сетью,

Д

напоминающей сахарные щипцы, хватаете птицу, которая при этом продолжает крепко спать или же пребывать в таком голубином оцепенении.

Послушать — ни за что не поверишь, что так можно кого-нибудь поймать, однако я слишком много поездил и повидал разных способов звероловства, чтобы спешить с выводами.

Солнце опустилось совсем низко, и темно-голубое с металлическим оттенком небо как-то потускнело и посерело. Лощина переливалась зеленью и золотом, и весь пейзаж дышал миром и покоем. Внезапно на ветвях над мной появилась стайка зеленых белоглазок — маленьких хрупких пичуг с бледно-желтым кольцом вокруг глаз. Взволнованно чирикая и пересвистываясь, они исполняли причудливые акробатические трюки, выискивая крохотных насекомых среди иголок. Я сложил губы трубочкой и пискнул. Пичуги реагировали очень потешно: разом перестав стрекотать и добывать себе ужин, они собрались на толстом суку и воззрились на меня через свои монокли. Я снова пискнул. После секундного замешательства белоглазки возбужденно зачирикали и стали приближаться ко мне. Вот они уже оказались на расстоянии вытянутой руки; я продолжал пищать, и пичуги, все больше волнуясь и наклонив голову набок, придвинулись еще ближе. Повиснув вниз головой меньше чем в полуметре от моего лица, они озабоченно рассматривали меня и обсуждали сей странный феномен пронзительными тоненькими голосками. Я приготовился к тому, что белоглазки вот-вот усядутся на меня, но в эту минуту над гребешком пролетели два розовых голубя и опустились на криптомерию метрах в пятнадцати от моего дерева. Я поднес к глазам бинокль и спугнул этим мою лилипутскую публику.

— Только что два пролетели! — крикнул Дэйв с берега речушки на дне долины. — Кто-нибудь их приметил?

Он говорил мне, что голуби совсем ручные, и все же я с удивлением смотрел, как эта пара воркует и кивает у себя на дереве, не обращая внимания на человеческий голос.

— Я приметил! — крикнул я в ответ и снова подивился, как это птицы не улетают в испуге.

Они сидели рядышком друг с другом, время от времени соприкасаясь клювами в голубином страстном поцелуе, и грудь их отливала нежным цикламеновым оттенком в лучах заходящего солнца. Один из них, очевидно самец, то и дело кланялся и громко ворковал, при этом самка, подобно всем горлицам, ухитрялась выглядеть в одно и то же время безучастной, негодующей и истеричной — ни дать ни взять манерная девица, настроившаяся на меланхолию.

Вскоре появились еще голуби, общее их число выросло до шести, и каждого из вновь прибывших приветствовали возгласы кого-нибудь из членов нашего отряда. Наблюдая в бинокль, я увидел, как пара голубей, при-

летев из-за гребня, опускается на ветку в полутора-двух метрах от майора Глэйзбрука, который старательно карабкался на разлапистую макушку криптомерии по ту сторону долины. Один голубь сел рядом со мной и несколько минут сосредоточенно созерцал меня, прежде чем решил, что лучше поостеречься, и улетел. Как тут не поражаться, что столь ручные (а может быть, просто глупые?) птицы, идеальная мишень для неразборчивого стрелка, еще не перевелись совсем.

Примостившись поудобнее, мы продолжали наблюдать за голубями, и, когда по долине поползли вечерние тени, птицы стали медленно перелетать с дерева на дерево. Пара, за которой я следил, снялась с места и пропала среди ветвей, но только я приготовился слезать на землю и отправиться на поиски, как они появились опять и уселись на высоком суку. Вид у них был довольный и убогатворенный, и я надеялся, что они сделали наконец свой выбор, но, когда я уже едва различал их в сумерках, голуби, к великой моей досаде, снова взлетели. К счастью, они ограничились тем, что поднялись на другой сук, метров на шесть-семь повыше, и утомонились. Вскоре вся долина погрузилась во мрак. Поминутно рискуя сорваться, я осторожно спустился на землю. В глубине долины Дэйв по каким-то лишь ему ведомым соображениям вздумал изобразить стадо кабанов — плескаясь в ручушке, хрюкал, ухал и повизгивал так похоже, что не отличить от натуры. Казалось, цель этого концерта — лишить сна всех розовых голубей в округе, но они зная себе продолжали мирно почивать, явно привычные к таким звукам.

У меня пересохло во рту, и по пути к дереву, на котором спали мои голуби, я сорвал несколько сочных алых плодов гуайявы, чтобы утолить жажду их кисловатой мякотью. Сев на землю и прислонясь спиной к стволу голубиной спальни, я съел целую горсть. С приходом темноты начался концерт цикад. Мало того что их резкий, пронзительный стрекот беспощадно сверлил уши и череп, он еще обладал своего рода чревовещательным эффектом: цикада изощряется в пении метрах в десяти от тебя, а чудится, будто она сидит на твоём плече. На бледно-изумрудном тельце длиной около трех сантиметров крылышки мерцали, словно матированное стекло церковных окон, а глаза насекомого отливали золотом.

Под неистовый звон цикад я размышлял над ожидающими нас проблемами. Поскольку мы были вынуждены сообразовать голубиную операцию с возможностями оперативного отряда маврикийских богатырей, пришлось остановиться на этом вечере, не дожидаясь безлунных ночей. А это означало, что нам теперь следует действовать побыстрее и попытаться отловить птиц раньше, чем лунный полукруг озарит лес, освещая голубям путь к отступлению.

Д Вскоре отряд в полном составе собрался у моего дерева, чтобы разработать стратегию предстоящей операции. Поскольку все засеченные нами розовые голуби (счетом пять особей) расположились на ночевку в самых разных концах криптомериевой рощи, постановили начать с птицы, которая избрала наиболее низкое и удобное для лазанья дерево поблизости от тропы, и затем постепенно двигаться дальше. Сказано — сделано: мы окружили дерево номер один, включили фонари и направили слепящий луч прожектора на ветви на высоте около десяти-двенадцати метров, где сидел тучный, сонный и озадаченный голубь.

Казалось, нет ничего проще, как вскарабкаться по стволу и схватить птицу руками или накрыть сачком, однако при ближайшем рассмотрении выяснилось, что конструкция дерева не позволит сделать это бесшумно, а от поднятого нами треска голубь мог преодолеть страх и нырнуть в ночную темноту. Проснувшаяся птица с благодушным интересом наблюдала, как мы шепотом совещаемся внизу. Решили, что сержант — хоть и самый рослый среди наших геркулесов, зато лучший древолаз — взберется на одно из соседних деревьев, а длиннорукий Джон Хартли на другое, и оба поищут наверху подходящую позицию для решительных действий. Дальше этого наши планы пока не шли, поскольку для человека, болтающегося в воздухе на высоте десяти с лишним метров, все выглядит несколько иначе.

Чрезвычайно ловкий, несмотря на тяжелый вес, сержант полез на свое дерево, долгоногий Джон Хартли — на свое. Голубь, слегка наклонив голову набок, увлеченно и без тени тревоги наблюдал за их подъемом. Ловцы одновременно поравнялись с его насестом, и после короткой передышки сержант хриплым шепотом донес, что может подползти по ветке достаточно близко, чтобы дотянуться до птицы сачком. Мы нетерпеливо призвали его исполнить задуманный маневр. Казалось, ветка, по которой только белке бегать, ни за что не выдержит тяжести ста тридцати килограммов костей и мышц, однако чернокожий Голиаф, к нашему удивлению, благополучно добрался до ее конца и протянул вперед орудие лова. Как я уже говорил, оно напоминало щипцы для сахара с сачками на концах, которые захватывали добычу, если соединить их быстрым движением.

При виде ловушки голубь проявил первые признаки настороженности, а именно: наклонил голову набок и дернул крыльями. Тем временем сержант установил, что не дотягивается до птицы примерно на метр, надо перебираться выше. Поскольку голубь начал заметно нервничать, мы решили погасить наши светильники, предоставляя сержанту выходить на новую позицию в темноте. Спустя некоторый промежуток времени, заполненный цветистой бранью, сержант доложил, что передислокация благополучно завершена.

Включив свет, мы с удивлением обнаружили, что голубь воспользовался случаем соснуть, спрятав голову под крыло. Когда снова зажглись огни, он недовольно выпростал голову, явно раздраженный нашей назойливостью. Сержант, цепляясь за новую, столь же непрочную опору, с отчаянным видом маневрировал ловушкой. Затаив дыхание, мы смотрели, как сачки приближаются к птице; с неожиданным проворством голубь вдруг отпрыгнул в сторону, однако улетать не стал. Прильнув всем телом к злоеде поскрипывающей ветке, сержант подался вперед и снова взмахнул сачками. На сей раз они сомкнулись вокруг добычи, но при этом ветка так сильно наклонилась, что сержант был вынужден отпустить ловушку, чтобы не сорваться вниз.

Онемев от ужаса, мы следили за ее падением. В полете «щипцы» раскрылись, так что только один сачок удерживал нашего драгоценного розового голубя, и он вполне мог выскользнуть из ловушки. Какой-то сук перехватил ее, и она повисла в воздухе. Голубь нерешительно взмахнул крыльями раз-другой, и мы приготовились увидеть, как он освобождается из плена и исчезает в крошечной тьме среди криптомерий. Однако наш пернатый узник, посопротивлявшись для видимости, покорился своей судьбе — и слава богу, поскольку ловушка едва держалась на ветке.

Тем временем мы рассмотрели, что упомянутый сук, устремляясь под острым углом вверх, почти дотягивается до того дерева, на котором прилежал Джон Хартли. Видя это, Джон быстро спустился до нужного уровня и пополз по ветке, пока не очутился всего лишь в метре с небольшим от ловушки. С величайшей осторожностью он потянулся к «сахарным щипцам». На какое-то мгновение мне показалось, что у Джона руки коротки, но тут его пальцы, к моему облегчению, обхватили устье сачка. Розовый голубь наш!

Осторожно подавшись назад в зеленую глубь криптомерии, Джон переахнул птицу в припасенный для такого случая мешочек из мягкой ткани, после чего бережно опустил добычу вниз на бечевке. Темная хвоя расступилась, пропуская качающийся мешочек, я благоговейно принял его двумя руками, с великой осторожностью развернул и предъявил Дэйву пленника. Голубь спокойно лежал на моих ладонях и не думал вырываться, только помаргивал, как бы слегка удивленный необычным приключением. Окраска его даже при искусственном освещении была великолепна: крылья и спинка светло-шоколадные, гузка и хвост ржаво-красные, широкая грудь, шея и голова светло-серые с цикламеновым отливом. Удивительно красивая птица.

Рассматривая ее вблизи, осязая пальцами шелковистое оперение, улавливая ровное дыхание и трепетное биение сердца, я вдруг ощутил глубокую печаль. Передо мной была одна из тридцати трех особей погибающего

А вида, который, подобно жертвам кораблекрушения, влачил зыбкое существование на криптомериевом плоту. Вот так же в свое время крохотная группа дронов, последних представителей безобидного неуклюжего рода, истребляемого свиньями, собаками, кошками, обезьянами и человеком, встретила свой смертный час и сгинула навеки, потому что некому было подумать об этих птицах и поместить их в надежно охраняемый питомник. С нашей помощью теперь хоть розовым голубям предоставлялась возможность выжить, несмотря на то что их численность сократилась до угрожающе малой цифры.

На поимку голубя ушло столько времени, что луна успела подняться высоко над горизонтом, а небо, как назло, было совершенно безоблачным, так что продолжать охоту не было никакого смысла: при таком ярком свете птицы могли спокойно летать. Первая же попытка влезть на следующую криптомерию кончилась тем, что голуби снялись, хлопая крыльями, и исчезли в долине. Выслеживать их было бы пустой тратой времени. Обливаясь потом, скользя и спотыкаясь, мы выбрались из долины на глазурированный лунным сиянием простор. Язык не поворачивался роптать: ведь с нами была драгоценная ноша — розовый голубь. В такой местности с первой попытки поймать одну из уцелевших тридцати трех птиц — это ли не чудо!

Возвратившись в гостиницу, мы приняли душ, переоделись, смазали комариные укусы и собрались в столовой.

— А почему бы не отпраздновать наш улов? — предложил я. — Что вы скажете насчет дюжины устриц и жареного омара с салатом, а на третье — бананы в жженке и хорошее белое вино?

Энн и Джон сочли, что для легкого ужина это будет совсем неплохо, и я продиктовал заказ официанту, коего родители нарекли Горацием. Через некоторое время официант вернулся.

— Простите, сэр, — обратился он ко мне, — но я сожалею об омарах.

Хотя английский — официальный язык Маврикия, мне уже приходилось сталкиваться с затруднениями. Не так-то просто привыкнуть к маврикийскому обычаю говорить для краткости «стоит» вместо «не стоит благодарности». И вот передо мной новая проблема. Гораций сожалеет об омарах. Может быть, он штатный сотрудник Королевского общества борьбы против жестокого обращения с животными, и сама мысль о кончине восхитительных ракообразных внушает ему такую скорбь, что он не в силах заставить себя подать нам это блюдо? По виду его этого нельзя было сказать, но я все же не хотел бы огорчить нашего учтивого официанта.

— Почему вы сожалеете об омарах, Гораций? — мягко осведомился я, готовый разделить его добрые чувства.

— Потому что омаров нет, сэр, — ответил Гораций.

Мы довольствовались рыбой.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОСТРОВ КРУГЛЫЙ

В отличие от большинства морских экспедиций в тропиках наша вылазка на остров Круглый увенчалась полным успехом. Если не считать, конечно, что Вахаба укачало, Дэйв получил тепловой удар, а я сделал серьезную заявку на олимпийскую золотую медаль за самое длинное и болезненное скольжение по склону на локтях, когда-либо совершенное на данном острове.

Подъем в четыре утра в незнакомой гостинице всегда как-то отрезвляет, особенно если по горькому опыту, приобретенному в других частях земного шара, подозреваешь, что ты — единственный член экспедиции, который достаточно неразумен, чтобы являться к месту сбора вовремя или вообще являться. Меня неизменно грызет чувство вины, когда приходится вставать в гостинице ни свет ни заря, и я считаю своим долгом двигаться возможно осторожнее, чтобы не потревожить менее эксцентричных постояльцев. Увы, передвижение по незнакомой территории неизбежно сопряжено с трудностями. В данном случае трудности начались с поисков выключателя, в ходе которых была опрокинута тумбочка вкупе с графином, стаканом, часами и тремя брошюрами о фауне острова Круглого. Затем раздался грохот сорвавшегося сиденья унитаза (некое подобие пушечного залпа прямо в лоб крепко спящим соседям), сопровождаемый частым ружейным огнем (это водопровод прочищал свою глотку) и рыканьем души, которое в сей предрассветный час смахивало на чудовищное извержение Кракатау в 1883 году. Во всем этом безотрадном спектакле меня утешала лишь мысль о том, что теперь-то уж мои товарищи, коим давно пора встать, непременно проснутся.

В конце концов, борясь с сонливостью, мы погрузили в машину весь положенный звероловам инвентарь (мешки для змей, сачки, бутылки, бечевку, а также фотокамеры и бинокли), разместились сами и покатались по глянцевой от ночного дождя дороге между шуршащими стенами сахарного тростника в сторону местного яхт-клуба, на пирсе которого была назначена встреча с остальными членами отряда. На полпути мы едва не разминулись с Дэйвом — он весьма искусно и целеустремленно гнал свою машину в противоположную сторону. К счастью, Дэйв вовремя заметил нас, повернул и пристроился сзади. Вскоре после этого мы увидели стоящую под деревом машину Вахаба. Он ждал нас, чтобы указывать путь, и его белозубая улыбка озорного школьника выражала такой задор, что мы немедленно прониклись верой в успех нашего предприятия и убеждением, что ради него подъем в четыре утра — сплошное удовольствие.

Д Прибыв во владения яхт-клуба, мы поставили машины под деревьями. Уповав на отсутствие в столь ранний час членов садовой комиссии, Джон и я покусились на живую изгородь и срезали длинные палки, чтобы сделать удочки для лова ящериц, после чего наш отряд с полными сумками провианта и снаряжения проследовал к пирсу и осмотрел выделенное нам судно.

Оно смахивало на кукольный буксир: крохотная носовая палуба, закрытый бридждек и колодезная палуба с лакированными скамьями по периметру. Сверху колодезную палубу защищала крыша, в остальном же она была открыта для стихий. Курносая и с виду норовистая посудинка производила впечатление трудяги, которому не до забот о своей внешности, и уже это внушило мне доверие к ее мореходным качествам. Латунная пластинка извещала, что суденышко построено около двадцати лет назад в Колчестере, известном своим... пехотным училищем. Вступая в жизнь, он носил отдающее душегубством имя «Корсар», но затем его переименовали в «Дораду».

На борту «Дорады» уже находился двуногий прямоходящий груз: лихой капитан в форменной фуражке, помощник капитана, смахивающий на Хайле Селассие в юности, смуглый маленький ныряльщик (видимо, на случай, если мы пойдем ко дну), благодушный судейский чиновник-мусульманин (друг Вахаба), Тони Гарднер, и три лесника (тоже из «команды» Вахаба); далее некий дородный джентльмен, его сонная пухлая супруга и еще две особы женского пола — эта четверка щеголяла в ослепительно белых нарядах, более уместных, показалось мне, на берегах Темзы во время Королевской регаты, чем на неприютном острове Круглом. И когда мы присоединились к этой группе, я невольно подумал, что вместе мы чем-то напоминаем пеструю братию, сопровождавшую Беллмэна во время охоты на Снарка.

Последовали неизбежные в таких случаях крики, споры и перераспределение людей, наконец наш багаж был уложен надлежащим образом, и сами мы благополучно разместились на колодезной палубе. Отдали швартовы, и добрая, крепкая «Дорада» заскользила по бархатисто-черному морю, пестрящему бликами тусклых звезд, — небо на востоке уже светлело, контрастируя с темным легионом маленьких кучевых облаков, похожих на стадо курчавых черных овечек, пасущихся на серебристом лугу. Море вело себя на удивление тихо, дул приятный теплый ветерок, и те из нас, кто сомневался в мореходности своих внутренних органов, заметно успокоились.

Вскоре слева от нас возникла сумрачная громада острова Ганнерс-Куйн, или Пушкарский Клин, названного так за сходство с треугольным куском дерева, которым в старину изменяли вертикальную наводку пушечного ствола. Правда, мне он скорее напомнил нос «Титаника», уходящего

под воду кормой вниз. Серебристая заря сменилась желтой, и ползущие над горизонтом барашки налились густой чернью в золотой оправе, а те, что паслись повыше, стали синевато-серыми с нежной росписью из пурпурных полос и пятен. Тем временем вдали возник силуэт острова Флат (сиречь Плоский), вполне отвечающего своему прозвищу, если не считать бугра на конце. За ним показался остров Серпент, или Змеиный, похожий на опрокинутую форму для пудинга, и наконец — наш пункт назначения, остров Круглый, который вовсе не выглядел круглым. Скорее, при некотором воображении, его можно было сравнить с лежащей на воде головастой черснaxой.

— Послушай, — обратился я к Тони, поскольку географическая номенклатура, как и зоологическая, подчас нуждается в толковании, — ты не можешь объяснить мне непоследовательность в наименовании этих двух островов?

— Каких именно? — спросил Тони, исторгая из своей трубки клубы ароматного дыма.

— Круглого и Змеиногo.

— Не понял, — недоумевающе произнес Тони.

— Ну как же: Змеиный — круглый, и на нем совсем не водятся змеи, а Круглый — вовсе не круглый, но на нем обитают два вида змей.

— А ведь и в самом деле странно, — согласился Тони. — По-моему, их просто перепутали, когда составляли карту. Сам знаешь, всякое бывает.

— Наверно, ты прав, — сказал я. — У меня однажды была официальная карта Камеруна, так на ней один крупный город разжаловали в деревню да еще перенесли на триста с лишним километров к северу от его истинного местоположения.

Постепенно все небо окрасилось в серо-голубой и нежно-розовый цвета, и облака стали гладкими и белыми, громоздясь на горизонте, словно деревья в снежном уборе. Внезапно из этого кучевого леса тигром выскользнуло солнце и выжгло на поверхности моря блестящую световую дорожку, которая даже в столь ранний час обдала жаром нашу «Дораду».

Чем ближе мы подходили к острову Круглому, тем нелюдимее он казался. Солнце всходило как раз над ним, так что нашим глазам в основном представлялся торчащий из моря силуэт с рваной пальмовой оторочкой поверху. Наш добрый кораблик проталкивался через пологие синие валы, пусть не буйные, но полные дремлющей до поры могучей силы, словно мускулы сонной голубой пантеры.

— Счастье, что нет волнения, — заметил Тони. — Поверишь, я еще никогда не видел такого спокойного моря.

Иной раз на высадку уходит не меньше часа. Бывает и так, что приходится обрубать якорь, если застрянет под выступом там под водой.

Д

— Знаю, — отозвался я. — Читал с почтением и даже с трепетом записки Пайка о его пребывании на острове Круглом. Описание первой высадки заставляет призадуматься.

— Что правда, то правда, — сказал Тони. — Незаурядный был человек.

Николас Пайк — один из тех неутомимых путешественников XIX века, коим так обязаны нынешние натуралисты и зоологи. Облаченные в предельно неудобную одежду, зато наделенные острым всеобъемлющим умом и обуреваемые неутолимой жаждой к познанию, они странствовали по всему свету, кропотливо записывая свои наблюдения, причем большинство из них отличает своеобразная архаичная манера письма и чувство юмора, подобное которому теперь найдешь разве что в старых выпусках «Панча». Их отчеты о виденном и собранном полны свежести, энтузиазма и очарования, чего не скажешь о большинстве бесцветных страноведческих книг, навязываемых нам путешественниками-натуралистами реактивного века. Вот, например, рассказ Николаса Пайка о первой высадке на острове Круглом.

«Сразу было видно, что все, говоренное мне о трудностях высадки, не преувеличение. По счастью, наши рыбаки искусно подошли к делу. Судно остановилось в нескольких футах от омываемого прибоем плоского камня, который играл роль пристани.

Теперь оставалось ждать, когда представится возможность одному из членов команды прыгнуть на берег с канатом, чтобы можно было удерживать судно носом к острову. Как только это было выполнено, канат надежно закрепили за железные кольца, помещенные здесь для этой цели много лет назад, после чего началась выгрузка нашего провианта, воды и пр.

Но вот весь груз благополучно переправлен на берег, и мы стали выживать, когда волна поднимет судно, и по очереди совершали прыжок, от которого замирало сердце; и требовался верный глаз и устойчивая нога, чтобы твердо приземлиться на скользкий камень.

Если бы наше суденышко, качаясь на десять-двенадцать футов по вертикали, врезалось носом в отвесный выступ, мы в два счета отправились бы вместе с ним рыб кормить. Глубина здесь около четырех морских саженей».

Наша «Дорада» то скатывалась в ложбину между волнами, то взмывала вверх на лоснящемся синем гребне, и я вполне понимал чувства Пайка. Прощупывая взглядом приближающиеся скалы, я пришел к выводу, что здесь только горный козел может высадиться.

— А где же пристань? — спросил я Тони.

— Вон там, — он небрежно показал рукой на скалистый обрыв. — Тот плоский камень, на который высаживался Пайк.

Присмотревшись, я с трудом различил выступающую каменную площадку не шире обеденного стола, перед которой зловеще толпились волны прибоя.

Вон там? — усомнился я.

Там, там, — подтвердил Тони.

Не сочти меня излишне привередливым, — сказал я, — только, на мой взгляд, чтобы там зацепиться, нужно одновременно обладать способностями шерпа и сверхпроворного геккона.

Не беспокойся, Джерри, — усмехнулся Вахаб, — больше одного риска не умрешь.

Знаю, — ответил я. — Оттого-то и не хочется раньше времени прощукать единственную возможность.

Никогда еще не видел такого спокойного моря, — серьезно сказал Тони. — Запросто высадимся.

На носу «Дорады» закипела работа, якорь с рокотом шлепнулся в пролициную, словно джин, воду и лег на дно на глубине шести-семи саженей.

Вот и пещерка, где укрывался Николас Пайк, когда налетел циклон. — Вахаб показал на подковообразную выемку в скале рядом с пристанью.

Свод с тех пор обрушился, но примерные очертания еще видно, — добавил Тони.

Глядя на углубленный в скалу полукруг, где сейчас совсем не по-рыбьи ползали по камню черные полчища лоснящихся ильных прыгунов и снова-ли стайка алых и пурпурных крабов, я с почтением вспоминал жуткий расквиз Пайка; передо мной было то самое место, где он едва не остался без своих невыразимых:

«Как мы ни торопились, а стихии еще энергичнее собрались с силами; около половины седьмого море внезапно пошло на приступ, и вот уже огромные валы высотой десять-двенадцать футов обрушились на плоский камень, где наш отряд высадился всего двумя часами раньше. Струи захлестывали наши бочонки с водой, которые стояли в полусотне ярдов от камня на высоте двадцати пяти футов, и вскоре ворвались в пещеру, лишь немного не доходя до места, откуда мы с тревогой созерцали эту картину, и отрезая нам путь к отступлению.

Как только обнаружилась внезапная перемена погоды, капитан судна поднял якорь и стал уходить от шторма, и вскоре мы потеряли его из виду за могучими валами.

Теперь наши усилия сосредоточились на спасении всего, что можно было спасти, однако задолго до того, как мы управились с этим делом, спустилась ночь, и небо заволокли тяжелые тучи. Гора содрогалась от глухих расквизов грома, яркие молнии озаряли своими вспышками клочущие, пени-

Д

стые волны под нами, которые бешено бились о камни, окатывая нас брызгами.

Ко всем нашим бедам добавился еще и проливной дождь, и вскоре несущиеся по склонам ручьи перевалили через выступ, образующий кровлю нашей пещеры. Поток двадцатифутовой ширины нес с собой большие и малые камни, которые с силой ударялись о дно пещеры и отскакивали в море, а иногда наносили и нам ощутимые удары. Мы оставались на месте, и море, наступая на наше убежище, постепенно оттеснило нас в дальние углы; приходилось крепко держаться за выступы, чтобы нас не смыло. Излишне острые переживания не доставляли нам никакого удовольствия; было ясно, что надо что-то предпринять, чтобы выбраться из коварной ловушки.

Накануне мы прочно укрепили веревку на скале выше пещеры, так что конец ее свисал с выступа. Правда, он свисал в самой низкой части козырька, где скатывалась основная часть потока. К счастью, веревка была длинная, и мой товарищ выбрался из своего укрытия, улучил минуту, поймал конец и, вцепившись мертвой хваткой, сумел подтянуть веревку и сдвинуть ее в сторону от каскада, так что она легла на выпуклую часть скалы, образующую тридцатифутовый отвес. Это был самый отважный поступок, какой я когда-либо наблюдал, притом совершенный с риском для жизни; один неверный шаг — и ничто не спасло бы его. Да и то ему сильно ушибло летящим камнем голову и бок.

Ничуть не обескураженный, этот смельчак, самый маленький и легкий среди нас, первым полез вверх по веревке, и должен сказать, что мы с великой тревогой ждали сигнала о благополучном завершении подъема: ведь никто не мог поручиться, что веревка выдержит или что наш храбрец устоит против натиска ветра и ливня.

Наконец, к величайшей нашей радости, мы сквозь рев стихий услышали его долгожданное «все в порядке!». Настала моя очередь; оставшись лишь в брюках и старой синей рубашке, я взялся за веревку, подтянулся к отвесу и полез вверх, перехватываясь руками. Несладко было болтаться в воздухе между жизнью и смертью — сорвись рука, и я полетел бы в зияющую пучину. Вскоре я поднялся настолько, что мог отдохнуть, упираясь ступнями в камень, и услышал подбадривающие возгласы моего друга; казалось, голос его доносится до меня с небес. Я выбрался наверх с чувством неопишуемой благодарности, хотя ободренные руки и ноги кровоточили, не говоря уже о потере большей части моих невыразимых».

Наша высадка на остров Крутлый прошла куда более мирно. Как только якорь зацепился за грунт, Тони и ныряльщик, захватив по канату, скользнули за борт, точно каланы, и быстро закрепили концы на берегу. Подобно

тому как паук, натянув шелковистую нить, бежит по ней, когда попадется добыча, так и нам предстояло подтягивать к пристани шлюпку, держась за канаты. Итак, мы погрузили в шлюпку провиант и снаряжение, втиснулись сами и направились к берегу.

Теперь, когда мы подошли вплотную, гора закрыла слепящий солнечный диск, и мы могли оценить своеобразие геологического строения острова Круглого. Он сложен туфом, и ветры вместе с дождями избороздили мягкую породу поперечными и продольными складками, так что остров напоминает лежащий на поверхности моря огромный каменный кринолин с торчащими тут и там башенками, арками и аркбутанами. И на весь остров, отметил я с огорчением, только один ровный участок — каменистая площадка, играющая роль пристани. В остальном же — сплошные неприступные на первый взгляд кручи.

Однако сейчас было некогда раздумывать, чем нам грозит Круглый: настала трудная минута высадки. Конечно, наши трудности не шли ни в какое сравнение с тем, что выпало здесь на долю Пайка, и все же, хотя мои друзья никогда не видели более спокойного моря, волны достигали метровой высоты, и нос шлюпки с треском бился о каменную плиту. В принципе сойти на берег было не сложнее, чем шагнуть на детский столик со спины кони-качалки, но, убедившись, как нещадно колотит шлюпку слабый, по видимости, прибой, я живо представил себе, что будет с моими костями, если я оступлюсь и нога окажется между бортом и камнем. Впрочем, выгрузка прошла без урона для людей и снаряжения, мы разобрали корзины и сумки и следом за Вахабом и Тони двинулись вверх по склону между причудливыми каменными изваяниями.

— Хороши скалы? — выдохнул Дэйв. — Где еще ты видел такую чертовски красоту! Этаким местный Большой Каньон!

В небе над нами белым мальтийским крестом висел, сварливо крича, белохвостый фаэтон, и Дэйв остановился, чтобы отереть пот со лба и ответить птице зарядом брани на ее родном языке. Озадаченный фаэтон скользнул по ветру вбок и пропал.

— Где еще ты видел таких чертовски красивых птиц? — спросил Дэйв.

Я не ответил. Нагруженный портативным холодильником с прохладительными напитками, а также фотоаппаратами и биноклями, я был не в силах говорить, не то что заниматься звукоподражанием, и только дивился, откуда у Дэйва хватает дыхания на эти упражнения. Гладкую с виду поверхность скалы кое-где покрывала тонкая корка, которая шелушилась не хуже, чем спина оголтелого любителя загара, а в других местах лежала мелкая крошка. Наступишь неосмотрительно — поскользнешься и съедешь назад на метр-полтора, а повезет — по склону прямо в море. Хотя часы по-

Д казывали всего семь утра, воздух уже пропитался зноем, влагой и липкой морской солью, и пот катил с нас ручьями. Снаряжение с каждым шагом делалось тяжелее, и склон казался все более отвесным. Шедший первым Вахаб остановился и с улыбкой поглядел на нас, вытирая потное бронзовое лицо.

— Теперь уже немного осталось, — сообщил он. — Вон дерево экскурсантов.

Проследив за его указательным пальцем, я увидел высоко над нами недостижимые, как вершина Эвереста, причудливые веерные листья пандануса, который словно махал нам зелеными руками. Понадобилась целая вечность, чтобы добраться до дерева, опирающегося на толстые ходульные корни. Мы с облегчением опустились на землю с пятачками тени, укрыли от солнца свои припасы и стали отбирать снаряжение, необходимое для охоты. Внезапно со всех сторон, точно вызванные дудочкой незримого волшебника, высыпали полчища больших, блестящих, тучных сцинков с живыми умными глазами.

— Глядите! — прохрипел Джон; у него даже очки запотели от волнения. — Нет, вы поглядите! Сцинки Телфэра!

— Они самые, — улыбнулся Вахаб восторгу Джона. — Они совсем ручные. Всегда присоединяются, когда кто-нибудь устраивает привал под деревом. Мы их покормим потом.

— Вы когда-нибудь видели такую чертовскую прелесть? — попытывался Дэйв. — Посмотрите на этих негодников. Ручные, что твои кролики!

Плотные, длиннохвостые и коротконогие ящерицы были хороши собой. Высоко подняв голову, они легкими скользящими движениями подбежали к нам и принялись лазить по нашему имуществу. Кожа окрашена в строгий, но приятный серый или коричневый цвет; когда же угол освещения менялся, чешуйки вдруг, подобно мозаике, вспыхивали пурпуром, зеленью, синью и золотом, переливаясь, будто радужная пленка нефти на придорожной луже. Сцинки Телфэра, *telfairii*, относились как раз к одному из тех видов, ради которых мы совершили столь далекое путешествие, и они вовсе не стремились ускользнуть, напротив, сами встретили нас и приступили к скрупулезному досмотру нашего багажа не хуже настоящих таможенников в элегантной форме.

Поскольку этим особям явно не терпелось попасть в плен, мы решили направить свои усилия на два других нужных нам вида, а именно на геккона Гюнтера, представленного на острове всего пятью сотнями особей, и на маленького сцинка, область обитания которого, как ободряюще сообщили нам Тони и Вахаб, ограничивалась самой вершиной Круглого. Тони полагал, что лучше всего начать с гекконов, поскольку они водятся на одиночных пальмах западного склона, где солнце еще не так лютовало.

Перед тем как нам идти дальше, Вахаб торжественно раздал припасенные для участников охоты соломенные шляпы. Самые широкополые были предназначены для гостей, себе же Вахаб взял роскошный фуксиново-белый, с розовыми лентами, капор своей супруги. Важно надел его и несколько удивился, услышав наш смех.

- Солнце-то вон какое, — объяснил он. — Без шляпы нельзя.

- И она тебе очень идет, Вахаб, — сказала Энни. — Не обращай на них внимания, просто они завидуют.

Утешенный ее словами, Вахаб расплылся в ослепительной улыбке и уже до конца дня не расставался с забавным головным убором.

Мы высадились на восточном берегу и теперь пробирались по сухому склону между редкими пальмами и кущами пандануса к северной оконечности острова. В дополнение к ровным продольным складкам и гребешкам зимние дожди и недавний циклон (незаслуженно получивший нежное имя Жервез) пропахали в мягком туфе от крутых верхних склонов до самого моря длинные глубокие борозды, по которым скатывались крупные камни и остатки скудного почвенного слоя. Некоторые борозды достигали трех-пяти метров в глубину и двенадцати-пятнадцати в ширину. Пыхтя и обливаясь потом на раскаленных скалах, я с горечью думал, что этот лунный пейзаж — плод вмешательства человека.

Мы шли цепочкой, с надеждой всматриваясь в пальмовые кроны, и уже через каких-нибудь сто метров Вахаб крикнул, что видит геккона. Мы бросились к нему по горячим камням, тяжело дыша и цепляясь ногами за стебли похожего на выюнок мелкого травянистого растения, которое местами образовало сплошной ковер, расшитый светло-лиловыми и розовыми цветками, доблестно, но тщетно пытаюсь, вопреки натиску кроликов, защитить почву от ярости ветров и дождей. Дождавшись нас, Вахаб показал рукой на главный черешок панданусового листа. Протерев глаза, залитые потом, я напряг зрение и наконец рассмотрел геккона. Он распластался на черешке, широко расставив ноги, — крапчато-серая кожа с шоколадными и зеленоватыми пятнами придавала ему сходство с выцветшим куском коры. Он был довольно крупный для представителей этого семейства, около двадцати сантиметров в длину; на пальцах — расширенные пластинки с щеточками, которые позволяют геккону не хуже мухи цепляться за гладкие поверхности. Уверенный в надежности своего камуфляжа, наш геккон спокойно созерцал нас большими, золотистыми в коричневую крапинку глазами с вертикальным зрачком, придающим ему странное сходство с кошкой.

— Нет, вы только поглядите! — выдохнул Дэйв. — Где еще вы видели такого чертовски большого геккона? Великолепный экземпляр!

Д После некоторой дискуссии мы решили, что честь поимки первого экземпляра должна принадлежать Дэйву. Подыскав надежную опору для ног, он осторожно протянул вперед бамбуковую палку с нейлоновой петлей на конце. Нейлон поблескивал на солнце, точно рыба чешуя, и я молил бога, чтобы это сверкание не спугнуло геккона, а он знай себе висел на черешке, добродушно разглядывая нас. Затаив дыхание, мы смотрели, как петля сантиметр за сантиметром приближается к жертве. Вот уже болтается перед самым носом геккона... Момент критический: надо было, не спугнув ящерицу, надеть ей петлю на голову и туго затянуть на толстой шее. Нейлон чуть заметно скользил по черешку, и, когда уже казалось, что петля сейчас коснется жертвы, геккон поднял голову и с любопытством взглянул на нее. Мы окаменели. Так прошло несколько секунд, затем Дэйв тихо-тихо, словно он гладил паутину, стал надевать петлю на голову ящерицы. Сделал глубокий вдох и рывком затянул леску вокруг ее шеи. Геккон еще крепче вцепился в черешок, будто приклеился к нему, и замотал головой, стараясь сбросить петлю. Теперь требовалось поскорее брать его, пока нейлон не поранил нежную кожу. Вот когда пригодились Джоновы сто восемьдесят пять сантиметров! Поймав черешок одной рукой, он пригнул его вниз и другой рукой схватил добычу.

— Есть! — ликующий голос Джона сорвался на визг.

Бережно освободив от петли бархатисто-мягкую шею ящерицы, мы посадили ее в матерчатый мешок и продолжили поиск, причем выяснилось, что гекконы Гюнтера не такая уж редкость, как нам говорили. Правда, эта сторона острова, относительно более богатая деревьями, явно была их любимым прибежищем, здесь они находили и тень, и корм — столько тени и корма, сколько вообще могла выделить скудная природа острова Круглого.

Мы осторожно пробирались через овраги и по изрезанным склонам, где малейший неосмотрительный шаг срывал камни, и они с грохотом катились вниз по кручам, увлекая за собой сухую туфовую крошку. То и дело из-под ног у нас выскакивали пестрые кролики, и повсюду бросались в глаза следы их нерадивого хозяйничанья: выюнки объедены, макушки молодых пальмовых ростков ампутированы, склоны испещрены норами, усугубляющими эрозию.

За час мы обогнули примерно четверть окружности острова. Солнце вышло из-за горы, и мы сразу почувствовали себя так, словно очутились перед открытой топкой. Тяжелый воздух насытился круто посоленной влагой. Марсианский ландшафт переливался в струях знойного марева, будто морское дно под волнами.

Я с интересом наблюдал за своими товарищами. Энн отделилась от нас, так что образовался чисто мужской коллектив. Вахаб с его потешным капо-

ром сосредоточенно осматривал пальмы, напевая себе под нос и периодически из кармана бумажный кулек с липкими леденцами, которыми он потчевал всю компанию. Высокий и тощий Джон дрожал от возбуждения и поминутно протирал очки, полный решимости ничего не упустить в этом герпетологическом раю, о котором он столько мечтал и говорил. Липкоголосый Дэйв, весь нетерпение и задор, трещал как сорока и сыпал причисходными степенями, что твоя голливудская реклама, перемежая речь звукоподражанием в таком количестве, что за ним не утнался бы никакой артист-имитатор, изображающий утро в деревне. Тони в выгоревшей зеленой рубашке и защитных брюках, сливаясь с ландшафтом, будто хамелеон, отвечал на любой вопрос пулеметной очередью информации и всех нас превосходил организованностью и обстоятельностью. По первому требованию он был готов извлечь из маленькой корзинки все, что угодно, от горячего чая до бутербродов с джемом, от холодного кэрри с рисом до апельсинового сока. Потрясенный талантом этого иллюзиониста, я не сомневался, что стоит мне попросить, и Тони сотворит обеденный стол, подстилки, столовое белье и смокинги, чтобы мы могли на нелюдимых склонах острова Круглого устроить трапезу по всем правилам этикета, соблюдаемого англичанами в тропиках, если верить легенде.

Отловив часа за два дозволенное количество гекконов, мы сели поджариваться на крохотном пятачке тени подле купы пальметто. Джон ухитрился обнаружить в своем костяке шестнадцать неизвестных дотоле сочленений и свернулся клубком на клочке, где даже чихуа-хуа почувствовал бы себя стесненным. Вахаб обвился вокруг пальмы и раздавал отнюдь не утоляющие жажду липкие леденцы. Тони присел на корточки возле обросшего плюшками камня и сразу превратился в невидимку, время от времени ошарашивая нас своим появлением, словно Чеширский кот, чтобы предложить апельсинового сока или бутерброд с джемом. Дэйв распределил свою плоть между тремя пятнышками тени величиной с суповую тарелку и затеял перепалку с фазтонами, которые с резкими криками кружили и пикировали, точно скопище обезумевших метеоритов. Вахаб продемонстрировал, как, взмахивая каким-нибудь белым предметом — носовым платком, мешком для змей, рубашкой, — можно заставить фазтонов пикировать прямо на человека. Этот маневр вкупе с нескончаемым каскадом едких реплик Дэйва на птичьем языке возымел такое действие, что вскоре над нами, на фоне синего неба, уже металось два-три десятка белых, как морская пена, голосистых тонкокловых птиц с длинными хвостами-иглами и заостренными крыльями.

— Ну так, — сказал Джон, обуреваемый жаждой деятельности после нашего кратковременного отдыха, — что будем делать теперь?

Д — Теперь, — отозвался Тони, возникая из ничего, — если вы желаете... так вот, если хотите поймать несколько малых... малых сцинков, то они обитают преимущественно на макушке острова, так что надо нам подниматься на макушку.

И он указал большим пальцем себе за спину. Шутит, подумал я. Склон, вдоль которого мы следовали до сих пор, был настолько крут, что здесь не мешало бы обладать разными по длине ногами, а позади нас возвышалось нечто такое же отвесное, недоброе и опасное, как Юнгфрау в жаркий день, и сколько я ни всматривался, не мог обнаружить никаких опор для рук и для ног.

— А я-то склонялся к мысли, Тони, что ты хороший человек, — сказал я. — Нет, правда, не мешало бы тебе обуздать немного свое пристрастие к черному юмору. А то ведь если примет тебя всерьез кто-нибудь такой же стройный и моложавый, как я, он может запросто схлопотать сердечный припадок от твоих острот.

— Но я не шучу, — возразил Тони. — Это самый подходящий путь, и он совсем нетрудный, если идти зигзагом.

— Зигзагом, — протянул Дэйв. — Что за чертовский бред я слышу? Чтобы подняться здесь зигзагом, надо быть горным козлом с липкими копытами.

— Уверяю вас, это вовсе не так трудно, как кажется, — настаивал Тони.

— Мы забыли кислородные маски, — заметил Вахаб. — Но есть верное средство — задержать дыхание до самой вершины.

— И зачем только я с вами связался, — сказал я. — Вообще надо же было такую глупость учудить, тащиться в эти края!

— Ты что, в самом деле предпочел бы дома остаться? — спросил Джон таким тоном, словно я учинил богохульство.

— Да нет, вряд ли, — признался я, вставая и вешая на себя фотоаппарат. — Недаром говорят: нет хуже дурака, чем старый дурак.

И мы двинулись, петляя, вверх по отвесному склону. Волей-неволей нам пришлось признать правоту Тони — неприступная на первый взгляд круча оказалась в общем-то одолимой, если передвигаться по ней зигзагами, наподобие пьяной многоножки. Время от времени мы вздрагивали от жутковатых воинственных криков, вырывавшихся как будто из самых недр земли. Это краснохвостые фазтоны, сидя в гнездах под лавовыми плитами, пытались отогнать нас. Величиной они с небольшую чайку; голова с большими трогательными глазами похожа на голову крачки, клюв сургучного цвета; оперение на голове, груди и в основании крыльев отливает нежным светло-розовым оттенком, словно птиц искупали в растворе некоего эфирного красителя. Убедившись, что их дикие крики не возымели

действия, фазтоны смолкли и продолжали созерцать нас из своих убежищ. Эта глупая привычка сидеть на месте, примирясь с судьбой, — главная причина массовой гибели фазтонов: птицы становятся легкой добычей рыбиков, которые высаживаются на острове Круглом, убивают их и везут на Маирикий, чтобы продать в китайские рестораны.

Вершина упорно не желала нам покоряться. Только одолеешь склон и думаешь — все, а перед тобой уже дыбится новая стена. В конце концов мы все же выбрались на плоскую площадку с каменными плитами, словно сброшенными с неба чьей-то небрежной рукой. Здесь было куда жарче, чем на склонах, поскольку между камнями росли одни лишь жиденькие кустики выюнков, и не нашлось даже самого хилого пандануса, чтобы даровать нам толику тени. Гекконы Гюнтера тут не водились, зато по камням струйками ртути скользили юркие, словно колибри, маленькие сцинки длиной десять-одиннадцать сантиметров, с длинным хвостом, острой головой и такими маленькими ножками, что их можно было принять за змеек.

Нет, вы только посмотрите! — выдохнул Дэйв. — Вы поглядите на них! Где еще вы видели таких чертовски маленьких тварей? Прелестные малыши, правда?

Непоглазые сцинки знай себе продолжали стремительно скользить по гупу, точно дождевые капли по стеклу, не придавая значения адресованным им дифирамбам. Сверкая на солнце гладкими блестящими чешуями бледно-зеленого и кофейного цветов, они занимались поиском пропитания и отвыкали от этого важного дела лишь для того, чтобы устроить притворную потасовку, когда их пути нечаянно скрещивались.

Дэйв вытер о брюки потные ладони, крепко сжал в руках удочку и стал подкрадываться к довольно крупному, плотному сцинку, который исследовал трещины в скале с придирчивостью детектива, обыскивающего дом в погоне за торговцем наркотиками. Его рвение и добросовестность, несомненно, были бы поощрены начальником любой полиции. Сцинк не обратил никакого внимания на склонившегося над ним Дэйва.

— Ну-ка, малыш, давай сюда, — ворковал Дэйв, поднося петлю к ящерице. — Давай, давай...

Петля закачалась перед глазами сцинка, он заметил блеск нейлона, остановился и поднял голову. В ту же секунду Дэйв ловко накинул петлю ему на шею, затянул и поддернул вверх. С таким же успехом он мог бы попытаться изловить радугу. Нейлон не задержался на гладкой, словно полированной, поверхности чешуи, и под весом тела голова ящерицы свободно выскользнула из петли. Полет на высоту пятнадцати сантиметров и последующее падение ничуть не обескуражили сцинка. Сделав маленький перерыв, чтобы аккуратно облизать губы, он как ни в чем не бывало возобно-

Д

вил охоту на насекомых. Дэйв еще дважды накинул петлю на голову сцинка, и оба раза нейлон соскальзывал, словно ящерица была намаслена.

— Черт подери, эти паршивцы скользкие, как бочонок с жиром, — возмутился Дэйв, отирая пот с лица. — Вы когда-нибудь видели такую прыткую дрянь? И ведь этот паршивец нисколько не испугался! Верно я говорю, курицын сын? Ну так как, малыш, дашь ты Дэйву поймать тебя или нет?

Словно внимая этому заклинанию, сцинк остановился, облизнул губы, зевнул прямо в лицо Дэйву и возобновил захватывающую охоту на шестиногий провиант. Дэйв еще четыре раза закидывал свою удочку — и все четыре безуспешно. Забавно, что сцинк точно и не замечал совершаемых им кратких вылазок в космос; выскользнув из петли и шлепнувшись на камень, он ничтоже сумняшеся вновь начинал гоняться за своей добычей с прежним рвением.

В конце концов, поскольку было очевидно, что нейлоновая петля бессильна против существа, наделенного свойствами жидкости, Джон изловчился и поймал его рукой. Мы единодушно заключили, что это самый лучший — хотя и весьма утомительный — способ, и продолжили охоту. Спустя некоторое время меня начало беспокоить отсутствие тени. На вершине не было ни единого деревца, одни только камни, и, поскольку дело шло к полудню, солнце висело почти прямо над нашими головами, так что и от камней в смысле тени не было особого прока. Я боялся за драгоценные мешочки со сцинками Гюнтера. Было решено, что мои товарищи продолжают охоту без меня, а я вернусь к дереву экскурсантов, чтобы в тени под ним укрыть наши редкостные экземпляры. И я тронулся в путь, заслоняя мешочки от солнца собственным телом, предоставив остальным рыскать по горячему туфу и слушая, как они кричат: «Не зевай! Он нырнул вон туда!.. Живей! Заходи на перехват с другой стороны!.. Черт! Не могу перевернуть этот окаянный камень!»

Петляя между каменными горами, я продвигался вдоль вершинного гребня, пока не вышел в точку, которая, по моим расчетам, находилась примерно над древом экскурсантов. После чего стал на самый край обрыва и взглядом поискал внизу «Дораду», чтобы определить свое местонахождение. В отличие от неразумной ватаги, которая покинула уютное суденышко, чтобы гоняться по жаре за ящерицами, остальные пассажиры облюбовали риф метрах в восьмистах от острова и наслаждались нырянием в прохладной воде и подводной охотой. А вот и «Дорада»: беленькая, чистенькая, величиной со спичечный коробок, она возвращалась к месту нашей высадки. На склоне подо мной росла молодая пальма, которая отбрасывала некое подобие тени. Присев под ней со своим драгоценным грузом,

и продолжал наблюдать за «Дорадой», чтобы наметить курс, когда она бро-
сит якорь. Сверху местность выглядела совершенно иначе, деревья экскур-
сионной и повсе не было видно, а ходить лишний раз по такой жаре мне не
хотелось, и я решил ориентироваться на «Дораду». Вскоре она перевалила
через рубез, отделяющий синее и пурпурное глубоководье от ярко-голубой
и нефритово-зеленой отмели, и до моего слуха донесся невнятный рокот
якорной цепи. Я вытер лоб, повесил на плечо фотоаппарат, поднял с земли
мешочки с гекконами и двинулся к морю.

Очень скоро обнаружилось, что на пути к цели меня подстерегают за-
труднения не меньшие, чем те, на которые натолкнулась Алиса в саду За-
деркала. Обычно сверху засечь нужную точку легче, чем если ты нахо-
дишься с ней на одной прямой. На острове Круглом дело обстояло иначе.
Как я уже говорил, остров напоминает плывущий по морю каменный кри-
ноид, и на какой бы складке вы ни стояли, охватить взглядом все одеяние
практически невозможно. После того как я дважды терял из виду судно и
пришлось был вынужден поворачивать назад или в сторону перед лицом та-
ких круч, что дальнейшее продвижение грозило переломом ноги, я вдруг
приметил далеко внизу красное пятнышко и опознал в нем свое полотенце,
которым накрыл от солнца запасные пленки и продукты, сложенные под
ценом экскурсантов. Итак, ориентир — полотенце.

Не выпуская из поля зрения красное пятно, я продолжал ковылять и
скользить вниз по склону. Вторую передышку устроил у купы панданусов,
которые то нервно стучали, то призывно шелестели бороздчатыми листь-
ями, когда с моря налетал порыв горячего ветра. Желая проверить, как пе-
рехватят странствие мои гекконы, я осторожно пощупал мешочки. Сильный
укус одного из узников склонил меня к выводу, что они чувствуют себя
значительно бодрее, чем я. Мои поры выделили уже столько пота, что ка-
залось: потеряй я еще толику влаги — превращусь в сухую былинку, и
меня сдует ветром. Только мысль об ожидающих под деревом холодных на-
питках поддерживала меня.

Собравшись с силами, я поднял свой груз и затопал дальше. Вскоре
путь мне преградила почти отвесная скала, верхняя половина которой
была заткана тонким ковром вьюнков с россыпью розоватых цветочков.
Как ни опасен был этот участок, мне надо было пересечь его, чтобы выйти
к вешней вниз долине. Боясь поскользнуться на голой скале, я решил
идти по вьюнкам и медленно двинулся вперед, тщательно проверяя надеж-
ность каждой опоры. Только я приготовился похвалить себя за альпинист-
скую сноровку, как зацепил ногой петлю из вьюнков и шлепнулся на спи-
ну. Фотоаппарат весело запрыгал по камням, но мешочки с гекконами я не
выпустил из рук и успел поднять вверх, чтобы не раздавить при падении.

Я грохнулся с такой силой, что явственно услышал, как мой позвоночник издал звук, подобный которому обычно можно получить только с помощью марака. Теперь подо мной был голый камень, и не за что было ухватиться, чтобы затормозить, а потому я продолжал скользить с нарастающей скоростью на спине, увлекая за собой туфовую крошку и чрезвычайно острые обломки застывшей лавы. Настал момент, когда я почувствовал, что возрастающая кинетическая энергия грозит перевернуть меня на живот. Больше всего я боялся, как бы нечаянно не поднять мешочки с ящерицами, которые по-прежнему изо всех сил стискивал в руках. Отпустить их я не решался: если застрянут на этой коварной плите, вряд ли я потом решусь лезть за ними.

Оставалось одно средство — использовать собственные локти как тормоза. Что я и сделал, причем с радостью обнаружил, что не напрасно подверг себя такой попытке. Я не только ухитрился сохранить прежнее положение, но затормозил ободранными локтями скольжение настолько, что под конец и вовсе остановился. С минуту я лежал неподвижно, смакуя полученные травмы, потом стал на пробу двигать разными частями тела, проверяя, нет ли переломов. К моему удивлению, все кости были целы, и обилие крови на правой руке никак не вязалось с незначительностью полученных мною ссадин. Морщась от боли, я кое-как боком пересек скальную плиту, отыскал фотоаппарат и добрался до лощины. Здесь спуск был намного легче, и у первой же группы пальм я сел перевести дух. Удостоверился, что гекконы и фотоаппарат нисколько не пострадали, вытер кровь с локтей, посидел немного, наконец встал и поглядел вниз, приготовившись увидеть на склоне над морем мой красный ориентир.

Ориентир пропал.

Не только полотенце, «Дорада» тоже пропала, и вообще открывшаяся мне картина разительно отличалась от всего виденного и пройденного мной в этот день. Досада — не то слово. Я изнемогал от жары, усталости и жажды, все тело ныло, голова раскалывалась от боли. Не зная я точно, где нахожусь, мог бы подумать, что меня занесло в сердце Австралии, в дебри Тибета или в какой-нибудь из наиболее утрюмых кратеров Луны. Хорошенько отругав себя за дурацкое падение, я двинулся вниз по лощине, надеясь, что выбрал правильный курс. Этот участок острова был совершенно лишен растительности, и, когда я решил наконец перевести дух, пришлось довольствоваться клочком тени под бугорком на откосе. Затем, стиснув зубы, я побрел дальше и вскоре, к несказанной радости, услышал голоса и разного рода морские звуки. Насколько близко, я осознал лишь после того, как, обогнув торчащую скалу, оказался почти у самой воды. Высоко на склоне надо мной красовалось дерево экскурсантов и лежало мое красное

помогателе. Каким-то образом я просчитался при спуске; в итоге тень, холодные напитки и целебная мазь для моих разнотипных травм теперь находились метрах в восьмидесяти выше меня.

Заключительный подъем был тяжелее всего. Кровь стучала в висках, голова разламывалась, и я был вынужден поминутно отдыхать. Наконец одолел последний участок и свалился в жидкой тени древа экскурсантов. Через несколько минут сверху явился Дэйв, и я не без удовольствия отметил, что он такой же дохлый, как я. Когда ко мне вернулась способность говорить, я справился о его самочувствии, и он признался, что раза два терял сознание от жары. Бледное лицо и взъерошенные волосы Дэйва были достаточно красноречивы. Немного погодя он уже был готов подробно поведать мне о своих злоключениях. Самым тяжелым был для него момент, когда Джон Хартли, заметив простертого на земле Дэйва, кинулся помогать ему, однако тут же отвлекся при виде крупного сцинка Телфэра и нескольких гекконов, которые сидели рядышком друг с другом. Поймав ящерицу, бездушный Джон, за неимением другой тары, преспокойно реквизирует теплицу и носовой платок Дэйва и торжествующе удалился, предоставив ему выкарабкиваться своими силами. По мнению Дэйва, такому человеку нечего делать в конкурсе на звание «Доброго самаритянина».

— Так и бросил меня, — прохрипел он. — Хвост крючком, и пошел, а я лежу там такой же никчемный, как соски на животе у кабана, только вдвое неказистее. Этот твой Джон — настоящий изверг. Нет, в самом деле, что бы ты сказал о человеке, который способен бросить умирающего товарища ради какого-то геккона?

Он все еще живописал свои переживания, украшая рассказ предсмертным хрипом, криками птиц и язвительным шипением бесчувственных рептилий, когда к дереву экскурсантов, с трудом переставляя ноги, подошли остальные члены отряда. Они были на грани полного изнеможения, один лишь Тони выглядел чуть ли не еще свежее и опрятнее, чем в начале нашей охоты. Все поспешили укрыться в тени, поближе к холодным напиткам, а Тони присел на корточки на самом солнцепеке и жестом фокусника из пустоты чашку дымящегося чая и несколько клейких, но, несомненно, питательных бутербродов с кетчупом.

Собравшись с силами, мы приступили к последней задаче: отлову нескольких сцинков Телфэра, которые окружали нас в таком количестве, что каждый раз приходилось смотреть, куда садишься и куда ставишь чашку или кладешь еду. Стоило Дэйву неосмотрительно отложить бутерброд с прихисовым маслом на камень подле себя, чтобы взять чашку, как два крупных сцинка разом схватили добычу и покатались вниз по склону, словно регбисты, сражающиеся за мяч. Другой сцинк вцепился в кожуру от банана, вскинул ее вверх, точно зная, и помчался по камням, пресле-

Дуемый нетерпеливыми сородичами. Он благополучно донес свой трофей до купы пальметто поодаль, однако полчаса спустя, когда мы покидали остров, жаркий спор за владение кожурой все еще продолжался.

Поимка ящериц, ведущих себя, как домашние животные, не представляла труда. Знай сиди на месте и набрасывай петлю на голову экземпляра, исследующего термос или бутерброд, или бутылку с кока-колой. В иные минуты их скапливалось такое множество, что немудрено было и спутать, поймать не того сцинка (скажем, самца вместо самки). В таком случае мы отпускали жертву на волю, и она, выразив свое негодование быстрым и болезненным укусом, продолжала как ни в чем не бывало изучать наше имущество.

Наконец дозволенная квота этих очаровательных созданий была добыта, и мы стали собираться в обратный путь. Все тело болело, мы устали и обгорели на солнце, однако ни о чем не сожалели. Нам не пришлось увидеть никого из представителей двух здешних видов змей (вполне естественно, если учесть, как мало их осталось), и мы не добыли ночных гекконов, но в наших мешочках копошились гекконы Гюнтера, маленькие глянцевые сцинки и сцинки Телфэра. Мы были довольны достигнутым.

И вот уже «Дорада» скользит по мягким складкам голубого моря, уходя от озаренного пламенным закатом острова Круглого. Издали он выглядел все таким же унылым и бесплодным, но теперь в нашем сознании жили дарующие благословенную тень купы пальм и крутостенные овраги, туфовые валы с выточенными ветром норами для краснохвостых фазанов, пальмовые ветви в уборе из гекконов, жаркая лысая макушка острова, пестрящая юркими малыми сцинками. Мы знали, что под деревом экскурсантов легион элегантных и энергичных сцинков Телфэра с нетерпением ждет следующую партию людей. Для нас остров был уже не голой глыбой вулканических пород, опаленной солнцем, омытой волнами и обтесанной ветром, а живым творением, не менее важным, интересным и деятельным, чем какое-нибудь человеческое поселение, обителью прелестных беззащитных созданий, с радостью приветствующих гостей в своем неуютном жарком пристанище.

Море было спокойным, небо совсем безоблачным, и вечерняя заря простерлась вдоль горизонта раскаленным слитком золота, зеленея по мере того, как уходило солнце. Большинство членов отряда спали. Вахаб, съев ананас, огурец и порцию холодного кэрри, тотчас почувствовал себя плохо и как-то посерел (дав этим повод для дискриминационных шуток), после чего свернулся клубком по-кошачьи и задремал.

Продлав на машине долгий и ухабистый обратный путь до Блэк-Ривер, мы сложили мешочки с драгоценным грузом на прохладном полу комнаты, которую выделил нам Дэйв, и с трудом дотащились до кроватей. На другое утро разобрали улов и с облегчением убедились, что наши пленники

благополучно перенесли заточение. Бархатистые гекконы, по-черчиллевски хмуро озираясь, равнодушно проследовали в свои клетки. Малые сцинки юркнули в новую обитель с живостью и проворством победителей ежегодного конкурса на звание лучшего коммивояжера. Не меньший интерес к новой квартире — щедро украшенному вольеру — проявили сцинки Телфера. Как только мы вытащили их из мешочков, они принялись внимательно изучать все уголки и в пять минут совершенно освоились, словно родились в неволе. Обступив нас, они лезли к нам на колени и с подкупающим доверием брали из рук жирных черных тараканов и сочные куски банана.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПОЛНЫМ-ПОЛНО ПЛОДОВ

Вахаб остановил машину у маленькой лавчонки, владелец которой вместе со всей семьей, от бабушки до младших ребятишек, при желтом свете мерцающих масляных ламп усердно готовил пирожки с начинкой из чечевицы с пряностями. Мы закупили добрую порцию этой прелести, после чего досехали до озаренного лунным светом холма за городом, уселись на холодке под звездным небом и, уписывая пирожки, стали обсуждать предстоящую экспедицию за крыланами на соседний остров Родригес.

— Только непременно возьми с собой фрукты, — сказал Вахаб, старательно вытирая пальцы носовым платком.

— Фрукты? Это еще зачем? — спросил я с полным ртом.

Брать с собой фрукты на тропический остров представлялось мне таким же нелепым занятием, как возить уголь в Ньюкасл.

— Понимаешь, — объяснил Вахаб, — на Родригесе с фруктами вообще очень плохо, а сейчас к тому же конец сезона.

— Разумеется, — уныло отозвался я.

— А не сложно это? — спросил Джон. — Перевозить фрукты на маленьком самолетике?

— Нисколько, — ответил Вахаб. — Упакуете как багаж и оплатите лишний вес, только и всего.

— Мне думается, стоит запастись разными плодами — спелыми, недозревшими и совсем зелеными, — сказал я. — Как мы это делаем, когда перевозим животных на пароходе.

— Верно, — подтвердил Вахаб. — А я попытаюсь найти для вас джак.

— А что это такое — джак? — осведомилась Энн.

Д

— Это такой крупный плод, крыланы его просто обожают, — ответил Вахаб. — Понимаете, у него сильный запах, и крыланы чуют его издалека.

— Он вкусный? — спросил я.

— Очень, — сказал Вахаб и осторожно добавил: — Смотря на чей вкус.

К тому времени, когда завершилось наше путешествие на Родригес, я проникся убеждением, что в конкурсе тропических деликатесов плод джак вряд ли может рассчитывать на призовое место, по в эту минуту мне рисовалось, как, привлеченные восхитительным ароматом, прямо в наши руки летят полчища крыланов.

Следующие два дня мы проверяли ловчие сети и прочее снаряжение, читали наличную литературу о Родригесе и использовали каждую свободную минуту, чтобы поплавать с маской у рифа, любуясь бесконечным разнообразием многоцветных картин обитающей на нем и около него морской фауны. До нас дошло, что Вахабу оказалось не так-то просто раздобыть джак, а на Родригесе впервые за восемь лет идет дождь. Мы тогда не придали большого значения этим слухам, а между тем речь шла о вещах, которым было суждено существенно повлиять на наши планы.

За два дня до нашего вылета на Родригес позвонил Вахаб и сообщил, что ему удалось выследить и реквизировать для нас последний, и единственный, на острове Маврикий джак. Каковой он и посылает нам с нарочным.

— Плод уже спелый, Джерри, — объяснил он, — так что лучше во что-нибудь завернуть его, чтобы запах сохранился, и держать подальше от тепла.

— Это каким же образом? — саркастически спросил я, вытирая потный лоб. — Я и сам не прочь бы оказаться подальше от тепла.

— Но ведь у тебя номер с кондиционером? Вот и держи его там.

— В моем номере уже хранятся двадцать четыре пучка бананов, два десятка авокадо, штук двадцать ананасов, два арбуза и четыре десятка манго — все это мы припасли для охоты на этих чертовых крыланов. Фруктовый базар в Порт-Луи меркнет перед моим номером. Впрочем, один плод джак такой уж роли не сыграет, верно?

— Верно, — ответил Вахаб. — Да, кстати, этот неожиданный дождь на Родригесе... Он может повлиять на ваши дела.

— Как повлиять? — встревожился я, ибо любая задержка сокращала срок, отведенный нами на поимку крыланов.

— Понимаешь, аэродром на Родригесе — земляной, — объяснил Вахаб. — Он совсем раскис от дождей. Вчерашний самолет вынужден был вернуться. Ладно, будем надеяться, что все обойдется.

— Дай-то бог, — уныло произнес я. — А то ведь, если долго прождем, придется вовсе отменить это путешествие.

— Ну, что ты, до этого не дойдет, я уверен, — весело произнес Вахаб. — Непременно дай знать, если еще что-нибудь понадобится. А джак жди в первой половине дня. Пока.

Наши телефонные переговоры с Вахабом всегда начинались и оканчивались одинаково внезапно.

Джак, запеленатый в полиэтилен и дерюгу, прибыл около полудня в обитых лесничего в щегольской форме. Судя по размеру свертка, плоды этого сорта были куда крупнее, чем я думал. Мне представлялось нечто величинной с кокосовый орех, но плод явно не уступал размерами большому кубичку. В пути сверток сильно нагрелся, поэтому я отнес его в спальню и почтительно развернул, открывая доступ прохладному воздуху. Моим глазам предстал безобразный с виду зеленый шишковатый плод, смахивающий на трупик марсианского младенца. Впечатление это усиливалось тяжелым, сладковатым и весьма едким духом, напоминающим о гниющих останках. Мне еще предстояло узнать, что этот тошнотворный густой аромат все пропитывает и всюду проникает, как бывает с керосином, попавшим в неопытные руки. В невероятно короткий срок весь номер приобрел запах огромного джака — или морга с испорченной морозильной установкой. Наша одежда пахла джаком, пахла обувь, пахли книги, фотоаппараты, бинокли, чемоданы и сети для ловли крыланов. Выбежав из гостиничного номера, чтобы глотнуть свежего воздуха, мы обнаруживали, что запах не отстает от нас. Вся округа смердела плодами джак.

В попытке спастись от вездесущего аромата мы отправились на риф и погрузились в воду. Пустая затея — можно было подумать, что у каждого в миске по джаку. Все, что мы ели за ленчем, было приправлено джаком, в обед — то же. В день отъезда за завтраком с привкусом джака я был счастлив, что мы вылетаем на Родригес, где можно будет оставить сатанинский плод в лесу и избавиться наконец от его миазмов.

Стоило нам прибыть в аэропорт, как через несколько минут зал ожидания наполнился запахом джака до такой степени, что остальные пассажиры начали покашливать и беспокойно озираться. Нашу разношерстную компанию вполне можно было принять за угонщиков: уж очень странно выглядел наш багаж — горы каких-то сетей и набитые самыми неожиданными фруктами корзины, посреди которых лежал и прел запеленатый в дерюгу и полиэтилен джак.

А когда пришла пора регистрироваться, выяснилось, сколь пагубен для нашего дела первый за восемь лет дождь на Родригесе, будь он трижды желанным для самого острова. Родригес явно страдал от нехватки не только влаги, но и денег, а потому нашему самолету было предписано доставить туда добрую толику сего дефицитного продукта. К сожалению, деньги не только полезны, но и тяжелы на вес. И так как дожди превратили аэродром в трясину, излишний вес никак не устраивал авиаторов, опасавшихся, что самолет выйдет из подчинения при посадке. Поскольку деньги, разумеется, важнее всего на свете, даже на краю света, пассажирам было

Предложено облегчить свой багаж. Мы лихорадочно принялись отбрасывать наиболее тяжелые предметы одежды и снаряжения, без которых могли обойтись. Получился довольно интересный набор. Если прежде кто-то сомневался в нашей психической полноценности, то теперь сомнения быстро отпали: какой же нормальный человек откажется от рубашек, носков, обуви и других жизненно важных вещей ради бананов, манго и плода джак, чей запах давал себя знать за пятьдесят шагов?

Затем нам пришлось подождать, пока на взлетную полосу выкатил под надежной охраной джип, из которого принялись выгружать для взвешивания ящики с деньгами. Последовала массовая математическая вакханалия с неистовым размахиванием рук и бурными препирательствами; в конце концов до нашего сведения было доведено, что наш багаж, несмотря на жертвоприношения, по-прежнему превышает норму. К нескрываемому удовлетворению мужа, олицетворяющего Палату мер и весов, мы сели и умяли половину наших фруктов. Так и так подошло уже время ленча. В ту минуту, когда мы почувствовали, что на всю жизнь наелись бананов, диктор объявил, что из-за плохого состояния посадочной полосы на Родригесе вылет откладывается. Просьба явиться завтра в то же время.

Забрав свой плод джак, запах которого стал уже почти смертоносным, мы покатали обратно в гостиницу. Ее персонал только-только успел изгнать из наших спален въедливый аромат, так что нас приняли без особого восторга. На другой день, заменив гниющие фрукты свежими, мы снова явились на аэродром. Почему-то наш багаж решили взвесить повторно; деньги — тоже. У нас обнаружили излишний вес. Я позволил себе усомниться в математических способностях маврикийцев, однако всякий, кто хоть однажды пытался спорить со служащими Аэрофлота, знает, что это бесполезный труд. Выбросив практически все, кроме ловчих сетей и одежды, что была на нас, мы сели и опять налегли на драгоценные фрукты. Тот факт, что теперь излишний вес перекочевал в наши желудки, явно не смущал чиновников аэропорта. Меня так и подмывало заодно избавиться от плода джак, но я сознавал, что его миазмы могут приманить крыланов в наши тенета (если раньше того они не отравят либо нас, либо всех рукокрылых в округе). Только мы управились с очередной кучей бананов, как объявили, что вылет опять переносится.

— Если наше путешествие на Родригес и дальше будет продолжаться в том же духе, мне грозит серьезное расстройство желудка, — заключил я, когда мы возвратились в гостиницу, где нас встретили страдальческие лица.

Я и впрямь был обеспокоен: еще одна заминка — и придется вообще отменить всю затею с крыланами. Приближалась дата нашего вылета в Европу.

На другой день, заменив все перезрелые бананы и манго и в сотый раз пожалиев о том, что у нас нет герметичного ящика для плода джак, мы опять направились в аэропорт. Снова нас и деньги тщательно взвесили, но на сей раз, к нашему удивлению, нам не пришлось пожирать половину баггика. И вот мы уже сидим в кабине крохотного самолетика в разношерстной компании пассажиров, которые не без тревоги и скорби восприняли похищение в тесной клетушке плода джак. Вооруженная охрана удалась, самолет покати по дорожке, взлетел над ярко-зеленым лоскутным одеялом из сахарного тростника, вознеся в гиацинтово-синее небо, оставил позади риф и пошел над густой искристой синью Индийского океана.

Родригес лежит почти в шестистах километрах к востоку от Маврикия; длина острова — около восемнадцати, наибольшая ширина — около девяти километров. У него интересная история и еще более интересная фауна, исключавшая удивительную эндемичную птицу пустынный, которая вымерла вскоре после дронга; причиной ее гибели было уничтожение среды и жестокая охота. А еще на Родригесе в огромном количестве водилась гигантская черепаха. В своей увлекательной книге об этом острове Альфред Норе-Кумбе останавливается на использовании черепах:

«Гигантские черепахи достигают зрелости к тридцати-сорока годам и живут до двухсот-трехсот лет. Только уединенное местоположение острова, отсутствие человека и естественных врагов позволили им развестись в поистине сказочных количествах. В самом деле, по словам Лега, на Родригесе они были настолько многочисленны, «что порой можно наблюдать стада, насчитывающие до трех-четырёх тысяч особей, и пройти по их спинам свыше ста шагов... не ступая на землю».

В итоге ко времени прибытия на Иль-де-Франс Бертрана Франсуа де Лабурдоннэ с Родригеса уже были вывезены тысячи черепах для Иль-де-Бурбона, Иль-де-Франса и кораблей Компании. Последние занимались бесчардонным грабежом, часто брали куда больше черепах, чем требовалось для удовлетворения нужд команды и пассажиров. Некоторые капитаны сбывали излишек на Иль-де-Бурбоне, где, очевидно, спрос был больше и плата лучше, отказывая Иль-де-Франсу в просьбах выделить черепах даже для больных. Лабурдоннэ восклицает: «Вы не поверите, сэр, иные капитаны везут с Родригеса по семьсот-восемьсот черепах и отказываются выгружать их здесь для больных с других кораблей, предпочитая продать на Иль-де-Бурбоне или обменять там на цыплят!»

За время своего губернаторства Лабурдоннэ не вел строгого учета вывозимых с Родригеса черепах. Наверно, в год вывозилось не менее десяти тысяч. Один из его преемников — Дефорж-Буше, который прежде был губернатором Иль-де-Бурбона и в 1725 году пытался основать колонию на

Д Родригесе, — более точен. Во время его губернаторства четыре небольших корабля доставляли черепах на Иль-де-Франс: «Миньон», «Уазо», «Волан» и «Пенелопа». Всякий раз привозились тысячи черепах, как показывает приводимая выдержка из его отчетов Компании:

(Начало табл.) 14 декабря 1759 года — «Уазо» прибывает с Родригеса с грузом из 1035 сухопутных и 47 морских черепах. Всего было погружено 5000, но на путь до Иль-де-Франса ушло восемь дней, и за это время большая часть груза погибла.

15 мая 1760 года — «Уазо» привозит 6000 черепах.

29 сентября 1760 года — «Уазо» привозит 1600 сухопутных и 171 морскую черепаху.

12 мая 1761 года — «Волан» прибывает с грузом из 4000 черепах.

6 декабря 1761 года — «Уазо» привозит живыми 3800 черепах из первоначального количества 5000. (Конец табл.)

Военные моряки тоже запасались черепахами, когда оказывались в районе Родригеса. Так, 26 июля 1761 года два корабля погрузили 3000 черепах».

Через два с половиной летных часа мы увидели впереди извилистый беспокойный шлейф ослепительно белой пены, обозначающий риф Родригеса. Огромный коралловый бастион вокруг острова служит в то же время мощным основанием, на котором покоится Родригес. Местами просвет между рифом и островом достигает тридцати километров, и защищенные им тихие изумрудно-зеленые воды испещрены мелкими островками; тут и просто песчаные косы, и более обширные клочки суши, некогда служившие приютом гигантских черепах и огромной, ныне тоже вымершей, ящерицы.

Самолет заложил вираж, снизился и сел на крохотном красноземном аэродроме. С воздуха остров выглядел коричневатым и бесплодным, если не считать растительности в долинах и разбросанных тут и там пятячков пыльной зелени. Выйдя из самолета, мы тотчас окунулись в атмосферу волшебного очарования, какое испытываешь только на далеких солнечных островках. По красному латериту мы проследовали в миниатюрное здание аэропорта с радушной надписью на фасаде: «Добро пожаловать на Родригес». А внутри я с удивлением узрел возле открытого окна конторку с досочкой «Иммиграционный контроль».

— Иммиграция? — обратился я к Джону. — Как это понимать? Они принимают в неделю всего-то один самолет с Реюньона и три с Маврикия.

— Не спрашивай меня, — ответил он. — Может быть, это нас не касается.

Прошу приготовить паспорта для иммиграционного контроля, — решил наши сомнения добродушный полицейский чин в щегольском зеленом мундире.

Хорошо, что мы случайно захватили паспорта; Родригес входит в государство Маврикий, и нам в голову не приходило, что они могут здесь понадобиться. В эту минуту появился и сам представитель иммиграционных властей, тучный шоколадный островитянин в красивой форме защитного цвета. Блестя от пота, он нес в руках кипу торчащих в разные стороны папок. Озабоченное и хмурое лицо придавало ему сходство с ищейкой, пережившей первое потрясение. Он занял место за конторкой, сбил папками папку «Иммиграционный контроль» и поправил ее, нервозно улыбаясь нам. Мы выстроились перед ним, послушно приготовив паспорта. Чиновник приветствовал нас легким поклоном, прокашлялся и важно распахнул папку с въездными анкетами, содержащими всевозможные нелепые вопросы, от даты вашего рождения до состояния ногтей на ногах вашей бабушки. Строгий образ блюстителя закона был несколько смазан, когда порыв горячего ветра из окна подхватил бланки и разбросал их по местному эквиваленту зала ожидания. Опустившись на четвереньки, мы собрали разлетевшиеся бумажки, и чиновник рассыпался в благодарностях.

Обливаясь потом, он во избежание новых инцидентов прижал анкеты грузинскими локтями и взял паспорт Энн. Старательно переписал место и дату рождения, возраст и профессию. Задача была несложная, и он вернул паспорт хозяйке с широкой белозубой торжествующей улыбкой человека, полностью контролирующего положение. Увы, торжество его было преждевременным: в приливе энтузиазма он наклонился вперед за моим паспортом, и новый порыв коварного ветра раскидал его бланки по всему помещению, словно конфетти. Несколько минут ушло на то, чтобы собрать их; при этом на анкете Энн отпечатался аккуратный след от башмака полицейского, который остановил ногой скользившую мимо него бумагу.

Мы водворили представителя иммиграционных властей на его престол за конторкой, и он с благодарностью принял предложение Энн, которая пыталась придерживать бланки, стоя за его спиной, чтобы он мог всецело сосредоточиться на их заполнении. Освободившись от части бумажного бремени, он получил возможность вложить всю душу в дела иммиграционные. Взял мой паспорт, перелистал его шоколадными пальцами, словно шулер карточную колоду, и устремил на меня взгляд острый и пронизывающий, как ему представлялось, а на самом деле скорее плутовской.

— Откуда вы прибыли? — последовал вопрос.

Поскольку Родригес уже две недели не просыхал и за все это время наш самолет был первым, прилетевшим с Маврикия, и никаких других самолетов на аэродроме не было, я слегка опешил. Задайте мне такой во-

Д прос, скажем, в Лондонском аэропорту, где каждый час садится сотня самолетов, еще куда ни шло, но на Родригесе, где в лучшем случае прибывало четыре машины в неделю, он отдавал Алисиным Зазеркальем. Подавив желание сказать, что я только что добрался вплавь до берега, я ответил, что прибыл с Маврикия. Чиновник поразмыслил над словами «писатель/зоолог» в графе «Занятие» в моем паспорте, явно заподозрив, что за ними кроется что-то опасное, вроде ЦРУ или английской контрразведки, затем старательно («зоолог» дался ему не сразу) вписал их в бланк. Протемпелевал паспорт и с чарующей улыбкой вернул его мне, после чего я уступил место Джону. Тем временем Энн воевала с бланками, поскольку встер заметно прибавил в силе. На помощь ей пришел тот самый полицейский, который снабдил ее анкету отпечатком своего каблука. Он явно полагал, что полиции не след отставать от иммиграционных властей в преданности долгу.

А чиновник уже допытывался у Джона, откуда он прибыл, держа в руках его паспорт.

— Из Йоркшира, Англия, — простодушно сознался Джон прежде, чем я успел его остановить.

— Нет-нет, — возразил чиновник, озадаченный таким потоком информации. — Мне надо знать, откуда вы теперь?

— О, — сообразил Джон. — С Маврикия.

Чиновник тщательно записал ответ. Раскрыл паспорт и добросовестно скопировал данные о появлении Джона на свет. Потом перевел взгляд на графу «Занятие» и увидел непонятное, ужасное слово «герпетолог». Глаза его зажмурились, и все лицо тревожно сморщилось. Казалось, перед нами человек, уже не первый год с криком пробуждающийся каждую ночь от страшного сна, в котором начальство требует от него не только объяснить, что значит «герпетолог», но и произнести это слово по слогам. И вот ночной кошмар стал явью. Он облизнул пересохшие губы, открыл глаза и нервно взглянул на жуткое сочетание букв, надеясь, что оно исчезло. Непонятное и непроизносимое слово в ответ безжалостно смотрело на него. Чиновник сделал доблестную попытку.

— Герпа... э... герпер... — произнес он и обратил молящий взгляд на полицейского.

Полицейский наклонился над плечом коллеги с довольным видом человека, которому решить кроссворд в «Таймсе» — раз плюнуть, но тут глаза его наткнулись на «герпетолога», и он слегка оторопел.

— Герп... герп... — уныло и бестолково забормotal он.

— Герпа... Герпер... — повторял чиновник.

— Герп... герп... герп... — бубнил полицейский. Это было похоже на одну из наименее известных и наиболее невразумительных немецких опер.

Герпетолог, — буркнул я.

Ну конечно же, — глубокомысленно изрек чиновник.

А что это такое? — Полицейский явно уступал ему в сообразительности.

Так называют человека, который изучает змей, — объяснил я.

Полицейский смотрел, не отрываясь, на мудреное слово.

Вы прибыли сюда изучать змей? — спросил он наконец с видом чиновника, убажасающего психопата.

У нас здесь нет змей, — властно произнес его коллега; было очевидно, что уж он-то сделает все, чтобы ни одна змея не могла проникнуть сквозь рогатки иммиграционного контроля.

Да нет же, мы прибыли ловить летучих мышей, — неосторожно скалил я.

Они недоверчиво воззрились на меня.

Летучих мышей? — переспросил полицейский.

Летучие мыши — никак не змеи, — возвестил чиновник с пафосом Чарльза Дарвина, одаряющего мир плодами своих многолетних изысканий.

Конечно, конечно, — согласился я. — Мы прибыли сюда ловить летучих мышей по приглашению Высокого комиссара, мистера Хээелтайна.

Я в глаза не видел мистера Хээелтайна, однако был уверен, что он проигнорирует мне этот невинный обман. Услышав фамилию Высокого комиссара, полицейский и чиновник дружно стали навтыяжку.

— Вы знакомы с мистером Хээелтайном? — спросил чиновник.

— Он пригласил нас, — ответил я.

Представитель иммиграционных властей умел признавать свое поражение. Тщательно выведя слово «герпетолог», он прошепел паспорту Джона и с нескрываемым облегчением улыбнулся нам. Мы обменялись рукопожатиями с ним и с любезным полицейским и услышали пожелание успехов на Родригесе. Я спрашивал себя, зачем понадобилось навязывать простым, прямодушным и счастливым островитянам бюрократию, столь неуместную и столь никчемную в этом уголке земли.

Мы разместились в гостиничном джипе, и он повез нас по змеистой дороге среди ландшафта, отмеченного эрозией и сухью. Кое-где на обочинах росла зелень; вокруг лачуг из рифленого железа сгрудились серые деревья и кусты. Водитель заверил нас, что остров стал совсем зеленым после дождей. Глядя на опаленный немилосердным солнцем пыльный, засушливый край, я пытался представить себе, как он выглядел раньше.

Наконец джип въехал на главную улицу Порт-Матурина, который служит столицей Родригеса. Улицу окаймляло беспорядочное скопище жилых и торговых строений из дерева и железа, но толпы занятых покупками ярко одетых горожан делали ее похожей на цветочную клумбу. Сразу за

Дпортом джип остановился у пригорка, на котором примостилась гостиница — низенькая постройка с широкой крышей, круто нависающей над просторной и тенистой круговой верандой с широким крыльцом и коваными железными перилами, выкрашенными в белый цвет. На веранде были расставлены столы и плетеные кресла. С пригорка открывался вид на весь Порт-Матурин и на риф километрах в пяти от берега. В целом это напоминало сильно увеличенные декорации для какого-нибудь фильма по рассказам Сомерсета Моэма. Сходство усугублялось поднимающейся по откосу крутой дорожкой в обрамлении гибискуса с большими, словно вырезанными из бумаги, оранжевыми и ярко-красными цветками и стадом не слишком чистых, зато чрезвычайно общительных и приветливых свиней, устроивших сходку под гостиницей и вокруг нее.

Заняв отведенные нам номера и посетив Высокого комиссара, мистера Хэзелтайна, обитающего в импозантном старинном особняке среди обвешанных эпифитами могучих деревьев за стеной с воинственного вида пушкой у ворот, мы познакомились с директором лесничества, мистером Мари, и он предложил отвезти нас в лес, чтобы мы посмотрели на крыланов. По его словам, колония поселилась в долине Каскад-Пиджин, километрах в пяти от Порт-Матурина. В других частях острова, говорил он, можно встретить две-три особи, ведущие одиночный образ жизни, но основная популяция сосредоточена в этой долине. Мы втиснулись в его «Лендровер» и вместе с молодым лесничим, страстным натуралистом Жаном Клодом Рабо, который в свое время помогал экспедиции Энтони Чика, двинулись в путь.

На гребне мы оставили джип и на скользком каменистом откосе нашли тропу, более всего похожую на русло. На полдороге вниз торчал утес; с него открывался вид на склон слева, покрытый невысокими, метров шесть-семь, деревьями, среди которых возвышались могучие тенистые мангиферы с широкими глянцевитыми листьями. Эти великаны и служили обителью крыланов.

Посмотришь в бинокль — в первую минуту кажется, что мангиферы увешаны странными мохнатыми плодами шоколадного и рыжеватого цвета, но когда крыланы зевали и потягивались, становились видны перепончатые, как зонт, кожные крылья. Крыловые перепонки — темно-коричневые; голова и тело покрыты мехом от ярко-желтого, будто золотая канитель, до густо-рыжего цвета. Никогда еще я не видел таких красивых крыланов. Округлые головы с маленькими аккуратными ушками и короткими притупленными мордочками придавали им сходство со шпирцем. Основная масса колонии пристроилась на трех мангиферах, но отдельные особи разместились на меньших деревьях по соседству.

Итак, мы установили местонахождение колонии: теперь надо было точнее определить ее численность. Это оказалось не так-то просто: многие

крыланы укрылись в гуще листвы, сразу и не рассмотришь, к тому же время от времени то один, то другой крылан перелетал с дерева на дерево или не сична описывал круг над склоном, после чего возвращался на старое место. Стоя на утесе, все члены нашей пятерки порознь произвели подсчет; итоги сложили и разделили на пять. Конечно, этот средний результат был весьма приблизительным, поскольку часть крыланов находилась в непрерывном движении, но нас ободрило уже то, что двое насчитали больше, чем Лигони Чик двумя годами раньше.

Жан Клод уверял, что колония заметно выросла за эти годы, и подчеркнул, что лучше считать крыланов либо утром, когда они только возвращаются с ночной кормежки, либо в полдень, когда солнце особенно припекает; в эти часы они ведут себя всего спокойнее. Сейчас было одиннадцать, поэтому мы решили дождаться полудня и повторить подсчет, а до тех пор — присмотреть место для сетей на случай, если решим отловить несколько экземпляров. Джон обнаружил на склоне очень удобную прогалину; окружающие ее высокие деревья как нельзя лучше подходили для размещения сетей и вместе с тем надежно защищали нас от солнца.

В тишине знойного полудня мы еще раз посчитали крыланов; они почти не двигались, лишь изредка расправляли темные крылья и обмахивались ими для прохлады. Получилось более ста особей. Эта цифра нас обрадовала, но во имя осторожности я попросил Джона и Жана Клода повторить подсчет с другого склона. Кроме того, для полной уверенности мы посчитали, сколько крыланов вылетело вечером на кормежку и сколько покинулось с охоты на другое утро. Окончательная цифра колебалась между ста двадцатью и ста тридцатью особями. Внушительной ее не назовешь, но все же она ободрила нас, так как выходило, что после экспедиции Чика прибавилось около тридцати пяти особей.

Воодушевленные этим фактом, мы заключили, что максимум, какой можно отловить, не боясь подорвать жизнеспособность колонии, и минимум, потребный нам для образования плодовых групп, — восемнадцать экземпляров. Я исходил из того, что летучие мыши, как большинство колонизованных животных, нуждаются в общении с себе подобными, чтобы успешно освоиться и размножиться на новом месте, а потому брать одну, даже две пары бессмысленно. Должна быть пусть маленькая, но все-таки колония. Но одно дело постановить, сколько и какого пола особей отлавливать, даже если известно место; совсем другое — успешно выполнить задуманное.

Выбранная нами прогалина находилась примерно в полукилометре от колонии, на пути, которым, как мы заметили, следовали крыланы, вылетавшие вечером на кормежку. Строго говоря, они летели чуть ниже прогалины, но я уповал на то, что плод джак (он сразу придал нашей гостинице со-

Д

вершенно неповторимый колорит) сыграет свою роль и приманит летучих мышей на наш уровень.

Способ лова был предельно прост. С помощью Жана Клода и его товарища (который нанес чувствительный удар по моему самолюбию бесстрашного путешественника тем, что носил тенниску с красочной надписью «Я за президента Кеннеди») мы развесили на деревьях восемь марлевых сетей так, что получилось нечто вроде прямоугольного загона размером пятнадцать на двадцать метров, с высотой стенок около двенадцати метров. Затем из проволочной сетки смастерили похожее на миниатюрный гробик вместилище для приманки и подвесили в середине загона, старательно замаскировав ветками. Закончив все необходимые приготовления, мы помчались обратно в гостиницу, перекусили и снова направились в долину, вооруженные фонарями и фруктами.

Наступили зеленоватые сумерки, предшествующие серому полумраку, и крыланы уже начали просыпаться, готовясь вылететь на ночную кормежку. Они вели себя довольно шумно и поминутно снимались с мангифер, описывали беспокойные круги в воздухе, потом возвращались на место. С их точки зрения, явно было еще недостаточно темно. Мы набили наш проволочный ящик перезрелыми плодами манго, бананами и ананасами, а я вооружился секачом и подошел к плоду джак. Прежде чем он успел оказать сопротивление, я рассек его пополам, о чем тут же и пожалел. Мое убежденно, что дивный фрукт просто не может пахнуть сильнее, не оправдалось. Казалось, весь остров Родригес в несколько секунд пропитался острым ароматом джака. Надеясь, что крыланам в отличие от нас сей запах будет по душе, мы засунули плод в ящик и подтянули вверх вместе с маскирующими ветвями, так что он повис среди сетей на высоте шести-семи метров. После чего подыскивали себе удобное укрытие в кустарнике и принялись ждать. К сожалению, нам пришлось для облегчения багажа оставить большую часть одежды на Маврикии, и мы были одеты лишь в шорты и майки с короткими рукавами — далеко не надежная защита от трех четвертей всей комариной популяции Родригеса, которым вздумалось разделить с нами бдение.

Под звон возбужденных, пронзительных, радостных комариных голосов мы проводили зеленый сумрак, небо посерело, и уже незадолго перед тем, как все потонуло в крошечном мраке, крыланы наконец тронулись в путь. Когда по одному, когда по три-четыре вместе, они летели над долиной в сторону Порт-Матурина. Пронесаясь мимо нашей прогалины, они казались неожиданно большими на фоне неба, и тяжелый, медленный их полет вызывал в памяти сцены из фильмов про Дракулу. С похвальной целеустремленностью крыланы держались избранного направления, не отклоняясь ни

нирню, ни влево. И совершенно пренебрегая нами, нашими сетями и благоухающей приманкой. Окруженные комариной мглой, мы чесались и хмуро созерцали сторонящийся нас поток рукокрылых. Вскоре поток сузился до струйки, потом пошли отдельные лежебоки, догоняющие главную стаю. Но вот и они исчезли. И ни один крылан не проявил даже малейшего интереса к нашей прогалине, разящей джаком.

— А что, все правильно, — произнес Джон, высывая из куста свои длинные ноги, словно раненый жираф. — Честное слово, хорошо, что мы сюда приехали. Страшно подумать, что все эти комары остались бы голодными без нас.

— Верно, — согласился я, — чем не мероприятие по охране природы. Представь себе, сколько комаров мы спасли сегодня вечером от голодной смерти. Глядишь, придет время, и Всемирный фонд дикой природы воздвигнет на этом месте золотой памятник, чтобы посмертно отметить наш вклад.

— Хорошо вам острить, — мрачно сказала Энн. — Вам, я смотрю, хоть бы что, а я чешусь как проклятая и буду потом ходить с опухшей и красной физиономией.

— Плюнь, — попытался я ее утешить. — Лучше закрой глаза и попробуй представить себе, как мы будем управляться со всеми крыланами, которых здесь отловим.

Энн только фыркнула в ответ.

Прошло часа два, крыланы больше не показывались, и, когда комары вернулись за главным блюдом, мы устроили военный совет. Я был за то, чтобы по меньшей мере один человек остался до утра на случай, если один или несколько крыланов, возвращаясь, попадут в сети. Убрать сейчас сложную ловушку не представлялось возможным, а мне не хотелось, чтобы какой-нибудь пленник провисел в ней всю ночь. Посоветовавшись, мы решили остаться все; устроимся в кустарнике поудобнее и будем дежурить по одному, пока остальные спят.

Под утро пошел дождь. Без всякого предупреждения — ни грома, ни молний, ни каких-либо еще бурных прелюдий. Внезапно раздался гул, как от лавины стальных подшипников, и тучи обрушили на нас яростный поток воды, словно вдруг распахнулись затворы большой плотины. В несколько секунд мы промокли насквозь, и нас окружила стремнина, которая обещала сравниться по мощи с Ниагарой. По контрасту с душным и жарким почным воздухом казалось, что нас поливают струи с горного ледника, и мы стучали зубами от холода. Поспешили из кустов перебраться под деревню — все-таки укрытие получше. Огромные дождевые капли долбили листву пулеметными очередями; по стволам бежали ручьи.

Д Мы удерживали позицию целый час, потом разведка установила, что небо над всем островом черным-черно и тучи явно простерлись от Каскад-Пиджин через Индийский океан до самого Дели. Было очевидно, что ни один уважающий себя крылан не станет летать под таким проливным дождем, а потому мы собрали мокрое снаряжение и направились обратно в гостиницу, чтобы скрыться от дождя и комаров и поспать два-три часа. Мы твердо намеревались вернуться к сетям на рассвете, когда летучие мыши, возвращаясь с кормежки, вполне могли угодить в наши тенета.

Причудливый зеленоватый рассвет застал нас, вялых, полусонных, подле ловчих сетей. Лес источал жаркое благоухание — точь-в-точь как свежее испеченный фруктовый торт. Но, как ни сильно пахли омытые дождем и согретые воздухом земля и мхи, и листья, все эти скромные источники обонятельных восприятий забивались трубным гласом подвешенного в шести-семи метрах над нами плода джак. Вскоре небо прояснилось и показали неспешно возвращающиеся к дневным обитателям крыланы. Уже немалое количество их проследовало мимо, когда несколько особей отклонились, так сказать, от заданной траектории полета и осторожно покружили над нашей прогалиной, прежде чем направиться к своей мангифере. Ободренные этим проявлением интереса, мы остаток дня развешивали на деревьях дополнительные сети при деятельном участии внезапных ливней.

Наши помощники из лесничества, потрясенные тем, что мы провели ночь под одним из самых сильных дождей, какие обрушивались на Родригес за последние восемь лет, нарезали шестов и банановых листьев и соорудили в гуще кустарника небольшую лачугу, которую конголезский пигмей, возможно, счел бы роскошной усадьбой. Однако дареному жилью в зубы не смотрят, и мы решили, что как укрытие от непогоды лачуга сгодится — если Джон оставит свои голени снаружи.

А еще мы предусмотрительно посетили неизбежные на Востоке китайские лавки в Порт-Матурина (других нам не попалось) и приобрели полиэтилен и дешевые одеяла. С приходом темноты, когда крыланы проследовали мимо на кормежку, мы после бурных прений постановили, что Энн вернется в гостиницу, как следует выспится и присоединится к нам на рассвете. Проводив ее, мы с Джоном сделали из полиэтилена и одеял нечто вроде постелей и разместили в нашем лиственном коттедже свое имущество: солидный запас бутербродов и шоколада, термос с чаем, фонари, а также симпатичные плетеные корзиночки (один из главных предметов родригесского экспорта, местное название — «гант»), в которые надеялись поместить крыланов, буде они попадутся в наши сети. Бросили жребий, кому дежурить первым, я выиграл, свернулся калачиком и быстро уснул.

Когда пришел мой черед нести вахту, я для разминки совершил обход прогалины. Хотя уже несколько часов не было дождя, земля и раститель-

пости ничуть не просохли, и теплый воздух был до такой степени насыщен влагой, что при каждом вдохе казалось, будто легкие впитывают воду как губка. Лежавшие кругом гнилушки были облеплены множеством маленьких флуоресцирующих грибков, излучающих сильный зеленовато-голубой свет, так что лесная подстилка местами напоминала вид ночного города сверху. Подобрав несколько гнилушек, я убедился, что при свете десяти-двенадцати грибов можно даже читать, если поднести их близко к странице.

В разгар этого эксперимента я услышал странный хрустящий звук, который как будто доносился из чащи за нашей лачугой. Звук был довольно громкий и почему-то напомнил мне треск спичечного коробка, сокрушаемого пальцами силача. Поразмыслив, я был вынужден признать, что при всей эксцентричности жителей Родригеса вряд ли они будут в три часа ночи бродить по мокрому лесу, ломая спичечные коробки. Я взял фонарь, вышел из хлипкой лачуги и пошел на разведку. Правда, особой отваги для этого не требовалось, поскольку в животном мире Родригеса нет опасных особей, если не считать двуногих прямоходящих. Тщательно обследовав окрестности позади лачуги, я не обнаружил ни одной твари, чей голос мог бы напоминать хруст спичечного коробка. Из всех увиденных мной живых существ самым агрессивным был крупный мотылек, который настойчиво атаковал мой фонарь. Я вернулся в лачугу и предался размышлениям. Удастся ли нам утром поймать крыланов? Наше время на исходе — может быть, есть смысл перенести сети поближе к их обители? Внезапно опять послышался хруст, причем на этот раз совсем близко и не с одной, а с нескольких сторон. Тут и Джон проснулся, сел и воззрился на меня.

— Что это такое? — сонно осведомился он.

— Ума не приложу, а началось это уже минут десять назад. Я выходил и смотрел, но ничего не высмотрел.

Тем временем хруст перешел чуть ли не в канонаду, и вся наша лачуга начала вибрировать.

— Что за чертовщина? — недоумевал Джон.

Я посветил на листовенную крышу — она дрожала и качалась, как от землетрясения. И пока мы соображали, что делать, крыша провалилась, и на нас обрушился каскад огромных улиток величиной с яблоко. Жирные, мокрые, глянцевитые улитки поблескивали в лучах фонарей, щедро выделяли пену и расписывая наши постели интересными слизистыми узорами. Десять минут понадобилось нам, чтобы избавиться от незваных брюхоногих гостей и починить крышу. После чего Джон, завернувшись в одеяло, снова погрузился в сон, а я продолжил свои размышления. Может быть, крыланы относятся к плоду джек вроде меня и потому никак не ловятся?

Через час Джон проснулся и объявил, что хочет есть.

— Съем-ка я бутерброд-другой, — сказал он. — Кинь сюда, если не трудно.

Я включил фонарь, осветил в угол, где помещалась наша провиантская база, и опешил: гигантские улитки, которых мы так старательно выдворяли из лачуги, прокрались обратно и, облепив янтарной грудой бутерброды, с явным наслаждением поедали хлеб. В роли подстрекательницы и соучастницы выступила небольшая крыса с блестящим серым мехом, белыми лапками и пышными черными усами. Улитки ничуть не испугались света и продолжали уписывать наш ужин, но у крысы нервы оказались послабее. Когда луч упал на нее, она замерла на секунду — только усы трепетали да глаза беспокойно вращались, — потом с пронзительным писком повернула кругом и метнулась ко мне под одеяло, явно посчитав мою постель безопасным пристанищем. Пришлось разобрать все ложе, чтобы изгнать ее оттуда. Выставив крысу из лачуги в лес, я отнял у улиток остатки бутербродов и, пока Джон выбирал наименее пострадавшие и сколько-нибудь пригодные в пищу, снова отправил улиток на дальний конец прогалины. Через час с небольшим Джон опять проснулся и заявил, что все еще хочет есть.

— Не может этого быть, — возразил я. — Ты ел всего час назад.

— Ел, что осталось после улиток, — обиженно сказал Джон. — Но ведь у нас еще должно быть печенье. Печенье и чашка чаю — это то, что надо!

Я вздохнул, включил фонарь и с удивлением обнаружил на нашем камбузе прежнюю сцену. Улитки приползли назад и уплетали печенье, и моя серая подружка была тут же. Снова луч света заставил крысу с истерическим воплем кинуться к моей постели, причем на сей раз она явно заключила, что чем ближе ко мне, тем безопаснее, и попыталась протиснуться в мою штанину. Я решительно изгнал ее в лес, вышвырнул следом улиток и перенес остатки наших припасов к Джонову ложу. Пусть теперь он поближе познакомится с крысой... Понятно, после всех этих приключений нам уже было не до сна, и мы сели дожидаться утра, перебрасываясь отрывочными репликами. Перед самым рассветом мы услышали, как Энн пробирается к нам через лес.

— Поймали что-нибудь? — спросила она, подойдя к лачуге.

— Ничего, — ответил я, — если не считать улиток и крысу. Может быть, еще что-нибудь добудем, когда рассветет.

Постепенно небо приобрело лимонный оттенок, свет прибывал с каждой минутой, мы покинули нашу изъеденную улитками обитель и спустились к деревьям по соседству с сетями.

— Не могу понять, почему они не прилетают, — сказал я. — Запах этого окаянного джака, наверно, в Чикаго слышно!

А я знаю, в чем дело, — отозвался Джон. — Я думаю...

Однако нам так и не привелось услышать, что думал Джон, потому что он наклонился вперед, напряженно всматриваясь.

Что это? — показал он рукой. — Там что-то попало в сеть. Уж не крылан ли?

Мы дружно уставились на прогалину, где тонкие, как паутина, сети совершенно терялись на фоне деревьев и теней.

Точно! — взволнованно подхватила Энн. — Я тоже вижу. Конечно, крылан.

Похоже, вы правы, — сказал я. — Но каким образом, черт возьми, ухитрился он попасть в ловушку так, что мы ничего не заметили?

В эту минуту над прогалиной возник крылан, произвел быструю и осторожную разведку и удалился, позволив нам установить, во-первых, что полет этих рукокрылых абсолютно бесшумен, и, во-вторых, что сверху, где стояла наша лачуга, мы бы его никак не увидели: стоило крылану опуститься над прогалиной, как его тотчас поглотили неровные тени.

К этому времени стало совсем светло, и мы с волнением обнаружили, что в сетях застрял не один, а целый десяток крыланов. Наш восторг не поддается описанию, ведь, по чести говоря, мы почти не надеялись на успех.

Крыланы висели неподвижно, не бились и не вырывались, и мы решили не снимать их с сети; подождем немного — может быть, поймается еще несколько штук. В последующие полчаса на прогалину залетал не один крылан, но они были слишком осторожны и держались слишком высоко, чтобы запутаться в тенетах. В конце концов, понимая, что больше улова не предвидится, мы приготовили корзинки и стали выбирать добычу из ячеи.

Первым делом мы определили пол крыланов. И с досадой установили, что попались одни самцы. Вблизи они были еще красивее: спина — ярко каштаново-рыжевато-голубого оттенка, плечи и живот переливаются золотой рыбью, мягкие, словно замша, тонкие крылья — угольно-черные. Пухлые милотистые мордочки с соломенно-желтыми глазами делали их похожими на сердитых игрушечных мишек с крыльями. Мелкая ячея сделала свое — крылья основательно запутались, и, истратив попусту четверть часа на попытку освободить одно крыло, мы сдались и стали просто разрезать сеть. Естественно, мы соблюдали предельную осторожность, чтобы не повредить нежные крыловые перепонки, да и сети старались не кромсать без нужды.

Это была нелегкая работа, тем более что негодующие крыланы при малейшей возможности вонзали в замешкавшийся палец острые, как иголка, когти. Все же мы высвободили их без чрезмерного ущерба для сетей и разместили в корзиночках по одному. После чего нас еще ожидал кропотливый труд по починке и развешиванию сетей.

Д Тут подошли и оба наших помощника из лесничества, чтобы принять дневное дежурство. Они от души посмеялись, слушая наш рассказ о том, как обошлись с лачугой брюхоногие любители бутербродов, после чего приступили к ее ремонту, а мы, пообещав вернуться вечером, с торжеством повезли свою добычу в Порт-Матурин.

Городская школа великодушно предоставила в наше распоряжение новехонькое классное помещение площадью три на шесть метров, еще не освоенное жадными до знаний юными островитянами. Мы заключили, что свежепокрашенный и нарядно убранный класс как нельзя лучше подходит для содержания крыланов, набросали на пол ветки и развесили проволочные подносы для привезенного с Маврикия множества фруктов. Решили предоставить самцам свободно летать по классу, а самок, когда поймает, держать в корзинках. Не желая прослыть женоненавистником, спешу уточнить, что самки были для нас несравненно ценнее самцов, и мы приготовились беречь их как зеницу ока.

В конце дня мы возвратились на прогалину к нашим двум верным помощникам, сторожившим крыланов, и в свете утасающей зари взобрались на утес, с которого было видно колонию. В целом крыланы вели себя спокойно, хотя сон их временами прерывался и они весьма проворно меняли положение, ловко цепляясь за ветки когтистыми пальцами. Иногда то один, то другой из них снимался с дерева и вяло летал по кругу, чтобы затем вернуться на старое место или повиснуть на другой ветке. Царила почти полная тишина; лишь изредка завязывалась перебранка, когда какой-нибудь крылан случайно начинал теснить спящего сородича.

Впрочем, был в колонии один отнюдь не тихий экземпляр — толстый детеныш, которого мы нарекли Эмброузом. Мамаша не желала больше выкармливать его, а Эмброуза это никак не устраивало. Хотя детеныш размерами почти сравнялся с родительницей, он считал себя вправе по-прежнему висеть на ней и сосать материнское молоко когда вздумается. И так как мамаша твердо стояла на своем, Эмброуз изливал свое негодование в отвратительных капризных звуках. Визжа и пища, он гонял злосчастную родительницу с ветки на ветку, норовя зацепиться за нее передними конечностями, и после каждой неудачной попытки давал выход своей досаде в злобных криках. Безобразный концерт прерывался лишь в те минуты, когда мамаша, не выдержав нервного напряжения, снималась с ветки и перелетала на другое дерево. Тут Эмброуз поневоле смолкал на короткое время, потому что все силы его уходили на то, чтобы собраться с духом и лететь следом за ней. В конце концов он настигал родительницу и, передохнув, снова принимался визжать и вязаться к ней.

— До чего же мерзкий отпрыск, — сказала Энн. — Будь у меня такой, я бы убила его.

- Его место в интернате, — рассудительно заметил Джон.
- Тогда уже скорее в исправительной колонии, — возразила Энн.
- По мне, так лишь бы он ненароком не попал в наши сети, — вступил я. — Вот уж кого я сразу отпущу на волю, пусть даже это будет самочка.
- Точно, — сказал Джон. — Не дай бог целыми днями слушать этот визг.

Когда стемнело, мы спустились в нашу лиственную обитель и провели ночь в обществе настоячивых гигантских улиток, нескольких миллионов комаров и парочки воинственно настроенных здоровенных многоножек. Крыса не показывалась, из чего я заключил, что она отсиживается в норе, опираясь от нервного потрясения.

Утром обнаружилось, что пойманы еще две летучие мыши, и обе, к нашей радости, самки. Мы извлекли их из сетей и с превеликими предосторожностями отвезли в классное помещение. Первые наши узники прекрасно освоились: по всему классу были разбросаны фрукты, пол покрыт толстым слоем помета.

На следующий день нам предстояло в два часа вылететь на Маврикий, из чего следовало, что мы должны успеть с утра пораньше отловить недостающее до полной квоты количество крыланов. Успех всего предприятия, что называется, висел на волоске, и мы облегченно вздохнули, когда зеленватый рассвет озарил попавшихся в сети тринадцать крыланов, в числе которых были и столь нужные нам самки. Всего мы отловили двадцать пять крыланов, так что можно было отпускать на волю семь самцов. Собрав заключительный улов и разместив пленников по отдельным корзинкам, мы свернули сети и в последний раз поднялись по каменистой тропе. Покидая Каскад-Пиджин, мы слышали, как Эмброуз продолжает канючить, приставая к своей родительнице. Поистине, этот крылан твердо намеревался сделать все от него зависящее, чтобы не вымереть!

Доставив в классное помещение последнюю партию, мы приступили к проверке самцов, чтобы отобрать для своей колонии взрослых и молодых в надлежащем соотношении. Затем посадили в корзинки лишних, отвезли их к устью Каскад-Пиджин и, выбрав место повыше, стали одного за другим подбрасывать в воздух. Каждый из них сразу взял курс на расположенную в долине колонию. Дул довольно сильный встречный ветер, и мы с интресом отметили, что крыланам было нелегко с ним справиться: они то и дело опускались по пути на дерево, чтобы передохнуть. Мы спрашивали себя, каково-то им приходится, когда зарядит буря на три-четыре дня, а то и на неделю.

После этого, разместив по корзинкам отобранные экземпляры, мы направились в аэропорт и погрузили необычный багаж в кабину. Представитель иммиграционных властей и полицейский приветливо помахали нам на

Д прощание; самолет разогнался на пыльной дорожке и взлетел над рифом. Я с грустью покидал Родригес — он произвел на меня впечатление очаровательного и неиспорченного уголка природы. Хотя бы он подольше таким оставался... А то ведь стоит туристам открыть этот остров, как его постигнет тот же удел, что уже постиг множество прекрасных уголков земли.

Приземлившись на Маврикии, мы отвезли крыланов в оборудованные Дэйвом вольеры в Блэк-Ривер. Они отлично перенесли путешествие и быстро освоились на новом месте. Вися под проволочной крышей, обменивались негромким чириканьем, и заготовленный для них разнообразный корм пользовался большим успехом. Воодушевленные удачей, мы вернулись в гостиницу, приняли ванну и отправились обедать. Когда дошло до сладкого, Гораций осведомился, что мне подать.

— А что у вас есть? — спросил я, не желая попасть впросак, как это было с омарами.

— Есть чудесные фрукты, сэр, — ответил он.

Я посмотрел на него. Да нет, на розыгрыш не похоже.

— Какие именно? — спросил я.

— Мы получили отличные, спелые плоды джак, сэр, — горячо произнес он.

Я попросил принести сыру.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ВОЛШЕБНЫЙ МИР

За стеклянной дверью гостиной номера люкс тянулась широкая прохладная веранда. Каких-нибудь двадцать шагов по жесткой траве среди томно вздыхающих на ветру высоких казуарин отделяли веранду от просторного белоснежного пляжа, отороченного колеблющимся рваным ожерельем из кораллов и цветных раковин. Вдалеке белел рокочущий прибоем риф, а за ним расстилалась чистейшая синева Индийского океана. Промежуток между пляжем с его хрустящим кладбищем коралловой крошки и широким рифом в непрестанно меняющемся пенном уборе занимала лагуна — почти километровая полоса светло-голубой воды, гладкой, словно молоко в тарелке, чистой, как алмаз, и таящей ни с чем не сравнимый волшебный мир.

Всякий натуралист, обладающий счастливой возможностью путешествовать по свету, испытывал безграничный восторг от красоты и сложности

живой природы, но и уныние оттого, что жизнь одного человека — несправедливо короткий срок, когда подумаешь, как много надо увидеть, наблюдать, осмыслить в цветнике загадок, коим является наш земной шар. Вы проникаетесь этим чувством, впервые видя красоту, разнообразие и богатство тропического дождевого леса с его готическим скопищем тысяч различных деревьев в оплетке из лиан, в убранстве из орхидей и эпифитов — смыкание такого обилия видов, что недоумеваешь, как могло развиваться столь великое множество разных форм. Вы проникаетесь этим чувством, впервые видя огромное сообщество копытных или беспокойные полчища птиц. Вы проникаетесь этим чувством, видя, как бабочка выходит из куколки, а стрекоза из личинки, наблюдая полные разнообразия изящные брачные игры, ритуалы и запреты, связанные с продолжением рода. Вы проникаетесь этим чувством, когда впервые видите, как палочка или лист оборачивается насекомым, а пятнистая тень оказывается стадом зебр. Вы проникаетесь этим чувством при виде гигантского, необозримого стада дельфинов, восторженно ныряющих и кувыркающихся в своем голубом мире, — и наблюдая крохотного паучка, исторгающего из собственного хрупкого тельца нескончаемую прозрачную нить, вдоль которой он совершает воздушные вылазки, исследуя окружающее его безбрежное пространство.

Но есть еще одно, пожалуй, самое-самое важное впечатление, удивительное и смиряющее, которое всякий натуралист должен испытать, пока он жив, — я говорю о знакомстве с тропическим рифом. Думается, это тот самый случай, когда работают едва ли не все ваши органы чувств; более того, вы приближаетесь к таким восприятиям, о которых прежде и не подозревали. Вы превращаетесь в рыбу, насколько это вообще возможно для человека, слышите, видите, осязаете, как она, и в то же время вы подобны птице, парящей, скользящей, петлюющей над морскими выпасами и лесами.

В первый раз я познал это сказочное ощущение на Большом Барьерном рифе в Австралии, но там, к сожалению, у нас были только маски и дыхательные трубки, а моя маска пропускала воду. Досада — не то слово: подо мной простирался пленительный многоцветный мир, я же мог наблюдать его лишь урывками, пока хватало воздуха в легких и пока маска, наполнялась водой, не грозила утопить меня. Увиденные мельком дразнящие картины подводного мира навсегда врезались в память, и я твердо настроился при первой возможности познакомиться с ним основательно. Такая возможность представилась на Маврикии, где лагуна и обрамляющий ее риф находились буквально у порога моего номера в гостинице «Хмурый Браунит». Ближе некуда, разве что вынести кровать на пляж.

В первое же утро, приготовив чай и захватив маленький сладкий маврикийский ананас, я устроил чаепитие на веранде. К соседнему участку приставали лодки с рыбаками. Кожа бронзовая, кожа смоляно-чер-

Дная, красивые лица, живые глаза, длинные волосы... И яркие одеяния, перед которыми блекло пламя гибискуса и бугенвиллеи в гостиничном саду. Каждая лодка была до краев нагружена белоснежными кораллами, разноцветными конусами и пятнистыми каури. Переливаясь радугой, на воткнутых в борта палках висели ожерелья из мелких ракушек.

Солнце, только что выглянув из-за гор, окрасило небо и даль в нежный зеленовато-голубой цвет, позолотило флотилию степенно плывущих над океаном пухлых облаков, обсыпало белыми блестками пенистый риф, превратило тихую гладь лагуны в прозрачный сапфир.

Не успел я сесть за столик, как его осадили птицы, которым не терпелось разделить со мной утреннюю трапезу. Тут были майны в изящном черном и шоколадном оперении, с бананово-желтыми глазами и клювом; вьюрки — самочка в нежно-зеленом и бледно-желтом, самец в кричащем сернисто-желтом и черном убранстве; черно-белые красавцы краснощекие бульбули с роскошным хвостом.

Пернатые гости отведали молока из кувшинчика, решили, что чай чересчур горячий, и алчно уставились на мой ананас. Я соскоблил остатки сочной мякоти и положил бутристую, как у броненосца, кожуру на стол; в тот же миг она исчезла под сплошным покровом из порхающих и препирающихся пичуг.

Окончив чаепитие, я взял маску и трубку и не спеша направился к пляжу. Стоило мне ступить на песок, как крабы-привидения (такие прозрачные, что, застыв на месте, они превращались в невидимок) заметались по песочной ряби и юркнули в свои норки. Море ласково облизывало белый берег, словно котенок, лакающий молоко. Я вошел по лодыжки в воду — она была теплая, как в ванне.

Дно вокруг моих ступней украшали причудливые узоры — казалось, кто-то бродил по мелководью, рисуя на песке расплывчатые контуры морских звезд. Сотни таких узоров, располагаясь бок о бок, образовали некое удивительное песочное созвездие. Ширина самого большого между кончиками лучей — сантиметров тридцать; самый маленький — диаметром с блюдце.

Песчаные привидения заинтриговали меня, я поддел одно из них пальцем ноги и выковырял из грунта. Оно подскочило вверх, сбрасывая тонкий слой песка, и моему взгляду предстала роскошная, мясистая морская звезда с россыпью тускловатых белых и красных крапин на бледно-розовом фоне. С виду — мягкая и бархатистая, вроде звезд, которыми мы увенчиваем рождественские елки, а на ощупь твердая и шершавая, точно наждак. Бесцеремонно исторгнутая мною из песчаного укрытия, звезда медленно опрокинулась в прозрачной воде и легла на дно спиной вниз. Брюшная сторона была окрашена в желтовато-белый цвет; посреди каждого луча тянулась глубокая борозда, напоминающая расстегнутый замок «молнию». В бо-

риках располагались бесчисленные крохотные ножки-щупальца длиной не более четырех миллиметров, оканчивающиеся плоским присоском. Каждая ножка двигалась самостоятельно, и в бороздах происходило непрерывное шевеление, щупальца то вытягивались, то сокращались, ища, за что ухватиться присосками. Не обнаружив ничего подходящего, морская звезда, вероятно, заключила, что лежит неправильно, подвернула кончик одного луча и нащупала опору. Луч продолжал сгибаться, мягко скользя по песку, за ним последовали два соседних, и звезда начала плавно подниматься, отталкиваясь этой треногой. В то же время противоположные лучи изогнулись вверх и вытянулись для баланса, словно пальцы; и вот уже звезда стоит на твердеющих лучах, подобно колесу. Затем верхние лучи ристопырились, и звезда стала опускаться на них медленно и грациозно, будто йог, выполняющий сложную и красивую асану. Наконец звезда легла правильно, оставалось только выпростать подогнутые лучи. Весь маневр был выполнен в темпе замедленного фильма с изяществом, которое вызвало бы слезы зависти у любой балерины.

Однако дальше морская звезда исполнила номер, недоступный даже самой блистательной звезде балета. Опустившись на песок, она... пропала. На моих глазах исчезла, подобно Чеширскому коту, оставив не улыбку, а, так сказать, намек на морскую звезду, расплывчатый рельеф на песке. Все объяснялось очень просто: хотя звезда казалась совершенно неподвижной, сотни крохотных ножек на брюшной стороне зарывались в грунт, и в итоге животное скрылось из виду под слоем белых песчинок. И все, о чем здесь рассказано, с момента, когда я выковырнул звезду из грунта, до ее исчезновения, заняло от силы две минуты.

Спускаясь к лагуне, я думал сразу нырнуть и плыть туда, где поглубже, а между тем пять минут уже ушло на созерцание крабов-привидений, еще пять минут я любовался прибитыми к берегу ожерельями и две минуты, стоя в воде, смотрел, как гуру из мира морских звезд погружается в своего рода песчаную нирвану. Все это время рыбаки, сидя в лодках на манер ярких птиц на жердочках, рассматривали меня с таким же острым интересом, какой я испытывал к природе береговой линии. Впрочем, они умело скрывали свое любопытство, и ни один не пытался всучить мне свои товары с обычной для торгашей назойливостью. Маврикийцы слишком хорошо воспитаны. Я помахал им, и они дружно замахали в ответ, широко улыбаясь.

Твердо решив больше не отвлекаться, я вошел в воду по пояс, надел маску и окунулся, чтобы немного остудить голову и спину, так как солнце даже в столь ранний час заметно припекало. И едва маска погрузилась в воду, морской простор исчез, все мое внимание сосредоточилось на подводном царстве вокруг моих ступней.

Д В то же мгновение я позабыл о своем решении отплыть подальше, ибо кругом простирался причудливейший мир, несколько не уступающий тем, какие живописуют авторы фантастических романов, изображая марсианскую живность. В неприятной близости от моих ног лежало шесть-семь крупных приплюснутых морских ежей, словно выводок погруженных в спячку настоящих ежей. Из-за застрявших между иглами кусочков водорослей и кораллов в первую минуту вполне можно было принять их за обросшие зеленью темные обломки застывшей лавы. Между морскими ежами на песке лениво простерлись, словно греющиеся на солнце змеи, какие-то непонятные штуковины — круглые трубки длиной побольше метра и около десяти сантиметров в окружности. Казалось, под водой очутился шланг от не совсем обычного пылесоса, с сочленениями через каждые семь-восемь сантиметров, сделанный из влажной, полупрозрачной оберточной бумаги, местами обросшей косматой плесенью.

Сначала мне не поверилось, что это живые существа. От силы мертвые плети какой-то редкостной глубоководной водоросли, вынесенные приливом на отмель, где они теперь беспомощно перекатывались, подчиняясь легкому качанию воды. Однако приглядевшись, я вынужден был признать, что передо мной живые твари. Известные под названием *Sinueta muculata*, эти диковинные создания и впрямь можно сравнить с длинной трубкой, которая одним концом засасывает воду с микроорганизмами, а другим выделяет фильтрат.

На дне лагуны возлежали также знакомые мне с детства по Греции старые приятели — голожаберные моллюски, толстые бородавчатые улитки длиной около тридцати сантиметров, смахивающие на ливерную колбасу наихудшего сорта. Я взял в руки одну улитку; она была склизкая на ощупь, но достаточно плотная, словно гниющая кожа. Оказавшись на воздухе, она повела себя в точности как ее средиземноморские сородичи: с силой выбросила струю воды и обмякла. Исчерпав это средство самозащиты, улитка прибегла к другому и неожиданно выстрелила невероятно клейким белым веществом, вроде жидкого латекса, малейшая капля которого приставала к коже похлеще, чем липкая лента.

Казалось бы, много ли проку от такой обороны, ведь липучая завеса только привяжет атакующего врага к улитке. Однако вряд ли природа снабдила бы такое примитивное создание столь сложным оружием, не выполняяй оно важную функцию. Я отпустил улитку, и она легла на грунт, чтобы, перекатываясь по дну, вести веселую, кипучую, полную впечатлений жизнь, заключающуюся в том, чтобы вбирать воду одним концом и выбрасывать ее другим.

Неохотно оторвав взгляд от созданий, сосредоточенных в непосредственной близости от моих ног, я наконец всерьез приступил к изучению

рифа. В первый миг, когда вы ложитесь лицом вниз на воду и она словно исчезает под стеклом маски, от неожиданности вам делается жутковато. Внезапно уподобившись ястребу, вы парите над морскими лесами, горами и пустынями. Вы чувствуете себя Икаром: солнце припекает спину, а под вами расстилается, будто географическая карта, многоцветный мир. И пусть всего метр-полтора отделяет вас от этого гобелена, звуки приглушены так, как если бы вы парили в тихом воздухе и за сотни метров слышали проявление жизни в игрушечных фермах и селениях под горой. Расфранченная рыба-попугай с хрустом крошит клювом коралл; негодуяще кричит, скрипит, пищит какая-нибудь из сотен других рыб, обороняя свою территорию от интервента; шелестит колеблемый течением песок, где-то шуршат тысячи кринолинов на модницах. И еще многие другие звуки возносятся к вам с морского дна.

Сначала шел ровный песок с разбросанными на нем кусками пемзы и с обломками коралла, которые обросли зеленью и стали обителью миллионов мелких тварей. Между этими следами деятельности штормов и ураганов чернели на песке полчища здоровенных морских ежей с непрерывно колышущимися, точно компасная стрелка, длинными тонкими иглами. Коснитесь ежа — и плавно качающиеся иглы вдруг начнут неистово метаться с нарастающей скоростью, словно обезумевшие вязальные спицы. Иглы чрезвычайно острые и чрезвычайно хрупкие: вонзится в вас — тут же обломится, окрасив место укола, как будто вам впрыснули каплю туши. Черными иглы кажутся только на первый взгляд, в лучах солнца они ярко-синие с зеленым основанием. К счастью, интенсивная окраска этого вида морских ежей делает их достаточно приметными. Отдельные экземпляры забились в трещины или под коралловые выступы, но большинство лежало, растопырив иглы, группами или поодиночке на грунте, где они сразу бросались в глаза.

Морские ежи перемежались уже описанными трубками и горсткой голожаберных, представляющих, однако, другой вид. Очень крупные, длиной до сорока сантиметров, в желтовато-зеленую крапинку, они к тому же были потучнее своих черных сородичей, достигая в диаметре десяти и более сантиметров, и не такие бородавчатые. Я нырнул за одной из этих трудноразличимых и малопривлекательных тварей. На пути к поверхности она сперва, как водится, исторгла струю воды, а затем, поскольку я продолжал крепко держать ее, выпустила свой клейкий каучук.

Меня поразила упругость этого вещества под водой. На воздухе крайнее средство защиты улитки принимало вид густой и липкой белой струи; под водой оно выглядело совсем иначе и даже красиво. Я увидел около полусотни отдельных нитей длиной около двадцати сантиметров и толщиной

Д с вермишель. Один конец соединялся с улиткой, а другой развернулся так, что вместе нити образовали как бы изящный белый фонтан. Могут ли эти нити острекать или парализовать мелких рыбешек — не знаю. На моей коже от них не оставалось никаких следов, я и не испытывал неприятных ощущений, однако букет липких веточек явно был для врагов улитки опаснее, чем мне показалось сперва.

Плывя дальше, я вдруг обнаружил, что вокруг меня и подо мной, как по волшебству, возникла многочисленная стая диковинных рыб длиной с метр. Их было не меньше пятидесяти, но нейтральная сероватая окраска делала их почти незримыми. Рот и хвост вытянуты в длинный шип, сразу и не отличишь один от другого. Решить загадку помогли настороженно устремленные на меня круглые, чуть глуповатые глаза. Судя по всему, рыбы перед нашей встречей усердно потрудились и совершенно выбились из сил. Теперь они стояли неподвижно рылом к течению и о чем-то размышляли. Это были очень организованные рыбы, они соблюдали правильный строй не хуже вымущированных, хотя и несколько утомленных солдат. Интересно было видеть, как строго они выдерживали дистанцию, точно рекруты на плацу. Одно и то же расстояние отделяло каждую рыбу от ее соседок впереди, сзади, по бокам, сверху и снизу. Мое внезапное появление вызвало в их рядах изрядное замешательство, как если бы кто-то вдруг зашагал не в ногу на военном параде, и они в смятении удалились. Отойдя от меня подале, восстановили правильный строй, развернулись рылом к течению и снова погрузились в транс.

Я поплыл дальше, не отрывая завороченного взгляда от песка, расписанного золотыми солнечными полосами, на которые, в силу некоего оптического колдовства, были нанизаны трепещущие золотистые кольца. Неожиданно впереди возникло расплывчатое пятно, оказавшееся камнем длиной около трех метров и шириной в метр, формой напоминающим купол собора Св. Павла в Лондоне. Вблизи я рассмотрел, что он сплошь инкрустирован розовыми, белыми и зеленоватыми кораллами, а макушку венчали, словно цветы на исполинском разноцветном капоре, четыре большущие бледно-бронзовые актинии.

Очутившись над удивительным камнем, я ухватился за коралловый выступ, чтобы меня не отнесло слабым течением, предварительно удостоверившись, что на выступе, под ним или внутри его не притаилась никакая гадость. Это была отнюдь не лишняя предосторожность, в чем я убедился, как только сфокусировал глаза: в обросшей кораллами и водорослями выемке в каких-нибудь тридцати сантиметрах от моей руки притаилась крупная, изумительно окрашенная скорпена — она же крылатка. Заденьте нечаянно спинной плавник, и рыба вонзит в вас колючки, которые причиняют резкую боль; ее яд способен даже убить человека. Эта крылатка была

немногим меньше двадцати сантиметров в длину. Притупленное рыло с тяжелой нижней челюстью; огромные красные глаза; преобладающая расцветка тела — розовая и оранжевая, с черными полосами и крапинами. Грудные плавники сильно вытянуты, как будто из-под жабр выросли две резиновые руки с удлиненными пальцами; вдоль спины — череда покрытых смертоносной слизью красных лучей. Такое яркое обличье придавало рыбе сходство с переливающимся на свету драгоценным камнем — когда я ее увидел, а это случилось лишь после того, как она шевельнулась, настолько ее пестрый наряд сливался с фоном. Убедившись, что обнаружена, крылатки плавно взмахнула развешивающимися плавниками и не спеша ушла вниз, оглябывая камень. При всей красоте этой рыбы я был только рад избавиться от ее соседства.

Около актиний и среди их щупалец ходили амфиприоны-клоуны — симпатичные ярко-оранжевые, с широкими белоснежными полосами рыбки длиной семь-восемь сантиметров. Амфиприоны состоят в симбиотических отношениях с актиниями. Для амфиприонов актиния и обитель, и крепкая крепость, где они прячутся в минуту опасности, так как стрекаательный аппарат щупалец актинии убивает других рыб. А в обмен на защиту амфиприоны потчуют актинию крошками от своего корма. Как и почему возникло это любопытное сотрудничество, никому не ведомо. Вряд ли можно приписать актинии блестящий интеллект, и нам остается лишь гадать, каким образом она узнала о полезности амфиприона и постановила не стрекать его.

В нескольких местах среди кораллов втиснулись двустворчатые моллюски величиной с кокосовый орех; только и видно, что зубчатую кромку раковин да выступающие края мантии, как будто моллюски улыбаются вам толстыми переливчато-зелеными и синими губами. Это были родичи знаменитой гигантской тридакны, обитающей на самом рифе, где она достигает метра в поперечнике при весе до ста килограммов. Сколько жутких историй написано про незадачливых ныряльщиков, погибших в пучине, потому что нога их нечаянно попадала в просвет между створками тридакны, которая тотчас смыкалась, словно капкан (как это делают все двустворчатые в минуту опасности). Правда, достоверные случаи вроде бы нигде не зафиксированы, но в принципе такая возможность не исключена, ибо тридакна и впрямь способна зажать ногу ныряльщика, и, если у него не найдется ножа, чтобы разрезать мощные мускулы, выполняющие одновременно роль шарнира и замка, раздвинуть створки будет так же невозможно, как отворить крепостные ворота.

Тридакна тоже являет нам интересный пример симбиоза: ткани ярко окрашенной мантии заполнены крохотными одноклеточными водорослями с красивым названием «зооксантеллы», которые питаются за счет филь-

Друемого моллюском корма, а в обмен делятся с тридакной кислородом. Платить за хлеб свой насыщенный воздухом — наверно, многие из нас пошли бы на такую сделку...

Продолжая наблюдения, я заплыл с другой стороны камня, убедился, что мне не грозит встреча со скорпеной, и оказался свидетелем еще одного случая симбиотических отношений. В моем поле зрения очутилась стайка пестрых рыбешек — один кузовок и два хирурга. Кузовок длиной каких-нибудь семь-восемь сантиметров поразил меня не столько ярко-оранжевой в черную крапинку расцветкой, сколько причудливой формой тела — что-то вроде квадратной костяной коробки с отверстиями, из которых торчат плавники, анус, рот и глаза. Хвостовой плавник кузовка работает наподобие винта подвесного мотора, и сочетание такого способа передвижения с выпученными, словно вечно удивленными глазами, квадратным телом и пестрым убранством делает кузовка одним из самых курьезных обитателей кораллового рифа.

И как же непохожи на него хирурги! Желтое тело напоминает формой лунный диск; рот на крутолобой голове выступает наподобие пороссячьего рыла. Хирурги получили свое название от расположенных на хвостовом стебле двух острых, как скальпель, ножевидных шипов. Это грозное оружие может убираться в выемку на теле, словно лезвия перочинного ножа.

Как ни интересен был облик этих двух рыб, самое увлекательное заключалось в том, что с ними происходило. Хирурги застыли возле камня, словно в трансе; кузовок, похожий на необычную оранжевую лодку, медленно петлял, время от времени останавливаясь; а между ними сновали три маленьких юрких бычка, расписанных лазурными и небесно-голубыми пятнами. Исполняя роль чистильщиков, они прилежно обслуживали своих клиентов — подскочат вплотную, снимут ртом паразита с кожи и отступят как бы для того, чтобы полюбоваться результатами своего труда. Ни дать ни взять дамские парикмахеры, творящие новую прическу. Позже на главном рифе я не раз наблюдал, как рыбы ждут своей очереди у парикмахерской, где маленькие голубые мастера лихорадочно трудились, чтобы всех обслужить.

Увлеченный открывшимся мне зрелищем (каждый сантиметр камня, за которым так и закрепилось ласковое прозвище «Святой Павел», был облеплен крохотными актиниями, акропорами, спирографисами, креветками, крабами и полчищами прочих тварей), я незаметно для себя час с лишним проплавал на одном месте, да и то не все успел рассмотреть. На одном только этом камне собралось такое множество органических форм, что любому натуралисту не хватило бы и десятка жизней, чтобы для начала сориентироваться в них. Неторопливо возвращаясь к берегу, где меня ожидал

минутрак, я спрашивал себя, как же тогда выглядит собственно риф. Ответ последовал вскоре. Впечатление было потрясающее.

Как только представился случай, я договорился, что с утра пораньше за нами будет приходить лодка с лодочником, чтобы мы без ущерба для прочих дел могли проводить час-другой на рифе. Через два дня, протарахтев по шелковистой глади лагуны, в песок перед окнами наших спален с легким вздохом уткнулась моторка, и в нашу жизнь вошел Абель, стройный молодой креол, усач с пышными баками, располагающий белозубой улыбкой и странным высоким сипловатым голосом. Ему было двенадцать лет, когда на Маврикии разразилась эпидемия полиомиелита, и страшная болезнь не миновала его, но, хотя правая нога и рука Абеля были частично парализованы, он легко управлялся с лодкой, а плавал и нырял как рыба. Подобно большинству сельских жителей и рыбаков, Абель прекрасно знал морскую фауну своего края, кто и где обитает. Правда, к этим знаниям примешивалась изрядная доля фольклора, однако риф он изучил вдоль и поперек и был готов показать все, что мы пожелаем, от осьминогов до устриц, от украшенных алыми пятнами длинных и острых, как рог, раковин до коралловых лесов, которые никакими словами не описать.

В первой же нашей вылазке Абель объяснил, что риф, грубо говоря, можно разделить на пять участков: глубоководье с внешней стороны лагуны, песчаную полосу с разбросанными вдоль берега камнями (вроде «Святого Павла») и три секции самой коралловой постройки. Каждый из пяти участков представлял особую картину. Для начала мы отправились на участок, который прозвали «Кладбище Оленей» или «Уголок Лэнсье».

Пока мы скользили над зоной песка, я лежал спиной к жаркому утреннему солнцу на маленькой носовой палубе и сквозь прозрачную толщу воды рассматривал обитателей грунта. Сперва в поле зрения возникло скопление голожаберных и диковинных членистых трубок *Sinuatus*; их сменили полчища больших красных морских звезд под тонким слоем песка, поверх которого расположилось множество звезд другого вида, круглых и толстых, словно пудинг, с короткими тупыми щупальцами, так что они казались зубчатыми по краю. На их желто-оранжевом теле блестел частокол черных как смоль конических игл, похожих на шипы розы.

Но вот замелькали коралловые глыбы, чаще и чаще; наконец песок совсем исчез, и мы пошли над цветистым персидским ковром из водорослей и кораллов, распугивая стайки ярких рыбок. У намеченной им точки Абель выключил мотор и бросил за борт якорь — железную болванку с кольцом. Глубина в этом месте была неполных два метра и вода такая прозрачная, что рядом с ней водка показалась бы мутной. Быстро напялив маски, мы пересвалили через борт в мир настолько волшебный, что он превосходил все когда-либо читанные или слышанные поэтические описания сказочных

Д стран. Первое впечатление — оргия красок: золотой, пурпурной, зеленой, оранжевой, красной со всевозможными промежуточными оттенками. Придя в себя от восхищения, вызванного многоцветьем, вы отдавали дань не менее восхитительным формам. На этом участке преобладали роговые кораллы, и он был в точности похож на огромное кладбище белых и цвета электрик охотничьих трофеев. Некоторые горгонарии не достигали и метра, но местами будто возвышались белые и голубые рождественские елки, между ветвями которых, как попугайчики среди деревьев тропического леса, сновали стайки цветных рыбешек. Заросли горгонарий перемежались мозговиками величиной когда с пудинг, а когда и с мягкое кресло, с которыми соседствовал причудливый ансамбль изящных акропор, мягких альционарий и водорослей.

Обитатели подводного царства ничуть не уступали местообитанию по ошеломляющему и захватывающему дух разнообразию форм и расцветок. Интересно было отмечать параллели с наземной жизнью. Разноцветные рыбки порхали в лесу горгонарий, словно птицы, а ниже черно-белые помacentры ходили среди акропор, подобно зебровым стадам. Из трещин в коралле навстречу вам, нарушителью границ, смело выскакивала шоколадная и розовая губастая рыбка, расправив плавники подобно тому, как слон, идя в атаку, расправляет уши. В густой тени рыскали по-тигриному оранжево-черные рыбы; с легкостью газелей или антилоп проносились стаи стройных оранжево-коричневых рыбок. В трещинах, подобно спящим ежам, лежали их морские тезки — ярко-синие, нефритовые, бледно-лиловые.

Плывя через этот волшебный мир, одурманенный красками и причудливыми формами, я обогнул рощу горгонарий с ярко-голубыми шипами на каждом луче и очутился над песчаной прогалиной, пестрящей улитками и морскими ежами двух цветов — пурпурными и черными. В воде над ними парило с полсотни рыбок длиной около десяти сантиметров, коим суждено было стать моими любимцами. В первую минуту они показались мне светло-зелеными; это был нежный, прекрасный оттенок зелени раскрывающихся липовых почек, и каждая рыбка переливалась так, будто ее покрыли лаком. Однако меня ожидал сюрприз: потревоженные моим появлением рыбки начали уходить, я последовал за ними, они повернули и вдруг из нежно-зеленых стали синими с лаковым переливом. Это был изумительный синий цвет, каким средневековые художники писали одеяния Девы Марии.

Завороженный внезапным превращением, я обогнал рыбок, повернулся к ним лицом, и тотчас они опять оказались зелеными! Эффект этот был так красив, что я полчаса гонялся за несчастными рыбками, заставляя их поворачивать, и они становились то синими, то зелеными, смотря под каким углом падал солнечный свет. И так как все рыбки поворачивали вме-

ств, цвет их менялся одновременно, что меня особенно поражало. В конце концов им надоело мое внимание, они решительно удалились в горгонариевые заросли, где я не мог за ними угнаться, и пропали из виду. Однако я уже определил им место в ряду самых изумительных обитателей рифа. Остальные — пурпурные, желтые, бронзовые, бордовые, пятнистые, полосатые, крапчатые, удивляющие глаз необычными формами и размерами, — тоже были великолепны, но олицетворением рифовой фауны для меня осталась рыба-лист, она же хромис, или по-научному *Cromiis selurialis*.

Авель не был молчуном, напротив, в нужных случаях он делался весьма речистым, но, если наши замечания или указания представлялись ему неперезумными, он предпочитал отмалчиваться.

— Авель, — серьезно объявляли мы ему, — сегодня только короткая прогулка.

Взгляд Авеля устремлен на что-то в голубой дали; а может быть, он погружился в транс.

— Короткая прогулка, — повторяете вы. — Нам нужно вернуться к половине девятого.

Авель переводит на вас невидящий взор.

— Ты слышишь? — стараетесь вы перекрыть тарахтящий мотор.

Отсутствующие глаза Авеля отрываются от вашей персоны и снова соприкасаются горизонт.

Вы возвращаетесь в гостиницу к половине десятого, платите за экскурсию вдвое больше того, что намеревались потратить, и нисколько об этом не жалеете. Авель лучше вас знал, что вам нужно.

После того как мы несколько раз насладились чудесами горгонариевого леса, Авель без предупреждения привез нас на участок, который мы потом называли «посудной лавкой». Погрузившись в воду, мы с удивлением вместо ожидаемых нами колючих зарослей узрели коричневые кораллы в виде больших тарелок или мисок, с ямками, как у хрустящих хлебцев. Где-то они громоздились кучей, словно немытая посуда некоего великана, где-то складывались в грандиозные канделябры или же фонтаны в стиле рококо, которые можно видеть в прекрасном саду уединенного французского замка или итальянской виллы. Это было что-то совершенно новое: в горгонариевом лесу можно плавать вместе с рыбами, здесь же, если мы подходили слишком близко, они просто исчезали среди «посуды», и не последуешь за ними. Пришлось освоить новую тактику. Спокойно лежа на воде, мы ждали, когда рыбы сами к нам подойдут.

Здесь я впервые увидел занкла, или мавританского идола. Удивительнейшая рыба: представьте себе расписанный желтыми, белыми и черными полюсами летящий боком самолет с заостренными на концах треугольными

Д

крыльями, маленьким тупым хвостом и сильно выступающим двигателем — вот вам подобие занкла.

И в той же «посудной лавке» я неожиданно очутился в обществе множества кораллово-розовых и оранжевых рыбок длиной десять-пятнадцать сантиметров. Плыву, наблюдая улитку, которая невесть почему встала торчком, вдруг в боковом окошке маски мелькнуло что-то красное, и в следующую секунду меня окружили эти красавицы. Неторопливо перемещаясь в воде, они подходили чуть ли не вплотную и обозревали меня огромными, проникновенными черными глазами. Я обрадовался, узнав в них рыб, которых давно мечтал увидеть и которых англичане называют «тоскующая белка». Меткое название: рыбки глядели на меня с такой печалью, будто у них только что состоялся неприятнейший разговор с управляющим банка. Казалось, они вот-вот расплачутся. Стремясь как-то утешить этих страдальцев и развеять их тоску, я нырнул и перевернул лежащую на дне глыбу мертвого коралла, под которой скопились полчища лакомых креветок, крабов, червей и сатанинского вида черных морских звезд с покрытыми неким подобием меха, извивающимися по-змеиному лучами. Все рыбы, как правило, с восторгом набрасывались на такое угощение, но «тоскующие белки» лишь горестно поглядели на меня и тихо удалились. Чем-то я им явно не понравился.

Плавая на рифе, мы буквально уставали от ошеломляющего разнообразия окружающих нас со всех сторон организмов. За четыре с половиной месяца, проведенных нами на Маврикии, мы почти каждый день навещали риф и всякий раз наблюдали по меньшей мере четыре не встреченных прежде вида рыб. И уж совсем я отчаялся, когда под конец визита Авель отвез нас на участок, который мы окрестили «цветником»: за какой-нибудь час я насчитал здесь шестнадцать видов, которых не встречал за четыре предыдущих месяца плавания с маской, — умопомрачительный, непревзойденный рекорд!

Звание цветника было присвоено секции рифа, где глубина редко превышала один метр, а местами и вовсе уменьшалась до трех десятков сантиметров, так что надо было искать протоки, чтобы не поцарапать грудь или колени. В такой мелкой воде краски казались еще ярче, и здесь обитали кораллы, какие нам не попадались на других участках. Например, одиночный грибовидный коралл фунгия, который, в отличие от большинства кораллов, не образует колоний, а перемещается с места на место на грунте. На вид как будто нижняя сторона крупного розово-красного и коричневого гриба; и лишь когда между жабрами высовываются, помахивая, маленькие светло-желтые щупальца, вы понимаете, что перед вами живое создание. Другие кораллы напоминали горки крохотных, с ноготь мизинца, зеленых хризантем, которые непрестанно шевелились, словно овеваемые не-

ким подводным ветром. Были тут кораллы яркой кобальтовой синевы и разных оттенков красного цвета — от кровавого до нежнейшего закатно-розового. Иные коралловые шапки, величиной с большой букет цветов, выглядели так, будто над ними потрудились специалист по фигурной стрижке кустов. До того аккуратная круглая форма, никак не верится, что кораллы сами так растут. Присмотришься поближе — кажется, шапка состоит как бы из множества обсыпанных снегом крохотных елочек.

Эти белые шапки пользовались особенным расположением хромисов, которые постоянно держались поблизости от них и при малейшей опасности укрывались между «елочками». Встретив возле такого коралла около полусотни мальков рыбы-лист, я обнаружил, что на этой стадии хромисы не обладают зеленой иризацией и окрашены в намного более светлый, чем взрослые особи, но не менее изысканный, небесно-голубой цвет. Я устроил себе небольшое развлечение: протяну руку — поблескивающая мелюзга тутчас скрывается между веточками коралла, отниму — высыпает наружу, словно голубое конфетти из зимнего леса.

В «цветнике» мы наблюдали наибольшее количество видов на минимальной площади. Картина преинтересная, тем более что малая глубина позволяла рассмотреть рыб совсем близко. Меня неизменно тешил единорог: тело плоское и удлиненное, ярко-зеленое, с оранжевыми пятнами; над глазом кривая колючка, словно рог; рыло оранжевое; глаза — в оранжевую и черную полоску. За шероховатую кожу англичане прозвали этот вид «рыба-напильник». К тому же подотряду относятся спинорог с трудно произносимым местным названием хумухумунукунуку-а-пуаа. Высокое тело спинорога тоже сжато с боков, но рыло не вытянутое, как у единорога, лик надутый и грозный, точно у бригадного генерала, обзирающего неряшливых рекрутов. Впечатление суровости усугубляется черно-бело-серым полосатым «мундиром» и ярко-синей полосой поперх рыла, напоминающей густые брови. Своим именем спинорог обязан своеобразному защитному устройству: как и единорог, он вооружен кривой колючкой, но она расположена позади глаз и обычно прижата к спине; когда же спинорога преследует враг, шип прочно запирается в вертикальном положении второй, меньшей колючкой — попробуй заглотай! А если спинорог поднимет первую колючку, укрывшись в полостях кораллов, его можно извлечь оттуда, только разломав убежище.

В этой же секции рифа произошел случай, напомнивший мне мое детство, когда я в Греции выходил в море с рыбаками. Плывая вдоль ложбины между многоцветными глыбами коралла, я вышел на песчаную прогалину и одно время с осьминогом, который как раз надумал сменить позицию на рифе. Меня неприятно поразило его сходство с горбуном в развевающемся плаще из метровых щупалец. Присмотрев меня, осьминог прибавил ходу, од-

А нао путь к собственно рифу был прегражден, и он укрылся в коралловой глыбе посреди прогадины. Я подплыл поближе узнать, чем он там занят, и увидел, что осьминог втиснулся или, скорее, просочился в узкую трещину и, как заведено у этих головоногих, прищурил глаза, чтобы не выдали его. При этом кожа осьминога — обычная реакция на опасность — переливалась самыми неожиданными красками, включая синюю и зеленую, и удивительный фейерверк отнюдь не демаскировал его, а только помогал лучше сливаться с цветистым фоном. Находясь примерно в метре от осьминога, я прикидывал, как бы его спутнуть; в эту минуту из-за моего плеча метнулась вперед острога и вонзилась в тело моллюска, который мгновенно уподобился голове Медузы с извивающимися щупальцами-змеями. Незаметно подошедший на лодке Авель торжествующе втащил на борт корчащегося осьминога, между тем как в воде вокруг меня расплылись большие чернильные сгустки.

Извлекаемый из воды и брызжащий чернилами перед вашим носом умирающий осьминог — не самое приятное из моих воспоминаний о восхитительном, неопишимо прекрасном и многоликом маврикийском рифе. Люди расхищают его сокровища, ловят рыбу сверх меры, собирают раковины для продажи, взрывают кораллы, чтобы жалкие остатки изумительных живых организмов пылились за морями на каминной полке самодовольного туриста. Будем же надеяться, что власти Маврикия последуют просвещенному примеру других правительств, скажем сейшельского и танзанийского, и объявят риф морским заповедником, чтобы его красота всегда могла радовать как гостей, так и самих маврикийцев, ведь риф — общедоступный чудодейственный эликсир.

Когда я пишу эти строки, серое небо за окном сеет мелкий снежок, но стоит мне закрыть глаза, и я вижу перед собой великолепие рифа, и на душе становится тепло и радостно.

В «цветнике» мне встретилось однажды огромное скопление хромисов. На площади около пяти квадратных метров собралось не менее двух тысяч особей. Это было нечто незабываемое: около получаса я плавал то будто среди приветствующей весну зеленой листвы, то в окружении упавших в воду и чудом принявших рыбий облик осколков голубого средиземноморского неба. В конце концов, одурманенный и ослепленный, я отыскал свободную от морских ежей и крылаток гладкую коралловую глыбу и сел на нее. Глубина здесь была чуть больше полуметра, я снял маску, и моему взгляду предстали уходящие волнами вдаль горы Маврикия. Бугор за бугром оттопыривали зеленое покрывало леса и клеточек сахарного тростника, словно чьи-то беспокойные локти и колени. А в небе над ними изогнулись целых пять радуг. Я пришел к выводу, что Маврикий мне очень по душе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЗА УДАВАМИ

Судно настойчиво проталкивалось через голубые гряды волн туда, где на фоне желтой и зеленой утренней зари угрюмо возвышался суровый щит острова Круглого.

Прошел год после нашего короткого визита на остров, теперь мы собрались провести на этом нелюдимейшем клочке земли четыре дня и принесли все необходимое. Помимо обычного походного снаряжения взяли канистры с драгоценной водой и много продуктов. Когда идешь на остров, где можно надолго застрять из-за внезапного ухудшения погоды, не следует скупиться на съестные припасы. Правда, количество и вес этих самых припасов предписывали нам разбить лагерь в районе причального камня; достаточно далеко от него, чтобы не опасаться бурного моря, но не настолько далеко, чтобы мы не смогли дотащить туда наше имущество.

Погода была милостива к нам, так что при выгрузке провианта и снаряжения обошлось без происшествий, однако перетаскивать груз почти за сотню метров до избранной нами стоянки в расщелине оказалось очень утомительно, хотя солнце только-только поднялось над горизонтом и остров заслонял его своим массивом. Обливаясь потом и чертыхаясь, мы волокли вверх по каменистому склону палатку, провизию, тяжелые канистры и называли себя последними дурнями за то, что пустились в такое предприятие. Эта мысль посещала нас и в последующие дни.

Поставить палатку оказалось далеко не просто: в одном месте грунт слишком твердый, даже стальной колышек не входит, в другом чересчур рыхлый, крошится и рассыпается в пыль. В конце концов, выбившись из сил, мы кое-как натянули палатку, закрепив оттяжки за шершавые туфовые зубцы — даст бог, выдержат напор ветра. Не очень-то надежно, зато палатка обеспечила нас тем, что так необходимо на острове Круглом, — тенью. Только тот, кому доводилось провести день под жгучими лучами солнца на иссушенном клочке земли, знает, что тень от игрушечного зонтика может быть не менее желанной, чем глубокая прохладная пещера. И что даже горячая питьевая вода лучше, чем никакая.

Убедившись, что мы устроены и знаем, как пользоваться портативной радиостанцией — единственной нашей связью с внешним миром, — Вахаб искупался на доброе суденышко «Сфирна» (сиречь «Молот-рыба»), и вскоре оно превратилось в пятнышко среди моря, направляясь мимо Ганнерс-Куфона к голубеющим вдали туманным горам Маврикия. К тому времени, когда канистры наконец стали в нужном нам порядке, мы почему-то до

Д

того вымотались, что, довольствовавшись легким ужином (от жары совсем пропал аппетит), легли спать сразу после захода солнца.

Наутро, встав до рассвета, мы поднялись к старому панданусу, известному под названием «дерево экскурсантов», поскольку это первое сколько-нибудь тенистое дерево на пути вверх от пристани и здесь обычно все устраивают привал. Решили, что дальше двинемся северным курсом по прямой, насколько это вообще возможно на острове Круглом, через пальмовую зону. Пойдем цепочкой, метрах в пятнадцати друг от друга, от латании к латании (каковые, по нашим сведениям, служили обителью удавчиков) и будем тщательно осматривать каждую из них. Когда станет очень уж жарко, спустимся по склону и направимся в сторону лагеря. Мы рассчитывали обследовать таким способом все пальмы в тридцатиметровой полосе на протяжении восьмисот метров. Всякому, кто сочтет эту задачу вовсе не такой уж трудной, советую отправиться на остров Круглый и попробовать выполнить ее самому.

Весь первый час мы искали с великим усердием. Одна ложная тревога следовала за другой, и все из-за укрывшихся во влагищах пальмовых листьев мирных и дружелюбных сцинков Телфэра или глазастых гекконов Гюнтера: когда от сцинка или геккона только и видно, что хвост, немудрено в первую минуту принять его за змею. Впрочем, мы с удовлетворением отметили, что популяция сцинков, а главное, гекконов с прошлого года намного возросла, о чем свидетельствовало обилие пухлых детенышей.

От тех, кто наблюдал или ловил удавчиков, мы знали, что наиболее распространенный из двух местных видов (если слово «распространенный» вообще применимо к популяции, насчитывающей от силы семьдесят пять особей) обычно укрывается во влагищах листьев латании. Указание четкое и ясное, все предельно просто. Для того, кто в жизни не видел латании. На самом же деле эта пальма далеко не так проста. Ее листья состоят из толстых прямых черешков, увенчанных подобием огромного зеленого веера, причем черешок упругостью равен чугуну, а веер словно сделан из неразрушаемого толстого пластика и оснащен по краям крохотными шипами, достаточно острыми, чтобы оставить вас без глаза. А потому, занимаясь поисками удавчиков, надлежало приблизиться к латании, мощным усилием рук раздвинуть листья и просунуть голову между ними, чтобы увидеть влагища, надеясь при этом от всей души, что черешок не выскользнет из потных пальцев и шипы не исполосуют вашу кожу и не выколуют глаза.

Второй вид, земляной удавчик, обитает в норах, и, чтобы добраться до него, нужно, уподобившись свинье в дубовом лесу, старательно копать тонкий слой почвы над корнями пальмы. Опять-таки нехитрое, по видимости, дело, но только по видимости, ибо старые листья латании, высыхая и ложась на землю, черешками все равно прикреплены к родительскому стволу,

и получается нечто вроде упругой коричневой палатки из веерных листьев, которые надо раздвинуть, чтобы добраться до земли у основания ствола. Мало сказать, что этому занятию сопутствуют потоки пота и сильная жажда: хотя мы купались в собственной испарине, тело буквально раскалялось, а язык словно обосновался в полости, обитой очень старой и очень сухой замшей. Туф нагрелся до такой степени, что хоть яйца пеки на нем. Небо с силой обрушивало на нас волны зноя, они отражались от туфа и обжигали лицо, как будто перед нами вдруг открылась топка. Пройдешь сто шагов — столько пота прольется, что диву даешься, откуда в организме такое количество влаги.

Если бы еще мы двигались по горизонтали, а то ведь либо лезешь вверх, либо спускаешься вниз, все время напрягая мышцы ног. А выпадет прямой участок — так и кажется, что у тебя одна нога короче другой. После двух часов поиска мы устроили привал, чтобы утолить жажду и съесть по апельсину. Опыт охоты на острове Круглом научил нас, что от апельсинов больше проку, чем от тяжелых флаг с водой: организм получает и влагу, и пищу, заодно и пересохший рот освежается.

К этому времени солнце выбралось из-за горы и уставилось на нас чудовищным горящим глазом исполинского дракона. Зная, что жара скоро вынудит нас прекратить охоту, мы спустились по склону метров на пятнадцать и направились обратно к лагерю, продолжая поиск. В тысячный раз раздвинув листья латании, я увидел, как мне показалось, хвост сцинка Телфера и хотел уже следовать дальше, но потом решил, что лучше все-таки проверить. После короткой схватки с листьями я заглянул с другой стороны.

Это был не сцинк, а великолепный взрослый удавчик, который обвил своими кольцами ствол латании там, где влагалища листьев образовали полюбившие чаши. Я хорошо видел его; он лежал спокойно, не обнаруживая никаких признаков тревоги. С того места, где я стоял, его можно было ухватить за кончик хвоста, но такой способ представлялся мне неудачным со всех точек зрения. Во-первых, хвост очень тонкий — пусть даже не сломается, но повредить его ничего не стоит. Во-вторых, если я схвачу удава за хвост, он способен укусить меня за руку. Мне-то ничего не будет, пасть у него малюсенькая, но ведь удавчик может при этом поломать хрупкие, словно рыбья косточка, зубы, а это чревато гангренозным стоматитом. Подвергать риску такой ценный экземпляр мне не хотелось, а снова менять позицию — можно спугнуть его и потерять из виду. Поэтому я позвал Джона, который погрузился в латанию ниже по склону подобно утке, добывающей корм под водой.

Джон! У меня тут змея, поднимись, помоги мне!

Джон вынырнул из недр пальмы и вытер лоб — взъерошенный, расцарапанный, потный, очки затуманены.

Ты уж извини, — отозвался он, — но я слишком занят своей сотней.

Д

— Брось дурачиться! — крикнул я. — Я серьезно.

— Нет, правда?

Он бросился ко мне, скользя и спотыкаясь на туфе.

— Зайди с другой стороны и хватай его, — распорядился я, не дожидаясь, когда он отдышится. — Там его голова. И не давай ему кусаться, я не хочу, чтобы он нажил гангренозный стоматит.

Я продолжал стеречь добычу с тыла, а Джон раздвинул черешки, посмотрел голову удавчика, после чего спокойно протянул свою длинную руку, взял его за шею, осторожно выпутал из листьев и извлек наружу.

Удавчик был длиной поменьше метра; преобладающая окраска оливково-зеленая, с тусклыми желтыми пятнами ближе к хвосту. Голова длинная и плоская, почти листовидная. Поглядеть — какой же это удав...

Тем не менее мы ликовали, да еще как! За каких-нибудь два часа в такой трудной местности поймать одну из самых редких змей на свете — невероятная удача; еще поразительнее было то, что удавчик, можно сказать, во всем нам содействовал.

Мы продолжали охоту с удвоенным рвением. Однако солнце поднималось все выше и выше, жара все усиливалась, латании все упорнее сопротивлялись нам, и в конце концов мы возвращались в лагерь к свежему кокосовому молоку, к арбузам и к раскладушкам, которые на неровном грунте брыкались, словно необъезженные кони. Когда наступила вечерняя «прохлада» и температура упала до каких-нибудь двадцати девяти градусов, так что можно было садиться на туф, не боясь ожогов, мы еще раз прошлись по латаниям, но удача не повторилась.

Ночью полил дождь, и потоки воды катили по туфу и через нашу палатку, так что мы чувствовали себя на раскладушках, как на лодках, плывущих по не самому чистому из венецианских каналов.

Мы были на ногах еще до восхода и, едва небо окрасилось в зеленовато-золотистый цвет, совершили первую вылазку в пальмовую рощу. Утро выдалось намного прохладнее вчерашнего благодаря свежему ветру. Море пестрело белыми лепестками пены, а в небе плыли армады плоских облаков, которые частенько закрывали солнце, давая нам короткие передышки. Мы трудились три часа подряд и видели множество ящериц, вот только змеи не попадались. На привале, когда мы взялись за апельсины, Джон поделился со мной свежей гипотезой.

— Сам посуди, пищи у них вдоволь, — говорил он. — Я уж и не помню, сколько зеленых гекконов и детенышей сцинков видел сегодня, а это все идеальный корм для змей.

— Верно, — согласился я, — с кормом проблем нет.

— Вот и спрашивается, почему же так мало удавчиков? — продолжал Джон.

— Может быть, им трудно находить друг друга среди этих проклятых латаний, — сказал я с горечью.

— А мне кажется, все дело в том, что их детеныши сами служат добычей.

— Добычей? Это для кого же?

— А для сцинков Телфэра. Я понаблюдал за крупными особями, да ты и сам видел, что они глотают все подряд, от жевательной резинки до апельсиновых корок. Только что на моих глазах сцинк Телфэра упледел довольно большого сцинка Бойера. А удавчики, наверно, являются на свет не такими уж крупными. Взрослый сцинк Телфэра — это же зверь, а они весь остров наводнили.

— Пожалуй, ты прав, я как-то об этом не подумал.

— По чести говоря, если мы хотим помочь змеям выжить в диком состоянии, — заключил Джон, — следовало бы отловить четыре-пять сотен сцинков Телфэра и перевезти на Ганнерс-Куойн или Флат.

— Ну, это уж чересчур, — возразил я, заталкивая кожуру от своего апельсина в рыхлый туф. — Ты же знаешь, поборники охраны природы не хуже старых дев способны впасть в истерику, когда заходит речь о разведении животных в неволе и о транслокации видов.

— Ну а я считаю, что это помогло бы спасти удавчика, — упрямо сказал Джон.

— Возможно, возможно. Когда примемся всерьез за проблему острова Круглого, попробуем предложить. А пока давай-ка еще раз схватимся с латаниями.

Полчаса спустя мы столкнулись с фактом, говорящим в пользу гипотезы Джона. Он подозвал меня, чтобы я помог ему проверить несколько латаний, которые росли впритык друг к другу, так что он не мог справиться с ними один. Пока я придерживал свежие черешки, Джон рылся среди сухих листьев в основании пальм. Он выдернул сухой лист из намытого дождем туфа, и неожиданно на землю упала, корчась, какая-то тварь кирпично-красного и желтого цвета, длиной около тридцати сантиметров, толщиной с карандаш. В первую минуту я принял ее за многоножку, но тут же понял, что перед нами змееныш. Меня сбила с толку интенсивная окраска: я никак не ожидал, что юные особи настолько ярче скромно окрашенных взрослых. С торжеством подобрав детеныша, мы осторожно положили его в матерчатый мешочек и заковыляли обратно к лагерю.

— Что я говорил, — пыхтел Джон, спотыкаясь и скользя на выпуклостях острова Круглого. — Куда там этакому малышу против крупного сцинка. А тому лучшей пищи и не надо.

В ту ночь в дополнение к ливню подул такой сильный ветер, что он грохнул оставить нас без палатки. Что и говорить, неприятная была ночь, и мы

Д с облегчением встретили рассвет. Утром прошлись, как обычно, по латаниям и к одиннадцати часам возвратились в лагерь. Море основательно разбушевало; небо заволокли густые тучи. То и дело налетали яростные порывы ветра, и все говорило за то, что еще до конца дня снова польет дождь. Высунувшись во время второго завтрака из палатки, я с удивлением увидел славное суденышко «Сфирну», которое доблестно сражалось с волнами, невзирая на сильную качку. Пока мы недоумевали, что могло выгнать «Сфирну» из гавани в такое ненастье, стало очевидно, что она идет к Круглому. Какие такие важные припасы надумал отправить Вахаб? Нам было невдомек, что сама погода явилась причиной срочного визита. Отдав якорь вблизи пристани, капитан окликнул нас.

— Циклон! — сообщил он. — Метеослужба Маврикия предупреждает о жестоком шторме! Я пришел за вами, пошевеливайтесь!

Мысль о том, чтобы застрять на острове на неопределенный срок в любой по силе шторм, нам настолько не понравилась, что капитан мог бы и не понукать нас. Лагерь был свернут с неслыханной быстротой. Погрузить имущество в шлюпку и с шлюпки на судно оказалось весьма непросто, но в конце концов мы, наши вещи и обе драгоценных змеи очутились на «Сфирне» и пошли по взбрыкивающим волнам к Маврикию.

Предупреждение о шторме действовало целую неделю, и всю эту неделю царил духота, лил дождь, море бушевало. В довершение всего, я еще на Круглом приболел, и недомогание обернулось амебиазом, который, как известно, и раздражает, и истощает. Все указывало на то, что нам больше не попасть на Круглый, чтобы отловить необходимые для разведения змей экземпляры; а недостающего вида ящериц мы и вовсе не добыли. И придется нам оставить удавчиков Вахабу, чтобы он при первой возможности вернул их на родной остров. Точно определить пол змееныша теми средствами, какими мы располагали на Маврикии, мы не могли, а идти на риск с такими редкими рептилиями было бы непозволительно, даже преступно: привезешь их на Джерси, а там выяснится, что обе змеи одного пола. Я изложил все это Вахабу. В ответ он сказал, что, по долгосрочному прогнозу, циклон обойдет Маврикий стороной и наступит длительное затишье.

— Может быть, задержитесь еще немного?

По совету местных врачей я с превеликой досадой только что вынужден был отменить готовившееся семь лет путешествие в Ассам, куда думал отправиться сразу после возвращения на Джерси. В итоге у меня появились свободные дни, но все равно я чувствовал себя слишком паршиво, чтобы еще раз плыть на Круглый и таскаться там с тяжелым снаряжением.

— А не могут власти предоставить нам вертолет? — спросил я с надеждой. — Это неизмеримо облегчило бы нам путь туда и обратно, и к тому же я давно мечтаю полетать на вертолете.

Вахаб изобразил губами куриную гузку и сказал, что это будет трудно, но он попробует.

Через несколько дней он позвонил мне и горделиво сообщил, что премьер-министр разрешил воспользоваться вертолетом. Можем вылетать, как только позволит погода.

Потянулись дни ожидания, пока два циклона, один из них с легкомысленным именем «Фифи», крутились над Индийским океаном, раздумывая, как поступить с Маврикием. К нашему великому облегчению, они решили оставить его в покое, синоптики пообещали хорошую погоду, и мы получили «добро» на вылет в очередной понедельник. Как раз на это время пришлось местные праздники, и Вахаб решил присоединиться к нам, захватив на подмогу мужественного добровольца из числа сотрудников лесничества.

Нам предстояло сесть на вертолет в Порт-Луи, затем лететь на футбольное поле в северной части острова, куда должен был прибыть грузовик с нашим снаряжением. Оттуда до Круглого было четверть часа лета. В назначенный час мы явились к полицейским казармам; здесь из ангара с великой помпой выкатили вертолет. Откинули фонарь маленькой кабины, и мы втиснулись внутрь: Вахаб и Джон — сзади, я — впереди, вместе с нахальным пилотом-индийцем и вторым летчиком. Чувствуя себя, словно золотая рыбка в круглом аквариуме, я с тревогой ждал взлета, поскольку высота — не моя стихия.

Господи, ну и жарница сегодня, — сказал пилот, застегивая ремни. Чертовски жарко.

На Круглом будет еще жарче, — заметил я.

Видит бог, — подтвердил пилот. — Там вы изжаритесь. Ну и жара.

Винт завертелся быстрее, быстрее, внезапно мы взмыли прямо вверх, как на лифте, на миг остановились, потом понеслись вперед в двадцати метрах над крышами Порт-Луи. Это было удивительное чувство; еще ярче, чем на малом одномоторном самолете, я представлял себя в роли ястреба или стрекозы с их способностью подниматься и спускаться по вертикали, нырять и маневрировать в воздухе. Поднявшись на высоту тридцати метров, мы помчались над прямоугольниками сахарного тростника, посреди которых громоздились груды вывороченных плутом огромных коричневых камней, казалось, под нами простирается огромная зеленая шахматная доска с горными слонового навоза. Декоративные деревья на обочинах напоминали кучки раскаленных углей, а сами дороги пестрели, словно полотно импрессиониста, цветными пятнышками — то женщины в цветастых сари шныряли на базар.

Вскоре мы круто пошли на посадку (не слишком приятное ощущение, когда сидишь в стеклянном шаре и тебе кажется, что ты сейчас пробьешь стекло и вывалишься) и легко, как семя одуванчика, приземлились на фут-

Д больном поле. Здесь нас ждал грузовик с полным кузовом снаряжения — палатка, продукты, шестнадцать здоровенных канистр с водой, — и возле машины стоял товарищ Вахаба по лесничеству, стройный молодой человек азиатского происхождения по имени Зозо, обладатель широкой располагающей улыбки и такого курносого носа, что казалось — на вас нацелена двустволка. На нем была форма защитного цвета, глаза скрыты огромными темными очками, на голове — большой серо-зеленый тропический шлем со складов лесничества, того самого типа, который носили Стенли и Ливингстон. Предстоящее приключение чрезвычайно волновало этого обаятельного юношу. Он признался мне, что еще не бывал за пределами Маврикия и никогда не летал, тем более на вертолете. А тут сразу три таких необычных события! Он не находил слов, чтобы выразить обуревающие его чувства.

Мы погрузили снаряжение, оставив канистры для второго рейса, вертолет оторвался от земли и прошел над футбольными воротами, распугав кричащих и смеющихся ребятишек, которые собрались посмотреть на нас. С ревом взмыв вверх над косматыми пальмами, мы понеслись над изумрудной лагуной, над пенистой клумбой рифа и над синим глубоководьем, держа курс на остров, распластавшийся высохшей зеленовато-бурой черепахой на горизонте в двадцати двух километрах от Маврикия.

На картах южной части Круглого можно прочесть: «Большой вертодром» и «Малый вертодром». Столь громкие названия способны вызвать в вашем представлении бетонные плиты, конусные ветроуказатели, даже контору таможни и иммиграции и туристическое агентство. К счастью, все эти прелести здесь отсутствуют. Вертодромы — всего-навсего две ровные площадки, одна несколько шире другой; кстати, это вообще единственные сравнительно большие ровные площадки на острове. Ветер и дождь точили, долбили и разглаживали туф, так что получились пятачки, сравнимые если не с паркетным полом, то, во всяком случае, с более или менее гладким участком лунного ландшафта. Мы приземлились на меньшей площадке, при этом вращение винтов спугнуло белохвостых и краснохвостых фазтонов и одетых в не столь нарядное, темное оперение буревестников, и нас окружила кричащая пернатая метелица. Буревестникам присущи своеобразные, какие-то неземные звучания, которые начинаются с карканья, а оканчиваются совершенно неожиданными для столь невзрачных морских птиц, необыкновенно красивыми буйными трелями. И кто бы подумал, любуясь волшебной красотой фазтонов, что эти птицы кряхтят наподобие человека, воюющего с упрямой пробкой!

В сопровождении пернатого эскорта, обливаясь потом от натуги, мы потащили палатку и припасы через вертодром и вниз по соседствующей с ним лощине. Фазтоны пикировали на нас белыми сосульками, издавая

и их удивительные крики, а буревестники легко скользили рядом с нами в полуметре над землей, словно вышколенные овчарки, охраняющие стадо бесполовых строптивых баранов.

Место для лагеря мы выбрали на краю прорезанной и обточенной ветрами и дождями лощины, спускающейся к морю таким миниатюрным боковым Каньоном. Мощные серые пласты туфа чередовались здесь с участками, которые кролики и морские птицы искрошили так, что образовалось подобие почвы, покрытой зеленым ежиком растений с толстым стеблем, чем-то похожих на полевую горчицу. К счастью, кролики его не трогали, и он служил защитным покровом для драгоценных клочков почвы. На фоне сурового эродированного ландшафта эти клочки казались непорочными зелеными лугами с редкой россыпью пальм, лишенными всяких обитателей, если не считать насекомых да рыскающих тут и там сцинков. Однако с приходом темноты картина сразу изменилась.

Остаток дня ушел у нас на разбивку лагеря и налаживание походного быта. А когда погасли зеленоватые сумерки и на черном бархате неба загорелись звезды, из недр земли внезапно, как по сигналу, вырвались необыкновенные звуки. Сначала мягкие, даже мелодичные, словно где-то в глубинах на снегу под луной печально выла стая волков. По мере того как к хору присоединялись все новые и новые голоса, он стал подобен чудовищной, неистовой мессе полоумных в подземном соборе. К нам доносились финтифешеские призывы священнослужителей и дикие вопли прихожан. Часом получаса земля вибрировала от нарастающих и убывающих звуковых волн, а затем будто разверзались недра, выпуская обреченные души из приподнятой, созданной воображением Гюстава Доре, — то из скрытых под зеленью нор, словно восставшие из могил мертвецы, мяукая, курлыкая, завывая, высыпали птенцы буревестников.

Сотни ковыляющих и порхающих птенцов наводнили наш лагерь, и нашествие это сопровождалось такой какофонией, что мы с трудом слышали друг друга. К тому же эти придурковатые создания решили, что наша палатка — отменная гнездовая нора, созданная специально для них. С писком и уханьем врываясь внутрь и шныряя над нашими кроватями и под ними, они беззастенчиво рассыпали свой помет и отрывали пахнущую рыбной кашею на тех из нас, кто позволял себе непочтительно обращаться с ними.

Честное слово, это уж чересчур, — сказал я, сгоняя со своей кровати двенадцатого птенца. — Знаю, меня считают другом животных, но всему есть предел.

Можно завязать вход, Джерри, — предложил Вахаб, — но тогда будет очень жарко.

Д — Пусть лучше я задохнусь, чем делить постель с этой пернатой когортой! Моя кровать и так похожа на перуанский остров, где добывают гуано, — заключил я с горечью, вылавливая птенца из миски с супом.

Мы завязали вход, и температура внутри палатки сразу подскочила до сорока градусов. В остальном же наш маневр привел лишь к тому, что неунывающие птенцы принялись делать подкопы вдоль стенок. Всякий раз, как один из них проникал к нам таким путем, приходилось развязывать вход, чтобы выбросить его. В конце концов, обороняясь от настойчивой интервенции, мы придавили края палатки канистрами. Тогда побежденные птенцы, окружив нашу обитель, решили развлечь нас ночным концертом.

— Уаааа, уаааа, уууу, — голосила одна группа, и другая отзывалась ей:

— Уаа, уаааа, уууэ.

Соперничающий ансамбль пел на другой лад:

— Ооо, ооо, ооо, ооооо, оо, — и мощный хор подхватывал:

— Уаа, уаа, уаа, ооэээ, уаа, уаа.

Так продолжалось до самого рассвета; перерывы наступали, только когда родители прилетали с кормом, и дикие вопли птенцов сменялись своеобразными, малоприятными звуками, будто из ванны, которую кто-то вздумал наполнить жидким навозом, вытекало содержимое. Это родители отрывали в клювики потомков полупереваренную рыбу. Скоро в палатке воцарился запах как на китобойном судне после удачной охоты.

Под утро, когда мы, совершенно изможденные, стали забываться беспокойным сном, несмотря на гомон, птенцы открыли для себя еще одно достоинство нашей палатки. По очереди взлетая на конек, они лихо съезжали по словно созданному для такой забавы брезентовым скатам. Звук царапаемого когтями брезента напоминал треск рвущегося коленкора, а товарищи смельчаков, сидя кружком, восхищенно вопили:

— Кооу, коорр, коорр... Ооо, коорр, коорр.

Поразмыслив, я заключил, что в жизни не проводил более беспокойной ночи.

На рассвете, так и не поспав толком, мы вылезли из палатки и побрели умываться, спотыкаясь на каждом шагу, сквозь орды птиц, которые продолжали сидеть и курлыкать перед своими норами. На краю розово-оранжево-зеленого небосвода темнела горстка беспорядочно разбросанных облаков. Притихшее море отливало кобальтовой синью. Пальмовые листья над моей головой, запечатленные черной чеканкой на небесном фоне, шуршали, как от незримого дождя. Между ними возлежал в непринужденной позе белый, как фэтон, узенький лунный серп. Небо пестрело буревестниками, приветствующими утро своим многоголосием; тем временем меланхоличные птенцы закопошились в зелени, ныряя в свои подземные убежища.

После завтрака мы отправились к пальмам и посвятили Зозо в искусство ловли змей. Он с напускным безразличием справился, какова его задача: самолично ловить змей или только находить их? Мы ответили, что нас больше устраивает второе. Сдвинув на затылок тропический шлем и по-прежнему утвердив на утином носу темные очки, он приступил к делу. Не прошло и получаса, как Зозо, к нашему удивлению, крикнул, что нашел змею. Мы поспешили к латании, у которой он остановился. В душе я был уверен, что мы увидим хвост сцинка Телфэра. Однако среди листвы и ширм безмятежно лежал молодой удавчик с изящной тонкой головой. В отличие от зеленоватых взрослых особей и красно-желтых детенышей он был темно-оливковый, с кружевом желтоватых пятен на шее, части спины и в основании хвоста. Мы засыпали Зозо комплиментами, и он расплылся в довольной улыбке, так что уголки губ чуть не сошлись на затылке. Ободренные столь быстрым успехом, мы продолжили поиск.

Понятно, охотясь на змей, мы в то же время не оставляли без внимания гекконов Гюнтера (нам нужны были еще молодые самки), а также сцинков Бойера и Телфэра. Зозо, окрыленный тем, что в нем открылся дар исследователя, до того осмелел, что собственноручно поймал несколько юрких пятнистых сцинков Бойера. Вслед за чем, убедившись, что нас никто не слышит, признался мне, что до этой экспедиции боялся ящериц.

Поиск продолжался, пока жара не взяла верх над нашим рвением, после чего мы направились обратно в лагерь, вполне довольные достигнутым: наша добыча включала восемь сцинков Бойера, шесть молодых сцинков Телфэра, трех молодых гекконов Гюнтера и одного удавчика. Под вечер, когда солнце умерило свой пыл, мы совершили повторный заход к латаниям, но без успеха. Ночь опять выдалась беспокойной из-за какофонических упрямств буревестников.

На другое утро мы вышли еще раньше, замислив взойти на одну из вершинок острова и оттуда спускаться к морю. Карабкаться в гору даже в столь ранний час было утомительно, и мы добрались до заветной точки мокрые от пота. Сверху было хорошо видно, как пострадал остров от эрозии: крутые, словно трасса горнолыжников, туфовые склоны были сплошь нарезаны и источены дождями. В лощинах громоздились вымытые из туфа камни, ожидая, когда очередной ливень отнесет их еще ближе к месту окончного упокоения на дне моря. Слагающие вершину мощные туфовые плиты были достаточно твердыми, однако местами они раскисли от ночного дождика и уподобились шоколадке в мальчишеском кармане — стали липкими, скользкими и обросли всяким мусором. Тут надо было двигаться с особой осторожностью; оступишься — будешь катиться без помех сотню метров, пока не врежешься в пальмы. А угодишь в лощину, так и вовсе ни-что не остановит твой двухсотметровый спуск до самого моря.

Д Глядя на изборожденные широкими складками скаты, на редкие косые пальмы, судорожно цепляющиеся за грунт, чтобы не упасть, на выстилающий морское дно пласт серого ила, особенно остро осознаешь, что перед тобой уникальный мирок, чудом возникший в ходе эволюции, а теперь истекающий кровью. Ливни дробят покоробившиеся туфовые полки и пласты, по которым расползлись погребальными венками причудливые жгуты выюнков с пурпурными цветочками. Пока все спорят, что делать с кроликами, и не могут прийти ни к какому решению, этот неповторимый уголок земли с каждым днем уменьшается в размерах. Своего рода миниатюрный образчик того, что происходит по нашей вине со всей планетой, как миллионы видов чахнут из-за отсутствия минимальной бескорыстной заботы.

Около часа мы медленно спускались зигзагами по крутым склонам, исследуя латании, которые терпеливо жались друг к другу всюду, где было за что ухватиться корнями. Даже в наиболее высокой части острова пальмовые рощицы кишели разными тварями. Тараканы и сверчки, жуки и мушки, диковинная личинка в конусовидном чехле, палочники, пауки... И на каждом голом клочке туфа снова взад-вперед без видимой цели мириады крохотных клещей в алом егерском облачении. В норах под сухими листьями латаний обитали диковинные пурпурные наземные крабы, часто-часто размахивающие клешнями кремового цвета, — ни дать ни взять банковские клерки, которые всю жизнь только и делали, что считали чужие деньги, и непрерывное движение рук стало у них рефлекторным. Вокруг каждой латании жили сцинки Телфэра; присядешь на минутку — мгновенно облепят тебя со всех сторон, точно любопытные ребятишки, норовя отведать твоих шнурков или брючин и жадно поглощая все, что ты роняешь на землю, — от апельсиновых корок до бумажек. Переливаясь на солнце струйками ртути, в траве под латаниями в непрерывной погоне за кормом сновали сцинки Бойера, а сами пальмы служили обителью травянисто-зеленых гекконов Винсона с красно-синей головой.

Примостившись в тени небольшой латании, чтобы съесть апельсин, я стал свидетелем любопытнейшего зрелища, которое позволило мне составить себе представление, сколько гекконов Винсона может поселиться на одной пальме и какая хищная натура у сцинка Телфэра.

С наслаждением посасывая апельсин, я вдруг услышал легкую дробь у себя над головой. Решил, что начинается дождь и это его капли барабанят по картонно-плотным листьям. А дробь продолжалась, и тут я задумался, почему это я не вижу капель и не ощущаю брызг. Заинтригованный, поглядел наверх. На просвечиваемых насквозь солнечными лучами веерах зеленых листьев метались и прыгали тени гекконов Винсона. Иногда какой-нибудь геккон останавливался, чтобы выглянуть через край листа, и тут же

устремлялся дальше. Я насчитал не меньше четырех десятков, от взрослых особей до хрупких крошек длиной чуть больше двух сантиметров. Явно кем-то напуганные, они с лягушачьей прытью перескакивали с листа на лист, направляясь вверх. Удивительно красивую картину являли собой эти малютки: черные силуэтики, снующие по зеленому листовенному экрану.

И заглянул между листьями в недра латании, чтобы выяснить, кто напугал такой страх на стайку живых ювелирных поделок. Надеялся увидеть змею, однако моему взору предстал медленно, но верно взбирающийся по черешку крупный сцинк Телфэра. Время от времени он останавливался и смотрел вверх, играя языком. А там наверху все так же метались объятые паникой гекконы, выглядывая из-за листьев круглыми от испуга, блестящими черными глазками на цветных рожицах. Степенное, неторопливое продвижение сцинка придавало ему сходство с доисторическим чудовищем.

Понаблюдав за этой сценой, я решил, что хватит сцинку пугать фрепозобных гекконов, поймал его и отнес метров на пятнадцать от латании. После чего вернулся, чтобы доест апельсин, и увидел, что малютки уже спокойно греются на солнышке и занимаются своими привычными делами.

Полчаса спустя торжествующий возглас Вахаба известил нас, что поймана четвертая змея. Это снова был юный экземпляр, но покрупнее обнаруженного Зозо. Вполне довольные уловом, мы возвратились в лагерь в приподнятом настроении, которого не смог испортить даже ночной перелет буревестников.

Наутро у нас оставалось времени лишь на одну, заключительную, вылазку, поскольку в полдень должен был прибыть вертолет. Мы направились к пальмам, однако ничего не добыли и приступили к изнурительной работе: надо было тащить на горбу все снаряжение из лагеря вниз по ложбине и к переливающемуся маревом вертодromу. Оставили только палатку для защиты от солнца и в заключение с величайшим наслаждением умылись с головы до ног, сохранив три канистры воды для питья.

В четверть первого Вахаб начал беспокоиться; в половине первого пришлось шагать взад-вперед около палатки. Он не терпел перебоев в организованных им мероприятиях. В половине второго мы вскипятили чай и почили себя за то, что не израсходовали всю воду на умывание. В половине третьего Вахаб вызвал из палатки Зозо, они прошли на пропеченный солнцем вертодrom и вместе усталились на окутанные мглой горы Маврикия.

— Вахаб очень недоволен, — заметил Джон. — Он любит порядок во всем.

— Знаю, — отозвался я. — А что мы можем сделать? Может, связаться с Маврикием по радио?

Когда Вахаб вернулся, я высказал ему это предложение. Подумав, он согласился. Мы отнесли крошечный приемопередатчик на вертодrom, оклеили его плотным кольцом и попытались вдохнуть в него жизнь.

Д

— Пустой номер, — молвил наконец Джон. — Он мертв, как дронт. Вахаб укоризненно посмотрел на Джона. Мы прошагали обратно к палатке, оставив усопшую радиостанцию на вертодроме.

— Зозо совсем расстроился, — шепнул мне Джон.

— Еще бы, он ведь только что женился, — заметил я. — Ему рановато превращаться в Робинзозо.

— А он явно думает, что так оно и есть, — заключил Джон.

Зозо, понурившись, сидел под пальмой поблизости. Я решил немного взбодрить его:

— Зозо!

— Что, мистер Джерри? — отозвался он, глядя на меня из-под полей тропического шлема, который придавал ему потешное сходство с зеленым грибом.

— Похоже, вертолет не прилетит за нами.

— Похоже на то, мистер Джерри, — печально согласился он.

— Так вот, — продолжал я вкрадчиво, — ты учти, что подавляющим большинством мы решили начать с тебя, когда кончатся продукты.

Зозо воззрился на меня широко раскрытыми глазами, потом сообразил, что это шутка, и улыбнулся, однако у него не стало легче на душе. Вахаб приготовился в двадцатый раз идти на вертодром.

— Брось, Вахаб, — остановил его я. — Все равно твоя телепатия не поможет.

— Ума не приложу, где они запропали, — сердито сказал Вахаб.

— Знаешь что, — успокоительно произнес я, — давай-ка выпьем по чашечке чаю. Зозо, разогрей чайник.

Зозо наполнил чайник, радуясь, что нашлось какое-то занятие.

— Вот увидишь, — сказал я Вахабу, — как только вода закипит, появится вертолет.

— Откуда ты знаешь? — усомнился Вахаб.

— Черная магия белого человека, — серьезно ответил я, и он ухмыльнулся.

И вот ведь диво: стоило чайнику закипеть, как в ту же минуту мы услышали рокот приближающегося вертолета. В полчаса все имущество было уложено, и мы взлетели в круговерти негодующих фазтонов, держа на коленях матерчатые мешочки с драгоценными змеями и ящерицами.

По моей просьбе пилот описал низкий круг над островом. Под нами прошел голый каменный горб; прошла кромка кратера, как будто некое морское чудовище отгрызло кусок от острова; промелькнула изогнувшаяся бледно-зеленым лунным серпом на склоне трогательная полоска пальм, выше которых темнели могучие пласты эродированного туфа. Казалось не-

вероятным, что даже теперь, когда остров практически мертв, он питает такое разнообразие фауны и флоры; и еще невероятнее, что шесть из числа его обитателей не известны больше нигде в мире.

Вертолет набрал высоту, остров превратился в маленькую точку среди лазурного моря, и я сказал себе, что мы обязаны сделать все, чтобы спасти его.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

РОЗОВЫЙ ПОСТСКРИПТУМ

К 1975 году наши коллеги в Блэк-Ривер располагали парой розовых голубей (однако Дэвид Маккелви считал, что самка уже вышла из плодovитого возраста) и двумя самцами-одиночками. Поскольку в 1976 году приплод так и не появился, было решено отловить еще несколько птиц, чтобы пополнить опытную стаю. Проблема осложнялась тем, что голуби, судя по всему, покинули криптомериевую рощу. Искать тридцать пять птиц среди обширных лесов — задача не из легких. Много часов Джон и Дэйв, мокрые насквозь, бродили по разным участкам, но все их поиски не увенчались успехом. Пришел срок голубям сооружать свои нескладные гнезда на криптомериях, а они как в воду канули. Было из-за чего волноваться. Теперь, задним числом, мы думаем, что период размножения запоздал из-за двух циклонов, которые вынудили нас оставить остров Круглый и на много дней приковали к Маврикию. Как бы то ни было, под конец нашей заключительной вылазки на Круглый розовые голуби вдруг вернулись в криптомериевую рощу и занялись гнездами.

Поскольку до 1976 года ничего не удалось добиться, а нам представлялось крайне важным создать достаточно большие плодovитые группы как на Маврикии, так и на Джерси, я решил, что после нашего возвращения в Англию Джону следует снова отправиться на Маврикий и отловить еще розовых голубей для питомника в Блэк-Ривер и для нашего зоопарка. И как только мы прибыли на Джерси с драгоценным грузом гекконов и змей острова Круглого, Джон сразу стал готовиться к новому путешествию.

Прибыв на Маврикий, он отправился напрямик в криптомериевую рощу, выбрал подходящее дерево, с которого открывался вид почти на всю долину, влез на него и стал ждать розовых голубей. Три часа спустя его посетило сомнение: может быть, они опять перебрались в какое-нибудь другое место? Внезапно взгляд его остановился на голубе, сидевшем на гнезде на соседнем дереве. Потом он говорил:

Д

— Когда я увидел эту дрянь, сразу понял, что три часа таращился на нее и не замечал.

Волнуясь, он слез на землю, подкрался к дереву с гнездом и просидел под ним до темноты, чтобы наверно знать, что до гнезда не добрались шныряющие кругом обезьяньи стаи.

Как только стемнело, Джон поспешил вернуться на базу и поднял на ноги Вахаба, Тони Гарднера и Дэйва. Вместе они решили рано утром отправиться в рощу. Если в гнезде окажется птенец — заберут его и заменят птенцом вяхиря таких же размеров. А затем развешат кругом сети, чтобы поймать родителей.

Расчеты оправдались — в гнезде, к их радости, и впрямь находился почти оперившийся птенец, которого они заменили вяхирем. После чего с великими трудностями развесили сети.

Однако когда возвратилась мамаша, она то ли по хитрости, то ли по глупости (последнее более вероятно) миновала сети и принялась как ни в чем не бывало кормить птенца, совершенно непохожего на ее собственного. Охотники весь день прождали впустую и ушли, не убирая сети, с тем чтобы вернуться на рассвете следующего дня. В их отсутствие обезьяны обнаружили гнездо, разорили его и сожрали птенца. Хотя ловцам не удалось поймать родителей, они могли утешать себя тем, что спасли от гибели розового птенца. Его поместили в вольер в Блэк-Ривер, и через три дня он уже летал и кормился самостоятельно.

Тем временем Джон продолжал поиски и вскоре напал еще на одно гнездо с яйцом. Они с Дэйвом заранее продумали, как поступить в таком случае. Из наблюдений Дэйва было известно, что яйцо насиживают оба родителя и смена происходит примерно в 10 часов утра и 4 часа дня. Отсюда решение: забрать яйцо, чтобы поместить в инкубатор в Блэк-Ривер, а взамен положить яйцо домашнего голубя и накрыть гнездо специальной ловушкой, с тем чтобы поймать истинную пару. Ограничиться лишь одной птицей значило рисковать, что она окажется не того пола, который нужен. Ловушка представляла собой старинную конструкцию, придуманную для поимки соколов, — нечто вроде круглой клетки, в которую помещали для приманки либо птицу (когда охотились на сокола), либо яйцо (как в данном случае). Верх клетки накрывается сеткой из сотен редких нейлоновых петель; садясь на ловушку, птица застревает ногой в одной из них.

Выждав подходящий момент, Дэйв влез на дерево, заменил яйцо розовых голубей яйцом домашних и тщательно накрыл все гнездо ловушкой. Все это время голубь сидел метрах в десяти от гнезда и, по словам Джона, следил за происходящим без всякой тревоги и даже без особого интереса. Как только Дэйв спустился на землю, голубь подлетел к гнезду и стал прохаживаться по веткам. Дважды он спокойно пересек ловушку, но на тре-

тний раз все-таки застрял. Они слышали, как он отчаянно хлопает крыльями, Дэвид молниеносно влез на дерево и схватил голубя в последнюю секунду, потому что тот зацепился всего одним когтем. Стали ждать дальше, через два часа прилетела голубка и вскоре тоже попала в ловушку. Торжествующие охотники доставили в Блэк-Ривер первую истинную пару розовых голубей.

Окрыленные успехом, они решили уделить все внимание поиску других гнезд. Вместе с Зозо и еще двумя помощниками продолжали прочесывать лес и за неделю обнаружили четыре обитаемых гнезда, на которых поймали две истинные пары и одну голубку для двух одиночных самцов, содержащихся в Блэк-Ривер.

Из собранных ими яиц одно оказалось испорченным, но в тот день, когда Джон покидал Маврикий, из двух других яиц, подложенных домашним голубям, благополучно вылупились птенцы, и ожидался третий. Таким образом, в Блэк-Ривер образовалась жизнеспособная колония, дальнейшее размножение розовых голубей в неволе было обеспечено.

Джон привез на Джерси две пары и молодого голубя. Они отлично прижились на новом месте. Таким образом, пока не решена проблема обезьян и охраны криптомериевой рощи, мы рассчитываем, что нам удастся вывести в Блэк-Ривер и на Джерси достаточно большую популяцию, защищенную как от обезьян, так и от циклонов. Со временем мы сможем вернуть потомство наших голубей на Маврикий, чтобы пополнить малочисленную дикую стаю в ее ненадежной обители.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

СООБЩЕНИЕ

от Фонда охраны дикой природы Джеральда Даррелла

Усилия Джеральда Даррелла по спасению крыланов с острова Родригес, розового голубя, маврикийского сокола, длиннохвостых попугайчиков и нескольких видов рептилий с острова Раунд-Айленд придали новый импульс кампании по сохранению богатого разнообразия животного мира на нашей планете, которая стала делом всей его жизни.

Эта кампания за сохранение исчезающих видов не закончилась со смертью Джеральда Даррелла в 1995 году. Его работа продолжается благодаря неустанным усилиям Фонда охраны дикой природы.

В течение ряда лет многие читатели книг Джеральда Даррелла настолько вдохновлялись его впечатлениями и видением мира, что выражали желание продолжить историю, поддерживая деятельность его фонда. Мы надеемся, что вы тоже внесете определенный вклад, потому что своими книгами и всей своей жизнью Джеральд Даррелл ставит перед нами важную задачу. «Животные составляют бессловесное и лишенное права голоса большинство, — написал он, — которое может выжить лишь с нашей помощью».

Пожалуйста, не теряйте интереса к охране природы, когда вы перевернете эту страницу. Напишите нам, и мы расскажем вам, как можно принять участие в нашей работе по спасению животных от вымирания.

Чтобы получить более подробную информацию или направить пожертвования, обращайтесь по следующему адресу:

Durrell Wildlife Conservation Trust
Les Augrès Manor
Jersey, English Channel Islands, JE3 5BP
UK
www.durrellwildlife.org

*Посвящается Энн Питерс,
которая была моим секретарем
и навсегда останется моим другом,
потому что она любит
Корфу и, пожалуй, знает его
лучше, чем я.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СОБАКИ, СОНИ И СУМБУР

Лето выдалось на редкость щедрое. Казалось, солнце извлекло из почвы особенно богатые дары: никогда еще не видели мы такого обилия цветов и плодов, никогда еще море не было таким теплым и не водилось в нем столько рыбы, никогда еще птицы в таком количестве не высиживали птенцов, никогда еще над полями не порхало такое множество бабочек и прочих насекомых. Большущие тяжелые арбузы с рассыпчатой и прохладной, будто розовый снег, мякотью напрашивались на сравнение с ботаническими бомбами, каждая из которых могла бы уничтожить целый город; на деревьях, полные сладкого сока, висели огромные бархатистые груши, оранжевые и розовые, как осенняя луна; зеленые и черные плоды инжира лопались от напора изнутри, и к розовым трещинкам лепились золотисто-зеленые бронзовки, опьяненные неистощимым щедрым угощением. Деревья стонали под тяжестью вишен, отчего сады выглядели так, словно в них убили исполинского дракона и алые и бордовые капли крови окропили листву. Початки кукурузы были длиной с руку; укусишь канареечно желтую мозаику зерен, и рот наполняется белым молозивом. Копя запасы к осени, на деревьях набухали нефритово-зеленые плоды миндаля и греческого ореха; среди листьев, яркие и лоснящиеся, будто птичьи яйца, сырляндами висели гладкие оливки.

Естественно, что при таком кипении жизни на острове моя коллекторская активность удвоилась. Помимо обычных еженедельных вылазок в обществе Теодора теперь я совершал куда более смелые и продолжительные экспедиции, так как обзавелся осликом. Сие четвероногое, по имени Салли, я получил в подарок на день рождения; при всем своем упрямстве, Салли была бесценным компаньоном, когда предстояло покрывать большие

Д расстояния и нести различное снаряжение. Притом упрямство возмещалось одним великим достоинством: подобно всем ослам, Салли обладала безграничным терпением. Пока я наблюдал того или иного представителя животного мира, она безмятежно созерцала пространство или же погружалась в присущую ослам дремоту, это напоминающее транс блаженное состояние, когда ослы стоят с полужакрытыми глазами, как будто грезя о некой нирване, и до них не доходят ни оклики, ни угрозы, ни даже удары палкой. Собаки, подождав немного, начинали зевать, вздыхать, чесаться и множеством прочих знаков давали понять, что, на их взгляд, мы уделили достаточно внимания очередному пауку или иной твари, пора двигаться дальше. Когда же Салли предавалась дремоте, все говорило за то, что она, если понадобится, способна простоять так не один день.

От своего друга в деревне, опытного наблюдателя, который добыл не один экземпляр для моей коллекции, я услышал однажды, что в скалистой долине, километрах в восьми от нашего дома, он заприметил двух огромных птиц. Похоже, они там гнездятся. Согласно его описанию, это могли быть только орлы или грифы, а мне страшно хотелось заполучить птенцов любого из этих двух видов. В моей коллекции пернатых хищников уже числились три вида сов, перепелятник, дербник и пустельга; для полного счастья мне недоставало орла или грифа. Нужно ли говорить, что я не стал делиться своим замыслом с родными: на мясо для моих животных и без того уходили астрономические суммы. К тому же я хорошо представлял себе, как воспримет Ларри предложение поселить в доме грифа. Обзаводясь новыми домашними животными, я давно уже взял за правило ставить Ларри перед свершившимся фактом. Главное — пронести экземпляр в дом, а там я всегда мог рассчитывать на поддержку мамы и Марго.

Я готовил экспедицию очень тщательно, уложил провиант для себя и собак, взял добрый запас лимонада, а также обычный набор коллекторских банок и коробок, сачок для ловли бабочек и большую сумку для орла или грифа. Еще я взял бинокль Лесли — он был мощнее моего. Спросить разрешение Лесли я не мог — его весьма кстати не было дома, но я не сомневался, что он охотно одолжил бы мне свой бинокль. Проверив напоследок все снаряжение, дабы удостовериться, что ничто не упущено, я принялся нагружать Салли. На редкость строптивая и раздражительная в этот день, даже на ослиную мерку, она нарочно наступила мне на ногу и больно ущипнула зубами зад, когда я нагнулся за упавшим сачком. Тумак, который Салли получила за безобразное поведение, сильно обидел ее, так что начали мы экспедицию, не испытывая особого расположения друг к другу. Я холодно нахлобучил соломенную шляпу на лилейного вида мохнатые уши Салли, свистнул собак и тронулся в путь.

Несмотря на ранний час, солнце припекало и обрамленное жарким маричиом небо светилось яркой голубизной — вроде той, какую можно увидеть, если посыпать солью на пламя. Сперва мы следовали по дороге, устланной толстым слоем липучей, как цветочная пыльца, белой пыли. В пути нам встречались мои деревенские друзья; они ехали верхом на осликах — кто на базар, кто на работу в поле, и эти встречи неизбежно тормозили наше продвижение, так как воспитанность предписывала поздороваться с каждым из них. На Корфу положено при встрече всласть поболтать, а заодно и принять в знак дружеского расположения ломоть хлеба, горсть арбузных семечек или кисть винограда. И когда пришло время покинуть жаркую пыльную дорогу и приступить к подъему в гору через прохладные оливковые рощи, я был нагружен всевозможными съестными припасами, среди которых выделялся величиной арбуз, щедрый дар моего доброго друга — тетюшки Агати. Мы не виделись с ней целую неделю, то бишь целую вечность, и она явно решила, что все это время я голодал.

После пекла на дороге тенистые оливковые рощи встретили меня колодезной прохладой. Псы, как обычно, устремились вперед, выискивая поживу среди пятнистых толстых стволов и с бешеным лаем гоняясь за дерзкими ласточками, которые проносились над самой землей. Разумеется, погоня кончалась неудачей, тогда собаки пытались сорвать ярость на какой-нибудь ни в чем не повинной овечке или глупой курице, и приходилось строго призывать их к порядку. Заметно повеселевшая Салли бодро гусила по склону, обратив одно ухо вперед, а другое назад, чтобы слышать мое пение или комментарии о том, что нас окружало.

Покинув сень олив, мы продолжали подъем по жарким склонам, пробираясь через миртовые заросли, рощицы падуболистного дуба и густой ракитник. Копыта Салли немилосердно давили разные травы, и горячий воздух наполнялся запахами шалфея и тимьяна. Псы тяжело дышали, Салли и обливались потом, когда мы добрались до золотистых и ржаво-красных склосов срединной гряды; далеко внизу простиралось васильковое море. В положении второго я устроил привал в тени под большой скалой. Настроение было скверное. Следуя указаниям моего друга, я и впрямь высмотрел на каменном карнизе гнездо грифа; больше того, в нем сидели два тучных и вполне оперившихся птенца — самый подходящий возраст, чтобы отнести их домой и выкормить. Однако мое ликование омрачилось тем, что добраться до гнезда ни сверху, ни снизу было невозможно. Безуспешно потратив час на попытки похитить детенышей, я был вынужден отказаться от замысла пополнить грифами свою коллекцию пернатых хищников. Мы спустились по склону вниз и сели отдохнуть и перекусить в тени деревьев. Пока я уписывал бутерброды и крутые яйца, Салли подкрепилась сухими кукурузными початками и арбузными корками, а псы утолили жажду сме-

Дшанным блюдом из арбуза и винограда. Торопливо поглощая сочные плоды, они давились арбузными семечками и подолгу откашливались. Невоспитанные обжоры, они управились со своим завтраком намного быстрее, чем мы с Салли. Убедившись, что добавки ждать не приходится, псы покинули нас и затрусили вниз, рассчитывая выследить что-нибудь съедобное.

Лежа на животе, я хрустел розовой, как коралл, прохладной арбузной мякотью и рассматривал склон. Метрах в пятнадцати ниже меня торчали развалины небольшого крестьянского дома. Кое-где на склоне различались плоские дуги бывших возделанных клочков. Очевидно, хозяин покинул этот участок, когда убедился, что истощенная почва крохотных огородов больше не в силах питать кукурузу или овощи. Постепенно дом разрушился; расчищенными клочками завладели мирт и бурьян. Глядя на развалины и пытаясь представить себе, кто здесь жил прежде, я заметил, как в тимьяне подле одной из стен мелькнуло что-то рыжеватое.

Осторожно протянул руку за биноклем и поднес его к глазам. Теперь я четко видел груды камня у подножия стены. Никакого движения... Внезапно из-за кустика тимьяна вынырнул рыжий, как осенний лист, маленький гибкий зверек. Это была ласка, совсем юная и невинная, судя по ее повадкам. Первая ласка, увиденная мной на Корфу, и она сразу меня очаровала. Зверек озадаченно поглядывал по сторонам, потом встал на задние лапки, усиленно принюхиваясь. Не почуяв, видимо, ничего съедобного, ласка села и принялась чесаться — энергично и, судя по всему, с большим наслаждением. Потом вдруг прервала это занятие и стала подкрадываться к яркой, канареечно-желтой бабочке. Однако та вспорхнула у нее из-под самого носа и улетела прочь; челюсти одуряченного зверька щелкнули впустую. Ласка снова поднялась на задние лапки, высматривая, куда подевалась добыча, но слишком сильно откинулась назад и едва не упала со своего камня.

Я наблюдал, восхищаясь крохотными размерами, чудесной окраской и невинностью ласки. Мне страшно захотелось поймать ее для пополнения моего зверинца, но я понимал, что это будет трудно. Пока я прикидывал, как лучше всего осуществить свой замысел, в развалинах дома разыгралась небольшая драма. По низкому кустарнику заскользила тень, напоминающая мальтийский крест, и я увидел перепелятника. Он летел совсем низко курсом на ласочку, которая сидела на камне, принюхиваясь и явно не подозревая о грозящей опасности. Крикнуть? Хлопнуть в ладоши? Но тут и ласка заметила хищника, стремительно развернулась, грациозно прыгнула к стене и исчезла в трещине между двумя камнями, такой узкой, что, казалось, туда и веретенице не протиснуться, не говоря уже о маленьком млекопитающем. Точно я наблюдал трюк фокусника: только что на камне сидел зверек, а мгновением позже стена впитала его, будто дождевую каплю. Перепелятник притормозил расправленным хвостом и завис в воздухе, явно

надеясь, что ласка выйдет наружу. Прождав понапрасну секунду-другую, он заскользил вниз над склоном в поисках менее сторожкой дичи. Вскоре из трещины выглянула мордочка. Убедившись, что опасность миновала, зверек осторожно покинул убежище. После чего двинулся вдоль стены, заглядывая и ныряя в каждую ямку и щель между камнями, словно именно такую мысль подсказала выручившая его трещина. Следя за лаской, я соображал, как бы спуститься по склону и набросить на нее свою рубашку, прежде чем она меня заметит. Судя по мастерскому трюку с исчезновением, который спас ее от перепелятника, задача явно была не из легких.

В эту минуту ласка, гибкая, как змея, скользнула в дыру у основания скалы. А из другой дыры, чуть выше, выскочил еще один зверек. Насмерть испуганный, он пробежал по верху стены и скрылся в расщелине. Мое сердце учащенно забилося, ведь я успел опознать животное, за которым охотился не первый месяц: это была садовая соня — пожалуй, один из самых симпатичных европейских грызунов. Величиной с половину крупной крысы, в светло-коричневой шубке, с ярко-белым брюшком и длинным пушистым хвостом, заканчивающимся черно-белой кисточкой; мордочка описана полоской черной шерсти, протянувшейся из-за ушей вокруг глаз, — до смешного похоже на маску, служившую прежде неперемнным атрибутом грабителей.

Как быть? Там, внизу, два зверька, которых я страстно желаю заполучить, причем один гонится за другим, и оба чрезвычайно сторожкие. Нужен точный расчет, иначе можно остаться с носом. Я решил начать с ласки — она более подвижна, а соня вряд ли покинет свое новое убежище, пока ее не спугнут. Поразмыслив, я заключил, что сачок превосходит рубашку как орудие лова, и, вооружившись им, предельно осторожно двинулся вниз по склону, замирая на месте всякий раз, когда ласка выглядывала из дыры. И вот уже лишь несколько шагов отделяют меня от стены. Крчико сжимая рукоятку сачка, я ждал, когда ласка выйдет из недр исследуемого ею убежища. И она вышла, но так внезапно, что я был застигнут врасплох. Ласка села на задние лапки и воззрилась на меня с любопытством, в котором не было и намекa на тревогу. Я уже приготовился взмахнуть сачком, как вдруг через кусты, свесив язык и виляя хвостом, ко мне с тряском прорвались три барбоса, до того счастливые, словно увидели мечил вновь после долгих месяцев разлуки. Ласка исчезла. Только что сидела на камне, остолбенев от ужаса при виде собачьей лавины, — и нет ее. Основательно отчитав собак, я прогнал их почти на самый верх горы, где они улеглись в тени, озадаченные и обиженные моей вспыльчивостью. После чего я решил попытаться поймать соню.

За долгие годы скрепляющий камни раствор утратил вязкость, и сильные зимние дожди вымыли его, так что от дома остались, по существу,

Д только куски сухой кладки. Пронизывающий стены лабиринт сообщающихся ходов и полостей служил идеальным убежищем для всякой мелкой живности. Единственный способ охоты в таких условиях — разобрать кладку, что я и принялся делать. Прилежные старания позволили мне обнаружить лишь пару негодующих скорпионов, несколько мокриц да юного геккона, который обратился в бегство, оставив мне извивающийся хвостик. Было жарко, хотелось пить, и, потрудившись над стеной около часа, я сел передохнуть в тени у еще нетронутого участка.

Прикидывая в уме, сколько времени уйдет на разрушение оставшейся кладки, я вдруг увидел соню. Вынырнув из дыры примерно в метре от меня, зверек полез вверх, словно этакий тяжеловесный альпинист, а очутившись наверху, уселся на тучном сидении и принялся старательно мыть свою мордочку, не обращая на меня никакого внимания. Я не верил своей удаче. Медленно, с величайшей осторожностью занес сачок над соней, затем резко опустил вниз. И все было бы хорошо, будь верхняя грань стены ровной. Увы, прижать края сачка так плотно, чтобы не было просвета, оказалось невозможно. К моему великому разочарованию и недовольству, соня, оправившись от испуга, протиснулась на волю, промчалась вдоль стены и исчезла в очередной расщелине. Правда, это ее погубило: она очутилась в тупике и не успела обнаружить свой промах, как я уже накрыл выход сачком.

Теперь предстояло извлечь зверька из укрытия и посадить в сумку так, чтобы избежать укусов. Задача непростая, и острейшие зубки успели вонзиться в подушечку моего большого пальца, окропив кровью меня, мой носовой платок и самого зверька. Все же мне удалось водворить его в сумку. Окрыленный успехом, я уселся верхом на Салли и торжествуя направился домой с новым приобретением.

Дома я отнес соню в мою комнату наверх и поместил в клетку, до недавних пор служившую обителью для детеныша черной крысы. Детеныш кончил свое существование в когтях моей сплюшки Улисса. Эта сова была твердо убеждена, что все грызуны сотворены милосердным провидением для наполнения ее желудка, а потому я позаботился о том, чтобы моя драгоценная соня не могла сбежать, обрекая себя на схожую участь. Заточив добычу в клетку, я смог более внимательно рассмотреть ее. Оказалось, что зверек — самочка, а подозрительно большой живот сони наводил на мысль, что она беременна. Поразмыслив, я дал ей имя Эсмеральда (я как раз прочел «Собор Парижской Богоматери», и героиня романа покорила мое сердце) и выделил для размещения будущего потомства картонную коробку, выстланную паклей и сухой травой.

Первые несколько дней Эсмеральда бульдогом кидалась на мою руку, когда мне надо было произвести уборку в клетке или поставить корм, но

через неделю обвыклась и стала относиться ко мне терпимо, хотя и с некоторой опаской. По вечерам Улисс, восседавший на своей жердочке над окном, просыпался, и я отворял ставни, чтобы он мог вылететь на охоту в окрестные лунной оливковые рощи, откуда он возвращался уже около двух часов ночи; дома его ждала тарелочка фарша. Проводив Улисса, можно было выпустить Эсмеральду из клетки и дать ей размяться часок-другой. Она оказалась очаровательным существом, удивительно грациозным, несмотря на тучность, и совершала поистине головокружительные прыжки с буфета на кровать, которая служила трамплином для последующего прыжка на книжную полку или на стол, причем длинный пушистый хвост играл роль балансира. Любопытство ее не знало предела, и каждую ночь соня с трепещущими усиками тщательнейшим образом изучала мою комнату со всем ее содержимым, хмуро озираясь сквозь свою черную маску. Выяснилось, что она обожает больших коричневых кузнечиков, и, когда я лежал на кровати, Эсмеральда нередко пристраивалась на моей голой груди и хрупала любимым лакомством. Из-за этого моя постель постоянно была устлана колючим слоем надкрыльев, искрошенных ног и кусочками жесткого торакса, ибо Эсмеральда была прожорливым и не очень благовоспитанным едоком.

И вот наступил волнующий вечер, когда Улисс, расправив бесшумные крылья, с присущим этим совам криком «тоинк, тоинк» направился к оливковым рощам, а я, отворив дверцу клетки, обнаружил, что Эсмеральда не желает выходить. Затаившись в картонной коробке, она встретила меня сердитым писком. Моя попытка обследовать ее спальню привела к тому, что соня тигром вцепилась в мой указательный палец, и мне стоило большого труда выволить его из ее зубов. После чего, крепко держа ее за загривок, я проверил коробку и, к величайшей своей радости, увидел восемь расклевывающих, как цикламеновый бутон, детенышей величиной с орешек. В восторге от столь счастливого события, я осыпал Эсмеральду кузнечиками, длинными семечками, виноградом и другими лакомствами, к которым она питала особое пристрастие, а сам приступил к наблюдениям.

С жадным интересом следил я за развитием малышей. Вскоре у них прорезались глаза, тело обросло шерсткой. И вот уже стоило мамаше отпирнуться, как наиболее сильные и отважные с трудом вылезали из коробки и ковыляли на слабых ножках по клетке. Встревоженная Эсмеральда тутчас ловила странника и с недовольным ворчанием несла его во рту обриту в безопасное убежище. С одним-двумя послушниками она еще управлялась, но когда вся восьмерка достигла любознательного возраста, мамаша уже не поспевала за ними, и пришлось предоставить им волю. Детеныши начали следом за родительницей выходить из клетки, и тут я обнаружил, что сони, подобно буроzubкам, ходят караваном. Вот как это выглядело:

Д впереди выступает Эсмеральда, за ней, держась за мамин хвост, семенит детеныш номер один, за его хвостик держится номер два, и так далее. Это было чарующее зрелище — девять крохотных зверьков в черных масках семенили по комнате, словно оживший пушистый шарф, парили в воздухе над кроватью или карабкались вверх по ножке стола. Кинешь на пол или кровать горсть кузнечиков — и малыши с разных сторон с ликующим писком набрасываются на угощение, до смешного похожие на шайку разбойников.

Когда же детеныши совсем выросли, пришлось отнести их в оливковую рощу и выпустить на свободу. Слишком много времени уходило на то, чтобы обеспечить пропитанием девять прожорливых сонь. Я отпустил их около купы падуболистного дуба, где они и обосновались. На закате, когда расписанное вечерними облаками небо уподоблялось цветом зеленой листве, я спускался к заветной купе и смотрел, как маленькие сони в черных масках с изяществом балерин сновали по густым ветвям, охотясь на мошек и переговариваясь писклявыми голосами.

Одна из моих вылазок верхом на Салли привела к тому, что наш дом наводнили собаки.

В тот раз я направился в горы, намереваясь отловить несколько агам на скалах, лоснящихся селенитом. Под вечер, когда кругом пролегли густые черные тени и ландшафт купался в золотистых косых лучах заходящего солнца, мы возвращались домой — томимые жарой и жаждой, усталые и голодные, потому что припасы были давно уничтожены. Последний виноградник на нашем пути смог уделить нам лишь несколько кисточек черных-пречерных ягод, от кислоты которых псы скривили губы и зажмурились, а я острее прежнего ощутил жажду и голод.

Решив, что мне как руководителю экспедиции надлежит позаботиться о пропитании отряда, я остановился и раскинул умом. Мы находились на одинаковом расстоянии от трех возможных источников пищи. Во-первых, старый пастух Яни. Я знал, что он охотно снабдил бы нас сыром и хлебом, однако его жена сейчас, скорее всего, еще работает в поле, да и сам он пастет на лугах своих коз. Во-вторых, тетушка Агати, одиноко живущая в крохотной развалюхе. Но она была так бедна, что я стыдился что-нибудь брать у нее, более того, сам делился с ней своими припасами, когда проходил мимо. И наконец, милейшая и добрейшая матушка Кондос, вдова восьмидесяти лет, обитающая вместе с тремя незамужними (на мой взгляд, безнадежно незамужними) дочерьми на не отличающейся чистотой, однако процветающей ферме в южной долине. По местным понятиям, это было зажиточное хозяйство: пять-шесть акров олив и огородов, два ослика, четыре овцы и корова. Словом, этикие здешние мелкопоместные дворяне; и я заключил, что удостою их чести пополнить наши запасы.

Три чрезмерно дородные, некрасивые, но добросердечные девицы только что вернулись с полевых работ и сгрудились около маленького колодца, шумные и яркие, как попугаи, отмывая свои толстые, волосатые, смуглые ноги. Сама матушка Кондос сновала взад-вперед, точно маленькая заводная игрушка, разбрасывая кукурузные зерна крикливой стае взъерошенных кур. В крохотном теле матушки Кондос не было ни одной прямой линии: спина изогнута наподобие серпа, ноги искривлены из-за многолетнего пошения тяжестей на голове, непрестанно что-то поднимающие руки и пальцы тоже скрючены. Губы подогнулись, открывая беззубые десны, а одуванчиковый пух бровей образовал белоснежные дуги над черными глазами в ободке из синих век, защищенном по бокам изгородью из кривых морщин на нежной, словно шляпка молодого гриба, коже.

При моем появлении дочери радостно завизжали и окружили меня, будто добродушные лошади-тяжеловозы. Излучая в равных долях нежные чувства, запах пота и аромат чеснока, они прижимали меня к своим исплинским животам и осыпали поцелуями. Матушка Кондос — маленький сторбленный Давид среди этих благоухающих Голиафов — растолкала их, пронзительно крича: «Дайте его мне, дайте его мне! Моего золотенького, неаглядного моего, любимого! Дайте его мне!» — заключила меня в свои объятия и принялась запечатлевать на моем лице жесткие поцелуи: десны матушки Кондос не уступали твердостью роговым челюстям черепахи.

Наконец, после того, как меня основательно расцеловали, погладили и пощипали, удостовераясь, что это в самом деле я, мне было дозволено сесть и попытаться объяснить, почему я так долго не показывался. Подумать только: уже целая неделя прошла, как мы виделись в последний раз! Как я могу быть таким жестоким, таким забывчивым, таким ветреным? Но раз уж я все-таки пришел, может быть, что-нибудь поем? Я поспешил ответить утвердительно за себя и за Салли тоже. Мои псы, совсем чуждые хорящих манер, уже сами позаботились о своем пропитании. Вьюн и Пачкун сорвали сладкие ягоды белого винограда с лозы, оплетающей часть дома, и жадно поглощали их, а Роджер, у которого жажда явно взяла верх над голодом, отыскал среди стволов инжира и миндаля арбуз и выпотрошил его. Распластавшись на земле, он уткнулся носом в прохладное розовое нутро арбуза и сосал сладкий сок, зажмурив глаза от блаженства. Салли незамедлительно получила сноп овса для насыщения желудка и ведро воды для утоления жажды, мне же вручили здоровенный батат с черной обугленной кожицей и упоительно сочной мякотью, миску миндаля, несколько плодов инжира, две огромные груши, ломоть желтоватого хлеба, оливковое масло и чеснок.

Заморив червячка этим угощением, я был готов к обмену новостями. Пени упал с оливы и сломал руку, дурачок; Леонора ждет нового ребенка

Двамена умершего; Яни — нет, не тот, а другой Яни, что живет за горой, — поругался с Таки из-за цены, которую тот запросил с него за осла, и Таки до того разохлился, что выпустил из ружья заряд в стену дома Яни, да только ночь была темная, а Таки пьяный, и вместо Яни досталось дому Спиро, и теперь они не разговаривают друг с другом. Досконально и со вкусом обсудили мы нрав и недостатки общих знакомых, потом я вдруг заметил, что в нашем обществе недостает Лулу — так звали собаку матушки Кондос, поджарую длинноногую суку с большими грустными глазами и длинными, как у спаниеля, болтающимися ушами. Она была тощая и шелудивая, как и все деревенские собаки, ребра выпирали, словно струны арфы, и все же я любил эту милую псину. Обычно Лулу в числе первых приветствовала меня, но сейчас я тщетно искал ее взглядом. «Что-нибудь случилось?» — поинтересовался я.

— Щенки! — ответила матушка Кондос. — По-по-попо — одиннадцать штук, представляешь себе?

Перед родами Лулу привязали к оливе за домом, и родила она в самой гуще куста. Лулу восторженно встретила меня, после чего с интересом смотрела, как я на четвереньках пробираюсь в куст и вытаскиваю щенят, чтобы получше рассмотреть. Не в первый раз дивился я тому, что такие тощие, изможденные мамы производят на свет толстеньких крепких щенят с воинственной плоской мордашкой и звонким чайчьим голосом. Окрас, как всегда, отличался широким разнообразием: черно-белый, бело-коричневый, серебристо- и голубовато-серый, сплошь черный, чисто-белый. На Корфу, какой помет ни возьми, многообразие окраса так велико, что разрешить вопрос об отцовстве практически невозможно. Разложив на коленях поскуливающий пестрый выводок, я сказал Лулу, какая она умница. В ответ Лулу усиленно завильяла хвостом.

— Как ты сказал, умница? — пробурчала матушка Кондос. — Не умница, а распутница. Одиннадцать щенят! Одного оставим, от остальных будем избавляться.

Я отлично понимал, что Лулу не оставят весь выводок, ей еще повезет, что будет хоть один сосунок. А не прийти ли мне на выручку? И я объявил, что моя мама будет счастлива заполучить щенка, больше того, будет навек благодарна семейству Кондос и Лулу за такой дар. После долгих раздумий я остановил свой выбор на пухлом пискуне, который мне особенно понравился. Это был черно-бело-серый кобелек с бровями и лапами яркого соломенного цвета. Попросил оставить его для меня, пока он не подрастет настолько, что его можно будет отлучать от матери; тем временем я обрадую свою родительницу известием, что мы приобрели еще одного пса и теперь наш комплект будет включать пять особей — отличная, на мой взгляд, круглая цифра!

К моему удивлению, мама нисколько не обрадовалась намеченному приросту нашей своры.

— Нет-нет, милый, — твердо произнесла она, — никаких новых собачек. Четырех вполне достаточно. И без того на прокорм всех твоих сов и прочих животных уходит целое состояние. Так что о новой собаке не может быть и речи.

Напрасно я возражал, что щенок будет умерщвлен, если мы не помешаем этому. Мама стояла на своем. Оставалось только одно. Я уже заметил, что мама автоматически отвечает решительным «нет» на вопросы вроде: «Можно, я принесу выводок птенцов горихвостки?» Когда же я все равно приносил птенчиков, она начинала колебаться и в конце концов говорила «да». Вот и теперь оставался один выход: показать ей щенка. Не сомневался, что она не устоит против его золотистых бровей и носочков, я передал Кондосам, что хотел бы показать маме понравившегося мне малыша, и на другой день одна из трех толстушек-дочерей принесла щенка. Однако, разгребнув тряпицу, в которой он лежал, я с досадой увидел, что матушка Кондос ошиблась, щенок не тот. Сказал дочери про ошибку, но та ответила, что ничем не может помочь, так как ей надо идти в деревню. Лучше мне самому отправиться к матушке Кондос, притом не мешкая, потому что она собиралась сегодня же утром умертвить лишних щенят. Я живо вскочил на Саули и помчался галопом через оливковые рощи.

Добравшись до фермы, я увидел, что матушка Кондос, сидя на солнышке в окружении ковыряющих землю и удовлетворенно квохчущих кур, вяжет бугристые плети из белых головок чеснока. Она заключила меня в свои объятия, выяснила, как здоровье мое и всех моих родных, наконец вручила мне полную тарелку зеленого инжира, после чего я предъявил ей щенка и объяснил, зачем приехал.

— Не тот щенок! — воскликнула она, глядя на скулящего малыша и тыкая в него пальцем. — Не тот? Ах, я дура старая. По-по-по-по, я-то думала, ты выбрал белобрового.

Я тревожно осведомился, что с остальными. Уже умертвила?

— Ага, — рассеянно произнесла матушка Кондос, продолжая разглядывать белобрового щенка. — Ага, с утра пораньше и отделалась от них.

— Что ж, — сокрушенно заметил я, — если нельзя получить полюбившегося мне щенка, возьму того, который остался.

— Да нет, пожалуй, я достану тебе желанного, — возразила она, вставая и вооружаясь мотыгой.

Как это она достанет моего щенка, спрашивал я себя, если уже прикончила их? Может быть, задумала откопать для меня трупик? Лучше не надо! Не успел я сказать об этом, как матушка Кондос, что-то бормоча себе под нос, затрусила на огород, где из пропеченной солнцем, потрескавшейся

Д земли торчали хрупкие желтые стебли кукурузы первого урожая. Дойдя до места, остановилась, подумала и принялась копать. Вторым движением мотыги она извлекла трех судорожно перебирающих лапами, скулящих щенят, у которых уши, глаза и розовые рты были забиты землей.

Я смотрел, окаменев от ужаса. А матушка Кондос проверила свою добычу, убедилась, что моего щенка нет, отбросила троицу в сторону и продолжала копать. Только теперь до меня дошло, что она сделала. словно огромный багровый пузырь ненависти лопнул у меня в груди; по щекам катились слезы ярости. Из моего огнюдь не ограниченного запаса греческих бранных слов я извлек самые страшные и, обрушив их на матушку Кондос, оттолкнул ее с такой силой, что она, немало озадаченная, так и села на землю среди кукурузных стеблей. Продолжая призывать на ее голову проклятия всех святых и богов, каких знал, я схватил мотыгу и торопливо, но осторожно выкопал остальных задыхающихся щенят. Матушка Кондос сидела с разинутым ртом, не в силах слова вымолвить, настолько ее поразил мой внезапный приступ гнева. Решительно затолкав щенят себе за пазуху, я захватил Лулу и оставленного ей отпрыска, сел на Салли и поскакал прочь, не переставая браниться. Матушка Кондос успела встать и теперь бежала за мной вдогонку, крича:

— В чем дело, золотенький, что случилось? Почему ты шумишь? Бери всех щенят, если хочешь. В чем дело?

В дом я ворвался весь в поту, слезах и пыли, с полной пазухой щенят, сопровождаемый по пятам Лулу, для которой такая прогулка в компании со своим потомством явилась приятнейшим сюрпризом. Мама, как обычно, пребывала на кухне, готовя впрок различные лакомые блюда для Марго, проходившей на материке курс лечения от очередного сердечного недуга. Выслушав мой сбивчивый и негодующий рассказ о преждевременном погребении, она, естественно, пришла в ужас.

— Надо же! — воскликнула она. — Ох, уж эти крестьяне! Не понимаю, откуда такая жестокость. Закопать щенят живьем! В жизни не слышала о таком варварстве. Ты правильно поступил, что спас их, милый. И где же они теперь?

Я рванул рубашку жестом самурая, делающего харакири, и на кухонный стол высыпался каскад извивающихся щенят. Громко пища, они поползли вслепую в разные стороны.

— Джерри, милый, зачем же на стол, где я раскатываю тесто, — сказала мама. — Ох, дети, дети! Пусть это всего-навсего чистая земля, зачем нам такая начинка в пирожки. Неси-ка лучше корзинку.

Я сходил за корзинкой, и мы посадили в нее малышей. Мама долго смотрела на них.

— Бедняжки, — вымолвила она наконец. — И как их много... Сколько?! Одиннадцать! Право, не знаю, как нам с ними быть. У нас и так есть собаки, куда же еще одиннадцать.

Я поспешил заверить ее, что у меня все обдумано: как только они подрастут, мы сумеем их пристроить. И я добавил, что в этом мне поможет Марго, которая к тому времени должна вернуться. Ей будет полезно чем-нибудь заняться, чтобы не думать о сексе.

— Джерри, милый! — ужаснулась мама. — Не говори таких вещей. Где ты это слышал?

Я объяснил, что слышал от Ларри — дескать, необходимо отвлечь Марго от мыслей о сексе, вот и подумал, что появление щенят поможет в этом деле.

— Все равно, не говори таких вещей, — настаивала мама. — Напрасно Ларри употребляет такие слова. Марго просто... просто... немного... экспансивна, вот и все. Секс тут совершенно ни при чем, это совсем другое. Что подумают люди, если услышат от тебя такое? А теперь пойд и подыщи надежное место для щенят.

Я отнес кутят к подходящему дереву поблизости от веранды, привязал там Лулу и вытер ее отпрысков мокрой тряпкой. Лулу решила, что держать щенят в корзине — только баловать, мигом выкопала нору между гостеприимными корнями дерева и осторожно перетащила туда малышей одного за другим. Своего щенка я вытирал особенно тщательно, чему он вовсе не был рад; заодно я думал, как его назвать. Остановился на имени Лазарь, сокращенно — Лаз, бережно положил в нору к его братьям и сестрам и пошел в дом сменить грязную, пахнущую мочой рубашку.

Ко второму завтраку я поспел как раз в ту минуту, когда мама рассказывала Ларри и Лесли про щенят.

— Поразительно, — сказал Лесли. — Мне кажется, это вовсе не от жестокости: они просто не задумываются над этим. Взять хотя бы, как они пихают в ягдташ раненую птицу. Ну, и что было дальше? Джерри утопил щенят?

— Ничего подобного, — возмутилась мама. — Он принес их домой, конечно.

— Господи! — воскликнул Ларри. — Хватит собак! У нас и так их четыре штуки.

— Это всего лишь щенята, — сказала мама. — Совсем крохотные бедняжки.

— И сколько их? — осведомился Лесли.

— Одиннадцать, — нехотя ответила мама.

Ларри отложил вилку и нож и воззрился на нее.

Д

— Одиннадцать? — повторил он. — Одиннадцать? Одиннадцать щенят! Вы сошли с ума.

— Я же говорю тебе, что это всего-навсего щенята, совсем крошки, — взволнованно сказала мама. — И Лулу так хорошо о них заботится.

— Что еще за Лулу, черт возьми? — спросил Ларри.

— Это их мать, она такая прелесть.

— Итого двенадцать окаянных барбосов.

— Ну да, наверно, так, — подтвердила мама. — Я не всех сосчитала.

— Вот в этом у нас вся беда! — выпалил Ларри. — Никто не считает толком! И не успеешь оглянуться, как ходишь по колену в зверье. Как при сотворении мира, черт возьми, только гораздо хуже. Не успеешь оглянуться, как одна сова превращается в целый батальон, комнаты наполняются изнывающими от страсти голубями, от обилия птиц дом становится похож на лавку торговца дичью, черт подери, не говоря уже о змеях, жабах и полчищах всякой мелкой пакости, которых Макбетовым ведьмам хватило бы на много лет. И в довершение всего вы тащите лишних двенадцать собак! Выдающийся пример безумия, которым поражено наше семейство.

— Глупости, Ларри, не надо преувеличивать, — возразила мама. — Столько шума из-за нескольких щенят.

— Одиннадцать щенят для тебя несколько? Да наш дом превратится в греческий филиал всеанглийской собачьей выставки. Чего доброго, все они окажутся сучками и у всех одновременно наступит течка. И будут вокруг нас сплошные собачьи страсти.

— Да, кстати... — Мама поспешила переменить тему. — Что это тебе взбрело на ум говорить, будто Марго помешалась на сексе? Люди и впрямь могут подумать...

— А если это так и есть, — сказал Ларри. — Не вижу никаких оснований скрывать истину.

— Ты отлично понимаешь, что я подразумеваю, — твердо произнесла мама. — Ты не должен говорить такие вещи. Марго просто романтическая девушка. Это большая разница.

— Как хочешь, а только одно скажу, — продолжал Ларри, — когда у всех этих сучек, которых вы приволокли в дом, одновременно начнется течка, нелегко будет Марго состязаться с ними.

— Вот что, Ларри, довольно, — сказала мама. — И вообще, по-моему, не стоит за столом толковать о сексе.

Вскоре Марго вернулась из своего странствия — загорелая, бодрая и явно исцеленная от сердечного недуга. Она без конца говорила о своем путешествии, сопровождая рассказ красочным описанием встреченных ею людей, причем каждое такое описание заканчивалось одними и теми же

словами: «И я сказала им, чтобы непременно навестили нас, если попадут на Корфу».

Надеюсь, милая Марго, ты не всех подряд приглашала, — справляясь чутьочку встревоженная мама.

— Конечно, не всех, — беспечно отзывалась Марго, кончив очередной рассказ, героем которого были греческий красавец моряк и его восемь бритых, также удостоенные радушного приглашения. — Я приглашала только интересных людей. Разве тебе не приятно будет встретиться с интересными людьми?

— Благодарю, с меня довольно интересных гостей Ларри, — едко произнесла мама. — А тут еще ты туда же.

— Это путешествие открыло мне глаза, — торжественно возвестила Марго. — Я поняла, что вы тут все просто мещане. Становитесь все более ограниченными и... и... узколобыми.

— Не вижу, милая, чтобы отказ принимать неожиданных гостей говорил об ограниченности, — сказала мама. — Как-никак, готовить на всех приходится мне.

— Но они вовсе не неожиданные, — заносчиво возразила Марго. — И пригласила их.

— Ну, ладно, — сказала мама, явно чувствуя, что спор заходит в тупик. — Пожалуй, если они напишут и предупредят о своем приезде, мы что-нибудь придумаем.

— Конечно, предупредят, — холодно произнесла Марго. — Это — мои друзья, они достаточно хорошо воспитаны, напишут заранее.

Однако она ошибалась.

Возвратясь как-то под вечер домой с очень приятной морской прогулки, посвященной поискам тюленей на побережье, подрумяненный солнцем и жутко голодный, я в поисках чая и приготовленного мамой огромного шоколадного торта ворвался в гостиную и увидел картину до того поразительную, что застыл на пороге, а льнувшие к моим ногам псы от удивления оцетинились и заворчали. Мама в неловкой позе сидела на подушке на полу, опасливо держа в руке веревку, к другому концу которой был привязан весьма бойкий черный барашек. Вокруг мамы, также на подушках, сидели, скрестив ноги, свирепого вида престарелый мужчина в феске и три женщины в чадрах. Здесь же, на полу, расположилось угощение: лимонад, чай, тарелочки с печеньем, бутербродами и шоколадным тортом. Когда я вошел, старец как раз наклонился вперед, выхватив из-за пояса внушительный, щедро орнаментированный кинжал, отрезал себе здоровенный кусок торта и принялся уписывать его с нескрываемым удовольствием. Ну прямо сцена из «1001 ночи». Мама обратила на меня страдальческий взгляд.

Д — Слава богу, что ты пришел, милый, — произнесла она, отбиваясь от барашка, который ненароком вскочил к ней на колени. — Эти люди не говорят по-английски.

Я спросил, кто они.

— Понятия не имею, — молвила мама с отчаянием в голосе. — Они явились вдруг, когда я готовила чай, уже несколько часов сидят тут. Я ни слова у них не понимаю. Они настояли на том, чтобы расположиться на полу. Думаю, это друзья Марго. Или, может быть, не Марго, а Ларри, да только у них недостаточно интеллектуальный вид.

Я попробовал заговорить со старцем по-гречески, и он вскочил на ноги от счастья, что нашелся человек, способный его понять. Орлиный нос старца нависал крючком над пышными седыми усами, напоминающими побеленный инеем сноп овса, а черные глаза искрились фейерверком обуревавших его чувств. Надетая на нем белая туника была опоясана красным кушаком, за которым торчал кинжал; белые мешковатые шаровары заправлены в длинные белые бумажные чулки; ноги обуты в красные чуваки с загнутыми вверх носками, увенчанными большими помпонами. А-а, так это я — брат восхитительной сеньориты, радостно пророкотал он, и приставшие к его усам крошки шоколадного торта испуганно затрепетали. Знакомство со мной — великая честь! С этими словами он заключил меня в объятия и расцеловал так пылко, что псы дружно залаяли, опасаясь за мою жизнь. Насмерть перепуганный видом четырех голосистых барбосов, барашек сорвался с места и забегал вокруг мамы, опутывая ее веревкой. В заключение, подстегнутый особенно грозным рыканьем Роджера, он жалобно заблеял и метнулся к застекленной двери, за которой ему мерещилась свобода, опрокинув при этом маму спиной прямо на смесь лимонада с шоколадным тортом. Начался переполох.

Роджер, посчитав, что престарелый турок вознамерился истребить меня и маму, атаковал его чуваки и вцепился зубами в один из помпонов. Старец замахнулся свободной ногой для линка и сам шлепнулся на пол. Три женщины, неподвижно сидя на подушках, громко визжали сквозь чадры. Мамин данди-динмонт-терьер Додо, давно пришедший к выводу, что всякого рода скандалы исключительно пагубны для собак с его родословной, печально скулил, забившись в угол. Старый турок, удивительно шустрый для своих лет, выхватил кинжал и делал им лихие, но малоэффективные выпады против Роджера, который со злобным рычанием хватал то один помпон, то другой, легко уклоняясь от взмахов кинжала. Вьюн и Пачкун обложили барашка; мама, вся в лимонаде и торте, обрушила на меня сумбурные наставления.

— Поймай барашка! Джерри, поймай барашка! Они убьют его! — кричала она, отчаянно сражаясь с веревкой.

— Нечистый отпрыск сатаны! Ведьмин ублюдок! Мои чувяки! Оставь мои чувяки! Я убью тебя... разрублю на куски! — вопил запыхавшийся турок, пытаясь поразить Роджера кинжалом.

Ай-яй! Ай-яй! Ай-яй! Его чувяки! Его чувяки! — хором кричали женские статуи на подушках.

Сам с трудом уклонившись от грозного лезвия, я ухитрился оторвать беснующегося Роджера от помпонов турецкого старца и выставить его, а также Вьюна и Пачкуна на веранду. После чего, открыв дверь в столовую, на время заточил там барашка и принялся лить бальзам на уязвленные чувства турка. Мама, нервозно улыбаясь и энергичными кивками подтверждая все, что я говорил, хотя не понимала ни слова, попыталась привести себя в порядок, однако без особого успеха, так как напичканный кремом торт был на редкость большой и липкий и, падая на спину, она утонула локтем прямо в середину своего кулинарного шедевра. В конце концов мне удалось успокоить старца; мама пошла переодеться, а я поднес бренди турку и его трем женам. При этом я отнюдь не скупился, и, когда мама вернулась, по меньшей мере из-под одной чадры доносилось приглушенное иканье, а нос турка приобрел ярко-красный оттенок.

— Ваша сестра... — говорил он, нетерпеливо протягивая рюмку за очередной порцией, — ...как бы это выразиться?.. Чудо... дар небес. В жизни не видел подобной девушки. Вот у меня, сами видите, три жены, а такой девушки, как ваша сестра, я еще не видел.

— Что он говорит? — осведомилась мама, тревожно поглядывая на его кинжал. Я перевел.

— Старый безобразник, — сказала мама. — Право же, Марго следует быть поосторожнее.

Турок опустошил свою рюмку и снова протянул ее мне, сердечно улыбаясь нам.

— Эта ваша служанка, — он указал большим пальцем на маму, — глуповата, а? Не говорит по-гречески.

— Что он сказал? — спросила мама. Я добросовестно перевел.

— Какой наглец! — негодуяще воскликнула мама. — Право же, Марго заслуживает хорошей взбучки. Объясни ему, Джерри, кто я.

Я объяснил, и впечатление, произведенное моими словами на турка, преизощло все, на что рассчитывала мама. Вскочив с громким криком на ноги, он бросился к ней, схватил ее руки и осыпал их поцелуями. После чего, с дрожащими от полноты чувств усами, продолжая сжимать ее пальцы, уставился на мамино лицо.

— Мама, — чуть не пропел он, — матушка моего Миндального цветка...

— Что он такое говорит? — робко справилась мама. Не успел, однако, и перевести, как турок рывкнул какое-то повеление своим женам, и они

Д

наконец-то ожили. Вскочив с подушек, все три подбежали к маме, подняли свои чадры и с великим благоговением принялись целовать ее руки.

— Сколько можно меня целовать, — выдохнула мама. — Джерри, скажи им, что это совершенно излишне.

Между тем турок, возвратив своих жен на подушки, снова повернулся к маме. Могучей рукой обнял ее за плечи, отчего она жалобно вскрикнула, и вскинул другую руку вверх в ораторском жесте.

— Разве мог я подумать, — рокотал он, созерцая мамино лицо, — разве мог я подумать, что когда-нибудь удостоюсь чести познакомиться с матушкой моего Миндального цветка!

— Что он говорит? — беспокойно допытывалась мама, заключенная в медвежьих объятиях турка. Я перевел.

— Миндальный цветок? О чем он толкует? Этот человек ненормальный.

Я объяснил, что турецкий гость явно очарован нашей Марго и называет ее таким именем. Мои слова подтвердили самые худшие опасения мамы относительно намерений турка.

— Миндальный цветок — надо же! — негодуя молвила она. — Ну пусть только придет домой, я ей покажу Миндальный цветок!

В эту самую минуту, освеженная морским купанием, в гостиную вошла Марго в облегающем купальнике.

— О-о-о-о! — радостно воскликнула она. — Мустафа! И Лена, и Мария, и Телина! Вот чудесно!

Бросившись к Марго, турок почтительно поцеловал ее руки, а его жены окружили их обоих, выражая свой восторг приглушенными звуками.

— Мама, это Мустафа, — сообщила Марго, сияя всем лицом.

— Мы уже познакомились, — сурово отозвалась мама. — И он испортил мое новое платье, вернее, его барашек испортил. Ступай и оденься.

— Его барашек? — озадаченно сказала Марго. — Какой барашек?

— Барашек, которого он привез для своего Миндального цветка, как он тебя называет, — укоризненно ответила мама.

— Да это просто прозвище такое, — зарделась Марго. — Он вовсе не подразумевает ничего дурного.

— Знаю я этих старых развратников, — зловеще произнесла мама. — Право же, Марго, тебе следовало быть умнее.

Престарелый турок с блаженной улыбкой слушал этот диалог, переводя свои искрящиеся глаза с одного лица на другое; я же, чувствуя, что мои переводческие способности будут исчерпаны, если мама и Марго затеют спор, отворил двери столовой и впустил барашка. Он смело вошел горделивой походкой, кудрявый и черный, как грозовая туча.

— Как ты можешь! — воскликнула Марго. — Как ты смеешь оскорблять моих друзей! Никакой он не старый развратник, более порядочного старика надо поискать.

— Мне нет дела до его порядочности. — Терпению мамы пришел конец. — Ему нельзя оставаться у нас со всеми его... его... женщинами. Я не умею кормить целый гарем.

— Великая радость слушать разговор матери и дочери, — сообщил мне турок. — Их голоса звучат, как овечьи колокольчики.

— Ты гадкая! — говорила Марго. — Гадкая! Хочешь совсем лишиться моих друзей. У тебя ограниченные, мещанские взгляды!

— Разве это мещанство — быть против троеженства? — возмутилась мама.

— Это напоминает мне, — глаза турка увлажнились, — пение соловья в родной долине.

— Он не виноват, что он турок! — пронзительно кричала Марго. — Не виноват, что ему положено иметь трех жен!

— Всякий мужчина может избежать троеженства, если по-настоящему неохочет, — твердо возразила мама.

— Я так понимаю, — доверительно обратился ко мне турецкий поэт, — что Миндальный цветок рассказывает матушке, как весело нам было в моей долине, верно?

— Ты вечно давишь на меня, — хныкала Марго. — Что я ни сделаю, все не так.

— Беда как раз в том, что я даю тебе слишком много воли, — ответила мама. — Отпускаю тебя на несколько дней, а ты возвращаешься с этим... этим... старым распутником и его баядерами.

— Вот-вот, то самое, о чем я говорю: ты угнетаешь меня, — торжественно произнесла Марго. — Я должна получать особое разрешение, чтобы пригласить турка.

— Ах, как бы я хотел привезти их обеих в мою родную деревню, — сказал турок, лаская взглядом мать и дочь. — Вот бы мы повеселились... танцы, песни, вино...

Барашек явно был разочарован тем, что на него не обращают внимания. Он уже попрыгал немного, по-своему украсил пол, выполнил два безупречных пируэта, но никто не оценил по достоинству его искусство. И, наклонив голову, он пошел в атаку на маму. Атака была проведена блестяще, говорю об этом со знанием дела, ибо во время моих экспедиций в ближайших оливковых рощах я частенько встречал бойких и дерзких барашков и, к взаимному удовольствию, исполнял роль матадора в корриде, где собственная рубашка заменяла мне плащ. Отнюдь не одобряя исход, я должен был признать саму атаку превосходной и тщательно продуманной. Вся мощь удара костистой головы и жилистой туши пришлась точно под мышки коленки сзади. Подброшенная в воздух, словно из пушки, мама опустилась на весьма жесткий диван, где и осталась лежать, судорожно

Дглотая воздух. Потрясенный тем, что наделал его подарок, турок подбежал к дивану и стал перед мамой, широко расставив руки для отражения новой атаки. А она явно назревала, потому что барашек, чрезвычайно довольный собой, отступив в дальний угол, упруго подсакивал там — совсем как боксер, разминающийся на ринге.

— Мама, мама, ты цела?! — вскричала Марго. Мама слишком запыхалась, чтобы отвечать.

— Ага! — воскликнул турок. — Видишь, Миндальный цветок, этот барашек такой же прыткий, как я! Ну, давай, удалец, выходи!

Барашек принял вызов с такой скоростью и внезапностью, что застиг турка врасплох. Выбив копытцами пулеметную очередь по чисто выскобленному полу, он пролетел черным облачком через комнату и с громким стуком боднул голени своего хозяина, так что тот шлепнулся на диван рядом с мамой, крича от ярости и боли. Моим голеним не раз доставались такие удары, и я вполне ему сочувствовал.

Три жены турецкого гостя, потрясенные падением своего повелителя, в ужасе замерли, но не замолкли — ни дать ни взять три минарета на закате. В эту увлекательную минуту появились Ларри и Лесли. Стоя в дверях, они впитывали глазами невероятную сцену, я гонялся по комнате за строптивым барашком, Марго успокаивала трех завывающих женщин в чадрах, мама барахталась на диване в компании с престарелым турком.

— Мама, тебе не кажется, что ты уже несколько старовата для подобных потех? — полюбопытствовал Ларри.

— Ух ты! Поглядите на этот изумительный кинжал, — произнес Лесли, с интересом взирая на корчившегося турка.

— Не говори глупостей, Ларри, — сердито сказала мама, растирая икры. — Это все турок, знакомый Марго, виноват.

— Туркам нельзя доверять, — заметил Лесли, продолжая любоваться кинжалом. — Так говорит Спиро.

— Но почему ты барахтаешься вместе с турком в такое время суток? — допытывался Ларри. — Готовишься выступать на борцовском ковре?

— Перестань, Ларри, хватит с меня на сегодня, — ответила мама. — Не выводите меня из себя. Я сейчас мечтаю об одном — как бы поскорее избавиться от этого человека. Попроси его, чтобы он был так любезен и удалился.

— Не делай этого ни в коем случае! — крикнула Марго со слезами в голосе. — Это мой турок, я не позволю так обращаться с моим турком.

— Я поднимусь наверх, — сказала мама, ковыляя к двери, — приложу к ссадинам гамамелис, и чтобы этого человека не было здесь, когда я спущусь.

К тому времени, когда мама вернулась, Ларри и Лесли успели тесно подружиться с турком, и, к маминому недовольству, турецкий гость и три его жены просидели у нас еще несколько часов, поглощая огромное количество сладкого чая и печенья, прежде чем нам все же удалось усадить их в экипаж и проводить в город.

— Ну, слава богу, с этим покончено, — сказала мама, направляясь нетвердой походкой в столовую, где нас ждал обед. — Не остались они у нас, и то благо. Но право же, Марго, тебе следует быть осмотрительнее в выборе гостей.

— Мне тошно слушать, как ты критикуешь моих друзей, — ответила Марго. — Самый обыкновенный безобидный турок.

— А что, мама, очаровательный был бы зятек? — заметил Ларри. — Марго назвала бы первенца Али Баба, а дочку Сезамой.

— Ларри, милый, что за шутки, — взмолилась мама.

— Я вовсе не шучу, — возразил Ларри. — Старикан признался мне, что его жены уже не первой свежести и он не прочь бы видеть Марго четвертой супругой.

— Не может быть, Ларри! — воскликнула мама. — Так и сказал? Гадкий развратный старикашка! Хорошо, что он мне не говорил ничего подобного. Услышал бы пару теплых слов. А что ты ему ответил?

— Он заметно остыл, когда я рассказал ему про приданое Марго, — ответил Ларри.

— Приданое? Какое приданое! — озадаченно спросила мама.

— Одиннадцать четвероногих сосунков, — объяснил Ларри.

Остерегайтесь сатаны!

Шекспир. Король Лир

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРИЗРАКИ И ПАУКИ

Самым главным из дней недели для меня был четверг — день, когда к нам приходил Теодор. Иногда в этот день затевалось семейное мероприятие — пикник на южном берегу или что-нибудь в этом роде, но чаще всего мы с Теодором вдвоем совершали очередную экскурсию, как он упорно называл наши вылазки. В сопровождении собак, нагруженные коллекторским снаряжением, включая мешочки, сети, бутылочки и пробирки, мы

Д

отправлялись исследовать остров, и наш энтузиазм немногим уступал азарту, который вдохновлял путешественников прошлого столетия, вторгавшихся в дебри Африки.

Однако мало кто из путешественников той поры мог похвастать таким товарищем, как Теодор; он представлял собой незаменимую для полевых работ ходячую энциклопедию. В моих глазах он был всеведущ, как господь бог, выгодно отличаясь от всевышнего своей досягаемостью.

Всякого, кто с ним знакомился, поражало сочетание невообразимой эрудиции и скромности. Помню, как мы, сидя на веранде после очередного роскошного чаепития и слушая предвечернюю песню утомленных цикад, забрасывали Теодора вопросами. В безупречном твидовом костюме, с тщательно расчесанной русой шевелюрой и бородой, он тотчас загорался, когда заходила речь о каком-нибудь новом предмете.

— Теодор, — начинает Ларри, — в Палиокастрице в монастыре есть картина, про которую монахи говорят, что ее написал Паниоти Доксерас. А ты как считаешь?

— Ну-у, — осторожно произносит Теодор, — боюсь, я не очень сведущ в этом предмете, но думаю, что вряд ли ошибусь, если автором скорее был Цадзанис... Э... его кисти принадлежит интереснейшая маленькая картина... в монастыре Патера... ну, вы знаете, на верхней дороге, что ведет на север острова. Конечно, он...

Следует сжатая и исчерпывающая получасовая лекция об истории живописи на Ионических островах начиная с 1242 года, которую он подытоживает такими словами:

— Но если вас интересует мнение эксперта, следует обратиться к доктору Парамифиотису, он куда более сведущ в этом вопросе.

Неудивительно, что мы смотрели на Теодора как на оракула. «Тео говорит» — эти слова гарантировали достоверность любой сообщаемой вами информации; сошлись на Тео, и мама признает пользу и безопасность какого угодно почина, будь то переход на чисто фруктовую диету — или содержание скорпионов в своей спальне. Любой мог обратиться к Теодору с любым вопросом. С мамой он толковал о растениях, в частности о лекарственных травах и соответствующих рецептах, а сверх того снабжал ее детективными романами из своей обширной библиотеки. С Марго он обсуждал различные диеты и упражнения, а также чудодейственные мази, помогающие от прыщей, волдырей и угрей. Он легко поспевал за стремительным бегом мысли моего брата Ларри, готовый развивать любые темы от Фрейда до веры крестьян в вампиров. А Лесли мог почерпнуть у него полезные сведения об истории огнестрельного оружия в Греции и о зимних повадках зайца. Для меня, с моим алчущим, непросвещенным и пытливым

умом, Теодор был кладезем всевозможных познаний, к которому я жадно принадлежал.

По четвергам Теодор обычно прибывал около десяти часов утра, чинно выходя в конном экипаже. На голове — серебристая фетровая шляпа, на коленях — ранец для образцов, одна рука опирается на трость, к концу которой приделана маленькая марлевая сеть. Я уже с шести часов пронизывал изгибам оливковые рощи, высматривая Теодора, и мрачно говорил себе, что он, должно быть, забыл, какой сегодня день, а может, упал и сломал ногу, или же с ним приключилась еще какая-нибудь беда. Сколь велико бывало мое облегчение, когда появлялся экипаж и в нем — степенный и сосредоточенный Теодор, целый и невредимый. Затуманенное до той поры сознание принималось сиять с новой силой. Учтиво поздоровавшись со мной из руки, Теодор рассчитывался с кучером и напоминал ему, чтобы тот заехал за ним вечером в условленное время. После чего забрасывал за спину ранец для образцов и устремлял задумчивый взгляд на землю, покачиваясь на каблучках начищенных до блеска башмаков.

— Ну что ж... э... видишь ли... — обращался он ко мне, — пожалуй, нам стоит обследовать пруды возле... э... Контокали. Конечно, в том случае, если... э... словом... ты не предпочитаешь какое-нибудь другое место.

Я спешил заверить его, что пруды возле Контокали меня вполне устраивают.

— Превосходно, — отзывался Теодор. — Одна из причин, почему меня... э... привлекает именно этот путь... заключается в том, что он проходит около очень интересной канавы... э... словом... речь идет о канаве, в которой я находил кое-какие стоящие образцы.

Оживленно разговаривая, мы трогались в путь, и псы, покинув тень под мандариновыми деревьями, присоединялись к нам, свесив язык и виляя хвостом. Тут же нас догоняла запыхавшаяся Лугареция, чтобы вручить забытую нами сумку со съестными припасами.

Продолжая беседовать, мы шли через оливковые рощи, время от времени останавливались, чтобы поближе рассмотреть какой-нибудь цветок, птицу или гусеницу; нам все было интересно, и Теодор мог обо всем что-то рассказать.

— Нет, я не знаю способа, который позволил бы тебе сохранить грибы для коллекции. Что бы ты ни применил, они... гм... э... словом... высохнут и сморщатся. Лучше всего зарисовать их карандашом или красками... или же, знаешь, сфотографировать их. Но вот что можно коллекционировать — споровые узоры, они удивительно красивы. Что?.. А вот как: берешь шляпку... э... словом... гриба и кладешь на белую карточку. Естественно, гриб должен быть зрелый, иначе он не отдаст споры. Через некото-

Д рое время осторожно снимаешь шляпку с карточки... то есть, осторожно, чтобы не смазать споры... и ты увидишь на карточке... э... очаровательный узор.

Собаки трусили рассыпным строем впереди, делая стойку, обнюхивая ячею темных дыр в стволах могучих старых олив и затевая шумную, но тщетную погоню за ласточками, которые проносились над самой землей в извилистых длинных просветах между деревьями. Затем мы выходили на более открытую местность, оливковые рощи сменялись участками, где фруктовые деревья соседствовали с кукурузой или виноградниками.

— Ага! — Теодор останавливается возле заросшей канавы с водой и смотрит вниз; глаза его блестят, борода топорщится от возбуждения. — Вот и кое-что интересное! Видишь? Вон там, у самого кончика моей трости.

Но сколько я ни всматриваюсь, ничего не вижу. Теодор прикрепляет на конец трости сеть, делает аккуратное движение, словно извлекая муху из супа, и поднимает ловушку.

— Вот — видишь? Яйцевая камера *Hudrophilus*... э... то есть водолюба большого. Ну, ты ведь знаешь, что камеру ткет... э... делает самка. В камере может быть до пятидесяти яиц, и что удивительно... минутку, я возьму пинцет... ага... так... видишь? Так вот... гм... эта труба, так сказать, а еще лучше, пожалуй, подойдет слово «мачта», наполнена воздухом, и получается нечто вроде лодочки, которая не может опрокинуться. Этому мешает... э... мачта, наполненная воздухом... Да-да, если ты поместишь камеру в свой аквариум, из яиц могут вывести личинки, но должен тебя предупредить, что они очень... э... словом... очень хищные и способны сожрать всех других обитателей аквариума. Ну-ка, поглядим, удастся ли нам поймать взрослую особь.

Теодор терпеливо, словно какая-нибудь болотная птица, выступает по краю канавы, время от времени окуная в воду сачок и вода им взад-вперед.

— Ага! Есть! — восклицает он наконец и осторожно кладет на мои нетерпеливые ладони большого черного жука, возмущенно дрыгающего ногами.

Я восхищенно разглядываю жесткие ребристые надкрылья, колючие ноги, тело жука, отливающее оливковой зеленью.

— Он далеко не самый быстрый пловец среди... э... словом... водяных жуков, и у него весьма своеобразный способ плавания. Гм... гм... другие водные обитатели работают ногами одновременно, а этот поочередно. Вот и кажется... н-да... что он весь дергается.

Псы во время таких вылазок были когда в радость, когда в тягость. Иногда они вносили сумятицу в наши дела: ворвутся на двор какого-нибудь крестьянина и наводят панику на кур, вынуждая нас тратить не менее полчасца на перебранку с хозяином; но иногда помогали: окружают змею, не

дняя ей уйти, и громко лают, пока мы не подойдем посмотреть на их добычу. Впрочем, я всегда был рад этой компании — Роджер, смахивающий на косматого, упитанного черного барашка; элегантный Выюн в шелковистом рыже-черном облачении; Пачкун, похожий на миниатюрного бультерьера в темно-каштановых и белых пятнах. Если мы надолго останавливались, они порой начинали томиться от скуки, но чаще всего терпеливо лежали в тени, свесив розовые языки, и дружелюбно виляли хвостом, поймав наш взгляд.

Благодаря Роджеру состоялось мое первое знакомство с одним из самых красивых пауков в мире, носящим элегантное имя *Eresus niger*. Мы отсиагали довольно много и в полдень, когда солнце особенно припекало, решили сделать привал и перекусить в тени. Расположившись на краю оливковой рощи, мы уписывали бутерброды, запивая их имбирным пивом. Обычно, когда мы с Теодором закусывали, псы садились вокруг нас, тяжело дыша, и устремляли на нас умоляющие взгляды. Управившись со своим пайком и твердо убежденные, что наша пища чем-то превосходит их собственную, они принимались выпрашивать подачку, прибегая к всевозможным ухищрениям не хуже завязатого побирушки. Вот и теперь Выюн и Пачкун закатывали глаза, жалобно вздыхали и постанывали, всячески давая понять, что умирают от голода. Только Роджер почему-то не присоединился к этому спектаклю. Сидя на солнцепеке перед кустом куманики, он что-то пристально разглядывал. Я подошел проверить, какое зрелище могло увлечь его до такой степени, что он пренебрег крошками от моих бутербродов. Сперва я ничего не заметил, но затем вдруг увидел нечто настолько прекрасное, что не поверил своим глазам. Маленький паук, с горошину величиной, по первому впечатлению более всего похожий на оживший рубин или движущуюся каплю крови. С радостным воплем я ринулся к своей сумке и достал баночку со стеклянной крышкой, чтобы изловить восхитительное создание. Правда, поймать его оказалось далеко не просто, он совершал удивительные для своих размеров прыжки, и мне пришлось побегать вокруг куста, прежде чем паук был надежно заточен в баночке. С торжеством предъявил я роскошную добычу Теодору.

— Ага! — воскликнул он и, глотнув пива, вооружился увеличительным стеклом, чтобы получше рассмотреть пленника. — Да, это *Eresus niger*... гм... да... и, конечно, самец, настоящий красавец, тогда как самки... словом... совсем черные, а вот самцы окрашены очень ярко.

Через увеличительное стекло паук выглядел еще прекраснее, чем я думал. Головогрудь — бархатисто-черная, с алыми крапинками по краям. Сравнительно мощные ноги расписаны белыми кольцами; так и кажется, что на нем потешные белые рейтузы. Но всего восхитительнее было яр-

Дко-красное брюшко с тремя круглыми черными пятнами в кайме из белых волосков. Я в жизни не видел такого замечательного паука и твердо решил найти ему супругу, чтобы попытаться получить от них потомство. Тщательнейший осмотр куста куманики и прилегающей местности не принес успеха. Теодор объяснил, что самка *Eresus niger* роет норку длиной семь-восемь сантиметров и выстилает ее прочной шелковистой нитью.

— От других паучьих норок, — говорил Теодор, — ее можно отличить по тому, что в одном месте шелк выступает наружу и образует козырек над устьем норки. Кроме того, перед норкой рассыпаны остатки последней трапезы паучихи в виде ног и надкрыльев кузнечика и останков разных жучков.

Вооруженный этими познаниями, на другой день я еще раз прочесал участок вокруг куста куманики. Потратил на это дело всю вторую половину дня, ничего не нашел и в дурном расположении духа направился домой, чтобы поспеть к чаю. Я выбрал кратчайший путь — через маленькие холмы, поросшие средиземноморским вереском, который превосходно чувствует себя и достигает огромных размеров на здешнем сухом песчаном грунте. Такого рода пустынные засушливые места — излюбленная обитель муравьиного льва, перламутровок и других солнцелюбивых бабочек, а также змей и ящериц. По дороге мне внезапно попался на глаза старый овечий череп. В одной из пустых глазниц самка богомола отложила свои причудливые яйцевые капсулы, на мой взгляд, очень похожие на этакий овальный ребристый бисквит. Присев на корточки, я раздумывал, не захватить ли эту капсулу домой для моей коллекции, и вдруг заметил рядом паучью норку точно такого вида, какой мне описал Теодор.

Достав нож, я как мог осторожнее вырезал и отделил большой ком земли, в котором заключалась не только паучиха, но и вся ее норка. Обрадованный успехом, я бережно уложил добычу в сумку и поспешил домой. Самца я уже поместил в маленький аквариум, но самка заслуживала лучшей обители. Бесцеремонно выселив из самого большого аквариума двух лягушек и черепашку, я оборудовал жилище для паучихи. Украсил его веточками вереска и красивым лишайником, осторожно поместил на дно ком земли с гнездом паучихи и предоставил ей приходить в себя от внезапного переселения.

Три дня спустя я поместил к ней самца. Поначалу все выглядело очень скучно, никакой романтики: паук носился, будто оживший уголек, преследуя различных насекомых, которых я пустил в аквариум в качестве провианта. Но однажды, подойдя рано утром к аквариуму, я увидел, что он обнаружил логово паучихи. На негнувшихся полосатых ногах самец маршировал вокруг норки, и тельце его дрожало, как мне казалось, от страсти.

С минуту он взволнованно прохаживался таким манером, затем направился к входу и нырнул под навес. Дальше я, увы, не мог за ними наблюдать, но предположил, что происходит спаривание. Около часа провел паук в норке, наконец бодро выбрался наружу и возобновил беспечную погоню за пойманными мною для него мухами и кузнечиками. Однако я перевел его в другой аквариум, памятуя, что у некоторых видов самки отличаются каннибальскими повадками и не прочь закусить собственным супругом.

Подробностей дальнейшего спектакля я не видел, но кое-что подсмотреть удалось. Паучиха отложила гроздь яиц и тщательно обмотала их паутиной. Эту капсулу она держала в норке, однако каждый день выносила наружу и подвешивала под навесом — то ли чтобы лучше прогревать на солнце, то ли чтобы проветривать. Для маскировки капсула была украшена кусочками жуков и кузнечиков.

С каждым днем паучиха все больше наращивала навес у входа в норку, и в конце концов образовалась целая шелковистая обитель. Я долго созерцал это архитектурное сооружение, мешавшее мне наблюдать, потом нетерпение взяло верх, я осторожно вскрыл его скальпелем и длинной штопильной иглой и с удивлением узрел множество ячеек с паучатами, а посередине — трупик паучихи. Жуткое и трогательное зрелище: отпрыски словно почетным караулом окружали останки родительницы... Когда же они вылупились, пришлось отпустить их на волю. Обеспечить пропитанием восемьдесят крохотных паучков — проблема, с которой даже я, при всем моем энтузиазме, не мог справиться.

В ряду многочисленных друзей Ларри, чье общество он нам навязывал, были два художника, два больших оригинала, по имени Лумис Бин и Гарри Банни. Оба американцы, притом настолько привязаны друг к другу, что не прошло и суток, как все члены нашей семьи называли их Луми Лапочка и Гарри Душка. Оба молодые, очень симпатичные, с плавной грацией в движениях, обычно присущей цветным и очень редко наблюдаемой у европейцев. Может быть, они чуть-чуть переступили грань в увлечении золотыми побрякушками, духами и бриллиантином, однако производили очень славанное впечатление и — необычная черта для гостивших у нас художников — отличались большим трудолюбием. Подобно многим американцам, они сочетали очаровательную наивность с искренностью; качества, которые — во всяком случае, по мнению Лесли, — делали их идеальными объектами для розыгрышей. Обычно я участвовал в этих розыгрышах, потом делился нашими успехами с Теодором, и он получал столько же невинного удовольствия, сколько мы с Лесли. Каждый четверг я докладывал ему о наших достижениях, и мне иногда казалось, что Теодор ждет очередного доклада с большим интересом, чем рассказа о пополнениях моего зверинца.

Д Лесли был великий мастер разыгрывать людей, а мальчишеская непосредственность наших гостей вдохновляла его на все новые подвиги. Уже вскоре после прибытия молодых американцев он подучил их вежливо поздравить Спиро с долгожданным получением турецкого гражданства. Спиро, который, как и большинство греков, ставил турок по злодейству даже выше самого сатаны и не один год сражался против них, взорвался, точно вулкан. К счастью, мама оказалась поблизости и живо заняла позицию между опешившими, недоумевающими, побледневшими Луми и Гарри и бочкообразной мускулистой тушей Спиро. Ни дать ни взять коротышка-миссионер прошлого века перед лицом атакующего носорога...

— Ей-богу, миссисы Дарреллы! — ревел Спиро с искаженным яростью багровым лицом, сжимая огромные, словно окорок, кулаки. — Дайте мне поколотить их!

— Ну-ну, Спиро, не надо, — говорила мама. — Я уверена, тут какая-то ошибка. Уверена, что это недоразумение.

— Они называть меня турецкими ублюдками! — бушевал Спиро. — Я греки, а не какой-нибудь ублюдки!

— Конечно, конечно, — успокаивала его мама. — Я уверена, что произошла ошибка.

— Ошибки! — орал взбешенный Спиро, не скупясь на множественное число. — Ошибки! Я не позволю этим, извините за выражения, миссисы Дарреллы, проклятыми гомики называть меня турецкими ублюдками!

Немало времени понадобилось маме, чтобы унять Спиро и добиться толка от изрядно напуганных Луми Лапочки и Гарри Душки. Этот эпизод стоил ей сильной головной боли, и она долго сердилась на Лесли.

Вскоре мама была вынуждена выселить молодых американцев из отведенной им спальни, поскольку там намечался ремонт. Она поместила их в просторной унылой мансарде, и Лесли не замедлил воспользоваться случаем преподнести им историю о якобы погибшем в этой самой мансарде звонаре из Контокали. Будто бы в 1604 году или около того этот злодей был назначен на Корфу на должность палача. Сперва он подвергал свои жертвы жестоким пыткам, потом отрубал им голову, предварительно позвонив в колокол. В конце концов терпение жителей Контокали лопнуло, однажды ночью они ворвались в дом и казнили самого палача. Теперь он является в виде обезглавленного призрака с кровавым обрубок шеи; перед этим слышно, как он истоптленно звонит в свой колокол.

Заверив с помощью Теодора простодушных приятелей в истинности этой басни, Лесли одолжил у знакомого часовщика в городе пятьдесят два будильника, поднял в мансарде две половицы и осторожно разместил будильники между стропилами, заведя их на три часа ночи.

Эффект от согласованного звона пятидесяти двух будильников был ничем удовлетворительным. Мало того, что Луми и Гарри с криками ужаса испепеленно оставили мансарду, — второпях они сбили друг друга с ног и, пережидаясь руками, с грохотом покатались вниз по лестнице. Поднявшийся шум разбудил весь дом, и нам стоило немалых усилий убедить друзей, что это была шутка, и успокоить их нервы при помощи бренди. На другой день мама (как, впрочем, и наши гости) снова жаловалась на адскую головную боль и вообще не желала разговаривать с Лесли.

Сюжет с невидимыми фламинго родился совершенно случайно, когда мы однажды сидели на веранде и пили чай. Теодор спросил наших американских гостей, как продвигается их работа.

— Дружище Теодор, — ответил Гарри Душка, — наши дела идут чудесно, просто изумительно, верно, лапочка?

— Конечно, — подхватил Луми Лапочка, — конечно. Здесь предельно чистый свет, просто фантастика. Точно солнце тут ближе к земле, так сказать.

— Вот именно, так и есть, — согласился Гарри. — Правильно Луми говорит — так и кажется, что солнце совсем близко и светит прямо на нас, родненьких.

— Я ведь как раз об этом говорил тебе сегодня утром, Гарри, душка, верно? — сказал Луми Лапочка.

— Верно, Луми, верно. Мы стояли там у маленького сарая, помнишь, и ты сказал мне...

— Выпейте еще чаю, — перебила их мама, зная по опыту, что воспоминания, призванные доказать их духовное единение, могут продолжаться до бесконечности.

Собеседники стали рассуждать об искусстве, и я слушал вполуха; вдруг мое внимание привлекли слова Луми Лапочки:

— Фламинго! О-о-о, Гарри, душка, фламинго! Мои любимые птицы. Где, Лес, где?

— Да вон там, — сказал Лес, сопровождая свой ответ размашистым жестом, объединяющим Корфу, Албанию и добрую половину Греции. — Огромные стаи.

Я заметил, как Теодор, подобно мне, затаил дыхание: хоть бы мама, Марго или Гарри не опровергли эту беспардонную ложь.

— Фламинго? — заинтересовалась мама. — Вот не знала, что здесь водятся фламинго.

— Водятся, — твердо произнес Лесли. — Их тут сотни.

— А вы, Теодор, знали, что у нас водятся фламинго? — спросила мама.

— Я... э... словом... видел их как-то на озере Хакиопулос, — ответил Теодор, не погрешив против истины, однако умолчав о том, что это случи-

Д лось три года назад и то был единственный раз за всю историю Корфу, когда остров посетили фламинго. В память об этом событии у меня хранилось несколько розовых перьев.

— Силы небесные! — воскликнул Луми Лапочка. — Лес, дорогуша, а мы сможем их увидеть? Как ты думаешь, сумеем мы незаметно подобраться к ним?

— Конечно, — беззаботно ответил Лесли. — Нет ничего проще. Каждый день они летят по одному и тому же маршруту.

На другое утро Лесли пришел в мою комнату с неким подобием охотничьего рога, сделанным из рога коровы. Я спросил, что это за штука; он ухмыльнулся и довольно произнес:

— Манок для фламинго.

Интересно! Я честно сказал, что никогда еще не слышал про манки для фламинго.

— Я тоже, — признался Лесли. — Это старая пороховница из коровьего рога, в таких держали порох для мушкетов — знаешь, небось. Но самый кончик отломан, так что в рог можно трубить.

Иллюстрируя свою мысль, он поднес к губам узкий конец рога и подул. Получился долгий громкий звук, нечто среднее между голосом ревуна и фырканием, с дрожащими обертонами. Критически прослушав этот номер, я заявил, что не заметил ничего похожего на голос фламинго.

— Правильно, — согласился Лесли, — но держу пари, что Луми Лапочка и Гарри Душка этого не знают. Теперь мне остается только одолжить твои перья фламинго.

Мне совсем не хотелось расставаться с такими редкими образцами, но Лесли объяснил, для чего это надо, и обещал вернуть их в целости и сохранности.

В десять утра появились Луми и Гарри, выраженные, по указаниям Лесли, для охоты на фламинго. На каждом — соломенная шляпа и резиновые сапоги: Лесли объяснил, что за птицами придется идти на болота. Друзья раздумялись, предвкушая волнующее приключение; когда же Лесли продемонстрировал манок, восторгам не было конца. Они извлекли из рога такие гулкие звуки, что обезумевшие псы принялись лаять и выть, а разъяренный Ларри, высунувшись из окна своей спальни, заявил, что покинет этот дом, если мы будем вести себя словно сборище оголтелых охотников.

— А в твоем возрасте следовало бы быть поумнее! — крикнул он в заключение, захлопывая окно; эти слова были обращены к маме, которая вышла узнать, по какому поводу такой шум.

Наконец мы тронулись в путь, и уже на четвертом километре прыть храбрых охотников на фламинго заметно поубавилась. Втащив их на вершину почти неприступной горки, мы велели им спрятаться в куст кумани-

ки и дуть в манок, зазывая фламинго. С полчаса они с великим прилежанием поочередно дули в коровий рог, но постепенно выдохлись, и под конец производимые ими звуки напоминали скорее горестные стоны издыхающего слона, чем голоса каких-либо птиц.

Тут наступил мой черед. Тяжело дыша, я взбежал на горку и взволнованно доложил нашим охотникам, что они не напрасно трудились. Фламинго услышали зов, да только вот незадача — птицы опустились в ложину за холмом в полукилометре от засады. Если друзья поспешат, застанут там ожидающего их Лесли. С восхищением наблюдал я наглядный пример американской целеустремленности. Громко топая огромными, не по ноге, резиновыми сапогами, они ринулись галопом к указанному холму, время от времени останавливаясь по моей команде, чтобы, судорожно глотая воздух, подуть в манок. Примчавшись мокрые от пота на вершину холма, они увидели там Лесли, который велел им оставаться на месте и продолжать дуть в манок; а он зайдет в ложину с другого конца и погонит на них фламинго. После чего он отдал им свое ружье и ягдташ — дескать, так ему будет легче подкрадываться — и скрылся.

Теперь пришло время выйти на сцену нашему доброму другу, полицейскому Филимоне Контакосе. Вне всякого сомнения, Филимона был самым толстым и сонливым из всех полицейских на Корфу; он служил в полиции уже четвертый десяток лет и не продвинулся по службе по той причине, что ни разу никого не арестовал. Филимона подробно объяснил нам, что физически не способен на такой поступок; от одной мысли о необходимости проявить суровость к правонарушителю его темные, с лиловым оттенком глаза наполнялись слезами. При малейшем намеке на конфликт между подвыпившими крестьянами во время деревенских праздников он решительно ковылял подальше от места происшествия. Филимона предпочитал тихий образ жизни; раз в две недели он навещал нас, чтобы полюбоваться коллекцией ружей Лесли (ни одно из них не было зарегистрировано) и преподнести Ларри контрабандного табаку, маме и Марго — цветы, мне — засахаренный миндаль. В юности он ходил матросом на грузовом пароходе и научился кое-как изъясняться по-английски. Это обстоятельство вкупе с тем фактом, что все жители Корфу обожают розыгрыши, делало его весьма подходящим для нашей задумки. И Филимона блестяще оправдал наши надежды.

Гордо неся форменную одежду, он тяжело поднялся на холм — живое воплощение закона и правопорядка, достойный представитель полицейских органов. На вершине он застал наших охотников, уныло дующих в манок. Мягко осведомился, чем они заняты. Луми Лапочка и Гарри Душка, как щенята, реагировали на ласковый голос — осыпали Филимону комплиментами по поводу его владения английским языком и с радостью

Д

принялись объяснять, что и как. И с ужасом увидели, как добродушно моргающий толстяк внезапно превратился в холодное и суровое воплощение власти.

— Вам известно фламинго нет стрелять? — рявкнул Филимона. — Запрещено стрелять фламинго!

— Но, дорогуша, мы и не думаем стрелять, — ответил, запинаясь, Луми Лапочка. — Мы хотим только посмотреть на них.

— Да-да, — лстивым голосом подхватил Гарри Душка. — Ей-богу, вы ошибаетесь. Мы совсем не хотим стрелять этих птичек, только посмотреть на них. Не стрелять, понятно?

— Если вы не стрелять, зачем у вас ружье? — спросил Филимона.

— Ах, это, — порозовел Луми Лапочка. — Это ружье одного нашего друга... э-э-э... амиго... ясно?

— Да-да, — твердил Гарри Душка. — Ружье нашего друга. Леса Даррелла. Может быть, вы с ним знакомы? Его тут многие знают.

Филимона смотрел на них холодно и неумолимо.

— Я не знаю этот друг, — заявил он наконец. — Попрошу открыть ягдташ.

— Нет, постойте, лейтенант, как же так! — возразил Луми Лапочка. — Это не наш ягдташ.

— Нет-нет, — поддержал его Гарри Душка. — Это ягдташ нашего друга, Даррелла.

— У вас ружье, у вас ягдташ, — настаивал Филимона, показывая пальцем. — Попрошу открыть.

— Ну, я бы сказал, лейтенант, что вы малость превышаете свои полномочия, честное слово, — сказал Луми Лапочка; Гарри Душка энергичными кивками выражал свое согласие с его словами. — Но если вам от этого будет легче, ладно. Думаю, большой беды не будет, если вы заглянете в эту сумку.

Повозившись с ремнями, он открыл ягдташ и подал его Филимоне. Полицейский заглянул внутрь, торжествующе крикнул и извлек из сумки обшипанную и обезглавленную курицу, на тушку которой налипли ярко-алые перья. Доблестные охотники на фламинго побелели.

— Но послушайте... э-э-э... погодите, — начал Луми Лапочка и смолк под инквизиторским взглядом Филимоны.

— Я вам говорить, фламинго стрелять запрещено, — сказал Филимона. — Вы оба арестованы.

После чего он отвел испуганных и протестующих охотников в полицейский участок в деревне, где продержал их несколько часов, пока они, как одержимые, писали объяснения и до того запутались от всех переживаний и огорчений, что излагали взаимно противоречащие версии. А тут еще мы с

Лесчи подговорили наших деревенских друзей, и около участка собралась целая толпа. Звучали грозно негодующие крики, греческий хор громко возгласил: «Фламинго!», и в стену участка время от времени ударяли камни.

В конце концов Филимона разрешил своим пленникам послать записку Ларри, который примчался в деревню и, сообщив Филимоне, что лучше бы тот ловил настоящих злоумышленников, чем заниматься розыгрышами, пернул охотников на фламинго в лоно нашей семьи.

— Довольно, сколько можно! — бушевал Ларри. — Я не желаю, чтобы мои гости подвергались насмешкам дурно воспитанных туземцев, подученных моими слабоумными братьями.

Должен признать, что Луми Лапочка и Гарри Душка держались замечательно.

— Не сердись, Ларри, дорогуша, — говорил Луми Лапочка. — Это у них от жизнерадостности. Мы сами столько же виноваты, сколько Лес.

— Точно, — подтвердил Гарри Душка. — Луми прав. Мы сами виноваты, что такие легковверные дурачки.

Чтобы показать, что нисколько не обижаются, они отправились в город, купили там ящик шампанского, сходили в деревню за Филимоной и устроили в доме пир. Сидя на веранде по обе стороны полицейского, они смиренно пили за его здоровье; сам же Филимона неожиданно приятным тенором исполнял любовные песни, от которых на его большие глаза набегали слезы.

— Знаешь, — доверительно обратился Луми Лапочка к Ларри в разгар пирушки, — он был бы очень даже симпатичным, если бы сбросил лишний вес. Только прошу тебя, дорогуша, не говори Гарри, что я тебе это сказал, ладно?

Взгляни, разверзлось небо,
и со смехом боги на зрелище
неслыханное смотрят.

Шекспир. Кориолан

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

САД БОГОВ

Остров изогнулся луком неправильной формы, почти касаясь концами греческого и албанского побережий, и замкнутые его периметром воды Ионического моря напоминали голубое озеро. К нашему особняку примыкала просторная веранда с каменным полом, закрытая сверху переплетением старой лозы, с которой канделябрами свисали крупные грозди зеленого ви-

Д
нограда. С веранды открывался вид на углубленный в косогор сад со множеством мандариновых деревьев и на серебристо-зеленые оливковые рощи, простирающиеся до самого моря, синего и гладкого, как цветочный лепесток.

В погожие дни мы всегда ели на веранде, накрыв рахитичный стол с мраморной столешницей; здесь же принимались важные семейные решения. Завтраки были особенно сильно приправлены желчью и перебранками: в это время читались поступившие письма, составлялись, пересматривались и браковались планы на день; на этих утренних заседаниях разрабатывалась семейная программа, правда, не слишком методично: чей-то скромный заказ на омлет мог в ходе обсуждения обернуться трехмесячной экскурсией на отдаленный пляж, как это было однажды. Так что, собираясь за столом при трепетном утреннем свете, мы никогда не могли знать наперед, что в конечном счете принесет нам день. Первыс шаги требовали особой осторожности, ибо участники дискуссии отличались повышенной возбудимостью, но постепенно, под действием чая, кофе, гренок, домашнего варенья, яиц и всякого рода фруктов, утреннее напряжение спадало и на веранде устанавливалась более благоприятная атмосфера.

Утро, когда пришло известие, что вскоре к нам прибудет граф, было похоже на все другие утра. Мы завершили кофейную фазу завтрака, и каждый предался своим размышлениям. Моя сестра Марго, повязав платком русые волосы, рассматривала два альбома с выкройками, весело и не очень мелодично напевая себе под нос; Лесли, отставив чашку, достал из кармана маленький пистолет, разобрал его и рассеянно принялся чистить носовым платком.

Мама, беззвучно шевеля губами, штудировала поваренную книгу в поисках рецепта для ленча и время от времени устремляла взгляд в пространство, припоминая, есть ли в наличии нужный ингредиент; Ларри, в пестром халате, одной рукой отправлял в рот вишни, другой разбирал свою почту.

Я был занят тем, что кормил свое новейшее приобретение — молодую галку, которая ела так медленно, что я нарек ее именем Гладстон: мне рассказывали, будто сей государственный деятель пережевывал пищу по нескольку сотен раз. Ожидая, когда галка управится с очередным кусочком корма, я смотрел вниз на манящее море и прикидывал, как провести этот день. Взять ослика Салли и отправиться в оливковые рощи на горах в сердце острова, чтобы попытаться поймать агам на лоснящихся селенитом скалах, где они греются на солнышке и дразнят меня, покачивая желтой головой и надувая оранжевый горловой мешок? Или спуститься к озерку в ложине за домом, где пришла пора стрекозам вылупляться из личинок?

А может быть — самая заманчивая идея, — совершить морское путешествие на недавно полученной лодке?

Весной почти замкнутое со всех сторон водное пространство, отделяющее Корфу от материка, было окрашено в нежно-голубой цвет; когда же весну сменяло знойное, жгучее лето, оно придавало тихим водам более насыщенный и нереальный оттенок. При определенном освещении море приобретало словно заимствованный у радуги фиолетово-синий цвет, с переходом в сочную нефритовую зелень на мелководье. Вечером заходящее солнце как бы проходило кистью по морской глади, нанося расплывчатые пурпурные мазки с примесью золота, серебра, оранжевой и светло-розовой краски.

Поглядишь на обрамленное сушей безмятежное летнее море, и кажется оно таким кротким — голубой луг медленно и равномерно колыхается вдоль берегов. Но даже в тихий летний день где-то среди источенных эрозией гор на материке внезапно рождается неистовый жаркий ветер и с шумом обрушивается на остров, перекрашивает море в почти черный цвет, оторочивает гребни волн кромкой из белой пены и гонит их перед собой, будто табун перепуганных синих коней, пока они не рушатся, обессиленные, на берег, издыхая в саване из шипящей пены. А зимой под свинцово-серым небом холодное и угрюмое море напрягает тутие мускулы бесцветных волн, расписанных полосами мусора и грязи, вынесенных из долины в заливы зимними дождями.

Для меня это голубое царство было сокровищницей, полной причудливых тварей, которых мне страстно хотелось собирать и изучать. Поначалу меня ждали разочарования, потому что я мог лишь, уподобляясь одинокой морской птице, бродить вдоль берега и вылавливать разную мелкоту да иногда с тоской разглядывать какое-нибудь таинственное чудо, выброшенное волнами на сушу. Но затем я обзавелся лодкой, славным суденышком «Бутл Толстогузый», и мне открылось все подводное царство — от глубоких заливов и гротов среди золотисто-красных скальных замков на севере до голубой стихии вдоль блестящих, словно снежные сугробы, белых дюн на юге.

Сделав окончательный выбор, я настолько сосредоточился на обдумывании деталей морской вылазки, что совсем забыл про Гладстона, который нетолкующе шипел на меня, точно задыхающийся астматик в тумане.

— Если тебе непременно надо держать эту пернатую фисгармонию, — раздраженно произнес Ларри, отрываясь от письма, — научил бы ее по крайней мере петь как следует.

Поскольку он явно не был настроен выслушивать лекцию о певческих способностях галок, я промолчал и заткнул Гладстону клюв здоровенным куском пищи.

Д — Марко присылает к нам графа Россиньоля на два-три дня, — небрежно сообщил маме Ларри.

— А кто он такой? — спросила мама.

— Не знаю, — ответил Ларри.

Мама поправила очки и воззрилась на него.

— Как это понимать — не знаешь?

— Так и понимай, что не знаю, я его никогда не видел.

— Ну а кто такой Марко?

— Не знаю, с ним я тоже не встречался. Слышал только, что он талантливый художник.

— Ларри, милый, — сказала мама. — Нельзя же приглашать в гости совершенно незнакомых людей. Тут и знакомым-то не знаешь, как угощать, зачем нам еще незнакомые.

— При чем тут это — знакомый, незнакомый? — удивился Ларри.

— При том, что знакомые хотя бы знают, что их ожидает, — объяснила мама.

— Ожидает? — сухо повторил Ларри. — Послушать тебя, так можно подумать, что я приглашаю их в гетто или что-нибудь в этом роде.

— Да нет же, дорогой, я не в этом смысле. Просто наш дом так не похож на нормальные дома. Как я ни стараюсь, у нас почему-то все не как у людей.

— Ничего, если уж кто едет к нам погостить, пусть мирится с нами, — сказал Ларри. — И вообще я тут ни при чем, я его не приглашал, это Марко шлет его к нам.

— Вот-вот, я об этом и говорю, — отозвалась мама. — Совершенно незнакомые люди посылают к нам совсем незнакомых людей, как будто у нас гостиница или что-то в этом роде.

— Вся беда в том, что ты необщительна, — заявил Ларри.

— Ты тоже стал бы таким, заставь тебя заниматься кухней, — возмутилась мама. — Прямо хоть отшельником становись.

— Прекрасно, как только граф уедет, делайся отшельником, если хочешь. Никто не будет тебе мешать.

— Будете приглашать такую кучу народа, так и впрямь запишусь в отшельники.

— Ну, конечно, — подхватил Ларри. — Надо только как следует организовать это дело. Если соорудит пещеру в оливковой роще, попросишь Марго сшить вместе несколько не слишком вонючих звериных шкур из коллекции Джерри, запасешь банку ежевики — и готово. Я буду приводить туда людей, показывать им тебя. «Вот моя матушка, — скажу я им. — Она покинула нас, чтобы вести образ жизни отшельника».

Мама сердито посмотрела на него.

— Честное слово, Ларри, ты способен вывести меня из себя, — произнесла она.

— Я собираюсь проводить малыша Леоноры, — объявила Марго. — У кого-нибудь есть поручения в деревню?

— Ах да, вспомнил, — отозвался Ларри. — Леонора просила меня быть крестным отцом ее отпрыска.

Леонорой звали дочь нашей служанки Лугареции; она приходила помогать, когда мы устраивали большие приемы, а удивительно красивая внешность снискала ей особое расположение Ларри.

— Тебя? Крестным отцом? — удивилась Марго. — Я-то думала, для крестных отцов обязательно безупречное поведение, религиозность и все такое прочее.

— Это очень мило с ее стороны, — перешитительно сказала мама. — Но мне же как-то странно, правда?

— Куда страннее было бы, попроси она его быть просто отцом, — возразил Лесли.

— Лесли, милый, не говори таких вещей при Джерри даже в шутку, — возмолвила мама. — Ну и как, Ларри, ты согласишься?

— Конечно, зачем же лишать бедную крошку блага иметь такого наставника?

— Ха! — иронически воскликнула Марго. — Но уж я скажу Леоноре, что легче превратить карася в поросю, чем добиться от тебя религиозности и безупречного поведения.

— Пожалуйста, говори. Если сумеешь перевести это на греческий язык.

— Я владею греческим не хуже тебя, — воинственно заявила Марго.

— Полно, мои дорогие, не ссорьтесь, — вмешалась мама. — И послушный, Лесли, не стоит чистить ружье носовыми платками, это масло потом никак не отстирывается.

— Но ведь чем-то мне надо их чистить, — надулся Лесли.

В этот момент я сообщил маме, что собираюсь сегодня исследовать побережье, мне бы взять с собой что-нибудь из еды.

— Да-да, милый, — рассеянно ответила мама. — Передай Лугареции, пусть приготовит тебе что-нибудь. Только будь осторожен, милый, на глубокую воду не заплывай. Смотри, не простудись и... остерегайся акул.

В представлении мамы любое море, даже самое мелкое и смиренное, было зловещим бурным водоемом, где свирепствуют смерчи, цунами, тайфуны и водовороты, обителью гигантских кальмаров, осьминогов и свирепых саблезубых акул, для которых нет в жизни более важной цели, чем

Дубить и сожрать кого-нибудь из ее детей. Заверив маму, что буду соблюдать величайшую осторожность, я помчался на кухню, запасся провиантом для себя и своего зверинца, собрал нужное снаряжение, свистнул собак и сбежал по откосу к пристани, где была причалена моя лодка.

«Бутл Толстогузый» — первый опыт Лесли в области судостроения — был плоскодонный и почти круглый; вместе с симпатичной расцветкой в оранжевую и белую полосу это придавало лодке сходство с пестрой целлулоидной уткой. Мое суденышко отличалось крепким сложением и дружелюбным нравом, но округлая форма и отсутствие киля делали его весьма неустойчивым; стоило разгуляться волнам, и лодка грозила опрокинуться и плыть вверх дном, что она и делала не раз в трудные минуты. Отправляясь в длительные экспедиции, я всегда брал большой запас провианта и воды на случай, если нас снесет ветром с курса и мы потерпим крушение. И я старался прижиматься к берегу, чтобы живо уйти от опасности, если на «Бутла» вдруг обрушится сирокко. Конструкция лодки не позволяла ставить высокую мачту — того и гляди опрокинешься, а крохотный, чуть шире носового платка, парус мог уловить и использовать лишь малую толику ветра, так что по большей части я продвигался на веслах. При полной команде (три пса, сова, иногда еще и голубь) и полном грузе (два десятка сосудов с морской водой и образцами) понудить лодку перемещаться по воде было нелегким испытанием для моей поясницы.

Роджер был отличным спутником в моих плаваниях и очень их любил; к тому же он с глубоким и вдумчивым интересом относился к морской живности и мог часами лежать, насторожив уши и наблюдая причудливые корчи хрупкой морской звезды в банке с водой. Но Вьон и Пачкун не были с морем на «ты»; их больше устраивало выслеживать какую-нибудь не слишком свирепую добычу в миртовых рощах. На море они старались быть чем-то полезными, однако мало в том преуспевали. В критические минуты начинали выть или прыгали за борт, а если их донимала жажда, пили морскую воду и срыгивали мне на ноги, как раз когда я совершал особенно сложный маневр. Что до моей сплюшки Улисса, то я никак не мог определить, нравятся ли ей морские прогулки: сидит смирно, где посадили, подобрав крылья и прикрыв глаза, очень похожая на резное изображение какого-то грозного восточного божества. Голубь Квилп, сын другого моего голубя, Квазимодо, обожал лодочный спорт; расположившись на крохотном баке «Бутла Толстогузого», он вел себя так, будто очутился на прогулочной палубе лайнера «Куин Мэри». Прохаживается взад-вперед, потом остановится, чтобы после быстрого пируэта, выпатив зоб, исполнить концертный номер для контральто — ни дать, ни взять оперная звезда в морском путе-

нечтвии. Только когда портилась погода, голубь начинал нервничать и в поисках утешения садился на колени капитану.

В этот день я задумал посетить небольшой залив, ограниченный с одной стороны крохотным островком в кольце рифов, где обитало множество интереснейших тварей. Больше всего привлекала меня изобилующая на мелководье собачка-павлин (*Blennius pavo*). Морская собачка — причудливая с виду рыбка с удлинённым, подчас угревидным телом длиной около десяти сантиметров. Выпученные глаза и толстые губы придают ей некоторое сходство с бегемотом. Очень красочно во время брачного периода выглядит самец: позади глаз — черное пятнышко в голубой кайме; на голове сверху, словно горбик, — тупой оранжевый гребень; темноватое тело расписано ультрамариновыми или фиолетовыми крапинами; горло — цвета морской воды, с более темными полосами. Самки в отличие от самцов были окрашены в бледный оливковый цвет с голубыми крапинами; плавники — нежно-зеленого цвета. Сейчас как раз была пора нереста, и мне очень хотелось поймать несколько этих ярко окрашенных рыбок, поместить в один из моих аквариумов и проследить брачный ритуал.

Полчаса прилежной работы веслами — и мы пришли в залив, окаймленный серебристыми оливковыми рощами и высокими зарослями золотистого раkitника, от которого над прозрачными тихими водами плыл тяжелый мускусный запах. Возле рифа я бросил якорь на глубине около полуметра, потом разделся, вооружился сачком и банкой с широким горлышком и ступил в теплую, будто в ванне, кристально прозрачную воду.

Меня окружало такое обилие всякой живности, что стоило немалого труда не отвлекаться от главной задачи. Среди разноцветных водорослей огромными бородавчатыми коричневыми сосисками возлежали полчища морских улиток. На камнях примостились темно-пурпурные и черные «подушечки для иголок» — морские ежи, чьи иглы качались взад-вперед, точно компасная стрелка. Между ними тут и там лепились похожие на мокриц-переростков хитоны и передвигались щеголяющие яркими пятнышками конусовидные раковины каллиостом, занятые когда своим законным обитателем, а когда и узурпатором в лице рака-отшельника с красной головой и алыми клешнями. Покрытый водорослями камешек вдруг удалялся своим ходом от моей ступни — не камешек, а краб с аккуратно посаженными для камуфляжа растениями на спинной части карапакса.

Дойдя до угла, облюбованного морскими собачками, я довольно скоро высмотрел отличного самца, переливающегося яркими красками брачного наряда. Осторожно подвожу к нему сачок — он подозрительно отступает, выпячивая толстые губы. Делаю внезапное резкое движение, но он нишестороже и легко уходит от сачка. Снова и снова пытаюсь застигнуть его

Двасплох — каждый раз неудачно, каждый раз он отступает назад. В конце концов, устав от моих приставаний, самец юркнул в сторону и укрылся в своем жилище — половинке разбитого глиняного горшка, в какие рыбаки ловят неосмотрительных осьминогов. Ему казалось, что он спасен, на самом же деле эта уловка его погубила: я подцепил сачком горшок вместе с жильцом и переправил в стоявшую в лодке просторную посудину.

Окрыленный успехом, я продолжал охоту и к двенадцати часам поймал двух зеленых супруг для самца, а также детеныша каракатицы и морскую звезду незнакомого мне прежде интересного вида. Солнце нещадно припекало, и большинство морских тварей спрятались в тени под камнями. Я вышел на берег, чтобы перекусить под оливами. Воздух был наполнен запахом раkitника и звоном цикад. Принимаясь за еду, я смотрел, как здоровенная темно-зеленая ящерица с ярко-синими круглыми пятнами вдоль всего тела осторожно подкрадывается и хватается парусника с крылышками цвета зебры. Чем не подвиг, если учесть, что эти бабочки недолго засиживаются на одном месте и полет их хаотичен и непредсказуем. К тому же ящерица поймала парусника на лету, подпрыгнув в воздух сантиметров на сорок.

Перекусив, я погрузил все имущество в лодку, собрал свою собачью команду и направился домой, чтобы поместить морских собачек в предназначенную им обитель. Выбрав аквариум побольше, я положил горшок с самцом на дно посередине, потом осторожно пустил в воду самок. Весь остаток дня я посвятил наблюдению, однако ничего захватывающего не увидел. Самец знай себе лежал у входа в горшок, выпячивая губы и прогоняя воду через жабры, и самки не менее прилежно занимались тем же в противоположном конце аквариума.

Встав на другое утро, я с великой досадой обнаружил, что собачки явно не дремали на рассвете: внутри горшка, на верхней плоскости, появились икринки. Которая из самок потрудилась, нельзя было определить, но самец весьма решительно играл роль отца, защитника потомства, и яростно атаковал мой палец, когда я приподнял горшок, чтобы как следует рассмотреть икринки.

Твердо намеренный не пропустить ни одной картины драматического спектакля, я сбегал за своим завтраком и ел, сидя на корточках перед аквариумом и не отрывая глаз от морских собачек. До сих пор родные считали рыбок самыми безобидными членами моего зверинца, однако собачки вынудили их усомниться в этом, ибо в последующие часы я не давал покоя проходящим мимо, просил принести то апельсин, то воды попить или же заставлял чинить мне карандаш: я коротал время, делая в дневнике зарисовки морских собачек. Мне принесли к аквариуму второй завтрак; потя-

нулись долгие жаркие пополуденные часы, и меня начало клонить в сон. Ничем быстро наскучило это непонятное бдение, и они давно уже отправились в оливковые рощи, предоставив меня и рыбок самим себе.

Самец забился в горшок и почти не показывался. Одна из самок втиснулась между камешками на дне, другая лежала на песке, прокачивая воду через жабры. Вместе с рыбками в аквариуме обитали два маленьких краба с юдорослями на карапаксе; сверх того, один из них украсил свою голову миленькой розовой актинией, наподобие дамской шляпки. И как раз этот щепотиль ускорил развитие романа морских собачек. Расхаживая по дну аквариума, он аккуратно подбирал клешнями разные соринки и отправлял их в рот, словно манерная старая дама, кушающая бутерброд с огурцом. Непароком крабик очутился у входа в горшок. Тотчас переливающийся яркими красками самец выскочил наружу, готовый дать отпор нахалу. Снова и снова он бросался на краба и злобно кусал его. После нескольких безуспешных попыток оборониться клешнями краб смиренно повернул назад и обратился в бегство. А победитель, дав выход благородному негодованию, с довольным видом занял позицию перед своей обителью.

Дальше произошло нечто совсем неожиданное. Внимание самки, лежавшей на песке, было привлечено потасовкой; теперь она подплыла ближе и остановилась сантиметрах в десяти-двенадцати от самца. При виде ее он заметно возбудился; казалось даже, что его окраска стала еще ярче. Внезапно он напал на самку — бросился к ней и укусил за голову. При этом, изогнувшись дугой, он бил ее хвостом. Его поведение поразило меня, но тут я заметил, что самка, на которую обрушились удары и толчки, ведет себя абсолютно пассивно и не помышляет о том, чтобы дать сдачи. Вместо ничем не спровоцированного нападения я наблюдал буйный брачный ритуал. Кусая самку за голову и ударяя хвостом, самец фактически теснил ее к своему горшку, как овчарки направляют овец к загону.

Но ведь в горшке их уже не увидишь... И я бросился в дом за приспособлением, которое обычно служило мне для наблюдения за птичьими гнездами, — длинным бамбуковым прутом с зеркальцем на конце. Когда я сам не мог добраться до гнезда, укрепленное под углом зеркальце играло роль перископа, позволяя рассмотреть яйца или птенцов. Теперь я решил использовать его в аквариуме. Когда я вернулся, рыбки как раз укрылись в горшке. С величайшей осторожностью, чтобы не спугнуть их, я погрузил прут в воду и подвел зеркальце к входу в убежище. Поманеврировав своим приспособлением, я добился того, что солнечный зайчик осветил внутренность горшка, так что все было прекрасно видно.

Некоторое время рыбки просто стояли рядом друг с другом, помахивая плавниками. Заполучив самку в убежище, самец перестал бросаться на

Д нее; воинственность сменилась миролюбием. Минут через десять самка отплыла в сторонку и выметала на гладкую поверхность горшка гроздь прозрачных икринок, похожих на лягушачьи, после чего отодвинулась, и место над икринками занял самец. К сожалению, самка заслонила его от меня, и я не видел, как он оплодотворяет икру, хотя не сомневался, что он это делает. Придя к заключению, что ее роль исполнена, самка выплыла из горшка и направилась в другой конец аквариума, не проявляя больше никакого интереса к икринкам. Зато самец еще некоторое время сновал около них, потом лег у входа в горшок, чтобы охранять.

Я нетерпеливо ожидал появления мальков, но, видно, вода в аквариуме плохо очищалась, потому что мальки вышли только из двух икринок. И одного из двух крошек, к моему ужасу, у меня на глазах сожрала его мама. Не желая быть причастным к двойному детоубийству, я пересадил второго малька в банку и отправился на лодке к заливу, где были пойманы его родители. Здесь с наилучшими пожеланиями я выпустил его в чистую теплую воду в обрамлении золотистого ракушечника, от души надеясь, что он благополучно вырастит множество разноцветных отпрысков.

Три дня спустя к нам прибыл граф. Высокий и стройный, с лоснящимися от помады золотистыми, точно кокон шелкопряда, густыми кудрями; такого же цвета изящно завитые усики; чуть выпуклые глаза неприятно бледно-зеленого цвета. Громадный чемодан его изрядно напугал маму, которая решила, что гость вознамерился жить у нас все лето. Однако мы вскоре выяснили, что граф, воздавая должное своей привлекательной — в чем он не сомневался — внешности, почитал необходимым менять костюмы раз восемь в день. Его платье было таким элегантным, пошитое искусным портным из такого изысканного материала, что Марго не знала — то ли завидовать гардеробу графа, то ли презирать его изнеженность. Кроме ярко выраженной самовлюбленности, граф был наделен и другими антипатичными чертами. Его духи обладали таким сильным запахом, что он тотчас наполнял всю комнату, куда входил наш гость, а диванные подушки, к которым граф прислонялся, и стулья, на которых он сидел, воняли и несколько дней спустя. Английским языком он владел не вполне, что не мешало ему пускаться в рассуждения о любом предмете с коробившим всех нас язвительным догматизмом. Его философию, если это слово уместно, можно было свести к одной фразе: «У нас во Франции лучше», — изрекаемой им по всякому поводу. И он проявлял столь интенсивный, чисто галльский интерес к съедобности всего, встречавшегося на его пути, что было бы вполне простительно посчитать нашего гостя реинкарнацией козы.

На беду, он явился как раз к ленчу и под конец трапезы без особого напряжения сумел восстановить против себя всех, включая наших псов. За каких-нибудь два часа после прибытия, притом не отдавая себе в этом отчета, разозлить пятерых столь разных по нраву людей — своего рода подвиг. Отведав за ленчем воздушное суфле с нежно-розовым мясом свежих креветок, он заявил, что сразу видно: мамин повар — не француз. Услышав, что мама и есть наш повар, граф нисколько не смутился, а только сказал, что она должна быть рада его приезду, так как он сможет дать ей кое-какие наставления в кулинарном искусстве. Мама онемела от ярости, и этот наглец уже перенес свое внимание на Ларри, коего соизволил осведомить, что одна лишь Франция может похвастаться хорошими писателями. В ответ на упоминание Шекспира он только пожал плечами и молвил: «Этот маленький позер»... Лесли он сообщил, что всякий, увлекающийся охотой, одержим преступными инстинктами, и уж, во всяком случае, хорошо известно, что Франция производит самые лучшие в мире ружья, пистолеты и прочие виды оружия. Марго услышала от него, что обязанность женщины — нравиться мужчинам, в частности не быть прожорливой и не есть слишком много такого, что портит фигуру. Поскольку Марго как раз в эту пору страдала некоторой полнотой и соблюдала строгую диету, она отнюдь не благосклонно восприняла эту информацию. Мое презрение он заслужил, обозвав наших собак «деревенскими дворняжками» и противопоставив им несравненные достоинства своих ньюфаундлендов, сеттеров, легавых и спаниелей — разумеется, французской породы. К тому же граф был озадачен, зачем я держу столько несъедобного зверья. «Во Франции, — заявил он, — мы только стреляем такую живность».

Надо ли удивляться, что после ленча, когда он поднялся наверх переодеться, наше семейство клокотало, точно вулкан накануне извержения. Лишь золотое правило мамы — не оскорблять гостя в первый день — сдерживало нас. О состоянии наших нервов можно судить по тому, что, вздумай кто-нибудь насвистывать «Марсельезу», мы тотчас растерзали бы его.

— Видишь теперь, — укоризненно обратилась мама к Ларри, — что получается, когда позволяешь незнакомым людям направлять к тебе в гости незнакомых людей. Этот человек невыносим!

— Ну... не так уж он плох, — произнес Ларри, не очень убедительно пытаясь оспорить мнение, с которым был совершенно согласен. — Кое-что из его замечаний было обоснованно.

— Что именно? — грозно осведомилась мама.

— Да, что? — дрожащим голосом спросила Марго.

— Ну-у, — неуверенно начал Ларри, — мне кажется, суфле получилось несколько жирноватое, и Марго в самом деле что-то округляется.

Д

— Скотина! — крикнула Марго, заливаясь слезами.

— Нет, Ларри, это уже чересчур, — сказала мама. — Я не представляю себе, как мы сможем целую неделю выносить присутствие этого твоего... этого... надушенного ресторанного танцора.

— Не забудь, что мне тоже надо как-то с ним ладить, — недовольно заметил Ларри.

— Так на то он и твой друг, — ответила мама. — То есть друг твоего друга... в общем, так или иначе он твой, и от тебя зависит, чтобы он возможно меньше нам докучал.

— Иначе я всажу ему в зад заряд дробы, — пригрозил Лесли, — этому маленькому вонючему...

— Лесли, — вмешалась мама, — остановись.

— А если он такой и есть, — упрямо отчеканил Лесли.

— Знаю, милый, — согласилась мама, — но все равно не следует выражаться.

— Ладно, — сказал Ларри, — я попробую. Только не кори меня, если он явится на кухню, чтобы преподать тебе урок кулинарии.

— Предупреждаю, — произнесла мама с вызовом в голосе, — если этот человек появится в моей кухне, я уйду... уйду из дома. Уйду и...

— Сделаешься отшельником? — предположил Ларри.

— Нет, уйду и поселюсь в гостинице, пока он не уедет, — прибегла мама к своей излюбленной угрозе. — И на этот раз я и впрямь это сделаю.

Надо отдать должное Ларри, несколько дней он мужественно маялся с графом Россиньодем. Сводил его в городскую библиотеку и в музей, показал летний дворец кайзера со всеми омерзительными скульптурами, даже поднялся с гостем на высочайшую точку Корфу — вершину горы Пантекратор, чтобы тот мог полюбоваться открывающимся сверху видом. Граф посчитал, что библиотека не идет в сравнение с Национальной библиотекой в Париже, что музей в подметки не годится Лувру, отметил, что дворец кайзера размерами, архитектурой и обстановкой заметно уступает коттеджу, который он отвел своему старшему садовнику, а о виде с горы Пантекратор сказал, что предпочел бы ему вид с любой высокой точки во Франции.

— Этот человек невыносим, — объявил Ларри, подкрепляясь глотком бренди в маминой спальне, куда мы все укрылись, спасаясь от графа. — Он помешался на своей Франции, я вообще не понимаю, зачем он ее покинул. Послушать его, так французская телефонная связь тоже лучшая в мире! И ничто его не волнует, прямо швед какой-то.

— Ничего, милый, — утешила его мама. — Теперь уже недолго осталось.

— Не ручаюсь, что меня хватит до конца, — отозвался Ларри. — Он только господа бога еще не объявил монополией Франции.

— Ха, уж, наверно, во Франции в него верят лучше, — заключил Лесли.

— Вот было бы замечательно, если бы мы могли сделать ему какую-нибудь гадость, — мечтательно произнесла Марго. — Что-нибудь жутко неприятное.

— Нет, Марго, — твердо сказала мама. — Мы еще никогда не делали ничего дурного нашим гостям, разве что ненароком или в виде розыгрыша. Не делали и не будем. Придется потерпеть. Осталось-то всего несколько дней, скоро все будет забыто.

— Мать честная! — вдруг воскликнул Ларри. — Совсем забыл. Эти чертовы крестины в понедельник!

— Бранился бы ты поменьше, — заметила мама. — И при чем тут это?

— Нет, ты представляешь себе — взять его с собой на крестины? — спросил Ларри. — Ни за что, пусть сам в это время где-нибудь побродит.

— Мне кажется, не следует отпускать его, чтобы он бродил один, — сказала мама так, будто речь шла об опасном звере. — Вдруг встретит кого-нибудь из наших друзей?

Мы сели, дружно обдумывая эту проблему.

— А почему бы Джерри не сводить его куда-нибудь? — внезапно произнес Лесли. — Все равно ведь он не захочет идти с нами на какие-то скучные крестины.

— Прекрасная идея! — обрадовалась мама. — Это выход!

Во мне полным голосом заговорил инстинкт самосохранения. Я заявил, что непременно пойду на крестины, давно мечтал об этом, мне представится единственный в жизни случай увидеть Ларри в роли крестного отца, он может уронить младенца или сотворить еще что-нибудь в этом роде, и я должен быть при этом. И вообще — граф не любит змей, ящериц, птиц и прочую живность, чем же я могу его занять? Наступила тишина, пока вся семья, уподобившись суду присяжных, взвешивала убедительность моих доводов.

— Придумала: прокати его на своей лодке, — сообразила Марго.

— Отлично! — воскликнул Ларри. — Уверен, в его гардеробе найдется соломённая шляпа и легкий пиджак в полоску. А мы раздобудем для него банджо.

— Очень хорошая мысль, — подтвердила мама. — И ведь это всего на два-три часа, милый. Я уверена, что ты ничего не имеешь против.

Я решительно возразил, что имею очень много против.

— Послушай меня, — сказал Ларри. — В понедельник на озере будут ловить рыбу неводом. Если я договорюсь, чтобы тебе разрешили участвовать, возьмешь с собой графа?

Я заколебался. Мне давно хотелось посмотреть на такой лов, и я понимал, что все равно мне сбегрят графа; теперь следовало извлечь из этого побольше выгоды.

— А еще мы подумаем насчет новой коллекции бабочек, про которую ты говорил, — добавила мама.

— А мы с Марго подкинем тебе денег на книги, — сказал Ларри, великодушно предвосхищая участие сестры в подкупе.

— А от меня ты получишь складной нож, о котором мечтал, — посулил Лесли.

Я согласился. Пусть мне придется несколько часов терпеть общество графа, зато хоть получу справедливое вознаграждение. Вечером, за обедом, мама рассказала графу о предстоящем мероприятии, причем расписала лов с неводом в таких превосходных степенях, что можно было подумать — она самолично изобрела этот способ.

— Будет жарить? — справился граф.

— Да-да, — заверила мама. — Эта рыба называется кефаль, очень вкусная.

— Нет, на озере будет жарить? — спросил граф. — Солнце жарит?

— А... а, поняла, — ответила мама. — Да, там очень жарко. Непременно наденьте шляпу.

— Мы пойдем на яхте мальчика? — Граф стремился к полной ясности.

— Да, — подтвердила мама.

Для экспедиции граф облачился в голубые полотняные брюки, изящные полуботинки каштанового цвета, белую шелковую рубашку и элегантную спортивную фуражку; шею облекал небрежно повязанный, синий с золотом галстук. Меня «Бутл Толстогузый» устраивал как нельзя лучше, но я первым готов был признать, что по комфортабельности он предельно далек от океанской яхты, в чем и граф мгновенно убедился, когда я привел его к протоку в окружении старых соляных полей, где было причалено мое суденышко.

— Это... есть яхта? — Удивление сочеталось в его голосе с легким испугом.

Я подтвердил: да, это и есть наше судно, крепкое и надежное. И — обратите внимание! — с плоским дном, так что на нем удобно ходить. Не знаю, понял ли меня наш гость; возможно, он принял «Бутла Толстогузого» за шлюпку, призванную доставить его на яхту. Так или иначе, он осторожно забрался в лодку, тщательно расстелил на баке носовой платок и опасно сел на него. Я прыгнул на борт и шестом привел в движение лодку вдоль протока, ширина которого в этом месте достигала шести-семи метров, а глубина — полуметра. Хорошо, подумалось мне, что накануне я об-

притянул внимание, что «Бутл Толстогузый» источает почти такой же резкий аромат, как наш гость... Под настилом копились дохлые креветки, гниющие водоросли и прочий мусор, а потому я затопил лодку на мелководье и основательно почистил днище, так что теперь «Бутл» блистал чистотой и издавал меня чудесным запахом нагретого солнцем дегтя, краски и соленой воды.

Старые соляные поля располагались по краям солоноватого озера, образуя нечто вроде огромной шахматной доски со штрихами тихих перекрестных протоков шириной от нескольких десятков сантиметров до десяти метров. Глубина каналов, как правило, не превышала полуметра, но под водой скрывалась никем не мереная толща черного ила. Обводы и плоское дно «Бутла Толстогузого» позволяли без особого труда ходить на нем по этим внутренним водам — здесь не надо было опасаться порывистого ветра и внезапных ударов волн, чего моя лодка как-то не любила. А недостатком протоков являлись высящиеся по обе стороны шуршащие заросли бамбука. Течь от них была благом, но они совсем не пропускали ветра, и в застоявшемся над водой жарком сумрачном воздухе пахло навозной кучей. Некоторое время искусственные благовония графа состязались с природными ароматами, но в конце концов природа взяла верх.

— Это запах, — подметил граф. — Во Франции вода гигиеничная.

И ответил, что скоро мы выйдем из протока на озеро и там не будет никаких запахов.

— Это жарить, — сделал граф новое открытие, вытирая лоб и усы надушенным платком. — Это очень жарить.

Бледное лицо его и впрямь приобрело оттенок гелиотропа. Только я хотел сказать, что и эта проблема отпадет после выхода на озеро, как с тревогой заметил, что с «Бутлом» что-то неладно. Лодка тяжело осела в бурюю воду и почти не двигалась с места, сколько я ни налегал на шест. В первую минуту я не мог понять, в чем дело: мы ведь не сели на мель, да и в этом протоке вообще не было песчаных отмелей. Вдруг я увидел бегущие поверх настила струйки воды. Неужели открылась течь?

Будто замороженный, смотрел я, как вода поднимается до полубоитинок ничего не подозревающего графа. И тут до меня дошло, что случилось. Приступая к чистке днища, я, естественно, вытащил пробку, чтобы напустить в лодку свежей морской воды, а потом, должно быть, небрежно закупорил отверстие, и теперь к нам просачивалась вода. Моей первой мыслью было поднять настил, отыскать пробку и воткнуть на место, но ступни графа уже погрузились в воду сантиметров на пять, и я заключил, что сейчас нижнее подогнать «Бутла» к берегу, пока еще можно как-то маневрировать, и высадить моего изысканного пассажира на сушу. Сам я не боялся,

Д

что «Бутл» погрузит меня в проток: как-никак, я постоянно, точно водяная крыса, бултыхался в каналах, охотясь за змеями, черепахами, лягушками и прочей мелкой живностью, но мне было ясно, что вряд ли граф жаждет резвиться по пояс в воде, смешанной с илом. Я прилагал нечеловеческие усилия, чтобы направить отяжелевшего «Бутла» к берегу. Мало-помалу лодка, словно налитая свинцом, повиновалась, и нос ее стал медленно поворачиваться к суше. Сантиметр за сантиметром я толкал ее к бамбуковым зарослям, и каких-нибудь три метра отделяли нас от берега, когда до графа дошло, что происходит.

— Mon dieu! — взвизгнул он. — Мы погрузились. Мои ботинки погрузились. Эта лодка — она утонула.

Я на минуту перестал работать шестом и попытался успокоить графа. Объяснил, что нет никакой опасности, ему следует только тихо сидеть, пока я не высажу его на берег.

— Мои ботинки! Регарде мои ботинки! — вскричал он, указывая на свою потерявшую вид мокрую обувь с таким негодованием на лице, что я с великим трудом удержался от смеха.

Я объяснил, что сию минуту доставлю его на сушу. И все было бы в порядке, послушай он меня, ведь благодаря моим усилиям меньше двух метров отделяло «Бутла Толстогузого» от бамбука. Однако граф был до того озабочен состоянием своей обуви, что совершил глупейший поступок. Не слушая моего предостерегающего возгласа, он, оглянувшись через плечо и увидев приближающийся берег, встал и одним прыжком вскочил на крохотную носовую палубу «Бутла». Граф намеревался оттуда прыгнуть на сушу, как только мы подойдем еще ближе, однако он не учел нрава моей лодки. У «Бутла», при всей его кротости, были свои причуды; в частности, он не любил, когда люди становились на носовую палубу. В таких случаях «Бутл» взбрыкивал наподобие укрощаемого жеребчика в ковбойском фильме и сбрасывал вас через борт. Так он теперь поступил и с нашим гостем.

Граф с воплем шлепнулся в воду, раскорячившись по-лягушачьи. Его роскошная спортивная фуражка поплыла к бамбуковым корням, а сам он отчаянно барахтался в илистой кашнице. В моей душе смешались радость и тревога. Меня радовало, что граф шлепнулся в воду (хотя я знал — родные ни за что не поверят, что это не было подстроено мной нарочно), но меня беспокоило то, как он барахтается. Попытаться встать на ноги — естественная реакция человека, упавшего за борт на мелководе, однако в данном случае все усилия такого рода приводили лишь к тому, что пострадавший зарывался глубже в вязкий ил. Однажды Ларри, охотясь, упал в такой проток, и понадобились соединенные усилия Марго, Лесли и мои, чтобы извлечь его. Увязни граф основательно, и в одиночку мне его не вы-

тащить, а пока я побегу за людьми, ил может засосать его целиком. И я прыгнул в воду, чтобы помочь графу. Я знал, как следует ходить по такому дну, да и весил раза в четыре меньше нашего гостя, так что меня ил вполне поддерживал. Я крикнул графу, чтобы он не шевелился, подождет меня.

— Merde! — услышал я в ответ; стало быть, рот графа еще находился над водой.

Он повторил попытку вырваться из устрещающей алчной хватки ила, но не преуспел и замер, издав безнадежный крик, подобно тоскующей чайке. Он был напуган до такой степени, что, когда я подошел и начал тянуть его к берегу, он с громкими воплями стал обвинять меня в том, что я-де хочу затолкать его глубже в ил. В поведении графа было столько нелепо-ребяческого, что я не мог удержаться от смеха; естественно, он только еще больше раскипятился и с пулеметной скоростью затараторил что-то по-французски. Скучно владея этим языком, я ничего не понимал, но, справившись наконец с неуместным смехом, опять ухватил его под мышки и потащил к берегу. Внезапно мне представилось, какой потешной показались бы эта картина — двенадцатилетний мальчуган силится спасти крупного мужчину — стороннему зрителю, и на меня снова накатило. Сидя в грязной воде, я буквально визжал от смеха.

— Почему ты смеяться! — закричал граф, пытаясь повернуть голову в мою сторону. — Почему ты смеяться? Ты не смеяться, ты тащить меня, vite, vite!

В конце концов, продолжая давиться смехом, я снова ухватил его под мышки и сумел подтащить почти к самому берегу. Здесь я оставил его и выбрался на сушу. Чем и вызвал новый взрыв истерии.

— Не уходить! Не уходить! — в панике завопил граф. — Я погрузился. Не уходить!

Не обращая внимания на его крики, я высмотрел вблизи несколько самых высоких стеблей бамбука и пригнул их к земле один за другим. Они потрескивали, но не ломались, и я развернул их к графу так, что получилось нечто вроде зеленого мостика между ним и сушей. Следуя моим указаниям, он повернулся на живот и стал подтягиваться за стебли, пока не добрился до берега. Когда он наконец выпрямился на дрожащих ногах, вид у него был такой, точно его от пояса вниз облили жидким шоколадом. Зная, что вязкий ил мгновенно высыхает, я предложил графу почистить его бамбуковой щепочкой. Он вонзил в меня убийственный взгляд и просто выпалил:

— Espece de con!

Слабое знание языка не позволяло мне уразуметь смысл сего речения, но, судя по жару, с каким оно было произнесено, его стоило сохранить в памяти.

Д Мы зашагали домой. Граф кипел от ядовитой злобы. Как я и предполагал, ил на его брюках высох со сказочной быстротой; казалось, ноги графа обтянуты светло-коричневой мозаикой. Если глядеть со спины, сходство с бронированной кормой индийского носорога было так велико, что я чуть снова не расхохотался.

Пожалуй, на беду, мы с графом подошли к дверям нашего дома как раз в ту минуту, когда подкатил вместительный «Додж», за рулем которого восседал наш самозванный ангел-хранитель, хмурый толстяк Спиро Хакьяопулос, а на сиденьях сзади — все мои родичи, разрумянившиеся от вина. Машина остановилась, и пассажиры уставились на графа, не веря своим глазам. Первым опомнился Спиро.

— Ей-богу! — воскликнул он с улыбкой, поворачивая к маме свою массивную голову. — Мастеры Джерри разделались с этим ублюдками.

Мои родные явно разделяли его мнение, однако мама поспешила прийти мне на выручку.

— Боже мой, граф, — сказала она, искусно изображая ужас, — что вы такое сделали с моим сыном?

Граф только разинул рот, пораженный дерзостью ее заявления.

— Джерри, милый, — продолжала мама. — Будь хорошим мальчиком — ступай и переоденься, пока ты не простудился.

— Хороший мальчик! — вскричал граф, не веря своим ушам. — Да он душегуб! C'est une espace de...

— Ну-ну, дружище, — вмешался Ларри, обнимая грязные плечи графа. — Я уверен, что это недоразумение. Пойдем, выпьешь бренди и переоденешься. Да-да, не сомневайся — мой брат будет наказан. Его непременно строго накажут.

Ларри увел в дом негодующего гостя, а остальные члены семьи окружили меня.

— Что ты с ним сделал? — спросила мама. Я ответил, что ничего с ним не делал, граф сам всецело повинен в случившемся.

— Не верю я тебе, — сказала Марго. — Ты всегда так говоришь.

Я возразил, что был бы горд признать свою вину, будь я и впрямь виноват. Логика этих слов произвела должное впечатление.

— Не все ли равно, приложил тут руку Джерри или нет, — вмешался Лесли. — Важен результат.

— Ладно, милый, — заключила мама, — ступай и переоденься. А потом придешь и расскажешь все, как было.

Однако случай с «Бутлом» не произвел эффекта, на который все надеялись, — граф упорно продолжал гостить в нашем доме, словно решив покарать всех нас, причем вел себя еще более беспардонно. Правда, я уже не

испытывал к нему мстительного чувства; стоило мне вспомнить, как он ба-
рихтался в протоке, и меня одолевал неудержимый смех, ранивший наше-
го гостя почище любых оскорбительных действий. К тому же граф, сам
того не ведая, пополнил новым выражением мой французский лексикон.
И испытал это выражение при первом же случае, когда допустил какую-то
ошибку во французском сочинении, и убедился, что оно очень гладко выго-
нивается. Однако мой наставник, мистер Кралевский, реагировал от-
нюдь не одобрительно. Заложив руки за спину, он расхаживал по комнате,
похожий на погруженного в транс горбатого гнома. Услышав мой возглас,
Кралевский застыл на месте с широко раскрытыми глазами; теперь он сма-
хивал на гнома, которого ударило током от прикосновения к поганке.

— Что ты сказал? — глухо произнес он.

Я повторил смутившие его слова. Мистер Кралевский содрогнулся, за-
жмурившись и сморщив нос.

— Где ты это слышал? — последовал новый вопрос.

Я объяснил, что так говорит граф, который гостит у нас.

— Вот как... Понятно. Больше никогда не повторяй эти слова, ясно?
Никогда! Запомни... да, что на этом свете даже аристократы в минуты
сильных потрясений иногда способны выразиться неудачно. Это вовсе не
значит, что им следует подражать.

Я вполне понимал Кралевского. Падение в канал для графа, несомнен-
но, должно было явиться сильным потрясением...

Но сага о графе на этом не кончается. Приблизительно через неделю
после его отъезда Ларри за завтраком пожаловался на недомогание. Мама
надела очки и пристально посмотрела на него.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросила она.

— Не чувствую обычной энергии и бодрости.

— У тебя что-нибудь болит?

— Нет, — признался Ларри, — не то чтобы болит, просто вялость ка-
кая-то, тоска и сильная слабость, словно из меня всю ночь сосал кровь
Дрикула. Но ведь наш последний гость, при всех его пороках, не был вам-
пиром.

— Выглядишь ты вполне нормально, — сказала мама. — Но все же
лучше показать тебя врачу. Доктор Андрочелли уехал в отпуск, так мы по-
просим Спиро привезти Теодора.

— Ладно, — апатично согласился Ларри. — И скажи уж сразу Спиро,
чтобы заказал для меня место на английском кладбище.

— Не говори таких вещей, Ларри, — встревожилась мама. — А теперь
ложись-ка ты в постель и никуда не ходи, ради бога.

Если Спиро оправдывал звание ангела-хранителя, готового выполнить любое наше пожелание, то доктор Теодор Стефанидес был нашим оракулом и советчиком по всем вопросам. Он прибыл, степенно восседая на заднем сиденье «Доджа» Спиро, в строгом твидовом костюме, в чуть сдвинутой набок фетровой шляпе, и борода его золотилась на солнце.

— Н-да, право же... гм... это весьма удивительно, — сказал Теодор, поздоровавшись с нами. — Я как раз подумывал о том, что хорошо бы проветриться... э... на редкость чудесный день... гм... в меру жарко и все такое прочее, знаете ли... э... и вдруг в моей лаборатории появляется Спиро. Такое совпадение.

— Очень рад, что от моих страданий хоть кому-то радость, — заявил Ларри.

— Да-да! Так что же... э... словом... стряслось? — с интересом осведомился Теодор, созерцая Ларри.

— Ничего конкретного, — ответил Ларри. — Просто такое ощущение, что я вот-вот преставлюсь. Полный упадок сил. Не иначе, я, как это у меня заведено, перетрудился, заботясь о благе своих родных.

— Думаю, причина вовсе не в этом, — решительно возразила мама.

— А по-моему, — вступила Марго, — ты слишком много ешь. Строгая диета — вот что тебе надо.

— Ему нужны свежий воздух и движение, — заявил Лесли. — Взял бы лодку да поразмялся на ней...

— Я думаю, Теодор скажет нам, в чем дело, — подытожила мама.

Теодор уединился с Ларри, чтобы осмотреть его, и через полчаса вернулся к нам.

— Ну, я не нахожу никаких... э... словом... органических дефектов, — рассудительно произнес он, покачиваясь с пятки на носок. — Разве что небольшой излишек веса...

— Вот видите! — торжествуя произнесла Марго. — Я говорила, что ему нужно сесть на диету.

— Помолчи, милая, — остановила ее мама. — И что же вы порекомендуете, Теодор?

— Я подержал бы его день-два в постели, — предложил Теодор. — Легкая диета, понимаете, поменьше жирного, и я пришлю лекарство... э... что-нибудь тонизирующее. Послезавтра приеду и посмотрю его снова.

Спиро отвез Теодора в город и вернулся оттуда с лекарством.

— Не буду пить, — заявил Ларри, подозрительно глядя на бутылочку. — Прислал какой-то экстракт яичников летучей мыши...

— Не говори глупостей, милый, — возразила мама, наливая лекарство в ложку. — Оно поможет тебе.

— Как бы не так. Именно такую дрянь пил мой приятель, доктор Джекил, — и что с ним случилось?

— Что? — простодушно спросила мама.

— Его нашли на люстре. Он висел вниз головой, почесывался и говорил всем, что его зовут мистер Хайд.

— Полно, Ларри, перестань дурачиться, — твердо сказала мама.

Понадобились долгие уговоры, прежде чем Ларри наконец принял лекарство и лег в постель.

На другое утро нас ни свет ни заря разбудили негодующие вопли, доносившиеся из его комнаты.

— Мать! Мать! — орал он. — Иди сюда, посмотри, что ты натворила!

Мы застали его расхаживающим нагишом по комнате, с большим зеркалом в руке. Ларри с воинственным видом повернулся к маме, и она ахнула: его лицо раздулось вдвое против обычного и цветом напоминало помидор.

— Что ты наделал, милый? — пролепетала мама.

— Наделал? Это ты наделала! — прокричал он, с трудом выговаривая слова. — Ты и твой окаянный Теодор — и ваше проклятое лекарство, оно подействовало на мой гипофиз! Гляди на меня, гляди! Хуже, чем Джекил и Хайд!

Мама надела очки и снова уставилась на Ларри.

— Сдается мне, у тебя свинка, — озадаченно произнесла она.

— Ерунда! Свинка — детская болезнь! — выпалил Ларри. — Нет, это еще чертово лекарство Теодора. Говорю тебе: оно подействовало на мой гипофиз. Если ты немедленно не добудешь противоядие, твой сын превратится в великана.

— Чепуха, милый, это, несомненно, свинка, — настаивала мама. — Нет, в самом деле странно, ведь я была уверена, что ты уже болел свинкой. Так, постой... У Марго была корь в Дарджилинге в 1920 году... У Лесли была тропическая диспепсия в Рангуне... нет, в 1910 году в Рангуне диспепсия была у тебя, а Лесли болел ветрянкой в Бомбее в 1911-м... или это было в 1912-м? Не помню точно... Тебе удалили гланды в Раджапутане в 1922 году, а может быть, в 1923-м, точно не припомню, а после этого у Марго...

— Простите, что перебиваю этот перечень фамильных недугов из «Альманаха старого Мура», — сухо произнес Ларри, — но, может быть, кто-нибудь из вас все же пошлет за противоядием, пока меня еще не разнесло так, что я не пролезу в дверь?

Когда явился Теодор, он подтвердил мамин диагноз.

— Да... э... гм... несомненно, это свинка.

Д — Как это несомненно, шарлатан ты этакий? — возмущился Ларри, вытаращив на него опухшие слезящиеся глаза. — Почему же ты не знал этого вчера? И вообще не мог я заболеть свинкой, это детская болезнь.

— Нет-нет, — возразил Теодор. — Обычно свинкой болеют дети, но и взрослые часто заражаются.

— Что же ты с первого взгляда не распознал такую обыденную болезнь? — негодовал Ларри. — Не можешь даже свинку определить? Тебя следует с треском исключить из врачебного сословия — или какое еще наказание полагается вам за преступную небрежность!

— Свинку очень трудно определить на... э... на ранней стадии, — объяснил Теодор, — пока не появились опухали.

— Типично для вас, медиков! — горько произнес Ларри. — Вы вообще ничего не видите, пока пациента не разнесет. Безобразие!

— Если это не распространится на... гм... словом... гм... на твои... э... нижние регионы, — глубокомысленно молвил Теодор, — через несколько дней будешь здоров.

— Нижние регионы? — насторожился Ларри. — Что это еще за нижние регионы?

— Ну, э... словом... при свинке опухают железы, — сказал Теодор. — И если этот процесс распространится на... гм... нижние регионы, это может вызвать очень сильные боли.

— Ты хочешь сказать, что я могу уподобиться слону? — с ужасом спросил Ларри.

— М-м-м, э... ну да, — ответил Теодор, не в силах придумать лучшего сравнения.

— Это все нарочно затеяно, чтобы сделать меня бесплодным! — закричал Ларри. — Ты с твоей окаянной настойкой из крови летучей мыши! Ты завидуешь моей потенции.

Сказать, что Ларри был тяжелым пациентом, — значит ничего не сказать. Он держал около кровати большой колокольчик и непрестанно звонил в него, напоминая о себе. Маме двадцать раз в день приходилось осматривать его нижние регионы, чтобы удостовериться, что они вовсе не поражены. А когда выяснилось, что источником заразы был младенец Леоноры, Ларри пригрозил предать его анафеме!

— Я крестный отец, — заявил он, — имею полное право отлучить от церкви этого неблагодарного гаденыша!

На четвертый день, когда Ларри всех нас основательно измучил, его пришел проведать капитан Крич. Отставной военный моряк, человек распутного нрава, он был проклятием жизни нашей мамы. На восьмом десятке лет капитан Крич не оставлял в покое женский пол, включая маму, и

его наряду с его предельно развязным поведением и узкой направленностью ума постоянно ее раздражало.

— Эй, на корабле! — крикнул он, вваливаясь в спальню: кривая челюсть трясется, клочковатая борода и волосы вздыблены, воспаленные глаза слезятся. — Эй, на корабле! Выносите ваших покойников.

Мама, которая в четвертый раз с утра осматривала Ларри, выпрямилась и вонзила строгий взгляд в нарушителя спокойствия.

— Простите, капитан, — сухо произнесла она, — но здесь комната больного, а не пивной бар.

— Наконец-то я заполучил ее в спальню! — шумел сияющий Крич, не обращая внимания на выражение маминого лица. — Теперь, если этот парень выйдет, мы можем пообниматься.

— Благодарю, но мне не до объятий, — ледяным тоном ответила мама.

— Нет так нет, — сказал капитан, садясь на кровать. — Что это еще за дурацкую свинку ты подхватил, парень, а? Ребятня хворь! Если уж надумал болеть, давай что-нибудь стоящее, как подобает мужчине. Да я в твоём возрасте меньше гонореи ничего не признавал.

— Капитан, я попросила бы вас не предаваться воспоминаниям при Джерри, — твердо произнесла мама.

— Надеюсь, на потенции не отразилось, а? — озабоченно справился капитан. — Хуже нет, как до паха доберется. Свинка в паху — это же погребель для мужчины.

— Не беспокойтесь, у Ларри все в порядке, — с достоинством сообщила мама.

— Кстати, о пахе, — не унимался капитан. — Слыхали про молодую индийскую девственницу из Куча и ее ручных змей?

И он продекламировал строки из малопристойной песенки, завершив декламацию громким хохотом.

— Прекратите, капитан! — гневно воскликнула мама. — Я не желаю, чтобы вы читали стихи при Джерри!

— Я проходил мимо почты и забрал ваши письма, — продолжал капитан, игнорируя мамины замечания; с этими словами он достал из кармана несколько писем и открыток и бросил их на кровать. — А какая прелестная крошка сидит там теперь на выдаче! Шутя возьмет первую премию на любой выставке дынь.

Но Ларри не слушал его, поглощенный чтением одной из открыток. До читав до конца, он расхохотался.

— В чем дело, милый? — спросила мама.

— Открытка от графа, — сообщил Ларри, вытирая слезы.

— Ах, этот, — фыркнула мама. — Он меня совсем не интересуется.

— Еще как заинтересует, — возразил Ларри. — Право, стоит заболеть, чтобы узнать такое. Мне уже намного лучше!

Он снова взял открытку и прочитал вслух. Судя по всему, графу помогал писать человек, возмещавший нетвердое знание английского языка находчивостью.

«Я доехать до Рима, — сообщалось в открытке. — Нахожусь в больнице, пораженный болезнью под названием свин. Поражен весь целиком. Чувствую, не могу привести себя в порядок. Совсем без аппетита, и я невозможно садиться. Остерегайтесь вы свина. Граф Россиньоль».

— Бедняжка, — не очень убедительно произнесла мама, когда стих всеобщий смех. — Право же, напрасно мы смеемся.

— Ничего подобного, — возразил Ларри. — Вот я напишу графу и спрошу его, может ли греческая свинка сравниться вирулентностью с французской.

Там угнездится летучий змей...
И филин и ворон поселятся...

Исайя, 34, 11-15

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВЕСЕННИЕ СТИХИИ

Весна в свой срок нагрянула, как лихорадка; казалось, еще вчера остров беспокойно ворочался в теплой и влажной зимней постели и вдруг, полный бодрости и жизни, пробудился под небом цвета голубой гиацинтовой почки, в котором восходило солнце, кутаясь в мглу такую же тонкую и нежно-желтую, как свежий кокон шелкопряда. Для меня весна, когда животный мир острова приходил в движение и воздух полнился надеждами, была одним из лучших времен года. Может быть, сегодня я поймаю самую большую пресноводную черепаху, какую когда-либо видел! Или постигну тайну, как крохотный черепашонок, вышедший из яйца сморщенным и бугристым, словно грецкий орех, всего за час увеличивается вдвое в размерах, становясь почти совсем гладким. Весь остров бурлил и звенел, я просыпался рано, торопливо завтракал под мандариновыми деревьями, уже благоухающими в лучах утреннего солнца, собирал банки и сети и, свистнув Роджера, Вьюна и Пачкуна, отправлялся исследовать свое царство.

На холмах, среди мини-лесов из вереска и ракитника, где нагретые солнцем камни пестрели напоминающим древние печати причудливым узором лишайника, пробудившиеся от зимней спячки черепахи медленно выбира-

лись из-под земли и замирали в солнечных лучах, моргая и глотая воздух. Нагревшись, они ползли туда, где их ожидала первая трапеза — клевер, или одуванчики, или пухлые белые дождевики. На черепаховых холмах, как и на всей моей территории, я предусмотрел все необходимое для точных наблюдений. Каждая черепаха снабжена характерной меткой, чтобы я мог следить за ее развитием; не менее тщательно пометил я гнезда чекана и черноголовой славки, тонкие, как бумага, капсулы с яйцами богомола, ажурные сети пауков и каждый камень, под которым ютилась дорогая моему сердцу живность.

Именно появление черепаших полчищ было для меня настоящим признаком начала весны; лишь после действительного окончания зимы они выползали в поисках пары — неуклюжие, в тяжелых латах, что твой средневековый рыцарь, жаждущий защитить какую-нибудь представительницу слабого пола. Утолив голод, они становились резвее, если такое слово вообще применимо к черепахам. Самцы вышагивали на цыпочках, вытянув до отказа шею, время от времени останавливались и издавали неожиданно громкое и требовательное тьяканье. Я ни разу не слышал, чтобы самки откликались на этот звонкий клич, похожий на тьяканье мопса, но каким-то образом самцы выслеживали их и, продолжая тьякать, били панцирем о панцирь, добиваясь от самок покорности, а те знай себе продолжали пастись в промежутках между толчками.

Гулко отдавалось в холмах черепашие тьяканье, сопровождаемое скрежетом сталкивающихся панцирей и частым «так-так» черноголового чекана, словно где-то работала миниатюрная каменоломня; звучали крики зяблика, будто капли воды ритмично падали в пруд; раздавались веселые, с присвистом, голоса щеглов, которые в цветистом клоунском наряде копошились в куще желтого ракитника.

У подножия черепаших холмов, ниже старых оливковых рощ, где перестрели бордовые анемоны, асфodelы и розовые цикламены, где сороки или гнезда и сойки пугали вас внезапным тоскливым криком, простерлись шахматными клетками старые соляные поля. Каждое поле (иные площадью всего с небольшую комнату) окаймляли мутные мелкие широкие протоки с солоноватой водой. Здесь росли виноград, кукуруза, инжир, томаты с запахом едким, как у лесного клопа, арбузы — точно огромные зеленые яйца некой мифической птицы, вишни, сливы, абрикосы, мушмула, клубника и батат; словом, это была зеленая кладовая острова. Ближайшие к морю протоки были оторочены тростниковыми зарослями и острыми пиками камыша; в подгорной стороне, где воду каналов опресняли ручьи из оливковых рощ, развилась пышная растительность, и тихую поверхность протоков в оборке из желтых калужниц украшали кувшинки.

Именно здесь по весне с пронзительным, чуть ли не птичьим свистом предавались брачным играм два вида пресноводных черепах: у одного панцирь черный с золотистыми пятнышками, у другого — в тонкую серую полоску. Отливающие лаковым блеском зеленые и бурые лягушки с пятнистыми, как шкура леопарда, ногами заключали друг друга в страстные объятия, выпучив глаза, или подолгу квакали в унисон и метали в воду большие кучевые облака серой икры. Там, где на каналы ложилась тень от тростниковой чащи или инжира и других плодовых деревьев, издавали монотонное теноровое кваканье зеленые квакши, словно покрытые влажной замшей, раздувая свои желтые горловые мешки до размеров грецкого ореха. Желтоватые комья их икры величиной с маленькую сливу лепились к зеленым косичкам водорослей, плавно колеблемых тихими струями.

С одной стороны к соляным полям примыкали ровные луга. Затопленные весенними дождями, они превращались в обрамленное травой обширное озеро глубиной около десяти сантиметров. В теплой воде этого озера собирались коричневатые с желтым брюшком тритоны. Изогнув хвост, самец занимал позицию перед самкой, после чего с каким-то потешным выражением сосредоточенности начинал энергично бить по воде хвостом, направляя к самке выделяемую им сперму. Оплодотворенные яйца, беловатые и почти такие же прозрачные, как вода, с блестящей и черной, словно муравей, крупинкой желточной массы, самка откладывала на листик, который сгибалась и склеивала так, что получалась плотная капсула.

Весной на залидном лугу паслись стада необычных коров. Шоколадного цвета могучие животные с отогнутыми назад массивными белыми рогами, они напоминали центральноафриканский рогатый скот, однако на Корфу явно попали из не столь далеких краев — возможно, из Ирана или Египта. Хозяевами этих стад были люди необычного, цыганского вида; приезжая на длинных конных повозках, они разбивали табор рядом с пастбищами. Сумрачные суровые мужчины и статные женщины и девушки — бархатисто-черные глаза, волосы словно кротовая шубка — сидели вокруг костра, плетя корзины и переговариваясь на непонятном мне языке, а голосистые, точно сойки, и сторожкие, как шакалы, худые смуглые мальчишки в лохмотьях пасли скот. Когда массивные коровы, толкая друг друга, нетерпеливо устремлялись на луг, звук ударяющихся рогов напоминал мушкетную перестрелку. Сладковатый запах от коричневых шкур застаивался в теплом воздухе, подобно благоуханию цветов. Еще вчера у пастбищ было безлюдно, а сегодня, глядишь, окутанный паутиной дыма от ярко розовеющих костров раскинулся табор, словно он всегда тут находился, и коровы медленно бродят по мелководью. Копыта с плеском топчут воду, морды нащу-

нывают и рвут траву, распугивая тритонов и обращая в паническое бегство лягушек и черепашат, уstraшенных нашествием исполинов.

Я страстно желал обзавестись хотя бы одной коричневой зверюгой, однако знал, что мои родные ни за что не позволят мне держать такое огромное и грозное на вид животное, сколько бы я ни говорил, что они совершенно ручные, их пасут шести-семилетние карапузы. Впрочем, отчасти мое желание исполнилось — в достаточной мере, чтобы это коснулось моих родичей...

Придя на луг вскоре после того, как там зарезали быка, я увидел, как несколько девочек скребут ножами лежащую на траве окровавленную шкуру и втирают в нее золу. Рядом, покрытая блестящей пеленой жужжащих мух, покоилась расчлененная туша, а подле нее лежала массивная голова — бахромчатые уши прижаты к черепу, глаза полузакрыты, точно в риздюме, из одной ноздри сочится кровь. Белые дуги рогов толщиной с мое бедро изогнулись на метр с лишком в длину, и чувство, с которым я смотрел на них, можно только сравнить с вождением охотника овладеть роскошным трофеем.

Приобретать всю голову было бы непрактично, сказал я себе; сам-то я не сомневался в своем умении набивать чучела, однако родные не разделяли моей уверенности. К тому же совсем недавно мне пришлось выслушать замечания по поводу черепахи, которую я препарировал у нас на веранде, — после этого необдуманного поступка семья стала смотреть с предубеждением на мой интерес к анатомии. А жаль, честное слово, ведь тщательно оформленная бычья голова отлично смотрелась бы над дверью моей спальни и явилась бы гордостью коллекции, превзойдя даже чучело летучей рыбы и почти полный козий скелет. Зная, сколь неумолимы бывают порой мои родные, я нехотя решил ограничиться рогами. Поторговавшись всласть — цыгане достаточно хорошо говорили по-гречески, — я приобрел рога за десять драхм и рубашку, которую тут же снял с себя. Маме я объяснил отсутствие рубашки тем, что упал с дерева и так разорвал ее, что не было смысла нести домой. После чего, ликуя, отнес рога в свою комнату и всю первую половину дня трудился над ними: старательно отполировал, прибил к деревянной дощечке и бережно подвесил на крюк над дверью. Управившись с этим делом, я отступил на несколько шагов, чтобы полюбоваться плодом своих усилий.

В это время послышался гневный голос Лесли:

— Джерри! Джерри! Ты где?

Я сразу вспомнил, что одолжил в его комнате баночку с ружейным маслом, чтобы отполировать рог, рассчитывая незаметно вернуть на место. Не успел я, однако, что-либо предпринять, как дверь распахнулась и вошел разъяренный Лесли.

— Джерри! Это ты, черт возьми, взял мое ружейное масло?

ДРаспахнутая им дверь качнулась обратно и с силой захлопнулась. Мой великолепный трофей сорвался со стены, точно сам бык ожил и придавал рога ускорение, и грохнулся прямо на темя Лесли, повергнув его на пол, словно удар бердышом.

Две страшные мысли пронзили мое сознание: первая — не сломались ли мои дивные рога, вторая — не убит ли мой брат. Ответ в обоих случаях был отрицательным. Рога не пострадали, брат с остекленевшим взглядом принял сидячее положение и воззрился на меня.

— Боже! Моя голова! — простонал он, сжимая ладонями виски и качаясь взад-вперед. — Что за ад!

Спасаясь от гнева Лесли, я побежал искать маму и застал ее в спальне, где она глубокомысленно изучала разложенный на кровати комплект пособий для любителей вязания. Я объяснил, что Лесли, так сказать, случайно напоролся на мои рога. Мама, как обычно, настроенная на худшее, решила, что я тайком от всех держал в своей комнате быка и тот выпустил из Лесли кишки. Облегчение, которое она испытала, увидев, что Лесли сидит на полу явно невредимый, однако с примесью недовольства, было очевидным.

— Лесли, милый, чем вы тут занимались? — спросила она. Лесли поднял на нее глаза, и лицо его медленно налилось краской, уподобляясь спелой сливе. Казалось, он потерял дар речи.

— Этот проклятый мальчишка, — глухо проревел он наконец, — он пытался разmozжить мне голову... ударил меня по голове огромными оленьими рогами, чтоб им...

— Не выражайся, милый, — автоматически произнесла мама. — Я уверена, что он не нарочно.

Я поспешил заверить, что у меня вовсе не было злого умысла, однако истины ради должен отметить, что рога не оленьи, те выглядят совсем иначе, а эти принадлежат быку, вот только вид я еще не смог определить.

— Плевать мне, что это за чертов вид, — прорывал Лесли. — Хоть бы и какой-нибудь окаянный бронтозавр, пропади он пропадом!

— Лесли, милый, — повысила голос мама, — что за манера без конца браниться.

— Буду браниться! — крикнул Лесли. — Ты тоже станешь браниться, если тебя долбанут по башке чем-то вроде китовых ребер!

Я начал было объяснять, что китовые ребра несколько не похожи на эти рога, но грозный взгляд Лесли оборвал мою лекцию.

— Вот что, милый, над дверью их держать нельзя, — сказала мама. — Слишком опасное место. Ты мог ударить Ларри.

Я похолодел, представив себе Ларри, сбитого с ног рогами моего быка.

— Тебе придется повесить их в каком-нибудь другом месте, — продолжала мама.

— Ну, уж нет, — заявил Лесли. — Если он еще собирается хранить эти окающие рога, то как угодно, только не в подвешенном виде. Пусть уберет их в шкаф или еще куда-нибудь.

Пришлось мне согласиться с этим ограничением, и рога переместились на подоконник, где никому не причиняли вреда, если не считать их склонности падать на ноги нашей служанке Лугареции всякий раз, когда она вечером закрывала ставни, но поскольку Лугареция была выдающимся, можно сказать, профессиональным ипохондриком, всякие ссадины и ушибы только радовали ее. Однако несчастный случай на время омрачил мои отношения с Лесли, из-за чего я непреднамеренно навлек на себя гнев Ларри.

Ранней весной из камышовой чащи у соляных полей доносились гулкие и басистые, причудливые крики выпи. Услышав их, я сразу загорелся, так как еще ни разу не видел этих птиц, а тут появилась надежда, что они устроят себе гнездо. Правда, точно определить место их обитания было трудно — камыши занимали большую площадь, и все же, подежурив достаточно долго на верхушке оливкового дерева на господствующей высоте, я смог ограничить район поиска примерно двумя сотнями квадратных метров. Вскоре крики прекратились, из чего я заключил, что выпи занялись гнездом. Выйдя рано утром без собак, я быстро добрался до соляных полей и углубился в камыши, где принялся рыскать, словно охотничий пес, не отпускаясь на внезапный всплеск от прыжка лягушки, рябь на воде от плывущей змеи или первый балет юной бабочки. Очутившись в самом сердце прохладных шуршащих зарослей, я вскоре понял, что заблудился среди высоких стеблей. Вот некстати! Со всех сторон меня окружала камышовая ограда, а сверху колышущиеся листья образовали зеленый полог, сквозь который проглядывало ярко-синее небо. Я не испугался, так как знал, что, иди напрямик в любую сторону, неизбежно выйду либо к морю, либо на дорогу. Меня тревожило другое — там ли я ищу гнездо. Достав из кармана горсть миндаля, я сел, чтобы подкрепиться и обдумать положение.

Только я управился с миндалем и заключил, что лучше всего — вернуться к оливковому дереву и взять новый азимут, как обнаружил, что последние пять минут, сам того не подозревая, сидел в двух с половиной метрах от выпи. Птица застыла на месте, будто часовой, вытянув вверх шею и устремив к небу длинный зеленовато-коричневый клюв; выпуклые темные глаза по бокам узкой головы смотрели на меня с враждебной настороженностью. Рыже-бурое оперение в темно-коричневую крапинку совершенно сливалось с исчерченными узором летучих теней стеблями камыша. Сходство с переливающимся фоном усиливалось тем, что птица сама покачива-

Д лась из стороны в сторону. Я смотрел на выпь как замороженный, боясь вздохнуть. Внезапно послышался шум, выпь, перестав уподобляться камышам, тяжело взлетела в воздух, и из-за стеблей с треском выскочил Роджер — язык висит, глаза лучатся добродушием.

Я колебался — то ли отчитать его, что спугнул выпь, то ли похвалить, что в непростой местности сумел выследить меня по запаху за два с лишним километра. Однако Роджер так явно радовался своему подвигу, что у меня не хватило духа ругать его. Найдя в кармане две уцелевшие миндалины, я выдал ему награду. После чего мы принялись искать гнездо и вскоре нашли аккуратную подстилку из стеблей камыша с лежащими в ямке первыми зеленоватыми яйцами. Довольный таким успехом, я решил внимательно наблюдать за гнездом и проследить развитие птенцов.

Обламывая камыши, чтобы пометить путь, я последовал за куцым хвостом Роджера, который явно ориентировался лучше меня, потому что уже через сотню метров мы вышли на дорогу, пес вытряхнул воду из своей косматой шубы и покатался в мелкой сухой белой пыли.

Свернув с дороги и поднимаясь вверх через пестрящие сотнями диких цветов, переливающиеся светом и тенями оливковые рощи, я решил порадовать маму букетиком ветрениц. Собирая бордовые цветы, я размышлял, как разрешить проблему выпь. Мне очень хотелось, когда родители выкормят своих отпрысков и те оперятся, похитить парочку птенцов и пополнить ими свой довольно внушительный зверинец. Но вот помеха: рыба для моих питомцев — озерной чайки, двадцати четырех пресноводных черепах и восьми ужей — обходилась достаточно дорого, и я подозревал, что мама, мягко выражаясь отнесется со смешанными чувствами к появлению двух голодных юных выпей. Я так крепко задумался, что не сразу обратил внимание на настойчивые призывные звуки свирели.

Посмотрев на дорогу внизу, я увидел Человека с Золотыми Бронзовками. Этот чудаковатый немой коробейник частенько встречался мне во время моих экспедиций в оливковых рощах. Щуплый и узколицый, он был облачен в удивительнейший наряд: огромная шляпа с обвислыми полями, к которым на ниточках были привязаны блестящие золотисто-зеленые бронзовки, платье со множеством разноцветных заплат, словно пошитое из лоскутного одеяла, и широкий ярко-синий галстук. На спине у него висели клетки с голубями, разные мешки и ящички, а в карманах хранилась всякая всячина, от деревянных свирелей, резных фигурок и гребешков до кусков от мантии святого Спиридона.

Меня в этом человеке особенно привлекал замечательный талант имитатора. Вынужденный из-за немоты искать другие средства выражения, он пользовался свирелью. Увидев, что привлек мое внимание, он опустил сви-

руль и поманил меня пальцем. Я спустился бегом, так как знал, что у Человечка с Бронзовками бывают интереснейшие вещи. Это от него я получил самую большую в моей коллекции раковину двустворчатого моллюска, к тому же с двумя крохотными паразитирующими крабами-горошинами внутри.

Подбежав к нему, я вежливо поздоровался. Он обнажил в улыбке темные зубы и с нарочито глубоким поклоном приветственно взмахнул шляпой, отчего привязанные на нитках жуки лениво зажужжали, словно ожившие изумруды. Справившись о моем здоровье, для чего он наклонился вперед и вопросительно уставился на мое лицо широко раскрытыми пытливыми глазами, Человек с Бронзовками дал понять, что у него все в порядке, исполнив на свирели веселую быструю трель и несколько раз жадно вдохнув теплый воздух с блаженно закрытыми глазами. Обменявшись таким образом любезностями, мы приступили к делу.

Я справился, зачем он меня позвал. Человек с Бронзовками поднес к губам свирель и извлек из нее глухой протяжный, тоскующий звук, после чего широко открыл глаза и зашипел, качаясь из стороны в сторону и пощелкивая зубами. Его имитация рассерженной совы была настолько верной, что я не удивился бы, если бы он взлетел. Сердце мое взволнованно билось, я давно мечтал о паре для моей сплюшки Улисса, который днем сидел над окном спальни, точно резной тотем из оливкового дерева, а по ночам истреблял мышей вокруг дома. Однако Человек с Золотыми Бронзовками ответил на мой вопрос презрительной усмешкой — подумаешь, сплюшка!.. Отделив от множества висевших на нем предметов большой мешок, он развязал его и осторожно вытряхнул к моим ногам содержимое.

Сказать, что я сам онемел, значит, ничего не сказать, ибо в белой пыли у моих ступней, шипя, покачиваясь и щелкая клювами, словно пародируя Человека с Бронзовками, барахтались три крупных совенка. Огромные оранжевые глазищи выражали ярость и испуг; это были птенцы филина — такая редкость, что я почти не смел мечтать о них. Во что бы то ни стало я должен был заполучить их. Тот факт, что приобретение трех пухлых и прожорливых совят увеличит расходы на мясо в такой же степени, в какой выросли бы затраты на рыбу, пополнись моя коллекция выпями, не играл никакой роли. Выпи были где-то в будущем, еще неизвестно, увижу ли я их, тогда как пушистые серовато-белые мячики, которые топтали пыль, щелкая клювами, являли собой осязаемую действительность.

Присев на корточки и поглаживая птенцов, отчего они погрузились в дремоту, я приступил к торговле с корабейником. Человек с Бронзовками был мастер торговаться, что придавало особую увлекательность этому процессу; вместе с тем торг носил вполне миролюбивый характер, так как происходил в полной тишине. Мы сидели друг против друга, точно какие-нибудь знатоки искусства, обсуждающие цену трех полотен Рембрандта.

ДЖест подбородком, покачивание или легкий наклон головы чередовались с долгими паузами, во время которых Человек с Золотыми Бронзовками пытался подмаслить меня при помощи музыки или извлеченной из кармана малоудобоваримой нуги. Однако преимущество было на стороне покупателя, и продавец отлично понимал это: где еще на всем острове найдет он безумца, готового купить не одного, а целых трех совят?! И в конце концов сделка состоялась.

Испытывая временные финансовые затруднения, я объяснил Человеку с Бронзовками, что ему придется подождать уплаты до начала следующего месяца, когда мне выдадут карманные деньги. Сам хорошо знакомый с осложнениями такого рода, он отнесся с полным пониманием к моим словам. Мы условились, что я оставляю деньги у нашего друга Яни в кафе на перекрестке, и там он сможет их забрать во время очередного странствия в этих краях. Покончив с деловой, корыстной процедурой, мы распили флягу имбирного пива, которую Человек с Золотыми Бронзовками извлек из своей объемистой ноши. После чего я осторожно посадил драгоценных совят обратно в их мешок и продолжил путь домой, оставив корабейника в придорожной канаве, где он возлежал на спине в окружении своего товара и вешенных цветочков, играя на свирели.

Пока я шел к дому, энергичные крики совят вдруг напомнили мне о кулинарных проблемах, проистекающих из моего нового приобретения. Было очевидно, что Человек с Бронзовками не кормил своих подопечных. Я не знал, как долго они находились в его владении, но, судя по крикам, они здорово проголодались. Жаль, говорил я себе, что мои отношения с Лесли малость осложнены, не то я упробовал бы его подстрелить для моих младенцев несколько воробьев или крысу-другую. Теперь же оставалось только положиться на мамино неизменное добросердечие.

Маму я застал на кухне; одной рукой она лихорадочно размешивала бурлящее содержимое огромного котла, в другой держала поваренную книгу, которую сосредоточенно изучала сквозь запотевшие очки, безмолвно шевеля губами. Я извлек из мешка совят с видом человека, принесшего бесценный дар. Мама поправила очки и поглядела на троицу шипящих и покачивающихся пуховых мячиков.

— Очень милые, дорогой, — рассеянно произнесла она. — Очень милые. Ты уж придумай для них надежное место, хорошо?

Я ответил, что они будут заточены в моей комнате и никто даже не узнает об их существовании.

— Правильно, — сказала мама, беспокояно глядя на совят. — Ты ведь знаешь, как Ларри смотрит на то, чтобы у нас появились еще домашние животные.

Мне это было отлично известно, и я был твердо намерен хранить появление совят в тайне от него. Вот только одна небольшая заковыка, сообщил я маме, — птенцы голодны, по правде говоря, они умирают с голоду.

— Бедняжки, — сказала мама, немедленно проникаясь сочувствием к совятам. — Дай им хлеба с молоком.

Я объяснил, что совы питаются мясом, а мои запасы уже кончились. Может быть, у мамы найдется маленький кусок, который она может одолжить мне, чтобы птенцы не погибли?

— Понимаешь, у меня сейчас с мясом туговато, — ответила мама. — Только и есть, что несколько отбивных на ленч. Сходи посмотри сам в холодильник.

Я отправился в кладовку, где стоял большой холодильник для скоропортящихся продуктов, и заглянул в его нутро, наполненное морозной дымкой. Кроме десятка отбивных, никакого мяса не было, да и те вряд ли могли насытить тройку прожорливых юных филинов. Я вернулся с этим известием к маме на кухню.

— Боже мой! — воскликнула мама. — Ты уверен, что они не станут есть хлеб с молоком?

Я был непреклонен. Совы едят только мясо. В эту минуту один птенец качнулся так сильно, что упал, и я не замедлил обратить на это мамино внимание — вот, мол, до чего они ослабли.

— Что ж, бери тогда отбивные, что ли, — встревоженно сказала мама. — Обойдемся овощным рагу.

Торжествуя, я отнес совят и отбивные в свою комнату и скормил птенцам все мясо.

В связи с прибытием совят ленч в этот день задержался.

— Извините, что так поздно, — сказала мама, открывая супницу, над которой поднялось облачко пряного пара, — но что-то сегодня картошка долго варилась.

— Я полагал, что сегодня будут отбивные, — разочарованно заметил Ларри. — Целое утро слюнки глотал, предвкушая отбивные. Куда они делись?

— Боюсь, это совы виноваты, милый, — сказала мама извиняющимся тоном. — У них такой страшный аппетит.

Ларри замер, не донеся до рта ложку с овощным рагу.

— Совы? — вымолвил он наконец, уставившись на маму. — Совы? Как тебя понимать? Какие еще совы?

— О! — смутилась мама, сознавая, что допустила тактическую ошибку. — Просто совы... ну, птицы такие... ничего особенного.

— Мы подверглись нашествию сов? — допытывался Ларри. — Они вошли в кладовку и улетели, унося в когтях кучи отбивных?

Д — Нет-нет, милый, они еще совсем маленькие. Они не способны на такое. У них совершенно очаровательные глаза, и они буквально умирали с голоду, бедные крошки.

— Держу пари, речь идет о каком-нибудь новом приобретении Джерри, — мрачно произнес Лесли. — Я слышал, как он с кем-то ворковал перед ленчем.

— В таком случае пусть выпустит их на волю! — рявкнул Ларри.

Я сказал, что это невозможно, они еще птенцы.

— Совсем крошки, — подхватила мама. — Они не виноваты.

— Как это понимать — не виноваты? — возмущался Ларри. — Эти проклятые твари набили брюхо моими отбивными...

— Нашими отбивными, — перебила его Марго. — Откуда у тебя такой эгоизм?

— Пора прекратить это, — продолжал Ларри, не обращая внимания на слова Марго. — Ты слишком потакаешь мальчишке.

— Эти отбивные столько же наши, сколько твои, — настаивала Марго.

— Чепуха, милый, — сказала мама. — Ты чересчур преувеличиваешь. Это же всего-навсего птенцы.

— Всего-навсего! — язвительно повторил Ларри. — У него уже есть одна сова, с которой мы знакомы по горькому опыту.

— Улисс — очень славная птица, он никому не докучает, — защищалась мама.

— Для тебя, может быть, и славная, — сказал Ларри. — Потому что он не срыгивал на твою постель еду, которую не в силах был переварить.

— Это было давным-давно, милый, и после не повторялось.

— И вообще при чем тут наши отбивные? — спросила Марго.

— Дело не только в совах, — возразил Ларри, — хотя, видит бог, если так будет продолжаться, мы скоро уподобимся совоокой Афине. Да он у тебя совершенно отбился от рук. Взять хотя бы историю с черепахой на прошлой неделе.

— Это была оплошность, милый. Он никому не хотел зла.

— Оплошность! — саркастически произнес Ларри. — Распластал проклятую тварь по всей веранде. В моей комнате пахло, как от сапог капитана Ахава. Да я потратил целую неделю плюс пятьсот галлонов одеколona, освежая атмосферу, чтобы можно было входить в комнату, не боясь задохнуться.

— Мы ощущали этот запах столько же, сколько ты, — негодуя сказала Марго. — Можно подумать, ты единственный его слышал.

— Вот именно! — воскликнул Лесли. — Хуже всего пахло в моей комнате. Мне пришлось спать на задней веранде. С какой стати ты всегда считаешь себя единственным страдальцем!

— Ничего подобного, — презрительно ответил Ларри. — Просто меня не интересуют страдания всякой мелкоты.

— Твоя беда в том, что ты эгоист, — повторила Марго, цепляясь за свою исходный диагноз.

— Хорошо, — отрезал Ларри. — Делайте что хотите. Вы еще вззоете очень скоро, когда все ваши постели будут в свиной блевоте. А я пока поселиюсь в гостинице.

— Ну вот что, хватит говорить о совах, — твердо произнесла мама. — Кто будет пить чай?

Выяснилось, что чай будут пить все.

— Я испеку лепешки, — сказала мама, вызвав волну радостных вздохов, потому что мы все обожали мамины лепешки с кремом, маслом и домашним земляничным вареньем.

— Я пригласила на чай миссис Вадрудакис, так вы уж ведите себя прилично, — добавила мама. Ларри застонал.

— Что это еще за миссис Вадрудакис, черт побери? Какая-нибудь старья зануда?

— Опять ты за свое, — строго сказала мама. — Она производит очень славное впечатление. Я получила от нее такое милое письмо, она просит у меня совета.

— Это по какому же поводу? — осведомился Ларри.

— Дело в том, что ее очень огорчает, как крестьяне обращаются со своими животными. Сам знаешь, какие у них тощие кошки и собаки, а бедные ослики все в болячках. Ну вот, она и задумала учредить здесь, на Корфу, общество защиты животных от жестокого обращения, вроде Королевского общества у нас в Англии. И хочет, чтобы мы ей помогли.

— От меня помощи ей не будет, — решительно заявил Ларри. — Я не собираюсь помогать кому-либо защищать животных, скорее буду за жестокое обращение с ними.

— Полно, Ларри, не говори таких вещей, — сурово заметила мама. — И ведь знаю, ты это не всерьез.

— Вот именно, что всерьез, — возразил Ларри. — И поживи эта Вадрудакис с неделю в этом доме, она поняла бы меня. Своими руками стала бы душить всех сов на своем пути ради спасения собственной жизни.

— Словом, я прошу вас всех вести себя вежливо, — твердо сказала мама. И добавила: — И пожалуйста, Ларри, оставь в покое сов. Она может посчитать нас ненормальными.

— Так оно и есть, — с чувством заключил Ларри.

После ленча я обнаружил, что Ларри, как это с ним часто случалось, ухитрился восстановить против себя двух возможных союзников в его анти-свиной кампании — Марго и Лесли. Марго, увидев совят, пришла в не-

Дописуемый восторг. Она только что овладела искусством вязания и теперь с непомерным великодушием вызвалась связать для них все, что я пожелаю. Я попытался представить себе совят одетыми в одинаковые полосатые свитеры, однако непрактичность этой идеи вынудила меня с сожалением отказаться от любезного предложения сестры.

Зато помощь, предложенная Лесли, была более практичного свойства: он сказал, что готов настрелять для меня воробьев. Я спросил, может ли он делать это каждый день.

— Ну, каждый день вряд ли, — ответил Лесли. — Я ведь не всегда дома. Могу уехать в город или еще куда-нибудь. Но когда я дома — пожалуйста.

Так, может быть, он настреляет побольше впрок, скажем, чтобы совам был корм на неделю?

— Хорошая мысль! — сказал Лесли. — Ты посчитай, сколько воробьев тебе надо на неделю, и я их заготовлю.

С большим трудом (математика никогда не была моей сильной стороной) я вычислил, сколько воробьев, с учетом другого мяса, понадобится мне на неделю, после чего отнес результат своих подсчетов в комнату Лесли, где он был занят чисткой последнего пополнения своей коллекции — великолепного старинного турецкого мушкета.

— Так... Ясно, — заключил он, глядя на мой листок. — Будет сделано. Лучше я возьму духовое ружье, а то ведь этот чертов Ларри поднимет крик из-за шума.

Вооружившись духовым ружьем и большим бумажным мешком, мы зашли за дом, Лесли приготовил пульки, прислонился к стволу оливы и открыл огонь. Это было все равно что стрелять в мишень, ибо в тот год мы подверглись нашествию воробьев и крыша дома была усеяна ими. Пораженные рукой меткого стрелка, воробьи один за другим скатывались на землю; здесь я подбирал их и клал в свой мешок.

Вскоре воробьи насторожились и начали отступать вверх по крыше, пока не пристроились на самом коньке. Выстрелы Лесли и здесь настигали их, но его жертвы падали с конька на другую сторону и скатывались прямо на веранду.

— Погоди, я подстрелю еще несколько штук, потом пойдешь и соберешь, — сказал Лесли, и я послушался его совета.

Он продолжал стрелять почти без промаха, и вслед за каждым щелканьем ружья на коньке крыши становилось одним воробьем меньше.

— Черт, — внезапно произнес Лесли. — Я сбился со счета. Сколько всего получилось?

Я ответил, что не считал.

— Ладно, иди подбери тех, что упали на веранду, и жди там. Я подстрелю еще штук шесть, и будет с тебя.

Прижимая к себе бумажный мешок, я обошел вокруг дома и с легким ужасом увидел, что явилась совсем забытая нами миссис Вадрудакис. Она и мама сидели в напряженных позах на веранде, держа в руках чашки с чаем, а кругом в большом количестве валялись окровавленные воробьиные трупы.

— Совершенно верно, — говорила мама, явно надеясь, что гостья не заметила сыпавшихся сверху мертвых птиц, — мы все очень, очень любим животных.

— Мне говорили об этом, — сказала миссис Вадрудакис, благожелательно улыбаясь. — Говорили, что вы, как и я, любите животных.

— Да-да, конечно, — подхватила мама. — Мы держим множество животных дома. Это у нас своего рода страсть, как говорится.

Она нервно улыбнулась гостье; в эту минуту прямо в клубничное варенье плюхнулся мертвый воробей. Нельзя было скрыть его появление, и так же невозможно сделать вид, будто его нет. Мама уставилась на воробья точно в гипнозе, наконец облизнула пересохшие губы и снова улыбнулась миссис Вадрудакис, которая замерла в ужасе, держа в руке поднятую чашку.

— Воробей, — слабым голосом заметила мама. — Что-то на них... там... в этом году мор напал.

И тут на веранду вышел Лесли с ружьем в руках.

— Ну что, достаточно настрелял? — осведомился он.

Страсти кипели не менее десяти минут. Миссис Вадрудакис заявила, что еще никогда в жизни не была так расстроена и все мы — дьяволы в человеческом образе. Мама твердила о своей уверенности, что Лесли вовсе не хотел кого-либо обидеть и к тому же воробьи определенно не испытывали никаких страданий. Лесли громко и воинственно повторял, что нечего поднимать идиотский шум из-за такой ерунды, и вообще — совы кормятся воробьями, так неужели миссис Вадрудакис желает, чтобы совы подошли к голоду, а? Однако миссис Вадрудакис была глуха к словам утешения. С оскорбленным видом она трагическим жестом завернулась в свой плащ, содрогаясь, пробралась между воробьиными трупиками, села в экипаж и под дружный перестук копыт скрылась в оливковой роще.

— Как бы нам договориться, дети, чтобы вы не делали таких вещей, — сказала мама, наливая себе чай дрожащей рукой, пока я собирал воробьи. — Право же, Лесли, это было крайне... неосмотрительно с твоей стороны.

— Ну откуда мне было знать, что эта старая дура сидит здесь, — возмутился Лесли. — Или ты хочешь, чтобы я все видел сквозь дом?

— И все-таки надо быть осмотрительнее, милый, — настаивала мама. — одному богу известно, что она подумала о нас.

— Подумала, что мы изверги, — усмехнулся Лесли. — Так и сказала. Эта старая дурочка за словом в карман не лезет.

— У меня от всей этой истории разболелась голова. Пожалуйста, Джерри, попроси Лугарецию приготовить еще чаю.

После изрядного количества чая и аспирина мама почувствовала себя лучше. Я вместе с ней сидел на веранде, читая лекцию о совах, которую она слушала вполуха, приговаривая: «Да-да, милый, как интересно!» Внезапно из дома донесся яростный вопль, заставивший маму подскочить на стуле.

— Господи, — простонала она, — это невыносимо. Ну, что там еще случилось?

На веранде возник Ларри.

— Мама! — крикнул он. — Этому надо положить конец! Я не желаю больше мириться с этим.

— Постой, милый, не кричи. Что случилось?

— Это все равно что жить в каком-то проклятом зоологическом музее!

— Ты о чем?

— О нашей жизни здесь, о чем же. Это нестерпимо. С меня хватит!

— Да в чем же дело, милый? — озадаченно спросила мама.

— Я пошел взять чего-нибудь попить в холодильнике — и что же я там вижу?

— Что ты там увидел, милый? — заинтересовалась мама.

— Воробьев! — проревел Ларри. — Полные мешки, черт возьми, антигигиеничных тухлых воробьев!

В этот день фортуна определенно отвернулась от меня.

Князь тьмы — подаром князь.

Шекспир. Король Лир

ГЛАВА ПЯТАЯ

ФАКИРЫ И ФИЕСТЫ

Неизменно под конец весны моя коллекция животных разрасталась до такой степени, что даже мама порой начинала беспокоиться, ведь в мире животных происходило прибавление, а детенышей все-таки проще приобретать, чем взрослых особей. А тут еще мелкие дворяне, пренебрегая запретами, принялись нещадно истреблять прибывающих для гнездования птиц. Этих «спортсменов» все устраивало; если крестьяне охотились только

на птиц, которых принято называть дичью — дроздов и прочих, — то городские стрелки палили по всем пернатым. И с торжеством возвращались домой, обвешанные ружьями и патронташами, с полными сумками липкой от крови добычи всякого рода — от зарянок и горихвосток до поползней и голубьев.

Словом, весной в моей комнате и отведенной мне части веранды насчитывалось не меньше полудюжины клеток и ящиков с ненасытными птенцами или со взрослыми птицами, которых мне удалось спасти от «спортсменов» и которые проходили у меня лечение с подобием лубка на ножке или на крыле.

Единственным плюсом весеннего побоища можно считать то, что я получал довольно полное представление о пернатой фауне Корфу. Понимая, что мне не дано прекратить избиение, я решил извлечь из него какую-то пользу. Выследив кого-нибудь из благородных и храбрых Нимродов, я решил показать содержимое ягдташа и составлял список убитых птиц, а раненым спасал жизнь, моля уступить их мне. Вот таким образом мне достался Гийавата.

...Утро прошло в интересной активной вылазке с псами. Встав пораньше, я отправился в оливковые рощи — царство утренней прохлады и росы. И давно убедился, что это время дня отлично подходит для сбора насекомых: холодок делал их вялыми и неспособными к полету, что намного облегчало мой труд. Вот уже пойманы три новые для моей коллекции бабочки, два неизвестных жука да еще семнадцать кобылок — корм для моих птенцов. К тому времени, когда солнце поднялось достаточно высоко и началось припекать, мы с псами успели совершить безуспешную попытку поймать одну змею и зеленую ящерицу, надоили в стеклянную банку молока от одной из коз Агати (без ведома хозяйки), так как очень хотели пить, и провели моего старого друга, пастуха Яни, который снабдил нас хлебом, инжиром и наполнил соломенную шляпу земляникой для подкрепления сил.

Затем мы спустились к маленькой бухте. Здесь псы предались отдыху и охоте на крабов на мелководе, а я распластался вниз лицом на поверхности теплой прозрачной воды и, затаив дыхание, созерцал проплывающие подо мной морские ландшафты. Около полудня, когда желудок напомнил мне, что приближается время ленча, я обсушился на солнце и направился к дому, покрытый тонким кружевом морской соли. Петляя в сумеречной колодезной прохладе среди могучих олив, я услышал гулкие выстрелы, доносившиеся справа из миртовой рощи, и повернул туда, подозревая собак, ибо знал, что греческие охотники — люди нервные, чаще всего сперва

Д

спускают курок, а потом уже смотрят, по кому стреляли. Опасность грозила и мне, поэтому из предосторожности я громко скомандовал псам:

— Сюда, Роджер... к ноге! Молодец. Выюн, Пачкун! Выюн, сюда! К ноге... вот, молодец. Пачкун, назад!

Охотник сидел на корне толстой оливы, отирая пот со лба. Убедившись, что он нас заметил, я приблизился.

Передо мной был бледный пухлый коротыш; над чопорно поджатыми губами маленького рта чернела щетина усов; сквозь темные очки глядели круглые, по-птичьи влажные глаза. Одет он был по последней охотничьей моде: начищенные верховые сапоги, новенькие белые вельветовые бриджи, скверно пошитая куртка из горчично-зеленого твида, которой обилие карманов придавало сходство с карнизом, усеянным ласточкиными гнездами. Зеленая тирольская шляпа с пучком алых и оранжевых перьев была сдвинута на затылок; от большого платка, коим он вытирал белый лоб под густыми кудрями, сильно пахло дешевым одеколоном.

— Калимера, калимера! — радостно приветствовал он меня, отдуваясь. — Добро пожаловать. Уф! Жарко сегодня, а?

Я согласился и предложил ему отведать оставшейся в моей шляпе земляники. Он опасливо поглядел на ягоды, словно боясь отравы, осторожно взял одну пухлыми пальцами и отправил в рот, благодарно улыбаясь. Похоже было, что ему еще не доводилось есть руками землянику из соломенной шляпы, и он был не совсем уверен, как положено это делать.

— Удачно поохотился, — гордо произнес коротыш, показывая на облепленный перьями и вымазанный кровью, зловеще оттопыривающийся ягдташ.

Из ягдташа выглядывали крыло и голова жаворонка, до того изуродованные дробью, что сразу и не опознать.

Он не против, чтобы я осмотрел содержимое ягдташа?

— Нисколько, пожалуйста, — ответил охотник. — Убедишься, что я не последний стрелок.

Я убедился. Его добычу составляли четыре черных дрозда, иволга, два дрозда другого вида, восемь жаворонков, четырнадцать воробьев, две зарянки, черноголовый чекан и крапивник. Охотник признал, что крапивник маловат, но, добавил он, если приготовить с красным перцем и чесноком — объедение.

— Но эта вот, — горделиво возвестил он, — лучше всего. Будь осторожен, она еще не совсем мертвая.

Он протянул мне окровавленный платок, я бережно развернул его и увидел тяжело дышащего, выбившегося из сил удода с лепешкой запекшейся крови на крыле.

— Конечно, в пищу не годится, — объяснил охотник, — но его перья украсят мою шляпу.

Давно мечтая приобрести экземпляр этой великолепной венценосной птицы с изящным хохлом и рыжевато-черным оперением, я все обрыскал в поисках гнезд, чтобы добыть и вырастить птенцов. И вот в моих руках живой — вернее, полуживой — угод. Тщательно осмотрев птицу, я заключил, что дело обстоит не так уж плохо: только одно крыло сломано, и перелом, насколько я мог судить, без смещения. Задача заключалась в том, чтобы уговорить гордого толстячка расстаться с этим трофеем.

Внезапно меня осенило. Для начала я заявил охотнику, до чего же обидно и досадно, что здесь сейчас нет моей матушки, ведь она признанный во всем мире авторитет по птицам. (На самом деле мама с трудом отличала пурпур от страуса.) Дескать, ею составлен полный определитель птиц для охотников Англии. В доказательство я извлек из своей сумки честно служивший мне, изрядно потрепанный справочник Эдмунда Сандерса, с которым никогда не расставался.

Мои слова произвели глубокое впечатление на толстячка. Он полистал справочник, бормоча одобрительное «попо-по-по», и заявил, что моя матушка, несомненно, замечательная женщина, если написала такую книгу. И объяснил, что сожалею об ее отсутствии потому, что она никогда не видела собственными глазами удода. Все остальные птицы на острове ей известны, включая столь редкого зимородка; в доказательство я достал из сумки мой талисман — найденный однажды скальп мертвого зимородка — и положил на землю перед охотником. Крохотная шапочка из ярко-синих перьев поразила его. Если вдуматься, продолжал я, эти перья куда красивее перьев удода. Ему понадобилось некоторое время, чтобы усвоить эту идею, зато потом он принялся упрашивать меня взять удода для моей матушки в обмен на бархатисто-голубой лоскуток. Я искусно изобразил удивление и нерешительность, переходящие в лебезящую благодарность, сунул раненую птицу за пазуху и поспешил домой, а ошарашенный мною охотник, этакий Твиддам из сказки Кэрролла, остался сидеть на корне оливы, стараясь прикрепить булавкой к своей шляпе скальп зимородка.

Примчавшись домой, я отнес драгоценную добычу в свою комнату и тщательно осмотрел ее. Длинный изогнутый упругий клюв удода, похожий на тонкий ятаган, был цел, и я облегченно вздохнул, потому что без этого хрупкого органа птица не смогла бы выжить. Если не считать испуга и потери сил, единственным изъяном было сломанное крыло. Пострадало плечо; бережно исследовав его, я убедился, что перелом не смещенный и не намоченный — так ломается сухой прутик в отличие от зеленой веточки. Осторожно срезав хирургическими ножницами перья, я смыл запекшуюся

Д кровь теплой водой и дезинфицирующим раствором, после чего наложил на кость две кривые бамбуковые щепочки и крепко все забинтовал. Получилось не хуже, чем у какого-нибудь профессионала, и я был горд результатом. Одно только неладно — лубки вышли тяжеловатыми, и, когда я отпустил удода, он упал на бок. Потрудившись еще, я сумел смастерить из бамбука и лейкопластыря гораздо более легкие лубки, которые и прибинтовал к птичьему боку узкой полоской бинта. После чего напоил пациента из пипетки и посадил в накрытую материей картонную коробку, чтобы он там приходил в себя.

Я назвал своего удода Гайавата, и его появление в нашей среде было встречено единодушным одобрением, потому что удоды нравились моим родным, к тому же это был единственный экзотический вид, который все они могли опознать за двадцать шагов. В первые дни мне доставало хлопот с поиском корма для Гайаваты, ибо пациент оказался капризным, признавал только живой корм, да и то не всякий. Пришлось выпускать удода на пол и кидать ему лакомое угощение — сочных нефритово-зеленых кузнечиков, толстоногих кобылок с крыльями хрусткими, как галеты, маленьких ящерок и лягушат. А он схватит их клювом и давай колотить обо что-нибудь потверже, вроде ножки стула или кровати, притолоки или тумбы стола, пока не придет к убеждению, что добыча мертва. Затем два-три быстрых глотка — и можно подавать следующее блюдо. Один раз, когда вся семья собралась в моей комнате посмотреть, как кормится Гайавата, я предложил ему двадцатисантиметровую веретеницу. Тонкий клюв, хохол в изящную полоску, красивая рыжевато-черная расцветка — все это придавало Гайавате кроткий, незлобивый вид, тем более что обычно хохол был плотно прижат к голове. Но тут, едва завидев веретеницу, он преобразился в хищное чудовище. Хохол раскрылся веером, дрожа, точно павлиний хвост, зоб раздулся, из глубин горла вырвался странный мурлыкающий звук, и удод решительно направился туда, где, не подозревая о нависшей угрозе, влачилась по полу отливающая медью жертва. Остановившись, удод расправил оба крыла — раненое и здоровое, — наклонился и клюнул, причем фехтовальный выпад клювом был настолько стремителен, что трудно проследить глазами. Веретеница задергалась, изогнувшись восьмеркой, и я с удивлением увидел, что Гайавата первым же ударом раздробил хрупкий, как яичная скорлупа, череп рептилии.

— Ух ты! — воскликнул Ларри, пораженный не менее моего. — Вот такую птицу полезно держать в доме. Несколько десятков подобных ей, и змеи нам не страшны.

— Сомневаюсь, чтобы они могли справиться с большой змеей, — рассудительно заметил Лесли.

— Ничего, — отозвался Ларри, — пусть для начала мелочь истребят, и то хорошо.

— Ты говоришь так, милый, словно наш дом полон змей, — сказала мама.

— А что, разве нет? — сурово произнес Ларри. — Как насчет клубка змей, почище волос Медузы, который Лесли обнаружил в ванне?

— Так ведь то были всего лишь ужи, — ответила мама.

— А мне все равно, какие. Если Джерри и впредь будет дозволено наполнять ванну змеями, я буду носить с собой пару удонов.

— Нет-нет, вы поглядите! — взвизгнула Марго. Нанеся клювом несколько резких ударов вдоль всего тела веретеницы, Гайавата теперь схватил жертву и размеренно бил ее об пол, как рыбак ударами о камень размягчает осьминога. Вскоре рептилия перестала подавать какие-либо признаки жизни. Удод внимательно посмотрел, склонив набок хохол, остался доволен увиденным, взял клювом голову веретеницы и медленно, сантиметр за сантиметром, начал заглатывать добычу, откидывая голову назад при каждом глотке. Две-три минуты спустя только кончик хвоста рептилии торчал сбоку из клюва.

Гайавата не стал по-настоящему ручным, всегда был настороже, хоть и привык терпеть соседство людей. Как только он освоился на новом месте, и стал выносить его на веранду, где содержал других птиц, и пускал гулять под сенью виноградной лозы. Веранда смахивала на больничную палату: как раз в это время я выхаживал шестерку воробьев, извлеченных из расставленных деревенскими мальчишками пружинных мышеловок, пять дроздов, попавшихся на рыболовные крючки с приманкой, подвешенные в оливковых рощах, и пять-шесть иных пернатых, от крачки до сороки, подраненных стрелками. Сверх того я выкармливал выводок щеглят и почти оперившуюся зеленушку. Гайавата не возражал против соседства этих птиц, однако держался особняком, медленно выступая с полужакрытыми глазами по каменным плитам в аристократическом отчуждении, точно прекрасная королева, заточенная в крепости. Правда, при виде червя, лягушки или кузнечика его поведение сразу делалось отнюдь не королевским.

Приблизительно через неделю после того, как в доме появился Гайавата, я отправился утром встречать Спиро, согласно принятому у нас ритуалу: подъехав к границе нашего участка площадью около двадцати гектаров, он энергично сигналил клаксоном, и мы с псами бежали через оливковые рощи, чтобы перехватить его на подъездной дороге. Следом за неистово лающими собаками я выскакивал, запыхавшись, из рощи и останавливал большой поблескивающий «Додж» с откинутым верхом, за рулем которого горбилась могучая фигура смуглого хмурого Спиро. Я становился на под-

Д ножку, прижимаясь к ветровому стеклу, машина катила дальше, и псы, самозабвенно изображая злость, пытались укусить передние колеса. Утренний обмен репликами тоже был подчинен строгому ритуалу.

— Добрые утра, мастера Джерри, — приветствовал меня Спиро. — Как поживаете?

Удостоверившись, что за ночь меня не поразил никакой опасный недуг, он справлялся об остальных Дарреллах.

— А как ваши семьи? Как ваши матушки? И мастера Ларри? И мастера Лесли? И миссы Марго?

Пока я рассеивал его тревогу относительно их здоровья, мы успевали подъехать к дому; здесь Спиро, грузно ступая, переходил от одного члена семейства к другому, проверяя, верно ли я его осведомил. Мне уже поднадоел повседневный, чуть ли не репортерский интерес Спиро к здоровью моих родных, точно они были членами королевской семьи, однако он не отступал от своего обычая, как будто за ночь с ними могло приключиться нечто страшное. Однажды я из озорства в ответ на его искренние расспросы заявил, что мои родные приказали долго жить; машина вильнула в сторону и врезалась в пышный олеандровый куст, который осыпал нас розовыми лепестками и чуть не сшиб меня с подножки.

— Боже мои, мастера Джерри! — взревел Спиро, ударяя кулаком по баранке. — Вы не должны говорить такие вещи! Вы меня испугать, когда такое говорить. Меня бросить в жар! Никогда не говорить больше такие вещи.

В это утро, убедившись, что все члены моего семейства здоровы, он достал с сиденья корзиночку, накрытую фиговым листом.

— Вот, — обратился он ко мне, насупившись. — Мой подарок для вас.

Я поднял лист, увидел двух отнюдь не привлекательных, скорченных голых птенцов и осыпал Спиро восторженными изъявлениями благодарности: по редкому пушку на крыльях я определил, что это птенцы сойки, а у меня еще никогда не было соек. Подарок Спиро так меня обрадовал, что я захватил птенцов с собой, когда пришло время отправляться на занятия к мистеру Кралевскому. Хорошо, когда наставник не меньше вашего помещан на птицах! Вместе мы провели увлекательнейшее утро, пытаюсь научить птенцов разевать клюв и глотать корм, тогда как нам полагалось обогащать свою память славными страницами английской истории. Однако птенцы оказались на редкость тупыми и не признавали ни Кралевского, ни меня в роли эрзац-матери.

После полудня я отнес птенцов домой на веранду и до самого вечера добивался от них разумных действий. Увы, они принимали пищу только в том случае, если я силком открывал им клюв и проталкивал корм пальцем;

при этом они отчаянно сопротивлялись — и их нетрудно понять. В конце концов, напичкав и застраховав птенцов от голодной смерти, я оставил их в корзинке и пошел за Гайаватой, который явно предпочитал моей комнате веранду в качестве столовой. Посадив удода на пол, я стал бросать на каминные плиты заготовленных для него кузнечиков. Гайавата нетерпеливо прыгнул вперед, схватил первую жертву и проглотил ее с неподобающей жадностью.

Пока он делал глотательные движения (ни дать, ни взять — чопорная престарелая герцогиня, подавившаяся на балу шербетом), птенцы, свесив через край корзины качающиеся головы, словно два дряхлых старичка, выглядывающих из-за ограды, узрели его своими мутными глазенками и принялись хрипло кричать, широко разинув клювы. Гайавата раскрыл хол и повернулся к ним. Он никогда не реагировал на требовательные крики голодных птенцов, поэтому я не ждал от него особого внимания к этим малышам, однако Гайавата приблизился и с интересом посмотрел на них. Я подбросил ему кузнечика, он схватил его, убил и, к моему величайшему удивлению, допрыгав к самой корзине, затолкал добычу в разинутый клюв одного птенца. Оба малыша зашипели, запищали и захлопали крыльями от радости, сам же угод, похоже, не менее моего был удивлен своим поступком. Бросаю ему еще одного кузнечика; Гайавата убивает его и кормит второго птенца. После этого случая я кормил Гайавату в своей комнате, потом выносил его на веранду, где он замешал кормилицу-сойку.

Никаких других материнских чувств при этом не проявлялось; так, Гайавата не спешил подхватить маленькие капсулы испражнений, отправленные птенцами за борт корзины. Заниматься уборкой предоставлялось мне. Досыта накормив птенцов, угод терял к ним всякий интерес. Я заключил, что материнский инстинкт пробуждался от тембра их криков, ибо сколько я ни экспериментировал с другими птенцами, Гайавата совершенно игнорировал их отчаянные призывы. Мало-помалу сойки стали принимать корм от меня, и, как только они перестали кричать при появлении Гайаваты, угод забыл о них. Не то чтобы сознательно пренебрегал ими, нет, они просто не существовали для него.

Когда крыло срослось, я снял лубки. Хотя кость была в полном порядке, мышцы без упражнения ослабли, и Гайавата старался не нагружать крыло, предпочитая ходить, а не летать. Я начал носить удода для тренировки в оливковую рощу, где подбрасывал его в воздух, так что ему понежилось приходилось работать крыльями, чтобы правильно приземлиться. Постепенно крылья окрепли, Гайавата стал понемногу летать, и я уже подумывал о том, что смогу выпустить его на волю, но тут удода настигла смерть. В тот день я вынес его на веранду и приступил к кормлению птенцов, а Гайавата тем временем направился парящим полетом в ближайшую

Д

рошу, чтобы поупражнять там крылья и закусить новорожденными долгоножками.

Поглощенный кормлением, я не особенно следил за Гайаватой. Вдруг до моего слуха донеслись его отчаянные хриплые крики. Перемахнув через перила, я ворвался в рошу. Поздно... Здоровенный, весь в метинах от схваток, облезлый одичавший кот держал в зубах безжизненное тельце Гайаваты, глядя на меня большими зелеными глазами. Я крикнул и бросился вперед; кот плавно повернулся и нырнул в миртовый кустарник, унося добычу. Я побежал за ним, но попробуй, выследи его в густых миртовых зарослях. Расстроенный и взбешенный, я вернулся под оливы, где лишь несколько рыжих перьев да сверкающие на траве рубинами капли крови остались мне на память об удое. Я дал себе клятву убить этого кота, если он попадется мне еще раз. Хотя бы потому, что он являл собой угрозу другим птицам моей коллекции.

Впрочем, траур по Гайавате был вскоре прерван появлением в нашем доме существа, чуть более экзотического и причинившего нам несравненно больше беспокойства. Перед тем Ларри вдруг объявил, что отправляется к друзьям в Афины, чтобы заняться там кое-какими исследованиями. После суматохи, связанной с его отъездом, в доме воцарилось безмятежное спокойствие. Лесли по большей части возился со своими ружьями, а Марго, чье сердце временно не обуревали страсти, занялась лепкой. Уединившись в мансарде, она лепила из едко пахнущего желтого мыла скользкие кривобокие скульптуры и являлась к столу в цветастом халате и в творческом трансе.

Мама, пользуясь неожиданным затишьем, приступила к делу, которым давно следовало заняться. Предыдущий год выдался на редкость урожайным для всяких плодов, и мама часами заготавливала различные варенья и приправы, в том числе по рецептам ее бабушки, составленным в начале прошлого века. Продукция получилась отменная, и в просторной прохладной кладовке заблестели нескончаемые шеренги стеклянной посуды. К сожалению, в один особенно лютый зимний шторм крыша кладовки протекла, и, придя туда однажды утром, мама обнаружила, что все ярлыки по-смывало. Перед ней было несколько сотен банок, чье содержимое можно было определить, только откупорив их. А потому теперь, когда семейство предоставило маме краткую передышку, она решила навести порядок. Так как при этом требовалась дегустация, я предложил свою помощь. Расставив на кухонном столе полторы сотни банок с вареньем, мы вооружились ложками и новыми ярлыками и только приготовились начать массированную дегустацию, как приехал Спиро.

— Добрые дни, миссисы Дарреллы, добрые дни, мастера Дарреллы, — пророкотал он, вваливаясь в кухню таким каштановым динозавром. — И привези для вас телеграммы, миссисы Дарреллы.

— Телеграмму? — с дрожью произнесла мама. — От кого бы это? Надеюсь, не дурные новости.

— Нет-нет, не беспокойтесь, не дурные новости, миссисы Дарреллы, — заверил Спиро, вручая ей телеграмму. — Я попросить человека на почте прочитать мне. Это от мистеры Ларри.

— О боже, — сказала мама, предчувствуя неладное. В телеграмме говорилось всего-навсего следующее: «Забыл сказать что Принц Джиджибой придет погостить немного одиннадцатого. Афины чудесны. Обнимаю Ларри».

— Право же, этот Ларри несносен! — сердито воскликнула мама. — Как он может приглашать к нам принца? Знает ведь, что у нас нет подходящих комнат для членов королевской семьи. И самого его нет дома. Кто скажет мне, как принимать принца?

Она в смятении смотрела на нас, но ни Спиро, ни я не могли посоветовать ей ничего разумного. И не было даже возможности вызвать телеграммой Ларри, потому что он, как обычно, отбыл, не оставив адреса своих друзей.

— Одиннадцатое — это же завтра, верно? — продолжала мама. — Очевидно, он прибудет на пароходе, который идет из Бриндизи. Спиро, вы не могли бы встретить его и привезти сюда? И захватить молодой баранины для ленча? Джерри, пойдй попроси Марго поставить цветы в гостевой комнате и проверить, не напустили ли там собаки блох. И пусть Лесли отправится в деревню и закажет свежей рыбы у рыжего Спиро. Ох уж этот Ларри... Ну, я с ним поговорю, когда он вернется. Взваливать на меня такую обузу в моем возрасте — принцев принимать...

Мама бесцельно заходила по кухне, сердито гремя кастрюлями и сковородками.

— Я привезти георгины из своего садов, чтобы украсить столы. Шампанское вам нужны? — спросил Спиро, явно считая, что принца надлежит встретить подобающим образом.

— Ну уж нет. Если он думает, что я готова платить по фунту за бутылку шампанского, то ошибается. Хотя и принц, а вино пусть пьет такое же, как мы все, — твердо произнесла мама и тут же добавила: — Ладно, привезите ящик на всякий случай. Его поить шампанским не обязательно, а вообще может пригодиться.

— Не волноваться, миссисы Дарреллы, — успокоил ее Спиро. — Я делить все, что вам пожелаете. Хотите, я снова привезти королевских дворчских?

Д Бывшим королевским дворецким был аристократического вида древний старик, которого Спиро извлекал из небытия всякий раз, когда у нас затевался большой прием.

— Нет-нет, Спиро, к чему нам такие хлопоты. Как-никак он является неожиданным гостем, пусть уж не взыщет. Чем богаты, тем и рады... разделит наши трапезы... и... и если ему не понравится... беда, да и только, — сбивчиво говорила мама, шелуша дрожащими пальцами горох над дуршлагом и роняя половину на пол. — Да, Джерри, походи попроси Марго, чтобы быстренько пошила новые занавески для столовой. Материал лежит у меня в спальне. Старые совсем не смотрятся после того, как Лес подпалил их.

В доме развернулась кипучая деятельность. Опасаясь возможных блох, деревянный пол гостевой комнаты выскоблили почти до белизны; Марго в рекордный срок сшила новые занавески и повсюду расставила цветы; Лесли почистил свои ружья и навел порядок в лодке на случай, если принц захочет поохотиться или совершить морскую прогулку. Румяная от печного жара, мама сновала по кухне, готовя лепешки, торты, запеканки, пряники, яблочные пироги, бисквиты со сбитыми сливками, желе и тушеное мясо. Мне всего лишь было сказано, чтобы очистил веранду от животных и не спускал с них глаз, сходил постричься и не забыл надеть чистую рубашку. На другой день, одетые по указаниям мамы, мы все сидели на веранде и терпеливо ждали, когда Спиро доставит принца.

— Интересно, чей же он принц? — спросил Лесли.

— По правде говоря, не знаю, — ответила мама. — Наверно, из какого-нибудь маленького штата, где управляют махараджи.

— Какое странное имя — Джиджибой, — заметила Марго. — Ты уверена, что оно настоящее?

— Разумеется, настоящее, милая, — сказала мама. — В Индии множество Джиджибоев. Это очень старинная фамилия, вроде... э... вроде...

— Вроде как у нас Смиты? — предположил Лесли.

— Ну, что ты, совсем не такая распространенная. Нет, Джиджибойам принадлежит прочное место в истории Индии. Они существовали там задолго до того, как туда приехали мои бабушка и дедушка.

— Вероятно, это его предки организовали великое восстание, — воодушевился Лесли. — Давайте спросим, не его ли дед изобрел калькуттский карцер?

— Правда, давайте, — подхватила Марго. — Думаешь, это в самом деле был он? А что это такое?

— Лесли, милый, не следует так говорить, — сказала мама. — Право же, надо уметь забывать и прощать.

— Что забывать и прощать? — озадаченно спросил Лесли, не уследив за ходом маминой мысли.

— Все, — твердо произнесла мама и добавила не совсем понятно: — Я уверена, что у них были только добрые намерения.

Лесли не успел выяснить, что она подразумевает, потому что на дороге прюрокотала машина и остановилась около веранды под громкий визг тормозов. На заднем сиденье, весь в черном, с красиво уложенным на голове белым, как бутон подснежника, тюрбаном, сидел изящный маленький индеец с огромными, блестящими, словно жидкие агаты, миндалевидными глазами в обрамлении пушистых ресниц. Проворно открыв дверцу, он соскочил на землю. Его приветственная улыбка белой вспышкой озарила смуглое лицо.

— Ну вот, мы и приехали! — воскликнул он взволнованно, раскинув тонкие коричневые руки, будто крылья бабочки, и вспорхнул по ступенькам на веранду. — Вы, разумеется, миссис Даррелл. Какое очарование. А вы — охотник этого дома... Лесли. Это, вне всякого сомнения, краса острова — Марго. Вы — Джерри, ученый, в основном натуралист. Я не могу выразить, какое это для меня событие — познакомиться со всеми вами.

— О-о... конечно... э... э... конечно, мы счастливы познакомиться с вами, ваше высочество, — начала мама.

Джиджибой охнул и хлопнул себя ладонью по лбу.

— Проклятие! — воскликнул он. — Опять это дурацкое имя! Дражайшая миссис Даррелл, как мне извиниться перед вами? Принц — это мое имя. Маленькая прихоть моей матушки, которой хотелось придать царственный ореол нашей скромной семье, понимаете? Материнская любовь, а? Мечта о том, что сын вознесется на сияющие вершины, а? Нет-нет, бедная женщина, мы ведь простим ее, а? Я всего-навсего Принц Джиджибой, к вашим услугам.

— О, — вырвалось у мамы; настроенная на общение с членом королевского семейства, она была несколько разочарована. — Хорошо, но как нам теперь называть вас?

— Мои друзья, а их у меня несметное количество, — серьезно произнес наш гость, — зовут меня Джиджи. От души надеюсь, что вы будете звать меня так же.

Итак, Джиджи поселился в нашем доме — и за то короткое время, что он гостил у нас, ему удалось вызвать невиданный до той поры переполох и линозовать наши сердца, как ни один гость еще не завоевывал. Правильная до педантизма английская речь, учтивость и искренность поведения вместе с подлинно глубоким интересом ко всем и ко всему делали его неотразимым. Для Лугареции у него нашлись всевозможные баночки с едко пахну-

Д шим липким содержимым, призванным помогать от ее многочисленных мнимых болячек и хворей; с Лесли он во всех мрачных деталях обсуждал положение с охотой в мире, описывая красочные и, по всей вероятности, вымышленные случаи из практики охоты на тигров и кабанов с его участием.

Для Марго он добыл несколько кусков материи, сделал сари и научил ее, как их носить; Спиро увлеченно слушал его рассказы о сокровищах и тайнах Востока, о битвах слонов, украшенных драгоценными камнями, о владеющих несметными богатствами махараджах. Искусный рисовальщик, он совершенно покорила меня не только искренним интересом к моему зверинцу, но и тем, что делал изящные маленькие зарисовки для моего натуралистического дневника — документа, который в моих глазах был неизмеримо важнее Великой хартии вольностей, книги из Келлса и Гутенберговой Библии, вместе взятых, и с которыми наш взыскательный гость обращался соответственно. Но сильнее всех была им очарована наша мама: мало того, что у Джиджи обнаружился неисчерпаемый запас заманчивых кулинарных рецептов, а также фольклора и историй о привидениях, — с его приездом у мамы появилась возможность без конца говорить об Индии, где она родилась и выросла, стране, которую она почитала своей истинной родиной.

Вечерами мы подолгу сидели за большим скрипучим обеденным столом. Грозди ламп в углах просторной комнаты купались в лимонно-желтых облачках света, притягивая метелицу мотыльков; лежащие у порога псы (с той поры, как число их возросло до четырех, им не позволялось входить в столовую) зевали и вздыхали, недовольные нашей бездеятельностью, но мы их не замечали. Бархатная ночь за окнами жила в звонком стрекоте цикад и кваканье древесных лягушек. В свете ламп глаза Джиджи как будто расширялись, точно у совы, и наливались чернотой, в которой плескалось таинственное жидкое пламя.

— Конечно, миссис Даррелл, в ваши дни все было иначе, — начал Джиджи в один из таких вечеров. — Межрасовое общение не допускалось. Ни в коем случае, строгая сегрегация, верно? Теперь дело обстоит лучше. Сперва открылись двери для махараджей, а нынче даже некоторым из нас, простых индийцев, дозволено общаться и обретать некоторые блага цивилизации.

— В мое время, — отозвалась мама, — особенно нетерпимо относились к евразийцам. Бабушка даже не разрешала нам играть с ними. Но мы-то, конечно, играли.

— Детям совершенно чуждо понятие о правильном, цивилизованном поведении, — сказал Джиджи с улыбкой. — И все-таки поначалу, знаете ли, без трудностей не обходилось. Так ведь и Рим был построен не в один день.

Вы слышали про англаизированного индийца в моем городе, которого пригласили на бал?

— Нет, а что с ним было?

— Так вот, он увидел, что джентльмены после танца с леди провожали дам к их стулу и обмахивали веером. И после бойкого вальса с довольно знатной европейской леди он проводил ее к стулу, взял ее веер и сказал: «Мадам, разрешите мне пустить вам ветры в лицо?»

— Похоже на то, как выражается Спиро, — заметил Лесли.

— Помню, однажды, — вступила мама, с удовольствием предаваясь воспоминаниям, — когда я была замужем за главным инженером в Рурки, разразился ужаснейший циклон. Ларри тогда был совсем маленький. Мы жили в длинном низком доме, и я помню, как мы перебегали из комнаты в комнату, старались не дать ветру распахнуть двери. И вот, бежим мы так из комнаты в комнату, а за нами дом разваливается по частям. Под конец укрылись мы в кладовой. Когда же после дом все-таки отремонтировали, подрядчик из местных прислал нам счет, в котором значилось: «За починку задней стороны главного инженера».

— Должно быть, Индия в ту пору была пленительна, — сказал Джиджибой, — ведь вы в отличие от большинства европейцев были частью страны.

— О да, — подхватила мама. — Еще моя бабушка там родилась. Когда большинство людей говорили о родине и подразумевали Англию, мы под этим словом понимали Индию.

— Наверно, вы много путешествовали, — с завистью произнес Джиджибой. — Полагаю, вы лучше моего узнали мою страну.

— Буквально каждый уголок, — подтвердила мама. — Поскольку муж был инженер-строитель, ему, конечно, приходилось много разъезжать. И я всегда его сопровождала. И когда он строил мост или железную дорогу прямо в джунглях, я была с ним и жила на биваках.

— Должно быть, это было здорово, — воодушевился Лесли. — Примитивная жизнь в палатках.

— О да. Я обожала простую бивачную жизнь. Помню, слоны шли впереди с шатрами, коврами и мебелью, за ними следовали на запряженных быками повозках слуги с постельным бельем и посудой...

— И это ты называешь бивачной жизнью? — удивился Лесли. — Большие шатры?

— У нас их было всего три, — объяснила мама, словно оправдываясь. — Спальня, столовая и гостиная. И сами-то шатры собирали из ковра.

— Все же я бы не назвал это биваком, — возразил Лесли.

И — И напрасно, — сказала мама. — Мы располагались прямо в джунглях. Слышали, как рычат тигры, и все наши слуги дрожали от страха. Один раз они убили кобру под обеденным столом.

— Это было до рождения Джерри, — добавила Марго.

— Вам следовало бы написать свои мемуары, миссис Даррелл, — серьезно заметил Джиджибой.

— Ну, что вы, — засмеялась мама. — Какой из меня писатель. Да и как бы я назвала свое сочинение?

— Как насчет такого названия: «Караван в четырнадцать слонов»? — предложил Лесли.

— Или: «Через лес на шатровом ковре», — сказал Джиджибой.

— Беда с вами, мальчиками, — строго произнесла мама. — Вам все бы только шутить.

— Верно, — подхватила Марго. — Я вот считаю, что мама просто молодец — жить на биваке всего в трех шатрах, а кругом кобры и прочие твари.

— Тоже мне бивачная жизнь! — презрительно фыркнул Лесли.

— Да-да, милый, бивачная. Помню, как-то один слон куда-то запропал, и нам пришлось три дня обходиться без чистых простынь. Ваш отец был очень недоволен.

— Вот не думал, что такое большое животное, как слон, могло пропасть, — удивился Джиджибой.

— Ну, как же, — возразил Лесли. — Слоны сплошь и рядом теряются.

— Во всяком случае, вряд ли вам понравилось бы остаться без чистых простынь, — с достоинством произнесла мама.

— Да уж, им бы не понравилось, — сказала Марго. — И пусть им все равно, да мне вот интересно слушать про то, как было в Индии в старину.

— Почему же, — отозвался Джиджибой, — я так нахожу в этом очень много просветительного.

— Вам бы только смеяться над мамой, — отпарировала Марго. — А я не вижу оснований вам заноситься только потому, что ваш отец изобрел карцер или что-то в этом роде.

К чести Джиджи, надо сказать, что он чуть не свалился под стол от смеха, и псы громким лаем отозвались на его хохот.

Но, пожалуй, самой восхитительной чертой Джиджи был горячий энтузиазм, с каким он брался за любое дело, пусть даже заведомо было ясно, что ему не суждено добиться успеха на данном поприще. Когда Ларри с ним познакомился, Джиджи как раз решил стать в ряд величайших поэтов Индии и с помощью одного соотечественника, кое-как изъяснявшегося по-английски («Он был у меня наборщиком», — сообщил Джиджи), на-

чил издавать журнал, называвшийся «Поэзия для Народа», или «Поза для Нарда», или «Позэя для Надорода» — смотря по тому, как внимательно Джиджи следил за своим наборщиком. Журнальчик выходил раз в месяц, и нем печатались творения всех знакомых издателя, и были среди них весьма причудливые вещицы, в чем мы смогли убедиться благодаря тому, что в багаже Джиджи нашлось множество неряшливо отпечатанных экземпляров, кои он с готовностью раздавал всем желающим.

Штудирюя их, можно было обнаружить интересные сообщения вроде «Стехи Сивого Спландора — кретинский анализ». Приятель Джиджи явно предпочитал набирать слова так, как они ему слышались в данный момент. А потому пространная панегирическая статья самого издателя о Т.-С. Элиоте получила название «Тээс Элеот — Выдающий Пот». Орфографические новации наборщика вместе с естественными в любом издании опечатками гарантировали читателю немало удовольствия, хотя иной раз приходилось и поломать голову. Так, на вопрос: «Почто Не Черный Пот Лорат?» — с палетом старинной речи мало кто взялся бы ответить; статья же под названием «Рой Камбил, Безболист и Пот» невольно заставляла читателя недоумевать, куда идет поэзия. Впрочем, Джиджи ничто не могло обескуражить, даже тот факт, что его наборщик не произносил букву «эйч» и, следовательно, никогда не пользовался этой литерой. Последним детищем энтузиазма Джиджи был второй журнал (печатаемый на той же ручной машине тем же беспечным наборщиком), посвященный созданному им учению, которое Джиджи назвал «факйю»; в первом номере «Факйю для Всех» об этом учении говорилось, что оно есть «сплав таинственности Востока, соединяющий лучшее в йоге и факиризме, сообщающий подробности и наставляющий людей как».

Мама была весьма увлечена факйю, пока Джиджи не приступил к практическому показу. В одной набедренной повязке, весь перемазанный золой, он часами предавался на веранде медитации или же бродил по дому, изображая транс и оставляя на полу россыпи золы. Четыре дня он выдерживал строжайший пост и на пятый день насмерть перепугал маму, упав без сознания с лестницы.

— Право же, Джиджи, — сердито сказала мама, — это дело надо прекратить. От вас и так ничего не осталось.

Уложив факира в постель, мама принялась стряпать огромные порции укрепляющего тушеного мяса, однако Джиджи пожаловался на отсутствие «бумбейской утки» — сушеной рыбы, придающей соусам столь резкий и заманчивый запах.

— Но ведь здесь на острове ее нет, — возразила мама. — Я спрашивала.

Джиджи повел руками — словно бледно-бронзовые мотыльки вспорхнули над белой простыней.

— Факйо учит нас, что в жизни на все есть заменители, — твердо произнес он.

Оправившись в достаточной мере, он посетил рыбный рынок в городе и приобрел огромное количество свежих сардин. И когда мы возвратились с приятной утренней вылазки в город, посвященной различным закупкам, оказалось, что к кухне и ее окрестностям невозможно подступиться. Размахивая ножом, которым он потрошил рыбу перед тем, как разложить ее для сушки на солнце перед задней дверью, Джиджи отчаянно сражался с полчищами мух и ос, явно слетевшихся к нам со всех Ионических островов. Его уже раз пять ужалили осы, и один глаз совершенно заплыл. Воздух был насыщен запахом быстро гниющих сардин, а кухонный стол и полы покрывали сугробы серебристой чешуи и клочья внутренностей. Лишь после того, как мама, полистав «Британскую энциклопедию», показала Джиджи статью о бомбиле (в сушеном виде известной на западном побережье Индии под названием «бомбейской утки»), Джиджи нехотя оставил идею заменить эту рыбу сардинами. Два дня мама изгоняла из кухни зловоние с применением горячей воды и дезинфицирующих средств, но и то через окна время от времени залетали оптимистически настроенные осы.

— Возможно, я смогу найти лучший заменитель в Афинах или Истанбуле, — заключил Джиджи. — Пожалуй, если испечь и измельчить лангуста...

— Не стоит затруднять себя, дорогой Джиджи, — поспешно возразила мама. — Мы столько времени обходились без такого блюда, и ничего.

После Корфу Джиджи собирался ехать через Турцию в Иран, где хотел посетить практиковавшего там факира.

— От него я узнаю много такого, что можно включить в факйо, — сообщил он. — Это великий человек. Мало кто сравнится с ним в искусстве подолгу задерживать дыхание и пребывать в трансе. Один раз он был погребен на сто двадцать дней.

— Потрясающе, — с глубоким интересом произнесла мама.

— Вы хотите сказать — погребен живо? — спросила Марго. — Живо погребен на сто двадцать дней? Какой ужас! По-моему, это противозачаточное.

— Но ведь он пребывает в трансе, дорогая Марго, — объяснил Джиджи. — Он ничего не чувствует.

— Вот тут я не совсем уверена, — задумчиво сказала мама. — Потому-то, кстати, и хочу, чтобы меня кремировали. А то ведь впадешь в транс, и никто не догадается.

— Что за нелепости ты говоришь, мама, — вмешался Лесли.

— И вовсе это не нелепости, — решительно возразила мама. — Все теперь такие невнимательные стали.

— А что еще умеют факиры? — спросила Марго. — Могут они вырастить из семени манговое дерево? Прямо на глазах у вас? Я однажды видела такое в Симле.

— Это элементарный фокус, — ответил Джиджи. — Андраватхи делает вещи куда посложнее. Например, он специалист по левитации, это одна из причин, почему я хочу с ним познакомиться.

— Левитация — разве это не карточный фокус? — удивилась Марго.

— Да нет же, — сказал Лесли. — Это когда человек парит в воздухе, как бы летает, верно, Джиджи?

— Верно, — подтвердил Джиджи. — Замечательное свойство. Многие древние христианские святые были им наделены. Сам я еще не достиг такого мастерства, вот и хочу учиться у Андраватхи.

— Как это должно быть чудесно, — восхитилась Марго, — парить, будто птица. Как интересно!

— Да, это должно быть великолепно, — подхватил Джиджи; глаза его сияли. — Такое чувство, словно тебя возносит к небесам.

На другой день перед самым ленчем Марго в панике вбежала в гостиную.

— Скорей! Скорей! — кричала она. — Джиджи задумал самоубийство!

Мы выскочили на веранду и увидели, что Джиджи сидит на подоконнике своей комнаты в одной набедренной повязке.

— Он опять подхватил этот транс, — сообщила Марго, точно речь шла о заразной болезни.

Мама поправила очки и посмотрела вверх. Джиджи начал слегка покачиваться.

— Поднимись вверх, Лес, и хватай его, — распорядилась мама. — Живей, пока я отвлеку его разговором.

Тот факт, что Джиджи молчал, как рыба, явно прошел мимо ее сознания. Лесли ринулся в дом. Мама прокашлялась.

— Дорогой Джиджи, — пропела она. — По-моему, вам не следует сидеть там, это неразумно. Почему бы вам не спуститься и не поесть с нами?

Джиджи спустился, однако не совсем так, как того хотелось маме. Он лишь шагнул в пространство и под испуганные крики мамы и Марго полетел вниз. Со всего маху он врезался в переплетение виноградной лозы под это окно, и ягоды посыпались градом на каменные плиты. К счастью, лоза была старая и жилистая, так что ей не стоило труда выдержать малый вес Джиджи.

— Боже мой! — вскричал он. — Где я?

— На виноградной лозе! — взволнованно крикнула Марго. — Вы попали туда в состоянии ажитации.

Д

— Не шевелитесь, мы принесем лесенку, — вымолвила мама.

Мы сходили за стремянкой и извлекли взъерошенного Джиджи из пут лозы. Он был весь в ссадинах и царапинах, в остальном же не пострадал.

Успокоив нервы глотком бренди, мы с опозданием принялись за ленч. И еще до вечера Джиджи сумел убедить самого себя, что ему удалась левитация.

— Не запутайся я пальцами ног в этой несносной лозе, так и полетел бы вокруг дома, — говорил он, лежа на диване, весь в бинтах, но счастливый. — Замечательное достижение!

— Да, конечно, только я предпочла бы, чтобы вы больше не практиковались у нас, — заметила мама. — Мои нервы не выдержат.

— На пути обратно из Ирана, дорогая миссис Даррелл, я заеду к вам и отпраздную мой день рождения, — заверил ее Джиджи. — Тогда вы увидите, как я преуспел.

— Только не надо повторения сегодняшнего, — строго произнесла мама. — Вы могли убиться насмерть.

Два дня спустя Джиджибой, облепленный пластырем, но несколько не унывающий, отбыл в Иран.

— Интересно, вернется он в самом деле к своему дню рождения, — сказала Марго. — Если вернется, устроим ему настоящий праздник.

— Что ж, это хорошая идея, — отозвалась мама. — Такой славный мальчик, вот только очень... неуравновешенный, очень... рискованный.

— Зато это единственный гость, о котором мы можем сказать, что он нанес нам летучий визит, — заключил Лесли.

Короли и медведи стражей
часто грызут.

Шотландская пословица

ГЛАВА ШЕСТАЯ

КОРОЛЕВСКОЕ СОБЫТИЕ

Можно сказать, что каждый день безмятежной поры, проведенной нами на Корфу, был особенным, со своей окраской, своим содержанием, памятным именно потому, что он разительно отличался от остальных трехсот шестидесяти четырех дней года. И все же один день стоит особняком в моей памяти, ибо он был знаменателен не только для моих родных и круга наших знакомых, а для всего населения Корфу.

В этот день в Грецию возвратился король Георг, и никогда еще остров не переживал такого яркого, волнующего и интригующего события. Даже трудности, сопряженные с организацией шествия в честь святого Спиридона, не шли ни в какое сравнение.

Впервые про честь, выпавшую на долю Корфу, я услышал от моего наставника, мистера Кралевского. Он был до того возбужден, что почти не обратил внимания на самца коноплянки, которого я с таким трудом добыл для него.

— Великая новость, дорогой мальчик, великая новость! Доброе утро, доброе утро, — приветствовал он меня; большие выразительные глаза его увлажнились от волнения, изящные руки порхали в воздухе, посаженные на круглый горб голова качалась. — Счастливый день для этого острова, видит бог! Нет, конечно, это счастливый день для всей Греции, но особенно для нашего острова. Э... что? А, коноплянка... Да-да, милая птичка... чирик, чирик. Но, повторяю, какое торжество для нас в сем малом царстве средь голубого моря, как говорил Шекспир, сам король нас посещает.

На то он и Шекспир, подумалось мне. Лично у меня приезд реального короля не вызывал особого восторга, разве что из этого можно извлечь для себя какие-то блага. Чей это король, справился я, и будут ли мне каникулы, когда он приедет?

— Как это чей? — воскликнул мистер Кралевский, потрясенный моим невежеством. — Король Греции, король Георг. Разве ты не знал?

Я заметил, что мы не обзавелись сомнительным благом в виде радиоприемника, а потому, как правило, пребываем в состоянии блаженного неведения.

— Так вот, — мистер Кралевский озабоченно посмотрел на меня, словно коря себя за пробелы в моих познаниях, — так вот, у нас, как тебе известно, был Метаксас, и он был диктатором. Теперь, слава богу, от этого скверного человека избавились, и его величество может возвратиться к нам.

— А когда же мы избавились от Метаксаса? — поинтересовался я. — Мне никто об этом не говорил.

— Ну как же! — воскликнул мистер Кралевский. — Вспомни! Ты должен помнить, когда у нас была революция и кондитерская пострадала от пулеметного обстрела. Я всегда считал, что эти пулеметы чересчур опасны.

Я и впрямь помнил революцию, потому что целых три дня был свободен от занятий, а кондитерская всегда была одной из моих любимых торговых точек. Но я не связывал это с Метаксасом. А теперь, спросил я с надеждой, по случаю приезда короля опять какую-нибудь лавку изрешетят из пулемета?

Д — Что ты, что ты, — испуганно ответил Кравлевский. — Ничего подобного, это будет исключительно радостное событие. Всеобщий праздник, говорят. Право же, это такая волнующая новость, что, я думаю, нас не осудят, если мы ради праздника завтра устроим выходной. А теперь пошли наверх, помоги мне покормить птиц.

Мы поднялись в просторную мансарду, где Кравлевский держал своих канареек и диких птиц, и очень славно провели утро, кормя их. Кравлевский порхал по комнате, размахивая леечкой и напевая себе под нос «Марсельезу», и упавшие на пол семена хрустели у него под ногами, точно галька на пляже.

За ленчем я поделился с родичами новостью о прибытии короля. Каждый воспринял ее по-своему.

— Это чудесно, — сказала мама. — Пожалуй, мне следует подумать о меню.

— Но ведь он, благодарение богу, не собирается гостить у нас, — заметил Ларри.

— Знаю, милый, — отозвалась мама. — А все же... э... наверно, будут всевозможные приемы и так далее.

— С чего бы это? — спросил Ларри.

— Так заведено, — объяснила мама. — Когда мы жили в Индии, по случаю таких событий всегда устраивали приемы.

— Здесь не Индия, — возразил Ларри, — так что я не собираюсь тратить свое драгоценное время, заготавливая корм для слонов. И без того мирное течение нашей жизни будет грубо нарушено, попомните мои слова.

— Если у нас будут приемы, мама, можно мне сшить новые платья? — всколыхнулась Марго. — Мне совсем нечего надеть.

— Интересно, будет ли салют? — задумчиво произнес Лесли. — У них ведь нет ничего, кроме этих старых венецианских пушек, а они, сдается мне, чертовски опасны. Может быть, стоит зайти к коменданту крепости и потолковать с ним.

— Лучше не впутывайся, — посоветовал Ларри. — Они готовятся приветствовать гостя, а не убивать его.

— Я видела на днях чудесный красный шелк, — продолжала Марго. — В той маленькой лавочке... ну, ты знаешь, как повернуть направо от лаборатории Теодора.

— Да-да, милая, прелестно, — отозвалась мама, не слушая. — Хотела бы я знать, сумеет ли Спиро достать для меня несколько индеек?

Однако действие Королевского Визита на нашу семью не идет ни в какое сравнение с потрясением, которое испытал остров Корфу в целом. Кто-то по неосторожности отметил, что дело не просто в почетном для ост-

рова вниманию со стороны монарха — весь эпизод приобретает особое, символическое значение, ибо на Корфу государь впервые после своего изгнания ступит на греческую землю. Сия мысль побудила корфян развернуть лихорадочную активность, и вскоре приготовления приняли такой сложный и накаленный характер, что нам пришлось каждый день отправляться в город и общаться на Главной площади с прочими жителями Корфу, чтобы быть в курсе последних событий.

Главная площадь — Платиа, — которая во времена французской оккупации Корфу была оформлена аркадами наподобие Рю де Риволи в Париже, являла собой, образно говоря, пуп острова. Обосновавшись за столиком под аркой или под сенью мерцающей листвы, вы в короткий срок могли соприкоснуться со всем местным населением и узнать все подробности очередного скандала. Сидишь, безмятежно смакуя какой-нибудь напиток, и рано или поздно к твоему столику прибьет течением жизни всех персонажей драмы.

— Я олицетворяю собой Корфу, — заявила графиня Малинопулос. — Следовательно, мне надлежит образовать комитет, который разработает программу приема нашего доброго государя.

— Конечно, конечно, я вас понимаю, — нервно согласилась мама.

Графиня, смахивающая на тощую ворону в оранжевом парике, несомненно, пользовалась огромным влиянием, однако вопрос был слишком серьезным, чтобы позволить ей безраздельно всем заправлять. В короткий срок было создано целых шесть комитетов, и каждый силился убедить губернатора, что его планы следует предпочесть всем прочим. Люди говорили, будто губернатор поставил у дома вооруженную охрану и на ночь запер все двери после того, как представительница одного из комитетов проинформировала готовность пожертвовать невинностью, чтобы склонить его в пользу своего проекта.

— Это омерзительно! — бушевала Лена Маврокондас, вращая черными глазами и причмокивая красными губами, словно завидовала, что самой не пришла в голову такая мысль. — Только представьте себе, мои дорогие, женщина в ее возрасте пытается вторгнуться в комнату губернатора — обнаженная!

— Действительно, странный способ добиваться, чтобы тебя выслушали, — согласился Ларри с простодушным видом.

— Да это просто смехотворно, — продолжала Лена, ловко начиная свой алый рот оливками, точно ружье заряжала. — Я разговаривала с губернатором и не сомневаюсь, что он признает мой комитет официальным. А как досадно, что в порту нет кораблей британского флота, — мы могли

Д бы выстроить почетный караул. До чего хороши моряки в своей форме, у них такой опрятный и грозный вид.

— Процент инфекционных болезней в королевском флоте... — начал Ларри, но его поспешно перебила мама.

— Пожалуйста, Лена, расскажите нам о ваших планах, — сказала она, строго глядя на Ларри, который налил себе уже восьмой стаканчик анисовки и был способен что-нибудь отмочить.

— У нас та-акие планы, мои дорогие, та-акие планы! Вся Платиа будет украшена синими и белыми полотнищами, вот только с этим дурнем Марко Паниотиссой вечные неприятности.

Лена в отчаянии закатила глаза.

Зная Марко как вдохновенного безумца, мы подивились, как он вообще оказался в составе комитета.

— И что же задумал Марко? — спросил Ларри.

— Ослики! — прошипела Лена так, точно это было неприличное слово.

— Ослики? — повторил Ларри. — Ему понадобились ослики? Решил устроить сельскохозяйственную выставку?

— Что я ему и толкую, — сказала Лена. — А он свое твердит. Говорит, что получится символично, вроде прибытия Христа в Иерусалим верхом на осле, и чтобы ослики были сине-белые.

— Сине-белые? То есть покрашенные? — спросила мама. — Это еще зачем?

— Чтобы было в тон греческому флагу, — ответила Лена, поднимаясь с суровым видом, плечи расправлены, руки сжаты в кулаки. — Но тут я ему сказала: Марко, говорю, осликов ты приведешь только через мой труп.

И Лена Маврокондас, истинная дочь Греции, решительно зашагала дальше по площади.

Следующим у нашего столика задержался полковник Велвит, высокий благообразный старик с байроновским профилем и угловатой фигурой; судорожные телодвижения придавали ему сходство с качающейся на ветру марионеткой. Седые вьющиеся волосы и сверкающие темные глаза плохо вязались с бойскаутской формой, но он носил ее с большим достоинством. Уйдя в отставку, полковник всецело посвятил себя местному движению бойскаутов, и хотя злые языки утверждали, будто его увлечение бойскаутами не совсем альтруистично, он прилежно трудился и ни разу не был уличен ни в чем предосудительном.

Приняв предложение выпить стаканчик анисовки, полковник сел и вытер лицо платком, благоухающим лавандой.

— Ох эти мальчики, — посетовал он, — эти мои мальчики сведут меня в могилу. Очень уж они бойкие.

— Им бы побольше цветущих девушек в вожатые, — заметил Ларри. — Вы не согласны, полковник?

— Это не шутки, дорогой, — ответил полковник, мрачно глядя на Ларри. — Их до того распирает энергия, что я все время опасаясь каких-нибудь проказ. Сегодня они просто привели меня в ужас, и губернатор был весьма недоволен.

— Бедняга губернатор, — сказал Лесли, — ему, похоже, со всех сторон достается.

— И что же сделали ваши бойскауты? — спросила мама.

— Ну, как вы знаете, дорогая миссис Даррелл, я готовлю их к выступлению перед его величеством в день торжественного прибытия. — Полковник осторожно пригубил анисовки. — Сначала они, одни в синем, другие в белом, идут строем к этому... как его?... Помосту, вот именно, к помосту. Здесь они образуют квадрат и приветствуют государя. Затем по команде перестраиваются и образуют греческий флаг. Не считите это хвастовством, но зрелище весьма впечатляющее.

Полковник остановился, осушил стаканчик, потом сел поудобнее.

— Так вот, губернатор захотел посмотреть на наши успехи, пришел и поднялся на помост, изображая короля. Я дал команду, и отряд бойскаутов выступил вперед.

Полковник зажмурился, и по его телу пробежала легкая дрожь.

— Знаете, что они сделали? — тихо спросил он. — Я в жизни не испытывал такого стыда. Подошли к помосту, остановились перед губернатором и подняли руки в фашистском приветствии. Бойскауты! Фашистское приветствие!

— Они крикнули «Хайль губернатор»? — поинтересовался Ларри.

— Слава богу, обошлось без этого, — ответил полковник Велвит. — В первый момент я окаменел от ужаса, потом, надеясь, что губернатор не заметил их выходки, дал команду построиться флагом. Мальчики быстро перестроились, и что же я вижу: перед глазами губернатора — сине-белая снистика. Губернатор был взбешен. Хотел вовсе отменить наше участие. Представляете, какой это был бы удар для бойскаутского движения!

— Да уж, конечно, — согласилась мама. — Но ведь они всего-навсего дети, что ни говори.

— Совершенно верно, дорогая миссис Даррелл, но не могу же я допустить, чтобы люди говорили, будто я обучаю отряд фашистов, — строго произнес полковник Велвит. — Чего доброго, пойдут слухи, что я готовлю захват власти на Корфу.

В последующие дни, по мере приближения великого события, корфяны все больше лихорадило, и они все легче раздражались. Графиня Малино-

Дпулос поссорилась с Леной Маврокондас, а та, в свою очередь, перестала разговаривать с полковником Велвитом, потому что его бойскауты, проходя строем мимо ее дома, делали жесты откровенно биологического свойства. Руководители деревенских оркестров, неизменно участвующих в процессиях в честь святого Спиридиона, переругались из-за места в предстоящем шествии, и однажды вечером на Платиа мы смогли насладиться зрелищем того, как три рассвирипевших трубача гнались за барабанщиком; все четверо были в форме и с инструментами. Выведенные из себя трубачи настигли барабанщика, вырвали у него из рук большой барабан и стали топтать. Тотчас вся площадь превратилась в арену бешеной потасовки между разъяренными музыкантами. Оказавшийся случайным очевидцем этой битвы, мистер Кралевский был ранен брошенными кем-то цимбалами, а старенькая миссис Кукудопулос, которая прогуливалась под деревьями своих двух спаниелей, вынуждена была поднять юбки и спастись бегством. Когда она год спустя преставилась, люди уверяли, что этот инцидент стоил ей нескольких лет жизни, в чем я сильно сомневаюсь, так как миссис Кукудопулос умерла в возрасте девяноста пяти лет.

В конце концов все перессорились, но с нами все разговаривали, потому что мы соблюдали строгий нейтралитет. Капитан Крич, которого до той поры никто не подозревал в патриотических чувствах, был страшно возбужден происходящим и, ко всеобщему неудовольствию, посещал один комитет за другим, распространяя слухи, исполняя непристойные песенки, награждая внезапными щипками бюсты и ягодицы и вообще досаждавая всем и каждому.

— Отвратительный старикашка! — говорила мама, сверкая глазами. — И когда только он научится вести себя. А еще считается англичанином.

— Он держит комитетчиков в напряжении, если можно так выразиться, — заметил Ларри. — Лена говорит, все ее седалище было в синяках после очередного заседания, на котором он присутствовал.

— Грязная старая скотина, — сказала мама.

— Зачем же так сурово, — возразил Ларри. — Сознайся, что ты просто ревнуешь.

— Ревную! — Мама оцетибилась, словно терьер. — Ревную!.. Этого... старого... старого распутника?! Это гадко, Ларри, лучше не говори таких вещей, даже в шутку.

— Но ведь именно безответная любовь к тебе заставляет его топить свое горе в вине и искать утешения у других женщин, — настаивал Ларри. — Он исправится, пожелай ты сделать из него достойного человека.

— Он топил свое горе в вине задолго до того, как познакомился со мной, — ответила мама. — И что до меня, пусть продолжает топить. Вот уж кого я не собираюсь исправлять.

Однако капитан Крич оставался невосприимчивым к критике.

— Девочка моя любимая! — воззвал он к маме при очередной встрече. — В твоём ящике с приданным случайно нет британского флага?

— Боюсь, что нет, капитан, — с достоинством ответила мама. — И вообще у меня нет никакого ящика с приданным.

— Что? У такой славной девчонки, как ты? Нет ящика с приданным? Нет очаровательного комплекта черных панталон с оборочками, чтобы сводить с ума следующего мужа? — вопрошал капитан, уставясь на маму слезящимися похотливыми глазами.

Мама вспыхнула и вся сжалась.

— Я не думаю никого сводить с ума, будь то с панталонами или без них! — важно возвестила она.

— Что значит боевая девчонка, — сказал капитан. — Совершенно в моем вкусе. По правде говоря, я тоже предпочитаю обнаженное тело.

— Зачем вам понадобился британский флаг? — холодно справилась мама, меняя тему разговора.

— Чтобы размахивать им, разумеется, — ответил капитан. — Все эти туземцы будут махать своим флагом, а наш долг показать им, что рано списывать старую добрую Британскую империю.

— Вы обращались к консулу? — спросила мама.

— К консулу? — презрительно молвил капитан. — Он заявил, что на острове есть лишь один британский флаг, и тот предназначен для особых случаев. Гром и молния! Если это не особый случай, то что же тогда? И предложил ему использовать свой флагшток взамен клизмы.

Сопроводив сию тираду весьма оригинальными фигурами речи, капитан заковылял дальше в поисках британского флага.

— Хотя бы ты, Ларри, не поощрял этого старого развратника подсаживаться к нам, — жалобно произнесла мама. — У него что ни слово, то непристойности, незачем Джерри слушать такое.

— Сама виновата, ты его поощряешь, — возразил Ларри. — Кто заговорил о том, чтобы сводить с ума без панталон?

— Ларри! Ты отлично знаешь, что я подразумевала. Это была просто обмолвка.

— Но ты подала ему надежду, — не унимался Ларри. — Теперь берегись, как бы он не зарылся в твой ящик с приданным, словно терьер, в поисках убора для брачной ночи.

— Прекрати, ради бога! — возмутилась мама. — Право же, Ларри, ты выводишь меня из себя.

Напряжение на острове росло с каждым днем. От далеких горных деревушек, где женщины постарше наводили блеск на свои рогатые головные

Д уборы и гладили носовые платки, до города, где каждое дерево подрезали, а каждый столик и стул на Платиа покрывали свежей краской, всюду раз-вернулась кипучая деятельность. В старой части города с узкими — на два ослика — улочками и с ароматами свежего хлеба, плодов, солнцепека и нечистот в равной пропорции располагалось крохотное кафе, принадлежащее моему другу Кости Авгадрама.

Кафе это по праву славилось лучшим на Корфу мороженым, ибо Кости побывал в Италии и там всесторонне освоил черную магию приготовления этого лакомства. Его кондитерские изделия пользовались большим спросом, и ни один более или менее значительный банкет на Корфу не обходился без какого-нибудь из громадных, зыбких, многоцветных творений Кости. У меня с ним было налажено плодотворное сотрудничество: три раза в неделю я приходил в его кафе ловить на кухне тараканов (корм для моих птиц и прочих животных), а за эту услугу мне было дозволено в рабочее время поглощать сколько влезет мороженого. Полный решимости по случаю Королевского Визита навести чистоту во владениях Кости, я отправился в его кафе дня за три до ожидаемого прибытия монарха и застал хозяина в самоубийственном расположении духа, на какое способен только грек, поддерживающий это состояние дозами анисовки. Я спросил, что случилось.

— Я разорен, — ответил Кости замогильным голосом, ставя передо мной бутылочку пива и огромную порцию ослепительно белого мороженого, которая вполне могла бы пустить на дно какой-нибудь новый «Титаник». — Я разорен, дорогой Джерри. Я стал всеобщим посмешищем. Никогда больше люди не скажут: «А, Корфу — это там впервые появилось мороженое Кости». Отныне будут говорить: «Корфу? Это там впервые появилось мороженое известного дурня Кости». Придется мне покинуть остров, другого не остается, отправлюсь на Закинф или в Афины, а то и вовсе в монастырь определюсь. Моя жена и дети будут голодать, мои бедные старые родители будут сгорать от стыда, выпрашивая подавание...

Я прервал эти мрачные пророчества вопросом — чем же все-таки вызвано его отчаяние.

— Я гений, — просто, без тени хвастовства произнес Кости, подсаживаясь к моему столу и рассеянно наливая себе новый стаканчик анисовки. — На всем Корфу никто не мог приготовить такое мороженое, как мое, такое вкусное, такое красивое, такое... такое холодное.

Я выразил полное согласие и, видя, что Кости явно нуждается в ободрении, пошел еще дальше, заявив, что его мороженое знаменито по всей Греции, а то и по всей Европе.

— Точно, — простонал Кости. — А потому только естественно, что губернатор захотел предложить королю отведать моего мороженого, когда он прибудет на Корфу.

Слова Кости произвели на меня огромное впечатление, и я сказал ему об этом.

— Так вот, — продолжал он. — Я должен был поставить двенадцать килограммов во дворец «Монрепо» и еще особое мороженое для большого черного банкета в день приезда его величества. О-о! Вот это особое мороженое меня и погубило. Из-за него моя жена и дети будут голодать. О-о, беспощадный, жестокий рок!

— Но почему? — настойчиво допытывался я с полным ртом мороженого.

Меня не занимали красочные подробности, я хотел услышать суть.

— Я решил, что это мороженое должно быть чем-то совершенно новым, чем-то уникальным, что еще никому не приходило на ум, — сказал Кости, опрокидывая стаканчик. — Всю ночь лежал без сна в ожидании знака.

Он зажмурился и повертел головой на воображаемой жесткой горячей подушке.

— Я не мог уснуть, лежал как в лихорадке. И вот, едва первые петухи пропели свое кукареку, меня озарило вдохновение.

Кости ударил себя кулаком по лбу с такой силой, что едва не упал со стула. Дрожащей рукой он налил себе еще анисовки.

— Моим воспаленным, усталым глазам предстало видение флага — флага Греции, флага, во имя которого мы все страдали и умирали, но флага, сделанного из моего лучшего, высшего качества сливочного мороженого, — торжествуя произнес он и откинулся на стул, чтобы лучше видеть произведенное на меня впечатление.

Я сказал, что в жизни не слышал лучшей идеи. Кости просиял, но тут же его лицо вновь помрачнело.

— Я вскочил с кровати, — продолжал он скорбно, — и побежал на кухню. И обнаружил, что мне недостает ингредиентов для исполнения задуманного. У меня был шоколад, чтобы делать коричневое мороженое, был красный, зеленый, даже желтый краситель, но нечем, абсолютно нечем сделать синие полосы. — Он остановился, сделал добрый глоток и гордо выпрямился. — Менее значительный человек... какой-нибудь там турок или албанец... тут бы и сдался. Но только не Кости Авгадрама. Знаешь, что я сделал?

Я отрицательно покачал головой и глотнул пива.

Д — Я отправился к моему родственнику Михаэли. Ну, ты знаешь, он работает у химиков возле гавани. Так вот, Михаэли — пусть поразит его и его потомков проклятие святого Спиридиона! — дал мне вещество, чтобы сделать синие полосы. Погляди!

Кости исчез в холодильном помещении, затем появился вновь, шатаясь под тяжестью огромного блюда, которое поставил передо мной на стол. На блюде лежало мороженое в синюю и белую полосу, удивительно похожее на греческий флаг; правда, синие полосы были с фиолетовым оттенком.

Я сказал, что мороженое выглядит великолепно.

— Смертоносно! — прошипел Кости. — Смертоносно, как бомба.

Он сел и злобно возрился на исполинское сооружение. Признаться, я не видел никаких изъянов, если не считать, что синие полосы цветом скорее напоминали денатурат.

— Опозорен! Своим собственным родственником, этим сыном невенчанного отца! — выпалил Кости. — Он дал мне порошок, сказал, что будет в самый раз, обещал мне, гадючий язык, что порошок сработает, как надо.

— Но ведь он и сработал, — заметил я, — в чем же дело?

— Слава господу и святому Спиридиону, — благочестиво произнес Кости. — Мне пришла в голову мысль приготовить маленький флаг для своей семьи, чтобы они могли отпраздновать триумф их отца. Страшно подумать, что могло случиться, если бы я этого не сделал.

Он встал и распахнул дверь, соединяющую кафе с его квартирой.

— Я покажу тебе, что этот изверг, этот мой родственник натворил, — сказал он и повысил голос, созывая родичей со второго этажа. — Катарина! Петра! Спиро! Спускайтесь!

Медленно и неохотно спустившись по лестнице, жена Кости и оба сына остановились передо мной. И я с удивлением обнаружил, что у них ярко-фиолетовые рты такого же оттенка, какой можно увидеть на надкрыльях некоторых жуков.

— Покажите язык, — скомандовал Кости. Все семейство дружно высунуло языки цвета римской тоги. Напрашивалось сравнение с какой-нибудь жутковатой разновидностью орхидеи или же с цветком мандрагоры. Да, не повезло Кости! С присущей корфянам беспечной щедростью его родственник вручил ему пакетик генцианвиолета. Мне приходилось смазывать болячку на ноге раствором этого порошка, и я знал, что он, помимо всего прочего, весьма прочный краситель. Кости предстояло не одну неделю созерцать фиолетовые рты своей жены и детей.

— Только вообрази, — сказал он вполголоса, отправив наверх крашеную супругу и отпрысков, — вообрази, что было бы, пошли я мороженое во дворец. Представь себе наше духовенство с фиолетовыми бородами! Фиолетового губернатора и фиолетового короля! Да меня расстреляли бы.

Я возразил, что, по-моему, вышло бы очень весело. Мои слова потрясли Кости до глубины души. Когда я вырасту, заявил он строго, то пойму, что в жизни есть весьма серьезные, далеко не потешные вещи.

— Подумай, что стало бы с репутацией острова... с моей репутацией, сделай я короля фиолетовым, — сказал он, добавляя мне мороженого, чтобы показать, что руководствуется только добрыми чувствами. — Как смеялись бы иностранцы, если бы греческий король стал фиолетовым. По! По! По! По! Спаси нас, святой Спиридион!

А как насчет родственника, поинтересовался я. Как он воспринял случившееся?

— Он еще ничего не знает, — зловеще усмехнулся Кости. — Но скоро будет знать. Я только что послал ему торт-мороженое в виде греческого флага.

И когда наступил великий день, охватившее остров волнение достигло наивысшей степени. Задавшись целью обеспечить нашему семейству хороший обзор, Спиро возложил на свой огромный древний «Додж» с опущенным верхом комбинированную функцию трибуны и тарана. В праздничном настроении мы поехали в город, где не преминули промочить глотку на Платиа и собрать новости о последних приготовлениях. Лена, в великолепном зелено-фиолетовом платье, сообщила нам, что Марко в конце концов с большой неохотой отказался от затей с сине-белыми осликами, однако у него есть план, лишь немногим уступающий по эксцентричности первоначальному.

— Вы ведь знаете, что у его отца есть типография, да? — говорила она. — Так вот, он задумал отпечатать несколько тысяч греческих флажков, выйти с ними в море на своей яхте и разбросать их на воде, чтобы королевское судно плыло по ковру из флажков, ну?

Яхта Марко была предметом шуток для всего Корфу; когда-то это был роскошный прогулочный катер, но Марко уснастил его таким количеством надстроек, что, как справедливо говорил Лесли, катер уподобился Хрустальному дворцу (подразумевая знаменитый в прошлом выставочный павильон в Лондоне) с сильным креном на правый борт. Всякий раз, когда Марко выходил в море, островитяне заключали пари, пытаясь угадать, когда он вернется в порт и вернется ли вообще.

— Так вот, — продолжала Лена. — Сперва ему напечатали эти флажки, а потом выяснилось, что они не держатся на поверхности моря, просто тонут. Тогда он наделал маленькие кресты из деревянных палочек и приклеил к ним флажки, чтобы не тонули.

— Совсем недурная идея, — заметила мама.

Д — Если не сорвется, — сказал Ларри. — Ты же знаешь, как у Марко обстоит дело с организаторским талантом. Вспомни день рождения Константина.

Летом Марко решил устроить роскошный прием в честь дня рождения своего племянника Константина. Намечался великолепный пир с изысканными блюдами — от жареных молочных поросят до арбузов, наполненных шампанским. Были приглашены сливки корфянского общества. Вот только одна загвоздка: Марко запутался в собственных пляжах, и пока он в гордом одиночестве, в окружении съестных припасов, которых хватило бы на прокорм целой армии, сидел на пляже в южной части острова, сливки общества томились от жары и голода на крайнем севере Корфу.

— Чего уж, — Лена выразительно пожала плечами. — Все равно его теперь не остановишь. Флажки погружены на яхту. И он послал на мыс человека с ракетой.

— Человека с ракетой? — удивился Лесли. — Это еще зачем?

— Когда этот человек увидит судно короля, он пустит сигнальную ракету, — объяснила она, вращая глазами. — Марко увидит эту ракету и поспешит выйти в море, чтобы разбросать флажки.

— Надеюсь, все получится, как он задумал, — сказала Марго. — Мне Марко нравится.

— Милая, мы все его любим, — отозвалась Лена. — В деревне, где у меня дача, есть свой деревенский дурачок. Очаровательный, симпатичнейший дурачок, но мы не собираемся делать его мэром.

Выпалив напоследок этот уничтожающий залп, она покинула нас, и на смену ей явился крайне возбужденный полковник Велвит.

— Вы случайно не видели трех маленьких толстеньких бойскаутов? — справился он. — Я так и думал, что не видели. Ну и безобразники! Улизнули за город в бойскаутской форме, эти маленькие варвары, и вернулись оттуда грязные, как поросята! Я велел им отправиться в химчистку, привести себя в порядок, и они куда-то пропали.

— Если увижу, пошлю их к вам, — успокоила его мама. — Вы не волнуйтесь.

— Благодарю, дорогая миссис Даррелл, — сказал полковник Велвит, спеша продолжить поиск пропавших бойскаутов. — Я не стал бы волноваться, но этим чертенятам отведена важная роль в сегодняшнем торжестве. Понимаете, кроме того, что они составляют часть полосы в флаге, им еще поручено разрушить мост.

И с этими загадочными словами он удалился рысцой, точно охотничий пес.

— Мост? Что за мост? — озадаченно спросила мама.

— А, это часть представления, — объяснил Лесли. — Они должны построить понтонный мост через воображаемую реку, форсировать ее, потом изорвать мост, чтобы противник не мог их преследовать.

— Мне всегда представлялось, что бойскауты заняты исключительно мирными делами, — сказала мама.

— Только не здесь, на Корфу, — ответил Ларри. — Я бы сказал, что они самые воинственные обитатели острова.

В эту минуту появились Теодор и Кравлевский; они должны были ехать на машине Спиро вместе с нами.

— С этим салютом... э... словом... вышла небольшая промашка, — доложил Теодор Лесли.

— Так я и знал! — сердито произнес Лесли. — Этот дурень — комендант! Я же ему говорил, да у него ветер в голове. Ведь я его предупреждал, что эти венецианские пушки взорвутся.

— Нет-нет... э... пушка не взорвалась. Э... гм... во всяком случае, пока. Вся штука в том, чтобы угадать со временем. Комендант решительно настаивает, что салют должен быть произведен в ту секунду, когда нога государя ступит на греческую землю. А... гм... э... трудность явно заключается в том, чтобы в гавани подали сигнал и чтобы его видели пушкари... в... э... словом... в крепости.

— И что же они придумали? — спросил Лесли.

— Послали в гавань капрала с револьвером, — сообщил Теодор. — Он должен сигнализировать выстрелом непосредственно перед тем, как король ступит на берег.

— А он умеет обращаться с оружием?

— Ну... э... — ответил Теодор, — мне пришлось довольно долго втолковывать ему, как это опасно... гм... словом... засовывать в кобуру заряженный револьвер с взведенным курком.

— Этот болван может прострелить себе ногу, — сказал Лесли.

— Ничего, — вступил Ларри. — Сегодня без кровопролития не обойтись. Надеюсь, Теодор, ты захватил с собой санитарную сумку?

— Не говори таких вещей, — взмолилась мама. — Я уже начинаю нервничать.

— Если вы готовые, миссис Дарреллы, нам пора трогать, — подошел к нам Спиро, смуглый, суровый, похожий на оставившую свой пост горгулью с собора Парижской Богоматери. — Там собирается очень плотская толпа.

— Плотная, Спиро, плотная, — поправила Марго.

— А я что говорить, мисс Марго? Но вы не беспокоить. Я всех распу-
гать с дороги моими рога.

Д

— Вот кому следует поручить составить толковый словарь, — сказал Ларри, когда мы забирались в «Додж», размещаясь на широких сиденьях.

С раннего утра покрытые белой пылью дороги были заполнены осликами и повозками, которые везли в столицу крестьян по случаю великого события; пухлое облако пыли стелилось по обочинам, окрашивая траву и деревья в белый цвет, и в воздухе словно повисли крохотные снежинки. Город был наводнен публикой, как в день святого Спиридиона, если не больше, и толпы нарядно одетых горожан проплывали через Главную площадь, точно влекомые ветром охапки цветов. Все улочки были забиты людьми вперемешку с осликами; масса эта двигалась со скоростью горного ледника, наполняя воздух гулом взволнованной речи и смеха, острым запахом чеснока и мощнейшим амбре нафталина, свидетельствующим, что из хранилищ бережно извлечены наряды, предназначенные для особых случаев. С разных сторон доносились начальные звуки духовых оркестров, крики ослов, громкие голоса уличных торговцев, возбужденные выкрики детей. Город гудел и пульсировал, точно огромный многоцветный благоухающий улей.

Ведя машину со скоростью улитки и непрерывно сигналив клаксоном, чтобы проложить себе путь в беспечной толпе, Спиро взял курс на гавань. Здесь налицо были все признаки рвения и исполнительности. Стоял наготове оркестр — сверкающие инструменты, безупречная униформа; только роскошные синяки под глазами двух музыкантов малость портили респектабельную картину. Рядом был выстроен батальон местных воинов, на редкость чистых и опрятных с виду. Пузатые представители духовенства с тщательно расчесанными бородами всех оттенков седины, яркими цветами ряс напоминающие стаю попугаев, оживленно переговаривались, трясая бородами и изящно жестикулируя пухлыми руками с безукоризненным маникюром. На пристани, где предстояло сойти на берег королю, томился в ожидании капрал. Судя по тому, как нервно он ощупывал кобуру и кусал ногти, бремя ответственности весьма тяготило его.

Но вот по толпе прошел взволнованный гул, все заговорили: «Король! Король! Король приближается!» Капрал поправил головной убор и приосанился.

Переполох был вызван появлением яхты Марко Паниотиссы. Войдя в залив, она стала выписывать зигзаги, а сам Марко, стоя на корме, отправлял за борт пачки греческих флажков.

- Я не заметила ракеты, а вы? — спросила Марго.
- Я тоже, но откуда не видно мыса, — отозвался Лесли.
- По-моему, Марко молодец, — сказала Марго.
- Да-да, очень милое впечатление, — согласилась мама.

И правда, на гладкой поверхности залива возник огромный ковер из крохотных флажков; зрелище было впечатляющее. К сожалению, как выяснилось в ближайшие полтора часа, Марко ошибся в своих расчетах. Сигнальщик на северном мысу, коему поручили пустить ракету, был вполне надежным человеком, да только он не очень хорошо разбирался в типах судов, и следом за Марко на горизонте появилось не королевское судно, а небольшой грязноватый танкер, следующий в Афины. Ошибка в принципе не такая уж страшная, однако Марко в приливе чувств, охвативших в тот день многих корфян, забыл проверить клей, коим флажки были прикреплены к деревянным палочкам, чтобы не тонули. И в ожидании короля мы могли созерцать, как от морской воды клей растворяется и тысячи греческих флажков бесславно погружаются на дно залива.

— О, бедный Марко, мне так его жаль, — чуть не со слезами вымолвил Марго.

— Ничего, — попытался утешить ее Ларри. — Может быть, король любит кусочки дерева.

— Гм... я в этом... словом... сомневаюсь, — вступил Теодор. — Видите ли, эти палочки соединены в форме маленьких крестов. А это в Греции почитается весьма дурным предзнаменованием.

— Боже мой, — всполошилась мама. — Надеюсь, король не догадается, что это дело рук Марко.

— Самое умное, что теперь остается Марко, — заметил Ларри, — отбыть в добровольное изгнание.

— А вот и он наконец, — возвестил Лесли, когда королевское судно пошло величественно пахать несколько гектаров деревянных крестиков, точно плывя через некое военно-морское кладбище.

Опустили сходни, грянул оркестр, воины вытянулись в струнку, и группа служителей культа двинулась вперед, точно вдруг стронулась с места цисточная клумба. Как только сановники подошли к сходням, оркестр замолк, и под хор восхищенных «О-о-о!» появился монарх. Остановился, приветствуя встречающих, затем не спеша двинулся вниз по сходням. Настала великая минута маленького капрала. Весь в поту, он успел протиснуться поближе к сходням, и взгляд его был прикован к королевским ногам. Капрал помнил четкую инструкцию: подать сигнал, когда королю останется сделать до берега три шага. В этом случае крепость успеет произвести пушечный салют одновременно с вступлением монарха на греческую землю.

Король спускался не торопясь. Напряжение достигло предела. Капрал взялся за кобуру, в решающий миг выхватил револьвер и выстрелил пять раз метрах в двух от королевского уха. И сразу стало очевидно, что кре-

Д пость не догадалась предупредить встречающих об этом сигнале, вследствие чего стрельба, мягко выражаясь, застигла их врасплох; то же можно сказать о короле да и о всех нас.

— Боже мой, они его ампутировали! — взвизгнула Марго; в критические минуты она всегда теряла голову и путалась в словах.

— Не говори глупостей, это сигнал, — отрезал Лесли, направляя бинокль на крепость.

Между тем встречающие явно рассуждали примерно так же, как моя сестра. Они дружно набросились на злополучного капрала. На бледного протестующего беднягу обрушились толчки, тумачи и пинки; вырвав из рук револьвер, его энергично ударили рукояткой по голове. Худо пришлось бы ему, если бы в эту минуту крепостные пушки не извергли внушительное облако дыма, оправдав действия капрала. На смену негодованию пришли улыбки и смех, ибо у корфян хорошо развито чувство юмора. Один только монарх слегка опечалился. А тут еще, когда он сел в предназначенную ему открытую машину, возникла загвоздка: дверь почему-то упорно не хотела закрываться. Шофер сильно хлопнул ею, командир воинского подразделения хлопнул ею, руководитель оркестра хлопнул, стоявший поблизости священник хлопнул еще сильнее, но замок отказывался работать. Не желая признать свое поражение, шофер отошел на несколько шагов, разбежался и ударил дверь ногой. Вся машина содрогнулась, однако дверь продолжала упрямиться. Кто-то подал веревочку, но дверь не к чему было привязать. Дольше ждать было нельзя, и машина тронулась в путь; секретарь губернатора держал дверь рукой, наклоняясь назад через спинку переднего сиденья.

Первая остановка была предусмотрена около церкви Святого Спиридона, чтобы государь мог выразить почтение мощам. Окруженный лесом из сановных бород, он исчез в темной утробе храма, где тысячи свечей напращивались на сравнение с буйным цветением примул. День выдался жаркий, и королевский водитель малость утомился от поединка с дверью, а потому, оставив машину перед церковью, юркнул за угол, чтобы промочить глотку. И кто станет порицать его за это? Кто в таких случаях не испытывал подобного желания? Вот только он неверно рассчитал, как долго продлится свидание монарха со святым, и, когда государь, сопровождаемый сливками греческой церкви, внезапно вышел из храма и сел в машину, водитель отсутствовал. Как обычно, когда на Корфу возникал какой-нибудь кризис, все винили друг друга. Четверть часа в воздухе мелькали кулаки и сыпались упреки; на поиски водителя во все стороны были разосланы гонцы. Заминка объяснялась тем, что никто не знал, какое кафе он почтил

своим присутствием, но в конце концов его выследили и, поливая бранью, с позором оторвали от второго стаканчика анисовки.

Следующая остановка была на Главной площади; здесь королю предстояло наблюдать парад воинов и музыкантов, после чего должны были выступить бойскауты. Безжалостно истязая клаксон на узких улочках, Спиро доставил нас на площадь задолго до прибытия туда государя.

— Уж теперь-то больше не должно быть неурядиц, — озабоченно произнесла мама.

— Остров превзошел сам себя, — отозвался Ларри. — Я надеялся на прокол шины королевского автомобиля по пути от гавани до церкви, но нет, пожалуй, было бы чересчур.

— Ну, я не стал бы зарекаться, — вступил Теодор с веселым огоньком в глазах. — Не забывайте, это Корфу. Вполне возможно, что у них припасено для нас кое-что еще.

— Нет-нет, довольно, — сказал Кралевский. — В самом деле! Что за организация! Мне стыдно за них.

— Верно, Тео, — подхватил Ларри. — Есть же предел их изобретательности.

— Я бы не стал... э... гм... биться об заклад... знаете ли... — ответил Теодор.

Дальнейшие события подтвердили его правоту.

Король прибыл на площадь и занял место на трибуне. Воины промаршировали очень бодро, причем ухитрились почти безошибочно идти в ногу. Корфянский гарнизон в ту пору был достаточно захолустным, и рекрутов не перегружали занятиями; тем не менее они достойно выдержали испытание. За ними проследовал сводный духовой оркестр, объединяющий музыкантов из всех деревень; разноцветная униформа радовала глаз, ярко начищенные инструменты слепили его. Возможно, исполнение было не совсем стройным, и кто-то чуть-чуть фальшивил, но недостатки с лихвой восполнялись мощью и громкостью звука.

Наступила очередь бойскаутов, и мы не поскупились на приветственные крики и аплодисменты, когда полковник Велвит, этакий предельно изможденный и нервный библейский пророк в бойскаутской форме, вывел на пыльную площадь своих коротышек. Они поприветствовали монарха, затем, повинуясь отданной писклявым, задыхающимся голосом команде полковника, забежали в разные стороны и, перестроившись, изобразили греческий флаг. Бурю приветственных возгласов и аплодисментов, которыми их наградили, наверно, было слышно в самых отдаленных уголках албанского нагорья на материке. Исполнив несколько гимнастических номеров, бойскауты прошагали к двум белым линиям, изображающим берега

Д реки. Половина отряда живо сбегала за досками для строительства понтонного моста, а другая половина тем временем перебрасывала канат через коварные воды. Увлеченные этими маневрами, зрители подступали все ближе к «реке», тесня полицейских, коим надлежало сдерживать натиск толпы.

В рекордный срок бойскауты, старшему из которых было не более восьми лет, навели переправу через воображаемую реку, после чего во главе с юным трубачом, извлекавшим громкие нестройные звуки из своего горна, пробежали трусцой через мост и приняли положение «смирно» на другой стороне. Восхищенная толпа рукоплескала, кричала «ура!», свистела и топала ногами. Полковник Велвит позволил себе по-военному сдержанно чуть улыбнуться и бросил гордый взгляд в нашу сторону. Затем он рявкнул короткую команду, три пухлых бойскаутика отделились от общего строя и направились к мосту, неся детонаторы, взрывную машинку и прочие принадлежности. Закончив приготовления, они вернулись в строй, на ходу разматывая провод, и вытянулись в струнку, ожидая следующей команды. Полковник Велвит упивался великой минутой. Посмотрел крутом, удостовераясь, что всеобщее внимание сосредоточено на нем. Царила полная тишина.

— Подорвать мост! — гаркнул полковник, и тотчас один из бойскаутов крутнул рукоятку подрывной машинки.

Что тут было! Последовал мощный взрыв, в облаке пыли в воздух взлетели обломки моста и камни, которые затем градом посыпались на публику. Первые три ряда зрителей вкупе с полицейскими и полковником Велвитом упали навзничь. Взрывная волна поразила кузов нашей машины пулеметной очередью щепок и камешков и сорвала шляпу с маминой головы.

— Господи! — воскликнул Ларри. — Что за игру придумал этот дурень Велвит?

— Моя шляпа, — выдохнула мама. — Кто-нибудь, найдите мою шляпу!

— Я найти ее, миссис Дарреллы, нам не беспокоить! — крикнул Спиро.

— Огорчительно, весьма, — произнес Кралевский, зажмурив глаза и вытирая лоб носовым платком. — Чересчур воинственно для маленьких мальчиков.

— Маленькие мальчики! Маленькие изверги, черт бы их побрал! — яростно крикнул Ларри, вытряхивая мусор из волос.

— Я чувствовал, что должно еще что-то произойти, — удовлетворенно объявил Теодор, радуясь, что Корфу оправдал свою буйную репутацию.

— Видно, у них там была настоящая взрывчатка, — сказал Лесли. — Не понимаю, как полковник Велвит мог решиться на такое. Чертовски опасная затея.

Очень скоро выяснилось, что полковник тут ни при чем. С дрожащими коленями он построил своих бойскаутов и увел их с площади, после чего пернулся на поле боя, чтобы извиниться перед мамой.

— Я так унижен, так унижен, миссис Даррелл, — говорил он со слезами на глазах. — Эти маленькие негодяи добыли динамит у рыбаков. Заверю вас, я ничего об этом не знал, ничего.

В помятой шляпе и пыльной форме он выглядел очень несчастным.

— Ну, что вы, полковник, не огорчайтесь, — ответила мама, поднося дрожащей рукой к губам стаканчик с разбавленным бренди. — С кем не случается.

— В Англии сплошь и рядом, — подхватил Ларри. — Дня не проходит...

— Поедьте-ка с нами обедать, — перебила мама, наградив Ларри уничтожающим взглядом.

— Благодарю, любезная леди, вы слишком добры, — отозвался полковник. — Только я сперва должен переодеться.

— Меня очень заинтересовала реакция публики, — сообщил Теодор, черный своей исследовательской жилке. — Ну, словом... э... тех, кого сбилось с ног.

— Полагаю, они чертовски злились, — сказал Лесли.

— А вот и нет, — гордо произнес Теодор. — Корфу есть Корфу. Они не... словом... помогли друг другу подняться и смахнуть пыль и говорили, как здорово все получилось... э... как реалистично. И похоже, никого не удивило, что у бойскаутов оказался динамит.

— Да, поживешь достаточно долго на Корфу, вообще перестанешь чему-либо удивляться, — убежденно заключила мама.

После продолжительного изысканного обеда в городе, во время которого мы старались убедить полковника Велвита, что его номер с подрывом моста был гвоздем всей программы, Спиро повез нас домой сквозь прохладную бархатистую ночь. Мелодично перекликались сплюшки — словно диковинные колокола звенели среди деревьев; белая пыль клубилась за машиной, застывая летним облачком в тихом воздухе, в соборном мраке оливковых рощ мерцал зеленый пунктир светлячков. День выдался хороший, но утомительный, и мы радовались возвращению к домашнему очагу.

— Ну так, — сказала мама, подавляя зевок и направляясь с лампой к лестнице. — Король не король, а меня завтра раньше двенадцати не будите.

— О-о, — сокрушенно вымолвил Ларри. — Разве я тебе не сказал?

Мама остановилась на полпути наверх и воззрилась на Ларри; колеблющийся свет керосиновой лампы заставил ее тень метаться на белой стене.

— Что именно? — подозрительно осведомилась она.

Д — Да насчет короля, — ответил Ларри. — Извини, я должен был раньше предупредить тебя.

— О чем предупредить? — Мама встревожилась не на шутку.

— Я пригласил его на ленч, — сказал Ларри.

— Ларри! Не может быть! Право же, это неосмотрительно... — начала было мама, но тут же сообразила, что ее разыгрывают.

— Не вижу в этом ничего смешного, — холодно произнесла она, выпрямившись во весь свой малый рост. — И к тому же не я, а он был бы в смешном положении, потому что в доме, кроме яиц, ничего нет.

С великим достоинством, игнорируя наш смех, мама удалилась в спальню.

Подкрепите меня вином,
освежите меня яблоками, ибо я
изнемогаю от любви.

Песнь Песней Соломона, 2-5

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПУТИ ЛЮБВИ

Лето выдалось такое неистовое, иссушающее и жгучее, что от зноя даже небо выцвело, приняв предосенний блекло-голубой оттенок, а теплое, как парное молоко, море уподобилось огромному тихому синему пруду. Ночью можно было слышать, как полы, ставни и балки стонут, кряхтят и потрескивают от высасывающего последние соки жара. Полная луна раскаленным углем тарасилась с знойного бархатно-черного неба, а десять минут спустя после восхода солнца уже нечем было дышать. Царило безветрие, и зной тяжелой крышкой давил на остров. Цветы и травы на склонах гор жухли и погибали от засухи, оставались ломкие, как белесая стружка, стебли. Дни стояли такие жаркие, что цикады начинали петь раньше обычного, делая перерыв среди дня, а земля накалялась так, что невозможно было ходить босиком.

Наш дом был для местной фауны чем-то вроде комплекса больших деревянных пещер, где было примерно на полградуса прохладнее, чем в ближайших оливковых, апельсиновых и лимонных рощах, и живность устремилась к нам. Естественно, поначалу вина за столь внезапное нашествие была возложена на меня, но в конце концов наплыв всевозможных тварей достиг такого размаха, что даже родные вынуждены были признать мою непричастность. Легионы черных клещей вторглись в дом и напали на наших псов, облепив их голову и уши сплошным покровом, напоминающим

шмичугу, удалять которую было далеко не просто. Оставалось крайнее средство — травить клещей керосином, и оно помогло нам справиться с ними. Оскорбленные до глубины души таким обращением, воняющие керосином псы трусили вокруг дома, свесив голову, тяжело дыша и осыпая землю гроздьями дохлых клещей. Ларри предложил повесить объявление «Осторожно — огнеопасные собаки», справедливо считая, что, вздумай кто-нибудь зажечь спичку около любой из них, и весь дом может вспыхнуть, как сухой трутовик.

Однако керосин дал нам только временную передышку. Нашествие клещей продолжалось, и наступила пора, когда вечером, лежа в постели, можно было наблюдать, как они стройными рядами передвигаются по комнате, выполняя диковинные эволюции. К счастью, нас они не трогали, ограничиваясь тем, что доводили до безумия псов. Иное дело — полчища блох, которые решили разделить с нами кров. Точно татарские орды, они явились вдруг, словно материализовались из пустоты, не успели мы опомниться, как весь дом был наводнен ими. Блохи были повсюду; идя по комнатам, вы чувствовали, как они прыгают на вас и ползут вверх по ногам. Спальни стали непригодными для обитания, и некоторое время мы могли спать только на наших просторных верандах.

Но и блохи не были самыми нежеланными среди малых гостей нашего дома. Черные как смоль крохотные скорпионы обосновались в прохладной ванной комнате. Надумав поздно вечером почистить зубы, Лесли опрометчиво пошел туда босиком и был ужален. Скорпион был всего лишь чуть больше сантиметра в длину, но яд сего изверга подействовал так, что несколько дней Лесли вообще не мог ходить. Скорпионы покрупнее предпочитали район кухни, где они нагло восседали на потолке, напоминая этих уродливых омаров, променявших водную среду на воздушную.

Вечером, стоило нам зажечь лампы, как слетались тысячи насекомых, мотыльки всех разновидностей, от крохотных, с желтовато-коричневыми растрепанными крылышками, до здоровенных, в розовую и серебристую полоску, бражников, которые пикировали на свет с такой силой, что были способны разбить ламповое стекло. Были тут и жуки, одни черные, будто одетые в траур плакальщики, другие в яркую полоску или крапинку; одни с короткими булавовидными усиками, другие с длинным тонким подобием усов китайского мандарина. Не было недостатка и в прочих букашках, подчас таких маленьких, что без увеличительного стекла и не рассмотришь причудливейшие формы и цвета.

Естественно, для меня это скопище насекомых было великим даром. Каждый вечер я крутился возле ламп и фонарей, держа наготове баночки и склянки и состязаясь с другими хищниками за право обладать отборными

Д экземплярами. Тут полагалось не зевать, ибо конкуренция была острейшая. На потолке бледно-розовые гекконы с растопыренными пальцами и выпученными глазами подкрадывались к жукам и мотылькам с изощренной осторожностью. По соседству зеленые вампиры — ханжи-богомолы с безумными глазами и лишенным подбородка ликом, — покачиваясь, выступали на тонких шиповатых ногах.

Внизу со мной конкурировали напоминающие поджарых косматых волков огромные пауки шоколадного цвета; притаившись в тени, они вдруг выскакивали из засады, готовые выхватить экземпляр чуть ли не из моих рук. В роли их пособников выступали облаченные в красивую кожу, точно пошитую из зеленых и серебристо-серых лоскутков, жирные жабы, которые прыгали, тяжело дыша и тараща глаза, посреди невиданного изобилия съестного, и маленькие, вороватые, несколько зловещие на вид мухоловки. Толстое, как карандаш, приплюснутое тело этих многоножек длиной около восьми сантиметров было одето в бахрому из длинных тонких ног. Когда ноги мухоловки попарно приходили в движение, по бахроме словно пробегали волны, и насекомое скользило точно камень по льду, бесшумно и... жутковато, ибо мухоловка была одним из наиболее свирепых и искусных охотников.

Снова вечер, снова зажжены лампы, и я терпеливо жду, чем бы пополнить свою коллекцию. Вечер только начался, и большинство хищников, кроме меня и нескольких летучих мышей, еще не выходило на охоту. На веранде летучие мыши в стремительном пике хватали мотыльков и другую лакомую мелюзгу в каких-нибудь сантиметрах от лампы, так что пламя судорожно колыхалось от ветра, поднятого их крыльями. Медленно тускнел бледно-бирюзовый отсвет вечерней зари, начинали звучать протяжные мелодичные трели цикад, в сумраке под сенью олив вспыхивало холодное мерцание светлячков, и весь наш огромный дом, покряхтывая и постанывая от солнечных ожогов, успокаивался на ночь.

Стена за лампой всегда была покрыта сонмом разных насекомых, которые после неудачного покушения на самоубийство отдыхали там, приходя в себя перед новой попыткой. Из узкой трещины в штукатурке в основании стены выбрался на редкость крохотный, пухленький геккон. Судя по всему — новорожденный, ибо он не достигал и четырех сантиметров в длину, однако за короткий срок, прошедший от появления геккончика на свет, он явно успел приналечь на еду, так что тельце его, включая хвост, было почти круглым. Рот изогнут в широкой застенчивой улыбке, большие темные глаза изумленно округлены, как у ребенка при виде стола, накрытого для банкета. Не успел я остановить его, как он уже не спеша заковылял вверх по стене и приступил к трапезе, ухватив златоглазку, чем и вызвал мое не-

долюльство, потому что эти насекомые с прозрачными кружевными зелеными крылышками и большими зеленовато-золотистыми глазами были в ряду моих любимцев.

Сглотнув последний кусочек прозрачного крыла, геккончик передохнул, цепляясь за стену и задумчиво помаргивая глазами. Я не мог понять, почему он выбрал относительно крупную в его масштабах златоглазку, когда со всех сторон его окружало множество более мелких мошек, которых было бы легче поймать и съесть. Однако вскоре выяснилось, что передо мной обжора, о каких говорят «брюхо сыто, да глаза голодны». Вылупленный из яйца, а потому не получивший материнских наставлений, он пребывал во власти ошибочного представления, что все насекомые съедобные и чем они крупнее, тем быстрее утолят его голод. И ему явно было невдомек, что для столь малого создания, как он, некоторые насекомые могут быть попросту опасны. Подобно миссионерам прошлого, геккончик был столь высокого мнения о собственной персоне, что ему не приходила в голову вероятность самому стать чьей-то трапезой.

Игнорируя сидевшее поблизости сборище мелких и в высшей степени съедобных мотыльков, геккончик стал подкрадываться к не уступавшему ему величиной, толстому ворсистому дубовому коконопряду, однако промешкал с последним рывком и успел схватить бабочку только за кончик крыла. Бабочка вспорхнула, и мощностъ ее коричневых крылышек была так велика, что она едва не оторвала юного охотника от стены и не унесла его с собой. Ничуть не обескураженный, он, передохнув, атаковал равного ему длиной длинноусого жука. Геккончик явно не соображал, что все равно никогда в жизни не смог бы проглотить такое жесткое колючее чудовище. Правда, ему вообще никак не удавалось толком ухватиться за твердые и скользкие покровы длинноусого, и кончилось все тем, что он лишь сшиб жука на пол.

Снова короткая передышка, во время которой геккончик обзревал поле боя; в это время, шелестя крылышками, на веранду прилетел здоровенный богомол и сел на стене сантиметрах в пятнадцати от юного охотника. Сложил крылья со звуком, напоминающим шуршание папиросной бумаги, и, подняв в мнимо молитвенном жесте передние ноги, оснащенные острыми зубьями, стал озираться своими глазами безумца, поворачивая голову так и этак, чтобы лучше видеть выстроенные в его честь шеренги насекомых.

Геккончик явно не встречался прежде с богомолами и не разумел, какие они опасные; его глазам богомол представлялся обильной зеленой трапезой, о какой он мог только мечтать без всякой надежды когда-либо получить. Не тратя попусту время и не считаясь с тем, что богомол был раз в

Д пять больше его самого, геккончик начал подкрадываться. Тем временем богомол остановил свой выбор на серебристой пяденице и направился к ней, переступая своими тощими ногами старой девы. Время от времени он останавливался, покачиваясь из стороны в сторону, а следом за этим живым воплощением зла, также делая остановки, решительно шагал геккончик — голова опущена, потешный толстый хвостик дергается, как у возбужденного щенка.

Богомол приблизился к ничего не подозревающей бабочке, остановился, покачался, потом вдруг сделал выпад передними ногами и схватил жертву. Пяденица была достаточно крупная, и, когда она отчаянно забилась, богомолу стоило великого труда удерживать ее грозными шипами. Пока он возился с ней, смахивая на неумелого жонглера, геккончик, доведя себя до полной ярости ударами собственного хвоста, пошел в атаку. Рванувшись вперед, он бульдожьей хваткой вцепился в одно из надкрыльев. Занятый жонглированием богомол был застигнут врасплох внезапным нападением с тыла. Потеряв равновесие, он упал на землю, увлекая за собой и пяденицу, и геккончика, который не разжимал своей мертвой хватки. Зато богомол выпустил чуть живую пяденицу, освобождая острые, как клинок, голени для поединка с геккончиком.

Только я решил, что самая пора вмешаться, чтобы пополнить свой зверинец богомолем и гекконом, как на сцену вышло еще одно действующее лицо. Из темного сплетения виноградной лозы возникла мухоловка. Подвижный ковер из тонких ножек целеустремленно заскользил к все еще корчившейся бабочке. Достиг ее, накрыл, и челюсти мухоловки впились в мягкий торакс жертвы.

Картина была захватывающая. Богомол, сложившись почти вдвое, бил острыми когтями геккона, но тот, возбужденно вытаращив глаза, не отпускал хватки, как ни трепал его огромный противник. Тем временем мухоловка, убедившись, что ей не под силу унести добычу, обволокла ее живым ламбрекеном, высасывая жизненные соки.

В этот момент явилась Тереза Олива Агнес Дьедр, или попросту Дьедр. Это имя носила одна из двух здоровенных жаб, которых я выследил, довольно быстро приручил и поселил в маленьком огороженном саду ниже веранды. Здесь обе жабы вели беспорочный образ жизни в окружении мандариновых деревьев и герани, совершая вылазки к веранде, когда там загорался свет, чтобы не упустить причитающуюся им долю крылатой трапезы.

Лежа на животе, я до того увлекся созерцанием схватки необычного квартета в пятнадцати сантиметрах от моего носа, что совсем забыл про существование Дьедр и даже не подозревал, что она тоже наблюдала из-за стула за битвой. Теперь она тяжело прошлепала вперед, на секунду замер-

ли, и не успел я опомниться, как Дьедр, совершив по-жабьи целенаправленный прыжок, разинула широченную пасть и стремительным движением языка отправила туда мухоловку вместе с пяденицей. Остановилась, глотнула, на миг зажмутив выпученные глаза, затем ловко повернулась влево и тем же способом послала в рот богомола с геккончиком. Какое-то мгновение между толстыми губами Дьедр извивался червем торчащий наружу хвостик геккона, но она решительно затолкала его внутрь большими пальцами, как это заведено у жаб.

Мне доводилось читать про цепи питания и выживание наиболее приспособленных, однако я решил, что это уже чересчур, и был весьма недоволен Дьедр хотя бы потому, что она испортила такой увлекательный спектакль. И чтобы оградить себя от повторного вмешательства, я отнес ее обратно в сад, где она вместе с супругом, Теренсом Оливером Альбертом Диком, квартировала под каменным лотком с ноготками. Тем более что сегодняшнего ужина, на мой взгляд, ей было вполне достаточно.

Вот в такой дом — хрусткий, как сухарь, жаркий, как печь, и кишаший всякой живностью, — в один прекрасный день явился Адриан Фотискью Смайс. Школьный товарищ Лесли, он однажды провел вместе с нами каникулы в Англии и успел страстно и безоглядно влюбиться в Марго, чем та была весьма недовольна.

О предстоящем прибытии Адриана нас известила мама, когда мы, удобно расположившись на веранде, знакомились с поступавшей раз в две недели почтой.

— О, как славно, — произнесла она вдруг. — Это будет чудесно.

Прервав чтение, мы настороженно уставились на нее.

— Что будет чудесно? — осведомился Ларри.

— Я получила письмо от миссис Фотискью Смайс.

— Не вижу в этом ничего чудесного, — заметил Ларри.

— Что еще надо этой старой карге? — спросил Лесли.

— Лесли, милый, зачем же называть ее старой каргой. Вспомни, как хорошо она к тебе относилась.

Лесли насмешливо фыркнул.

— Ладно, так что ей все-таки надо?

— А вот она пишет, что Адриан отправился в поездку по Европе, и спрашивает, нельзя ли ему погостить у нас на Корфу.

— Отлично, — сказал Лесли. — Я только рад буду такому гостю.

— Ага, он славный парень, — великодушно согласился Ларри.

— Правда?! — восторженно подхватила мама. — Такой воспитанный.

— А что до меня, то я вовсе не рада, — заявила Марго. — Более нудного типа надо поискать. При одном его виде на меня нападает зевота. Нельзя ли написать им, что у нас все занято?

— Но я думала, что Адриан тебе нравится, — удивилась мама. — А уж ты ему определенно нравилась, если не ошибаюсь.

— В том-то и дело. Я не желаю, чтобы он исходил тут слюной, точно какой-нибудь сексуально озабоченный спаниель.

Мама поправила очки и посмотрела на Марго.

— Марго, милая, зачем же говорить так про Адриана, и откуда только ты берешь такие выражения. Уверена, что ты преувеличиваешь. Я никогда не видела, чтобы он вел себя, как... как... ну, в общем, как ты сказала. Мне он казался вполне благовоспитанным.

— Так и есть, — воинственно произнес Лесли. — Просто Марго воображает, что все мужчины от нее без ума.

— Ничего подобного, — возмутилась Марго. — Он мне не нравится, вот и все. Больно влюбчивый, стоит оглянуться — он тут как тут, слюной исходит.

— Адриан не из таких, чтобы слюни распускать.

— А я говорю, распускал. И даже исходил слюной.

— Я никогда за ним такого не замечала, — снова вмешалась мама. — И вообще не могу же я отказать ему только потому, что он распускает слюни. Где твое благоразумие, Марго.

— Он приятель Лесли, пусть вокруг него и распускает свои слюни.

— Да не распускает он их и никогда не распускал.

— Ну, ладно, — рассудила мама. — Мы найдем, чем его занять, и думаю, ему будет не до слюней.

Две недели спустя к нам прибыл изголодавшийся, отощавший Адриан. Почти без гроша в кармане, он проделал весь путь от Кале до Бриндизи на велосипеде, который в конце концов не выдержал неравной схватки и рассыпался. Первые несколько дней мы почти не видели Адриана, потому что мама следила за тем, чтобы он ложился рано, вставал поздно и непрерывно чем-нибудь подкреплялся. Когда же он возникал перед нами, я не спускал глаз с его рта, так как из всех гостивших у нас диких друзей не было еще никого, кто бы исходил слюной, и мне не терпелось увидеть этот феномен. Однако, если не считать склонности заливаться краской всякий раз, когда в комнату входила Марго, и тарашиться на нее с приоткрытым ртом (по совести, я должен был признать, что тут он впрямь походил на спаниеля), никаких других эксцентричных проявлений за ним не замечалось. У него были на редкость кудрявые волосы, большие и очень кроткие карие глаза, и на верхней губе под действием гормонов только-только пробился нежный пушок, коим он чрезвычайно гордился. Адриан привез Марго по-

широк — пластинку с песенкой, которую он явно почитал равной шекспировским сонетам. Называлась песенка «В кабачке Смоки Джо», и мы все остро возненавидели ее, ибо Адриан не мог дня прожить без того, чтобы раз двадцать не прокрутить эту лабуду.

— Господи, — простонал Ларри, когда мы утром, сидя за завтраком, в очередной раз слышали шипение пластинки, — сколько можно, да еще в такую рань.

«У Смоки Джо в Гаване, — громко затянул гнусавый тенор, — я торчал, утоляя жажду...»

— Это невыносимо, — с тоской произнесла Марго. — Почему он не может поставить что-нибудь другое?

— Зачем же так, милая, она ему нравится, — увещающе сказала мама.

— Вот именно, и он купил эту пластинку для тебя, — подхватил Лесли. — Это твой чертов подарок. Вот и скажи, чтобы он перестал ее крутить.

— Нет-нет, милый, так нельзя, — возразила мама. — Все-таки он наш гость.

— Ну и что, если гость? — огрызнулся Ларри. — Ему медведь на ухо наступил, а мы все должны страдать? Это пластинка Марго. Пусть она и распорядится.

— Но это будет так невежливо, — озабоченно произнесла мама. — Как-никак он привез пластинку в подарок и думает, что она нам нравится.

— Знаю, но оправдывать его глубокое невежество не намерен, — настаивал Ларри. — Представляешь себе, вчера он не дослушал Пятую симфонию Бетховена, снял и поставил взамен этого завывающего кастра-ти! Да у него, если хотите знать, культуры столько же, сколько у гуннского вождя.

— Тише, Ларри, милый, он может тебя услышать, — сказала мама.

— При таком-то гвалте? Да ему сейчас в слуховой рожок надо кричать.

Тем временем Адриан, не подозревая, какая смута охватила наше семейство, задумал подпевать пластинке. Поскольку его гнусавый тенорок был удивительно похож на голос самого исполнителя, результат был на редкость отвратным.

«И там я увидел девицу... То была наша первая встреча... О мама Инее... О мама Инее... О мама Инее... Мама Инее...» — заливались более или менее в унисон Адриан и граммофон.

— Силы небесные! — взорвался Ларри. — Это уже чересчур! Марго, придется тебе пойти и сказать ему.

— Только сделай это вежливо, милая, — добавила мама. — Мы ведь не хотим ранить его.

Д

— Что до меня, то я не прочь его ранить, — возразил Ларри.

— Я знаю, что надо сделать, — сообщила Марго. — Скажу ему, что у мамы болит голова.

— Это даст нам только временную передышку, — заметил Ларри.

— Ты скажешь, что у мамы болит голова, а я спрячу все иголки, — торжествующе предложил Лесли. — Как вам такая идея?

— О, замечательно! — воскликнула мама, радуясь тому, что проблему можно решить без риска ранить Адриана.

Адриан был несколько озадачен исчезновением граммофонных иголок и нашими дружными заверениями, что на Корфу купить их невозможно. Но у него была хорошая память, и он с утра до вечера сам напевал «Смоки Джо», хотя из-за полного отсутствия слуха его пение больше всего напоминало теноровый гул потревоженного улья.

Шли дни, а влюбленность Адриана ничуть не ослабевала, даже напротив — становилась сильнее, и в той же мере усиливалось недовольство Марго. Я начал проникаться жалостью к нему, ведь что бы он ни делал, все было не так. Когда Марго заявила, что усы делают его похожим на мужского парикмахера низшего разряда, он поспешил их сбрить, после чего она сказала, что усы — признак мужской зрелости. Больше того, Марго недвусмысленно давала понять, что решительно предпочитает местных крестьянских парней любому английскому импорту.

— Они такие красивые и такие милые, — говорила она, вызывая откровенную ревность Адриана. — Так славно поют. У них такие хорошие манеры. Они играют на гитаре. Они по всем статьям превосходят любого англичанина. От них исходит своеобразное амбре.

— Ты хочешь сказать «благоухание», — поправил ее Ларри во избежание превратных толкований слова «амбре».

— Что ни говори, — продолжала Марго, пренебрегая его замечанием, — это настоящие мужчины, а не какие-нибудь никудышные слащавые слюнтяи.

— Марго, милая, — вмешалась мама, нервно поглядывая на уязвленного Адриана, — право же, это не очень любезно с твоей стороны.

— А я и не хочу быть любезной, — отпарировала Марго. — И вообще жестокость часто оборачивается добром, если правильно ею распоряжаться.

Выдав сей загадочный образчик философических умозаключений, она покинула нас, направляясь к своему новейшему воздыхателю, загорелому рыбаку с роскошными усами. Адриан был до того унижен, что мои родичи сочли необходимым как-то умирить его отчаяние.

— Не обращай внимания на Марго, милый Адриан, — утешала его мама. — Это все только слова, она такая упрямая. Возьми еще персик.

— Упрямая, как осел, — добавил Лесли. — Уж я-то знаю.

— Хотел бы я знать, как мне стать похожим на крестьянских парней, — задумчиво произнес озадаченный Адриан. — Может быть, начать играть на гитаре?

— Нет-нет, только не это, — поспешно произнес Ларри. — В этом нет никакой надобности. Почему бы тебе не попробовать что-нибудь попроще? Скажем, жевать чеснок.

— Чеснок? — удивился Адриан. — Марго любит чеснок?

— Ну, конечно, — ответил Ларри. — Ты же слышал, что она говорила про запах от этих ребят. А какой запах ты чувствуешь прежде всего, когда приближаешься к ним? Чеснок!

Пораженный логикой этого рассуждения, Адриан стал прилежно жевать чеснок, но добился лишь того, что Марго, зажав нос платком, объявила, что от него разит, как от местного автобуса в базарный день.

В моих глазах Адриан был очень славной личностью; покладистый и добрый, он всегда был готов выполнить все, о чем бы его ни просили. Я чувствовал своим долгом сделать что-то для него, однако не мог придумать ничего толкового, разве что запереть Марго в его спальне, но и эту идею я тут же отверг как трудноосуществимую и способную вызвать мамино неодобрение. Решил обсудить этот вопрос с мистером Кралевским — может быть, он что-нибудь посоветует. И когда в очередной день занятий мы сделали перерыв, чтобы выпить чашечку кофе, я рассказал ему о безуспешном ухаживании Адриана за Марго — тема, сулившая нам обоим желанное отдохновение от непостижимых тайн квадрата гипотенузы.

— Ага! — воскликнул мистер Кралевский. — Пути любви не бывают гладкими. В самом деле, разве не станет жизнь скучноватой, если дорога к цели неизменно будет гладкой?

Философические думы моего наставника меня не очень увлекали, но я вежливо слушал. Мистер Кралевский аккуратно взял печенье наманикюрными пальцами, подержал его над чашкой и окунул в кофейную купель, прежде чем отправить в рот. Методично пожевал с закрытыми глазами, наконец вымолвил:

— Сдается мне, что сей юный Лохинвар излишне усердствует.

Я ответил, что Адриан — англичанин, а не шотландец, и вообще, разве может усердие быть чрезмерным? Известно ведь, что без старания успеха не добьешься.

— Э, — лукаво произнес мистер Кралевский, — в делах сердечных все обстоит иначе. Немножко равнодушия порой способно творить чудеса.

Соединив кончики пальцев, он задумчиво воззрился на потолок, и я понял, что мне предстоит быть очевидцем очередного полета фантазии мисте-

ра Кралевского с его излюбленным мифическим персонажем — «дамой сердца».

— Помню, однажды я безумно влюбился в одну молодую особу, — начал Кралевский. — Разумеется, это должно остаться между нами.

Я кивнул и взял еще печенье, зная, что истории Кралевского коротки ми не бывают.

— Эта особа была такой красоты и таких достоинств, что женихи теснились вокруг нее, словно... словно... пчелы вокруг банки с медом, — продолжал мистер Кралевский, довольный своим сравнением. — С первого взгляда я полюбил ее глубоко, беззаветно и безутешно, и я чувствовал, что ей это не совсем безразлично.

Он освежил горло глотком кофе, сплел пальцы вместе и наклонился вперед над столом; ноздри его расширились, большие выразительные глаза горели.

— Я неотступно следовал за ней, словно... словно... охотничий пес, идущий по следу, но она оставалась холодной и безучастной к моим ухаживаниям. Даже позволяла себе насмехаться над моей любовью.

Он примолк со слезами на глазах, затем энергично высморкался.

— Не могу описать, какие муки я испытывал — жгучую ревность, тяжкие бессонные ночи... Я потерял двадцать четыре килограмма, друзья начали волноваться за меня, и, конечно же, все они пытались меня убедить, что эта особа не стоит моих страданий. Все, кроме одного друга... э... человека, умудренного опытом, должно быть, он сам имел много романов, один из них даже в далеком Булукистане. Он-то и сказал мне, что я чересчур усердствую, доколе я упорно буду повергать свое сердце к ее стопам, она, подобно всем женщинам, будет смотреть со скукой на мои воздыхания. Но стоит мне изобразить равнодушие, тотчас, заверил меня мой друг, все переменится.

Кралевский ласково улыбнулся мне, многозначительно кивнул и налил себе еще кофе.

— Ну, и как, — спросил я, — изобразили вы равнодушие?

— Разумеется, — сказал Кралевский. — Не теряя времени, я сел на пароход, идущий в Китай.

Замечательно, подумал я: какая женщина смогла бы утверждать, что сделала своим рабом мужчину, который вдруг сел на пароход и укатил в Китай. Такая даль — тут даже самой тщеславной особе достало бы времени поразмыслить над своим поведением. И что же произошло, нетерпеливо спросил я, когда мистер Кралевский вернулся из путешествия?

— Я застал ее замужем, — ответил Кралевский малость пристыженно, чувствуя, что не оправдал моих ожиданий. — Сам понимаешь, бывают

женщины капризные и нетерпеливые. Но мне удалось поговорить с ней наедине, и она все объяснила.

И слушал с напряженным интересом.

— По ее словам, — продолжал мистер Кравевский, — она решила, что я уехал навсегда, чтобы стать ламой, вот и вышла замуж. Да-да, моя неженная дождалась бы меня, если бы знала, а так, снедаемая горем, вышла за первого попавшегося на ее пути. Не просчитайся я в оценке длительности путешествия, сегодня она была бы моей. — И он снова высморкался с сокрушенным видом. Я переварил услышанное, однако не усмотрел в истории Кравевского каких-либо четких указаний — как помочь Адриану. Может быть, одолжить ему свою лодку «Бутл Толстогузый», чтобы он уплыл в Албанию? Не говоря уже о риске потерять свое драгоценное сундучишко, я сомневался, чтобы у Адриана хватило сил грести так далеко. Нет, я был вполне согласен с Кравевским, что Адриан чересчур усердствует, но, зная капризный нрав своей сестры, предполагал, что исчезновение моего поклонника скорее обрадует, чем опечалит ее. Главная проблема Адриана заключалась в том, что он никак не мог оставить Марго в покое. И я решил, что должен сам взяться за Адриана, если хочу, чтобы у него была хоть какая-то надежда на успех.

Первым делом ему надлежало изобразить равнодушие и перестать ходить по пятам за Марго, как ягненок ходит за овцой, а потому я начал брать его с собой, отправляясь изучать окружающую местность. Заманить его в поход было не очень сложно: спасаясь от Адриана, Марго стала подниматься чуть свет и исчезать из дома еще до его появления, так что он по большей части был предоставлен самому себе. Мама попыталась заинтересовать его кулинарным делом, но после того, как Адриан оставил открытым холодильник, загубив половину хранившихся там продуктов, подпалил полную жира сковороду, превратил отличную баранью ногу в нечто неуживаемое и уронил на пол в кухне полдюжины яиц, она была только рада поддержать мое предложение, чтобы он составил мне компанию.

Для человека, выросшего в городе, Адриан оказался прекрасным спутником. Он никогда не жаловался, терпеливо и точно исполнял мои лаконичные распоряжения вроде «Держи!» или «Не шевелись — укусит!» и проявлял искренний интерес к тварям, на которых мы охотились.

Как и предсказывал мистер Кравевский, неожиданное исчезновение Адриана заинтриговало Марго. Хотя она ни во что не ставила его знаки внимания, отсутствие их почему-то ее уязвляло. Она пожелала узнать, чем мы с Адрианом занимаемся целыми днями. Я ответил достаточно сухо, что Адриан помогает мне в моих зоологических изысканиях. Он отлично пре-

Д успеваает, добавил я; если так пойдет дальше, к концу лета я со спокойной душой смогу назвать его весьма компетентным натуралистом.

— Не представляю себе, как ты можешь водиться с таким пентюхом, — заявила она. — Лично я не встречала более скучного типа.

Я ответил, что это даже к лучшему, так как Адриан признался мне, что Марго ему тоже малость наскучила.

— Что? — возмутилась Марго. — Да как он смеет говорить такие слова, как он смеет!

Что ж, рассудительно ответил я, она сама виновата. В самом деле, как не посчитать скучным человека, который никогда не пойдет с тобой купаться или погулять и к тому же вечно грубит.

— Я не грублю, — сердито сказала Марго. — Просто я говорю правду. А если он желает погулять, будет ему прогулка. Надо же — наскучила ему!

Успех моего замысла так меня обрадовал, что я упустил из виду одно обстоятельство: Марго, как и другие члены моей семьи, могла стать весьма серьезным противником, если ее раздражить. Вечером того дня она вдруг повела себя с Адрианом так учтиво, так мило, что все, исключая саму жертву, были удивлены и встревожены. Очень ловко Марго перевела разговор на прогулки и заявила, что, поскольку Адриану уже недолго осталось гостить на острове, ему необходимо побольше увидеть. И что может быть лучше пешего похода? Да-да, промямлил Адриан, это и впрямь лучший способ знакомиться с местностью.

— Я как раз собиралась погулять послезавтра, — небрежно произнесла Марго. — Такую приятную прогулку задумала, жаль, что вы с Джерри так заняты, не то могли бы пойти со мной.

— О, пусть это вас не беспокоит, Джерри может справиться один, — ответил Адриан с достойным порицания равнодушием к моей персоне. — Я с удовольствием пойду!

— Вот хорошо! — пропела Марго. — Уверена, тебе понравится, я выбрала один из самых чудесных маршрутов.

— Это куда же? — осведомился Лесли.

— До Лианад, — беззаботным тоном сообщила Марго. — Я там сто лет не была.

— До Лианад? — повторил Лесли. — Прогулка? Да ведь это в другом конце острова. Не один час идти.

— Ну и что, захватим еду и проведем в походе весь день, — сказала Марго. И добавила лукаво: — Если, конечно, Адриан не возражает.

Было совершенно ясно, что Адриан не стал бы возражать, даже если бы Марго предложила плыть под водой в скафандре до Италии и обратно.

И объявил, что, пожалуй, пойду с ними, поскольку этот маршрут интересен с зоологической точки зрения. Марго одарила меня недобрым взглядом.

— Ладно, пойдешь, только веди себя прилично, — произнесла она, неопытно на что намекая.

Надо ли говорить, что Адриан бредил предстоящей прогулкой и превозмучил доброе сердце пригласившей его Марго. Однако я не разделял его максимизма. Объяснил ему, что до Лианада идти долго и будет очень жарко, но Адриан заявил, что это его ничуть не пугает. Зная незавидные физические данные Адриана, я сильно сомневался, что он выдержит, но не стал говорить об этом вслух, чтобы не уязвить его.

В назначенный день мы в пять утра собрались на веранде. На Адриане были добытые где-то огромные ботинки, подбитые гвоздями, длинные брюки и фланелевая рубашка. Когда я решился заметить, что такой наряд не очень-то годится для перехода через остров при температуре около сорока градусов в тени, Марго, к моему удивлению, возразила — дескать, на Адриана самая подходящая походная одежда, она лично выбирала. При этом ее ничуть не смущало, что сама она была одета в прозрачный купальник и сандалии, а я был в шортах и майке. На спине Марго висел внушительный рюкзак, видимо, с нашими съестными припасами, в руке она держала толстую палку. Я захватил коллекционную сумку и сачок.

Вот с таким снаряжением мы тронулись в путь, причем Марго с места развила чрезмерный, на мой взгляд, темп. Очень скоро Адриан весь облился потом, и лицо его порозовело. Марго, несмотря на мои возражения, шла нас по открытой местности, сторонясь тенистых оливковых рощ. Кончилось тем, что я отделился и шел под сенью деревьев в нескольких сотнях метров от них, не отставая ни на шаг. Боясь, что Марго назовет его хлюпиком, взмокнувший Адриан упорно топал за ней по пятам. На пятом часу похода он с трудом волочил ноги и сильно хромал; его серая рубашка почернела от пота, а лицо приобрело тревожный багровый оттенок.

— Как ты насчет того, чтобы передохнуть? — спросилась Марго.

— Разве что горло промочить, — прохрипел Адриан голосом дергача.

Я сказал, что это прекрасная идея; Марго остановилась и села на расклеванный камень на самом солнцепеке, где можно было бы запросто изжарить парочку быков. Скрытно порывшись в рюкзаке, она извлекла три бутылочки весьма сладкого шипучего лимонада местного производства.

— Вот, — сказала она, вручая нам по бутылочке. — Подкрепляйтесь.

Шипучий и не в меру сладкий напиток оказался к тому же горячим, так что он скорее усугубил, чем утолил нашу жажду. Около полудня мы наконец увидели берег моря, и в потускневших глазах Адриана затепли-

Д

лась искра надежды. Дойдем до воды, объявила Марго, можно будет отдохнуть и искупаться.

Добравшись до береговых круч, мы спустились через нагроможденные красных и коричневых глыб, которые придавали берегу сходство с распаханным кладбищем великанов. Адриан бросился на землю в тени огромного камня, увенчанного миртом и карликовой зонтичной пинией, и скинул рубашку и обувь. Мы увидели, что его ступни приобрели такой же тревожный багровый цвет, как лицо, да к тому же покрылись волдырями. По совету Марго, он для закалки окунул ноги в лужицу среди камней; тем временем мы с сестрой искупались и, освеженные морской водой, сели в тени под скалой. Я сказал, что теперь не мешало бы что-нибудь съесть и выпить.

— А ничего нет, — сообщила Марго.

Несколько секунд царила мертвая тишина.

— Как это, ничего нет? — спросил наконец Адриан. — А что же там в рюкзаке?

— А, это мои купальные принадлежности, — ответила Марго. — Я решила не брать еду, чтобы не перегружаться в такую жару, к тому же мы успеем вернуться к ужину, если скоро тронемся в путь.

— Как насчет чего-нибудь попить? — хрипло осведомился Адриан. Есть хоть еще лимонад?

— Конечно, нет, — раздраженно сказала Марго. — Я взяла три бутылочки, по одной на каждого, правильно? Уж очень они тяжелые. И вообще я не понимаю, с чего это ты расшумелся. Ты слишком много ешь, небольшой пост тебе только на пользу. Тебе не мешает спустить жир.

Никогда еще я не видел Адриана таким, казалось, он вот-вот вспылит.

— Я не желаю спускать жир, как ты выражаешься, — холодно произнес он. — А если бы и захотел, то не стал бы для этого шагать через весь остров.

— В том-то и беда, что ты размазня, — фыркнула Марго. — Стоит немного пройтись с тобой, как ты уже кричишь: дайте есть, дайте пить! Привык все время жить в роскоши.

— В такой день освежить горло — не роскошь, а необходимость, — возразил Адриан.

Не видя особого смысла в их споре, я взял пустые бутылки из-под лимонада и отправился к роднику, до которого было идти около километра вдоль берега. Дойдя туда, я увидел человека, расположившегося у источника, чтобы перекусить. Его изборожденное морщинами, смутное обветренное лицо украшали пышные черные усы. Ноги одеты в толстые носки из

оничьей шерсти, как было заведено у местных крестьян, когда они работали в поле; на земле рядом с ним лежала широкая тляпка.

— Калимера, — приветствовал он меня без тени удивления и вежливо указал рукой на источник, словно предлагая воспользоваться его собственностью.

Я поздоровался, лег ничком на сотворенный влагой коврик зеленого мха и припал губами к светлой пульсирующей струе под перышками венерина волоса. Я пил долго и жадно; никогда еще вода не казалась мне такой вкусной. Смочив голову и шею, я сел с довольным вздохом.

— Хорошая вода, — сказал крестьянин. — Сладкая, верно? Точно фрукты.

Я подтвердил, что вода вкуснейшая, затем принялся споласкивать и наполнять бутылки.

— Есть еще родник вон там, — он указал на крутой каменистый склон, — но та вода совсем другая, горькая, словно вдовий язык. А эта сладкая, добрая. Ты иностранец?

Набрав воды, я отвечал на вопросы, но мысли были заняты другим. Вблизи лежали остатки трапезы крестьянина — полкаравая желтого, как первоцвет, кукурузного хлеба, большие белые, лоснящиеся зубки чеснока и горсть крупных, черных, как жуки, морщинистых маслин. От этого зрелища у меня потекли слюнки, и я остро ощутил, что с раннего утра у меня ничего не было во рту. Наконец мой собеседник заметил, как я смотрю на его припасы, и с типично крестьянской щедростью взялся за складной нож, чтобы поделиться.

— Хлеба? — спросил он. — Ты хочешь хлеба?

Я ответил, что с удовольствием взял бы немного хлеба, но дело в том, что нас, так сказать, трое. Моя сестра и ее муж, приврал я, тоже умирают от голода там, среди скал. Крестьянин защелкнул нож, собрал остатки своего завтрака и подал мне.

— Отнеси им, — сказал он, улыбаясь. — Я уже поел, а доброе имя Корфу не допускает, чтобы иностранцы умирали с голоду.

От души поблагодарив его, я завернул чеснок и маслины в носовой платок, сунул под мышку хлеб и бутылки и зашагал обратно.

— Доброго пути! — крикнул он мне вслед. — Держись подальше от деревьев — гроза надвигается.

Поглядев на ослепительно голубое небо, я решил, что он ошибается, но вслух ничего не сказал. Возвратившись к своим, я увидел, что Адриан угрюмо купает ноги в луже, а Марго загорает на камне, мурлыкая себе под нос. Вид доставленных мной припасов привел их в восторг, и они на-

Д

бросились на золотистый хлеб, маслины и чеснок, словно изголодавшиеся волки.

— Ну, так, — бодро произнесла Марго, когда мы кончили есть, с таким видом, точно это она раздобыла провиант. — Это было прекрасно. А теперь, пожалуй, пора трогаться в обратный путь.

Тотчас возникло одно затруднение: ноги Адриана, блаженствовавшие в прохладной воде, так отекли, что потребовались наши с Марго объединенные усилия, чтобы обуть его. Но и после того, как мы втиснули ступни Адриана в ботинки, он еле-еле передвигался, ковыляя, точно престарелая черепашка.

— Нельзя ли прибавить шагу! — раздраженно крикнула Марго безнадежно отставшему Адриану, когда мы прошли километра полтора.

— Я не могу идти быстрее, ноги отваливаются, — жалобно отозвался он.

Сколько мы ни твердили, что он сторит, Адриан снял рубашку и подставил свою молочно-белую кожу солнцу и ветру. Чуть больше трех километров отделяло нас от дома, когда сбылось предсказание крестьянина насчет грозы. Летние грозы зарождались в гнезде кучевых облаков в горах Албании, откуда жгучий, словно дыхание топки, острый ветер стремительно нес их через море на Корфу. Этот самый ветер и обрушился теперь на нас, кусая кожу и слепя глаза пылью и ключьями листьев. Оливы стали из зеленых серебристыми, точно вдруг повернулся боком рыбий косяк, и ветер рвался через миллионы листьев с гулом, напоминающим исполинский прибой. Голубой небосвод с невероятной быстротой исчез за пеленой свинцовых туч, кромсаемых коленчатыми копьями бледно-лиловых молний. Неистовый палящий ветер усилился, и оливковые рощи зашуршали, качаясь, будто сотрясаемые могучим невидимым зверем. Затем хлынул дождь, крупные капли срывались с неба и хлестали нас, словно пущенные из рогатки. И надо всем царили властные громовые раскаты, гулкие, рокошующие, как будто там, за мятущимися облаками, миллионы звезд, сталкиваясь, разбивались на куски и рассыпались в пространстве лавиной обломков.

Давно не было такой чудесной грозы, и мы с Марго упивались животворным действием ливня и грома после знойного безветрия. Адриан не разделял нашего восторга; он принадлежал к числу несчастных людей, боящихся грозы, ему она представлялась чудовищным, устрашающим явлением природы. Мы пытались отвлечь его песнями, но за раскатами грома он нас не слышал. Упорно шагая вперед, мы наконец сквозь исполосанную дождем сумрачную листву олив увидели приветливые огни нашего дома. Когда мы пришли туда и Адриан, чуть живой, ввалился в холл, нас встретила мама.

— Где вы так долго пропадали, дети? Я уже начала волноваться, — сказала она, увидела Адриана и ахнула: — Боже мой, дорогой Адриан, чем ты занимался?

Вполне естественный вопрос, если учесть, что опаленные солнцем участки его кожи перемежались с живописными синяками, он с трудом передвигал ноги и стучал зубами так, что не в силах был слова вымолвить. Мама сперва отчитала его, потом пожалела и уложила в постель, где он и отлеживался ближайшие несколько дней с легким тепловым ударом, сильнейшим насморком и гноящимися ступнями.

— Честное слово, Марго, ну как на тебя не сердиться! — сказала мама. — Ты ведь знаешь, что у него слабое здоровье. Так можно и убить человека.

— Поделом ему, — ответила жестокосердая Марго. — Не надо было говорить, что со мной скучно. Как аукнется, так и откликнется.

Но Адриан, сам того не подозревая, сумел отыгаться: поправившись, он нашел в городе лавку, где продавали граммофонные иголки.

Звук трубы, свирели, цитры, цевницы, гуслей и симфонии, и всяких музыкальных орудий.

Книга пророка Данишла, 3-5

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

РАДОСТИ ДРУЖБЫ

Уже под конец лета мы устроили вечер, получивший название Индийского. Наши вечера, будь то тщательно планированные или родившиеся вдруг на голом месте, всегда были увлекательными, ибо редко все складывалось так, как было задумано. В те дни, живя в сельской местности без сомнительных благ в виде радио и телевидения, мы поневоле обходились такими нехитрыми видами развлечений, как книги, пререкания, вечера, смех друзей, а посему естественно, что вечера — особенно наиболее шумные — были настоящим праздником, коему предшествовали нескончаемые приготовления. И даже после благополучного завершения очередной вечеринки они еще долго давали пищу для восхитительно желчных споров по поводу упущенных возможностей.

В нашей жизни выдалась полоса относительного покоя, мама больше месяца отдыхала от вечеринок и гостей и пребывала в благодушном настроении. План нового праздника родился однажды утром, когда мы сиде-

Дли на веранде и читали свежую почту. Мама получила, в частности, огромную поваренную книгу под названием «Миллион аппетитных восточных рецептов», щедро иллюстрированную такими яркими глянцевыми изображениями, что прямо хоть вырывай страницу и ешь. Плененная этой книгой, мама читала нам вслух один рецепт за другим.

— «Мадрасское диво»! — восхищенно провозгласила она. — О, это такая прелесть. Помню это блюдо, ваш отец очень любил его, когда мы жили в Дарджилинге. А вот еще! «Консармерская услада»! Я уже который год ищу этот рецепт. Вкуснейшая вещь, только очень жирная.

— Если они и впрямь такие, как на картинке, — заметил Ларри, — то, отведав их, потом двадцать лет придется жить на одной соде.

— Не говори глупостей, милый. Все ингредиенты абсолютно натуральные — четыре фунта масла, шестнадцать яиц, восемь пинт сливок, ядро десяти молодых кокосовых орехов...

— Бесподобно! — отозвался Ларри. — Отличный завтрак для страсбургских гусей.

— Я уверена, что они тебе понравятся. Отец их просто обожал.

— Но я-то, кажется, сижу на диете, — вмешалась Марго. — Зачем же принуждать меня есть такие вещи.

— Никто тебя не принуждает, милая, — возразила мама. — Ты всегда можешь отказаться.

— Ты ведь знаешь, что я не в состоянии отказаться, вот и получается принуждение.

— Ешь отдельно, в другой комнате, — предложил Лесли, листая каталог, рекламирующий огнестрельное оружие, — если у тебя не хватает силы воли отказаться.

— С силой воли у меня все в порядке, — возмутилась Марго. — Только я не могу отказываться, когда мама угощает.

— Джиджи шлет приветы, — сообщил Ларри, отрываясь от письма, которое читал в эту минуту. — Пишет, что приедет к нам ко дню своего рождения.

— День рождения! — воскликнула Марго. — Это замечательно! Я так рада, что он не забыл.

— Такой славный юноша, — сказала мама. — И когда он приедет?

— Как только выйдет из больницы, — ответил Ларри.

— Из больницы? Он хворает?

— Нет, просто ему не повезло с левитацией, сломал ногу. Пишет, что день рождения шестнадцатого числа, и он постарается быть здесь пятнадцатого.

— Как я рада, — сказала мама. — Я очень его полюбила и уверена, что ему понравится эта книга.

— Знаете что, давайте как следует отпразднуем его день рождения, — побужденно предложила Марго. — Устроим настоящий, роскошный праздник, а?

— Хорошая мысль, — отозвался Лесли. — Мы уже сто лет не устраивали стоящих вечеров.

— И я могла бы приготовить что-нибудь по этим рецептам, — с увлечением подхватила мама.

— Восточный праздник! — воскликнул Ларри. — Скажем всем, пусть приходят в чалмах и с драгоценным камнем на пупе.

— Нет, по-моему, это слишком, — возразила мама. — Лучше небольшой, скромный, приятный...

— Как же ты можешь устраивать для Джиджи небольшой, скромный, приятный вечер, — заметил Лесли, — после того, что рассказывала ему про караваны в четыреста слонов. Он рассчитывает на что-нибудь выдающееся.

— Откуда ты взял четыреста слонов, милый? Я говорила только, что мы отправились в джунгли на слонах. Всегда-то вы, дети, преувеличиваете. К тому же откуда нам взять здесь столько слонов, на это он никак не может рассчитывать.

— Верно, но какое-нибудь представление надо организовать, — настаивал Лесли.

— Я приготовлю все декорации, — вызвалась Марго. — Все будет в восточном стиле. Одолжу у миссис Пападруя бирманские ширмы, а у Лены шесть страусовых перья...

— У нас ведь в городе в холодильнике хранятся кабанчик, утки и прочее, — вспомнил Лесли. — Пора уже до них добраться.

— Я попрошу рояль у графини Лефраки, — сказал Ларри.

— Да что это вы... постойте! — всполошилась мама. — Мы ведь не торжественный прием устраиваем, просто отмечаем день рождения.

— Чепуха, мама, нам только полезно малость выпустить пары, — снисходительно произнес Ларри.

— Верно, — подхватил Лесли, — взялся за гуж — не говори, что не дюж.

— И семь бед — один ответ, — добавила Марго.

— Или один обед, — не пожелал отстать Ларри.

— Теперь надо решить, кого приглашаем, — сказал Лесли.

— Теодора, конечно, — дружно отозвались мы.

— И бедняжку Крича, — объявил Ларри.

— Нет-нет, Ларри, — возразила мама. — Только не этого противного старого грубияна.

— Чепуха, мама, старикан обожает повеселиться.

Д

— А еще полковника Риббиндэйна, — сказал Лесли.

— Ну уж нет! — с жаром воскликнул Ларри. — Обойдемся без этого воплощения занудства, пусть даже он лучший стрелок на острове.

— Никакой он не зануда, — воинственно возразил Лесли. — Нисколько не хуже твоих паршивых друзей.

— Найди среди моих друзей хоть одного, кто бы целый вечер рассказывал односложными словами, сопровождая их неандертальским хрюканьем, как он застрелил гиппопотама на реке Нил в девятьсот четвертом году.

— Во всяком случае, это очень интересно, — пылко отпарировал Лесли, — куда интереснее, чем слушать болтовню твоих приятелей об этом проклятом искусстве.

— Ну-ну, не спорьте, милые, — миролюбиво сказала мама. — У нас для всех найдется место.

Я удалился под звуки продолжающейся перепалки, которая неизменно возникала, когда обсуждался список приглашаемых на вечеринки; для меня, пришел бы Теодор, и вечеру обеспечен успех. Выбор остальных гостей я предоставлял моим родным.

Приготовление к празднику набирали силу. Ларри удалось одолжить у графини Лефраки огромный рояль и тигровую шкуру на пол возле рояля, который был доставлен к нам на длинной четырехконной повозке с величайшей осторожностью, ибо являл собой любимый инструмент покойного графа. Наблюдавший за доставкой Ларри снял брезент, защищавший рояль от солнца, забрался на телегу и лихо исполнил «Провожая милочку домой», дабы удостовериться, что инструмент не пострадал от перевозки. Рояль был в полном порядке, разве что малость расстроен, и, хорошенько попыхтев, мы втащили его в гостиную. Стоя в углу, черный, с агатовым блеском, с лежащей перед ним великолепной, грозно оскаленной тигровой шкурой, он придавал всей комнате роскошный восточный вид, чему способствовали также декорации Марго — развешанные по всем стенам огромные листы бумаги с нарисованными на них минаретами, павлинами, великолепными дворцами и слонами в уборе из драгоценных камней. Кругом стояли вазы с покрашенными страусовыми перьями, висели гроздьями воздушные шары, словно кисти диковинных тропических плодов.

Кухня, разумеется, напоминала чрево Везувия; в мерцающем рубиновом свете полудюжины очагов и жаровен сновали мама и ее подручные. От стука, рубки и помешивания стоял такой шум, что не было слышно человеческого голоса, а расплывающиеся по дому ароматы достигали такой густоты, что облекали вас пряным плащом.

И заправлял всем хмурый и смуглый джинн — Спиро; грудь бочкой, голос быка, он был вездесущ. Тащил своими ручищами на кухню огромные

корюбки с продовольствием и фруктами, громогласно бранясь и обливаясь потом, помогал втаскивать в столовую и составлять вместе три обеденных стола, снабжал Марго импортерами, а маму — редкостными специями и другими деликатесами. Именно в такие минуты мы особенно сильно ощущали, какой это незаменимый человек. Для Спиро не было ничего невозможного. «Я сделать», — говорил он. И делал — добывал фрукты независимо от сезона, отыскивал настройщика роялей, хотя, по всем данным, эта порода людей вымерла на Корфу еще в конце прошлого столетия. Право же, не будь Спиро, вряд ли хоть одна из наших вечеринок продвинулась бы дальше стадии планирования.

Наконец все готово. Раздвижные двери между столовой и гостиной расступились, и образовавшееся просторное помещение пестрело цветами, издушенными шарами и картинами, длинные столы с белоснежными скатертями сверкали серебром, подсобные столики кряхтели под тяжестью холодных закусок. Молочный поросенок с апельсином во рту, коричневый и лоснящийся, как мумия, возлежал рядом с влажным от вина и сладкого маринада кабаньим окороком, насаженным бусинами чеснока и круглыми семенами кориандра; груды поджаристых цыплят и индюшат чередовались с дикими утками, начиненными канадским рисом, миндалем и кишмишем, и с вальдшнепами, насаженными на бамбуковые прутья; горы риса с шафраном, желтые, как летняя луна, напрашивались на сравнение с ожидающим своего археолога курганом — так густо они были усеяны нежными розовыми кусочками осьминога, жареным миндалем, грецкими орехами, мелким зеленым виноградом, бугристыми корнями имбиря и орешками кедровидной сосны. Доставленную мною с озера кефаль поджарили и закоптили, и теперь она, политая растительным маслом и лимонным соком, лоснилась коричневой корочкой с нефритовыми кляксами укропа; рыбы лежали рядами на больших блюдах, словно причаленные в гавани флотилии диковинных лодок.

Все это перемежалось блюдами с менее значительной снедью; апельсиновыми и лимонными цукатами, сладкой кукурузой, тонкими овсяными лепешками с алмазными крупинками морской соли, кисло-сладкой фруктовой приправой и соленьями самого разного цвета, запаха и вкуса, призванными раздражить и ублажить вкусовые сосочки. Это была вершина кулинарного искусства; сотни диковинных корней и семян отдали свои чистые соки, овощи и фрукты пожертвовали кожурой и мякотью, чтобы игрица и рыба могли купаться в изысканно пахнущих подливах и маринадах. Желудок трепетал перед таким изобилием съедобных красок и запахов, казалось, вам предстоит вкушать великолепный сад, многоцветные голубены, и клеточки легких наполнятся волнами благоуханий до такой сте-

Д пени, что вы будете одурманены и обездвижены, подобно жуку в гуще розовых лепестков.

Вместе с псами я несколько раз прокрадывался на цыпочках в столовую, чтобы полюбоваться аппетитной картиной; мы стояли, пока рот не переполнялся слюной, после чего нехотя удалялись. Мы не могли дождаться начала вечеринки.

Пароход, на котором плыл Джиджи, запаздывал, и наш друг прибыл утром своего дня рождения. На нем было восхитительное одеяние переливчатого синего цвета; голову венчал ослепительно белый тюрбан. Джиджи тяжело опирался на трость, но этим и ограничивались последствия несчастного случая, и он был все так же полон энтузиазма. Когда мы показали ему все, что приготовили, он неожиданно для нас разрыдался.

— Подумать только, — всхлипывал он, — мне, сыну простого мусорщика, такой почет.

— Ну что вы, пустяки, — возразила мама, несколько встревоженная его реакцией. — Мы часто устраиваем маленькие вечеринки.

Поскольку наша гостиная сочетала приметы древнеримского пиршества и главной выставки цветов Великобритании, мамины слова позволяли заключить, что мы постоянно устраивали приемы, которым могла бы позавидовать династия Тюдоров.

— Чепуха, Джиджи! — сказал Ларри. — С каких это пор ты стал неприкасаемым! Твой отец был юристом.

— Ну и что, — ответил Джиджи, вытирая слезы. — Принадлежи мой отец к другой касте, и я был бы неприкасаемым. Твоя беда в том, что ты лишен драматической жилки. Представляешь, какую поэму я мог бы написать — «Неприкасаемый пир».

— Что такое «неприкасаемый»? — обратилась Марго к Лесли громким шепотом.

— Это болезнь, вроде проказы, — серьезно ответил тот.

— Боже мой! — воскликнула Марго. — Надеюсь, он точно знает, что не болен проказой. Откуда ему известно, что его отец не заразный?

— Марго, милая, — мягко произнесла мама, — можно тебя попросить, чтобы ты пошла и помешала чечевицу?

Во время роскошного завтрака на веранде Джиджи развлекал нас рассказами о своем путешествии в Иран и пел Марго персидские любовные песни с таким жаром, что псы дружно ему подвывали.

— О, ты должен спеть какую-нибудь из этих песенок сегодня вечером, — радостно заявила Марго. — Прошу тебя, Джиджи. Все будут что-нибудь исполнять.

— Что ты подразумеваешь, милая Марго? — спросил заинтригованный Джиджи.

— Мы впервые это задумали, будет что-то вроде кабаре, — объяснила Марго. — Каждый должен что-то изобразить. Лена исполнит оперную арию, что-нибудь из «Розового кавалера»... Теодор и Кравевский покажут один из фокусов Гудини... словом, все участвуют... и ты должен спеть персидскую песенку.

— А почему бы мне не выступить с чем-нибудь таким, что ближе моей родной Индии? — осенило Джиджи. — Я могу показать левитацию.

— Нет-нет, — решительно вмешалась мама. — Я хочу, чтобы вечер прошел удачно. Никаких левитаций.

— А правда, что-нибудь типично индийское, — поддержала Марго нашего гостя. — Знаю — изобрази заклинателя змей!

— Вот-вот, — подхватил Ларри. — Простой типичный неприкасаемый индийский заклинатель змей.

— Боже мой! — воскликнул Джиджи с сияющими глазами. — Чудесная мысль! Так и сделаю.

Желая быть полезным, я заявил, что могу одолжить Джиджи полную корзину маленьких безобидных веретениц, и он был очень доволен, что сможет заклинать настоящих змей. После чего мы разошлись, чтобы отдохнуть и подготовиться к великому событию.

В небе пролегли зеленые, розовые, дымчатые полосы, и совы уже свистели среди темных олив, когда начали прибывать гости. В числе первых была Лена с томом оперной партитуры под мышкой и в роскошном вечернем платье из оранжевого шелка, хотя она знала, что речь идет о вечеринке, а не о торжественном приеме.

— Дорогие мои, — произнесла она вибрирующим сопрано, сверкая черными глазами, — сегодня я в голосе. Чувствую, что не посрамлю творения мастера. Нет-нет, только не анисовки, она может подействовать на голосовые связки. Чуть-чуть шампанского и бренди, больше ничего. Я чувствую, как мое горло вибрирует, вы понимаете?.. Словно арфа.

— Как чудесно, — лицемерно отозвалась мама. — Я уверена, что мы будем в восторге.

— У нее восхитительный голос, мама, — сказала Марго. — Это меццо-тинто.

— Сопрано, — сухо поправила Лена.

Теодор и Кравевский явились вместе, неся веревку, цепи и несколько всяких замков.

— Надеюсь, — сказал Теодор, покачиваясь на каблуках, — надеюсь, наш... э... маленький... словом... наш маленький иллюзионный номер пройдет удачно. Правда, мы еще ни разу его не исполняли.

Я — Я исполнял, — важно произнес Кравлевский. — Меня учил сам Гудини. Он даже похвалил меня за ловкость. «Ричард, — сказал он, ведь мы с ним были на «ты», — Ричард, я в жизни не видел такой ловкости рук, если не считать самого себя».

— В самом деле? — сказала мама. — Ну, я уверена, что успех будет полным.

Капитан Крич прибыл в помятом цилиндре. Лицо его успело приобрести малиновый оттенок, седой пушок на голове и подбородке, казалось, готов был улететь от малейшего дуновения ветра. Его пошатывало сильнее обычного, и сломанная челюсть выглядела особенно кривой. Было очевидно, что он уже где-то основательно хлебнул. Глядя, как он вваливается в дверь, мама напряглась и изобразила улыбку.

— Ей-богу, нынче вы великолепно выглядите! — объявил капитан, покачиваясь и с вождением потирая руки. — Видать, за последнее время малость в весе прибавили, а?

— Не думаю, — сухо ответила мама.

Капитан смерил ее критическим взглядом.

— Во всяком случае, турнир сегодня попышнее обычного, — заметил он.

— Я попросила бы вас, капитан, воздержаться от замечаний, задевающих личность, — холодно отозвалась мама.

Но капитану море было по колено.

— Меня это вовсе не пугает, — доверительно продолжал он. — Люблю женщин, у которых есть за что подержаться. Худая женщина в постели — совсем не то, все равно что ехать верхом без седла.

— Меня несколько не интересуют ваши вкусы в постели или вне ее, — резко сказала мама.

— Верно, — покладисто ответил капитан. — Есть и другие места, сколько угодно. Знал я девицу, которая была чудо как хороша на верблюде. Бедуинская Берта было ее прозвище.

— Прошу вас, капитан, держите про себя свои воспоминания, — ответила мама, лихорадочно ища глазами Ларри.

— Я думал, вам это будет интересно. Спина верблюда — не самое удобное место, тут требуется навык.

— Меня не интересуют навыки ваших знакомых женского пола. А теперь извините, мне надо пойти заняться столом.

Все новые экипажи под цоканье копыт подкатывали к нашему крыльцу, и все новые машины исторгали гостей из своего чрева. Комнаты наполнялись причудливым собранием приглашенных. В одном углу Кравле-

ский — этакий озабоченный горбатый гном — рассказывал Лене про свое знакомство с Гудини.

— «Гарри, — говорю я ему, мы ведь были близкие друзья, — Гарри, поведай меня в любые секреты по твоему выбору, я никому не открою. На моих губах печать молчания».

Кравевский глотнул вина и поджал губы, показывая, как они были запечатаны.

— В самом деле? — отозвалась Лена безо всякого интереса. — Да, и певческом мире совсем по-иному. Мы, артисты, охотно делимся своими секретами. Помню, как Крася Тупти сказала мне: «Лена, у тебя такой восхитительный голос, что я не могу слушать без слез. Я научила тебя всему, что умела сама. Ступай, неси миру факел своего таланта».

— Я не к тому, что Гарри Гудини был такой уж скрытный, — сухо произнес Кравевский. — Я не знал более щедрого человека. Представьте, он даже показал мне, как распилить женщину пополам.

— Боже мой, это, наверно, очень любопытно — быть разрезанной пополам, — задумчиво сказала Лена. — Вообразите: одна половина беседует с епископом, а у второй в это время роман в соседней комнате. Вот потеха!

— Это всего лишь иллюзия, — объяснил Кравевский, зардевшись.

— Как и вся наша жизнь, — с чувством произнесла Лена. — Как и вся наша жизнь, друг мой.

От столиков, где стояли напитки, доносились пьянящие звуки. Хлопали пробки шампанского, и светлая влага цвета хризантемы наполняла фужеры, весело шипя пузырьками; крепкое красное вино, густое, как кровь мифического чудовища, с бульканьем лилось в кубки, покрываясь витиеватым узором из розовых пузырьков; холодное белое вино, мерцающая брильянтами и топазами, звонкой припрыжкой устремлялось в бокалы. Прозрачная, чистая анисовка напоминала безмятежное горное озерко, но вот в нее доливают воду, и в рюмке, точно по мановению волшебной палочки, рождаются мутные вихри, сгущаясь в летнее облачко цвета лунного камня.

Затем мы перешли в помещение, где нас ожидало великое обилие яств. Бывший дворецкий короля, щедедушный, как богомол, командовал крестьянскими девушками, занятыми сервировкой. Спиро, сосредоточенно хмуря брови, старательно разрезал птицу и окорока. Кравевского притиснула к стене могучая, как у моржа, туша Риббиндэйна; пышные усы полковника нависали штормом над его губами, а выпученные глаза сверлили Кравевского парализующим взглядом.

— Гиппопотам, или речная лошадь, — одно из самых крупных четвероногих Африканского континента, — рокотал полковник, словно читая лекцию в классе.

Да — Да-да... фантастический зверь, несомненно, одно из чудес природы, — поддакивал Кравевский, лихорадочно высматривая пути для бегства.

— Когда стреляете в гиппопотама, или речную лошадь, — продолжал рокотать полковник Риббиндэйн, не слушая его, — как мне посчастливилось делать, цельтесь между глаз и ушей, чтобы пуля поразила мозг.

— Да-да, конечно, — соглашался Кравевский, загнипнотизированный выпуклыми голубыми глазами полковника.

— Бабах! — крикнул полковник так громко и неожиданно, что Кравевский едва не выронил тарелку. — Вы попали между глаз... Шлеп! Хрясь!.. Прямо в мозг, понятно?

— Да-да, — подтвердил Кравевский, давясь и бледнея.

— Хлюп! — не унимался полковник. — Мозги брызжут во все стороны.

Кравевский в ужасе зажмурился и отставил тарелку с недоеденной порцией молочного поросенка.

— После чего он тонет, — продолжал полковник Риббиндэйн. — Идет прямо ко дну реки... буль, буль, буль. Затем вы ждете сутки — знаете, почему?

— Нет... я... э... — промямлил Кравевский, глотая воздух.

— Вспучивание, — удовлетворенно объяснил полковник. — Вся эта наполовину переваренная пища в его желудке, ясно? Она разлагается и выделяет газ. Брюхо раздувается, точно воздушный шар, и бегемот всплывает.

— К-как интересно, — пробормотал Кравевский. — Но если позволите, я...

— Чудно с этим содержимым желудка, — задумчиво произнес полковник Риббиндэйн, игнорируя попытки собеседника совершить побег. — Брюхо раздувается вдвое против обычного, и когда вы его вспорете — ш-ш-ш-ш! Все равно что вспороть цеппелин, наполненный нечистотами, ясно?

Кравевский прижал ко рту носовой платок и озирался с мукой во взгляде.

— А вот со слоном, самым крупным четвероногим Африканского континента, поступают иначе, — знай себе рокотал полковник, отправляя в рот кусок поджаристого поросенка. — Вообразите, пигмеи вспарывают ему брюхо, залезают внутрь и пожирают печень — сырую, с кровью... можно сказать, живую еще. Чудной народец, эти пигмеи... туземцы, что там говорить...

Кравевский, приобретя нежный желтовато-зеленый оттенок, прорвался наконец на веранду и замер там в лунном свете, хватая ртом воздух.

Молочные поросята исчезли, от бараньих и кабаньих окороков остались белые кости; грудины и ребрышки цыпят, индюшат и уток лежали, точно остовы опрокинутых лодок. Джиджи, отведав по настоящему мамы всего понемногу и заявив, что в жизни не едал ничего даже отдаленно по-

хожего, затеял с Теодором состязание — кто поглотит больше печений «Таджмахалская улада».

— Изумительно, — невнятно произнес Джиджи с полным ртом. — Просто изумительно, дорогая миссис Даррелл. Вы олицетворяете верх кулинарного гения.

— Что верно, то верно, — подтвердил Теодор, хрустя очередной «Таджмахалской усладой». — Превосходнейшее печенье. Что-то в этом роде делают в Македонии... э... гм... но тесто на козьем молоке.

— Джиджи, ты в самом деле сломал ногу при левитации или как это называется? — спросила Марго.

— Нет, — скорбно ответил Джиджи. — Будь это так — не обидно, хоть причина уважительная. Нет, в этом проклятом дурацком отеле, где я жил, в спальнях стеклянные двери, а на балконы поскупились.

— Совсем как здесь, на Корфу, — заметил Лесли.

— И вот однажды вечером я забыл об этом, решил выйти на балкон, чтобы проделать дыхательные упражнения, а балкона, сами понимаете, не оказалось.

— Вы могли убиться насмерть, — сказала мама. — Берите еще печенки.

— Что такое смерть? — спросил Джиджи с пафосом. — Метаморфозы — вы меняете кожу, только и всего. В Иране я погружался в глубокий транс, и мой друг смог получить неопровержимые доказательства, что в предыдущей жизни я был Чингисханом.

— Ты про кинозвезду говоришь? — У Марго округлились глаза.

— Нет, дорогая Марго, про великого воина, — ответил Джиджи.

— Ты хочешь сказать, что вспомнил, как был Чингисханом? — заинтересовался Лесли.

— Увы, этого не было, я находился в трансе, — грустно сказал Джиджи. — Человеку не дано вспоминать предыдущие жизни.

— Одно печенье два раза не съешь! — воскликнул Теодор, довольный тем, что нашел актуальное сравнение.

— Хоть бы поскорее все кончали есть, — заметила Марго, — чтобы можно было начинать выступления.

— Спешить с такой трапезой было бы кощунством, — заявил Джиджи. — Времени у нас хватит, вся ночь еще впереди. К тому же нам с Джерри надо собрать пресмыкающихся актеров вспомогательного состава.

На подготовку представления ушло немало времени — после доброй трапезы с возлияниями все были тяжелы на подъем; в конце концов Марго все же удалось собрать труппу. Она предложила роль ведущего Ларри, но он отказался, говоря, что не может быть ведущим, если она хочет, чтобы он сам выступил с номером. И Марго ничего не оставалось, как принять

Д удар на себя. Чуть румяная от волнения, она ступила на тигровую шкуру у рояля и попросила тишины.

— Леди и джентльмены, — начала она, — сегодня вечером для вашего увеселения у нас выступают лучшие таланты острова, и я не сомневаюсь, что всем вам доставят удовольствие таланты этих талантливых талантов.

Марго остановилась, покраснев еще сильнее, и Кравлевский галантно первым захлопал в ладоши.

— Для начала представляю вам Константине Мегалотополопопулоса, — продолжала Марго, — нашего аккомпаниатора.

Маленький толстенький грек, этакая чернявая божья коровка, просеменил в комнату, поклонился и сел за рояль. Еще одно из достижений Спиро: мистер Мегалотополопопулос, по профессии помощник драпировщика, не только умел играть на рояле, но и читал с листа.

— А теперь, — объявила Марго, — с великим удовольствием представляю вам очень талантливую артистку Лену Маврокондас, которой аккомпанирует на рояле Константине Мегалотополопопулос. Лена споет большую арию из «Розового кавалера» — «Подношение розы».

Лена, яркая, как тигровая лилия, проплыла к роялю, поклонилась Константине, аккуратно сложила ладони поверх диафрагмы, точно защищая ее от ударов, и запела.

— Прелестно, прелестно, — сказал Кравлевский, когда она кончила и поблагодарила нас поклоном за аплодисменты. — Виртуозное исполнение.

— Вот именно, — подхватил Ларри. — В лондонском «Ковент-Гардене» такую манеру исполнения называют «Три В».

— «Три В»? — заинтересовался Кравлевский. — Что это значит?

— Вим, вибрато и волюм, — объяснил Ларри. — Сила, вибрация, напор.

— Объяви, что я спою на «бис», — тихо обратилась Лена к Марго, пошептавшись с Константине Мегалотополопопулосом.

— Конечно, это замечательно, — взволнованно отозвалась Марго, не ожидавшая такой щедрости. — Леди и джентльмены, а теперь Лена исполнит другую песню, называется «На «бис».

Лена наградила Марго убийственным взглядом и приступила к исполнению с такой энергией и таким обилием жестов, что даже Крич был поражен.

— Клянусь богом, какая смазливая девчонка! — воскликнул он, и глаза его увлажнились от восторга.

— Да-да, настоящая артистка, — согласился Кравлевский.

— Какая грудная клетка! — восхищался Крич. — Обводы — что твой линкор.

Лена закончила нотой, словно заимствованной у цитры, и поклонилась им аплодисменты — достаточно громкие, однако не слишком горячие и продолжительные, чтобы не поощрить певицу на еще один «бис».

— Спасибо, Лена, это было замечательно, совсем как в настоящем концерте, — сказала сияющая Марго. — А теперь, леди и джентльмены, представляю вам знаменитых артистов-эскапистов Коварно-Кравлевского и его партнера Скользя-Стефанидеса.

— Господи! — вымолвил Ларри. — Кто придумал такие имена?

— Ты еще спрашиваешь? — удивился Лесли. — Теодор. Кравлевский хотел назвать номер «Таинственные иллюзионисты-эскапологи», но Марго не могла поручиться, что выговорит это правильно.

— Спасибо и на этом, — заключил Ларри.

Теодор и Кравлевский прошагали к роялю, гремя цепями и замками.

— Леди и джентльмены, — объявил Кравлевский. — Сегодня вечером мы покажем вам трюки, которые ошеломят вас, трюки, настолько таинственные, что вы страстно пожелаете узнать, как они выполняются.

Он остановился и строго посмотрел на Теодора, который нечаянно уронил на пол одну цепь.

— Для первого трюка я попрошу моего ассистента не только крепко связать меня веревкой, но и заковать в цепи.

Послушно похлопав в ладоши, мы с восторгом стали смотреть, как Теодор обматывает Кравлевского веревками и цепями. Время от времени до нашего слуха доносилась приглушенная перебранка.

— Что-то я... э... словом... гм... забыл, какой узел вязать... Гм... да... как ты сказал: сперва замок? Ах, да, вот он... гм... э... секундочку.

Наконец Теодор с виноватым видом повернулся к зрителям.

— Я должен извиниться... э... словом... э... что дело идет медленно, — сообщил он. — Но у нас не было времени... э... попрактиковаться то есть...

— Давай живей! — прошипел Кравлевский. В конце концов Теодор наматал на Кравлевского столько цепей и веревок, что тот выглядел так, словно вышел из гробницы Тутанхамона.

— А теперь, — объявил Теодор, указывая на обездвиженного Кравлевского, — есть ли желающие... э... словом... проверить узлы?

Полковник Риббиндэйн проковылял к артистам.

— Э... гм... — испуганно промямлил Теодор, не ожидавший, что найдутся желающие, — боюсь, я буду вынужден просить вас... гм... так сказать... не очень сильно дергать узлы... э... гм.

Полковник Риббиндэйн обследовал узлы так тщательно, точно дело происходило в тюрьме и он был старшим надзирателем. Наконец он с яв-

Д

ной неохотой возвестил, что узлы в порядке. Теодор с облегчением вышел вперед и снова указал на Кралевского.

— А теперь мой ассистент, вернее, мой партнер, покажет вам, насколько... это легко... э... словом... гм... освободиться от... э... гм... нескольких ярдов... точнее, футов... хотя, конечно, здесь, в Греции, следовало бы сказать метров... э... гм... от нескольких метров... э... веревок и цепей.

Он отступил назад, и мы дружно уставились на Кралевского.

— Ширму! — зашипел тот Теодору.

— А! Гм... конечно, — сказал Теодор и напрягся, устанавливая ширму перед Кралевским.

Последовала долгая зловещая пауза, во время которой из-за ширмы доносились тяжелое дыхание и звон цепей.

— Боже мой, — произнесла Марго. — Надеюсь, он все же справится.

— Что-то я сомневаюсь, — отозвался Лесли. — Очень уж замки ржавые на вид.

Однако в эту минуту, к нашему удивлению, Теодор отодвинул ширму, и мы увидели, что Кралевский, малость раскрасневшийся и всклокоченный, стоит совершенно свободный, а цепи и веревки лежат вокруг него на полу.

Мы аплодировали от души, и Кралевский купался в волнах одобрения.

— Мой следующий трюк, — важно объявил он, — трудный и опасный трюк, займет довольно много времени. Мой ассистент свяжет меня и закует в цепи, узлы могут быть проверены — ха-ха! — скептиками из числа присутствующих, после чего меня запрут в герметичном ящике. А спустя некоторое время вы увидите, как я чудесным образом выйду из ящика, однако мне требуется время, чтобы совершить это... э... чудо. А вы пока сможете посмотреть следующий номер.

Спиро и Мегалотополопопулос втащили в комнату чрезвычайно тяжелый бельевой сундук из оливкового дерева. Его размеры оказались идеальными, ибо после того, как Кралевского связали веревками и заковали в цепи и недоверчивый полковник Риббиндэйн тщательно проверил узлы, Кралевский, поднятый сильными руками Спиро и Теодора, впился в чрево сундука, точно улитка в свой домик. Теодор картинным жестом захлопнул крышку и запер ее на замок.

— А теперь, когда мой ассис... э... мой... э... гм... то есть партнер... подаст сигнал, я выпущу его, — сообщил он. — Представление продолжается!

— Не нравится мне это, — заметила мама. — Надеюсь, мистер Кралевский знает, что делает.

— Сомневаюсь, — мрачно произнес Лесли.

— Слишком уж это похоже на... ну... на погребение заживо.

— Может быть, когда мы откроем сундук, окажется, что он превратился в Эдгара Аллана По, — оптимистически предположил Ларри.

— Все будет в порядке, миссис Даррелл, — сказал Теодор. — Я могу общаться с ним условными стуками... гм... вроде азбуки Морзе.

— А теперь, — возвестила Марго, — пока мы ожидаем, чтобы Коварно-Кравевский освободился, перед вами выступит сногшибательный заклинатель змей с Востока, Принц Джиджибой.

Мегалотополопопулос взял на рояле несколько вибрирующих аккордов, и в комнату быстро вошел Джиджи. Он сбросил свое роскошное одеяние и остался лишь в тюрбане и набедренной повязке. Поскольку ему не удалось найти флейты для заклинания змей, он держал в руке скрипку, которую Спиро по его просьбе одолжил у кого-то в деревне; в другой руке у него была корзина с живым реквизитом. Джиджи с презрением отверг вертепниц, когда увидел их, посчитав, что они слишком малы, чтобы с их помощью культивировать образ Матери Индии. Вместо этого он одолжил у меня немолодого ужа длиной около восьмидесяти сантиметров, который к людям относился крайне отрицательно. Когда Джиджи поклонился публике, с корзины слетела крышка, и уж, явно недовольный всем происходящим, вывалился на пол.

Все перепугались, а Джиджи спокойно сел, скрестив ноги, на пол возле свернувшегося спиралью ужа, зажал подбородком скрипку и начал играть. Постепенно испуг прошел, и мы все с восхищением смотрели, как Джиджи, покачиваясь из стороны в сторону, извлекает из скрипки душераздирающие звуки на глазах у настороженной и раздраженной змеи. В этот момент послышался громкий стук в сундуке, где был заточен Кравевский.

— Ага! — воскликнул Теодор. — Сигнал.

Он подошел к сундуку, наклонился, распушив бороду, и застучал по крышке, словно дятел. Все, включая Джиджи, сосредоточили свое внимание на нем, и тут уж перешел в наступление. К счастью, Джиджи успел отпрыгнуть, так что уж смог лишь вцепиться зубами в набедренную повязку, зато вцепился он мертвой хваткой.

— О! Господи! — вскричал сногшибательный заклинатель змей с Востока. — Эй, Джерри, скорей сюда, он кусает меня в пах.

Минуло несколько минут, прежде чем я убедил его стоять смирно, чтобы я мог извлечь ужа из набедренной повязки. Тем временем Теодор при помощи азбуки Морзе вел продолжительный диалог с запертым в сундуке Кравевским.

Д — Боюсь, я не могу продолжать, — сказал Джиджи, принимая дрожащей рукой стаканчик бренди, поданный ему мамой. — Он пытался укусить меня ниже пояса!

— Похоже, он задержится еще на минуту-другую, — сообщил Теодор. — У него что-то не ладится... э... то есть затруднения с замками. Во всяком случае, я так его понял.

— Тогда я объявлю следующий номер, — сказала Марго.

— Подумать только, — пролепетал Джиджи, — это ведь могла быть кобра.

— Нет-нет, — возразил Теодор. — Здесь, на Корфу, не водятся кобры.

— А теперь, — возвестила Марго, — перед нами выступит капитан Крич, он исполнит нам старые песни, и я уверена, что вы ему подпоете. Капитан Крич!

Капитан, лихо сдвинув на ухо свой цилиндр, протопал к роялю и изобразил несколько тяжеловесных па, крутя в руке добытую где-то трость.

— Старые матросские песни, — проревел он, подцепляя концом трости цилиндр и ловко вращая его в воздухе. — Старые матросские песни. Все подхватывают хором.

Он исполнил еще несколько па, продолжая вращать цилиндр, и запел в такт мелодии, которую барабанил на рояле Мегалотополопопулос.

А Пэдди, он ирландец был.
Из Донегола родом.
В девчонках разжигал он пыл...

Дальше говорилось о некоторых анатомических подробностях, которые не мешали Пэдди пользоваться успехом у девушек.

Завершался куплет таким припевом:

О, фолдерол и фолдерэй,
Морская жизнь не сахар,
Так действуй и не ахай,
Когда подружка или друг
В тебе желанье разожгут.

— Ну, знаешь, Ларри! — гневно воскликнула мама. — Это ты называешь увеселением!

— Что ты на меня набросилась? — удивился Ларри. — Я тут совершенно ни при чем.

— Ты пригласил этого гадкого старикашку, он твой друг.

— Но разве я могу отвечать за то, что он поет? — раздраженно осведомился Ларри.

— Немедленно прекрати это, — заявила мама. — Ужасный старик.

— До чего ловко он крутит свой цилиндр, — с завистью произнес Теодор. — Интересно... как... э... он это делает?

— Меня не интересует его цилиндр, я говорю про пение.

— Отличная песенка, типичный мюзик-холл, — сказал Ларри. — Не понимаю, что ты так кипятишься.

— Лично я к таким песенкам непривычна, — отрезала мама.

А Блодвин, из Кардиффа родом,
Валлийская девчонка... —

горланил капитан, доводя до сведения слушателей, чем Блодвин отличалась от других юных особ.

— Мерзкий старый дурень! — выпалила мама. — Если ты не считаешься со мной, мог бы подумать о Джерри.

— Чего ты хочешь от меня? Чтобы я писал ему тексты? — осведомился Ларри.

— Вы... словом... вы не слышите стук? — спросил Теодор.

— Не прикидывайся дурачком, Ларри, ты великолепно знаешь, что я подразумеваю.

— Уж не готов ли он там... гм... дело в том, что я не помню точно, о каком сигнале мы условились, — признался Теодор.

— И почему тебе непременно надо все валить на меня? — допытывался Ларри. — Если ты в плену предрассудков...

— Какие там предрассудки, — возмутилась мама. — По чести говоря, я порой чересчур терпима.

— Кажется, должно быть два редких и три частых стука, — размышлял вслух Теодор. — Но может быть, я ошибаюсь.

Капитан Крич тем временем пел о причудах английской девушки из Стоук-он-Трента, доставлявших немало забот молодым людям.

— Нет, ты только послушай! — возмущалась мама. — Это переходит все границы. Ларри, останови его.

— Тебе не нравится, ты и останавливай.

— Честное слово, Ларри, ты не знаешь меры. Это ничуть не смешно.

— Да ладно, он уже прошелся по Ирландии, Уэльсу и Англии, — ответил Ларри. — Осталась одна Шотландия, если только он не переберется на континент.

— Не позволяй ему этого делать! — воскликнула мама в ужасе от такой мысли.

— Знаете, пожалуй, мне все-таки следует открыть сундук и поглядеть, — задумчиво произнес Теодор. — На всякий случай.

Д — Перестань изображать ханжу, — сказал Ларри. — Обыкновенный безобидный юмор.

— Я представляю себе невинный юмор совсем иначе, — отрезала мама. — И я желаю, чтобы это было прекращено.

А Энгус, он шотландец был,
Из Абердина родом...

— Вот видишь, он уже в Шотландии, — сказал Ларри.

— Э... я не хотел бы мешать капитану, — протянул Теодор, — но, пожалуйста, стоит все же взглянуть...

— А хоть бы и до крайней северной точки Великобритании дошел, — настаивала мама. — Это нужно прекратить.

Теодор прошел на цыпочках к сундуку и теперь озабоченно рылся в карманах; к нему присоединился Лесли, и они вместе обсуждали, как быть с погребенным Кралеvским. Я увидел, как Лесли тщетно пытается поднять крышку, поскольку стало очевидно, что Теодор потерял ключ. Капитан продолжал в том же духе:

А Фриц, он чистый немец был,
Родился он в Берлине...

— Ну вот! — сказала мама. — Он принялся за континент. Ларри, остави его!

— И что ты расшумелась, точно лорд Чемберлен, — произнес Ларри с досадой. — Программу ведет Марго, скажи ей, пусть останавливает.

— Слава богу, что большинство гостей не настолько хорошо знают английский, чтобы все понимать, — вздохнула мама. — Но что думают остальные...

О, фолдерол и фолдерэй,
Морская жизнь не сахар...

— Я показала бы ему сахар, будь это в моей власти, — сказала мама. — Старый растленный дурень.

Тем временем к Лесли и Теодору присоединился Спиро; он принес лапчатый лом, и втроем они принялись взламывать крышку сундука.

А Франсуаза, Бреста дочь,
Французская девчонка...

— Я изо всех сил стараюсь быть терпимой, — сказала мама, — но все-таки есть предел.

— Скажите, мои дорогие, — вмешалась Лена, внимательно слушавшая капитана. — Как это понимать: «С прибылью?»

— Это... это... такая английская шутка, — ответила мама с отчаянием в голосе. — Вроде каламбура, понимаешь?

— Ну да, — подхватил Ларри. — Когда девушка непорочная...

— Остановись, Ларри, — властно произнесла мама. — Мало нам капитана, еще и ты туда же.

— Мама, — сказала Марго, только теперь заметившая возню у сундука. — Похоже, Кралевский задыхается.

— Как это — непорочная? — недоумевала Лена. — Объясните мне.

— Не обращай внимания, Лена, просто Ларри пошутил.

— Если он задыхается, может быть, лучше сказать капитану, чтобы он кончил петь? — спросила Марго.

— Превосходная мысль! Пойди и скажи сейчас же, — обрадовалась мама.

Лесли и Спиро, громко кряхтя, сражались с тяжелой крышкой. Марго подбежала к капитану.

— Капитан, прошу вас, остановитесь, — сказала она. — Мистер Кралевский... В общем, мы беспокоимся за него.

— Остановиться? — удивился капитан. — Остановиться? Да ведь я только начал.

— Конечно, только сейчас есть дела поважнее ваших песен, — холодно произнесла мама. — Мистер Кралевский застрял в сундуке.

— Но это одна из лучших песенок, какие я знаю, — возмутился капитан. — И самая длинная... в ней про сто сорок стран говорится — Чили, Австралия, все дальневосточные страны. Сто сорок куплетов.

Я увидел, как мама содрогнулась при мысли о том, чтобы выслушать в исполнении капитана еще сто тридцать четыре куплета.

— Да-да, хорошо, как-нибудь в другой раз, — покривила она душой. — Сейчас чрезвычайные обстоятельства.

Раздался треск, как будто свалили огромное дерево, и крышка наконец поддалась. Кралевский лежал в сундуке, по-прежнему обмотанный веревками и цепями. Лицо его приобрело синеватый оттенок, широко раскрытые карие глаза выражали ужас.

— Ага, похоже, мы немножко... э... словом... поторопились, — заключил Теодор. — Он еще не освободился от пут.

— Воздуха! — прохрипел Кралевский. — Воздуха! Мне нужен воздух!

— Интересно, — заметил полковник Риббиндэйн. — Мне довелось однажды в Конго видеть пигмея... он попал в брюхо слона. Слон — самое крупное четвероногое животное в Африке...

— Выньте его оттуда, — взволнованно распорядилась мама. — И принесите бренди.

Д

— Обмахивайте его веером! Дуйте на него! — вскричала Марго, заливаясь слезами. — Он умирает, он умирает, и он не исполнил свой трюк.

— Воздуха... воздуха, — продолжал стонать Кравевский, пока его извлекали из сундука.

В саване из цепей и веревок — свинцовое лицо, закатившиеся глаза, — он являл собой поистине жуткое зрелище.

— Сдается мне, так сказать, что цепи и веревки затянуты слишком туго, — рассудительно произнес Теодор с видом медика.

— Что ж, ты его связал, ты и развязывай, — сказал Ларри. — Поживей, Теодор, где у тебя ключ от замков?

— Боюсь, как это ни прискорбно, что я его куда-то задевал, — признался Теодор.

— Господи! — воскликнул Лесли. — Так я и знал — не надо было позволять им затевать этот трюк. Полнейший идиотизм. Спиро, ты можешь добыть ножовку?

Они отнесли Краевского на диван и подложили ему под голову подушки; он открыл глаза и воззрился на нас, задыхаясь. Полковник Риббиндэйн наклонился, изучая его лицо.

— Этот пигмей, про которого я вам говорил, — сказал он, — у него белки налились кровью.

— Правда? — заинтересовался Теодор. — Видимо, происходит то же, что с человеком, которого... э... словом... казнят с помощью гарреты. Кровь приливает к глазным сосудам с такой силой, что они порой лопаются.

Краевский жалобно пискнул, точно лесная мышь.

— Вот если бы он прошел курс факью, — объявил Джиджи, — то смог бы не дышать часами, а то и днями, может быть, даже месяцами и годами, после надлежащей тренировки.

— И тогда глаза его не налились бы кровью? — справился Риббиндэйн.

— Не знаю, — честно сознался Джиджи. — Возможно, и не налились бы, а только порозовели.

— А что, у меня глаза налиты кровью? — всполошился Краевский.

— Нет-нет, ничего подобного, — успокоила его мама. — И вообще перестали бы вы все говорить про кровь и волновать бедного мистера Краевского.

— Правильно, его надо отвлечь, — вступил капитан Крич. — Можно мне петь дальше?

— Нет, — твердо произнесла мама. — Никаких песен больше. Лучше попросите мистера Мага... как там его зовут, сыграть что-нибудь успокоительное, и все потанцуют, пока мы распутываем мистера Краевского.

— Это идея, прелесть моя, — отозвался капитан Крич. — Повальсируем вместе! Вальс — один из кратчайших путей к полной близости.

— Нет-нет, спасибо, — холодно ответила мама. — Я слишком занята, мне не до близости с кем бы то ни было.

— А вы, — обратился капитан к Лене. — Может быть, покружимся в обнимку, а?

— По правде говоря, я обожаю вальс, — ответила Лена, выпячивая грудь, к великой радости капитана.

Мегалотополопопулос лихо ударил по клавишам, и под звуки «Голубого Дуная» капитан закружил Лену в танце.

— Наш трюк вполне удался бы, только доктор Стефанидес должен был сделать вид, будто запирает замки, — объяснял Кравевский, пока Спиро, нахмурив брови, пилил ножовкой его цепи.

— Конечно, конечно, — сказала мама. — Разумеется.

— Я никогда... э... словом... не был мастер делать фокусы, — сокрушенно признался Теодор.

— Я чувствовал, как начинаю задыхаться и сердце колотится все громче, это было ужасно, просто ужасно! — Кравевский закрыл глаза и содрогнулся так, что цепи зазвенели. — Я уже подумал, что никогда не выйду на волю.

— И вы пропустили всю остальную программу, — сочувственно заметила Марго.

— О да, клянусь всевышним! — воскликнул Джиджи. — Вы не видели, как я заклинал змею. Огромную змею, эта проклятая тварь укусила меня за набедренную повязку, а я ведь еще не женат!

— Потом я услышал биение крови в ушах, — продолжал Кравевский, стремясь пребывать в центре внимания. — Потом все стало черным.

— Но... э... словом... там ведь и так было темно, — отметил Теодор.

— Не придирайся к словам, Тео, — сказал Ларри. — Ох уж эти мне проклятые ученые, никогда не дадут толком приукрасить.

— Я не приукрашиваю, — с достоинством возразил Кравевский, садясь после того, как отвалился последний замок. — Спасибо, Спиро. Нет-нет, уверяю вас, все стало черным, как... как... черным, как...

— Зад черномазого? — пришел на помощь Джиджи.

— Джиджи, дорогой, не надо так говорить, — вмешалась шокированная мама. — Это неучтиво.

— Как не надо говорить? Зад? — озадаченно спросил Джиджи.

— Да нет же, я про другое слово.

— Какое? Черномазый? А что тут такого? Я здесь единственный черномазый, и я не против.

Д

— Белый человек не сказал бы лучше, — восхищенно объявил полковник Риббиндэйн.

— Зато я против, — твердо сказала мама. — Я не желаю, чтобы вы называли себя черномазым. Для меня вы... для меня вы...

— Белый, как снег на ветру? — подсказал Ларри.

— Ты отлично знаешь, что я подразумеваю, Ларри, — отрезала мама.

— Так вот, — продолжал Кравлевский, — лежу я, значит, и кровь стучит в ушах...

— О-о! — неожиданно взвизгнула Марго. — Вы только посмотрите, что сделал капитан Крич с прелестным платьем Лены.

Мы повернулись туда, где несколько пар весело кружились в вальсе, и веселее всех — капитан и Лена. К сожалению, ни он, ни она не заметили, что в какой-то момент капитан, видимо, наступил на украшающие Ленино платье пышные оборки и оборвал их так, что теперь он, сам того не подозревая, танцевал как бы внутри платья.

— Господи! — воскликнула мама. — Гадкий старикашка!

— А он был прав, когда сказал, что вальс сближает, — отметил Ларри. — Еще несколько оборотов, и они совсем сблизятся в этом платье.

— Может быть, мне стоит предупредить Лену? — спросила Марго.

— Я бы не стал, — ответил Ларри. — Думаю, так близко к мужчине она не была уже много лет.

— Ларри, опять ты за свое, — сказала мама.

В эту самую минуту Мегалотополопопулос лихим аккордом завершил вальс, Лена и капитан закружились волчком и остановились. Прежде чем Марго успела что-либо произнести, капитан отступил назад, чтобы поклониться партнерше, — и шлепнулся на спину, разорвав при этом Ленину юбку. На мгновение воцарилась жуткая тишина; изумленные взгляды присутствующих были прикованы к окаменевшей Лене. Наконец голос простертого на полу капитана развеял чары.

— Мать честная, какие дивные панталоны, — весело заметил он.

Лена издала истинно греческий вопль; леденящий кровь, точно удар железной косы о камень в траве, он сочетал негодование и жалобу с глубоким убийственным обертоном. Этот звук вырвался, так сказать, из самых недр ее голосовых связок; Галли Курчи могла бы гордиться Леной. Как ни странно, человеком, который бросился в прорыв и предотвратил угрозу дипломатического конфликта, оказалась Марго. Правда, избранный ею способ можно назвать излишне экспрессивным: сорвав с одного из боковых столиков скатерть, она подбежала к Лене и запеленала ее. И вроде бы все правильно, не выбери Марго скатерть, на которой стояли блюда с едой и большой канделябр на двадцать четыре свечи. Звон битой посуды и шипе-

ние тонущих в приправах и соусах свечей капитально отвлекли внимание гостей от Лены, и Марго, воспользовавшись суматохой, увлекла ее по лестнице на второй этаж.

— Надеюсь, теперь ты доволен! — укоризненно сказала мама Ларри.

— Я? А я-то тут при чем?

— Этот человек, — объяснила мама. — Ты пригласил его, и вот что он натворил.

— Что — хорошенько пощекотал ей нервы, — ответил Ларри. — Еще ни один мужчина не пытался сорвать с нее юбку.

— Не вижу в этом ничего забавного, Ларри, — строго произнесла мама. — И если ты хочешь, чтобы мы еще устраивали вечера, то без этого буйного старого распутника.

— Не переживайте, миссис Даррелл, вечеринка чудесная, — вступил Джиджи.

— Что ж, если вы довольны, остальное неважно, — смягчилась мама.

— Да жди меня еще сто воплощений, уверен, такого дня рождения не будет больше никогда.

— Это очень мило с вашей стороны, Джиджи.

— Вот только одно, — с чувством произнес Джиджи. — Не знаю, стоит ли говорить... но...

— Что? — спросила мама. — Что вам не понравилось?

— Не то чтобы не понравилось, — вздохнул Джиджи, — просто одного мне не доставало.

— Недоставало? — всполошилась мама. — Чего вам не доставало?

— Слонов, — с серьезным видом ответил Джиджи. — Самых больших четвероногих животных Индии.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

СООБЩЕНИЕ

от Фонда охраны дикой природы Джеральда Даррелла

То, что узнал Джеральд Даррелл, когда ухаживал за пауками *Eresus niger*, Гайаватой, совытами и фазаньими курочками, повлияло на его последующую работу по спасению исчезающих видов во всем мире. Впечатления детства, проведенного на острове Корфу, легли в основу кампании по сохранению богатого разнообразия животного мира на нашей планете, ставшей делом всей его жизни.

Эта кампания за сохранение исчезающих видов не закончилась со смертью Джеральда Даррелла в 1995 году. Его работа продолжается благодаря неустанным усилиям Фонда охраны дикой природы.

В течение ряда лет многие читатели книг Джеральда Даррелла настолько вдохновлялись его впечатлениями и видением мира, что выражали желание продолжить историю, поддерживая деятельность его фонда. Мы надеемся, что вы тоже внесете определенный вклад, потому что своими книгами и всей своей жизнью Джеральд Даррелл ставит перед нами важную задачу. «Животные составляют бессловесное и лишенное права голоса большинство, — написал он, — которое может выжить лишь с нашей помощью».

Пожалуйста, не теряйте интереса к охране природы, когда вы перевернете эту страницу. Напишите нам, и мы расскажем вам, как можно принять участие в нашей работе по спасению животных от вымирания.

Чтобы получить более подробную информацию и направить пожертвования, обращайтесь по следующим адресам:

Durrell Wildlife Conservation Trust
Les Augrès Manor
Jersey, English Channel Islands, JE3 5BP
UK
[www/durrellwildlife.org](http://www.durrellwildlife.org)

ПИКНИК
И ПРОЧИЕ
БЕЗОБРАЗИЯ

*Моей сестре Марго, которая
с великим добродушием относится
к тому, как я подшучиваю
над ней в печати.
С любовью*

ПИКНИК

Март и апрель в том году выдались необычайно теплыми и сухими для Англии. Фермеры, застигнутые врасплох обстоятельствами, не позволяющими заявить о своей несостоятельности по причине поздних заморозков, сплотили ряды и заговорили об ужасах засухи. Люди, которые осенью уверяли нас, что небывалое количество грибов и ягод предвещает суровую зиму и еще более суровое лето, теперь твердили, что обилие ягод и грибов — предвестие погожей весны в следующем году. В довершение всего наши платные Мюнхгаузены — авторы прогнозов погоды — обещали период небывалой жары с апреля по август. От этого прогноза доверчивые англичане пришли в такое возбуждение, что многие из них вдалились в крайность, умащая кожу растительными маслами и возлежа в шезлонгах. Во всем Борнмуте на южном побережье, где мы теперь жили, ни за какие деньги нельзя было достать купальник и зонтик от солнца.

Моя семья, все сплошь солнцепоклонники, просто расцвела. Ее члены чаще ссорились, больше пели, больше спорили, ели и пили больше обычно, потому что в саду перед домом весенние цветы источали самые сладостные ароматы и бледноватое солнце грело вовсю. Но особенно сильно обескураженные прогнозы подействовали на мою матушку; думаю, главным образом потому, что она слушала сводки погоды по радио.

Одно дело — читать свой гороскоп в журнале для женщин, совсем другое, когда тебе гадают настоящая цыганка, сидя на подножке своей кибитки. Этот пример как нельзя лучше объясняет пристрастия моей мамы. Всю войну британское правительство, включая Черчилля (когда он не был занят другими делами), обитало в нашем радиоприемнике исключительно для того, чтобы сообщать нашей родительнице о ходе военных действий и угрозе немецкого вторжения. Они ни разу не солгали и, что еще важнее, выиграла войну. Конечно, к этому времени война давно уже кончилась,

Д

однако репутация обитателей радиоприемника оставалась незапятнанной. И слушая, как фермеры толкуют о массовом падеже скота и высыхании водоемов, как анонимные доктора учат предохраняться от теплового удара, как косметологи описывают способы загорать без вреда для кожи, мама, естественно, заключила, что на Англию надвигается такая жара, что по сравнению с нашей отчизной Вест-Индия покажется чем-то вроде Аляски.

— Я придумала чудесный способ отметить возвращение Ларри, — объявила она однажды утром за завтраком.

Ларри, который уже лет десять не показывался в Англии, собирался нанести мимолетный визит по случаю презентации одной из его книг. И хотя в очередном письме он сообщал, что его мутит при мысли о возвращении на «остров Пудингов», мама не сомневалась, что после стольких лет добровольного изгнания он ждет не дождется свидания с «доброй старой Англией».

— Это кто же жаждет отметить его приезд? — осведомился Лесли, налегая на джем.

— Лесли, дорогой, я знаю, что ты вовсе не против, — возразила мама. — До чего приятно будет собраться всем вместе после стольких лет.

— От Ларри всегда одни неприятности, — вступила моя сестра Марго. — Он только и знает, что критиковать.

— Ну, не такой уж он придирчивый, — покривила душой мама. — Просто у него свой взгляд на некоторые вещи.

— Ты хочешь сказать, ему нужно, чтобы все соглашались с ним, — заметил Лесли.

— Вот именно, — подхватила Марго. — Он все знает лучше всех.

— У него есть право на собственное мнение, — сказала мама. — Мы за это воевали.

— В самом деле? — спросил Лесли. — Значит, мы все обязаны разделять мнение Ларри?

— Ты отлично знаешь, что я подразумеваю, Лесли, — строго произнесла мама. — Не пытайся сбить меня с толку.

— И что же ты задумала? — поинтересовалась Марго.

— Ну, — начала мама, — поскольку ожидается невыносимая жара...

— Кто это сказал? — перебил ее Лесли.

— Радио, — твердо произнесла мама, как если бы речь шла о Дельфийском оракуле. — По радио сообщили, что нас ожидает полоса небывало высокого давления.

— Так я и поверил, — мрачно сказал Лесли.

— Но ведь это сказали по радио, дорогой, — настаивала мама. — Это не просто слух, прогноз исходит от Министерства военно-воздушных сил.

— А я и Министерству ВВС тоже не верю, — сказал Лесли.

— Я тоже, — согласилась с ним Марго. — Особенно после того, как сделали пилотом Джорджа Мэтчмена.

— Нет, в самом деле? — поразился Лесли. — Да ведь он слеп, как летучая мышь, и пьет, как лошадь.

— Точно, у него бывают приступы слепоты, — сурово подтвердила Марго.

— Право, не вижу, какое отношение Джордж Мэтчмен имеет к прогнозам Министерства ВВС, — возразила мама, которая никак не могла привыкнуть к поразительной способности ее чад менять тему разговора.

— А может быть, это Джордж прогнозы читает, — предположил Лесли. — Что до меня, то я не доверил бы ему сообщать даже точное время.

— Это не Джордж, — твердо произнесла мама. — Я знаю его голос.

— И все-таки — что ты задумала? — снова осведомилась Марго.

— Так вот, — продолжала мама. — Поскольку нам предсказывают хорошую погоду, я подумала, что нам следует вывезти Ларри за город, показать ему сельскую Англию во всем ее великолепии. Уверена, он успел соскучиться по ней. Когда мы с вашим отцом приезжали домой из Индии, непременно совершали такие вылазки. Вот я и предлагаю попросить Джека, чтобы он вывез нас на пикник на своем «Роллс-Ройсе».

Несколько секунд мы молча переваривали эту идею.

— Ларри не согласится, — заговорил наконец Лесли. — Ты же знаешь это. Он станет беситься по малейшему поводу, сама знаешь.

— А я уверена, что он будет просто счастлив, — возразила мама не слишком убежденно.

Мысленно она представила себе моего старшего брата в состоянии бешенства.

— Я знаю, что надо сделать, — вступила Марго. — Пусть это будет сюрприз. Загрузим еду и все прочее в заднее отделение кузова, а ему скажем, что просто покатаемся тут поблизости.

— И какое место ты выбрала? — спросил Лесли.

— Лэлворт-Коу, — ответила мама.

— Ничего себе поблизости, — вздохнул Лесли.

— Но он ничего не заподозрит, если не увидит припасы, — торжествующе сказала Марго.

— На третьем часу пути даже Ларри почует неладное, — заметил Лесли.

— А по-моему, — отозвалась мама, — просто скажем ему, что приготовили своего рода подарок по случаю его возвращения домой. Как-никак десять лет его не видели.

— Десять мирных, спокойных лет, — поправил Лесли.

Д

— Не такие уж мирные, — возразила мама. — Не забывай про войну.

— Я подразумевал — десять лет без Ларри, — объяснил Лесли.

— Лесли, дорогой, не говори таких вещей даже в шутку, — укоризненно произнесла мама.

— А я вовсе не шучу, — ответил Лесли.

— Не станет же он поднимать шум из-за пикника по случаю возвращения домой, — заметила Марго.

— Ларри способен поднять шум из-за чего угодно, — убежденно произнес Лесли.

— Не надо преувеличивать, — сказала мама. — Вот придет Джек, и спросим его насчет «роллса». Чем он сейчас занят?

— Полагаю, разбирает машину, — отозвался Лесли.

— Это что-то ужасное! — пожаловалась Марго. — Три месяца, как мы обзавелись этой машиной, и почти все время она пребывает в разобранном виде. Это просто невыносимо. Всякий раз, когда мне хочется прокатиться, части мотора разбросаны по всему гаражу.

— Не надо было выходить замуж за механика, — сказал Лесли. — Знаешь ведь, что у них страсть все разбирать. Настоящие разрушители машин.

— Ничего, — заключила мама. — Попросим его как следует потрудиться, чтобы «роллс» был в собранном виде к приезду Ларри. Уверена, что он не станет возражать.

Упомянутый «роллс» представлял собой великолепную модель 1922 года, которую Джек высмотрел тайком в каком-то деревенском гараже. Давно не мытая и не чищенная, она тем не менее не утратила своих благородных черт. Он приобрел ее за весьма приличную сумму — двести фунтов стерлингов — и торжествуя приехал на ней домой, где машина в его руках расцвела и получила имя «Эсмеральда». Теперь кузов ее сверкал, деревянные части были отполированы до блеска, мотор не оскверняли даже самые малые пятнышки масла. «Эсмеральда» была снабжена подножками, парусиновой крышей, которую можно было убирать в хорошую погоду; подняв толстое стекло, вы могли спокойно критиковать рабочий класс, не опасаясь, что вас услышит водитель, но одной из главных достопримечательностей была выполняющая роль телефона труба, через которую вы отдавали распоряжения упомянутому водителю. Роскошное творение; казалось, мы стали обладателями динозавра. На переднем и на заднем сиденьях свободно могли расположиться по четыре пассажира. Добавьте встроенный шкафчик орехового дерева для напитков и багажное отделение, где можно было разместить четыре дорожных сундука или двенадцать плоских чемоданчиков. На такой экипаж не жаль было потратиться, и Джек ухитрился

где-то раздобыть пожарную сирену, которая издавала надменное ушераздирающее «та-та, та-та». Сирена включалась только в экстренных случаях; обычно Джек обходился медным рожком с огромной черной грушей, чей голос напрашивался на сравнение с ревом смиренного калифорнийского морского льва. Этого было довольно, чтобы подстегивать пожилых леди, переходящих улицу на перекрестках; тогда как при звуках пожарной сирены двухэтажные автобусы поспешно сворачивали на обочину, пропуская нас.

В эту самую минуту в столовой появился Джек — без пиджака, обильно смазанный машинным маслом. Мужчина среднего роста, он обладал шапкой черных кудрей, яркими голубыми глазами и носом, которому позавидовал бы любой римский император. Это был всем носам нос, большой и мясистый, способный обрадовать сердце Сирано де Бержерака и обладающий даром изменять окраску под действием холодной погоды, в час открытия пивных и в связи с любыми прочими выдающимися событиями; словом, он дал бы сто очков вперед даже хамелеону. С таким носом можно было вести себя вызывающе; за него можно было укрыться в тяжелую минуту. В зависимости от настроения хозяина нос этот мог выглядеть гордо или потешно; однажды увидев, его невозможно было забыть, как врежется в память клнов утконоса.

— Ах! — восторженно произнес Джек, повода зарумянившимися ноздрями. — Кажется, я слышу запах копченой рыбы?

— Зайди на кухню, она там греется, — отозвалась мама.

— Где ты был? — без нужды осведомилась Марго: разводы машинного масла красноречиво свидетельствовали, где пребывал Джек.

— Чистил мотор «Эсмеральды», — так же без нужды объяснил он.

После чего вышел на кухню и вернулся с тарелкой, на которой лежала рыба. Сев за стол, он принялся разделять свою добычу.

— И что только ты не придумываешь с этим автомобилем, — сказала Марго. — Без конца разбираешь его по частям.

— Я знал человека, который был мастер разделять рыбу, — сообщил мне Джек, не обращая внимания на сетования моей сестры. — Положит на спинку и каким-то образом ухитрится вынуть все кости до одной. Здорово у него получалось. Все до одной косточки отделялись, словно струны на арфе... Как сейчас вижу.

— А что с ней случилось? — спросила Марго.

— С кем что случилось? — рассеянно отозвался ее супруг, уставившись на рыбу на своей тарелке так, будто рассчитывал гипнозом извлечь из нее кости.

— С «роллсом», — сказала Марго.

Д

— С «Эсмеральдой»? — всколыхнулся Джек. — Что с ней?

— Я спрашиваю тебя об этом. Ты просто невыносим.

— С ней все в порядке, — ответил Джек. — Великолепная машина.

— Была бы великолепная, если бы мы могли ею иногда пользоваться, — саркастически заметила Марго. — Не так уж она хороша, вся выпотрошенная там, в гараже.

— Про машину нельзя говорить «выпотрошенная», — возразил Джек. — Это не рыба.

— Нет, ты невыносим! — воскликнула Марго.

— Ну, ну, дорогие мои, — вмешалась мама. — Если Джек говорит, что машина в порядке, значит, все в порядке.

— В порядке для чего? — поинтересовался Джек.

— Мы задумали вывезти Ларри на пикник, когда он придет, — объяснила мама. — И нам казалось, что хорошо бы сделать это на «роллсе».

Джек поразмыслил, расправляясь с рыбой.

— А что, неплохая мысль, — произнес он наконец, ко всеобщему удивлению. — Я как раз отрегулировал мотор. Самое время проверить его в деле. И куда вы хотите поехать?

— Лэлворт-Коу, — сказала мама. — Красивейшие места, Парбекские холмы.

— Там еще есть отличные подъемы, — радостно подхватил Джек. — Будет где проверить сцепление.

Ободренная сознанием того, что «Эсмеральда» в полном порядке, мама энергично занялась приготовлениями к пикнику. Как обычно, припасенных ею продуктов хватило бы, чтобы прокормить армию Наполеона на пути ее отступления из Москвы. Тут были корнуоллские пироги и слойки, запеканки с мясом и без него, три жареных цыпленка, две большие булки домашней выпечки, сладкий пирог, бренди, меренги; не говоря уже о трех сортах джема и кислой приправы, печенье, фруктовом торте и безе. Разложив все это на кухонном столе, она позвала нас.

— Как вы думаете, этого будет достаточно? — озабоченно справилась мама.

— Я думал, мы просто поедем на несколько часов в Лэлворт, — заметил Лесли. — Мне как-то не приходило в голову, что мы эмигрируем.

— Мама, зачем нам столько! — воскликнула Марго. — Мы не можем все это съесть!

— Ерунда! Вспомните — на Корфу я припасала вдвое больше еды, — возразила мама.

— Но на Корфу нас собиралось от двенадцати до четырнадцати человек, — напомнил Лесли. — Теперь же будет всего шестеро.

— Красному Кресту этого хватило бы, чтобы два года кормить голодающих где-нибудь за морями, — сказал Джек.

— Ничего подобного, — оборонялась мама. — Вы же знаете, как Ларри любит поесть, и ведь мы остановимся в приморье, а от морского воздуха всегда разыгрывается аппетит.

— Ладно, будем надеяться, что все эти припасы поместятся в багажном отделении «Эсмеральды», — заключил Джек.

На другой день мама решительно настояла на том, чтобы все как следует принарядились для встречи Ларри на вокзале. Продолжительные старания Марго подобрать нужный оттенок губной помады опрокинули мамин план — только мы приготовились занять места в «роллсе», как перед домом остановилось такси, в котором восседал Ларри, прибывший в Борнмут раньше намеченного. Опустив стекло, он уставился на нас.

— Ларри, дорогой! — воскликнула мама. — Какой приятный сюрприз!

В ответ из уст Ларри прозвучали первые за десять лет слова, обращенные к родичам.

— Как у вас тут с простудой? — сердито осведомился он скрипучим голосом. — Если кто-нибудь болен, я поеду в гостиницу.

— Простуда? — отозвалась мама. — Никто не болен, а что?

— Все обитатели этого забытого богом острова поголовно заражены этой дрянью, — сообщил Ларри, выходя из такси. — Я провел неделю в Лондоне, спасаясь бегством от прицельного огня микробов. Люди чихали и шмыгали носом, точно стая простуженных бульдогов. А что творилось в поезде — пассажиры кашляли, отхаркивались и плевались, не вагон, а какой-то чертов странствующий туберкулезный санаторий. Я всю дорогу отсиживался в туалете, зажав нос и брызгая аэрозолем через замочную скважину. Ума не приложу, как только вы можете жить на этом чумном острове. Клянусь, в Лондоне такая эпидемия гриппа — хуже Великой чумы 1665 года.

Рассчитавшись с водителем, он взял чемодан и первым вошел в дом.

На нем был весьма неприглядный костюм из шерстяной ткани отвратительного зеленого цвета с красноватой клеткой, на голове — грубошерстная охотничья шляпа. Этакий маленький тучный Шерлок Холмс.

— Слава богу, у нас все здоровы, — сказала мама, следуя за Ларри. — Тут такая чудесная погода. Будешь пить чай, дорогой?

— Я предпочел бы добрый стаканчик виски с содовой, — отозвался он, извлекая из широкого кармана пальто наполовину опустошенную бутылку. — Лучшее средство от гриппа.

— Но ведь ты говорил, что у тебя нет гриппа, — заметила мама.

— Совершенно верно, — ответил Ларри, наливая себе стаканчик. — Это на всякий случай. Так сказать, профилактическое средство.

Д Он явно занимался профилактикой по дороге в Борнмут и с каждым часом заметно веселел, так что мама в конце концов отважилась завести речь о пикнике.

— Понимаешь, — начала она, — служба погоды последовательно предсказывает небывало жаркую погоду, вот мы и подумали завтра отправить-ся на «роллсе» на пикник.

— Тебе не кажется, что это не совсем красиво — бросать меня и уез-жать куда-то после десяти лет разлуки? — спросил Ларри.

— Что за глупости, дорогой, — ответила мама, — ты поедешь вместе с нами.

— Пикник в Англии? Ни за что на свете, — судорожно выдохнул Лар-ри. — Только без меня. Помню пикники моей юности. Приправа из песка и муравьев в еде, попытки разжечь костер из мокрых веток, вой бури, лег-кий снегопад в ту самую минуту, когда ты принимаешься за первый бутер-брод с огурцами...

— Ничего подобного, дорогой. Служба погоды предсказывает затяжной период высокого давления, — сказала мама. — Обещает завтра жаркую погоду.

— Возможно, у них там, в Лондоне, и впрямь жарко, но ты уверена, что у нас тут будет такая же погода? — спросил Ларри.

— Уверена, — энергично заявила мама.

— Ладно, я подумаю, — пообещал Ларри, отправляясь спать и беря с собой остатки виски, чтобы было чем ночью отбиваться от микробов.

Утро выдалось ясное и безветренное, солнце уже в семь часов заметно пригревало. Все сулило успех нашему предприятию. Заботясь о том, чтобы у Ларри было хорошее настроение, мама подала ему завтрак в постель. Даже Марго в интересах мира и покоя избавила нас от обычных пыток, ко-гда она по полчаса пела в ванной последние хиты, не зная толком ни слов, ни музыки.

В десять часов все припасы были погружены, и мы приготовились вы-езжать. Джек еще раз проверил мотор, внося какие-то мелкие, но важные коррективы, мама в последний раз пересчитала свертки с едой, Марго три-жды возвращалась в дом за какими-то забытыми предметами. Наконец все мы были готовы и собрались на дорожке в саду.

— Вам не кажется, что по случаю такой хорошей погоды стоит убрать парусиновую крышу? — предложил Джек.

— Конечно, конечно, дорогой, — отозвалась мама. — Грех не воспользо-ваться такой прекрасной погодой.

Лесли и Джек совместными усилиями убрали крышу, все заняли свои места, и вот уже мы катим под звуки птичьего щебетания по зеленой, цве-

тущей английской сельской местности. Каждая роща на волнистых Парбекских холмах выделялась четким рельефом на фоне голубого неба, где в высоте застыли неподвижно призрачные нити облаков. Воздух был напоен благоуханием, солнышко приятно грело, и наш автомобиль, жужжа, будто сонный шмель, плавно скользил среди ветвей живой изгороди, переваливал через зеленые холмы, коршуном нырял в долинки с кучками крытых соломой домов, которые явно нуждались в стрижке.

— Да-а, — задумчиво произнес Ларри. — Я совсем забыл, насколько английский ландшафт местами напоминает кукольные селения викторианской эпохи.

— Правда, красиво, дорогой? — сказала мама. — Я знала, что тебе понравится.

Только мы промчались через деревушку с белеными домами, чьи соломенные крыши напоминали огромные вздыбленные корочки пирога, как идущий за баранкой Джек вдруг весь подобрался.

— Вот! — внезапно выпалил он. — Слышали? Легкий металлический стук, потом скрежет. — Мы притихли.

— Мне казалось, — обратился Ларри к маме, — в нашей семье и без того довольно душевных расстройств, зачем было еще добавлять помешательства, сочетаясь священными узами брака.

— Вот опять! Скрежет! Скрежет! Неужели вы не слышите? — вскричал Джек с фанатическим блеском в глазах.

— О, господи! — с горечью произнесла Марго. — Почему мы не можем никуда выехать без того, чтобы на тебя не напало желание разобрать машину на части?

— Но это может быть что-то серьезное, — сказал Джек. — Этот металлический стук... Возможно, сломалось магнето.

— По-моему, просто у тебя из-под колеса выскочил камешек, — возразил Лесли.

— Да нет же, — настаивал Джек. — От камня совсем другой звук. Без этого тиканья.

— Лично я не слышал никакого тиканья, — заметил Лесли.

— Так всегда, никто, кроме него, не слышит тиканья, — жалобно произнесла возмущенная Марго. — Меня уже тошнит!

— Ну, ну, дорогие, не ссорьтесь, — вступила мама. — Как-никак, Джек единственный в нашей семье разбирается в механике.

— Если он и впрямь механик, то меня удивляет современная техническая терминология, которую он усвоил, — заметил Ларри. — Не помню, чтобы прежде техники прилюдно толковали о каком-то тиканье.

— Если, по-твоему, Джек, это что-то серьезное, — сказала мама, — может быть, нам лучше остановиться, чтобы ты мог проверить, в чем дело?

Джек не мешкая свернул на обрамленную цветущими ивами площадку для временных стоянок, выскочил из машины, поднял капот и нырнул в чрево «Эсмеральды», как умирающий от жажды человек в пустыне бросился бы во встреченный им водоем. Сперва мы услышали тяжелые вздохи, потом крик, которое сменилось звенящим жужжанием, словно сердитая оса запуталась в струнах цитры. То напевал наш зять.

— Что ж, — заговорил Ларри, — поскольку нашего форейтора, похоже, ударило молнией, как насчет глотка живительной влаги?

— Не рановато ли, дорогой? — спросила мама.

— Возможно, рановато для англичан, — отозвался Ларри, — но не забудь, что я не один год прожил среди безнравственных чужеземцев, которые не связывают удовольствия с каким-то определенным часом и не считают, что человек подвергает угрозе свою бессмертную душу всякий раз, когда выпивает стаканчик, будь то днем или ночью.

— Хорошо, дорогой, — уступила мама. — Быть может, и впрямь неплохо будет выпить по стаканчику.

Лесли вторгся в багажное отделение и налил всем спиртного.

— Раз уж нам пришлось остановиться, следует признать, что здесь совсем недурно, — снисходительно заметил Ларри, созерцая волнистые зеленые холмы, расписанные клеточками живых изгородей и кудрявой листвой над черными стволами перелесков.

— А солнце прямо-таки припекает, — добавила мама. — Необычная теплынь для этого времени года.

— Боюсь, зимой нас ждет расплата, — мрачно произнес Лесли. — Так всегда бывает.

В эту секунду из-под капота донесся оглушительный чих. Ларри окаменел, не донеся до рта стакан.

— Что это было? — спросил он.

— Джек, — ответил Лесли.

— Этот звук! — воскликнул Ларри. — Его издал Джек?

— Ага, — подтвердил Лесли. — Джек чихнул.

— Господи! — вскричал Ларри. — Он везет с собой этих чертовых микробов. Мама, я целую неделю оборонялся от инфекции всеми способами, известными Британской медицинской ассоциации, и все это только для того, чтобы меня заташили в дебри, где кругом на полтора-два километра нет ни одного медика, и мой собственный зять бомбардировал меня вирусом гриппа. Это уж слишком!

— Ну, ну, дорогой, — попыталась успокоить его мама, — будто не знаешь, что люди и без простуды чихают.

— Только не в Англии, — возразил Ларри. — В Англии любой чих — предвестник невзгод, а то и смерти. Иногда мне кажется, что для англичан единственное развлечение — пестовать свои вирусы.

— Ларри, дорогой, ты преувеличиваешь, — сказала мама. — Он чихнул-то всего один раз.

Джек чихнул снова.

— Ну что! — воскликнул Ларри. — Вот тебе и второй раз. Уверяю, с этого начинаются эпидемии. Почему бы нам не оставить его здесь, кто-нибудь подберет его и отвезет в Борнмут, а нашу машину поведет Лесли.

— Не говори глупости, Ларри, мы не можем бросить его на дороге, — сказала мама.

— Почему это? — спросил Ларри. — У эскимосов заведено сажать своих стариков на льдины, чтобы их съели белые медведи.

— Не вижу, почему Джек должен быть съеден белым медведем только потому, что ты боишься какой-то дурацкой легкой простуды, — возмутилась Марго.

— Это была метафора, — пояснил Ларри. — Что до здешних мест, то тут его, вероятно, заклевали бы до смерти кукушки.

— Все равно я против того, чтобы бросать его, — сказала Марго.

В эту минуту выбрался из-под капота Джек. И без того внушительный нос его увеличился чуть не вдвое и приобрел окраску переспелой хурмы, а из наполовину закрытых глаз текли обильные слезы. Он подошел к нам, продолжая громко чихать.

— Уходи! — закричал Ларри. — Убирайся подальше со своими мерзкими микробами!

— Это де бикробы, — выговорил Джек. — Это сенная дихорадка.

— Мне нет дела до научных названий! — кипятился Ларри. — Уходи! За кого ты меня принимаешь, черт возьми? За Луи Пастера? Разносишь тут свои проклятые микробы!

— Это сенная дихорадка, — повторил Джек, чихая. — Где-то тут раскуд то ли какие-то проклятые цветы, то ли еще что-то.

Он злобно повел кругом слезящимися глазами и остановил взгляд на ивах.

— Ага! — прорычал он, перемежая слова чихом. — Вот они, черт бы их побрал.

— Ни черта не понимаю, — сказал Ларри. — Эта простуда явно повлияла на его рассудок.

— Он говорит про сенную лихорадку, — объяснила Марго. — Это ивы вызвали приступ.

— Но ведь это еще *хуже* простуды, — встревожился Ларри. — Я во все не хочу заразиться сенной лихорадкой.

Д — Ты не можешь ею заразиться, дорогой, — сказала мама. — Это вид аллергии.

— А хоть бы анаграмма, — возразил Ларри. — Не желаю, чтобы он дышал на *меня*.

— Но она не заразна, — настаивала Марго.

— Ты уверена? — спросил Ларри. — Все когда-то происходит впервые. Полагаю, то же самое говорил своей жене первый человек, заболевший проказой, и не успела она оглянуться, как пришлось учредить колонию, чьи обитатели звонили своими колокольчиками и кричали «нечистый».

— Не надо усложнять, дорогой, — сказала мама. — Это самая обыкновенная сенная лихорадка.

— Наб бадю уехать от этих деревьев, — объявил Джек. После чего сел за руль и с ходу развил такую скорость, что мы едва не врезались в выехавшую из-за поворота телегу с навозом, которую тащили два могучих битюга.

— Не помню, чтобы я подписывал с ним уговор вместе кончать жизнь самоубийством! — прокричал Ларри, цепляясь за дверцу.

— Не так быстро! — воззвала Марго. — Ты едешь слишком быстро.

— Воздух! — прорычал Джек. — Бде надо выехать на воздух, бодальше од эдой быльцы.

После нескольких километров безумной гонки, сопровождаемой жалобными криками мамы и Марго и громогласными укорами Ларри, Джек достаточно проветрил свои ноздри, чтобы ему стало полегче, и мы перешли на более умеренную скорость.

— Я так и знал — не надо было мне возвращаться в Англию, — пожаловался Ларри. — Сперва гриппозный вирус, потом эта сенная лихорадка, потом опасные для жизни скачки. В моем возрасте такое может привести к инфаркту.

Пора было выбирать место для ленча, а мы запутались во множестве дорожек на мысах и пригорках. В попытках обнаружить Лэлворт-Коу мы окончательно заблудились и в конце концов выбрали дорогу, которая привела нас на берег обрамленной крутыми скалами бухты. Озаренные солнцем синие воды навевали безмятежное настроение, и мы решили остановиться здесь. Кроме нас, на всем берегу была только одна пожилая пара, прогуливающая свою собаку.

— Как удачно, — заметила мама. — Мы здесь почти одни. Я опасалась, что в такую хорошую погоду все захотят позагорать.

— Пройдем немного вдоль берега, — предложил Лесли. — Вон туда идти недалеко, и вид будет хороший.

Мы согласились, вышли из «роллса» и побрели по гальке, сгибаясь под тяжестью съестного и ковриков для сидения.

— Мне нужно сесть так, чтобы было к чему прислониться, — предупредила мама. — Иначе вся спина станет разламываться.

— Конечно, тебе необходимо сидеть в цивилизованной позе, — согласился Ларри, — чтобы твои внутренности не завязались узлом. От этого могут быть язвы и прочие пакости. Твои кишки сгниют, и пища будет про-скакивать в брюшную полость.

— Ларри, дорогой, ты не мог бы воздержаться от таких замечаний перед едой? — взмолилась мама.

— Как насчет того, чтобы прислониться к скале? — предложила Марго.

— Отличная идея, — согласилась мама. — Вон там, например, я вижу укромный уголок.

Только она направилась в ту сторону, как сверху сорвался изрядный обломок скалы и с грохотом упал на гальку, сопровождаемый струями шуршащего песка.

— Спасибо, — сказал Ларри. — Хочешь сидеть там — без меня. Я вовсе не жажду быть погребенным заживо.

— Глядите, там, на берегу, — большой черный камень, — показал рукой Лесли. — Лучшей спинки не придумаешь.

Он поспешил к камню, сбросил свой груз, накрыл камень ковриком, обложил подушками и приготовил удобное сиденье для мамы, которая тем временем добрела до него по гальке. Ларри сел рядом с ней, мы разложили тут же еще коврики и усадились, разбирая обильные припасы.

— Какой-то здесь странный запах, — посетовал Ларри, уписывая слоеный пирожок.

— Это водоросли, — объяснил Лесли. — От них всегда пахнет.

— Говорят, это полезно для здоровья, — заметила Марго. — Запах водорослей полезен для легких.

— Никогда не подумала бы, что этот запах полезен для легких, — пожаловалась мама. — Он... как бы это сказать... чересчур острый, что ли.

— Похоже, ветер приносит его волнами, — заметил Ларри.

— Да-да, я слышу его. — Марго зажмурилась, делая глубокие вдохи. — Прямо *чувствую*, как мои легкие оживают.

— Ну, *моим* легким от него ничуть не лучше! — воскликнул Ларри.

— погоди, ветер меняется, через минуту подует в другую сторону, — нечело произнес Лесли, отрезая себе большой кусок пирога с мясом.

— Хоть бы и впрямь переменялся, — сказала мама. — Очень уж запах сильный.

Некоторое время мы ели молча, потом Ларри несколько раз втянул воздух носом.

— Кажется, в самом деле запах становится сильнее.

Д

— Да нет, все зависит от направления ветра, — отозвался Лесли.

Ларри встал, осмотрелся.

— Что-то я не вижу поблизости водорослей, — сообщил он. — Только вон там, у самой воды. — Он подошел к нам, еще раз понюхал.

— Неудивительно, что вы не жалуетесь, — произнес он с горечью. — У вас тут почти не пахнет. Похоже, запах сосредоточен там, где сидим мы с мамой.

Он вернулся к маме, которая ела корнуоллский пирог, запивая его вином, и принялся рыскать вокруг нее. Внезапно он издал такой вопль, исполненный муки и ярости, что мы все подскочили, а мама уронила на колени стакан с вином.

— Силы небесные, вы только поглядите! — взревел Ларри. — Посмотрите, куда нас привел этот чертов тупица Лесли! Ничего удивительного, что мы задыхаемся от вони, мы еще все умрем от брюшного тифа!

— Ларри, дорогой, зачем же так кричать, — пожаловалась мама, вытирая колени носовым платком. — Неужели нельзя говорить спокойно.

— Нельзя! — выпалил Ларри. — Невозможно сохранять спокойствие перед лицом такого... такого обонятельного безобразия!

— Какого безобразия? — спросила мама.

— Знаешь, обо что ты опираешься спиной? Знаешь, что представляет собой опора, выбранная для тебя твоим сыном?

— А что? — Мама тревожно оглянулась через плечо. — Это камень, дорогой.

— Никакой это не камень, — произнес Ларри со зловещим спокойствием в голосе. — И не куча песка, и не валун, и не окаменелый таз динозавра. Ничего похожего на геологию. Знаешь, к чему мы с тобой прислонялись последние полчаса?

— К чему? — испуганно спросила мама.

— К лошади, — ответил Ларри. — К бранным останкам большой гневной лошади.

— Вздор! — недоверчиво сказал Лесли. — Это камень.

— Где ты видел у камня зубы? — саркастически осведомился Ларри. — Остатки ушей и гривы? Учтите — то ли по злому умыслу, то ли по вашей глупости вашу мать и меня, скорее всего, поразит какая-нибудь смертельная болезнь.

Лесли встал, чтобы проверить слова Ларри, я присоединился к нему. В самом деле, из-под коврика в одном месте торчала голова, некогда, без сомнения, принадлежавшая лошади. Вся шерсть слезла, а кожа от пребывания в морской воде потемнела и задубела. Рыбы и чайки вычистили глазницы, высохшие губы обнажили мертвый оскал пожелтевших зубов.

— Надо же, черт возьми, — вымолвил Лесли. — Я готов был поклясться, что это камень.

— Ты избавил бы всех нас от многих неприятностей, если бы обзавелся очками, — достаточно жестко отметил Ларри.

— Но откуда я мог знать? — сердито спросил Лесли. — Кто мог ждать, что на пляже будет валяться проклятая здоровенная дохлая лошадь, скажи на милость?

— К счастью, я не большой знаток лошадиных привычек, — ответил Ларри. — Может быть, у нее произошел разрыв сердца во время купания. Однако это ни в коей мере не оправдывает допущенную тобой совершеннейшую глупость, когда ты обратил эту падаль в шезлонг для нас с мамой.

— Чувшь! — воскликнул Лесли. — Эта дрянь выглядела точно как камень. Если это дохлая лошадь, так и должна выглядеть, а не как огромный камень, черт подери. Я тут не виноват.

— Она не только выглядит как дохлая лошадь, но и пахнет соответственно, — не унимался Ларри. — Не будь рецепторы твоего носа, как и твой интеллект, парализованы от рождения, ты давно убедился бы в этом. Одного лишь восхитительного пряного благоухания было бы довольно, чтобы ты понял — это лошадь.

— Ну, ну, мои дорогие, не ссорьтесь вы из-за этой лошади, — взмолилась мама, отойдя в сторонку и прикрывая нос платком.

— Смотрите сами, — выпалил Лесли, — я докажу вам.

С этими словами он отбросил подушки и коврик, обнажая потемневшие, высохшие останки. Марго взвизгнула. Конечно, теперь, когда мы знали, что перед нами лошадь, было бы трудно принять ее за что-нибудь другое, но поскольку ноги зарылись в гальку и было видно только задубелую темную кожу торса, с первого взгляда немудрено было спутать ее с большим камнем.

— Вот! — торжествующе воскликнул Лесли. — Чем не камень!

— Никакого, даже отдаленного сходства с камнем, — холодно отметил Ларри. — Любому ясно — дохлая лошадь. Если и можно было с чем-то спутать ее, так только с каким-нибудь престарелым членом «Жокей-клуба».

— Вы что же, собираетесь до самого вечера спорить над мертвой лошастью? — спросила Марго. — Право, меня мутит от вас, мужчин.

— Да-да, Ларри, дорогой, — подхватила мама. — Давайте лучше уйдем отсюда и выберем другое место для ленча.

— Ага, и выйдем вперед Лесли, — предложил Ларри. — Может, на этот раз он откопает корову или пару баранов. Почем знать, какие еще душистые трофеи ожидают нас? Утонувшая свинья весьма украсила бы наше меню.

— Довольно, Ларри, — твердо сказала мама. — Мало нам этого запаха, так еще мы должны слушать такие речи.

— А я тут ни при чем, — ворчал Ларри, когда мы зашагали дальше по пляжу. — Это Лесли виноват. Он нашел этого восхитительного гниющего победителя скачек «Дерби». Он автор путеводителя по Лэлворт-Коу. Почему бы тебе не обратить на него свой гнев?

Мы нашли подходящее место и набросились на свои припасы с аппетитом, на который явно благотворно действовало сочетание морского воздуха с отсутствием благовоний и споров над дохлой лошастью. Хорошенько закусив и уделив, быть может, несколько чрезмерное внимание вину, мы дружно и надолго погрузились в крепкий сон. По этой причине никто из нас не заметил, как изменилась погода. Проснувшись первым, я сперва подумал, что уже наступил вечер, такой сумрак царил на пляже. Одного взгляда на часы оказалось достаточно, чтобы убедиться, что еще только пять. Второй взгляд, наверх, объяснил мне, почему я ошибся. Когда мы засыпали, небо было ярко-голубым и море блестело на солнце, теперь же небо посерело и море, не желая отставать, приобрело сине-фиолетовый цвет, порывы ветра катили на берег угрюмые волны. Вдоль горизонта теснились озаряемые молниями черные тучи, и до моего слуха доносились не такие уж далекие раскаты грома. Я поспешил объявить тревогу, и мои родители оторвались от ковриков, полусонные, с мутными глазами. До них не сразу дошло, сколь круто изменилась погода.

— О, господи, — вымолвила мама. — А ведь служба погоды обещала...

— Это ужасная страна, — пожаловался Ларри. — Только законченный мазохист может чувствовать себя здесь уютно. Что ни возьми, все направлено на умерщвление плоти, от стола до лицензионного законодательства, от женщин до погоды.

— Нам лучше поспешить обратно к машине, — сказал Лесли. — С минуты на минуту может хлынуть дождь.

Живо собрав наши припасы, и сумки, и прочее имущество, мы засеяли по берегу туда, где начинался подъем к машине. Увлеченные спором из-за лошади, мы ушли по пляжу намного дальше, чем предполагали, и теперь нас отделяло изрядное расстояние от «роллса». Дождь застиг нас на полпути. Сперва мы ощутили удары редких крупных капель, когда же дождь пристрелялся, разверзлись хляби небесные, и сверху полило как из ведра. В несколько секунд мы промокли насквозь. Подгоняемые холодными струями, мы взбежали, стуча зубами, вверх по склону к нашему «роллсу», где тут же убедились, что на этом наши злоключения не кончились. Введенный в заблуждение ярким утренним солнцем, Джек оставил парусиновую крышу опущенной, и теперь внутри машины хлюпала вода.

— Черт возьми! — взревел Ларри, заглушая гул дождя. — У кого-нибудь здесь сохранилась хоть капля рассудка?

— Откуда мог я знать, что будет дождь? — обиженно спросил Джек.

— Оттуда, что на этой чертовой губке, именуемой островом, дня не проходит без дождя, — ответил Ларри.

Джек и Лесли попытались поднять крышу, однако быстро убедились, что она почему-то забастовала.

— Зря тратим время, — выдохнул Лесли. — Она не поддается. Нам остается только сесть в машину и мчаться во весь опор к ближайшему укрытию.

— Великолепно! — сказал Ларри. — Всю жизнь мечтал прокатиться в муссон на открытой машине.

— Ради бога, перестань ныть! — рявкнул Лесли. — Все мы одинаково промокнем.

Мы заняли свои места, и Джек включил стартер. Спеша добраться до надежного укрытия, он с ходу развил изрядную скорость, однако наши крики заставили его умерить прыть, потому что на большой скорости дождь больно хлестал наши лица. Мы проехали так с километр, когда характерный толчок вдруг дал знать, что случился прокол. Джек, чертыхаясь, остановил машину и вместе с Лесли принялся менять колесо; остальные продолжали молча мокнуть под дождем. Волосы Марго, тщательно уложенные в честь приезда брата, свисали на лицо крысиными хвостиками. Мама выглядела так, словно только что завершила одиночный заплыв через Атлантический океан, но хуже всего, похоже, досталось Ларри. Он опустил наушники своей охотничьей шляпы, однако с козырька прямо на его колени пизвергалась миниатюрная Ниагара. Толстая шерсть его пальто поглощала влагу не хуже самой сухой из дюн пустыни Сахары. Это пальто само по себе изрядно весило, теперь же, впитав полсотни литров воды, и вовсе облегало тело Ларри, словно мокрые доспехи.

— Хотелось бы знать, мама, чем я тебе не угодил? — спросил он, когда Джек и Лесли заняли свои места и мы поехали дальше.

— О чем это ты, дорогой? Что за глупости — я вовсе не настроена против тебя.

— Никак не могу поверить, что все это случайно, — сказал Ларри. — Слишком похоже на тщательно продуманный план, как если бы в глубине души тобой владело желание истребить меня. Почему просто не задушить меня подушкой, когда я лежал в коляске? Зачем понадобилось ждать, когда я достигну расцвета сил?

— Что за ерунду ты говоришь, Ларри. Посторонний человек мог бы подумать, что ты в самом деле так думаешь.

Д — Да, я *так* думаю! — воскликнул Ларри. — Не волнуйся, мои издательцы только обрадуются рекламе: «Знаменитый писатель убит собственной матерью. «Я сделала это, чтобы избавить его от страданий», — говорит она».

— Ради бога, Ларри, уймись, если не хочешь, чтобы я рассердилась, — сказала мама.

— Но ведь это ты придумала устроить пикник, — настаивал Ларри.

— Так ведь служба погоды...

— Пощади, — взмолился Ларри. — Если ты еще раз упомянешь эту службу погоды, я закричу. Хоть бы их там всех поразила молния.

Мы поднялись на самый верх прибрежных скал. Смеркалось, и ветер одну за другой нес завесы дождя, так что видимость сократилась до минимума. Яркая вспышка молнии, сопровождаемая оглушительным раскатом грома прямо у нас над головой, заставила маму и Марго испуганно вскрикнуть. Именно в эту минуту у нас случился второй прокол.

— Ну так, — философически произнес Джек, сворачивая на обочину. — Это все. — И наступила тишина.

— Что ты хочешь этим сказать? — осведомился Ларри немного погодя. — Почему не меняешь колесо? Позволь напомнить тебе, что нас тут поливает дождь.

— Не могу, — коротко ответил Джек. — У нас была только одна запаска.

— Только одно запасное колесо? — изумился Ларри. — Боже правый! Что за организация! Что за планирование! Ты понимаешь, что, если бы Стенли так действовал, он до сих пор искал бы Ливингстона?

— Ничего не могу поделать, — ответил Джек. — Было одно колесо, мы его использовали. Кто же мог предвидеть, что будут два прокола, один за другим.

— Хочешь жить — будь готов к неожиданностям, — заметил Ларри.

— Ну вот и получай свою неожиданность, — вступила Марго. — Найди выход, если ты такой умный.

— И найду, — удивил нас Ларри. — Когда тебя окружают тупицы, остается только брать инициативу на себя. — С этими словами он вылез из машины на дорогу.

— Куда ты собрался, дорогой? — спросила мама.

— Вон туда, — показал Ларри. — Там ходит в поле какой-то человек. Не спрашивайте меня, почему он бродит в поле под проливным дождем; возможно, это деревенский дурачок. Но от него я, быть может, узнаю, где находится ближайшая ферма или гостиница с телефоном, чтобы мы могли дойти туда и вызвать летучку.

— Ты *молодец*, — восхищенно произнесла мама.

— Куда там, — ответил Ларри. — Просто когда ты со всех сторон окружен глупцами, всякое логическое суждение кажется гениальным.

Он зашагал по дороге, и я последовал за ним, боясь упустить что-нибудь интересное.

Мы подошли к полю, в дальнем конце которого, весело насвистывая, бродил между рядами свежих всходов мужчина, защищенный от дождя двумя мешками — один лежал на его плечах, другой накрывал голову. Время от времени он нагибался над каким-нибудь ростком, внимательно рассматривал его и выдергивал. Кажется, и впрямь деревенский дурачок, подумалось мне. Мы направились к нему, ступая между бороздами. Темная земля была липкая, словно патока, и скоро к каждому нашему ботинку пристало по два килограмма грязи.

— Мало того, что мое пальто весит несколько сот килограммов, — произнес, пыхтя, Ларри, — так еще этот груз на ногах. Не миновать мне разрыва сердца.

— Эй, вы! — крикнул я, как только мы оказались в пределах слышимости.

Мужчина выпрямился и посмотрел на наши мокрые грязные фигуры.

— Добрый день! — отозвался он.

— Учитывая метеорологическую историю Англии, следовало ожидать, что в ее языке найдутся другие слова для приветствия, верно? — заметил Ларри. — Что может быть нелепее, чем кричать «добрый день» в такую погоду, когда сам Ной почувствовал бы себя не в своей тарелке.

Когда же мы подошли к незнакомцу, Ларри стал само очарование, насколько это позволяло его отнюдь не приглядное убранство и общее состояние.

— Извините за беспокойство, — начал он, — но наша машина сломалась. Не будете ли вы так любезны сказать, где тут находится ближайший телефон, чтобы мы могли позвонить и вызвать ремонтную летучку?

Мужчина внимательно рассмотрел нас поблескивающими голубыми глазками. Его орлиный нос выглядел весьма внушительно на широком, плоском лице цвета желтовато-коричневого осеннего яблока.

— Телефон? У нас тут нет телефонов, и зачем они нам, сэр, совсем ни к чему.

— Понимаю, — терпеливо произнес Ларри. — И все-таки, где находится ближайший телефон?

— Ближайший? Ближайший... Дайте подумать... Давненько я не звонил по телефону, но попробую вспомнить... Так, там, в долине, ферма Джеффа Роджерса, у него телефона нет... Нет его и у миссис Чарлтон вон в той стороне... Вот что, сэр, пожалуй, вам лучше всего дойти до перекре-

Детка и повернуть направо. Там вы вскоре увидите пивную «Бык», сэр, у них есть телефон... Во всяком случае, был, когда я наведывался туда в прошлом году.

— Понятно, — сказал Ларри. — А в какой стороне находится этот перекресток?

— Это будет порядочная прогулка, и почти все время в гору.

— Не важно, — отозвался Ларри. — Вы только объясните нам, как...

— Я мог бы одолжить вам Молли, — предложил мужчина. — Так-то вы доберетесь быстрее.

— Мне не хотелось бы беспокоить вашу супругу... — начал Ларри, но мужчина прервал его громким хохотом.

— Мою жену! — выдохнул он. — Мою жену! Господи! Вы меня рассмешили, сэр. Молли — не жена, сэр, видит бог, Молли — моя лошадь.

— О, — сказал Ларри, — вы чрезвычайно любезны, но я много лет не ездил верхом, и у нас сегодня уже был один неприятный случай с лошадей.

— Нет-нет, это не верховая лошадь, а ездовая, — объяснил мужчина. — Я одолжу вам двуколку.

— Понятно, — сказал Ларри. — Но как же мы потом вернем ее вам?

— Не беспокойтесь, сэр, все будет в порядке. Вам надо будет только аккуратненько привязать вожжи к двуколке, и Молли сама дорогу найдет, все равно что верная жена, не в обиду моей старушке будет сказано. Когда я в субботу наведываюсь в пивную и выпью лишнюю кружку, сэр, меня укладывают в двуколку, и Молли как штык привозит меня домой, сэр.

— Мудрое животное, — отметил Ларри. — А ваша двуколка выдержит шесть человек?

— Конечно, сэр, если будете ехать не слишком быстро и если двое-трое из вас будут слезать на подъемах.

Зайдя за изгородь, мы увидели Молли; накрытая мешками, она задумчиво жевала насыпанный в торбу корм. На вид крепкая, как эскимурские пони, но раза в два крупнее. Хозяин отвязал Молли и вручил вожжи Ларри, который поспешил передать их мне.

— Ты ведь у нас зоолог, так что давай, действуй, — сказал он.

Мужчина принялся описывать, как нам следует ехать, причем его описание, как это заведено у сельских жителей, изобиловало маловразумительными деталями вроде «проедете мимо расщепленной молнией пихты слева от дороги» и «минуете место для купания овец любым удобным способом». На всякий случай мы заставили его повторить все сначала, после чего, не жалея слов благодарности, забрались в двуколку. Молли, которая явно озябла, стоя в загоне, живо отреагировала на мое понукание и понес-

лись к дороге крупной рысью. Родные приветствовали наше появление восторженными и недоумевающими возгласами.

— Ну и что дальше? — осведомился Лесли. — Возьмете нас на буксир?

— Нет, — сухо ответил Ларри. — Этот экипаж поможет нам найти пристанище и телефон. Если мы привяжем к колесам несколько ножей, Марго может выступить в роли воинственной возницы и при удаче мы сумеем наехать на какого-нибудь селянина и отрезать ему ноги.

После долгих препирательств мы с Ларри убедили всех променять мокрые сиденья «роллса» на не менее мокрую, но более подвижную двуколку. Проливной дождь успел смениться моросью, которая нисколько не уступала ливню по своему воздействию на наши одеяния. Молли, пригнув уши назад, чтобы лучше слышать мою похвалу ее удали, энергично перебирала ногами, и мы довольно быстро покатали вниз через холмы. Минут через двадцать мы очутились в каком-то совершенно неведомом и необитаемом краю.

— Надеюсь, ты знаешь, куда нам надо ехать, дорогой? — тревожно спросила мама.

— Консчно, — нетерпеливо ответил Ларри. — Инструктаж того человека запечатлен огненными буквами в моем мозгу. Ну-ка, Джерри, поверни направо у того дуба, а потом налево.

Некоторое время мы катили молча, наконец достигли перекрестка без каких-либо указательных столбов. Прежде чем Ларри успел открыть рот для новых инструкций, Молли по собственной воле свернула налево.

— Видите, — торжествующе произнес Ларри, — эта лошадь всецело согласна со мной. Даже бессловесная скотина признает врожденного лидера. Думаю, ее хозяин частенько навевывается в эту пивную, так что ей знакома дорога.

Мы нырнули в мокрый перелесок, где голуби аплодировали нам своими крыльями и сороки подозрительно хихикали. Дорога извивалась между щедро орошавшими нас тяжелыми каплями деревьями.

На Ларри нашел лирический стих.

— Скоро, совсем скоро мы увидим чудесную старую деревенскую пивную, — произнес он параспев. — Там ждет нас горящий камин, который согреет наши члены, и стаканы горячего виски с лимоном, которое согреет наши внутренности. Владелец пивной, скромный селянин, бросится исполнять наши пожелания, и пока мы будем сушиться у огня...

В эту минуту двуколка сделала еще один поворот, и голос Ларри осекся. В полусотне метров от нас стоял прочно засевший в грязи «роллс».

Возможно, у Молли были свои недостатки, но обратную дорогу к хозяину она твердо знала.

ПЕРВЫЙ РЕЙС

Как бы хорошо ни был подвешен ваш язык, все равно мозг буксует, когда вы пытаетесь описать озаренную желтой летней луной площадь Святого Марка в Венеции. Здания выглядят так, будто их вылепили из сладчайшей комковатой нуги самых нежных оттенков красного, коричневого и розового цвета. Сидишь и смотришь, очарованный, на мавританские фигурки, которые появляются каждые четверть часа, чтобы ударить в большой колокол собора Сан-Марко, рождая долгое гулкое эхо в разных концах огромной площади.

Вот и этот вечер был исполнен чисто венецианского очарования, и только скопище моих воинственных родичей вокруг двух столиков, уставленных напитками и закусками, портило впечатление. К несчастью, путешествие было задумано моей мамой, и как это всегда бывало с ней, мероприятие, представлявшееся ей сплошным источником радости, с первых дней грозило обернуться крахом, медленно, но верно влекущим ее к позорному столбу, уготованному членами любой семьи для своих родителей.

— Что бы тебе тактично предупредить меня заранее, — произнес мой старший брат Ларри, уныло созерцая один из множества бокалов, расставленных перед ним возмущительно довольным официантом. — В крайнем случае, я мог бы согласиться на смертельно опасное путешествие по воздуху. Но кой бес заставил тебя вовлечь нас в трехдневное плавание на греческом судне? Право, это было так же глупо, как если бы ты намеренно взяла билеты на «Титаник».

— Я думала, так будет веселее, и ведь греки отличные моряки, — оправдывалась мама. — К тому же это первый рейс нашего корабля.

— Ты всегда спешишь кричать «волки» раньше времени, — вступила Марго. — По-моему, мама замечательно все придумала.

— А я так согласен с Ларри, — через силу выговорил Лесли, которому, как и всем нам, претила мысль о том, чтобы в чем-то соглашаться с нашим старшим братом. — Будто мы не знаем, что такое все греческие пароходы.

— Почему же все, дорогой, — возразила мама. — Есть и совсем неплохие.

— Ладно, теперь уже все равно ничего не поделаешь, — мрачно заключил Ларри. — Из-за тебя мы обречены плыть на паршивой посудине, которую забраковал бы даже этот пьяница Старый Мореход.

— Чепуха, Ларри, — сказала мама. — Ты всегда преувеличиваешь. Представитель агентства Кука очень хвалил наш пароход.

— Он сказал, что в баре на борту всегда кипит жизнь! — торжествующе воскликнула Марго.

— Силы небесные, — выдохнул Лесли.

— И для орошения наших языческих душ, — подхватил Ларри, — бар располагает набором отвратительнейших греческих вин, словно извлеченных из тугой ярменной вены какого-нибудь верблюда-гермафродита.

— Ларри, выбирай слова, — сказала Марго.

— Нет, вы только подумайте, — кипятился он. — Меня вытащили из Франции ради злосчастной попытки оживить в памяти места нашей юности, совершенно не считаясь с моим мнением. Я уже начинаю жалеть, что согласился, а ведь мы, черт возьми, пока добрались только до Венеции. И уже истязая остатки моей печени «Слезам Христу», вместо того чтобы кушать доброе славное божоле. Уже мои вкусовые сосочки в каждом ресторане штурмуют не бифштексы «шароле», а горы спагетти, напоминающие отвратительные гнезда ленточных червей.

— Ларри, умоляю, прекрати, — сказала мама. — Неужели нельзя обойтись без вульгарности!

Несмотря на музыкальные усилия трех оркестров, играющих каждый свою мелодию в разных концах площади, на разноязычный гомон и сомнамбулическое воркование голубей, казалось, половина Венеции заворованно слушает только нашу семейную перепалку.

— Все будет в полном порядке, когда мы поднимемся на борт, — заверила Марго. — И ведь мы хотели, чтобы нас окружали греки.

— Думаю, именно это беспокоит Ларри, — мрачно заметил Лесли.

— Ладно, — сказала мама, пытаюсь разрядить атмосферу напускной уверенностью в том, что все идет, как надо, — нам пора. Садимся на один из этих вэпорайзеров и отправляемся в порт.

Мы рассчитались с официантом, добрались до Большого канала и погрузились на один из катеров, которые мама с ее блестящим знанием итальянского упорно называла вэпорайзерами (распылителями); менее сведущие итальянцы предпочитали слово «вапоретто».

Мы не могли налюбоваться дивным городом, плывя мимо величественных зданий по расписанной яркими бликами воде. Даже Ларри вынужден был признать, что уличное освещение Борнмута несколько блекнет перед венецианской феерией. Наконец мы прибыли в порт, который, как и все порты мира, выглядел так, словно сам Данте проектировал его, когда не был занят обустройством своего ада. Мы жались в кучку среди лужиц флуоресцирующего света, придающего нам сходство с персонажами какого-нибудь фильма ужасов раннего Голливуда и совершенно затмевающего серебристые, как паутина, лучи луны. Даже зрелище того, как наша малютка-мама пытается убедить алчных венецианских носильщиков, что мы с нашим разнородным багажом вовсе не нуждаемся в их помощи, не могло развеять наше уныние. Разговор шел на упрощенном английском языке.

— Мы английски. Мы не говорить итальянски! — кричала она с отчаянием, добавляя к этим утверждениям причудливый поток не связанных между собою слов на хинди, греческом, французском и немецком языках.

Так уж было у нее заведено общаться с любыми иностранцами, будь то австралийские аборигены или эскимосы. Увы, как уже было сказано, мы были не в состоянии веселиться.

Стоя на берегу, мы созерцали устье Большого канала, когда в нашем поле зрения возникло судно, в мореходных качествах которого усомнился бы даже самый зеленый новичок. На какой-то стадии своей предыдущей карьеры оно благополучно обслуживало внутренние линии, но и тогда, только что сойдя со стапелей и сверкая свежей краской, вряд ли отличалось особой красотой. Теперь же, лишенное всего, что в призрачном флуоресцирующем свете могло придать ему достойный вид, судно это являло собой удручающую картину. Кисть маляра много лет не касалась его корпуса, расцвеченного струпами ржавчины. Подобно моднице, потерявшей высокий каблук, оно сильно кренилось вправо. Картину предельной запущенности венчало скорбное зрелище, открывшееся нам, когда пароход развернулся, подходя к причалу. В носовой части корпуса зияла рваная дыра, через которую могли бы одновременно въехать внутрь два «Роллс-Ройса». Пробоина выглядела тем страшнее, что команда явно не успела принять даже самых примитивных мер, чтобы залатать ее. Смятые железные листы чем-то напоминали лепестки гигантской хризантемы. Онемев от удивления, мы смотрели, как к нам приближается диковинная посуда с надписью «Посейдон» над самой пробоиной.

— Господи! — выдохнул Ларри.

— Ужасно, — произнес Лесли, самый опытный моряк в нашем семействе. — Поглядите только на этот крен.

— Но это *наш* пароход! — пропищала Марго. — Мама, это наш пароход!

— Вздор, дорогая, не может этого быть, — возразила мама, поправляя очки и с надеждой взирая на высящийся над нами корпус.

— Три дня на этой посудине, — вымолвил Ларри. — Вот увидите, нас ждут переживания похуже тех, что выпали на долю Старого Морехода.

— Надеюсь, они сделают что-нибудь с этой дырой, прежде чем выходить в море, — тревожно произнесла мама.

— Что, например? — спросил Ларри. — Заткнут ее одеялом?

— Но ведь капитан должен был видеть, что произошло, — озадаченно произнесла мама.

— Полагаю, даже греческий капитан обязан был обратить внимание на то, что он совсем недавно с кем-то крепко стукнулся, — согласился Ларри.

— Нас захлестнет волнами, — простонала Марго. — Не хочу, чтобы мою каюту захлестнуло волной. Все мои платья будут испорчены.

— Сдается мне, сейчас уже все каюты затоплены, — заметил Лесли.

— Вот когда нам пригодятся наши ласты и дыхательные трубки, — сказал Ларри. — Представляете себе новшество — мы плывем в столовую обедать. Как это будет замечательно!

— Значит, так — как только мы поднимемся на борт, ты отправляешься к капитану, — постановила мама. — Может быть, он отсутствовал, когда произошло столкновение, и ему еще никто не доложил.

— Право, мама, ты меня раздражаешь, — огрызнулся Ларри. — Что и, по-твоему, должен сказать этому человеку? «Извините, кирие капитане, сэр, вам известно, что нос вашего корабля прогрызли жуки-точильщики?»

— Ларри, что за страсть все усложнять, — отозвалась мама. — Ты ведь знаешь, что я не говорю по-гречески, а то я сама пошла бы к нему.

— Скажи капитану, что я не хочу, чтобы затопило мою каюту, — настаивала Марго.

— Поскольку мы отчаливаем сегодня вечером, они при всем желании не успеют заделать пробоину, — сказал Лесли.

— Вот именно, — подхватил Ларри. — Но мама почему-то видит во мне нечто вроде перевоплощения Ноя.

— Ладно, у меня будет что сказать, когда мы поднимемся на борт, — воинственно произнесла мама, направляясь вместе с нами к трапу.

Наверху нас встретил романтического вида грек с черными, как анютины глазки, бархатными умильными глазами, в посеревшем белом костюме, на котором уцелело лишь несколько пуговиц. Судя по потускневшим эпюлетам, это был судовой казначей. Когда он попросил предъявить паспорта и билеты, на нас повеяло таким густым запахом чеснока, что мама отпрянула к поручням, забыв о том, что намеревалась справиться о состоянии ширхода.

— Вы говорите по-английски? — спросила Марго, укротив бунт своих обонятельных луковиц.

— Немного, — ответил грек с поклоном.

— Так вот, я не желаю, чтобы мою каюту захлестывали волны, — твердо произнесла Марго. — Вода повредит мою одежду.

— Все, что прикажете, — ответил грек. — Если вы желать жена, я дать свою. Она...

— Нет-нет! — воскликнула Марго. — *Волны*. Поняли?.. Вода.

Судовой казначей явно не различал английские слова «вэйв» и «вайф».

— В каждой кабине есть горячий и холодный душ, — гордо сообщил он. — Еще у нас есть бассейн и ночной клуб с танцами, вином и водой.

Д — Послушай, Ларри, чем смеяться, лучше помоги нам, — вмешалась мама, прижимая к носу платок для защиты от запаха чеснока, такого крепкого, что казалось — он окружает голову грека светящимся облачком.

Ларри взял себя в руки, обратился к судовому казначею на чистейшем греческом языке (чем явно его обрадовал) и в два счета выяснил, что судно не тонет, что каюты не захлестывает волнами и что капитану известно об аварии, поскольку он сам в ней повинен. О чем Ларри предусмотрительно не стал сообщать маме. Благоухающий казначей любезно вызвался проводить маму и Марго в их каюту, а мы с братьями отправились искать бар, следуя его наставлениям.

Войдя в бар, мы остолбенели. Больше всего он напоминал обитую панелями красного дерева комнату отдыха какого-нибудь скучного лондонского клуба. Большие шоколадного цвета кожаные кресла и диваны теснились вокруг огромных столов из мореного дуба. Тут и там над бронзовыми индийскими кадками возвышались пыльные потрепанные пальмы. В центре этой унылой роскоши остался свободный клочок паркета для танцев; к нему с одной стороны примыкала небольшая стойка с ядовитым набором напитков, с другой — низкий помост, обрамленный целым лесом пальм в кадках. На помосте жались, словно мошки в янтаре, три унылых музыканта в сюртуках с целлулоидными манишками и с кушаками, какие были в моде в девяностых годах прошлого века. Один играл на древнем пианино и тубе, другой пилил с профессиональным видом скрипку, третий истязал барабаны и тромбон. При нашем появлении это немыслимое трио играло для пустого зала «Пикардийские розы».

— Ужасно, — сказал Ларри. — Это не пароход, а какое-то плавучее кафе «Кадена» из Борнмута. Мы тут все свихнемся.

Заслышав его голос, музыканты перестали играть, руководитель трио блеснул золотыми зубами в приветственной улыбке, поклонился нам, приглашая своих коллег последовать его примеру, и они тоже расплылись в улыбке. Нам оставалось только ответить коротким поклоном, после чего мы проследовали к стойке. Теперь, когда появились слушатели, трио с еще большим рвением принялось наяривать «Пикардийские розы».

— Будьте любезны, — обратился Ларри к бармену, морщинистому человечку в грязном фартуке, — налейте мне в самый большой стакан, какой только есть, анисовки, чтобы я мог отключиться.

Речь иностранца, не только свободно говорящего по-гречески, но и достаточно богатого, чтобы заказать большой стакан анисовки, вызвала счастливую улыбку на лице бармена.

— Амессос, кирие, — сказал он. — Вам с водой или со льдом?

— Немного льда, — ответил Ларри. — Ровно столько, сколько требуется, чтобы побелить пойло.

— Извините, кирие, но у нас нет льда, — смущенно сообщил бармен.

Из груди Ларри вырвался глубокий горестный вздох.

— Только в Греции, — обратился он к нам по-английски, — возможен такой диалог. От него так сильно отдает Льюисом Кэрроллом, что этого бармена можно принять за переодетого Чеширского Кота.

— Воды, кирие? — спросил бармен, уловив в голосе Ларри ноту не столько одобрения, сколько порицания.

— Воды, — сказал Ларри по-гречески. — Самую малость.

Бармен налил в стакан изрядную порцию прозрачной анисовой водки из толстой бутылки, затем подошел к маленькой раковине и добавил воды из крана. Тотчас водка приобрела цвет разбавленного молока, и мы ощутили явственный запах аниса.

— Ух ты, крепкая штука, — заметил Лесли. — Возьмем и мы по стаканчику?

Я согласился, и мы подняли три стакана для тоста.

— Ну что ж, выпьем за «Марию Целесту» и всех тех дурней, что плавают на ней, — сказал Ларри, отпил добрый глоток... и тут же изверг его обротно, фыркая, словно умирающий кит, и сжимая горло одной рукой; из глаз его катились слезы.

— О-о-о! — взревел он. — Этот болван, черт бы его побрал, разбавил водку горячей водой!

Наша юность прошла на греческой земле, и мы привыкли к странностям этих людей, но разбавлять свой национальный напиток кипятком — это уж было чересчур.

— Зачем ты налил горячую воду в анисовку? — воинственно осведомился Лесли.

— Потому что у нас нет холодной, — ответил бармен, удивленный тем, что Лесли оказался не в состоянии самостоятельно решить сию логическую загадку. — Потому же у нас нету льда. Это наш первый рейс, кирие, вот почему в баре есть только горячая вода.

— Невероятно, — судорожно вымолвил Ларри. — Невероятно! Первый рейс, и у судна, черт возьми, огромная дыра в корпусе, и оркестр состоит из семидесятилетних стариков, и в баре есть только горячая вода...

В эту минуту в баре появилась чем-то взволнованная мама.

— Ларри, мне нужно поговорить с тобой, — выдохнула она.

Ларри повернулся к ней.

— Ну что ты там обнаружила? Айсберг на твоей койке?

— В нашей каюте был таракан. Марго бросила в него пузырек с одеколоном, пузырек разбился, и теперь там пахнет, как в парикмахерской. И таракан, по-моему, остался невредим.

— Прекрасно, — отозвался Ларри. — Рад, что вы позабавились. Тебе осталось только отметить начало этого бурного плаванья глотком раскаленной анисовки.

— Нет-нет, я вовсе не за этим пришла сюда.

— Неужели только за тем, чтобы рассказать мне про купающегося в одеколоне таракана? — удивился Ларри. — Решила превзойти эксцентричностью греков?

— Да нет же, все дело в Марго, — прошептала мама. — Она пошла сам-знаешь-куда и застряла, не может выйти.

— «Сам-знаешь-куда»? Это где же?

— В уборную, куда же еще. Ты отлично знаешь, что я подразумеваю.

— Ну и что ты хочешь от меня? Я не сантехник.

— Она пробовала вылезть оттуда через отдушины? — спросил Лесли.

— Пробовала, — ответила мама. — Ничего не получается. Оба отверстия, что над дверью, что внизу, слишком малы.

— Что ж, и то хорошо, что есть отдушины, — заметил Ларри. — По опыту знаю, что в греческих уборных воздух просто необходим, и мы сможем просовывать ей еду через нижний паз.

— Не говори глупостей, Ларри, — сказала мама. — Ты должен что-нибудь придумать.

— Попробуй сунуть еще одну монетку в щель автоматического замка, — предложил Ларри. — Иногда это помогает.

— Уже, — сообщила мама. — Я сунула лиру, все равно замок не открывается.

— Потому что это греческая уборная, она принимает только драхмы, — подчеркнул Ларри. — Попробовала бы лучше фунтовую бумажку. Курс обмена в нашу пользу.

— Ну вот что, — сказала мама. — Ступай и найди стюардессу, чтобы помогла Марго. Она уже целую вечность сидит там взаперти. Ты хочешь, чтобы она всю ночь там оставалась? Вдруг она ударится обо что-нибудь локтем и потеряет сознание, как это с ней всегда бывает!

Мама была склонна мрачно смотреть на вещи.

— Сколько я знаю греческие сортиры, — рассудительно произнес Ларри, — так люди, войдя туда, сразу теряют сознание, даже не ударяясь локтем.

— Ради бога, сделай же что-нибудь! — вскричала мама. — Вместо того чтобы стоять здесь и накачиваться водкой.

Мы последовали за ней и нашли злополучную уборную. Лесли с видом эксперта подошел к двери кабины и подергал ее.

— Моя застрять, моя английски! — услышали мы голос Марго. — Твоя найти стюардесс.

— Знаю, знаю, балда, — прорычал Лесли. — Это я.

— Сейчас же выйди отсюда. Это женская уборная, — отозвалась Марго.

— Ты хочешь выйти из кабины или нет? — сердито спросил Лесли. — Если да, лучше помалкивай!

Ругаясь вполголоса, он принялся обрабатывать замок. Безуспешно.

— Прошу тебя, дорогой, выбирай слова, — сказала мама. — Не забывай, что ты в женской уборной.

— Там, внутри, — обратился Лесли к Марго, — должна быть какая-то шишка, за которую нужно потянуть. Что-то вроде задвижки.

— Я уже за все тут тянула, — возмущенно откликнулась Марго. — Чем еще, по-твоему, я занимаюсь здесь битый час?

— Все равно потяни еще раз, — предложил Лесли. — А я нажму на дверь с этой стороны.

— Хорошо, тяну, — сказала Марго.

Лесли напряг свои могучие плечи и бросился на дверь.

— Это напоминает мне детективный сериал, — заметил Ларри, глотнув анисовки, которую предусмотрительно захватил с собой и которая к этому времени успела остыть. — Ты уж поосторожнее, не то будет в коридоре еще одна пробоина.

— Бесплезно, — пропыхтел Лесли. — Слишком крепкая дверь. Придется нам поискать какого-нибудь стюарда.

И он отправился на поиски кого-нибудь, разбирающегося в механике.

— Нельзя ли поскорее, — жалобно произнесла Марго. — Здесь ужасно душно.

— Только не падай в обморок! — тревожно воскликнула мама. — Старайся ровно дышать.

— И не бейся ни обо что локтями, — добавил Ларри.

— Ларри, не выводите меня из себя, — взмолилась мама. — Когда ты только образумишься?

— Ладно, хочешь я принесу ей горячей анисовки? — предложил он. — Мы могли бы просунуть ей стаканчик под дверь.

Его спасло от маминого гнева появление Лесли, который привел с собой маленького раздраженного человечка.

— Эти леди постоянно так делают, — мрачно обратился человечек к маме, выразительно пожимая плечами. — Постоянно там застревают. Я покину, все очень просто. И почему только женщины не могут запомнить?

Он подошел к двери, с минуту поколдовал над ней, и она распахнулась.

Д — Слава богу, — сказала мама, увидев Марго, однако человек не дал ей броситься в объятия родичей.

— Назад! — скомандовал он, сопровождая это слово решительным жестом. — Я научу вас.

Мы не успели даже рта раскрыть, как он затолкал Марго обратно в кибину и захлопнул дверь.

— Что он делает? — испуганно вскричала мама. — Что этот человек задумал? Ларри, сделай же что-нибудь!

— Все в порядке, мама! — успокоила ее Марго. — Он показывает мне, как это делается.

— Что делается? — тревожно осведомилась мама. Наступила долгая зловещая тишина, которую нарушил поток греческой брани.

— Марго, сейчас же выходи оттуда, — велела не на шутку обеспокоенная мама.

— Не могу, — отозвалась Марго. — Он запер нас.

— Мерзавец! — воскликнула мама. — Бей его, дорогая, бей. Ларри, сходи за капитаном.

— Я хотела сказать, что он тоже не может отпереть, — поспешили объяснить Марго.

— Пожалуйста, найти казначей, — простонал человек. — Пожалуйста, найти казначей открыть дверь.

— А где его искать? — осведомился Лесли.

— Это бог знает что, — сказала мама. — С тобой все в порядке? Держись от него подальше, дорогая.

— Вы найти казначей в кабинете казначей, первая палуба! — кричал несчастный узник.

Последующая сцена всякому, кто не знаком с греческим темпераментом и недоступной пониманию англосакса способностью греков до крайности усложнять элементарнейшую ситуацию, покажется невероятной. Такой же показалась она и нам, знающим греков. Лесли вернулся с казначаем, который добавил аромат чеснока к благоуханию женской уборной, похвалил Ларри за его любовь к анисовке, а Лесли — за знание греческого, вручил маме в утешение гвоздику, торчавшую у него за ухом, после чего обрушил на злополучного человечка, запертого вместе с моей сестрой, таковой залп бранных слов, что я удивился, как не расплавилась стальная дверь. Отведя душу бранью, казначей принялся колотить дверь руками и ногами. Наконец повернулся к маме и поклонился.

— Мадам, — сказал он, улыбаясь, — не волнуйтесь. Ваша дочь может быть спокойна вместе с девственником.

Его слова повергли маму в смятение. Она обратилась за объяснением ко мне, поскольку Ларри, насмотревшийся подобных сцен, отправился в бун за новой порцией анисовки. Я объяснил маме, что казначей, видимо, хотел сказать, что девственности Марго ничего не угрожает.

— Ты что-то не так понял, — недоверчиво произнесла мама. — У нее двое детей.

Я слегка растерялся, как теряется всякий, общаясь с греками. Набрав полные легкие воздуха, я приготовился выдать маме обстоятельное разъяснение, однако меня избавило от этого труда появление трех пассажирок, трех тучных, грудастых, широкобоких, усатых деревенских жительниц, втиснутых в непомерно тесные, черные, полушелковые платья и источающих в равных пропорциях ароматы чеснока, тошнотворных духов и пота. Они протиснулись между мной и мамой в уборную и при виде яростно колотящего дверь кабины казначея замерли, точно могучие боевые кони перед сражением.

Представители любой другой национальности выразили бы недовольство присутствием в женской святыне судового казначея, не говоря уже об иностранце в моем лице, но греки — люди особого склада. Три дамы тотчас уразумели, что речь идет о драматической *ситуации*, а какой же грек не обожает таковые. Что там перед таким волнующим эпизодом присутствующие в дамской уборной трех мужчин (если учитывать человечка, запертого в кабине вместе с Марго)!

Сверкая глазами и раздувая усы, они окружили казначея стеной волнующей плоти и потребовали доложить, что здесь происходит. Как обычно, когда возникают драматические *ситуации*, все говорили одновременно. Температура воздуха в женской уборной приблизилась к семидесяти градусам, а сила звука достигла такой величины, что в голове звенело, как если бы мы слушали «Полет валькирий», сидя в железной бочке.

Поняв из слов изнуренного битвой с дверью казначея, в чем состоит суть *ситуации*, три могучие леди, сложением не уступающие профессиональным борцам, отодвинули его лопатами своих ручищ с красным маникюром, приподняли юбки и с оглушительным «Опа! Опа!» атаковали дверь кабины. Думаю, вес живого тарана составлял не менее четырехсот килограммов, однако сталь есть сталь, и три леди шлепнулись на пол, переплестись конечностями. С трудом поднявшись на ноги, они принялись оживленно обсуждать возможные способы одолеть стойкую преграду. Одна из них, весом полегче двух других, решила продемонстрировать придуманный ею способ — лучшего не бывает — на двери соседней кабины. К сожалению, эта дверь не была заперта, в результате женщина с поразительной скоростью влетела внутрь и сильно ушибла бедро, с ходу шлепнувшись на

Дунитаз. Хотя ей не удалось доказать свою правоту, она нисколько не расстроилась, тем более что в эту минуту появился Ларри, сопровождаемый барменом, который нес уставленный напитками поднос.

Некоторое время мы дружно потягивали анисовку, желая друг другу здоровья, расспрашивали, у кого какая семья, сколько детей. Свежий интерес к *ситуации* пробудился, когда вернулся Лесли в сопровождении судового плотника, на поиски которого его отряжали. Тотчас все забыли про анисовку и обрушили на плотника свои варианты решения проблемы; все они были отвергнуты знатоком своего дела. После чего он с видом фокусника закатал рукава и подошел к нехорошей двери. В полной тишине он извлек из кармана крохотную отвертку и вставил ее в какое-то крохотное отверстие. Раздался щелчок, все восторженно ахнули, и дверь распахнулась. Плотник отступил назад на два шага и торжествующе вскинул руки.

Маленький узник и Марго вырвались на волю, точно беженцы из черных кварталов Калькутты. Казначей набросился на несчастного коротышку и принялся тузить и трясти его, осыпая бранью. Затем слово взял плотник: как-никак это он открыл дверь. Мы почтительно слушали описание хитроумного устройства замков вообще и данного в частности. Осушив стаканчик анисовки, плотник заговорил таким возвышенным стилем, что сразу стало понятно — замки его хобби. Мы узнали, что он берется открыть любой замок — хоть отверткой, хоть шпилькой, хоть согнутым гвоздем, даже куском твердого пластика. В подтверждение своих слов он взял за руки своих двух товарищей, втащил их в кабину, точно барашков на заклание, и, не давая нам опомниться, захлопнул дверь. Семейство Дарреллов и три тучные леди затаили дыхание. Послышались какие-то щелчки и странный скрежет. Короткая пауза, затем из-за двери обрушился град хороших слов на эксперта по замкам, который робко извинялся и оправдывался.

Мы неприметно удалились в ту минуту, когда три леди приготовились к новому штурму.

Так закончился первый акт первого рейса.

Не стану описывать растущего раздражения моих родичей, вызванного тем, что в силу не совсем понятных правил греческого этикета обед в столовой не мог быть подан до полного освобождения казначея, а сия процедура затянулась, так как непрерывные атаки на злополучную дверь окончательно испортили замок, и пришлось отрывать боцмана от какой-то пирушки на берегу, чтобы он распилил петли. Устав ждать, мы сами сошли на берег, кое-как перекусили и вернулись в свои каюты в мрачайшем расположении духа.

На другое утро мы направились в столовую с твердым намерением позавтракать. Годы милосердно стерли в нашей памяти впечатления от грече

ской стряпни. Конечно, в Греции есть места, где можно вкусно поесть, но их надлежит терпеливо искать, поскольку они не менее редки, чем единокор. Страна располагает почти всеми необходимыми ингредиентами, однако ее обитатели обычно слишком заняты препирательствами, чтобы твердо стоять на пути, ведущие к высотам кулинарного искусства.

Четверка молодых официантов в столовой «Посейдона» не составляла исключения; они предались междоусобной словесной баталии, напоминая стаю сорок, спорящих из-за лакомого кусочка. Декор столовой (если это слово тут годится) не уступал убранству бара, который, как мы успели выяснить, носил гордое название «Найт-Клуб». Преобладал мореный дуб. Медные детали были начищены без ярко выраженного стремления придать им изыскательный блеск, потускневшие скатерти изобиловали следами пятен, устоявших против всех попыток некой прачечной в Пирее справиться с ними. Мама неприметно, но решительно протерла платком свои ложки и вилки и настояла на том, чтобы мы сделали то же. Поскольку мы с утра оказались единственными клиентами, официанты не посчитали нужным прекратить свой диспут; кончилось тем, что Ларри, потеряв терпение, рывкнул «(о паракало!» с такой силой, что мама уронила на пол прибор Марго. Тотчас какофония смолкла, и официанты окружили наш стол с выражением предельного подобострастия на лице. Мама, к своей радости, обнаружила, что один из них, обворожительный молодой человек, какое-то время жил в Австралии и обладал элементарным знанием английского языка.

— Так вот, — обратилась она к нему с улыбкой, — мне, если можно, хороший чайничек с горячим чаем. Проследите, чтобы воду как следует вскипятили, и, ради бога, обойдемся без этих мешочков с заваркой, от них меня всегда бросает в дрожь.

— Лично я каждый раз вспоминаю Брамипутру после эпидемии, — поставил Ларри.

— Ларри, дорогой, умоляю — воздержись от воспоминаний за завтраком, — сказала мама и снова обратилась к официанту: — А еще принесите мне гренки с обжаренными помидорами.

Мы подобрались, ожидая, что последует дальше. Годы горького опыта так и не излечили маму от трогательной надежды найти когда-нибудь грека, способного понять ее запросы. Само собой, официант пропустил мимо ушей указания мамы относительно чая. Для него чай рос в мешочках для лимарки, и всякая попытка пойти против природы грозила самыми тяжелыми последствиями для всех. Однако мама сильно осложнила его жизнь, заговорив о какой-то неведомой пище.

— Обжаренные помидоры? — озабоченно справился он. — Что это?

— Обжаренные помидоры? — эхом отозвалась мама. — Я сказала — обжаренные. Понимаете — гренки с обжаренными помидорами.

Д

Официант уцепился за единственное в мире разумное понятие — гренки.

— Мадам желает гренки, — твердо сказал он, сиюсь удержать маму на верном пути. — Чай и гренки.

— И помидоры, — внятно произнесла мама. — Обжаренные помидоры.

На лбу официанта выступили капли пота.

— Что такое «обжатые помидоры», мадам? — завершил он хождение по кругу.

Мы все заранее сделали заказ и теперь спокойно сидели, наблюдая, как собирается с силами мама.

— Ну, — выговорила она наконец, — это, гм, помидоры... такие красивые плоды, похожие на яблоки. Нет-нет, я хотела сказать — на сливы.

— Мадам желает сливы? — озадаченно спросил официант.

— Да нет же — помидоры, — ответила мама. — Вы, конечно, знаете, что такое помидоры?

Лицо юного грека просветлело.

— Да, мадам, — сказал он, улыбаясь.

— Так вот, — торжествующе молвила мама, — принесите гренки с обжаренными помидорами.

— Слушаюсь, мадам, — покорно произнес официант и удалился в угол столовой, чтобы посоветоваться с казначеем.

Греческая жестикуляция отличается особенным пылом и выразительностью. Мама сидела спиной к казначею и официанту, мы же могли в полной мере насладиться зрелищем «боя с тенью». Судя по всему, казначей на шел убедительные доводы, объясняя официанту, что тому надлежит самому выяснить у клиента, что такое «обжатые помидоры». Несчастный парень снова вернулся к маме.

— Мадам, — мрачно осведомился он, — как приготавливаются обжатые помидоры?

До этой минуты мама пребывала в убеждении, что ей удалось проломить солидную брешь в воздвигаемых против нее греческих барьерах. Теперь ее уверенность в победе сильно поколебалась.

— Что такое «обжатые»? — спросила она. — Я не говорю по-гречески.

Официант опешил. Как-никак мадам сама заговорила о помидорах, и с ее стороны нечестно в чем-то винить его. Мадам заказала «обжатые помидоры», кому же, как не ей, черт возьми, знать, что это такое?

— Мадам желает помидора, — начал он все сначала.

— На гренках, — повторила мама.

Он уныло побрел обратно к казначею, и завязалась новая перепалка, завершившаяся тем, что тот отправил его на кухню.

— Честное слово, — сказала мама, — сразу видно, что мы вернулись в Грецию, от них невозможно добиться толка.

Мы принялись ждать следующего раунда. Находясь в Греции, главное — настроиться на то, что все будет делаться шиворот-навыворот, и с легкой душой воспринимать любой исход.

Наконец официант появился снова. Он принес наши заказы, поставил на стол перед мамой чайничек с чаем и тарелку с куском хлеба и двумя разрезанными пополам помидорами.

— Но это не то, что я заказывала, — пожаловалась мама. — Помидоры сырые, и это не гренки.

— Помидоры, мадам, — упрямо молвил юный грек. — Мадам сказала: помидоры.

— Но *обжаренные*, — возразила мама. — Понятно? — Он молча смотрел на нее. — Послушайте, — сказала мама, словно обращаясь к дебилу, — сперва вы поджариваете ломтики хлеба, понятно? Получаются гренки.

— Да, — уныло произнес официант.

— Так вот, — продолжала мама. — Потом кладете на гренки помидоры и обжариваете их. Понятно?

— Да, мадам. Вы не желаете этого? — Он показал на тарелку с хлебом и помидорами.

— В таком виде — нет. Надо поджарить.

Официант унес тарелку и опять затеял перепалку с казначеем, крайне скучающим тем, что в столовой появилась требующая внимания группа греческих пассажиров во главе с уже знакомыми нам тремя тучными леди.

Затаив дыхание, мы смотрели, как наш официант ставит на стол тарелку с помидорами и хлебом и расстилает рядом бумажную салфетку с лицом фокусника, намеревающегося исполнить самый сложный трюк. Заметив наши напряженные взгляды, мама и Марго обернулись в ту самую минуту, когда официант аккуратно поместил хлеб с помидорами в центр салфетки.

— Что он там делает? — спросила мама.

— Выполняет некий древний греческий ритуал, — объяснил Ларри.

Тем временем официант обернул хлеб с помидорами салфеткой и покинул угол столовой.

— Он что, собирается подать мне их в таком виде? — удивилась мама.

Словно завороченные, мы смотрели, как официант важно прошествовал в центр столовой и опустил свою ношу на металлическую доску большой керосиновой печки. Несмотря на весну, стояла прохладная погода, поэтому печь топилась и распространяла приятное тепло. Предвидеть, что задумал этот парень, было несложно, и все же нам не верилось, что такое возможно на самом деле. На глазах у нас он осторожно опустил салфетку с

Д хлебом и помидорами на раскаленную плиту и отступил на два шага, наблюдая за процессом. Не прошло и нескольких секунд, как салфетка вспыхнула, следом за ней загорелся и хлеб. Встревоженный тем, что его новый способ приготовления пищи не оправдал себя, официант схватил с ближайшего стола другую салфетку и бросил ее на плиту, пытаясь потушить пожар. Салфетка, как и следовало ожидать, тоже загорелась.

— Не знаю, что у греков называют деликатесами, — сказал Ларри, — но это блюдо выглядит вполне деликатно, притом оно приготовлено почти у самого столика клиента.

— Этот парень, должно быть, сошел с ума! — воскликнула мама.

— Надеюсь, *теперь* ты не станешь этого есть, — заметила Марго. Гигиеничным это блюдо не назовешь.

— Единственный по-настоящему пикантный способ жарить помидоры, — возразил Ларри. — Представляешь, сколько удовольствия ты получишь потом, выковыривая зубочисткой кусочки обугленной салфетки.

— Оставь свои отвратительные шутки, — возмутилась мама. — Будто ты и впрямь думаешь, что я стану это есть.

Еще два официанта присоединились к своему товарищу, и втроем они принялись тушить пламя салфетками. Кусочки помидоров и горящего хлеба летели во все стороны, приземляясь на всех столах и людях без разбора. Одной из тучных леди достался сочный шлепок шматком помидора, а одному престарелому джентльмену, только что занявшему свое место за столом, красный уголек пришил галстук к рубашке, точно раскаленная индейская стрела. Вынырнувший из кухни казначей мгновенно оценил ситуацию, схватил кувшин с водой, подбежал к плите и вылил на нее всю воду. Конечно, пламя погасло, зато ближайшие столы были окутаны облаками пара, который распространился по всей столовой, неся с собой смешанный запах помидоров, горелого хлеба и жженой бумаги.

— Узнаю запах овощного супа с вермишелью, — заметил Ларри. По-моему, мама, ты просто обязана отведать немного после таких стараний юного официанта.

— Что за чушь ты городишь! — воскликнула мама. — Они тут все сумасшедшие!

— Нет, — вступил Лесли. — Они тут все греки.

— Синонимы, синонимы, — заключил Ларри.

Почему-то один официант ударил кулаком другого; тем временем казначей схватил виновника суматохи за лацканы пиджака и честил его нехорошими словами. Ко всему этому прибавились негодующие крики пострадавших. Угрожающие жесты, толчки и сочная брань являли собой увлекательное зрелище, но у всякого удовольствия есть свой предел, так и здесь все кончилось тем, что казначей вlepил нашему официанту добрый

подзатыльник, в ответ на что тот сорвал с себя не первой свежести форменный пиджак и швырнул в лицо казначею, а тот швырнул его обратно и велел парню убираться из столовой. После чего сердито приказал оставшимся официантам навести порядок и направился к нашему столу, извиняясь налево и направо перед другими пассажирами. Подойдя к нам, остановился, выпрямился во весь рост, достал из петлицы пиджака свежую гвоздику и подал маме одной рукой, беря другой ее правую руку и запечатлевая на ней галантный поцелуй.

— Мадам, — сказал он, — примите мои извинения. Мы не можем подать вам обжаренные помидоры. Любое другое блюдо, какое пожелаете, только не обжаренные помидоры.

— Это почему же? — любопытствовал Ларри.

— Потому что наш гриль не работает. Понимаете, — продолжал он объяснять, — это наш первый рейс.

— Представляю себе второй, — съязвил Лесли.

— Скажите, — не унимался Ларри, — почему ваш официант задумал жарить на той плите?

— Это очень глупый парень, — ответил казначей. — У нас на судне только опытный персонал. Его демонтируют в Пирее.

— Расскажите, как вы демонтируете официантов? — не выдержал Ларри.

— Ларри, дорогой, — поспешила вмешаться мама, — господин казначей — очень занятой человек, не будем его задерживать. Пусть мне сварят яйцо.

— Благодарю, — с достоинством произнес казначей, поклонился и отступил на кухню.

— На твоём месте я довольствовался бы сырыми помидорами, — сказал Ларри. — Сама видела, как они их обжаривали. Страшно подумать, что они сделают с вареными яйцами.

— Ерунда, Ларри, — отозвалась мама. — Вареное яйцо при всем желании не испортишь.

Она ошиблась. Когда ей через десять минут принесли *два* яйца, они не только были сварены вкрутую, но и тщательно очищены заботливыми, одними немытыми пальцами.

— Смотрите! — воскликнул Ларри. — Какое блюдо! Сварено на сохоту и покрыто пальцевыми отпечатками, которым сам Шерлок Холмс позавидовал бы!

Пришлось маме спрятать эти странные реликвии в сумочку и после завтрака незаметно выбросить их за борт, чтобы, сказала она, никого не обидеть.

— Одно я скажу, — произнес Ларри, глядя, как яйца летят в воду, — три дня питания одной только горячей анисовкой, и мы сойдем на берег худые, как щепка, и веселые, как Бахус.

Однако он тоже ошибался.

Вечерняя трапеза была, по греческим меркам, почти эпикурейской. Нам подали три блюда: первое — холодное по закону, поскольку речь шла о закусках, два остальных — холодные потому, что их подали на холодных тарелках препиравшиеся, как обычно, друг с другом официанты. Тем не менее все было съедобно, и единственное недоразумение возникло, когда Марго в своих закусках обнаружила маленький глаз каракатицы. Мы не устояли против соблазна приналець на вино и поднялись из-за стола, слегка покачиваясь, в чудном настроении.

— Вы пойти ночной клуб? — осведомился казначей, кланяясь у выхода из столовой.

— А что, — подхватил Ларри эту идею. — Пошли, устроим оргию среди пальм. Ты не забыла фигуры кадрили, мама?

— И не подумаю выставлять себя на посмешище, — гордо возразила мама. — Но от кофе и от рюмочки бренди, пожалуй, не откажусь.

— Тогда — вперед, в порочные объятия осененного пальмами ночного клуба, — сказал Ларри, не совсем уверенно ведя маму за руку, — туда, где нас ждут возбужденные опиумом восточные девы. Мы не забыли захватить драгоценный камень, чтобы украсить пупок Марго?

Поскольку мы засиделись в столовой, веселье в ночном клубе было уже в полном разгаре. Под звуки венского вальса три тучные леди вкупе с другими пассажирами сражались за жизненное пространство на крохотной площадке для танцев, напоминая бьющийся в неводе косяк рыбы. Все неудобные роскошные диваны, кресла и столы, похоже, были заняты, однако вынырнувший откуда-то ретивый стюард указал на почетные места за самым ярко освещенным столом, сообщив, что они специально зарезервированы для нас капитаном. Нисколько не обрадованные этим известием, мы возразили, что предпочли бы столик в каком-нибудь темном уголке, но тут появился сам капитан — смуглый умильно-романтический грек, чья полнота, как это присуще левантинцам, лишь усиливала привлекательность его внешности.

— Мадам, — с ходу пустился он в комплименты, — я счастлив видеть вас и вашу прелестнейшую сестру на борту нашего корабля во время его первого рейса.

Откуда было капитану знать, что его слова произведут отнюдь не приятное впечатление. Мама заключила, что он относится к разряду, как она довольно смутно выражалась, «тех мужчин», а по лицу Марго было ясно,

что при всей ее любви к маме она все же видела некую разницу между маминим восьмым десятком лет и своим цветущим тридцатилетним возрастом. Несколько секунд судьба капитана висела на ниточке, потом мама решила простить его — как-никак иностранец, а Марго последовала ее примеру, потому что он был весьма недурен. Лесли подозрительно смотрел на капитана, полагая, что пробоина в корпусе — свидетельство его довольно низкой квалификации; Ларри достиг той благодатной степени опьянения, которая располагает ко всем относиться снисходительно. С обходительностью профессионального метрдотеля капитан разместил нас вокруг столика и сам сел между мамой и Марго, обнажив в улыбке золотые коронки, сверкающие, словно светлячки, на его смуглом лице. Распорядившись, чтобы им подали напитки, он, к ужасу мамы, пригласил ее на танец.

— О нет! — воскликнула она. — Боюсь, время моих танцев давно прошло. Предоставляю такого рода развлечения моей дочери.

— Но, мадам, — настаивал капитан, — вы моя гостья. Вы должны танцевать.

Это было сказано таким властным тоном, что мама, к нашему удивлению, словно загипнотизированный кролик, поднялась и позволила ему проводить ее на танцевальную площадку.

— Но мама не танцевала с тех пор, как в двадцать шестом году умер папа! — ахнула Марго.

— Она сошла с ума, — мрачно заметил Лесли. — У нее будет разрыв сердца, и нам придется хоронить ее в море.

Впрочем, это вполне отвечало пожеланиям мамы, которая немало времени отводила выбору места для своих похорон.

— Вы посмотрите на тех трех великанш, — сказал Ларри. — Мама рискует, что ее там затопчут насмерть. Как можно было подвергать себя такой опасности, это же все равно что выходить на арену, битком набитую напившимися слонами.

На площадке и впрямь царила такая теснота, что вальсирующие пары прищались в черепашьем темпе. Капитан, используя маму как таран и напирая своими широкими плечами, ухитрился втиснуться в сплошную массу плоти, и они очутились в самой гуще танцующих. Коротышку маму совсем не было видно, однако время от времени нашим взорам являлось лицо капитана с искорками золотых коронок. Но вот отзвучали последние певучие ноты «Сказок Венского леса», и запыхавшиеся потные танцоры очистили площадку. Сияющий капитан не столько привел, сколько отнес к нашему столику помятую, багроволицую маму. Она опустилась в кресло, обмахиваясь веером, не в силах вымолвить ни слова.

— Отличный танец вальс, — заметил капитан, опрокидывая стаканчик анисовки. — Не только танец прекрасный, но и отменное упражнение для мускулов.

Кажется, он не заметил, что тяжело дышащая мама, чей цвет лица все еще был далек от нормы, выглядела, словно человек, вырвавшийся из смертельных объятий Кинг Конга.

Настал черед Марго, но относительно молодой возраст и большее, чем у мамы, проворство позволили ей благополучно выдержать испытание.

Когда она вернулась к столику, мама горячо поблагодарила капитана за гостеприимство, однако добавила, что после столь хлопотного дня вынуждена удалиться в свою каюту и лечь спать. В самом деле, она целый день провела на палубе, завернувшись в одеяло в шатком шезлонге и жалуясь на качку и холодный ветер. Итак, мама грациозно удалилась. Если бы звался проводить ее до каюты, и к тому времени, когда он вернулся, Марго, пустив в ход свое неоспоримое обаяние, сумела убедить капитана, что, хотя венский вальс в самом деле хорош для укрепления мускулов, *греческое* судно (тем более совершающее первый рейс) не вправе пренебрегать культурным наследием Греции, выраженным в ее национальных танцах. Капитан находился под сильным впечатлением от самой Марго и от ее суздений, и не успели мы сами толком переварить ее идею, как он взялся отстаивать национальное наследие Греции. Подойдя твердым шагом к преставленным музыкантам, он громко спросил, какие старые, прекрасные, чисто греческие мелодии они знают. Народные, крестьянские мелодии. Воспевающие красоту страны и доблесть ее народа, величие ее истории и красоту архитектуры, изысканность мифологии и блеск, поразивший мир, мелодии, заставляющие вспомнить Платона и Сократа, говорящие о славном прошлом, настоящем и будущем Греции.

Скрипач ответил, что они знают только одну такую мелодию — «В воскресенье нельзя».

Капитана чуть не хватил удар. Побагровев, он вскинул руки и обратился к публике. Кто-нибудь, спросил он риторически, когда-нибудь слышал о греческом оркестре, не знающем греческих мелодий?

— М-м-м, — отозвалась публика, как это свойственно публике, когда она не совсем понимает, что происходит.

— Позвать сюда старшего помощника! — взревел капитан. — Где Яни Попадопулос?

Сжав кулаки, сверкая золотым оскалом, он стоял посреди танцевальной площадки с таким грозным видом, что официанты мигом бросились искать старшего помощника, каковой вскоре явил народу свой встревоженный лик, видимо опасаясь, что нос парохода обзавелся еще одной пробойной.

— Попадопулос, — прорычал капитан, — разве песни Греции — не один из лучших элементов нашего культурного наследия?

— Само собой, — с облегчением ответил Попадопулос, видя, что его служебному положению ничто не угрожает; даже самый безрассудный капитан не мог бы вменить ему в вину какое бы то ни было состояние музыкального наследия Греции.

— Так почему же ты никогда не докладывал мне, — продолжал капитан, сверля взглядом старшего помощника, — что этот оркестр не знает греческих мелодий?

— Они знают, — возразил старший помощник.

— Нет, не знают.

— Но я сам слышал! — настаивал Попадопулос.

— Что они играли? — зловеще спросил капитан.

— «В воскресенье нельзя», — торжествующе ответил старший помощник.

Греческое слово «экскрете» (извержение, испражнение) как нельзя лучше выражает способ дать выход бушевающему человека гневу.

— Ската! Ската! — закричал капитан. — К чертям собачьим «В воскресенье нельзя»! Я говорю о культурном наследии Греции, а ты предлагаешь мне песенку про путану. Это культура? Кому это нужно?

— Путаны нужны команде, — заявил старший помощник. — Что до меня, то у меня прекрасная жена...

— Знать не хочу ни о каких путанах! — прорычал капитан. — Неужели на всем корабле нет никого, кто мог бы играть настоящие греческие песни?

— Почему же, — отозвался Попадопулос, — наш электрик Таки играет на бузуки, и у кого-то из механиков, по-моему, есть гитара.

— Приведи их! — рявкнул капитан. — Веди всех, кто умеет играть греческие песни.

— А если все умеют? — сказал педант Попадопулос. — Кто тогда будет управлять судном?

— Исполняй, идиот! — выпалил капитан с такой яростью, что старший помощник побледнел и живо исчез.

Проявив свою власть, капитан вновь обрел хорошее настроение. Вернулся с ослепительной улыбкой к нашему столу и заказал еще напитки. Вскоре из недр парохода явилась пестрая компания полуголых в большинстве людей, вооруженных тремя бузуками, флейтой и двумя гитарами. У одного был даже аккордеон. Капитан остался доволен, однако от услуг аккордеониста отказался.

— Но, капитан, — огорчился тот, — я хорошо играю.

Д — Это не греческий инструмент, — строго произнес капитан, — его придумали итальянцы. Неужели ты думаешь, что мы играли на итальянских инструментах, когда строили Акрополь?

— Но я хорошо играю, — не сдавался аккордеонист. — Я умею играть «В воскресенье нельзя».

Хорошо, что казначей поспешил выдворить его из ночного клуба, пока капитан не добрался до бедняги.

Остаток вечера прошел замечательно, лишь несколько мелких происшествий омрачили атмосферу наших культурных развлечений. Исполняя трудный танец хосапико, Лесли при попытке в высоком прыжке ударить себя ладонями по пяткам сместил позвонок, а Ларри растянул голеностоп, поскользнувшись на тыквенных семечках, которыми кто-то заботливо посыпал пол танцевальной площадки. Более болезненно эта забота отзывалась на бармене. Он задумал танцевать, поставив на голову стакан, как ему представлялось, с водой, поскользнулся и шлепнулся на спину. Содержимое стакана выплеснулось ему на лицо; к несчастью, в нем была не вода, а неразбавленная анисовая водка — на вид не отличишь, но для глаз чрезвычайно неприятно. Зрение бармена спас судовой казначей: сохранив присутствие духа, он схватил сифон с содовой водой и направил в лицо бедняги струю такой силы, что глаза того едва не выскочили из орбит, сводя на нет терапевтическое действие соды. Стонущего бармена отвели в его каюту, и танцы возобновились. Веселье продолжалось до утра, когда, подобно догорающей свече, угасло после двух-трех слабых вспышек. Мы устало добрались до своих коек, меж тем как небо из опалового становилось голубым и море расписали полосы тумана.

Жизнь кипела на борту парохода, когда мы поднялись на ноги, следуя призыву собраться в главном салоне. Вскоре там же появился казначей, поклонился маме и Марго, передал привет от капитана и пригласил нас всех подняться на мостик и полюбоваться панорамой порта. Мама милостиво согласилась принять участие в великом событии с таким видом, точно ей было предложено самолично осуществить спуск судна на воду. После короткого, типично греческого завтрака (холодные гренки, холодный бекон и холодные яйца на ледяных тарелках, плюс теплый чай — нет, кофе, почему-то поданный нам в фарфоровом чайнике) мы дружно взошли на мостик.

Капитан, чье слегка потухшее после утомительной ночи лицо отнюдь не утратило своего обаяния, радостно приветствовал нас, вручил Марго и маме по гвоздике, с гордым видом показал нам рулевую рубку, после чего повел нас на палубу, именуемую, согласно утверждениям Ларри, квартердеком. Отсюда нам открылся превосходный вид как на нос, так и на корму

нашего «Посейдона». Старший помощник стоял возле лебедки, обмотанной, словно диковинным ржавым ожерельем, якорной цепью, рядом с ним мы увидели матросов, трое из которых, если не больше, входили в состав импровизированного оркестра. Все они приветственно махали нам и посылали воздушные поцелуи Марго.

— Марго, дорогая, — сказала мама, — тебе не следует так уж фамильярничать с этими моряками.

— О мама, не будь такой старомодной, — отозвалась Марго, возвращая воздушные поцелуи. — Как-никак у меня есть бывший муж и двое детей.

— Именно расточая воздушные поцелуи незнакомым морякам, ты оступишься с двумя детьми и бывшими мужьями, — мрачно заметила мама.

— А теперь, — сказал капитан, сверкая на солнце золотыми зубами, — приглашаю вас, мисс Марго, посмотреть на наш радар. Это устройство позволяет нам избегать столкновений и катастроф на море. Если бы Улисс располагал радаром, он смог бы плыть гораздо дальше, верно? За Гиркулесовы столбы, вы согласны? И мы, греки, могли бы открыть Америку... Идемте.

Он завел Марго в рулевую рубку и принялся объяснять принцип действия радара. Корабль в это время приближался к пристани со скоростью великипеда, укрощаемого пожилым джентльменом. Старший помощник не спускал глаз с мостика, ожидая команды, точно охотничий пес в стойке перед первой в сезоне куропаткой. Тем временем капитан рассказывал Марго, что при помощи радара греки могли бы открыть не только Америку, но и Австралию. Глядя, как сокращается расстояние между нами и пристанью, Лесли забеспокоился.

— Послушайте, капитан! — крикнул он. — Не следует ли нам отдать якорь?

Капитан отвернулся от Марго, и улыбка на его лице сменилась сугубо официальной миной.

— Прошу вас, мистер Даррелл, не беспокойтесь. Все в полном порядке.

Тут же, подняв глаза, он увидел впереди надвигающуюся на корабль, словно несокрушимый цементный айсберг, высокую пристань.

— Матерь божья, спаси! — крикнул он по-гречески, выскакивая из рубки. — Попадопулос! Отдать якорь!

Именно этой команды ждал старший помощник. Сразу все зашевелилось, загремела якорная цепь, тяжелый якорь шумно шлепнулся в воду, и цепь продолжала греметь, разматываясь. Однако корабль упорно продолжал скользить вперед. Было очевидно, что якорь отдан слишком поздно, чтобы играть присущую ему роль тормоза. Капитан, готовый, как и всякий

Д судоводитель, незамедлительно реагировать в чрезвычайных обстоятельствах, ворвался в рулевую рубку, отдал команду «полный назад!» и резко повернул штурвал, оттолкнув рулевого. Увы, ни блестящая оценка ситуации, ни быстрая реакция, ни мастерство судоводителя уже не могли спасти нас.

Продолжая разворачиваться, «Посейдон» с грохотом врезался в пристань. Учитывая, как медленно мы двигались, я ожидал, что нас лишь чуть-чуть тряхнет. Я ошибался. Казалось, мы напоролись на мину. Семейство Дарреллов кучно упало на палубу. Три тучные леди, которые в это время спускались по трапу, лавиной покатились вниз. Никто не устоял на ногах, даже сам капитан. Ларри рассек себе лоб, мама ушибла ребра, Марго порвала чулки. Капитан живо поднялся на ноги, покрутил штурвал, отдал необходимые команды в машинное отделение, после чего с искаженным яростью лицом вышел на мостик.

— Попадопулос! — заорал он злополучному старшему помощнику, который медленно вставал, вытирая разбитый нос. — Ты — сын путаны, болван, осел! Незаконный отпрыск подзаборного турецкого кретина! Почему не отдал якорь?

— Но, капитан, — промычал старший помощник через окровавленный носовой платок, — ты не отдавал такой команды.

— Неужели я один должен следить за всем здесь на борту! — бушевал капитан. — Управлять кораблем, следить за машиной, собирать оркестр, умеющий исполнять греческие мелодии? Матерь божья!

Он спрятал лицо в ладонях.

Кругом царил какофония, обычная для греческих *ситуаций*. Дикий шум, трагическая фигура капитана — казалось, мы стали свидетелями одной из сцен Трафальгарской битвы.

— Да уж, мама, — произнес Ларри, стирая с век капли крови, — это была блестящая идея. Поздравляю тебя. Однако я, пожалуй, полечу домой. Если мы еще благополучно сойдем на берег.

Наконец ходячим раненым разрешили спуститься на пристань, и мы увидели, что «Посейдон» обзавелся с другой стороны новой пробоиной, почти идентичной первой.

— Что ж, теперь хотя бы установилась полная гармония, — мрачно заметил Лесли.

— Ой, смотрите! — воскликнула Марго. — Наши бедные старые музыканты!

Она помахала им, три джентльмена в ответ поклонились нам, стоя на палубе. Мы рассмотрели, что скрипач сильно рассек себе лоб, а переносица владельца тубы была залеплена пластырем. Наши приветствия явно были восприняты как знак поддержки их достоинства, столь прискорбно подор

ниного унижительной отставкой накануне вечером, три музыканта дружно повернулись лицом к мостику, демонстративно подняли свои тубу, тромбон и скрипку и заиграли.

Сверху до нас донеслись звуки «В воскресенье нельзя».

ВЫПУСКНИКИ ЧАСТНЫХ ШКОЛ

Венеция — один из красивейших городов Европы, и я часто посещал ее, однако задерживаться не приходилось. Каждый раз я спешил куда-то еще, а потому для настоящего знакомства не оставалось времени. И вот однажды летом, когда царила жара и я здорово устал от работы и ощутил охоту к перемене мест, решил я на неделю съездить в Венецию, отдохнуть и получше изучить город. Сказал себе, что спокойный отдых в такой обстановке — как раз то, что мне нужно. Редко мне доводилось так раскаиваться в принятом решении; знай я, чем все обернется, скорее улетел бы в Нью-Йорк, или Буэнос-Айрес, или Сингапур, чем отправляться в дивную Венецию.

Мой путь пролегал через Францию с ее бесподобными ландшафтами, через аккуратистку Швейцарию, через высокие перевалы, где на обочинах еще лежали безобразные серые сугробы, и дальше вниз, в Италию, к месту назначения. Погода стояла прекрасная до той самой минуты, когда я въехал на мост, соединяющий город с материком. Тут небо, как по мановению волшебного жезла, вместо синего стало черным, с прожилками ярко-голубых и белых молний, и обрушило на землю такие потоки, что никакие «дююрики» не спасали и на дороге замерли длинные вереницы автомобилей, упираясь бамперами друг в друга. В обездвиженных ливнем машинах сотни итальянцев бились в истерике, отчаянно сигналили и облегчая душу отбюрной бранью.

Продвигаясь дюйм за дюймом вперед, я наконец добрался до гаража за мостом. Благополучно пристроив здесь машину, высмотрел дородного носильщика, и под сильным дождем мы понеслись галопом к пристани, где ждал катер, принадлежащий гостинице, в которой я забронировал номер. Дождь хлестал мои чемоданы, и к тому времени, когда мы достигли цели, я рассчитался с носильщиком и вместе с багажом очутился на борту катера, мой тонкий летний костюм больше всего походил на мокрые тряпки. Однако едва мы тронулись в путь, ливень сменился легкой летучей моросью, окутавшей каналы, точно батистовой тонкой вуалью, так что краснова-

Д

то-коричневые и розовые стены домов смотрелись совсем как на прекрасных полотнах Каналетто с их мягкими полутонами.

Быстро промчавшись по Большому каналу, катер пришвартовался к пристани у моей гостиницы. Смолк, поперхнувшись, мотор, в это время мимо нас проплыла гондола, довольно вяло управляемая промокшим насквозь гондольером. Два пассажира были защищены от ненастья большим зонтом, так что я не видел их лиц, однако в ту минуту, когда гондола свернула в боковой канал, ведущий к дому Марко Поло, из-под зонта до моего слуха донесся звонкий женский английский голос (несомненно, продукт Роудин-Скул, одной из ведущих привилегированных частных школ Англии).

— Ну конечно, Неаполь очень похож на Венецию, только воды там меньше, — пропела живая флейта.

Я остолбенел. Стоя на пристани и провожая глазами удаляющуюся гондолу, я говорил себе, что мне почудилось; между тем во всем мире не было второго такого голоса, к тому же способного высказать такое смехотворное суждение. Он принадлежал одной моей подруге, которую я не видел лет тридцать, а именно — Урсуле Пендрагон-Уайт, пожалуй, самой обожаемой из всех моих подруг, что не мешало ей порой повергать меня в полное смятение.

Меня терзало не только ее безалаберное обращение с английским языком (это она однажды рассказала мне, что ее подруга решила на промывание, не желая производить на свет неграмотного младенца), но и бесцеремонное вмешательство в частную жизнь ее многочисленных знакомых. Последний случай такого рода, запечатленный в моей памяти, — как она пыталась повлиять на своего друга, который, по ее словам, пил так много, что ему грозила девальвация.

Нет-нет, сказал я себе, не может быть. Урсула благополучно вышла замуж за бесцветного молодого джентльмена и поселилась вместе с ним в гемпширской глуши. С какой стати ей оказаться в Венеции в такое время года, когда все прилежные фермерские жены помогают мужьям убирать урожай или организуют благотворительные базары в своей деревне. Как бы то ни было, сказал я себе, если это все-таки Урсула, не дай бог снова войти с ней в соприкосновение. Я приехал в Венецию в поисках мира и покоя, а по прошлому опыту общения с Урсулой слишком хорошо знал, что ее присутствие начисто исключает и то и другое. Как человек, которому довелось во время исполнения творений Моцарта гоняться за щенком китайского мопса в битком набитом концертном зале, я мог немало рассказать о способностях Урсулы без особых усилий ставить людей в невыносимейшее положение. Нет, повторил я, это не Урсула, а если *все же* она — слава богу, что не увидела меня.

Гостиница была роскошная, просторный и красиво обставленный номер с видом на Большой канал — весьма комфортабельный. Сбросив мокрую одежду, приняв душ и глотнув спиртного, я увидел, что погода переменялась и Венеция переливается нежными красками в лучах заходящего солнца. Гуляя по многочисленным переулкам, пересекая маленькие мосты над каналами, я вышел наконец на огромную площадь Святого Марка, окаймленную барами. В каждом из них играл свой оркестр, и в прозрачном воздухе кружили сотни голубей, пикируя на щедро рассыпаемую людьми кукурузу на мозаичной мостовой. Сквозь полчища голубей я пробился к Дворцу дождей, с картинами которого мечтал познакомиться. Дворец был бит туристами самых разных национальностей — от японцев, увешанных фотокамерами, как рождественская елка игрушками, до тучных немцев с их гортанной речью и гибких светловолосых шведов. Влекомый потоком человеческой лавы, я медленно плыл из зала в зал, любуясь живописью. Внезапно откуда-то спереди до моего слуха донесся певучий голос:

— В прошлом году в Испании я посмотрела все картины Грюера... такие мрачные, сплошные трупы и все такое. Тяжелое зрелище, не то что здесь. Право же, Канеллони — мой самый любимый итальянский художник. Высший класс!

Конец моим сомнениям — это Урсула. Никакая другая женщина не сумела бы так тесно переплести сыр, макароны и двух живописцев. Осторожно протиснувшись сквозь толпу, я рассмотрел ее характерный профиль, большие ярко-синие глаза, длинный утиный нос с плоским кончиком — очаровательный эффект — и шапку все еще черных волос, правда, с серебристыми нитями. Она была все так же прекрасна, годы милостиво обошлись с ней.

Урсулу сопровождал растерянный мужчина средних лет, с удивлением слушающий ее оценки, соединяющие живопись и кулинарию. По выражению его лица я заключил, что это какой-то недавний знакомый Урсулы, потому что всякий основательно знающий ее человек спокойно воспринял бы ее реплику.

Как ни хороша она была, я сознавал, что ради моего душевного спокойствия лучше не возобновлять знакомство, дабы какая-нибудь каверза не испортила мне весь отпуск. Неохотно покидал я Дворец, решив прийти на другой день, когда Урсула вдоволь насмотрится живописи. Вернувшись на площадь Святого Марка, выбрал кафе поуютнее, полагая, что вполне заслужил право выпить стаканчик бренди с содовой. Все кафе вокруг площади были битком набиты посетителями, и я надеялся, что это позволит мне остаться незамеченным. К тому же я был уверен, что Урсула не узнает меня, даже если увидит, — я заметно прибавил в весе, поседел и отрастил бороду.

ДИтак, я спокойно наслаждался своим бренди под звуки прелестного вальса Штрауса. Ласковое солнце, приятный напиток и умиротворяющая музыка внушили мне ложное ощущение безопасности. Я забыл о присущей Урсуле способности (весьма развитая у большинства женщин, у нее она граничила с волшебством), войдя в наполненное людьми помещение и окинув его беглым взглядом, не только всех разглядеть, но и описать, в чем каждый был одет. Словом, мне вовсе не следовало удивляться, когда сквозь звуки музыки и гомон в кафе до моего слуха донесся ее голос.

— Дорогой! Дорогой! — кричала она, пробираясь ко мне между столиками. — Джерри, дорогой, это я, Урсула!

Я встал, готовый встретить свою погибель. Урсула бросилась в мои объятия, и губы ее слились с моими губами в долгом поцелуе, сопровождаемом стонущими звуками, какие (даже в наш век терпимости) обычно ассоциируются с альковными сценами. Я уже начал опасаться, что итальянская полиция вот-вот арестует нас за нарушение общественного порядка, наконец она с явной неохотой отступила на шаг, продолжая крепко сжимать мои руки.

— Дорогой, — ворковала Урсула, и в ее огромных синих глазах сверкали счастливые слезы, — *дорогой... Я не верю своим глазам... увидеть тебя снова после стольких лет... это чудо... о, я так счастлива, дорогой. Как это здорово — увидеть тебя снова.*

— Но как ты меня узнала? — спросил я, отдышавшись.

— Как узнала, дорогой? *Глупенький*, ты несколько не изменился, — покривила она душой. — К тому же, дорогой, я видела тебя по телевизору, видела фотографии на обложках твоих книг, еще бы мне не узнать тебя.

— Что ж, я очень рад нашей встрече, — сдержанно произнес я.

— Дорогой, мы не виделись *сто лет*, — отозвалась она, — слишком долго.

Я отметил, что она рассталась с тем растерянным джентльменом средних лет.

— Садись, — предложил я, — выпей стаканчик.

— Конечно, любимый, *с удовольствием*. — Она элегантно опустилась на стул.

Я подозвал официанта.

— Что ты пьешь? — спросила Урсула.

— Бренди с содовой.

— Фу! — воскликнула она, деликатно передернув плечами. — Отвратительная смесь. Тебе не следует ее пить, это кончится испарением печени.

— Оставь в покое мою печень, — страдальчески вымолвил я. — Ты что станешь пить?

— Мне что-нибудь вроде Бонни Принц Чарльз.

Официант тупо воззрился на нее. Ему еще не доводилось слышать лексические упражнения Урсулы.

— Мадам желает рюмку дюбонне, — объяснил я, — а мне принесите еще бренди.

Я сел, и Урсула, наклонясь над столом, с чарующей улыбкой схватила двумя руками мою руку.

— Дорогой, разве это не *романтично*? — спросила она. — Мы встречаемся с тобой столько лет спустя в *Венеции*! В жизни не слышала ничего более романтичного, ты согласен?

— Согласен, — осторожно ответил я. — А где твой муж?

— Как? Разве ты не знаешь? Я развелась.

— Извини.

— Ничего, ничего. Это было даже к лучшему. Понимаешь, после ящура он, бедняга, был уже совсем не тот, что прежде.

Мне не помог даже прежний опыт общения с Урсулой.

— У Тоби был ящур? — спросил я.

— Да... *ужасно*, — произнесла она, вздыхая, — и он так и не пришел в себя.

— Еще бы. Но ведь ящур у людей — это, должно быть, большая редкость?

— У людей? — Она сделала круглые глаза. — Как тебя понимать?

— Да ведь ты сказала, что Тоби... — начал я, но меня перебил громкий смех Урсулы.

— *Глупенький*, — вымолвила она, хохоча. — Я говорила про его скотину. Все его племенное стадо, которое он выращивал годами. Ему пришлось всех зарезать, и это страшно подействовало на беднягу. Он начал водиться с недостойными женщинами, пьянствовал в ночных клубах и все такое прочее.

— Вот уж никогда не думал, — сказал я, — что у ящура могут быть такие серьезные последствия. А Министерству сельского хозяйства известно про этот случай?

— Ты думаешь, это могло бы их заинтересовать? — удивилась Урсула. — Если хочешь, я могу написать им и рассказать.

— Нет-нет, — поспешил я возразить. — Я просто пошутил.

— Ладно. Теперь расскажи мне про твой брак.

— Я тоже развелся.

— Ты тоже? Дорогой, я же сказала, что это романтическая встреча. — Ее глаза затуманились. — Мы встречаемся с тобой в Венеции после расторгнутых браков. Совсем как в романах, дорогой.

— Вряд ли нам следует особенно зачитываться этим романом.

Д

— А какие у тебя дела в Венеции? — спросила она.

— Никаких, — ответил я неосмотрительно. — Просто приехал отдохнуть.

— О, чудесно, дорогой, тогда ты можешь мне помочь! — воскликнула Урсула.

— Нет! — поспешил я ответить. — Это исключено.

— Дорогой, ты еще даже не знаешь, о чем я хочу тебя попросить, — жалобно молвила она.

— И знать не хочу. Все равно не стану помогать.

— Милый, мы столько лет не виделись, а ты сразу, даже не выслушав, так груб со мной, — возмутилась Урсула.

— Ничего. Я знаю по горькому опыту, на какие затеи ты способна, и вовсе не намерен тратить свой отпуск, участвуя в твоих ужасных махинациях.

— Ты противный, — сказала она, и губы ее задрожали, а синие, как цветки льна, глаза налились слезами. — Жутко противный... я тут одна в Венеции, без мужа, а ты не хочешь даже пальцем пошевелить, чтобы выручить меня в беде. Это не по-рыцарски с твоей стороны... ты гадкий... и... противный.

— Ну ладно, ладно, — простонал я, — выкладывай, в чем дело. Только учти, я не стану ни во что вмешиваться. Я приехал сюда провести несколько дней в мире и покое.

— Так вот, — начала Урсула, вытирая глаза и подкрепляясь глотком дубонне. — Я приехала сюда, чтобы, можно сказать, совершить акт милосердия. Дело чрезвычайно трудное, возможны ослижнения.

— Ослижнения? — не удержался я.

Урсула осмотрелась кругом, проверяя, нет ли кого поблизости. Так как поблизости было всего лишь около пяти тысяч веселящихся иностранцев, она посчитала, что может спокойно довериться мне.

— Ослижнения на высоком уровне, — продолжала она, понизив голос. — Это должно оставаться только между нами.

— Ты хочешь сказать — осложнения? — спросил я, желая придать беседе более осмысленный характер.

— Я сказала именно то, что подразумеваю, — сухо ответила Урсула. — Может быть, перестанешь меня поправлять? Эти вечные попытки поправлять меня всегда были одной из твоих худших черт. Это ужасно неприятно, дорогой.

— Извини, — произнес я покаянно. — Валяй, рассказывай, кто там, на высоком уровне, кого ослизывает.

— Ну вот. — Она понизила голос так, что ее слова с трудом доходили до меня сквозь окружающий нас гомон. — Тут замешан герцог Толпаддль-ский. Я потому и приехала в Венецию, что Реджи и Марджери, да и Перри тоже, доверяют только мне, и как герцог, разумеется, он просто душка, который страшно страдает от этого скандала, и когда я сказала, что приеду, они, конечно, сразу ухватились за эту возможность. Но ты не должен никому ни слова говорить об этом, дорогой, обещаешь?

— О чем я не должен говорить ни слова? — озадаченно справился я, данная жестом понять официанту, чтобы принес еще выпить.

— Но я ведь только что тебе сказала, — нетерпеливо произнесла Урсула. — О Реджи и Марджери. И Перри. И о герцоге, разумеется.

Я сделал глубокий вдох.

— Но я не знаю этих Реджи, Марджери и Перри. И герцога тоже.

— Не знаешь? — удивилась Урсула. И я вспомнил, как ее всегда удивляло, что я не знаю никого из широкого скучного круга ее знакомых.

— Нет. А потому, сама понимаешь, я затрудняюсь понять, в чем дело. Могу только представить себе самые разные варианты — то ли все они заблудились проказой, то ли герцога поймали на незаконном производстве спиртного.

— Что за глупости ты говоришь, дорогой, — возмутилась Урсула. — У него в роду нет алкоголиков.

Я снова вздохнул.

— Послушай, может быть, ты просто расскажешь, кто из них кому что сделал, учитывая, что я никого из них не знаю и, по правде говоря, предпочел бы не знать.

— Хорошо, — согласилась Урсула. — Перегрин — единственный сын герцога. Ему только что исполнилось восемнадцать, и он славный парень, несмотря на это.

— Несмотря на что? — растерянно спросил я.

— Несмотря на совершеннолетие, — последовал нетерпеливый и не очень вразумительный ответ.

Я решил не трогать очередную загадку.

— Продолжай, — сказал я, надеясь, что дальше все прояснится.

— Так вот, Перри учился в колледже Сент-Джонс... ну, ты знаешь, это жутко шикарная школа, про нее еще говорят, что она лучше Итона Харью.

— Десять тысяч фунтов за триместр, не считая питания? Как же, слышал.

— Дорогой, туда принимают детей только самых видных родителей, — продолжала Урсула. — Это такое же изысканное заведение, как... как... как...

Д

— Как универмаг «Харродз»?

— Что-то в этом роде, — неуверенно согласилась Урсула.

— Итак, Перри учился в колледже Сент-Джонс, — напомнил я.

— Ну да, и директор не мог на него нахвалиться. И тут вдруг гром среди ясного неба. — Она перешла на выразительный шепот.

— Гром? Что за гром?

— Среди ясного неба, милый, — нетерпеливо пояснила Урсула. — Ты отлично знаешь, и вообще, не прерывай меня, дорогой, дай досказать.

— Я только этого и жду. Пока что я слышал только про какого-то герцогского сынка, про гром и даже не понял толком, при чем тут небо.

— Так помолчи и послушай, я все объясню. Ты совсем не даешь мне говорить.

Я вздохнул.

— Хорошо. Молчу.

— Спасибо, милый. — Она сжала мою руку. — Так вот, значит. До этого грома Перри отлично успевал. Тут в его школу явились Реджи и Марджери. Реджи взяли на должность учителя рисования, он ведь здорово пишет маслом, и гравиров, и все такое прочее, хотя, на мой вкус, он несколько эксцентричен, я даже удивилась, честное слово, что его взяли в такое изысканное заведение, где не очень-то жалуют эксцентриков, сам понимаешь.

— Почему он эксцентрик?

— Ну, скажи сам, милый, разве это не эксцентрично — повесить над камином в гостиной портрет собственной жены в обнаженном виде? Я говорила ему — если уж непременно захотелось вешать ее на стену, лучше повесил бы в ванной, на что он ответил, что сперва подумывал украсить этой картиной комнату для гостей. Как иначе назвать его после этого, милый, если не эксцентриком?

Я не стал говорить ей, что заочно проникся симпатией к Реджи.

— Значит, роль грома исполнил Реджи?

— Да нет же, милый, громом была Марджери. Перри, как только увидел ее, сразу безумно влюбился, она ведь и впрямь хороша собой. Если тебе по вкусу женщины из Полинезии, которых рисовал Шопен.

— Может быть, Гоген?

— Возможно, — неуверенно отозвалась Урсула. — Во всяком случае, она очень мила, разве что малость глуповата. С Перри она повела себя очень глупо, стала его поощрять. И тут ударил еще один гром.

— Еще один гром? — Мужайся, велел я себе.

— Ну да. Эта дурочка, в свою очередь, влюбилась в Перри, а ты ведь знаешь, она ему почти в матери годится, и у нее есть ребенок. Ну, может, и

матери и не годится, но ему-то всего восемнадцать, а ей уж точно тридцать, хоть она все время твердит, что двадцать шесть, но все равно совсем неприличная история вышла. Естественно, Реджи совсем захандрил.

— У него был простой способ решить проблему — подарил бы Перри портрет Марджери, — предложил я.

Урсула укоризненно посмотрела на меня.

— В этом нет ничего смешного, милый, — строго заметила она. — Пока мне, мы все были в полном смятении.

Я представил себе, какое это должно быть увлекательное зрелище: некий герцог в полном смятении, — однако не стал развивать эту тему, а только спросил:

— Ну и что было дальше?

— Так вот, Реджи прижал к стене Марджери, и она призналась, что влюблена в Перри и у них был роман за гимнастическим залом — лучшего места не выбрали! Естественно, Реджи жутко возмутился и наставил ей синяк под глазом, чего, сказала я ему, вовсе не следовало делать. Потом он стал разыскивать Перри, чтобы, полагая, и ему наставить синяк, но, к счастью, Перри уехал домой на уик-энд, так что Реджи его не нашел, и слава богу, потому что Перри, бедняга, довольно щуплый, тогда как Реджи здоров как бык и жутко вспыльчив.

Теперь, когда сюжет стал проясняться, я поймал себя на том, что меня интересует продолжение.

— Говори же, что случилось потом? — сказал я.

— Потом случилось самое худшее, — выразительно прошептала Урсула.

Пригубив бокал, она воровато оглянулась, проверяя, не подслушивает ли вся Венеция, выбравшаяся из домов, чтобы опрокинуть стаканчик перед ланчем. Затем наклонилась вперед и потянула меня за руку. Я тоже наклонился.

— Они сбежали, — прошипела она мне на ухо и откинулась на стуле, чтобы лучше видеть, какое впечатление произвели на меня ее слова.

— Ты хочешь сказать — Реджи и Перри сбежали? — спросил я, изображая удивление.

— Балда, — рассердилась она. — Ты отлично понимаешь, что я подразумеваю. Перри и Марджери сбежали. Прошу тебя, перестань надсмеваться, это очень серьезное дело.

— Прости, — ответил я. — Продолжай.

— Ну вот, — сказала Урсула, сменив гнев на милость. — Сам понимаешь, переполох был ужасный. Реджи пришел в ярость, потому что Марджери не просто сбежала, но и взяла с собой ребенка и няню.

— Прямо какое-то массовое бегство...

Д — Конечно, — продолжала Урсула, — отец Перри тоже страшно переживал. Каково-то было герцогу простить адюльтерацию своему единственному сыну.

— Но ведь в адюльтере обычно бывает повинен супруг, — возразил я.

— Мне все равно, кто повинен, — настаивала она. — Была адюльтерация, и все тут.

Я вздохнул. Проблема сама по себе выглядела достаточно сложной без того, чтобы Урсула осложнила ее своими интерпретациями.

— Так или иначе, — сообщила она, — я сказала Марджери, что это вроде как кровосмешение.

— Кровосмешение?

— Ну да, парень-то был совсем еще юный, а ей должно быть известно, что адюльтерация дозволяется только взрослым.

Я подкрепился хорошим глотком бренди. Было очевидно, что с годами Урсула отнюдь не исправилась.

— Знаешь что, — сказал я, — лучше доскажи мне все остальное за ланчем. Я тебя приглашаю.

— О, милый, в самом деле? Чудесно. Только мне нельзя долго задерживаться, я еще должна повидать Марджери, потому что не знаю, где Реджи и когда появится герцог.

— Ты хочешь сказать, — произнес я с расстановкой, — что все эти люди, о которых ты говоришь, находятся здесь, в Венеции?

— Ну конечно, милый. — Ее глаза округлились. — Я потому и нуждаюсь в твоей помощи. Разве ты не понял?

— Нет, — признался я, — не понял. Но заруби себе на носу — я не намерен впутываться в эти дела. А пока пойдем, позавтракаем... куда бы ты хотела?

— Я предпочла бы «Смеющийся кот», — ответила Урсула.

— Это где же?

— Не знаю, но мне очень хвалили этот ресторан, — сказала она, пудря нос.

— Ладно, я выясню.

Подозвав официанта, я рассчитался и спросил, как добраться до «Смеющегося кота». Оказалось, что он расположен недалеко от площади Святого Марка, и мы быстро дошли до этого маленького, уютно обставленного ресторанчика; судя по тому, что большинство посетителей составляли венецианцы, следовало ожидать, что нас будут потчевать достаточно сытными блюдами.

Мы присмотрели себе столик на свежем воздухе, под тентом, и я заказал мидии в сметане и с петрушкой, а также приготовленную на корсиканский лад баранью лопатку с каштановым пюре. Мы уже принялись за таю-

щую во рту молодую баранину и подумывали о том, чтобы заказать сыр и какие-нибудь фрукты, когда Урсула, глядя куда-то мне за спину, испуганно вскрикнула. Я повернул голову и увидел, как к нашему столику галсами, точно яхта, приближается могучего сложения пьяный джентльмен.

— О господи, это Реджи, — вымолвила Урсула. — Как он узнал, что они в Венеции?

— Ничего, — подчеркнул я, — главное, что их нет здесь.

— Но они могут появиться с минуты на минуту, — простонала она. — Я договорилаcь встретиться здесь с ними и с герцогом. Что будем делать? Быстро, милый, придумай что-нибудь.

Как я ни противился, похоже было, что мне не избежать участия в этой цеплепой истории. А потому, глотнув для бодрости бренди, я встал, встречая Реджи, который в эту минуту чудом добрался-таки до нашего столика.

— Реджи, милый! — воскликнула Урсула. — Какой приятный сюрприз! Что ты делаешь в Венеции?

— Привет, Урсула, — отозвался Реджи, покачиваясь, с трудом фокусируя взгляд и выговаривая слова. — Я в-в Вен... Венешии, штоб убить одну грязную крысу... маленькую вшивую грязную крысу, вот зачем я в Венешии... яшно тебе?

Реджи обладал не только богатырским сложением борца, владеющего всеми мыслимыми приемами, но и широким лицом питекантропа с клочковатой бородой и усами. Лысую макушку обрамляли длинные, до плеч волосы. Далеко не привлекательную внешность дополняли мешковатый грубошерстный костюм оранжевого цвета, красный свитер и сандалии. Тем не менее он явно был способен убить юного Перри, попадись тот ему под руку, и я начал подумывать над тем, как бы выманить его из этого ресторана, пока не появились другие действующие лица.

— Реджи, дорогой, познакомься, это мой друг Джерри Даррелл, — пролепетала Урсула.

— Раджнакомитша, — сказал Реджи, сжимая мою руку в пятерне величиной с добрый окорок.

— Выпьешь с нами? — спросил я и подмигнул Урсуле в ответ на ее предостерегающий взгляд.

— Выпить, — прохрипел Реджи, грузно опираясь руками на стол. — То што надо... выпить... как шледует... большой штакан... сотни штаканов... двойной вишки с содовой.

Я принес стул, он тяжело опустился на сиденье. Подозвав официанта, я заказал виски.

— Ты уверен, что тебе еще нужно пить? — неосмотрительно спросила Урсула. — Мне кажется, с тебя уже хватит, дорогой.

Д

— По-твоему, я пьян? — зловеще осведомился Реджи.

— Нет-нет, — поспешила Урсула исправить свою ошибку. — Просто мне показалось, что не стоит больше пить.

— Я, — Реджи ткнул себя в грудь пальцем толщиной в банан, чтобы мы не сомневались, кого он подразумевает, — я шрезв, как тудья.

Официант поставил на стол перед Реджи стакан с виски.

— Выпить, вот што мне надо, — сказал Реджи, поднимая стакан не очень твердой рукой. — Шмерть всем пар... парвшивывым дохлым ариш... ариштократическим шутенерам.

Осушив стакан одним глотком, он удовлетворенно откинулся на спинку стула.

— Ешшо один, — весело объявил он.

— Как насчет того, чтобы прогуляться до площади Святого Марка и продолжить там? — небрежно предложил я.

— О! Да-да, отличная идея, — подхватила Урсула.

— У меня нет предрашшудков, — важно отозвался Реджи. — Мне все равно, где пить.

— Отлично, значит — Святой Марк. — И я попросил официанта принести счет.

Однако не успел он выполнить мою просьбу, как нас (выражаясь словами Урсулы) поразил гром среди ясного неба. Она испуганно вскрикнула, я повернул голову и узрел рядом с собой аристократического вида длинного худого джентльмена, смахивающего на серого богомола в элегантном костюме и ботинках, явно шитых на заказ. Его облачение дополнял старый итонский галстук, а из грудного кармана пиджака торчал ирландский льняной платок величиной с кроличий хвостик. Серебристо-серая шляпа венчала голову с серебристо-серым лицом и серебристо-серым моноклем, вставленным в серебристо-серый глаз. Из чего я заключил, что перед нами герцог Толпаддльский.

— Урсула, дитя мое, ради бога, извини за опоздание, но этот злосчастный катер сломался, — заговорил он, улыбаясь Реджи и мне и излучая отработанное обаяние в полной уверенности, что голубая кровь в венах всегда делает его желанным гостем, как бы он ни опаздывал.

— О, о... э... о, ничего страшного, — пролепетала Урсула.

— А кто эти твои друзья? — милостиво осведомился герцог, готовый обращаться со мной и Реджи как с представителями человеческого рода.

Не без удовольствия я заключил, что герцог и Реджи не знакомы друг с другом. Откинувшись на спинку стула, я улыбнулся Урсуле, которая смотрела на меня отчаянными глазами.

— Представь же нас, дорогая, — сказал я. Отчаяние в ее глазах сменилось бешенством.

— Ну, — молвила она наконец, — это мой старый друг Джерри Даррелл, а это... это... э... это Реджи Монтроз.

Герцог оцепенел, и милостивое выражение на миг покинуло его лицо. Тут же он приосанился и вставил монокль покрепче в глаз, готовясь блюсти приличия.

— Кто этто? — спросил Реджи, с трудом фокусируя взгляд на герцоге.

Урсула с мольбой поглядела на меня. Я пожал плечами. Предотвратить было не в моих силах.

— Кто эттот парень? — повторил Реджи, указывая на герцога банановым пальцем.

— Это... э... это... э... герцог Толпаддльский, — пропищала Урсула.

Затуманенное алкоголем серое вещество Реджи не сразу усвоило эту новость, но все же усвоило.

— Толпазл? Толпазл? Ты хошь шказать, это отец того маленького ублюдка?

— Вот что, — сказал герцог, неприметно озираясь, как озирается английский джентльмен, питающий ненависть к публичным перепалкам, — вот что, старина, нельзя ли поспокойнее? Не пристало так выражаться перед дамами.

Реджи тяжело поднялся со стула и покачал толстеньким пальцем перед орлиным носом герцога.

— Только не учи меня, как выражаться, — воинственно произнес он. — И не давай мне шшоветов! Иди лучше со швоими шоветами к тому шпошобу щенку, которого проижвел на швет, если только ты шам его проижвел, потому что, глядя на тебя, не шкажал бы, что шпошобен проижжешти даже умштвенно отшталого чихуахуа.

С этими словами он, к моему облегчению, так же тяжело опустился обригтно на стул, причем едва его не опрокинул. Пока Реджи с трудом восстанавливал равновесие, лицо герцога медленно наливалось кровью. Не очень-то приятно было знать, что Реджи, как ни дурно он себя вел, являлся истцом, а сын герцога — обвиняемым.

— Думаю, — сказал герцог, призвав на помощь отработанную в веках аристократическую выдержку, — думаю, нам следует сесть и потолковать в цивилизованном духе, не опускаясь до вульгарной брани.

В ответ Реджи громко и внятно послал его.

— Реджи, дорогой, води себя прилично, — взмолилась Урсула.

— Кто? — проникновенно спросил Реджи, словно обратился за ответом к мудрецу. — Кто он такой, этот старпер, а?

Д

— Садитесь, сэр, присоединяйтесь к нам, — радушно произнес я.

Урсула наградила меня взглядом, который испепелил бы мою особу, если бы я не веселился так в душе.

— Благодарю, — холодно отозвался герцог, — но я не вижу свободного стула, и ваш приятель ясно дает понять, что я тут, мягко выражаясь, лишний.

— Сейчас будет стул, — любезно ответил я, подзывая официанта.

Тотчас явился стул, и герцог осторожно сел, точно боясь, что он сломается под ним.

— Что-нибудь выпьете, сэр? — спросил я, изображая заботливого хозяина.

— Выпить, — довольно вымолвил Реджи. — Чертовски большие стаканы... десятки литроф, бочки мальвазии... беж вина голова не работает.

— Благодарю, — ответил мне герцог, — если можно... рюмочку хереса.

— Этот ваш щенок совсем не пьет, — вмешался Реджи. — Потребляет только кока-колу и материнское молоко... наштающийся шла... шла... шлабак... бесхребетный тип.

— Послушайте, мистер Монтроз, — нетерпеливо произнес герцог, барабанив холеными пальцами по столу. — Я не желаю препираться с вами. Мой приезд в Венецию вызван отнюдь не желанием причинить вам какие-либо неприятности. Если позволите, я постараюсь прояснить ситуацию и в какой-то мере успокоить вас.

— Единственный шпошоб успокоить меня — вытащить вашего паршивого щенка из постели моей жены, — громко возвестил Реджи.

Герцог в замешательстве окинул взглядом ресторан. Окружающие нас итальянцы, не привыкшие к таким откровенным разборкам среди англосаксов (особенно британцев), смотрели на нас с живейшим интересом.

— Именно для этого я и приехал в Венецию, — сообщил герцог.

— И што же ты хочешь шделать? Наушкать его ешшо на чью-нибудь жену?

— Я намерен серьезно поговорить с ним, — ответил герцог. — Мне эта связь противна так же, как вам, если не больше. И ей будет положен конец.

— Не шмей называть мою жену шва... шва... швизью. — Реджи побагровел до такой степени, что казалось — его вот-вот хватит удар. — Кто ты такой, черт дери, штобы называть мою жену швизью, а?

— Не вижу ничего пренебрежительного в этом слове, — холодно ответил герцог, — однако вы должны согласиться, что такое положение терпеть невозможно. Не говорю уже о разнице в возрасте. Это само по себе ужасает. Но если отставить это в сторону, вам должно быть ясно, что маль-

чик как-никак наследует титул герцога, а это обязывает его быть разборчивым в своих связях.

Реджи не сразу подобрал нужные слова для ответа.

— Клянусь, — сказал он наконец, — ты шамый большой кушок хо... ходячего коншкого навоза, какой я когда-либо видел.

— Реджи, дорогой, разве можно говорить такие вещи герцогу? — воскликнула шокированная Урсула.

— А почему нельзя? — рассудительно спросил Реджи. — Ешли он щцитает, что моя жена неровня его паршивому щенку, тогда он без шон... без шон... шомнения самый большой и самый вонючий ходячий кушок коншкого навоза за пределами ипподрома Ашкот.

Спорщики сверлили друг друга свирепыми взглядами. И в эту самую минуту Урсула снова взвизгнула, потому что нас второй раз поразил гром среди ясного неба. В ресторан, держась за руки, вошли Перри и Марджери. Она — миловидная женщина, отдаленно похожая на девиц с полотен Гоена, он — стройный, гибкий, пригожий молодой человек в байроновском стиле. Не успел я сделать эти наблюдения, как Реджи, взревев, точно поранивший лапу лев с несварением желудка, поднялся со стула и дрожащим пальцем указал на влюбленную парочку, которая в ужасе замерла на месте, потрясенная внезапной встречей.

— Вот они — твой паршивый щенок и его швязь! — прокричал Реджи. — Сейчас я...

Черт дернул меня встать и положить руку на плечо Реджи, чтобы удержать его от опрометчивых действий.

— Постой, Реджи, — сказал я, — ты же в три раза здоровее его...

Я не успел договорить. Схватив отвороты моего пиджака огромной ручищей, Реджи поднял меня, как пушинку, и аккуратно опустил прямо на тележку со сладостями, которую весьма кстати катил мимо нас один из официантов. Мое приземление на тележке причинило непоправимый ущерб персикам с мороженым и ликером, роскошному клубничному торту, изысканному бисквиту со всякой липкой начинкой и великому числу сортов мороженого. Вид столь буйного проявления силы вывел Перри из оцепенения, он отпустил руку Марджери и обратился в стремительное бегство. Издав еще одно львиное рыканье, Реджи с поразительным для его сложения шворством помчался вдогонку, сопровождаемый по пятам Марджери, которая кричала: «Убийца, не смей его трогать!» Следом за ней бежал герцог, крича: «Если с его головы упадет хоть один волос, я подам на вас в суд!» Облепленный мороженым, бисквитом и клубникой, я сделал единственное, что мне оставалось, — швырнул на стол пачку банкнотов, схватил за руку Урсулу и побежал за нашими соотечественниками.

Оказалось, что Перри несколько опрометчиво выбрал для бегства переулок, ведущий к площади Святого Марка. Держись он и дальше одних переулков, пожалуй, смог бы уйти от погони, но Перри выскочил, распутивая полчища голубей, на просторы огромной площади, где превосходство Реджи в скорости погубило беглеца. У Большого канала Реджи настиг его и схватил за шиворот. Когда мы, тяжело дыша, прибежали туда же, Реджи тряс Перри, будто куклу, осыпая бессвязной бранью. Конечно, мне следовало бы вмешаться, однако я уже испытал на себе реакцию Реджи на такие попытки и, учитывая непосредственную близость канала, посчитал, что мне больше подходит роль труса.

— Отпустите его, вы, громила! — прокричал герцог, запинаясь от недостатка воздуха.

— Отпусти его, отпусти, отпусти, он совсем слабенький! — визжала Марджери, колотя ладонями по широкой бесчувственной спине супруга.

— Дорогой, это все ты виноват, — тигрицей обрушилась на меня Урсула. — Сделай же что-нибудь!

Не успел я, однако, упрекнуть ее в вероломстве, как Реджи подтянул Перри к себе вплотную, сверля его взглядом.

— Меня тошнит от этого твоего паршивого папаши, и меня тошнит от тебя! — заорал он. — Так, значит, по мнению твоего вонючего родителя, моя жена недоштаточно хороша для тебя, а? Ладно, я вам покажу — вот разведешь с ней, и можешь брать ее в жены, будь ты проклят!

Площадь Святого Марка — излюбленный аттракцион туристов, посещающих Венецию, а потому вполне естественно, что за нами с великим интересом следила многотысячная и многонациональная толпа.

— Что ты с-с-с-сказал?.. — вымолвил побледневший Перри, по-прежнему сотрясаемый ручищами Реджи.

— Разведусь с женой, и можешь сам жениться на ней, черт бы тебя побрал, — прорычал Реджи.

— Браво! Вот это ход! — донесся из толпы голос какого-то француза.

— Можете не сомневаться, мой сын поступит как положено, — возвестил герцог, переварив слова Реджи. — Как-никак он учился в привилегированной школе и знает, как следует вести себя джентльмену.

— Но я не хочу жениться на ней, — выдохнул Перри.

— Как? — сказал Реджи.

— Как? — воскликнул герцог.

— Как? — чуть не хором подхватили Марджери и Урсула.

— Станный народ эти англичане, верно? — обратился француз к окружающим его зевакам.

— Я слишком молод, чтобы жениться, — жалобно произнес Перри. — Мне еще только восемнадцать лет.

— Как, ты отказываешься вернуть моей жене звание достойной женщины? — осведомился Реджи, осмысливая услышанное.

— Я не женюсь на ней, если вы это подразумеваете, — с раздражением ответил Перри.

— И должен добавить, что я согласен с моим сыном. Совершенно неподходящая партия, — опрометчиво заявил герцог.

Смерив взглядом лицо Перри, Реджи повернулся к его отцу.

— Говнюки вы оба, — заключил он и, не давая нам опомниться, подкинул Перри, словно младенца, и швырнул его в Большой канал.

После чего схватил герцога и отправил его следом. Должен сознаться, мне доставило искреннее удовольствие созерцать редкостное зрелище, когда герцог и его наследник вынырнули на поверхность, отфыркиваясь.

Два карабинера, которые до той поры спокойно, как и надлежит настоящим итальянцам, наблюдали происходящее, решили — с явной неохотой, — что как представители закона и порядка обязаны что-то предпринять. Элегантно, точно два павлина, они подошли к Реджи.

— Пardon, синьор, — заговорил один из них на безупречном английском языке, — у вас какие-то неприятности?

Для Реджи наступил ответственный момент, и я с восхищением смотрел, как он выходит из трудного положения.

— Вы очень любезны, но я не нуждаюсь в помощи, — отвечал он гордо, хоть и не совсем внятно. — Мою жену соблазнил сын герцога. Я приехал сюда отвезти ее домой, поскольку мне сдается, что теперь она излечилась от своей безрассудной страсти. Герцог и его сын перед вами — это та странная парочка, что затеяла плескаться в канале. Я не собираюсь подавать на них в суд. Пошли, Марджери, следуй за мной.

С этими словами он взял за руку покорную, растерянную Марджери и проложил себе путь через толпу, оставив меня в обществе мокрого и сердитого герцога с его отпрыском и двух учтивых, но любопытствующих представителей итальянской полиции. Два часа ушло у нас на то, чтобы объяснить, в чем было дело, кто такой герцог, кто такой Перри, кто такой я, кто такая Урсула, кто такие (на случай, если удастся их найти) Реджи и Марджери. Сверх того нам пришлось ответить на всевозможные дополнительные вопросы бюрократической машины, как то — год рождения каждого, не страдали ли наши бабушки куриной слепотой, и так далее. В конце концов, еле держась на ногах от усталости, мы с Урсулой простились с герцогом и его обиженным сыном и наследником, после чего нашли приют в уютном баре на краю площади Святого Марка.

— Милый, ты был просто *великолепен*, — нежно произнесла Урсула, глядя на меня своими огромными синими глазами. — Отделался от этих ужасных полицейских с таким апломбом.

— Апломбом, — машинально поправил я.

— Все равно. Я так гордилась тобой.

— Спасибо. Что будешь пить?

— Граффити, если можно. Со льдом.

— Принесите мадам мартини со льдом, — перевел я официанту, — а мне двойной бренди с содовой.

— Я так рада, — сказала Урсула, — что мне удалось решить проблемы Реджи.

— Мне показалось, что он сам с этим справился.

— Нет-нет, дорогой, — принялась объяснять Урсула. — Если бы не я, и не герцог, и не твоя помощь, конечно, Реджи не знал бы, что делать.

— Почему бы тебе не перестать помогать своим друзьям? — спросил я. — Почему бы не оставить их в покое?

— Их никак нельзя оставлять в покое, — возразила она. — Только оставь их в покое, они такого натворят. Послушай, согласишься — если бы я не вмешалась, Реджи и Марджери ни за что не поладили бы. В этом случае я сыграла роль катапульты.

— Катализатора?

— Милый, когда только ты перестанешь поправлять меня? Ты просто очарователен, но эта твоя привычка без конца поправлять меня действует мне на нервы.

— Ты в самом деле считаешь меня очаровательным? — удивился я.

— Я всегда считала тебя очаровательным, только не понимаю, какое это имеет отношение к Реджи и Марджери, — торопливо произнесла Урсула.

— Честно говоря, в данный момент мне совершенно безразлично, как сложится будущее Реджи и Марджери. По-моему, они достойны друг друга. По-моему, герцогу и его сыну не мешает найти себе жен, и, подводя итоги этой дурацкой истории, хочу сказать, что я приехал в Венецию по развлечься, а ты прелестная женщина. Так почему бы нам не выбросить из головы этих скучнейших английских мелкопоместных дворянчиков и не поговорить о том, чем мы займемся сегодня ночью... причем предупреждаю, без секса не обойдется.

Урсула порозовела — отчасти от смущения, отчасти от удовольствия.

— Ну, я даже не знаю, — начала она, и я с радостью ждал продолжения. — Я собиралась сегодня лечь пораньше.

— Дорогая, ты не могла сделать лучшего предложения! — воскликнул я.

— Ты отлично знаешь, что я подразумевала, — дернула она уздечку.

— Теперь, когда ты решила весь комплекс проблем Реджи, Марджери, Перри и герцога, — возразил я, — почему бы тебе не расслабиться. Приглашю тебя на безнравственный сексуальный ужин, а потом решишь, где тебе провести оставшиеся два дня в Венеции — то ли в твоём убогом пансионате, то ли в спальне величиной с балльный зал, с видом на Большой канал.

— О-о-о! У тебя спальня с видом на Большой канал... развратник!

— Давай так — ты возвращаешься в свою гостиницу и переодеваешься, я отправляюсь в свою, прослежу, чтобы в моем люксе навели надлежащий порядок, и в половине восьмого захожу за тобой. К тому времени, надеюсь, ты успеешь решить, стоит ли поменять твою жалкую обитель на одну из роскошных спален Венеции.

Ужин удался на славу, и Урсула была в ударе. Когда дошла очередь до кофе и бренди, я спросил, надумала ли она переменить жилье.

— Милый, ты романтичен, — игриво сказала она. — Совсем как Пасадубль.

— Кто? — удивился я.

— Ну, ты знаешь, тот великий итальянский любовник.

— Ты хочешь сказать — Казанова?

— Милый, ты опять меня поправляешь, — холодно заметила Урсула.

— Извини, — сказал я покаянно, — мне страшно лестно, что ты считаешь меня таким же романтичным, как Пасадубль.

— Ты всегда был по-своему романтичен, — сообщила она. — Скажи, твоя спальня в самом деле такая большая и из окна действительно видно Большой канал?

— Да — на оба вопроса, — горестно произнес я. — Должен, однако, признаться, мне было бы куда приятнее, если бы для тебя мое личное обаяние было важнее, чем размеры и расположение моей спальни.

— Я же говорю — ты романтичен, — пробормотала Урсула. — Почему бы нам не отправиться в твою гостиницу, выпить по рюмочке и посмотреть на твой люкс?

— Блестящая идея, — горячо подхватил я. — Пошли?

— Милый, это неромантично. Лучше поплывем.

— Конечно, — сказал я.

Урсула предпочла катеру гондолу.

— Понимаешь, — она вздохнула с наслаждением, — я всего четыре дня как в Венеции, и каждый вечер выбирала гондольера.

— Никому не говори, — ответил я, целуя ее. В пышном белом платье она была так хороша, что даже гондольер (деловой и циничный представитель млекопитающих) был восхищен.

Д

— Милый, — сказала Урсула, принимая театральную позу в свете фонарей на пристани, — я уже предвкушаю наш роман.

С этими словами она шагнула внутрь гондолы, сломала каблук и плюхнулась в Большой канал. Зная, что она плавает, как выдра, я мог бы огриничиться минимумом джентльменских усилий, чтобы помочь ей выбраться из воды, однако пышное платье, намокнув, обмоталось вокруг ног Урсулы и потянуло ее на дно. Волей-неволей пришлось мне сбросить пиджак и ботинки и нырять следом за ней. В конце концов, не в меру наглотававший воды, я сумел подтащить ее к берегу, где гондольер помог поднять ее на пристань.

— Милый, ты так храбро меня спас... Надеюсь, ты не очень промок, — выдохнула Урсула.

— Самую малость, — ответил я, подсаживая ее в гондолу. Когда мы доплыли до гостиницы, ее била дрожь, и я велел ей принять горячую ванну. Когда она вышла из ванной, у нее поднялась температура. Сколько они ни твердила, что все в порядке, я настоял на том, чтобы она легла в постель в моей просторной спальне. К полуночи температура поднялась настолько, что я встревожился и вызвал врача — сердитого сонного итальянца, явно не знакомого с клятвой Гиппократата. Он дал Урсуле какие-то таблетки и заверил, что она поправится. На другой день я отыскал приличного врача и услышал от него, что у Урсулы воспаление легких.

Две недели я преданно ухаживал за ней, пока медики не посчитали, что ей можно ехать домой. Я проводил ее в аэропорт. Когда объявили посадку, Урсула обратила на меня полные слез, огромные синие глаза.

— Милый, это был такой чудесный роман, — сказала она. — Надеюсь, ты со мной согласен.

— Я ни на что не променял бы эти дни, — ответил я, целуя ее теплые губы.

Даже Пасадубль, сказал я себе, не мог бы проявить большего такта.

СМЯТЕНИЕ ОТ ЧТЕНИЯ

Выросший в семье, где книги почитались столь же необходимыми для жизни, как пища, воздух и вода, я всегда поражался, как мало читает средний человек. Недоверие, с каким известные диктаторы относились к книгам, казалось мне странным, ведь книга не только учитель, но и прекрасный друг. Велико влияние книг на людей, достаточно назвать «Происхождение видов», «Капитал», Библию, но какое смятие в умах может

произвести книга, я по-настоящему узнал лишь после того, как принес в книжницу «Ройял Пэлис Хайклифф» труды Хэвлока Эллиса.

По прибытии в Борнмут я первым делом помчался в мою любимую книжную лавку на Крайстчерч-роуд. В высоком узком здании здесь помещается огромное увлекательнейшее собрание новых и букинистических книг. На первом этаже и в подвале на вас устремлены несколько ядовитые кюры новых книг в разноцветных суперобложках, но поднимитесь наверх по скрипучим неровным ступенькам, и вам откроется диккенсовский ландшафт. В каждой комнате от пола до потолка выстроились на полках плотные ряды старых книг. Полки встречают вас на узких лестничных площадках, и дальше они окружают вас со всех сторон, образуя чудесное, теплое, ароматное чрево.

Возьмите любую книгу — у каждой свой запах. Одна пахнет не только пылью, но и грибами, другая — осенним лесом или цветущим раkitником под ярким солнцем, третья — жареными каштанами. Есть книги, пахнущие едким дымком горящего угля, есть благоухающие медом. Но мало запахов — они дивные на ощупь в своих тяжелых кожаных переплетах, лоснящиеся, точно тюленья кожа, с жилками золотых букв на гляцевитых корешках.

Книги толщиной с бревно, книги тонкие, как пруттик, бумага толстая и мягкая, как листья наперстянки, хрустящая и белая, как лед, легкая и ломкая, как иней на паутине. А цвета переплетов... Цвета восхода и захода, багряной осенней листвы, покрытых вереском зимних холмов; форзацы — разноцветные, мраморные, точно некие марсианские облака. И всем этим упиваются и наслаждаются ваши органы чувств еще до того, как вы прочли названия («Великий Красный остров — Мадагаскар», «От Пекина до Лхасы», «Через бразильские дебри», «Сьерра-Леоне — люди, продукты и тайные общества»), и вот наступила дивная минута, когда вы открываете книгу, словно волшебную дверь.

Тотчас книжная лавка куда-то исчезает, и вы вместе с Уоллесом впитываете густые запахи Амазонии, вместе с Мэри Кингсли торгуетесь с продавцом слоновой кости, вместе с Дю Шаллю оказываетесь лицом к лицу с разъяренной гориллой, в тысячах романов предаетесь любви с тысячами прекрасных женщин, вместе с Сидни Картоном идете на гильотину, смеетесь вместе с тремя джентльменами в одной лодке, отправляетесь вместе с Марко Поло в Китай. И все это вы делаете, стоя на жестком неровном полу, с магическим паспортом в руках, без малейших затрат. Вернее, мне следовало бы сказать, что вам это может не стоить ни гроша, ибо лично я не способен войти в книжную лавку без денег и выйти из нее с пустыми руками. Всякий раз моя чековая книжка худеет, и чаще всего приходится вызывать такси, чтобы отвезти мою добычу.

Д

В данном случае я уже истратил куда больше, чем предполагал (но какой сколько-нибудь решительный, волевой человек устоит против соблазна купить книгу о слонах или про анатомию гориллы?), когда, мирно сидя на корточках перед очередной полкой, прямо перед собой (так что пропустить было невозможно) увидел тома издания, о котором давно мечтал. В темно-бордовых матерчатых переплетах, они отличались друг от друга только толщиной. Крупные буквы названия почти стерлись, так что этот книжный ящик Пандоры вполне мог бы остаться не замеченным мной, не пробежав в эту самую минуту сквозь пыльное оконное стекло луч зимнего солнца, позволяя прочесть: «Хэвлок Эллис, «Психология секса».

Так вот, всякому, кто изучает, содержит, а главное — разводит редких животных, известно, какую огромную роль играет секс, и изучение сексуальных импульсов животного, способного рассказать и написать о своих чувствах и переживаниях, то бишь человека, чрезвычайно важно для работы с менее речистыми представителями животного мира. Хотя я располагал достаточно внушительным собранием книг о человеческом сексе, ему недоставало шедевра, за которым я давно охотился, классического труда Хэвлока Эллиса. Конечно, современная наука продвинулась вперед после его написания, и все-таки он во многом сохранял актуальность, не говорил уже про обилие ценной информации.

Молодая леди, которая помогла мне отнести книги вниз, явно полагала, что мужчине моего возраста не следовало бы покупать девять томов о сексе. Знающий меня не один год владелец лавки Джон Рэстон был настроен более благожелательно.

— Ага, — сказал он, покачиваясь, точно дрессированный медведь, — ага, Эллис. Довольно редкое издание.

— Сто лет за ним охочусь, — отозвался я. — Я просто в восторге.

— Отличный, чистый экземпляр, — не сознавая юмора своих слов, заметил Джон, взяв в руки и рассматривая том, посвященный гомосексуальности.

Итак, моего Хэвлока Эллиса упаковали вместе с еще несколькими, замеченными в последнюю минуту книгами (назовите мне любознательного человека, которого не привлекли бы такие названия, как «Речь обезьян», или «Дневник работоторговца», или «Патагонцы»), и Джон Рэстон позаботился о том, чтобы меня отвезли в гостиницу, где всю последующую неделю я почти не расставался с Хэвлоком, всюду носил с собой какой-нибудь из девяти томов, отмечая карандашом сведения, полезные для работы с разведением животных. Мне было невдомек, что в пустующей среди зимы гостинице ее персонал изучал мои повадки почти так же внимательно, как я изучал своих животных. А видели они, что, перемещаясь из коктейль-ба-

ра в ресторан и из ресторана в гостиную, я постоянно читаю одну книгу (все тома выглядели одинаково), делая на ходу какие-то пометки. Когда в половине восьмого утра мне приносили в номер завтрак, я лежал в постели с Хэвлоком, и с ним же в два часа ночи меня видели ночные швейцары. Несомненно, в этой книге было что-то особенное, если я никак не мог от нее оторваться, подолгу не произнося ни слова.

Я и не подозревал, как всех заинтриговало мое увлечение Хэвлоком, пока итальянский бармен Луиджи однажды не обратился ко мне:

— Должно быть, мистер Даррелл, это очень интересная книга?

— Ага, — промямлил я. — Хэвлок Эллис.

Луиджи довольствовался этим, не желая сознаваться, что имя Хэвлока Эллиса ему ничего не говорит. После него заместитель управляющего гостиницей, австриец Стивен Грамп, тоже спросил меня:

— Должно быть, мистер Даррелл, книга очень интересная?

— Ага, — ответил я. — Хэвлок Эллис.

Он тоже не захотел обнаруживать свое невежество и лишь глубокомысленно кивнул.

Я же был до того пленен не только собственно исследованиями Хэвлока, но и стилем письма, в котором угадывался нрав автора — серьезный, педантичный, лишенный чувства юмора, типичный для американца, когда он основательно берется за дело, этакая смесь дотошности прусского офицера, вдумчивости шведского артиста и осмотрительности швейцарского банкира, — словом, я был до того пленен всем этим, что совершенно не замечал, как страстно окружающим хочется узнать, что же такое я читаю. Тусклый темно-бордовый переплет и выцветшие буквы на корешке ничего не могли им сказать. Но однажды, совершенно случайно, секрет раскрылся, и поднялось смятение, подобное которому мне редко доводилось наблюдать. Произошло это безо всякого моего умысла, когда я в ресторане читал Хэвлока, уписывая великолепно приготовленные макароны и авокадо (пошарами в гостинице работали итальянцы, службу составляли англичане). Подцепляя вилкой макароны с пармезаном, я в то же время впитывал сведения о том, что составляет красоту женщины и что ценится или, напротив, отвращает в различных частях света. И остановился на употребляемой на Сицилии фразе, сулившей интересные умозаключения. Если бы только я понимал, что она означает.

Увы, этот Хэвлок явно полагал, что все его читатели безупречно владеют итальянским языком, и не потрудились напечатать в сноске перевод. Полюмав голову над загадочной фразой, я вспомнил, что метрдотель Инноченцо родом с острова Сицилия. И подозревал его, не подозревая, что поджигаю бикфордов шнур, соединенный с бочонком пороха.

Д

— Что-нибудь не так? — спросил он, озирая стол большими карими глазами.

— Все чудесно, — ответил я. — И я не поэтому подозревал тебя. Ты ведь говорил, что родился на Сицилии, верно?

— Так точно, — кивнул он, — на Сицилии.

— Так, может быть, ты переведешь для меня вот это? — Я указал на заинтриговавшее меня выражение.

Эффект был странный и совершенно неожиданный. Прочтя фразу не обыкновенно расширившимися глазами, он посмотрел на меня, растерянно отступил на несколько шагов, вернулся, прочитал еще раз, снова посмотрел на меня и отпрянул, как если бы у меня вдруг выросла вторая голова.

— Что это за книга? — спросил Инноченцо.

— Хэвлок Эллис. «Психология секса».

— Вы уже целую неделю читаете ее, — укоризненно произнес он, точно поймал меня на чем-то недозволенном.

— Так ведь он написал девять томов, — возразил я.

— Девять?! Девять? И все о сексе?

— Ну да. Это обширный предмет. Но меня сейчас интересует — верю ли, что вы на Сицилии так говорите о женщинах?

— Я? Никогда, никогда! — поспешил заявить Инноченцо. — Я никогда так не говорю.

— Никогда? — разочарованно осведомился я.

— Может быть, мой дед иногда так выражался, — сказал он. — Но теперь так не говорят. О, нет, нет! Только не теперь.

Он не отрывал глаз от моей книги.

— Вы сказали, что этот человек написал девять книг? И все о сексе?

— Ну да. О всех аспектах секса.

— И вы всю неделю читаете про это?

— Ну да.

— Стало быть, вы теперь эксперт. — Он смущенно усмехнулся.

— Нет, это он эксперт. Я только учусь.

— Девять книг, — изумленно протянул он, потом вернулся мыслями к работе. — Вам принести еще сыра, мистер Даррелл?

— Нет, спасибо. Только еще вина.

Инноченцо принес вино, откупорил, налил мне две капли на пробу, пожимая глазами книгу. Я одобрил вино, он наполнил бокал.

— Девять книг, — произнес он, осторожно свинчивая со штопором пробку. — Девять книг о сексе. Мама миа!

— Да-да, — подтвердил я. — Хэвлок поработал добросовестно.

Инноченцо удалился, и я снова обратил взгляд на тексты Хэвлока, основательно и дотошно изучавшего нравы пылких сицилийцев. Откуда мне было знать, что мой пылкий сицилиец рассказывает официантам, что у мистера Даррелла есть девять томов о сексе — рекордная цифра для постояльцев любой гостиницы в мире. Сия новость распространилась со скоростью степного пожара. Когда во второй половине дня я вернулся из очередного похода в магазины, сразу два швейцара поспешно открыли мне двери, и за стойкой, ослепительно улыбаясь, собрался целый цветник из прелестных регистраторш. Столь неожиданный энтузиазм слегка озадачил меня, однако мне не пришлось в голову связать его с тем фактом, что в моем владении находились девять томов Хэвлока Эллиса. Поднявшись в свой номер, я заказал по телефону чай и лег на постель с книгой. Вскоре явился с моим приказом дежурный официант Гэвин, высокий, стройный молодой человек с изящным профилем, большими голубыми глазами и шапкой белокурых волос, напоминающих нечесаную гриву арабского скакуна.

— Добрый день, — сказал он, уставясь на мою книгу.

— Добрый день, Гэвин, — отозвался я. — Поставь чай на стол, если не трудно.

Он выполнил мою просьбу и остался стоять, глядя на меня.

— Да? — спросил я. — Тебе что-нибудь нужно?

— Это у вас та грязная книга?

— Грязная! — возмутился я. — Это Хэвлок Эллис, крупнейший специалист по психологии секса. Грязная книга, скажешь тоже.

— Ну да, — настаивал Гэвин. — Я насчет секса.

— Секс, что бы ни думали англичане, отнюдь не грязный предмет, — рисковато ответил я.

— Ну, понимаете... я знаю, что это не так, — уступил Гэвин. — Но, понимаете... я хотел сказать... все думают так, разве нет?

— К счастью, существует небольшое меньшинство, придерживающееся других взглядов, — возразил я. — Надеюсь, ты принадлежишь к этому меньшинству.

— О да. Я хотел сказать, что я всецело за секс, да. По-моему, так всякий волен делать что хочет в каком-то смысле. Конечно, кроме того, что не положено... сами понимаете, например, одурманивать девушек и отправлять их в такие места, как Буэнос-Айрес...

— Верно, — серьезно согласился я. — В сексе тоже все должно быть четко.

Он прерывисто вздохнул, перебирая пальцами салфетку. Его явно мучила какая-то проблема.

— Ну и что там говорится? — спросил наконец Гэвин.

Д

— О чем?

— О сексе, конечно.

— Какой именно аспект тебя интересует?

— Как это понимать — аспект? — озадаченно справился он.

— Ну, ты хочешь что-то узнать про обычный секс или про лесбиянство, гомосексуализм, садизм, мазохизм, онанизм?

— Ух ты! — воскликнул Гэвин. — Он про все это пишет? Честно?

— Честно, — ответил я. — Все это разные виды секса.

— Силы небесные! Да-а-а... Что ж, наверно, вы правы. Сам живи и другим не мешай, как говорится.

— Вот именно.

Гэвин завязал узелок на салфетке и похлопал им по ладони. Ему нетерпелось о чем-то спросить.

— У тебя есть проблемы? — спросил я.

Он вздрогнул.

— У меня?! — Он попятился к двери. — Ничего подобного! У меня ни каких проблем. У меня? Никаких.

— Стало быть, доктор Хэвлок Эллис не может тебе помочь?

— Нет-нет... То есть... У меня нет проблем. Какие бывают у некоторых людей. Я зайду за подносом попозже, ладно?

Он поспешно удалился.

И я представил себе, что вести о Хэвлоке Эллисе сейчас взбудоражат всю гостиницу, как будоражат джунгли сигнальные барабаны. Попивая чай, я ждал, что последует дальше. Не прошло и часа, как снова появился Гэвин.

— Как вам чай? — справился он.

Прежде Гэвин никогда не спрашивал меня об этом.

— Спасибо, все в порядке, — ответил я выжидательно. Гэвин помолчал, ловко вертя поднос на одной ладони.

— Прочитали еще? — спросил он наконец.

— Несколько страниц.

Он надул щеки, вздохнул.

— Должно быть, это подходящая книга для человека, у которого... ну, есть проблемы?

— Очень полезная. Он обо всем судит здраво, так что у человека не возникает комплекса вины.

— Ну да... это хорошо. Комплексы — это плохо, верно?

— Очень плохо. Даже вредно для человека.

Опять наступило молчание. Гэвин перебросил поднос с левой ладони на правую.

— Да-а-а... — протянул он задумчиво. — Есть у меня один друг, страдает от комплекса.

— В самом деле? И что же это за комплекс?

— Ну, я даже затрудняюсь объяснить. Он совсем недурен собой, как говорится... Словом, парень хоть куда. И девушкам нравится, да. По правде говоря, так две даже передрались из-за него, — не без гордости сообщил Гэвин. — Две португальские горничные... Здорово потрепали друг дружку. Вцепились в волосы, били кулаками. Больно они вспыльчивые, эти иностранки, верно?

— Очень вспыльчивые, — подтвердил я. — Это и есть проблема, которая мучает твоего приятеля? Слишком много пылких португальских девушек просятся к нему в постель?

— Нет-нет! Нет... нет... не в этом дело. Понимаете, они ему не нравятся.

— Ты хочешь сказать, что у него уже есть подружка?

— Нет-нет! Дело в том... ему не нравятся девушки, понимаете? — с отчаянием выпалил Гэвин. — То есть ему не нравится... ну, понимаете... познакомиться с ними.

— Ты хочешь сказать, что ему нравятся парни?

Он покраснел.

— Ну, как бы это сказать... ну, он говорит... понимаете, что возился с некоторыми парнями... ну, и он говорит...

Гэвин совсем растерялся.

— Говорит, что предпочитает их девушкам? — спросил я.

— Ну... да... что-то в этом роде. Так он говорит.

— Что ж, в этом нет ничего дурного. Его это беспокоит?

— Вы хотите сказать, что можно жить... со странностями, и ничего?

— Если человек таким уродился, это вовсе не грех. С этим ничего не поделаешь, как нельзя изменить цвет глаз.

— О! — произнес Гэвин, пораженный таким суждением. — Ну да... Пожалуй, что и впрямь нельзя.

— Твой приятель хотел бы одолжить Хэвлока Эллиса, посмотреть, что тут говорит о гомосексуальности?

— Думаю, хотел бы, — нерешительно ответил Гэвин. — Скорее всего, да. Я... гм, спрошу его и скажу вам.

— Не хочешь прямо сейчас взять книгу на всякий случай?

— Ну... — он уставился на том, который я ему протянул, — ну, пожалуй, я мог бы ее взять... на случай, если он станет читать... н-да, я мог бы... и сразу верну. Хорошо?

— Хорошо, — ответил я. — Только скажи ему, чтобы не залил книгу пивом.

— Нет-нет, — заверил он, зажав книгу под мышкой и направляясь к двери. — Не залью.

И мой первый пациент удалился.

Утром пятого дня моего пребывания в гостинице Гэвин принес в номер завтрак с беспечным видом.

— Ну? — спросил я. — Моя книга утешила твоего друга?

— Моего друга? — недоуменно воскликнул он.

— Ну да. Твоего друга с комплексом.

— А, его... Ну да... он говорит, книга очень интересная. Я и сам ее полистал. Очень интересно. Дело в том... он пишет об этом очень разумно... не внушает человеку, будто он последняя дрянь, так сказать.

— И правильно делает, — отозвался я, попивая чай.

— Да. Только вот что должен сказать вам — девушки в регистратуре прямо вне себя от того, что у него там говорится о лесбиянках.

— Ты давал книгу им? Ты понимаешь, что управляющий выставит меня из гостиницы, если поймает тебя, а сам ты будешь уволен за распространение порнографии?

— Да не поймает он меня, — возразил Гэвин пренебрежительно.

— Ну и что говорят девушки из регистратуры? — поинтересовался я, представляя себе, какие опасности могут подстергать меня на первом этаже.

— Вы Сандру знаете? Блондинку? Довольно симпатичную такую? Так вот, она снимает квартиру вместе с Мэри... С толстушкой, которая носит очки. Так вот, прочитав эту книгу, Сандра заявила, что будет жить отдельно. Дескать, она все время спрашивала себя, с чего это Мэри всегда напрашивается потереть ей спину в ванной, а теперь поняла и больше не желает ничего подобного. Мэри жутко расстроилась... плачет без перерыва и все твердит, что никакая она не лесбиянка. Мол, человеку трудно самому мыть себе спину, и она только хотела помочь Сандре, а та говорит, что ей хватает проблем со своими друзьями без того, чтобы Мэри лезла к ней в ванную.

— В этом что-то есть, — рассудил я. — А что говорят остальные две?

— Так вот, мисс Гемпс, что постарше, не возражает против того, чтобы делить квартиру с Мэри, потому что любит, чтобы ей терли спину, и не видит в этом ничего дурного. А Сандра заявила, что мисс Гемпс задумала соблазнить Мэри, тогда мисс Гемпс страшно разозлилась и сказала, что предпочитает, чтобы девушка терла ей спину, чем чтобы перед ней терли мужчины, как это явно по нраву Сандре. Тут Сандра пришла в ярость и крикнула, что она девица, как и мисс Гемпс, только с той разницей, что сама этого желает, тогда как мисс Гемпс девица поневоле. И теперь они все не разговаривают друг с дружкой.

— Неудивительно, — заметил я. — Тебе не кажется, что следует дать им почитать том, который рассказывает о непорочном зачатии?

— Да нет, все будет в порядке, — сказал Гэвин. — Им только полезно понапаться, разрядить атмосферу.

— Но теперь Мэри лишена единственного своего удовольствия, — возразил я.

— Ничего, — отозвался Гэвин. — Сегодня все они идут на вечеринку и поладят.

— Ты тоже пойдешь на вечеринку? — спросил я, рассчитывая на репортаж с места происшествия.

— Нет, — ответил Гэвин, глядя на меня с вызовом. — У меня встреча с моим другом Рупертом.

— Желаю хорошо провести время.

— Можете не сомневаться, — сказал он, выходя из номера с важным видом.

Позже, в тот же день, когда я спустился в регистратуру обналичить чек, юные леди, с потухшими глазами и поджатыми губами, обслужили меня с холодной учтивостью, от которой стало бы не по себе даже белому медведю. Однако вызванное Хэвлоком смятение на этом не кончилось. Один за другим ко мне потянулись новые пациенты. Начну с молодого швейцара Дэниса, славного, но, к сожалению, далеко не красивого шотландского парня, чья непривлекательность усугублялась двумя физическими изъянами. Он заикался, и лицо его украшала рельефная карта из красных прыщей, отчего круглые карие глаза Дэниса смотрели на вас особенно рбко. Он принес мне в номер телеграмму и остановился в дверях, переминяясь с ноги на ногу.

— От-от-ответа не бу-будет, сэр? — спросил он.

— Нет, Дэнис, спасибо.

— Могу я че-чем-нибудь еще бы-быть вам полезен, сэр?

— Пока нет. Разве что у тебя есть на редкость миловидная порочная сестра.

— Н-н-н-нет, сэр. Моя се-сестра за-замужем, сэр.

— И хорошо, — убежденно произнес я. — Приятно знать, что институт брака еще жив. Это так же отраднo, как если бы я встретил живого динозавра.

— Эт-та к-к-книга, ко-которую вы дали Гэвину, сэр... В ней го-го-говорится о же-женитьбе, сэр?

— Хэвлок много пишет о женитьбе. А что именно тебя интересует?

— Он пи-пишет, к-к-как делать п-п-п-предложение, сэр?

— Как предлагать руку и сердце? Не уверен. Вряд ли у него на этот счет есть конкретные указания. Скорее, его книги могут служить руководством, как вести себя после женитьбы.

Д

— Но в-ведь спе-сперва надо сделать п-п-п-предложение, сэр, — заметил Дэнис.

— Разумеется. Но это как раз несложно. Кому ты собираешься сделать предложение?

— С-с-с-с-сандрэ, — ответил он, и у меня замерло сердце. Меньше всего на свете мог Дэнис рассчитывать на расположение Сандры, даже будь он первым красавцем, чего никак нельзя было сказать об этом парнишке с его прыщами и желтым пушком, как у только что вылупившегося цыпленка. Добавьте к этому заикание, и шансы Дэниса завоевать сердце Сандры равнялись его шансам стать премьер-министром.

— Ну, это очень просто, — решительно произнес я. — Ты приглашаешь ее куда-нибудь повеселиться и в конце вечера задаешь заветный вопрос. Элементарно. Все трудности начнутся после того, как она скажет «да».

— У меня прыщи, — уныло молвил Дэнис.

— У всех прыщи, — ответил я. — Не стану раздеваться перед тобой, но у меня вся спина в прыщах. Похоже на аэрофотоснимок главных вершин Андских гор.

— Т-так то на с-с-спине, — возразил он. — М-м-мои на ли-лице.

— Их почти не видно, — солгал я. — Не скажи ты об этом, я бы и не заметил.

— Я за-за-заикаюсь, — сказал Дэнис. — К-как можно сде-сделать п-п-п-предложение, ко-когда за-заикаешься?

— Совсем чуть-чуть, — заверил я его. — Когда наступит великая минута, ты от волнения забудешь заикаться.

— Еще я к-к-краснею, — не унимался Дэнис, твердо решив выложить мне все свои изъяны.

— Все краснеют, — ответил я. — Даже я, только под бородой и усами не видно. Способность краснеть — свойство людей положительных, деликатных. Тут вовсе нечего стыдиться. Кстати, у Хэвлока в восьмом томе горится кое-что на этот счет.

— А п-про п-п-прыщи и за-заикание он пишет? — спросил Дэнис с надеждой в голосе.

— О прыщах ни слова. Это, собственно, не его область. Хочешь почистить, что он пишет в восьмом томе?

— Хо-хо-хочу, — с жаром согласился Дэнис. И удалился, схватив восьмой том. Это собеседование совершенно измотало меня, я чувствовал себя примерно так, как себя чувствует какой-нибудь психиатр в конце тяжелого трудового дня. Я от души надеялся, что Хэвлок как-то поможет серьезному, славному парню, хотя шансы его явно были близки к нулю.

Следующим за советом к Хэвлоку обратился Джованни, один из официантов, высокий, стройный, красивый брюнет, напоминающий ухожен-

ную антилопу с лучистыми глазами. Глядя на этого самоуверенного малого, трудно было представить себе, что у него вообще могут быть какие-либо проблемы, не говоря уже о сексуальных. Тем не менее однажды, когда я сидел за ланчем в ресторане и остальные посетители уже ушли, он занял позицию метрах в двух от моего столика и уставился на меня.

— Да? — вздохнул я, отложив карандаш, которым делал пометки. — Какие у тебя проблемы, Джованни?

— Понимаете, — он нетерпеливо подошел вплотную к столику. — И вот о чем хотел спросить... в этой вашей книге, э... говорится что-нибудь о садизме?

— Говорится, — ответил я. — А что? Тебя одолевает желание поколотить Инноченцо?

— Нет-нет. Речь не обо мне, а о моей подружке.

— Вот как, — осторожно молвил я. — И в чем же дело?

Он осмотрелся украдкой, убеждаясь, что мы одни.

— Она кусается, — прошептал он.

— Кусается?

— Ну да.

— Кого же она кусает? — спросил я в замешательстве, настолько его слова поразили меня.

— Она кусает меня, — объяснил Джованни.

— О! — Я малость опешил, ибо даже Хэвлок не подготовил меня к случаю с девушками, кусающими плечистых итальянских официантов.

— И почему же она кусает тебя?

— Она говорит — ей нравится мой вкус, — важно сообщил он.

— Так это только хорошо, разве нет?

— Нет. Она кусается больно, — возразил Джованни. — Иногда я боюсь, что она перекусит какой-нибудь сосуд и я истеку кровью.

— Не истечешь. Никто еще не умирал от ласковых укусов.

— И вовсе это не ласковые укусы, — возмущенно ответил он. — Она садизм.

— Садистка, — поправил я его.

— И это тоже.

— Но ласковые укусы — обычное дело, — заверил я. — Это признак обожания, любви.

Джованни еще раз оглянулся — никто не видит? — затем расстегнул рубашку.

— Вот это что — любовь или садизм? — спросил он, обнажая грудь, словно покрытую каракулем, сквозь который можно было рассмотреть аккуратные красные метки от укусов.

Д Кое-где зубы возлюбленной прокусили кожу, а один укус был даже залеплен пластырем.

— Что ж, — заметил я, — должно быть, это больно. Но я не стал бы называть это садизмом.

— Нет? — гневно осведомился Джованни. — Вы что же хотите — чтобы она сожрала меня?

— А почему тебе в ответ не укусить ее? — предложил я.

— Не могу. Ей это не понравится.

Я убедился, что у Джованни в самом деле есть проблемы и главная проблема заключалась в том, что ему неизвестно, что такое настоящий садист или садистка.

— Хочешь одолжить у меня книгу, где говорится о садизме? — спросил я. — Может, поможет?

— Хочу, сэр. — Он просиял. — Я прочту ей, и она увидит, что она садизм.

— На твоём месте я не стал бы читать ей всю книгу, — предостерег я Джованни. — Ты ведь не хочешь, чтобы она взялась за плетки и прочие предметы.

— Я сперва прочту сам, — ответил он, поразмыслив.

— Правильно, на твоём месте я взял бы на себя роль цензора. Я принесу эту книгу вечером, Джованни.

— Спасибо, мистер Даррелл, — сказал он и проводил меня до двери, кланяясь и застегивая рубашку.

Два дня спустя Джованни вернул мне книгу, но вид у него был слегка озабоченный.

— Все в порядке, — прошептал он.

— Отлично, — отозвался я. — И что же у вас произошло?

— Когда я прочел ей то, о чем он пишет, она подумала, что я задумал проделать с ней это. И сразу стала возражать: «Нет-нет, ни за что». А я ей в ответ: «Откажись от садизма, тогда и я не буду».

— Она согласилась?

— Ага, согласилась.

— Стало быть, подействовало?

— Сегодня ночью, — он прищурил один глаз, — она была нежная, словно птичка, красивая птичка... совсем ласковая.

— Прекрасно, — сказал я.

— Нет. Теперь она сердится на меня.

— Почему? — удивился я.

— Она была такая красивая, такая нежная, такая ласковая, что я укусил ее, — признался Джованни. — И она говорит, что больше не будет спать со мной.

— Она передумает, — утешил я его.

Однако лицо Джованни выражало сомнение, и к тому времени, когда я уезжал из гостиницы, прекрасная кусака еще не поддавалась на его уговоры.

Теперь поведаю о случае с кладовщиком и рабочим, когда я невольно (не без помощи Хэвлока) оказался виновником серьезной стычки; впрочем, все кончилось относительно благополучно, пострадало только меню, когда подгорело главное блюдо дня — овощной суп с лапшой.

Началось все с того, что я открыл кратчайший путь, ведущий к приморским скалам — через подвал нашей гостиницы; до того дня мне приходилось топать не один километр по дорогам. Названный путь пролегал мимо мусорных контейнеров, а потому я нередко встречал кладовщика и кухонного рабочего, славного ирландского парня с ленивой улыбкой, синими глазами, рыжеватой шевелюрой и россыпью веснушек по всему лицу. Прямую противоположность ему являл кладовщик — темноволосый бирюк с угрюмым лицом, которое, впрочем, совершенно преображалось, когда он улыбался. Мне чрезвычайно нравился его голос — низкий, хриплый; в речи кладовщика отчетливо слышался дорсетский акцент. Весть о том, что я представляю собой неисчерпаемый источник познаний о сексе (благодаря Хэвлоку Эллису), просочилась в подвальные помещения, и оба названных симпатичных молодых человека поделились со мной своими затруднениями; первым — кладовщик Дэвид.

— Понимаете, сэр, — начал он, краснея, — она чертовски хороша. И знает, как она мне нравится, знает, что я хочу жениться на ней. Однако ничего не позволяет. Ни за что. Но и с другими чтобы я не делал этого, понимаете? Не то чтобы меня так уж сильно тянуло, понимаете? Но я так рассуждаю — либо она станет делать это со мной, либо я найду для этого другую. Все должно быть по справедливости, сэр, вы согласны?

— Она считает, что воздержание усиливает привязанность, — предположил я и тут же пожалел о своих словах, видя, с какой укоризной он смотрит на меня.

— Мне не до шуток, сэр. У меня от этого плохое настроение, честно. Вот я и подумал, может, в вашей книге есть что-нибудь такое, что я мог бы дать ей прочитать? Такое, ну... чтобы настроило ее, что ли.

— Я дам тебе почитать книгу о сексуальном просвещении и воздержании, — пообещал я. — Однако за успех не ручаюсь.

— Конечно, сэр, конечно, я понимаю. Мне бы только сдвинуть ее с точки, так сказать.

И я одолжил ему шестой том.

А затем ко мне обратился рыжий Майкл. У него были точно те же проблемы. Я-то полагал, что мы живем в снисходительном, терпимом общест-

Две, а тут вдруг обнаружил, что персонал гостиницы руководствуется суровыми принципами эпохи королевы Виктории. Юные особы женского пола ревностно охраняли свою девственность.

— Боюсь, Майкл, — сказал я, — тебе придется подождать. Я как раз отдал Дэвиду том, который тебе нужен.

— А, ему... этому недотепе! Я даже не знал, что у него есть девушка. Да у него небось и помочиться сил не хватит, не то чтобы...

— Во всяком случае, у него есть девушка, и он страдает так же, как и ты. Так что отнесись к нему с сочувствием.

— Сочувствие — то, чего мне не хватает, — ответил Майкл. — Эта девушка сведет меня с ума. Она погубит мое здоровье. Даже вера моя страдает из-за нее, а это ужасно для ирландца.

— Это как же она влияет на твою веру? — поразился я.

— Влияет, и мне не в чем исповедоваться, — возмущенно произнес Майкл. — А патер О'Мэли считает меня лжецом. На днях он спросил, не хочу ли я исповедаться, и, когда я ответил: «Я не согрешил, патер», он сказал, что я лгу, и велел пятьдесят раз прочесть молитву богородице. Стыд-то какой!

— Я дам тебе ту книгу, как только получу обратно, — пообещал я. — Повезет, так она поможет и тебе и Дэвиду.

Откуда мне было знать, что оба ухаживают за одной и той же девицей, если они сами об этом не знали?

Возвращаясь после очередной экскурсии на скалы и посещения чудовищного памятника дурного вкуса — Музея Коутс, я избрал, как обычно, кратчайший путь и узрел захватывающую картину. Майкл и Дэвид стояли друг перед другом, багровые от гнева, первый — с разбитым носом, второй — с рассеченным лбом; их крепко держали за руки шеф-повар и его помощник. На земле рядом с ними лицом вниз лежал мой драгоценный Хэвлок, чуть дальше валялся помятый окровавленный колпак шефа в компании с острейшим ножом мясника. Я поспешил спасти свою книгу, пока драчуны сыпали бранью и рвались снова помериться силами. Ловя обрывки несвязной речи, я понял, что подружка Майкла показала ему Хэвлока, после чего Майкл, зная, что она могла получить книгу только от Дэвида, подстерег кладовщика и набросился на него с ножом. Дэвид ловко увернулся, ударил Майкла по носу и обратился в бегство. Майкл метнул вдогонку бутылку и разбил Дэвиду лоб. Но тут вмешались повара и не дали им продолжить потасовку.

— Вам не кажется, что вы повели себя глупо? — спросил я.

— Глупо? — заорал Майкл. — Эта ползучая протестантская жаба дает моей Анджеле грязные книжки!

— Твоей Анджели? — прорычал Дэвид. — Она вовсе не твоя Анджела, мы, считай, уже договорились, что она выходит замуж за меня. И эта книга совсем не грязная, она принадлежит мистеру Дарреллу.

— Чтобы она вышла замуж за какую-то протестантскую падаль? И пропилиться мне сквозь землю, если это не грязная книга, — не унимался Майкл. — Вы уж извините меня, мистер Даррелл, вам следовало бы стыдиться, право слово, за то, что помогали этому растленному ублюдку в его попытках развратить одну из самых чудесных и восхитительных девушек, каких я не встречал с тех пор, как покинул Ирландию. И пусть поразит меня бог, если это неправда.

— Но ведь ты сам собирался дать почитать эту книгу Анджели, — заметил я.

— Верно. Но это совсем другое дело — я ее жених, — ответил Майкл.

Я знал, что ирландская логика не подлежит обсуждению.

— Послушайте, — сказал я. — Деритесь, убивайте друг друга на здоровье, это ваше дело. Вы оба одинаково виновны, ведь обоим книга потребовалась для того, чтобы заманить Анджелу в постель. Вам самим должно быть стыдно, как вы обращаетесь с моим имуществом. Если я сообщу директору, вас обоих уволят, и тогда не видать вам Анджелы. Кстати, по-моему, у вас и так нет никаких шансов. Вчера вечером я видел ее в одном заседании, она обедала там с Найджелом Мерриведером.

Найджелом звали молодого пригожего администратора нашей гостиницы.

— Найджел Мерриведер? — воскликнул Майкл. — Эта свинья! Что она нашла в нем?

— Мерриведер? — подхватил Дэвид. — Она говорила, что он ей не нравится.

— Ну да, — согласился Майкл. — Говорила, что ее тошнит от него.

— Вот так, — заключил я. — Похоже, вам обоим не повезло.

— Ну и ладно, — сказал Майкл. — Больше я с женщинами не имею дела. Стану жить, словно какой-нибудь чертов монах.

— И это после всего, что я для нее сделал! — пожаловался Дэвид. — Изменить мне с Мерриведером, про которого говорила, что ее тошнит от него.

В эту минуту с кухни до нас донесся запах горелого.

— Пресвятая Мария, мать божья! — воскликнул Майкл.

— Мой суп! Мой суп! Ты, чертов ирландский драчун! — вскричал шеф-повар и помчался на кухню, увлекая за собой Майкла.

Младший повар Чарли, румяный лондонец, выпустил из своей хватки второго незадачливого влюбленного.

— Честное слово, я теперь даже не знаю, что о ней думать, — сказал Дэвид.

— А ты не думай, — посоветовал я. — Пойди, опрокинь стаканчик и скажи Луиджи, чтобы записал на мой счет.

— Вы очень добры, сэр. — И Дэвид, заметно повеселев, направился вверх по лестнице в бар.

— Вовремя вы появились, — сказал Чарли, когда удалился Дэвид. Эти болваны готовы были убить друг друга, посмотрите только на этот чертов нож.

— Скажи мне, — спросил я, — кто такая эта Анджеला?

Чарли уставился на меня.

— Вы хотите сказать?.. — Он вдруг расхохотался.

— Что-то я должен говорить, — объяснил я. — Иначе мы можем весь день простоять здесь молча.

— И вы, очевидно, никогда не встречались с Найджелом Мерривесдером? — вымолвил он, продолжая смеяться.

— Нет, не встречался. Но мне говорили, что он весьма пригожий молодой администратор, большой любитель девиц и обладатель тугого кошелька.

— Совершенно верно, — ответил Чарли. — Настоящий охотничий пес.

— Охотничий пес?

— Ну да, всегда гоняется за птичками.

— Понятно. Охотничий пес. Меткое сравнение. Что ж, все хорошо, что хорошо кончается.

— А скажите, — поинтересовался Чарли, — что это за книга, из-за которой они так сцепились?

— Речь идет о великолепном труде, — объяснил я. — Очень полезные книги, если правильно ими пользоваться, однако здесь, у вас, стоит человеку начать их читать, как на него находит какое-то безумие.

— А там есть какие-нибудь советы... об интимной стороне брака? задумчиво справился Чарли. У меня упало сердце.

— Ну... вообще-то да, — ответил я. — Но ты должен помнить, что эти книги, они вроде как бы учебные пособия.

— Ага, — продолжал Чарли. — Похоже, это как раз то, что мне нужно. Учебное пособие — что-то вроде школьных учебников, так?

— Боже мой. Но ты уверен?..

— Понимаете, — доверительно начал Чарли, — у нас со старухой последнее время что-то не очень получается. Она стала какая-то кислая, сварливая, так сказать. Все ей не так. И вот недели две назад она сходила посмотреть один фонографический фильм и теперь все твердит, что я не так делаю. Дескать, каждый раз все тот же старый способ, который ей уже

отточертел. Дескать, я лишен воображения. Я ей сказал, что и она никакая не Кама-чертова-Сутра, но она винит во всем меня.

— Что ж, всякое может быть.

— Так вот, в этой вашей книге... что-нибудь говорится на этот счет? Ну, про разные там способы и так далее?

— Говорится, — осторожно ответил я.

— Так, может, вы могли бы одолжить ее мне на время? — попросил Чарли. — Чтобы я, так сказать, усовершенствовал свою технику?

Разве мог я отказать пожилому толстячку, которому понадобилось учебное пособие, чтобы поладить в постели с супругой? Это было бы просто жестоко с моей стороны.

— Хорошо, — уступил я. — Я одолжу вам том второй.

— Спасибо, сэр. — Он расплылся в улыбке. — Точно! Бьюсь об заклад, старуха сразу оживет. Она будет счастлива, не сойти мне с этого места.

Он ошибался. Через два дня, когда я пришел в ресторан на второй завтрак, Чарли медленно вышел из кухни и направился к моему столику, неся том второй. Правый глаз его почти не открывался, и вся верхняя скула была расписана разными оттенками красного цвета — от пурпурного до розового.

— Привет, — поздоровался я. — Что это ты сделал с глазом?

Он осторожно опустил на стол Хэвлока.

— Это не я сделал, — ответил Чарли. — Это моя старуха постаралась. Столько ныла, приставала ко мне с этим чертовым сексом, а тут врезала, будто дубиной. И знаете почему, сэр?

— Почему? — заинтересовался я. Он тяжело вздохнул, как вздыхает мужчина, столкнувшийся с женской логикой.

— Потому, сэр, что я-де принес в дом грязную книгу. Вот почему.

Я решил, что Хэвлок натворил достаточно бед и следует забрать обратно все тома, что я раздал. К тому же через сутки я должен был уезжать, а Хэвлок пользовался таким успехом, что какие-то книги могли и пропасть.

Итак, я прошелся по этажам, оставляя записки Дэнису, Гэвину и Стелле (так звали горничную, которая была озабочена поведением своего дружка: «Он только о сексе и думает. Представляете, даже футболом не интересуется»). В это время мне встретился директор гостиницы, мистер Ведерстоун-Томпсон.

— О, добрый день, мистер Даррелл, — приветствовал он меня. — Я слышал, вы собираетесь покинуть нас послезавтра?

— Увы, — отозвался я, — необходимо возвращаться на Джерси.

— Конечно, конечно, у вас должно быть столько хлопот с вашими горилами и прочей живностью. — Он подобострастно хихикнул. — Но мы были очень рады вам.

Д

— Мне тоже было здесь приятно, — ответил я, отступая к лифту.

— Нам всем будет вас не хватать. — Мистер Ведерстоун-Томпсон правильно встал между мной и лифтом. — Вас и, не сомневаюсь... вашей -- ха-ха! — маленькой библиотеки.

Я мысленно застонал. Мистер Ведерстоун-Томпсон был вечно потный, сопящий, пятидесятилетний тяжеловес, благоухающий смесью виски, одеколона «Пармские фиалки» и дешевых сигар. Он был женат на ослепительной (химической) блондинке вдвое моложе его, которая не просто заглядывалась на мужчин, а прилежно охотилась за ними. У мистера Ведерстоун-Томпсона, несомненно, были проблемы, однако я не собирался одалживать ему Хэвлока для их разрешения. Ловко обогнув его, я первым оказался у дверей лифта.

— Да-да, конечно, Хэвлок Эллис, — сказал я. — Чрезвычайно интересные тома.

— Не сомневаюсь, не сомневаюсь, — подхватил мистер Ведерстоун-Томпсон. — И я подумал, может быть, когда остальной персонал кончит... э... черпать познания из этого источника, тогда мне...

— О, какая досада! — воскликнул я покаянно. — Что бы вам сказать об этом раньше. Я уже запаковал все тома и отправил на Джерси.

На него жалко было смотреть, так он расстроился, но я оставался тверд.

— О, — сказал директор. — Ну что ж. Ладно. Ничего не поделаешь. Я ведь как считаю — книги такого рода по-своему интересны, но, по правде говоря, когда речь идет об опытных мужчинах вроде нас с вами... н-да, вряд ли они могут научить нас чему-то новому.

— Совершенно верно, — согласился я. — Уверен, нет той книги, которая могла бы добавить что-либо к вашим познаниям.

Мистер Ведерстоун-Томпсон засмеялся, и по глазам его было видно, что он мысленно обозревает свою (воображаемую) высокую квалификацию.

— Что ж, не стану отрицать, — хихикнул он. — Бывало у меня такое, что грех жаловаться.

— Не сомневаюсь, — отозвался я, заходя в лифт. — По правде говоря, вам самому следовало бы писать книги на эту тему.

Новый взрыв смеха этого Казановы, Марка Антония и Рамона Наварро в одном лице призван был выразить его протест: дескать, я перехватил, изображая его неотразимым соблазнителем.

К утру следующего дня мне уже возвратили тома, кроме того, который я одолжил Гэвину. При этом я обнаружил, что чары Хэвлока продолжают действовать. Дэнис сообщил мне, что совершенно сбит с толку. До знакомства с Хэвлоком ему был известен только один, чистый и непорочный вид

сткса. Стелла рассказала, что ее дружок отнюдь не заинтересовался футболом, напротив — ведет себя хуже прежнего, и накануне вечером она еле-еле смогла отстоять свою девственность.

Итак, оставалось заполучить обратно том, одолженный Гэвину. А именно тот, который был посвящен нормальному сексу, поскольку Гэвин один за другим проштудировал все девять томов. Мне сказали, что он уехал в Шеффилд на уик-энд, но в понедельник утром должен вернуться.

Наступил день моего отъезда, и рано утром меня разбудил скрип двери в передней моего номера и какой-то глухой стук. Тут же дверь закрылась, и я решил, что мне принесли завтрак.

— Входите! — крикнул я сонно, однако ответа не последовало.

Не иначе какая-нибудь не в меру прилежная горничная задумала с утра пораньше проверить, не пора ли приступить к уборке, сказал я себе. Повернулся на другой бок и снова заснул.

И лишь после того, как я встал и принял душ, я увидел на полу в передней восьмой том Хэвлока Эллиса. Стало быть, это Гэвин приходил вернуть прочитанную книгу. Я поднял ее, из книги выпала записка.

«Спасибо за книгу, — сообщал мне Гэвин. — Лучше бы я вовсе не брал в руки этот проклятый том. Дал почитать Руперту, а когда после работы пришел к себе, застал его в моей постели с девушкой. Все, с сексом покончено. Искренне ваш Гэвин».

Хэвлок, стойкий боец, нанес последний удар.

ЧЕЛОВЕК ОТ «МИШЛЕНА»

Много лет назад, когда я только начинал путешествовать по Франции, один добрый приятель вручил мне экземпляр «Путеводителя Мишлена», руководимый, видимо, теми же чувствами, какие побуждают членов религиозных обществ снабжать экземплярами Библии гостиничные номера. Для путешественника и гурмана «Путеводитель Мишлена» (ласково именуемый «Миш») то же, что Библия для христианина, Коран для мусульманина, изречения Будды для немалой части человечества. Во Франции он миш гид, наставник и друг. Он — маленький, толстый и красный, подобно многим упитанным добродушным французским крестьянам, цветущим от многолетнего потребления хорошей пищи и вина. Под ярким переплетом собраны данные и раскрыты сокровенные секреты примерно двух тысяч гостиниц, пансионатов и ресторанов.

Д Откройте «Миш», и вы найдете сведения о всех достойных упоминания пристанищах в радиусе до ста километров от вашего местонахождения. Путеводитель скажет вам, дозволено ли приводить в номер собак, можете ли вы рассчитывать на полный комфорт или всего лишь на сносные условия, есть ли при гостинице гараж, а в номерах — телефон, ванная и прочие временные удобства, обеспечен ли вам полный покой (о чем говорит знак, изображающий красное кресло-качалку), окружена ли гостиница садом.

Однако «Миш» предложит вам не только перечень примет, сравнимых с досье Скотленд-Ярда, он расскажет, как кормят в каждом отдельном заведении. Франция — чрезвычайно здравомыслящая страна, люди ее относятся к пище как к произведению искусства, и ведь хорошо приготовить и оформить блюдо — в самом деле искусство, которое, увы, почти совершенно забыто в Англии. Во Франции к выбору блюда подходят так же осмоторительно, как вы отнеслись бы к выбору супруги, а то и еще придирчивее. Вот почему в «Мише» вы увидите на полях рядом с названиями ресторанов знаки, помогающие верно сориентироваться человеку, серьезно относящемуся к пище и ее приготовлению.

Первый знак такого рода изображает скрещенные ложку и вилку. Если напечатан один знак, можете рассчитывать на простую и сытную трапезу, два или три знака сулят отличный или превосходный стол, четыре скрещенные ложки и вилки означают нечто особенное. Дальше следует такое, что у вас захватывает дух.

Четыре знака плюс звездочка обещают божественную трапезу в идеальной обстановке; эта комбинация — первая ступенька гастрономической лестницы, ведущей в рай, обозначенный четырьмя скрещенными ложками и вилками и тремя звездочками. Правда, таких заведений во всей Франции только четыре. Получить в «Мише» три звездочки неизмеримо труднее, чем заслужить английский Крест Виктории, французский Военный Крест или американский орден «Пурпурное Сердце»; даже одна звездочка делает на всю жизнь счастливым уважающего себя шеф-повара.

Оценив кулинарный рейтинг заведения по числу скрещенных ложек и вилок плюс звездочек на полях, вы можете приступить к изучению дальнейших сведений, коими вас заботливо снабжает «Мишлен». Для каждого ресторана названы фирменные блюда и вина, которыми особенно гордится заведение. Так что, остановив свой выбор на том или ином пристанище, вы можете затем пять или шесть минут дразнить свои вкусовые сосочки, мысленно смакуя запеченных раков, или поджаренного в сметане палтуса, или суп из омаров, или бифштекс «шароле» с маслятами, этими чудесными грибами, черными, как смертный грех, и вызывающими представление о ведьминых зонтах.

Таким образом, «Путеводитель Мишлена» — не просто справочник, это еще и гастрономическая поэма. Лишь однажды подверг я сомнению достоинства сего несравненного издания. Лишь однажды — и то ненадолго — меня посетила мысль, что в своем стремлении не проходить мимо ни одного гастрономического достижения «Миш» нарушил каноны приличия. Случилось это несколько лет назад, когда я совершал ежегодное паломничество в маленький домик, приобретенный мной в Южной Франции, где я пытаюсь делать вид, будто Александр Белл вовсе не изобрел телефон, и кое-что написать.

В том году Европа выбралась из объятий теплой влажной зимы и встретила пышную, благоухающую многоцветную весну. Соответственно Франция, и без того одна из самых красивых стран мира, смотрелась как великолепный узорчатый гобелен, деревенские сады с их ярким многоцветьем напрашивались на сравнение с пасхальными яйцами Фаберже. Цвела полевая горчица, когда я взял курс на юг, и моя машина катила по меандрам проселочных дорог среди ослепительного, канареечно-желтого ландшафта. Восхищенный картинами усыпанных цветами изгородей и склонов, безбрежных желтых полей горчицы, озаренных весенним солнцем крыш с пряничной черепицей, я ехал, будто в полусне.

В полдень я сделал остановку в селении, где обитало с полсотни душ, купил вина, булку свежего серого хлеба, отличный сыр и фрукты. После чего поехал дальше, пока не очутился среди огромного поля горчицы, покрывающей желтым ковром волнистые холмы. Здесь я остановился в тени под каштанами и, захватив провиант, нырнул в шелковистое желто-зеленое море. Лег на землю среди ломких стеблей и приступил к трапезе, омываемый золотистой рябью. Решил наконец, что пора ехать дальше, и... погрузился в глубокий сон.

Проснулся я, когда солнце уже склонилось к горизонту и косые лучи его превратили мое светло-желтое ложе в темное золото. Поразмыслив, я понял, что ехал куда глаза глядят, проспал слишком долго и теперь совершенно не представляю себе, где очутился. Близился тот предвечерний час, когда все разумные путешественники по французским дорогам сворачивают на обочину и обращаются за советом к своему «Мишу». Вот только мне он вряд ли мог помочь, поскольку я не знал, куда меня занесло.

А потому я завел машину и медленно поехал по дороге, пока удача не послала мне навстречу телегу с грузом благоухающего навоза. Возница — добродушный коротыш с лицом, напоминающим грецкий орех, — придержал своих коней-тяжеловозов и коричневым от земли и загара мозолистым пальцем показал на карте, где я нахожусь. Я поблагодарил его, и телега, скрипя, покатила дальше под цоканье копыт; я же достал свой «Миш» и

Д стал искать какой-нибудь подходящий город или селение в радиусе пятидесяти километров. Увы, «Миш» довольно холодно отзывался о заведениях этих мест, не видя в них никаких гастрономических достоинств. Было очевидно, что я очутился в одном из тех редких районов Франции, которые можно назвать «немишленистыми».

Глаза мои остановились на деревне километрах в двадцати от моей позиции. Судя по всему, она была такой крохотной и уединенной, что вряд ли располагала чем-либо примечательным, однако меня привлекло ее название — Буа-де-Россиньоль (Соловьиная Роща). Я вчитался в текст, и «Миш», к моему удивлению, сообщил мне (чуть ли не дрожа от удовольствия), что эта деревушка гордится кабачком «Ле Пти Шансон»; очень подходящее наименование, сказал я себе, для кабачка в Соловьиной Роще. Чудо из чудес — при этом кабачке было шесть номеров для постояльцев, с ванными, телефонами, гаражом, дом стоял в саду, и значок, изображающий красное кресло-качалку, сулил полный покой. В довершение всего кабачок был удостоен трех скрещенных ложек и вилок и одной звездочки. На зиму он закрывался, но как раз в этот день должно было состояться открытие.

Я перечитал эти сведения, не веря своим глазам. Все так — черным по белому. Дальше следовал перечень фирменных блюд, который просто поразил меня — такое меню сделало бы честь крупной гостинице на Лазурном берегу. Хозяин явно сам давал названия своим творениям, и они обличали натуру тонкую и независимую. Тут были «Раки в яичном облаке», мясо в красном вине «Для утоления голода Теодора Пуллини», «Торт с лесной земляникой для улады Софи Клемансо». Восхищенный таким меню, я решил во что бы то ни стало сделать остановку в «Ле Пти Шансон». Захлопнул «Миш», включил зажигание и развил предельную скорость, спеша прибыть в Соловьиную Рощу до того, как другие странствующие гурманы, глотая слюнки, примчатся туда и займут все шесть номеров на постоялом дворе.

Моим глазам предстала прелестная деревушка. Два-три десятка домов привольно расположились вокруг залитой солнцем маленькой площади, на которой высокие платаны окружили маленький красивый фонтан. У одного конца площади расположилась чудесная церквушка XV века, чей тонкий шпиль наставительно возвышался над пряничными крышами жилых строений. На подоконниках, на тротуарах, на верхних кромках каменных стен каждый свободный клочок занимали ряды цветочных горшков и ящичков, жестяных банок, а кое-где стояли даже тачки и старые ручные тележки с ослепительной россыпью ярких весенних цветов. Я остановил машину перед скамейкой, на которой сидели пять беззубых, морщинистых, как

ищерицы, стариков, впитывающих лучи вечернего солнца, и спросил, как проехать в «Ле Пти Шансон». Тотчас хор дрожащих голосов и лес узловатых палок направили меня в дальний конец деревушки. Выехав за ее пределы, я в нескольких сотнях метров увидел поворот и указатель, извещающий, что «Ле Пти Шансон» находится где-то слева. Узкая подъездная дорога вдоль серебристо-зеленого ручейка тянулась между перелеском и виноградниками, где узловатые канделябры черной лозы венчались париками свежих зеленых листьев.

Облик «Ле Пти Шансон» вполне оправдал мои ожидания. Описав дугу между двумя могучими дубами, я узрел окруженный пестрым цветочным ковром постоялый двор, длинное низкое строение с красной черепичной крышей, расписанной изумрудными подушечками мха. Впрочем, часть крыши, как и все стены, была почти неразличима за ветвями одной из самых великолепных глициний, какие мне когда-либо доводилось видеть. Год за годом она нежно обвивала дом своими плетями, и дошло до того, что его обитатели вынуждены были укрощать ее пыл, чтобы лиана совсем не закрыла окна и двери. Нижняя часть ствола достигла упитанности, которая сделала бы честь уважающему себя удаву, и сложное переплетение ветвей было покрыто синими, как крыло зимородка, цветами.

На посыпанной гравием площадке среди клумб перед домом, под сенью полудюжины цветущих крон багрянника были расставлены аккуратные белые столики и стулья. Алые цветки уже начали осыпаться, и землю устилал красный ковер лепестков, а белые столы были словно обрызганы драконовой кровью. За пределами сада зеленели рощи и возвышались одетые желтой горчицей холмы.

Оставив свой автомобиль на стоянке, я захватил сумку с самыми необходимыми вещами и вошел в дом. В маленьком холле пахло вкусными блюдами, вином и полиролем, царил идеальная чистота. Первым меня приветствовал огромный косматый пес; попадись он вам в лесу, вы вполне могли бы принять его за медведя, однако это было добродушнейшее создание. Я скоро обнаружил, что у него за ушами есть весьма чувствительные точки, и принялся почесывать их, чем доставил псу великое удовольствие. Затем появился молодой официант, и я спросил, есть ли в гостинице свободный номер, где я мог бы переночевать.

— Конечно, мсье, — учтиво ответил он, взял мою сумку и проводил меня по коридору в очаровательную спальню, где через окна в рамке из синих цветков глицинии открывался вид на поля горчицы.

Приняв душ и переодевшись, я вышел в сад, озаренный лучами заходящего солнца. Сев за стол, прикинул, что не худо бы выпить рюмочку ароматного ликера, когда вновь показался молодой официант.

— Извините, мсье, — сказал он, — но мсье хозяин просил узнать, не пожелаете ли вы выпить с ним бутылочку вина, поскольку вы наш первый постоялец в этом году и у него заведено отмечать такое событие.

Как было не порадоваться такому просвещенному обычаю!

— Разумеется, я буду счастлив, — ответил я. — Однако, надеюсь, хозяин не откажется выйти сюда?

— Конечно, — отозвался официант. — Я скажу ему.

Мне очень хотелось познакомиться с хозяином, потому что я не сомневался, что затейливые названия фирменных блюд придуманы им, и хотел узнать, что его вдохновляло.

Он не заставил себя ждать, и я убедился, что внешность хозяина «Пти Шансон» хорошо согласуется с окружением. Это был настоящий великан — ростом больше ста восьмидесяти сантиметров, косая сажень в плечах. Мясистое лицо с орлиным носом и ярко-синими глазами под копной седых волос вполне могло принадлежать какому-нибудь библейскому пророку. На нем был чистейший передник, шевелюру венчал сдвинутый на затылок поварской колпак, толстые ручки с артритическими узлами держали поднос, на котором стояли два красивых бокала ручного производства и бутылка вина. Мне показалось, что ему за восемьдесят, однако время явно не было властно над ним. Чувствовалось, что он проживет и сто лет, и больше.

Великан приблизился ко мне, широко улыбаясь, как если бы узрел давнего близкого друга, глаза его искрились юмором, и морщины на его лице, несомненно, были следами бесчисленных улыбок.

— Мсье, — пробасил он, осторожно ставя на столик поднос, — добро пожаловать в мою гостиницу. Вы первый гость в этом сезоне, а потому особенно желанный.

Пожав мою руку с пылкой учтивостью, он сел напротив. Столько энергии было в нем, что на меня будто дохнуло жаром из топки. Он излучал доброту, приветливость и юмор и был совершенно неотразим.

— От души надеюсь, что вам понравится это вино, — продолжал он, наполняя бокалы. — Это божоле, продукт моего собственного виноградника. Я собираю достаточно винограда, чтобы в год приготовить два десятка бутылок для собственного потребления, так что, сами понимаете, откупаю только в особых случаях, вроде этого.

— Благодарю за честь, — сказал я, поднимая бокал. Вино легло на язык, точно бархат, и мои вкусовые сосочки заиграли.

Хозяин подержал вино во рту, потом задумчиво проглотил.

— Правильное вино, — произнес он.

— Совершенно верно, — согласился я.

— Вы здесь отдыхаете?

— Да, — ответил я. — У меня есть маленький домик в Провансе, и я стараюсь выбираться туда каждое лето.

— О! Прованс!.. Зеленый край. Чудесный уголок Франции!

— Франция вся прекрасна. На мой взгляд, одна из прекраснейших стран во всем мире.

Он улыбнулся мне и кивнул. Некоторое время мы продолжали пить в почтительном молчании, как того заслуживает доброе вино, потом хозяин снова наполнил бокалы.

— И что же вы желаете заказать на обед?

— Если можно... Я прочитал в «Мишлене» кое-что о ваших фирменных блюдах. Вы, должно быть, отменный повар, если заработали звездочку.

Он закрыл глаза, и на мгновение лепное лицо его исказила болезненная гримаса.

— Ах, эта звездочка, эта звездочка, — простонал он. — Вы не представляете себе, мсье, каких мучений мне стоило заполучить ее. Подождите, я принесу меню, вы сделаете заказ, потом я расскажу вам эту историю. Поверьте, это не хуже романов Дюма, а между тем все — чистая правда. Минутку, я схожу за меню.

Он вошел в дом и вскоре вернулся с картой вин и меню.

— Если позволите, — сказал хозяин, вновь наполняя бокалы, — я порекомендовал бы «Голубей для Марии Терезы» — блюдо, которым я по-настоящему горжусь. У меня найдется несколько отличных тушек, и поскольку вы наш первый в сезоне постоялец, я, конечно же, откупорю еще бутылку божоле к голубям.

— Вы чрезвычайно добры, — отозвался я. — Ваше предложение звучит бесподобно. Скажите, я заметил, что вы даете вашим фирменным блюдам любопытные названия. Очевидно, в этом заложен какой-то особый смысл?

— Разумеется, мсье, — серьезно молвил он. — По-моему, когда изобретаешь новое блюдо, просто необходимо, чтобы в названии было отражено какое-то событие. Взять, например, тех же голубей. Это блюдо было придумано мной, когда жена ждала нашего первого ребенка. Вы ведь знаете, что у беременных женщин бывают самые странные причуды, так? Ну вот, моя жена вдруг страстно полюбила эстрагон и голубей. Короче — я был обязан изобрести блюдо, не только питательное для нее и для ребенка, но и удовлетворяющее изысканные запросы беременной женщины редкостной красоты и чувствительности. Так появились «Голуби для Марии Терезы» по имени моей супруги.

— Восхитительная идея, — отозвался я. — Непременно приму ее на вооружение, ведь я сам люблю стряпать, и мне всегда казалось, что у многих чудесных блюд скучнейшие названия.

Д — Совершенно верно. Не вижу причин, почему наше воображение не должно участвовать не только в придумывании блюд, но и в их поименовании.

Я пробежал глазами меню.

— Пожалуй, — заключил я, — поскольку главным блюдом будут ваши «Голуби для Марии Терезы», мне хотелось бы начать с «Паштета памяти покойного Альбера-Анри Перигора», а завершить трапезу каким-нибудь сыром и «Тортом с лесной земляникой для улады Софи Клемансо».

— Превосходный выбор, мсье, — сказал хозяин, вставая. — Вы пока сами наполняйте свой бокал, я только схожу и сообщу жене, что вы заказали, а затем вернусь и расскажу вам, как мы впервые заслужили звездочку.

Он вошел в дом и вскоре появился снова, неся блюдо с оливками и нежнейшими маленькими слоеными пирожками с сыром.

— Итак, мсье, — начал он задумчиво, садясь и принимая удобную позу профессионального рассказчика, — сам факт, что нас удостоили звездочки, на мой взгляд, — маленькое чудо. Не сомневаюсь, что вы согласитесь со мной, услышав ее историю. Разумеется, все это произошло до Первой мировой войны, ведь, как вы, наверно, заметили, я еще вполне крепкий мужчина, хоть и далеко уже не юноша. В ту пору я увлекался живописью, правда, без особого успеха. Я до сих пор иногда балуюсь маслом или акварелью, однако подлинным моим призванием стала кулинария. Но тогда я иной раз зарабатывал несколько франков, рисуя портреты или чьи-то дома. Не очень верный хлеб, однако мне нравилось бродить по стране, и, если никто не покупал моих картин, я брался за любую работу, какую мне предлагали. Ремонтировал дороги, убирал виноград и вишни, одно время — совсем недолго — даже выращивал улиток. Так вот, однажды весной, как раз в такую пору, как сегодня, мои странствия привели меня в это селение. Сами понимаете, здешние места очаровали меня своими красками и всей природой. И я решил задержаться здесь в надежде написать несколько действительно хороших картин. Но как это часто бывало со мной, в карманах было пусто, и следовало подыскать какую-то работу. Вам ли объяснять, что в таком маленьком селении свободные места были такой же редкостью, как гусь с пятью печенками. — Хозяин вздохнул, медленно пригубил вино. — Так вот, — продолжил он после короткой паузы. — Жил в этом селении один человек, который проникся симпатией ко мне, и он поговорил с владельцем этой гостиницы, всячески расхвалил меня и спросил, не возьмет ли тот меня на работу в качестве рабочего на кухне. Владельца звали Жан-Жак Морсо, это был своеобразный, серьезный мужчина, толстый коротыш, способный порой бесноваться из-за пустяков, словно какая-нибудь старая дева. Что не мешало мсье Морсо быть богом в

кулинарии. Заверяю вас, некоторые из его блюд были так хороши, точно их доставили прямиком из рая с любезного разрешения Всевышнего. Его кондитерские изделия были легки, как паутина, нежные соусы создавали во рту такое ощущение, будто вы смакуете самые благоухающие цветы во всем мире. Его омлет из раков и мелко нарезанного фенхеля и грецких орехов был таким дивным творением, что я сам видел, как это блюдо вызывало слезы восхищения у посетителей. В соусе из белого вина он кипятил на медленном огне устриц и головки спаржи, получалось такое божественное блюдо, что люди чувствительные, деликатного сложения, отведав его, способны были лишиться чувств от восторга. Его дикая утка, начиненная рисом, семенами сосны и вымоченными в бренди трюфелями, вызывала такое ощущение, словно во рту играет оркестр, — ваше небо трепетало в такт кулинарной музыке. Короче, мсье, Жан-Жак Морсо был гастрономический гений, Леонардо да Винчи застолья, Рембрандт вкусовых сосочков, настоящий Шекспир кулинарии.

Старик остановился, пригубил вино, бросил в рот маслину и аккуратно выплюнул косточку на ближайшую клумбу.

— Еще у него была дочь, красивейшая женщина, какую я когда-либо видел, мсье, и тут-то все и завязалось, потому что, увидев ее, я уже не мог смотреть на других женщин. Она была бесподобна. Я, легко относившийся к своим связям (не стану скрывать — мне нравился противоположный пол, и я не мог пожаловаться на отсутствие взаимности), я, поклявшийся никогда не жениться, я, веселый любовник «нынче здесь, завтра там», влюбился так, что повел себя будто теленок, отлученный от коровы, метался, точно обезглавленная курица, уподобился кобелю, соблазненному запахом анисовых капель. Я был готов на все, вплоть до убийства, чтобы жениться на этой девушке.

Он глубоко и скорбно вздохнул, воздев глаза к небесам при мысли о былом своем безрассудстве, и глотнул еще вина.

— С того дня, как я поступил здесь на работу, прошел год, и с каждым из трехсот шестидесяти пяти дней я влюблялся все сильнее и сильнее. И что поразительно — девушка тоже полюбила меня. Но дело в том, что она была единственным ребенком и постоянный двор должен был достаться ей по наследству. Отец с великим подозрением смотрел на всех поклонников дочери, полагая, что, как ни хороша она собой, они, как говорится, замышляют жениться не столько на ней, сколько на гостинице. Надо ли удивляться, что мы оба знали — всякая моя попытка просить ее руки будет неверно истолкована отцом. Мы много говорили с ней об этом, и нам было ясно, что следует действовать предельно осторожно. И тут у меня возникла

Д

блестящая идея — во всяком случае, тогда я посчитал ее блестящей, однако осуществить ее оказалось куда труднее, чем я думал.

Он закурил желтую, как цветки горчицы, сигарету и налил еще вина.

— В то время, мсье, компания «Мишлен» как раз начала издавать ставший теперь всемирно известным справочник и отмечать звездочками заведения, отличившиеся на поприще кулинарии. Как вам должно быть известно, представитель «Мишлена» втайне посещает вашу гостиницу или ресторан, чтобы оценить меню. Вы только потом узнаете о проверке, так что, сами понимаете, надо все время обеспечивать высокий уровень, ведь вам неизвестно, когда среди ваших посетителей окажется человек от «Мишлена». Так вот, Жан-Жак Морсо знал, что он мастер своего дела, однако понимал, что его гостиница расположена слишком далеко от больших дорог, чтобы привлечь внимание представителей фирмы «Мишлен». Сознание того, что он заслуживает быть отмеченным звездочкой, и полная уверенность, что ему не видать ее как своих ушей, доводили беднягу до безумия. Он только об этом и говорил все время. Вся его жизнь была подчинена этой мании. При одном упоминании «Справочника Мишлена» он приходил в ярость и принимался швырять все, что попадалось под руку. Клянусь вам, мсье, я самолично видел, как он на кухне метнул в стену «Бомб-Сюр-приз» и индейку в соусе. Он дико страдал от собственной одержимости, меня же она вполне устраивала. Понимаете, я заявил ему, будто услышал от своего дядюшки (разумеется, по секрету), что его как раз назначили агентом «Мишлена».

— Ваш дядюшка в самом деле получил такую должность? — спросил я.

Старик приложил к носу указательный палец и зажмурил один глаз.

— Конечно, нет, — ответил он. — По правде сказать, у меня вообще не было никакого дядюшки.

— В чем же тогда заключалась ваша идея?

— Не торопитесь, мсье, я расскажу, что именно задумал. Естественно, Морсо, услышав такое, страшно возбудился и принялся уговаривать меня зазвать дядюшку в нашу гостиницу. Сперва я ответил, что это будет неэтично и мой дядюшка ни за что не согласится. Так продолжалось с неделю, причем Морсо всячески старался переубедить меня. Наконец, доведя его до полного неистовства, я смягчился. Сказал, дескать, даже если дядюшка надумает приехать, я не могу гарантировать, что он присудит звездочку нашему заведению. Морсо ответил, что все понимает и что ему только нужен случай показать свое искусство. Я изобразил сомнение в успехе этой затеи и предоставил ему еще несколько дней мучиться неизвестностью. После чего объявил, что люблю его дочь, а она любит меня, и, если я соглашусь зазвать своего дядюшку, Морсо должен дать согласие на нашу

помолвку. Сами понимаете, мои слова привели его в страшную ярость. Свежий яблочный торт пролетел на волосок от моего уха, и до конца этого дня я предпочел не появляться на кухне. Однако, как я и рассчитывал, мечта о звездочке была слишком сильна, и на другой день он с величайшей неохотой разрешил нам объявить о помолвке. Через день после того, как палец невесты был украшен кольцом, я отправился в Париж навестить моего дядюшку.

— Но ведь вы сказали, что у вас не было никакого дядюшки, — возразил я.

— Верно, мсье, настоящего дядюшки не было, но был, так сказать, дублер, один мой старый друг по имени Альбер-Анри Перигор. Он был паршивой овцой в одном состоятельном семействе, обитал в мансарде на левом берегу Сены, немного занимался живописью, немного мошенничеством, всеми правдами и неправдами добывал средства к жизни. Ему были присущи как раз те качества, которые устраивали меня: аристократический, надменный вид, изрядные познания о пище и винах, восприимчивые от гурмана-отца, и, наконец, он был толстяк, именно такими представляешь себе агентов «Мишлена», и обладал чудовищным аппетитом. Альбер поглощал пищу, мсье, как киты поглощают маленьких креветок, если верить тому, что говорят про китов. Итак, я отправился в Париж, поднялся в мансарду Альбера-Анри и застал его, как обычно, без гроша в кармане, страшно голодного. Пригласив его отобедать со мной, я изложил мой план. Дескать, пусть приедет сюда, поживет недельку, играя роль моего дядюшки, затем попрощается и едет обратно в Париж. Оттуда придет Морсо учтеное письмо с обещаниями сделать все от него зависящее насчет звездочки, вот только гарантировать успех не может, поскольку окончательное решение принимает не он. Надо ли говорить, что Альбер пришел в восторг от возможности поехать в деревню и целую неделю есть сколько влезет блюд, приготовленные таким кулинарным гением, как Морсо. Соответственно, я известил Морсо телеграммой, что мы с дядюшкой скоро приедем. После чего пошел с Альбером на блошинный рынок, чтобы одеть его как надлежит быть одетым состоятельному человеку. Поверьте, мсье, задача была неслегкая, если учесть, что Альбер-Анри весил не меньше ста килограммов. В конце концов мы выбрали кое-что из подержанной одежды, и вкуче со своей аристократической внешностью он выглядел в точности, как должны выглядеть агенты «Мишлена». Прибыв сюда, мы застали моего будущего тестя в состоянии дикого восторга. Он принял Альбера-Анри так, словно тот был членом королевской семьи. Разумеется, я предупредил Морсо, чтобы он ни в коем случае не давал понять гостю, что знает о его службе в фирме «Мишлен». Сказал также Альберу, чтобы он ничего такого не гово-

Дрил Морсо. Видеть их вместе, мсье, было сплошное удовольствие: чем больше Морсо угождал Альберу-Анри, тем надменнее и высокомернее тот держался, и чем высокомернее он вел себя, тем угодливее становился Морсо. Мой будущий тесть шел на все, чтобы добиться успеха. На кухне нанесли чистоту так, что все медные кастрюли и сковородки светились, точно осенняя луна. Кладовка была битком набита всевозможными фруктами и овощами, всеми видами мяса и птицы. Больше того, на случай, если под рукой не найдется чего-либо необходимого для удовлетворения прихотей человека «от «Мишлена», Морсо потратился на машину с шофером, чтобы можно было мгновенно съездить в ближайший крупный город за продуктами для высокого гостя.

Старик помолчал, потягивая вино и посмеиваясь.

— В жизни не видел такого поварского рвения, мсье, — продолжал он, — и в жизни не видел такого едока. Гений Морсо был в расцвете, и приносимые с кухни блюда сложностью, гармонией, благоуханием и нежностью превосходили все, что он готовил когда-либо прежде. Естественно, в такой же степени расцвел талант Альбера-Анри как обжоры. Казалось, мсье, я наблюдаю битву двух армий. Чем божественнее становились блюда, тем больше порций заказывал Альбер: обед мог состоять из шести и семи блюд, не считая сладостей и сыра, разумеется. Если потребление всей этой пищи и целых рек вина можно назвать геркулесовым трудом, то и приготовление ее требовало огромных усилий. В жизни мне не приходилось так напряженно работать, и это при том, что были наняты три подсобника для разделки овощей и прочего. Морсо словно обезумел, метался по кухне будто дервиш, выкрикивая команды, орудуя ножом, размешивая, снимая пробу и поминутно выбегая в столовую, чтобы посмотреть, как Альбер-Анри уписывает блюдо за блюдом в таких количествах, что глазам не верилось. Услышав похвалу, Морсо розовел от счастья и мчался обратно на кухню, чтобы с новым жаром браться за приготовление еще более великолепных блюд. Заверяю вас, мсье, когда мы готовили зайца по его рецепту, на что ушло два дня, аромат был такой, что его слышала вся деревня и все жители до единого собрались в нашем саду исключительно ради того, чтобы насладиться запахом редкостного блюда. И вот в разгар лукулловых пиров, когда аппетит Альбера-Анри рос с каждым блюдом, давая повод сравнивать его с Гаргантюа, мой «дядюшка», управившись с невероятно сытным и благоухающим блюдом из гусятины, встал, чтобы провозгласить тост за здоровье розового от счастья Морсо, и... упал замертво.

Хозяин «Ле Пти Шансон» откинулся на стуле, удовлетворенно созерцая выражение моего лица.

— Боже правый! — воскликнул я. — И что же вы стали делать?

Хозяин мрачно потер рукой щеку.

— Не стану скрывать, мсье, положение было серьезное. Представьте себе все последствия. Пригласи я врача, выяснилось бы, что Альбер-Анри никакой не человек «от «Мишлена», а тогда Морсо расторг бы мою помолвку с его дочерью, ибо в те годы дети, особенно девушки, слушались своих родителей. Этого я не мог допустить. К счастью, в ту минуту, когда Альбер грохнулся на пол, в комнате были только мой будущий тесть и я сам. Требовалось быстро соображать. Надо ли говорить, что Морсо совершенно пал духом, видя, что Альбер-Анри скончался и пришел конец надеждам получить звездочку. А я еще не пожалел сил, расписывая весь ужас ситуации, дескать, он своим кулинарным искусством фактически убил человека «от «Мишлена». И если он еще рассчитывает когда-либо быть упомянутым в «Справочнике Мишлена», не говоря уже о том, чтобы быть отмеченным звездочкой, ужасный факт во что бы то ни стало нужно скрыть от фирмы «Мишлен». Истерические рыдания не помешали Морсо осознать мудрость моих слов. «Так что нам теперь делать?» — спросил он. Видит бог, не отвечать же, что я пребываю в не меньшей растерянности. Надо было придумать что-то, пока мы окончательно не влипли. Прежде всего, сказал я, ему следует вытереть слезы, взять себя в руки, пойти на кухню и сказать дочери, чтобы шла в свою комнату отдыхать, совсем, дескать, измоталась (и это была чистейшая правда). Затем — отпустить подсобников, объявив, что мсье Альбер-Анри Перигор страдает сильной головной болью и вынужден лечь в постель. Ни в коем случае, продолжал я, не пускать никого в столовую. Приведя его в надлежащий вид — в припадке горя он бросил на пол свой поварской колпак и топтал его ногами, потом метнул в стену бутылку превосходного вина, так что брызги украсили его облачение, — я отправил Морсо на кухню. После чего вытащил тело Альбера из столовой и спустил в холодный подвал, где хранились наши вина, мясо и птица. Поднявшись обратно, я убедился, что Морсо выполнил все мои предписания и у нас есть время поразмыслить над тем, как действовать дальше. Морсо был в ужасном состоянии, и я видел, что он совсем сломается, если не занять его чем-нибудь. Откупорив шампанское, я заставил его выпить бокал-другой. Возбужденный до предела, он быстро захмелел и несколько отстыл. Мы сидели, мсье, точно два преступника, прикидывая, как лучше избавиться от покойника весом больше ста килограммов. Заверяю вас, дискуссия была жуткая. Морсо настаивал на том, чтобы дожидаться темноты и на двуколке, запряженной пони, отвезти тело в рощу в нескольких километрах от селения. Я возражал, что тело может быть обнаружено, а люди знают, что Альбер-Анри жил в гостинице, и станут задаваться вопросом, как он мог очутиться вдали от нее. Тотчас на Морсо падет подозрение. Неужели, вопрошал я, его устраивает, чтобы по всей стране говорили о

Д нем как о поваре, который своей стряпней убил человека «от «Мишлена»? Морсо опять разрыдался и заявил, что в таком случае он покончит с собой. Я ответил, что нам следует поработать мозгами и придумать способ отделаться от тела так, чтобы не было никаких подозрений. Дескать, мой дядюшка не женат и знакомых его можно сосчитать по пальцам одной руки, так что его исчезновение вряд ли кого встревожит. И это была чистейшая правда, ибо у Альбера-Анри в самом деле было мало знакомых по причине его ненадежности. Я знал, что в Париже отсутствие Альбера вызовет скорее радость, нежели тревогу. Излагать все это Морсо я не мог и, чтобы как-то его успокоить, предложил и впрямь дожидаться темноты, а я за это время что-нибудь придумаю. Хотя клянусь вам, мсье, я совсем не представлял себе, что делать.

Вошел официант и доложил, что мой заказ готов.

— Отлично, отлично, — сказал хозяин «Ле Пти Шансон», — не будем мешкать. Разрешите, мсье, пригласить вас в столовую.

Он встал, я последовал за ним, и мы вошли в маленькую удобную столовую. Хозяин пододвинул мне стул, официант принес гренки и блюдо с паштетом.

Меня вдруг осенило.

— Скажите, — обратился я к хозяину, — этот паштет «Памяти покойного Альбера-Анри Перигора»... назван так в честь вашего друга?

— Разумеется, мсье. Я просто обязан был сделать хоть это.

Отделив ножом кусок паштета, я намазал им гренки и засунул в рот. Паштет был нежнейший.

— Великолечно, — сказал я. — Чудесный паштет. Ваш друг был бы горд таким тезкой.

— Благодарю, мсье, — поклонился хозяин.

— Однако погодите, вы ведь не досказали мне свою историю. Так нельзя... Что же вы все-таки сделали с телом?

Старик посмотрел на меня, колеблясь, следует ли раскрывать секрет. Наконец ответил со вздохом:

— Мсье, мы сделали единственное, что было в наших возможностях... единственное, что сам Альбер-Анри пожелал бы, если бы это зависело от него.

— Что именно? — не совсем разумно допытывался я.

— Мы приготовили паштет из моего друга, мсье. И по странной случайности именно за этот паштет мы были удостоены звездочки в «Справочнике Мишлена», чему тем не менее были очень рады. Приятного аппетита, мсье.

Он повернулся, посмеиваясь, и удалился на кухню.

ПЕРЕХОД

Мои друзья Поль и Марджери Гленхэм — неудавшиеся художники, и может быть, во имя милосердия лучше назвать их непреуспевающими. Впрочем, даже неудачи доставляют им больше удовольствия, чем большинству преуспевающих художников успех. А потому с ними приятно общаться, и в этом одна из причин, почему я, приезжая во Францию, охотно остаюсь у них. Их обветшалый дом в Провансе — средоточие беспорядка: мешки с картофелем, пучки сушеных трав, плети чеснока и горы сухой кукурузы чередуются с кипами незавершенных акварелей и грудями страшовидных полотен Марджери вперемешку со странными псандертальскими скульптурами Поля. Среди этого подобия деревенской ярмарки бродят коты всех пород и мастей и вереницы собак — от ирландского волкодава ростом с теленка до старого английского бульдога с голосом Стефенсоновой «Ракеты». Все стены украшены клетками — обителю канареек, которые ритмично распевают чуть не круглые сутки, мешая людям разговаривать. Словом, в доме царит теплая, дружеская, какофоническая, чрезвычайно приятная атмосфера.

В тот день я приехал под вечер усталый после долгого путешествия, и Поль тотчас взялся приводить меня в норму при помощи горячего бренди и гигантского лимона. Мне посчастливилось вовремя очутиться под их кровом, ибо последние полчаса летнее небо над Провансом было застлано тяжелой черной пеленой грозовых туч, и гром отдавался среди скал так, будто по деревянной лестнице катились миллионы камней. Только я юркнул в теплую шумную кухню, наполненную соблазнительными запахами стряпни Марджери, как хлынул проливной дождь. Дробь капель о черепичную крышу вместе с ударами грома, от которых содрогалось даже прочное каменное строение, пробудили дух соперничества у канареек, и они принялись петь все разом. В жизни не припомню такой шумной грозы.

— Еще кружечку, дружище? — справился Поль с надеждой в голосе.

— Нет-нет! — перекричала Марджери канареечные трели и гул дождя. — Еда готова, холодная будет уже не такая вкусная. Поль, неси вино. Джерри, дорогой, садись за стол.

— Вино, вино, даешь вино! У меня припасено для тебя нечто особенное, дружище. — С этими словами Поль спустился в погреб, чтобы тут же вернуться с охапкой бутылок, которые он благоговейно поставил на стол предо мной. — Гигонда — мое личное открытие, бронтозаврова кровь, дружище, поверь мне, прямо из вен доисторического чудовища. Очень славно пойдет с трюфелями и индейкой, приготовленными Марджери.

Откупорив одну бутылку, он щедрой рукой налил темно-красного вина в объемистый бокал. Поль был прав. Вино красным бархатом легло на язык, а дойдя до горла, вызвало настоящий фейерверк в мозгу.

— Ну как, здорово? — осведомился Поль, изучая мое лицо. — Я обидел его в маленьком погребке в районе Карпентрас. Стояла дьявольская жара, а в погребке было так прохладно, так уютно, что я сам не заметил, как выдул две бутылки. Не вино, а чистый соблазн. Разумеется, стоило мне выйти на солнце опять, как меня будто кувалдой огрели. Пришлось Марджери сесть за руль.

— Мне было так стыдно за него, — сказала Марджери, ставя передо мной тарелку с трюфелем величиной с персик, запеченным в тонкую, хрустящую корочку теста. — Он заплатил за вино хозяину, поклонился и... упал ничком на землю. Пришлось хозяину с сыном вдвоем заталкивать его в машину. Ужасная картина.

— Ерунда, — возразил Поль. — Хозяин был счастлив. Лучшего рейтинга он не мог пожелать.

— Это тебе так кажется, — возразила Марджери. — Ладно, Джерри, ешь, пока не остыло.

Разрезав золотистый шарик, я ощутил запах трюфеля, тонкий аромат сырого леса, соединивший в себе запахи миллионов тлеющих листьев. С красным вином в придачу трапеза была просто божественной. Мы молча принялись уписывать трюфели, слушая дробный стук дождя по черепице, раскаты грома и экзотические трели канареек. Бульдог, неведь почему с ходу проникшийся ко мне глубокой симпатией, сидел подле моего стула и не сводил с меня выпуклых коричневых глаз, тихо посапывая.

— Великолпно, Марджери, — произнес я, когда последний кусочек хрустящей корки растаял снежинкой на моем языке. — Право же, при твоём кулинарном искусстве и чутье Поля на вина, открой вы ресторанчик, в два счета заслужили бы три звездочки у «Мишлена».

— Спасибо, дорогой, — отозвалась Марджери, потягивая вино, — но я предпочитаю готовить для узкого круга гурманов, чем для толпы обжор.

— Она права, тут ничего не возразишь, — подхватил Поль, не уставая наполнять наши бокалы.

Сильнейший раскат грома прямо над крышей прервал нашу беседу, даже канарейки на минуту смолкли, уstraшенные такой мощью. Когда гром стих, Марджери указала вилкой на супруга.

— Не забудь показать Джерри эту штуковину.

— Штуковину? — не понял Поль. — Какую еще штуковину?

— Ты знаешь, — нетерпеливо сказала Марджери, — эту твою штуковину... твою рукопись... самое подходящее чтение для него в такую ночь.

— А, рукопись... конечно! — горячо произнес Поль. — В самом деле, ночь весьма подходящая.

— Отказываюсь, — возразил я. — Хватит с меня вашей живописи и наших скульптур. Будь я проклят, если еще соглашусь читать ваши литературные потуги.

— Ты темный человек, — добродушно молвила Марджери. — К тому же автор — не Поль, а кто-то другой.

— По-моему, после такого пренебрежительного отзыва о моем искусстве он *не заслуживает* того, чтобы ему доверили эту рукопись, — сказал Поль. — Она слишком хороша.

— Но что это за рукопись? — спросил я.

— Очень своеобразное произведение, я обнаружил его... — начал Поль, но Марджери перебила его:

— Не вздумай пересказывать, пусть сам прочтет. Лично мне потом долго снились кошмары.

Пока Марджери раздавала порции индейки, окутанные плотным облачком аромата трав и чеснока, Поль прошел в угол кухни, где между двумя мешками с картофелем и бочонком вина громоздилась, будто развалины замка, груда книг. Порывшись в ней, он торжествующе выпрямился, держа в руке сильно потрепанную, толстую красную тетрадь, и вернулся к столу со своей добычей.

— Вот! — удовлетворенно выдохнул он. — Когда я прочел это, сразу подумал о тебе. Нашел среди купленных мною книг из личной библиотеки старого доктора Лепитра, бывшего одно время тюремным врачом в Марселе. До сих пор не пойму — мистификация это или правда.

Открыв тетрадь, я увидел на внутренней стороне обложки черный экслибрис — три кипариса и солнечные часы над выведенными готическим шрифтом словами: «Экс Либрас Лепитр». Страницы были исписаны дивным каллиграфическим почерком; выцветшие чернила приобрели ржаво-коричневый оттенок.

— Лучше бы я тогда дождалась утра, прежде чем читать, — произнесла с содроганием Марджери.

— Там что-нибудь о привидениях? — спросил я.

— Нет, — неуверенно ответил Поль. — Во всяком случае, не совсем. К сожалению, старик Лепитр умер, так что мне не довелось расспросить его. Очень странная история. Но, зная твой интерес ко всему оккультному, ко всяким ночным стукам, я сразу подумал о тебе. Прочти и скажи, что ты думаешь. Если хочешь, можешь оставить рукопись себе. Во всяком случае, развлечешься.

— Вот уж никак не назвала бы это чтение развлечением, — возразила Марджери. — Жуткая история.

Несколько часов спустя, вдоволь насытившись вкусными блюдами и добрым вином, я вооружился огромной, тщательно заправленной золотистой керосиновой лампой, излучающей бледно-желтый свет, и поднялся в гостевую комнату, где меня ожидала широченная перина. Бульдог последовал за мной и следил, шумно дыша, как я раздеваюсь, укладываюсь спать. Сам он расположился на полу подле кровати, не сводя с меня преданных глаз. Гроза не унималась, раскаты грома следовали один за другим, время от времени комнату озаряли яркие молнии. Я поправил фитиль, пододвинул поближе лампу на тумбочке, взял красную тетрадь и приступил к чтению, удобно сидя с подушками за спиной. Повествование начиналось сразу, без каких-либо предисловий.

«16 марта 1901 года, Марсель.

Впереди целая ночь, и поскольку мне ясно, что при всем желании я все равно не усну, то решил попытаться подробно описать случившееся со мной. Боюсь, от этого моя история не станет выглядеть более правдоподобно, но надо же чем-то себя занять, пока не наступит рассвет, неся мне облегчение.

Для начала должен сообщить кое-что о себе и своих отношениях с Ги деоном де Тейдре Вильрэм, чтобы читателю (буде такой найдется) стало понятно, почему я очутился среди зимы во Франции, притом в самой глуши. Я букинист и позволю назвать себя истинным профессионалом. Хотя теперь вернее сказать, был таковым. Один из моих коллег — надеюсь, скорее по-дружески, чем из ревности, — даже назвал меня однажды «литературной ищейкой»; что ж, я готов признать меткость этого забавного сравнения. Через мои руки прошло свыше сотни личных библиотек, и мне довелось сделать немало важных открытий. Так, я обнаружил оригинальную рукопись Готтенштайна, редкое иллюстрированное издание Библии, которое иные сравнивают с «Книгой Келлза»; в невзрачном деревенском доме в Мидленде я откопал пять неизвестных прежде стихотворений Блейка. Были и не столь значительные, но все равно интересные открытия — такие, как найденный среди игрушек и моющихся книжек в детской комнате в доме одного священника в Шропшире подписной экземпляр первого издания «Алисы в Стране чудес» или дарственный экземпляр «Португальских сонетов», подписанный Робертом и Элизабет Браунинг, с шестистрочным стихотворением на форзаце. Чтобы находить такие книги в самых неожиданных местах, необходимо обладать чем-то вроде дара лозоходца. Приобрести такую способность нельзя, но если вы ею наделены, можно постоянной практикой отточить ее. В свободное время я также каталогизировал небольшие важные книжные фонды, поскольку само общение с книгами

доставляло мне великое удовольствие. Библиотечная тишина, осязание и запах книг для меня все равно что для гурмана вкус и состав пищи. Это может показаться фантастикой, но, стоя в библиотеке, я словно слышу тысячи голосов, как если бы меня окружал огромный хор, в чьем пении я черпаю познания и красоту. Естественно, моя профессия свела меня с Гидеоном в залах аукционной фирмы Сотсбис. В одном доме в Сассексе я обнаружил маленькую, но чрезвычайно интересную коллекцию первых изданий, и мне захотелось лично убедиться, сколько можно выручить за такое собрание. Пока шли торги, я поймал себя на не совсем приятном ощущении, что за мной кто-то следит. Я обернулся, но все глаза были как будто направлены только на аукциониста. Тем не менее с каждой минутой мое беспокойство росло. Возможно, это будет слишком сильно сказано, однако я не сомневался, что кто-то внимательно изучает меня. Но вот покупатели и зрители чуть расступились, и я увидел его — мужчину среднего роста с привлекательным, хотя и несколько одутловатым лицом, большими пронзительными черными глазами и шапкой кудрявых, довольно длинных волос. На нем было хорошего покроя темное пальто с каракулевым воротником, руки в элегантных перчатках держали каталог предметов, выставленных на аукцион, и черную широкополую велюровую шляпу. Пристальный взгляд блестящих цыганистых глаз был устремлен на меня, но, заметив, что и я смотрю на него, он моргнул, чуть улыбнулся и кивнул головой, как бы извиняясь за то, что так таращился на меня. После чего повернулся, протиснулся сквозь толпу и пропал из виду.

Не знаю почему, но это пристальное разглядывание незнакомым человеком привело меня в замешательство до такой степени, что я уже не так внимательно следил за торгами, отметил только, что выручил за предметы, выставленные мной на продажу, больше, чем ожидал. Как только кончились торги, я выбрался из зала и вышел на улицу.

Был холодный, сырой февральский день, и от запаха дыма — предвестника смога — у меня першило в горле. Похоже было, что вот-вот начнется дождь, и я остановил кеб. В моем владении был унаследованный от матери высокий узкий дом на Смит-стрит, в непосредственной близости от Кингз-роуд. Меня вполне устраивало это жилище; не самый фешенебельный район, но дом был достаточно вместителен для такого холостяка, как я, со всеми моими книгами. Ибо за многие годы я собрал отличную небольшую коллекцию книг на интересующие меня темы: индейское искусство, особенно миниатюры, некоторые ранние «Естественные Истории», кое-какие редкие издания, посвященные оккультизму, несколько томов о растениях и знаменитых садах, хорошее собрание первых изданий современных романистов. Мой дом был обставлен просто, но удобно; хотя я небогат, но

Д

мог позволить себе не слишком скупиться, держал хороший стол, в погребе было немало марочных вин.

Отпустив кеб и поднимаясь по ступенькам к входной двери моего дома, я обратил внимание, что на город, как и следовало ожидать, спускается едкий туман. Дальний конец улицы уже почти не был виден, и я радовался, что успел добраться до дома. Моя домоправительница, миссис Мэннинг, позаботилась о том, чтобы в маленькой гостиной весело пылал огонь в камине, рядом с моим любимым креслом положила, как обычно, домашние туфли (какой же отдых без домашних туфель?) и расставила на столик все необходимое для приготовления горячего пунша. Я снял пальто и шлепу и переобулся.

В это время из кухни внизу вышла миссис Мэннинг и спросила, нельзя ли ей ввиду сгущающегося тумана сегодня уйти домой пораньше. Сообщила, что приготовила для меня суп, бифштекс, запеканку с почками и яблочный пирог, остается только их подогреть. Я ответил, что ничего не имею против; мне не раз доводилось обходиться без посторонних услуг.

— К вам тут недавно заходил один джентльмен, — сказала миссис Мэннинг.

— Джентльмен? Он назвался? — спросил я, удивленный тем, что кто-то надумал посетить меня в такую погоду.

— Нет, — ответила она, — он не назвался. Сказал только, что еще зайдет.

Как раз тогда я был занят каталогизацией книг в одном доме, а потому решил, что визит неназванного джентльмена был связан с этим делом. И не стал больше размышлять над этой загадкой. Тут снова показалась миссис Мэннинг, одетая для выхода в город, я проводил ее до дверей и тщательно запер их, после чего вернулся к своему пуншу и пылающему камину. Мой кот Нептун спустился из кабинета наверху, где стояла его уютная корзина, приветственно мяукнул и грациозно прыгнул мне на колени. Потоптавшись передними лапами с выпущенными когтями, он удобно улегся и задремал с громким мурлыканьем, напоминающим жужжание роя пчел в пустом черепашьем панцире. Убаюканный этой музыкой, каминным жаром и пуншем, я тоже погрузился в сон.

Должно быть, я крепко спал, потому что проснулся вдруг, не понимая, что меня разбудило. Нептун на моих коленях встал, потянулся и зевнул, предвидя, что покою его приходит конец. Я прислушался — тишина. Только решил было, что мой сон потревожен движением угля на каминной решетке, как снизу донесся властный стук в дверь. Я спустился по лестнице, приводя себя в порядок после сна, поправляя воротничок и галстук и приглаживая непокорную шевелюру.

Включив свет в прихожей, я отпер дверь и распахнул ее. В дом вторглись пряди густого тумана, а на крыльце перед дверью стоял тот странный цыганистого вида мужчина, что так пристально разглядывал меня в зале Сотсбис. Теперь на нем были хорошо скроенный вечерний костюм и накидка с красной шелковой подкладкой. На голове — цилиндр, покрытый блестящими капельками влаги от тумана, который колыхался за его спиной, точно театральный задник тошнотворного желтого цвета. Рука в перчатке покачивала, будто маятник, трость черного дерева с великолепной работы золотым набалдашником. Увидев, что дверь открыл именно я, а не какой-нибудь слуга или дворецкий, он приосанился и снял цилиндр.

— Добрый вечер, — сказал незнакомец, обнажая в очаровательной улыбке чудесные, белые, ровные зубы.

У него был необычно приятный, несмотря на хрипотцу, мелодичный голос, которому небольшой, но достаточно заметный французский акцент придавал дополнительную прелесть.

— Добрый вечер, — отозвался я, недоумевая, зачем мог понадобиться этому человеку.

— Я имею честь говорить с мистером Леттингом... мистером Питером Леттингом?

— Да. Я Питер Леттинг.

Он снова улыбнулся и, сняв перчатку, протянул мне холеную руку с огненным опалом в золотой оправе на одном пальце.

— У меня нет слов, чтобы выразить, как я рад возможности познакомиться с вами, сэр, — сказал он, пожимая мою руку. — Позвольте прежде извиниться, что побеспокоил вас в столь поздний час, в такой день...

С этими словами он завернулся поплотнее в свою накидку и оглянулся на клубящийся за его спиной сырой желтый туман. Оставлять его стоящим на крыльце в такую отвратительную погоду вряд ли было бы признаком хорошего тона, и я предложил ему войти и изложить свое дело. Он прошел мимо меня в прихожую, и, когда я, тщательно заперев дверь, обернулся, гость уже снял накидку и цилиндр, отставил в сторону трость и, растирая руки, выжидательно глядел на меня.

— Пойдемте в гостиную, мистер?... — произнес я с вопросительной интонацией.

На лице его отразилось странное, почти детское чувство вины.

— Дорогой сэр, — молвил он покаянно, — дорогой мистер Леттинг. Какое непростительное упущение с моей стороны. Вы вправе обвинить меня в нарушении светских приличий — вторгаюсь в ваш дом в такой вечер и даже забываю представиться. Ради бога, извините. Я — Гидеон де Тейдре Вильрэй.

Д — Рад познакомиться, — учтиво ответил я, хотя, по правде говоря, чувствовал себя неловко, несмотря на его обаяние; что может быть нужно, спрашивал я себя, французскому аристократу от букиниста вроде меня. — Не хотите ли подкрепиться... скажем, бокалом вина или, учитывая холодную погоду, рюмочкой бренди?

— Вы чрезвычайно добры и снисходительны, — ответил он с легким поклоном, продолжая приязненно улыбаться. — Бокал вина, несомненно, будет весьма кстати.

Я провел его в гостиную, и он остановился перед камином, грея руки над огнем, сжимая и разжимая пальцы, так что перстень с опалом казался пятном крови на белой коже. Выбрав в погребе бутылку превосходного марго, я бережно доставил ее в гостиную, прихватив по пути хрустальные бокалы. За это время мой гость отошел от камина и теперь стоял возле пола, держа в руках книгу.

— Какое великолепное издание Элифаса Леви, — горячо произнес он, повернувшись ко мне. — И у вас тут чудесное собрание чернокнижия. Не знал, что вы интересуетесь оккультизмом.

— Не так чтобы очень, — ответил я, откупоривая бутылку. — Назовите мне здравомыслящего человека, который всерьез верил бы в колдунов, шабаш ведьм, предсказателей судьбы и прочую дребедень. Я собираю их просто как интересные, ценные издания, к тому же подчас весьма забавные, несмотря на мрачное содержание.

— Забавные? — сказал он, подходя ко мне, чтобы принять бокал с вином. — Забавные? Что вы хотите этим сказать?

— Согласитесь, разве это не забавная картина — взрослые люди бормочут какие-то дурацкие заклинания и часами ждут по ночам, когда им явится сатана? Должен признаться, лично мне это кажется весьма забавным.

— А мне — нет, — отозвался он и, словно опасаясь, что его реплика прозвучала слишком резко, даже грубо, улыбнулся и поднял бокал. — Ваше здоровье, мистер Леттинг.

Мы пригубили, он подержал вино во рту, смакуя, поднял брови.

— Должен сказать, у вас отличный погреб, — сообщил он. — Ваше марго превосходно.

— Благодарю, — ответил я, польщенный тем, что французский аристократ одобрил мой выбор. — Вы не хотите сесть и рассказать мне, чем я могу быть вам полезен?

Он грациозно опустился в кресло у камина, отпил еще вина и остановил на мне задумчивый взгляд. Когда гость замолкал, еще приметнее становился блеск его огромных черных глаз. Они будто прощупывали вас, читая ваши мысли. От этого взгляда мне, мягко выражаясь, стало не по себе.

Но стоило ему улыбнуться, и тотчас взор его казался добродушным, чарующим, чуть озорным.

— Боюсь, мое неожиданное появление в столь поздний час... и в такую погоду... способно придать налет таинственности весьма ординарному, сдается мне, делу, с которым я пришел. Короче, я хотел бы, чтобы вы провели каталогизацию одной личной библиотеки, сравнительно небольшого собрания книг, не больше тысячи двухсот экземпляров, оставленных мне моей тетушкой, умершей в прошлом году. Повторяю, собрание небольшое, и я лишь бегло с ним ознакомился. Однако мне кажется, что там есть довольно редкие, ценные издания, и хотелось бы на всякий случай обеспечить тщательную каталогизацию, до чего у моей бедной тетушки руки так и не дошли. Бедняжка была недалекого ума, готов поклясться, что за всю свою жизнь она не заглянула ни в одну книгу. Ее существование не было овеяно даже самым слабым дуновением культуры. Эти книги достались ей от отца, и, вступив во владение ими, она совсем не уделяла им внимания. Книги стоят вперемешку, и я был бы вам благодарен, если бы вы разобрались в них как эксперт. Мое вторжение вызвано силой обстоятельств, завтра рано утром я выезжаю во Францию, и у меня не было другого случая обратиться к вам. Надеюсь, вы сможете найти время, чтобы выполнить мою просьбу?

— Буду счастлив помочь чем могу, — ответил я, сама мысль о поездке во Францию показалась мне весьма привлекательной. — Однако хотелось бы знать, почему вы остановили свой выбор на мне, ведь в Париже есть немало людей, способных выполнить эту работу не хуже, а то и лучше меня.

— По-моему, вы несправедливы к себе, — возразил мой гость. — Вам должно быть известно, какая у вас высокая репутация. Я ко многим обращался за советом, и все тотчас называли вас. Так я убедился, мой дорогой мистер Леттинг, что лучшего выбора быть не может, если только вы согласитесь.

Признаюсь, я порозовел от удовольствия, поскольку у меня не было никаких причин сомневаться в искренности этого человека. Приятно было услышать, что коллеги столь высокого мнения обо мне.

— И когда вы хотели бы, чтобы я приступил к работе? — спросил я. Он развел руками, выразительно пожал плечами.

— Это вовсе не срочно. Естественно, хотелось бы, чтобы это не помешало вашим собственным планам. Как насчет того, чтобы вы могли начать, скажем, весной? В это время года долина Луары особенно хороша, и я не вижу причин, почему бы вам не насладиться природой в той же мере, как работой с книгами.

Д

— Весна отлично устраивает меня, — ответил я, наполняя бокалы. — Апрель годится?

— Превосходно, — отозвался он. — Думаю, на каталогизацию у вас уйдет что-нибудь около месяца, но вы можете оставаться там, сколько вам будет угодно. У меня хорошая коллекция вин и хороший повар, так что у вас не будет повода жаловаться на обслуживание.

Я сходил за своей записной книжкой с календарем, и мы сошлись на том, что четырнадцатое апреля устроит нас обоих. Гость поднялся, собираясь уходить.

— Да, еще одна вещь, — сказал он, кутаясь в накидку. — Кому, как не мне, понимать, что мои имя и фамилия затруднительны для запоминания и произношения. А потому, не примите это за бесцеремонность, я предпочел бы, чтобы вы просто называли меня Гидеон, а я вас — Питер, согласны?

— Конечно, — поспешил я ответить не без облегчения, ибо на де Тейдере Вильреэ и впрямь можно было язык сломать.

Он горячо пожал мне руку, еще раз попросил извинить за внезапное вторжение, обещал прислать письмо с подробным описанием, как найти его во Франции, и уверенным шагом скрылся за дверью в густом желтом тумане.

Я же вернулся в свою теплую, уютную гостиную и допил вино, размышляя о странном посетителе. И чем больше я думал о нем, тем удивительнее представлялось мне происшедшее. Почему, например, Гидеон не обратился ко мне сразу, когда увидел меня у Сотсбис? Говорит, что каталогизация тетушкиных книг совсем не к спеху, а сам счел необходимым повидать меня сегодня ночью, словно речь шла о неотложном деле. Он ведь мог просто написать мне? Или он посчитал, что воздействие его личности вернее поможет добиться моего согласия?

Он произвел на меня двойственное впечатление. Как я уже сказал, пока лицо его оставалось бесстрастным, глаза смотрели так испытующе и пристально, что мне делалось не по себе и я даже ощущал некоторую антипатию. Но стоило ему улыбнуться, как и глаза его словно смеялись, и я невольно оказывался во власти очарования его низкого мелодичного голоса. Да, необычный человек... И я решил попытаться побольше узнать о нем до того, как поеду во Францию. Решил — и спустился на кухню следом за проголодавшимся Нептуном приготовить поздний ужин.

Несколько дней спустя мне встретился на торгах мой старый друг Эдвард Мэлинджер. Между делом я небрежно осведомился, известно ли ему что-нибудь о Гидеоне. Эдвард внимательно посмотрел на меня поверх очков.

— Гидеон де Тейдре Вильрэй? Ты говоришь о графе — племяннике старика маркиза де Тейдре Вильрэя?

— Он не назвался графом, но полагаю, что это именно он, — ответил я. — Тебе что-нибудь о нем известно?

— Когда закончатся эти торги, пойдем выпьем по стаканчику и я кое-что расскажу тебе, — предложил Эдвард. — Очень странное семейство... во всяком случае, старик маркиз — человек весьма эксцентричный.

После торгов мы зашли в пивную, и за кружкой пива Эдвард поведал то, что ему было известно о Гидеоне. Оказалось, что много лет назад маркиз де Тейдре Вильрэй пригласил Эдварда приехать во Францию (как теперь пригласил меня Гидеон), чтобы каталогизировать и оценить его обширную библиотеку. Эдвард согласился и отправился в имение маркиза в Горж-дю-Тарне.

— Тебе знаком этот район Франции? — спросил Эдвард.

— Я вообще никогда не бывал в этой стране, — признался я.

— Так вот, это глухой край. Имение находится в самом Горже, в уединенной, дикой, сильно пересеченной местности. Высокие скалы, глубокие мрачные ущелья, водопады, бурные потоки — что-то вроде преисподней, какой Доре изобразил ее в своих рисунках к «Божественной комедии» Данте.

Эдвард остановился, глотнул пива, закурил сигару. Завершив эту процедуру, продолжал:

— В имении, кроме прислуги (всего из трех человек — маловато для такого обширного хозяйства), я застал дядюшку и его племянника, того самого, насколько я понимаю, что навестил тебя на днях. Скажу без обиняков — дядюшка произвел на меня весьма неприятное впечатление. У этого восьмидесятипятилетнего старика было злое, хитрое лицо и лстынные манеры, которые сам он явно считал очаровательными. Племяннику было лет четырнадцать; на бледном лице выделялись огромные черные глаза. Он был умен не по возрасту, однако меня обеспокоило то, что, как мне показалось, им владеет тайный страх — страх перед собственным дядюшкой.

В первый день моего пребывания там я, утомленный долгим путешествием, лег спать рано, вскоре после скудного и скверно приготовленного по французским меркам обеда. Старик и мальчик остались в столовой. Так совпало, что она помещалась как раз под моей спальней, и хотя я не различал отдельных слов, было очевидно, что дядюшка настойчиво уговаривает племянника сделать что-то, против чего тот страстно возражает. Спор затянулся, голос дядюшки звучал все громче и сердитее. Внезапно слышался стук отодвигаемого стула, и мальчик крикнул, да-да, крикнул по-французски старику: «О нет, я не желаю жертвовать собой, чтобы ты

Д мог жить... Я ненавижу тебя!» Я хорошо расслышал каждое слово, и меня поразило, что такое мог сказать юный племянник. Потом скрипнула и со стуком захлопнулась дверь столовой, мальчик взбежал вверх по лестнице, и хлопнула другая дверь, видимо, в его спальне. Вскоре и дядюшка встал из-за стола и начал подниматься наверх. Ошибиться было невозможно — он сильно приволакивал кривую ногу, и это придавало характерный звук его походке. Старик поднимался не торопясь, и заверяю тебя, дорогой Питер, у меня волосы поднялись дыбом, столько зла было в этом неторопливом шествии вверх по ступенькам. Он проследовал к спальне мальчика, открыл дверь, вошел. Окликнул племянника два-три раза — мягко, вкрадчиво, однако за этой мягкостью угадывалась страшная угроза. Потом старик произнес какую-то фразу, закрыл дверь и захромал дальше по коридору — очевидно, в свою спальню.

Я выглянул в коридор. Из комнаты племянника доносился приглушенный плач, как будто мальчик лежал, укрывшись с головой. Плач продолжался, и я был сильно встревожен. Хотелось пойти к мальчику, успокоить его, но я опасался, что мое вторжение смутит его. Да и не мое это было дело, строго говоря. Все же мне было не по себе. Казалось, Питер, вся атмосфера дома пропитана чем-то ужасным. Ты знаешь, я несуетерен, однако я долго не мог уснуть, все думал, каково-то мне будет выдерживать эту атмосферу две-три недели, пока не будет завершена работа. К счастью, судьба была милостива ко мне: на другой день пришла телеграмма, в которой сообщалось, что моя сестра серьезно заболела, и у меня появился вполне легитимный повод просить маркиза расторгнуть наш контракт. Естественно, ему это не понравилось, но в конце концов он неохотно согласился.

В ожидании двуколки, которая должна была отвезти меня на станцию, я бегло осмотрел часть книг. Обширная библиотека занимала не одну комнату, но основное собрание было сосредоточено в так называемой Длинной Галерее, помещении, способном украсить имения наших английских аристократов. Книжные полки чередовались с огромными зеркалами, да и весь дом был полон зеркал, я в жизни не видел их в таком количестве. У маркиза и впрямь была редкая, ценная коллекция книг, в том числе посвященных одному из твоих, Питер, любимых предметов — оккультизму. Я успел заметить интереснейшие древнееврейские рукописи о ведовстве, оригинальное издание «Открытия ведьм» Мэтью Гопкинса, великолепный экземпляр «Чудес природы» Ди. Но тут прибыла двуколка, я простился с хозяином и уехал. Честное слово, дружище, никогда еще отъезд из чьего-то дома не доставлял мне такой радости. Не сомневаюсь, что он занимался черной магией и пытался привлечь к нехорошим делам славного мальчугана.

Впрочем, сам понимаешь, у меня нет никаких доказательств, а потому не буду настаивать на своей догадке. Полагаю, старый маркиз уже мертв, если же нет, то ему должно быть за девяносто. Что до мальчика, то от друзей в Париже я слышал впоследствии, что его личная жизнь не сложилась, поговаривали о связях с женщинами определенного сорта, но это все слухи, к тому же тебе известно, дружище, у иностранцев понятия морали иные, чем у англичан. Здесь, как и во многом другом, мы, слава богу, отличаемся от остального мира.

Я выслушал рассказ Эдварда с величайшим интересом и решил при случае расспросить Гидеона о его дядюшке.

Собираясь в путь, я предвкушал удовольствие от поездки во Францию. Четырнадцатого апреля сел на поезд до Дувра, оттуда безо всяких приключений (даже без морской болезни) доплыл до Кале, провел вечер в Париже, наслаждаясь образцами французской кухни и вин, а утром следующего дня снова сел на поезд и доехал до Тура с его шумным вокзалом, где меня, как и было обещано, встретил Гидеон. Он был в приподнятом настроении и приветствовал меня, словно старого дорогого друга, что, не стану скрывать, было мне очень приятно. Я поблагодарил его за заботу, но он только отмахнулся.

— О чем речь, дорогой Питер! У меня всего-то занятий — есть, пить да толстеть! Принять такого гостя, как ты, истинное удовольствие.

Выйдя из здания вокзала, мы сели в красивую двухконную карету и быстро покатали по чудесной сельской местности, расписанной переливающимися на солнце зелеными и желтыми красками.

Около часа ехали мы по дороге, которая становилась все уже и уже; наконец она оказалась зажатой между усеянными яркими цветами высокими валами, а над головой у нас переплетались покрытые нежной весенней зеленью ветви деревьев. Приметив в просветах между деревьями серебристый блеск водной глади, я понял, что мы едем вдоль Луары. В одном месте мы миновали массивные каменные столбы и кованые железные ворота перед дорожкой, ведущей к сложенному из розовато-желтого камня огромному красивому замку. Гидеон заметил мой удивленный взгляд человека, пораженного сказочным видением.

— Надеюсь, дорогой Питер, — улыбнулся он, — ты не предполагаешь, что я живу в доме, подобном этому чудовищу? В противном случае тебя ждет разочарование. Боюсь, мой замок покажется тебе миниатюрным, однако меня он вполне устраивает.

Я возразил, что пусть его обитель хуже сарая, по мне, достаточно этих чудесных пейзажей и предвкушения увлекательной работы.

Д Был уже вечер. На зеленые луга легли розовато-лиловые тени деревьев, когда мы подъехали к обители Гидеона, Шато Сен-Клэр. На воротных столбах восседали вырезанные в камне медового цвета большие совы, и тот же мотив был искусно вплетен в кованые железные ворота.

Прилегающий к замку участок разительно отличался от местности, по которой мы ехали до сих пор. Если там царило буйное, вольное цветение, луга были покрыты густой высокой травой, то здесь подъездную дорожку окаймляли огромные, старые, много метров в обхвате дубы и каштаны с толстой, как слоновья кожа, узловатой корой. Я мог лишь гадать, сколько веков эти деревья охраняли подступы к Шато Сен-Клэр, но многие из них явно достигли уже изрядных размеров, когда Шекспир еще был только юношей. Лужайки под ними были гладкими, как сукно бильярдного стола, о чем заботились мирно пасущиеся в лучах заходящего солнца стада пятнистых ланей.

Самцы с изящной короной ветвистых рогов спокойно провожали нас взглядом, нисколько не потревоженные стуком копыт наших лошадей.

Вдали за газонами виднелась череда высоких тополей и поблескивала тихая гладь Луары. Но вот дорожка повернула, и впереди показался замок. Маленькое, как и говорил Гидеон, но совершенное строение, как бывает совершенной миниатюра. Вечернее солнце отражалось от соломенно-желтых стен, и голубоватая кровля главного здания с двумя башенками казалась подернутой нежной патиной.

Широкую веранду, облицованную плитняком, венчала высокая балюстрада, и на ней восседало три десятка павлинов, великолепные хвосты которых спускались на ухоженный газон. Перед балюстрадой размещались аккуратные клумбы с сотнями ярких цветов, будто сливающихся с павлиньими хвостами. Это было восхитительное зрелище! Мы остановились перед широким крыльцом, дворецкий распахнул дверцы кареты, Гидеон спустился на землю, снял шляпу и низко поклонился мне с озорной улыбкой.

— Добро пожаловать в Шато Сен-Клэр.

Так начались для меня совершенно дивные три недели, недели скорее отдыха, чем работы. Жизнь в миниатюрном, но великолепно обставленном, поддерживаемом в безупречном состоянии замке была сплошным удовольствием. Маленький парк на берегу излучины Луары содержался в идеальном порядке, каждое дерево казалось аккуратно подстриженным, изумрудные газоны — тщательно причесанными, а расхаживающие среди могучих деревьев павлины словно вышли из рук Фаберже. Добавьте отличный винный погреб и кухню, где заправлял искусный шеф-повар, готовивший вкуснейшие, ароматнейшие блюда, и вы получите довольно верное представление о земном рае.

Утро проходило за разборкой и каталогизацией книг (собрание было чрезвычайно интересным), а во второй половине дня Гидеон приглашал меня искупаться в реке или совершить верховую прогулку в парке; он держал несколько превосходных коней. Вечерами после обеда мы беседовали на прогретой солнцем террасе, причем отличные блюда и вина, поданные к обеду, придавали нашим беседам особую теплоту.

Заботливый хозяин и прекрасный рассказчик был чрезвычайно интересным собеседником. Теперь-то я, естественно, никогда не узнаю; не пускал ли он намеренно в ход все свое очарование, чтобы обольстить меня. Хотелось бы думать, что это не так, что он действительно проникся ко мне симпатией и ему нравилось мое общество. Конечно, теперь это уже не играет никакой роли. Во всяком случае, я с каждым днем все сильнее привязывался к нему.

Я всегда был склонен к уединенному образу жизни, друзей — близких друзей — у меня было мало, и виделся я с ними раз или два в году, не больше. Однако дни, проведенные в замке вместе с Гидеоном, возымели сильное действие на меня. Я стал задумываться, верно ли оставаться таким затворником. Подумал вдруг о том, что все мои друзья принадлежат к другой возрастной группе, намного старше меня. Гидеон, если причислять его к ряду моих друзей (как я это делал тогда), единственный был примерно моего возраста. Под его влиянием я становился более общительным. Помню, однажды вечером, сжимая белыми зубами сигару и щурясь на меня сквозь облачко синего дыма, он сказал: «Беда в том, Питер, что тебе грозит опасность стать молодым рутинером». Тогда я, разумеется, рассмеялся, однако, поразмыслив, понял, что он прав. Понял также, что, когда придет время покинуть замок, мне будет не хватать общения с этим беспечным человеком, возможно, даже больше, чем я был готов в этом признаться самому себе.

О своих многочисленных родичах Гидеон говорил тепло, но с оттенком иронии, рассказывал истории, рисующие их чудачества или глупости, однако ирония его была беззлобной, с преобладанием нелицеприятного юмора. Тем удивительнее казалось мне, что он лишь однажды заговорил о своем дядюшке-маркизе. Мы сидели вечером на террасе, провожая глазами обитающих в дуплах дубов сипух, которые проносились в поисках добычи над лужайками перед нами. Я описывал ему одну книгу, полагая, что осенью ее можно будет приобрести на аукционе за две тысячи фунтов. Дескать, это серьезный труд, способный занять достойное место в библиотеке Гидеона среди других трудов на ту же тему. Я мог бы принять участие в торгах... Гидеон щелчком отправил окурок сигары через балюстраду на

Д клумбу, где тот остался лежать, будто огромный красный светлячок, и тихо рассмеялся.

— Две тысячи фунтов? Дорогой Питер, к сожалению, я не настолько богат, чтобы позволить себе такое удовольствие. Вот если бы умер мой дядюшка...

— Дядюшка? — осторожно произнес я. — Я не знал, что у тебя есть дядюшки.

— Трлько один, слава богу, — сказал Гидеон. — Но, к сожалению, он сидит на сундуке, где хранится состояние нашего семейства, и эту старую свинью ничто не берет. Ему девяносто один год, а когда я видел его года два назад, на вид никто не дал бы ему больше пятидесяти. Тем не менее он не бессмертен, и, сколько бы ни упирался, рано или поздно дьявол прижмет его к своей груди. В тот счастливый день я унаследую хороший куш и библиотеку, которой даже ты, дорогой Питер, позавидуешь. До тех пор не могу позволить себе тратить по две тысячи на книги. Однако ждать башмаков мертвеца скучнейшее занятие, и мой дядюшка — не самый занимательный предмет для разговора, а потому давай лучше выпьем вина и потолкуем о чем-нибудь приятном.

— Незанимательный, говоришь? Тогда он совершенно не похож на остальных твоих родственников, про которых ты рассказывал, — небрежно заметил я, надеясь в душе, что Гидеон поведает кое-что еще об этом нехорошем дядюшке.

— Что правда, то правда, — сказал он, помолчав, — совсем не похож. Но как в каждой деревне есть свой дурачок, так и в каждой семье не обходится без паршивой овцы или безумца.

— Ну что ты, Гидеон, — возразил я. — Зачем же так резко?

— Ты так думаешь? — спросил он, и в свете утасающего дня я рассмотрел капли пота на его лице. — Считаешь, я чересчур жестоко отзываюсь о своем дражайшем родиче? Однако ты не имел удовольствия встречаться с ним, верно?

— Верно, — ответил я.

Обеспокоенный крайней горечью, звучащей в его голосе, я уже готов был оставить эту тему, явно неприятную для моего друга.

— Когда умерла моя матушка, — продолжал он, — мне пришлось не один год прожить в обществе моего дорогого дядюшки, пока я не смог освободиться от него, получив скромную сумму, завещанную мне отцом. Десять лет провел я в чистилище — в обществе этого мерзавца. Десять лет не проходило дня и ночи, чтобы мне не довелось испытать дикий ужас. Его порочность не поддается описанию, и он ни перед чем не останавливается, добиваясь своего. Если дьявол бродит самолично по земле под видом чело-

века, то не сомневаюсь, что он надевает на себя отвратительную шкуру моего дядюшки.

Он резко встал и пошел в дом. Меня озадачила и встревожила горячность, с какой были сказаны эти слова. Я колебался, следует ли пойти за ним или нет, но тут он вернулся, неся графин с бренди и рюмки, сел и налил нам обоим.

— Ты уж извини меня, дорогой Питер, за этот спектакль, за то, что я навязал тебе мелодраму, чье место скорее в парижском театре «Гран Гиньол», чем на этой террасе, — сказал он, протягивая мне рюмку. — Боюсь, мне вредно говорить об этой старой свинье, моем дядюшке. Одно время меня преследовал страх, потому что мне казалось, будто он завладел моей душой... сам знаешь, дети чего только не выдумают. Не один год прошел, прежде чем я избавился от этого наваждения. И все же до сих пор, как видишь, не могу спокойно говорить о нем, так что давай лучше выпьем и потолкуем о чем-нибудь другом, идет?

Я поспешил согласиться, и мы продолжали беседовать еще час-другой. Но в тот вечер я единственный раз видел Гидеона по-настоящему пьяным. Ложась спать, я винил в этом себя, понимая, что основательно испортил ему настроение, настояв на том, чтобы поговорить о его дядюшке.

В последующие четыре года я все ближе узнавал Гидеона. Приезжая в Англию, он останавливался у меня, а я не раз с великим удовольствием гостил в Шато Сен-Клэр. Потом он куда-то исчез на полгода, оставалось только предположить, что им овладела, выражаясь его словами, «охота к перемене мест», и он решил, как это бывало с ним, съездить в Египет, или на Восток, или в Америку. Как раз в это время я был по горло занят делами, и мне, по правде говоря, было не до того, чтобы размышлять о странствиях Гидеона. Но вот однажды вечером, когда я вернулся на свою Смит-стрит смертельно усталый после долгой поездки в Абердин, дома меня ожидала телеграмма от Гидеона.

«Приеду Лондон понедельник тридцатого можешь ли встретить тчк Дядюшка умерщвлен мне досталась библиотека возьмешься ли каталогизировать оценить тчк объясню все при встрече привет Гидеон».

Меня позабавило, что Гидеон, всегда гордившийся безупречным знанием английского языка, написал не «скончался», а «умерщвлен». Однако, когда он приехал, я узнал, что именно так обстояло дело, во всяком случае, по всем паличным признакам. Гидеон прибыл поздно вечером, и мне с первого же взгляда стало ясно, что он пережил нечто ужасное. Не могла же потеря дядюшки подействовать на него так сильно, сказал я себе. Этот факт скорее должен был обрадовать Гидеона. Но мой друг сильно осунул-

Д
ся, красивое лицо его было бледно, глаза, под которыми обозначились темные круги, утратили былой блеск и живость. Приняв дрожащей рукой бокал с его любимым вином, он опустошил его одним глотком, словно это была вода.

— У тебя усталый вид, Гидеон, — сказал я. — Выпей еще вина, потом пообедай со мной и ложись спать. Отложим все разговоры на завтра.

— Старина Питер, — ответил он, и губы его скривились в жалком подобии обычной искрометной улыбки, — только не изображай английскую нянюшку и не смотри на меня с такой тревогой. Не подумай, что меня одолевает хворь. Просто мне достались довольно тяжело последние две недели, и я еще не пришел в себя. Слава богу, теперь уже все позади. За обедом все расскажу тебе, но прежде, дружище, если позволишь, я принял бы ванну.

— Конечно, — поспешил я ответить, после чего отыскал миссис Мэннинг и попросил ее приготовить для Гидеона ванну и отнести его вещи в гостевую комнату.

Гидеон поднялся наверх, и вскоре я последовал его примеру. У гостевой комнаты и у моей спальни были отдельные ванны, площадь второго этажа была достаточно большой, чтобы я мог позволить себе эту маленькую роскошь. Только я начал раздеваться, чтобы самому совершить омовение, как меня испугал громкий протяжный вопль, сопровождаемый звоном разбитого стекла. Эти звуки явно исходили из ванной Гидеона. Я бегом пересек узкую лестничную площадку и постучался в дверь моего друга.

— Гидеон? — крикнул я. — Гидеон, что с тобой... могу я войти?

Ответа не было, я ворвался в гостевую, вне себя от тревоги. Гидеон стоял в ванной, наклонясь над раковиной и вцепившись в нее обеими руками; по белому, как простыня, лицу катились струйки пота. Большое зеркало над раковиной было разбито, всюду рассыпаны осколки вместе с остатками бутылочки из-под шампуня.

— Это он... это он... он... — бормотал Гидеон. Его качало, и он явно не заметил моего появления. Взяв Гидеона за руку, я вывел его в спальню и уложил на кровать, после чего вышел на лестницу и крикнул вниз миссис Мэннинг, чтобы принесла бренди, да поживее.

Вернувшись в комнату, я увидел, что Гидеон уже выглядит несколько лучше, однако он лежал с закрытыми глазами, прерывисто дыша, словно человек, участвовавший в изнурительных гонках. Услышав мои шаги, он открыл глаза и страдальчески улыбнулся.

— Дорогой Питер, — произнес он. — Ради бога, извини... надо же было мне... у меня вдруг закружилась голова... должно быть, после длинной дороги, когда я почти ничего не ел... а тут еще твое чудесное вино... я

упал вперед с шампунем в руке и разбил твоё прекрасное зеркало... Виноват... я, конечно, заплачу.

Я велел ему, довольно грубо, не говорить глупостей и, когда миссис Мэннинг, запыхавшись, поднялась по лестнице, заставил его выпить глоток-другой. Тем временем миссис Мэннинг навела порядок в ванной.

— Уф, полегчало, — выдохнул Гидеон. — Совсем другое дело. Осталось только понежиться в ванне, и я буду свеж, как огурчик.

Мне казалось, что ему лучше не вставать, и я сказал, что еду принесут наверх, но он не хотел и слышать об этом. И когда через полчаса Гидеон спустился в столовую, он выглядел уже гораздо лучше, улыбался и шутил, всячески расхваливал кулинарное искусство миссис Мэннинг, заверяя, что уволит собственного повара, умыкнет ее и увезет в свой замок во Франции, чтобы она заведовала его кухней. Миссис Мэннинг была — как всегда — очарована им, однако я видел, что роль веселого, обаятельного человека дается ему с великим трудом. Наконец мы управились с пудингом и сыром, миссис Мэннинг принесла графин портвейна и попрощалась до завтра. Я предложил Гидеону сигару, он закурил, откинулся на спинку стула и улыбнулся мне сквозь дым.

— Теперь, Питер, — начал он, — я могу поведать тебе кое-что о случившемся.

— Мне не терпится услышать, дружище, что тебя довело до такого состояния, — серьезно молвил я.

Гидеон порылся в кармане и вытащил большой железный ключ с широкой бородкой и фигурной головкой. Бросил его на стол, и ключ упал на столешницу с тяжелым стуком.

— Перед тобой одна из причин случившейся беды, — продолжал он, утрировано глядя на ключ. — Так сказать, ключ от жизни и смерти.

— Не понял, — озадаченно произнес я.

— Из-за этого ключа меня чуть не арестовали по обвинению в убийстве. — Он улыбнулся.

— В убийстве? Тебя? — поразился я. — Непостижимо!

Гидеон глотнул вина и сел поудобнее.

— Месяца два назад я получил от дядюшки письмо с просьбой приехать к нему. Зная, как я к нему относился, ты поймешь, что я выполнил его просьбу с великой неохотой. Короче, он пожелал, чтобы я выполнил кое-какие поручения... гм... по фамильной части... и я отказался. Он пришел в ярость, мы крепко поссорились. Признаюсь, я не поскупился на выражения, и слуги слышали, как мы бранились. Покинув дядюшку, я направился в Марсель, чтобы там сесть на пароход, совершающий круизы в Марокко. Два дня спустя мой дядюшка был убит.

Д

— Вот почему ты написал в телеграмме «дядюшка умерщвлен», а я-то не мог понять, в чем дело.

— Он в самом деле был убит, и при самых таинственных обстоятельствах, — сказал Гидеон. — Его нашли в пустой мансарде наверху перед большим разбитым зеркалом. Он выглядел ужасно — одежда сорвана, горло и все тело изгрызены, словно бешеным псом. Крутом все забрызгано кровью... Меня вызвали для опознания. Тяжелая задача — лицо было изуродовано почти до неузнаваемости.

Гидеон остановился, глотнул еще вина, затем продолжил:

— Но самое поразительное — мансарда была заперта, *заперта изнутри* вот этим ключом.

— Как же так? — опешил я. — Как мог убийца выйти из помещения?

— Именно этим вопросом задавалась полиция, — сухо произнес Гидеон. — Как ты знаешь, французская полиция отличается большой дотошностью, но соображает туговато. Они рассуждали примерно так: от смерти дядюшки выгадываю я, поскольку мне достается кругленькая сумма, плюс его библиотека, плюс разбросанные по всей стране фермы. Вывод: кому выгодно, тот и убийца.

— Но это пелепо, — возмутился я.

— Только не в глазах полиции. Особенно когда они узнали, как бурно прошла моя последняя встреча с дядюшкой, а тут еще слуги слышали, как я пожелал ему поскорее умереть и избавить мир от лишней мерзости.

— Но в горячке чего только не наговоришь, — возразил я. — Это всем известно... А как они объяснили, что, убив дядюшку, ты оставил комнату запертой изнутри?

— Очень просто. Дескать, достаточно было вооружиться очень тонкими длинными плоскогубцами и просунуть их снаружи в замочную скважину. Но ведь плоскогубцы должны были оставить след на бородке ключа, и она, как ты видишь, совершенно невредима. Главная проблема заключалась в том, что поначалу у меня не было алиби. Из-за той ссоры я раньше времени сорвался с места и приехал в Марсель за несколько дней до отплытия парохода. Я поселился в гостинице и решил посвятить эти дни экскурсиям по городу. Естественно, в Марселе у меня не было знакомых, и некому было подтвердить, что я приехал туда тогда-то и тогда-то. Сам понимаешь, каких усилий потребовалось, чтобы обойти всех носильщиков, горничных, метрдотелей, владельцев ресторанов и прочих и добиться от них подтверждения, что в тот день, когда был убит мой дядюшка, я в самом деле находился в Марселе. Последние полтора месяца я только и занимался этим, и далось это мне непросто.

— Почему не телеграфировал мне? — спросил я. — Я мог бы составить тебе компанию, все-таки легче.

— Ты чрезвычайно добр, Питер, но не хватало еще, чтобы я впутывал своих друзей в такие скверные дела. К тому же я знал — если все кончится благополучно и меня отпустят (а полиция долго упиралась), мне понадобится твоя помощь в одном деле, связанном с тем, что произошло.

— Я к твоим услугам, — ответил я. — Только скажи, дружище, чем я могу быть полезен.

— Так вот, я уже говорил тебе, что в юности находился на попечении дядюшки и успел возненавидеть его дом и все, что с ним связано. Теперь, после того что случилось, мне вообще не вмоготу там появляться. Я не преувеличиваю, просто я убежден, что серьезно заболел, если проведу там хотя бы еще один день.

— Согласен, — твердо произнес я. — Это совершенно исключено.

— Что касается дома и обстановки, все можно оценить и продать через какую-нибудь парижскую фирму, это несложно. Но самое ценное в этом доме — библиотека. Вот тут мне нужен ты, Питер. Можешь ты поехать туда, чтобы произвести каталогизацию и оценку? Потом я найду склад, где книги будут храниться, пока я не расширю помещение моей собственной библиотеки.

— Конечно, могу, — ответил я. — С величайшим удовольствием. Скажи только, когда мне следует быть на месте.

— Я не поеду с тобой, — предупредил Гидеон. — Ты будешь там один.

— Ты же знаешь, я люблю уединение, — усмехнулся я. — И покуда меня будут окружать интересные книги, я буду чувствовать себя прекрасно, не беспокоясь.

— Хотелось бы управиться с этим делом возможно быстрее, — продолжал Гидеон. — Чтобы я мог избавиться от этого дома. Как скоро мог бы ты приступить?

Я сверился со своим календарем и с удовольствием обнаружил, что на ближайшее время никаких важных дел не намечено.

— Как насчет конца следующей недели? — спросил я.

— Так скоро? — обрадовался Гидеон. — Отлично! Я могу встретить тебя на вокзале в Фонтене в следующую пятницу. Годится?

— Вполне, — сказал я. — И я постараюсь быстро разобраться с книгами. А теперь выпьем еще по бокалу портвейна, и ложись-ка ты спать.

— Дорогой Питер, медицинское сословие много потеряло, не заполучив тебя в свои ряды, — пошутил Гидеон, однако послушался моего совета.

В ту ночь я дважды просыпался оттого, что вроде бы слышал его крик, однако в доме было тихо, и я говорил себе, что мне почудилось. На другое

Д утро Гидеон отправился во Францию, и я стал готовиться последовать за ним, отбирая вещи для продолжительного пребывания в доме его покойного дядюшки.

Во всей Европе царила морозная зима, и погода отнюдь не благоприятствовала дальним странствиям. Если бы не просьба Гидеона, я ни за что не покинул бы свой дом. Плавание через Ла-Манш было сплошным кошмаром, и по прибытии в Париж я чувствовал себя так отвратительно, что смог заставить себя съесть лишь немного жидкого мясного супчика, после чего лег спать. На другой день в городе была жуткая холодина, дул резкий ветер, и с серого неба лил колючий дождь. Все же я добрался до вокзала, и началось, по видимости, нескончаемое путешествие с пересадками и ожиданием на все более неуютных станциях. От холода я окоченел до того, что перестал связно мыслить. Берега рек были украшены ледяными кружевами, пруды и озера глядели слепыми замерзшими очами на небеса стального цвета.

Наконец очередной местный поезд, весь в копоти, страдающий одышкой, дополз до станции Фонтен. Выйдя из вагона, я добрался со своим багажом до крохотного зала ожидания, где с облегчением узрел раскаленную чуть ли не докрасна старинную пузатую печку, в которой весело горели каштановые корни. Свалив свои вещи в углу, я некоторое время посидел, оттаивая, перед печкой. Гидеон не показывался. Глоток бренди из походной фляги и жар от печки взбодрили меня. Прошло полчаса, а Гидеона все не было. Я уже начал беспокоиться и вышел на перрон. Серое небо, казалось, опустилось еще ниже, в воздухе кружили огромные, с полкроны, снежинки, предвещаая изрядную вьюгу. Я стал подумывать, не пойти ли мне в селение пешком, в это время послышался стук копыт и на дороге показалась двуколка, управляемая Гидеоном, облаченным в поблескивающее меховое пальто и каракулевую шапку.

— Ради бога, извини, Питер, что заставил тебя долго ждать, — сказал он, пожимая мою руку, — но нас преследуют зловключения. Давай я помогу тебе с твоими саквояжами, а по дороге объясню, в чем дело.

Мы погрузили мои вещи в двуколку, затем я сел на козлы рядом с Гидеоном и закутался в предусмотрительно захваченный им толстый плед. Он дернул поводья, щелкнул кнутом, и мы быстро покатали по дороге, обильно осыпаемые хлопьями снега. Порывы ветра хлестали наши лица, выжимая слезы из глаз, однако Гидеон не уставал подгонять лошадь.

— Спешу доехать до места, пока не разыгралась вьюга, — пояснил он, — потому и гоню так. Здесь бывает такая метель, что недолго и застрять в снегу на несколько дней.

— Да, зима в этом году выдалась суровая, — отозвался я.

— Самая суровая за последние пятьдесят лет, — подтвердил Гидеон.

Наконец мы въехали в селение, и Гидеон молча направлял лошадь по уже побелевшим от снега узким пустынным улочкам. Единственным признаком жизни были псы, которые выскакивали из переулков, чтобы облаять нас. Можно было подумать, что люди покинули это селение.

— Боюсь, Питер, — заговорил с улыбкой Гидеон, — я еще раз буду вынужден злоупотребить твоей добротой. — Снег побелил не только его шапку, но и брови. — Того и гляди, придет конец твоему дружескому терпению.

— Ерунда, — ответил я. — Давай, выкладывай, в чем дело.

— А в том, что я намеревался оставить тебя на попечении Франсуа и его жены, они были слугами у дядюшки. Явившись туда сегодня утром, я, на беду, обнаружил, что жена Франсуа — Мари — поскользнулась на обледеневших ступеньках крыльца, упала с высоты на камни и сломала ноги. Подозреваю, переломы очень серьезные, как бы она совсем не осталась без ног.

— Бедняжка, какой ужас! — воскликнул я.

— Да уж... Франсуа обезумел от горя, и я вынужден был везти их в больницу в Мийо. На все это ушло больше двух часов, оттого я и встретил тебя с таким опозданием.

— Все в порядке, — заверил я его. — Разумеется, ты обязан был отвезти их в больницу.

— Верно, однако тут возникла еще одна незадача. Понимаешь, жители селения недолюбливали моего дядюшку, одни только Франсуа и Мари согласились служить у него. Теперь оба находятся в Мийо, и некому заботиться о тебе, во всяком случае, первые два-три дня, пока не вернется Франсуа.

— Дружище, о чем речь, — рассмеялся я. — Заверяю тебя, я отлично со всем управлюсь сам. Провизия, вино, дрова — вот и все, что мне нужно, можешь не беспокоиться.

— О, с этим все в порядке, — сказал Гидеон. — Кладовка набита битком, а в подвале ты найдешь лопатку оленя, половину туши кабана, фазанов, куропаток, две-три дикие утки. Вина хватит, дядюшка следил за своим погребом, сосновых поленьев и каштановых корней тоже припасено достаточно, так что мерзнуть не будешь. И тебе составят компанию животные.

— Какие такие животные?

— Маленькая собачонка по имени Агриппа, — смеясь, объяснил Гидеон, — огромный безмозглый кот Клер де Люон, или попросту Клер, клетки с канарейками и разными выюрами и престарелый попугай Октавий.

Д

— Целый зверинец! — воскликнул я. — Хорошо, что я люблю животных.

— Нет, в самом деле, Питер. — Гидеон пристально посмотрел на меня. — Ты уверен, что тебя это устраивает? Не слишком обременительно?

— Чепуха, — горячо возразил я. — Для чего существует дружба?

Снегопад усилился настолько, что из-за вьюги мы с трудом различали голову лошади. Теперь двуколка катила по одному из боковых ущелий, от ветвящихся от собственно Горж-дю-Тарн. Слева над узкой дорогой нависали буро-черные скалы с белыми пятнами снега в трещинах и на полочках. Справа склон обрывался почти отвесно вниз на полтора-два метра, и сквозь влекомую ветром снеговую завесу порой можно было рассмотреть зеленую реку, бурлящую среди камней в белых париках и покрытых корками льда берегов. Дорога была неровная, размытая дождями и тающим снегом; местами лошадь замедляла бег, спотыкаясь на гололедице. Один раз прямо на дорогу перед нами по скалам сверху скатилась, шипя, небольшая лавинка, и Гидеон с трудом укротил поводьями испугавшуюся лошадь. Несколько жутких секунд мне казалось, что наша двуколка сорвется с края обрыва и рухнет в реку. Однако Гидеон не растерялся, и мы продолжили путь.

Наконец ущелье слегка расширилось, и за очередным поворотом открылся вид на диковинную громадину дома Гидеонова дядюшки. Необычайное это было здание, заслуживающее того, чтобы я описал его поподробнее.

Начать с того, что здание венчало могучий утес, который возвышался над рекой, точно остров, похожий на равнобедренный треугольник. С дорогой утес соединялся массивным старым каменным мостом. Высокие стены замка начинались прямо от верхней кромки утеса, но, въехав через мост и широкую арку с толстыми дубовыми створами, вы обнаруживали просторный внутренний двор с прудом и фонтаном посередине. Скульптурная группа фонтана изображала поддерживаемого херувимами дельфина и все блестело от корки льда и многочисленных сосулек.

С подоконников множества обращенных внутрь двора окон тоже свисали огромные сосульки. Пространство между окнами занимали фантастические фигуры, изображающие разных известных и неизвестных науке представителей животного мира, одна другой страшнее; облепивший их снег со льдом придавал этим чудовищам еще более жуткий вид, так и казалось, что они злобно таращатся на вас из-под белого покрова. Когда Гидеон остановил двуколку перед ступенями главного крыльца, из дома донесся громкий лай. Гидеон отпер дверь огромным ржавым ключом, тотчас пес вырвался наружу, продолжая лаять и радостно виляя хвостом. Большой черно-бе-

лый кот вел себя более осмотрительно, он не снизошел до того, чтобы броситься к нам навстречу, а только громко мяукал сразу за дверью.

Гидеон помог внести мои саквояжи в просторный мраморный холл, откуда наверх вела роскошная лестница. Вся мебель, картины и зеркала были накрыты чехлами от пыли.

— Ты уж извини меня, — сказал Гидеон; мне показалось, что ему стало не по себе, едва он переступил порог дома. — Я собирался снять чехлы, придать помещениям более уютный вид, но за всеми хлопотами просто не успел.

— Ничего, — отозвался я, глядя льнувших ко мне собаку и кота. — Все помещения мне и не нужны, сам уберу чехлы в тех комнатах, которыми буду пользоваться.

— Конечно, конечно. — Гидеон нервно пригладил волосы. — Постель для тебя готова... дверь спальни вторая налево, как поднимаешься по лестнице. А теперь пошли, я покажу тебе кухню и подвал.

Он провел меня через холл к двери под лестницей, и я рассмотрел уходящие вниз по спирали широкие каменные ступени. Они привели нас к коридору, по которому мы вышли в вымощенную плитняком огромную кухню с прилегающими к ней подвалом, размером с пещеру, и вместительной холодной кладовкой, где висели на крючьях или лежали на мраморных полках вдоль стен туши крупной дичи, куры, утки, телячьи окорока и говяжьи седла. На кухне выстроились в ряд тщательно выложенные плиты; на громадном столе в центре расположились заготовленные для меня продукты — рис, черная, как сажа, чечевица, картофель, морковь и другие овощи в корзинах, глиняные горшки с маслом и консервами, целая горка батонов свежей выпечки. За тяжелой дверью с засовом и висячим замком помещался винный погреб. Дядюшка Гидеона явно не доверял слугам попечение об алкогольных напитках. Погреб был довольно маленький, но я сразу увидел, что тут есть вина высшего качества.

— Не отказывай себе ни в чем, Питер, — сказал Гидеон. — Здесь найдутся совсем неплохие марки, они в какой-то мере скрасят тебе одинокое пребывание в этом мрачном замке.

— Ты хочешь, чтобы я все время был под хмелем? — рассмеялся я. — Кто же тогда оценит твои книги? Но ты не беспокойся, Гидеон, все будет в порядке. Тут еды и вина на целую армию, дров тоже хватает, мне составят компанию пес, кот и птички, а главное — меня ждет большая интересная библиотека. Чего еще может пожелать себе человек?

— Кстати, основная часть книг сосредоточена в Длинной Галерее в южном крыле здания. Я не стану тебя провожать туда... сам найдешь,

Д

а мне уже пора уезжать, — сказал Гидеон, направляясь к лестнице, ведущей в холл.

По пути вверх он извлек из кармана огромную связку старинных ключей.

— Ключи от королевства, — произнес он с тусклой улыбкой. — Не думаю, что какие-то помещения заперты, но если найдутся такие, отпирай. Я скажу Франсуа, чтобы он вернулся заботиться о тебе, как только жизнь его жены окажется вне опасности, и сам постараюсь приехать через месяц. К тому времени, надеюсь, ты управишься.

— Запросто, — ответил я. — Больше того, если управлюсь раньше, извещу тебя телеграммой.

— Право, Питер, — он крепко пожал мне руку, — я чрезвычайно обязан тебе. Никогда не забуду твою отзывчивость.

— Ерунда, дружище, — ответил я. — Мне приятно как-то помочь тебе.

Стоя в дверях вместе с шумно дышащим псом и котом, который, громко мурлыкая, терся о мои ноги, я смотрел, как Гидеон забирается на козлы двуколки, кутается в плед и дергает поводья. Лошадь затрусил к выходу, Гидеон приветственно помахал мне кнутом и скрылся за воротами. Приглушенный снегом стук копыт звучал все слабее и вскоре воцарился. Я поднял на руки шелковистого теплого кота, свистнул пса, с громким лаем провожавшего двуколку до ворот, вошел в дом и запер дверь на засов.

Первым делом надлежало осмотреть дом, чтобы знать, где помещаются книги, с которыми мне предстояло работать, и соответственно решить, какие комнаты следует отпереть. На столике в холле стоял шестисвечный серебряный канделябр, рядом лежал коробок спичек. Как раз то, что мне было нужно: свечи избавляли меня от необходимости отворять и затворять несметное множество ставен. Итак, я вооружился канделябром и, сопровождаемый суматошным псом, чьи когти стучали, будто кастаньеты, по голым полам, приступил к осмотру.

Весь первый этаж занимали три очень большие комнаты и одна поменьше, а именно: гостиная, столовая, рабочий кабинет и салон. Почему-то лишь последний (я буду называть его голубым салоном, поскольку он был расписан различными оттенками синего цвета и золотом) был заперт, и я не сразу подобрал нужный ключ. Салон примыкал к одному из торцов здания и представлял собой этакую длинную узкую коробку с большими окнами в противоположных концах.

Вход в салон помещался посередине одной из длинных стен, и прямо напротив двери висело одно из самых больших зеркал, какие мне когда-ли-

бо приходилось видеть. Высотой около трех метров, считая почти от пола до потолка, в длину оно достигало десяти метров с лишним. Стекло чуть потускнело, отчего приобрело голубоватый оттенок, напоминая поверхность тихого озера, однако это никак не сказывалось на четкости отражения. Резьба на широкой золоченой раме изображала нимф и сатиров, единорогов, грифонов и прочих мифических тварей. Эта рама сама по себе была произведением искусства. Сидя, можно было видеть в этом замечательном зеркале отражение всего салона, так что узкая комната казалась весьма просторной.

Учитывая небольшие размеры, удобства и — не стану скрывать — необычный вид салона, я решил сделать его своей гостиной. И вот уже сняты с мебели все чехлы, а в камине пылает жаркий огонь. Затем я перенес сюда клетку с канарейками и вьюрками, поместив ее в одном конце комнаты вместе с попутаем Октавием, коему переселение явно пришлось по душе, потому что он взъерошил перья и насвистел несколько строк «Марсельезы». Собака и кот немедленно простерлись на полу перед камином и погрузились в блаженный сон. Покинутый своими спутниками, я взял канцелябр и в одиночку продолжил разведку.

Второй этаж был почти целиком занят спальнями и ванными комнатами, однако в том крыле, которое замыкало квадрат вокруг двора, я увидел огромное помещение — то самое, что Гидеон называл Длинной Галереей. По одну сторону Галереи располагались высокие окна, и напротив каждого из них висело по зеркалу; они были похожи на зеркало в салоне, но намного уже. Между зеркалами стояли книжные шкафы из полированного дуба, и на полках внутри были кое-как, вперемешку свалены книги. Мне с первого взгляда стало понятно, что немало времени уйдет на то, чтобы расставить их по темам, прежде чем я смогу заняться каталогизацией и оценкой.

Я не стал пока открывать ставни и снимать чехлы в Длинной Галерее, а продолжил восхождение по лестнице и очутился на чердаке. В одной из мансард я увидел позолоченную раму от зеркала, и меня пробрала дрожь при мысли о том, что, вероятно, здесь-то и был найден мертвым дядюшка Гидеона. Рама была намного меньше той, что поразила меня в салоне, но оформлена в том же стиле. Те же сатиры, единороги, грифоны и гиппогрифы, но, кроме того, наверху поместился медальон с надписью: *«Я твой слуга. Корми и вызволяй меня. Я есть ты»*. Бессмыслица какая-то... И закрыл дверь мансарды и, обозвав себя трусом, тщательно запер ее, после чего у меня отлегло от души.

В голубом салоне собака и кот кинулись ко мне с таким восторгом, точно я отсутствовал несколько дней. Я сообразил, что они голодны, и сам по-

Д чувствовал, что основательно проголодался. Увлеченный исследованием замка, я даже не перекусил в положенное время, а теперь шел уже седьмой час вечера. Сопровождаемый нетерпеливыми спутниками, я спустился на кухню, чтобы состряпать нам что-нибудь. Для пса потушил несколько кусочков баранины, для кота — цыпленка, добавил вареный рис и картофель, и оба моих подопечных остались довольны таким меню. Себе поджарил хороший бифштекс с овощным гарниром и добыл в погребе бутылку отменного красного вина.

Приготовив свою трапезу, я отнес ее наверх в голубой салон, пододвинул кресло поближе к камину и, удобно устроившись, набросился на еду. Вскоре, сытые и довольные, ко мне присоединились кот и собака. Они улеглись на пол перед камином, а я встал и плотно закрыл дверь, поскольку из холла с его мраморным полом тянуло холодом, как из морозильника. Завершив трапезу, я принял в кресле полулежачее положение, потягивая вино и созерцая пляшущие над каштановыми корнями языки голубого пламени. На душе было покойно, и под действием изысканного крепкого вина я задремал. Проспал я около часа, когда вдруг проснулся, чувствуя, как каждый нерв напрягся, словно меня кто-то окликнул. Я прислушался. Ничего, только тихое посапывание спящего пса да довольное мурлыканье кота, свернувшегося калачиком на соседнем кресле. В полной тишине чуть слышно потрескивали в камине догорающие дрова. Решив, что мне почудилось, я подбросил в камин новое полено и приготовился еще подремать, хотя меня не покидала непонятная тревога.

И тут, посмотрев в зеркало передо мной, я увидел, что дверь за моей спиной, которую я так тщательно закрыл, приоткрыта. Странно... Я повернулся — ничего подобного, закрыта, ни малейшей щелочки. Снова взглянул в зеркало — может быть, глаза под действием вина сыграли со мной шутку? Но нет, дверь, отраженная зеркалом, была чуть приоткрыта.

Я продолжал смотреть, пытаюсь понять, каким образом преломление лучей света в стекле может создать иллюзию открытой двери, хотя та на самом деле плотно закрыта, когда увидел нечто такое, отчего меня пробри-ла дрожь и я резко выпрямился. *Дверь в зеркале продолжала открываться.* Снова гляжу на реальную дверь — закрыта, тогда как ее отражение в зеркале открывалось все шире, миллиметр за миллиметром. У меня волосы поднялись дыбом, но я не мог оторвать глаз от этой картины. Вдруг из-за двери на ковер салона выползло нечто, что я в первую секунду принял за диковинную гусеницу — длинную, сморщенную, желтоватую, с неким подобием черного рога на переднем конце. Вот оно выгнулось горбом и принялось скрести поверхность ковра своим рогом. Обычные гусеницы так себя не ведут... Тут странное творение поползло обратно и скрылось.

Я сидел весь в поту. Снова поглядел на реальную дверь, проверяя ее положение; не дай бог, чтобы эта тварь ползала по ковру где-то возле меня. Закрыта... Глотнул вина для успокоения нервов и с недовольством обнаружил, что у меня дрожат руки. Я, который в жизни никогда не верил в призраки и привидения, в колдовство и прочую дребедень, вообразил певесть что, глядя в зеркало, и до такой степени убедил себя в реальности виденного, что поддался страху.

Смешно, сказал я себе, продолжая потягивать вино. Должно быть какое-то абсолютно рациональное объяснение. Продолжая сидеть в кресле, я наклонился вперед, внимательно созерцая отражение в зеркале. Долго ничего не происходило, но вот дверь опять приоткрылась и вновь появилась гусеница. На этот раз за ней последовала вторая, а темного погода и третья.

Внезапно я весь похолодел, потому что понял, что именно вижу. Это были не гусеницы, а тонкие желтые пальцы с длинными изогнутыми черными ногтями, похожие на огромные кривые пины дикой розы. Тем временем на ковер выползла уже вся кисть, худая кисть, обтянутая сухой, точно пергамент, желтоватой кожей, сквозь которую проступали, напоминая грецкие орехи, бугорки суставов. Кисть с костлявым запястьем двигалась велепую по ковру, словно откуда-то из вечного мрака морской пучины выползла бледная актиния. Так же медленно эта рука отползла обратно за дверь, и я содрогнулся, представив себе, какому жуткому созданию может она принадлежать. Примерно четверть часа продолжал я сидеть перед зеркалом, с ужасом ожидая, что может вдруг явиться из-за этой *двери*, но ничего не происходило.

Однако тревога не покидала меня. Я все еще силился убедить себя, что речь идет о галлюцинации под влиянием вина и тепла от камина. Силился безуспешно. Ведь вот же дверь голубого салона надежно закрыта от сквозняка, а дверь в зеркале все еще приоткрыта, и за ней что-то таится. Хотелось подойти вплотную к зеркалу, проверить его устройство, но не хватало духа. Вместо этого я придумал план, призванный показать — виновато ли во всем мое воображение. Разбудив пса Агриппу, я скомкал лист газеты, которую читал, и бросил комок к самой двери. Посмотрел в зеркало — точно, лежит перед приоткрытой дверью.

Сонный Агриппа, не столько из желания играть, сколько чтобы доставить мне удовольствие, побежал за комком. Сжимая пальцами ручки кресла, я смотрел, как его отражение в зеркале приближается к двери. Вот остановился перед комком, вот берет его в зубы... И тут произошло нечто настолько ужасное, что я не мог поверить своим глазам. Дверь в зеркале открылась еще шире, и вперед из-за нее метнулась длинная, белая, костля-

Д

вая рука. Схватила загривок собаки и утащила ее, отчаянно отбивающуюся всеми четырьмя лапами, за дверь.

Тем временем Агриппа вернулся ко мне с добычей, но я не смотрел на него, мои глаза были прикованы к отражению в зеркале. Через несколько минут рука вдруг опять появилась. Мне показалось или она и впрямь выглядела окрепшей? Как бы то ни было, пальцы ее обхватили край двери и закрыли ее, оставив на белой краске кровавые отпечатки, при виде которых меня едва не стошнило. Настоящий Агриппа тыкался мне в ноги носом, ожидая похвалы, меж тем как за дверью в зеркале его отражение постигла бог знает какая судьба.

Нет тех слов, чтобы выразить, как я был потрясен. Невозможно было поверить в увиденное. Долго еще я сидел, таращась на зеркало, однако больше ничего не происходило. В конце концов, ощущая нервный озноб, и поднялся с кресла и осмотрел сперва зеркало, потом дверь салона. Зеркало как зеркало, дверь как дверь... Мне так и хотелось открыть дверь и проинquirить, что при этом покажет зеркало, но, честно говоря, я слишком боялся потревожить то, что таилось в зазеркалье.

Подняв глаза на верхний край зеркала, я только тут обнаружил, что в раме есть медальон с той же надписью, какую я читал в мансарде: *«Я твой слуга. Корми и вызволяй меня. Я есть ты»*. Кто этот «я» — эта тварь там, за дверью?.. *Корми и вызволяй меня* — уж не это ли я проделал, заставив пса подбежать к двери? Меня бросило в дрожь. И я сказал себе, что мне необходимо пойти и выспаться после такого утомительного дня и всех переживаний. Отдохну как следует и утром запросто разберусь с этими делами.

Забрав кота и кликнув пса (с ними мне все-таки было как-то спокойнее), я вышел из голубого салона. Закрывая за собой дверь, на миг остолбенел, услышав, как чей-то хриплый голос пожелал мне спокойной ночи. И только сообразив, что голос принадлежал попутая Октавию, я смог раслабиться.

Кот Клер мирно дремал у меня на руках, но Агриппа не сразу подчинился моему зову; прежде ему явно не позволялось выходить за пределы первого этажа. В конце концов нерешительность уступила любопытству, и он затрусил вверх по ступеням, предвкушая новые открытия. В спальне, хотя дрова в камине прогорели, еще было тепло. Я быстро приготовился ко сну и не мешкая лег, поместив Агриппу на постели с одной стороны и Клера с другой. Ощущение их тепла действовало на меня успокоительно; сверх того, признаюсь, я надежно запер дверь и не стал тушить свечи.

Первое, на что я обратил внимание, проснувшись утром, — полная тишина. Я распахнул ставни и увидел мир, укутанный снегом. Должно быть,

всю ночь не прекращался снегопад, и белые подушки облепили скалы, голые деревья и оба берега реки, а на мосту, соединяющем замок с окрестным миром, выросли сугробы двухметровой высоты. Подоконники покрывал тонкий слой льда, и с них, а также с крыши свисал грозный арсенал сосулек. Судя по низкой пелене темных туч, следовало ждать нового снегопада.

Даже пожелай я теперь покинуть замок, все дороги были заметены, и продлилась такая погода, я оказался бы совершенно отрезанным от внешнего мира. Честно скажу — после того, что случилось накануне, мысль об этом расстроила меня. Однако я приказал себе не дурить и оделся, твердя про себя, что вчерашние видения — плод разыгравшегося воображения и умеренного потребления доброго вина.

Взяв на руки Клера и велев Агриппе идти рядом, я спустился вниз и, собравшись с духом, отворил дверь голубого салона. Все оставалось, как было накануне вечером. Грязные тарелки и бутылка из-под вина на столике возле кресла, где я сидел, серый летучий пепел на каминной решетке, который чуть шелхнулся от легкого сквозняка. И больше никакого шевеления. Все стояло на своих местах. Все было в норме. Я облегченно вздохнул, вошел и вдруг остановился, как если бы уперся в каменную стену, похолодев от страха. Я смотрел на зеркало и не верил своим глазам.

Вот стою я с котом на руках, но в зеркале я не видел Агриппы, хотя он тут, обнюхивал мои лодыжки.

Несколько секунд стоял я, словно пораженный громом, переводя взгляд то на пса у моих ног, то на зеркало, где отсутствовало его отражение. Невероятно. Сам я, кот, вся комната — все четко отражалось в зеркале. Все, кроме Агриппы. Я опустил на пол кота (и в зеркале он никуда не исчез), нагнулся и взял на руки собаку. Мое отражение держало на руках нечто воображаемое. Живо схватив Клера, я бросился к двери, держа одной рукой кота, другой невидимую собаку, и вышел из голубого салона, запер его.

Спустившись на кухню, я обнаружил, к своему стыду, что у меня дрожат руки. Кое-как налил молока моим подопечным (жадность, с какой Агриппа принялся лакать, не оставляла никакого сомнения в его телесности), потом приготовил себе завтрак. Поджаривая яичницу с копченой ветчиной, я продолжал размышлять над тем, что увидел в голубом салоне. Если я не лишился рассудка (а я в жизни не чувствовал себя здоровее), оставалось признать, что мои глаза не обманули меня, как ни невероятно это казалось мне тогда и кажется теперь. Но хотя мне становилось страшно при мысли о том, что же такое прячется за зазеркальной дверью, меня одо-

Д

левало любопытство, хотелось непременно увидеть странную тварь, которой принадлежала исхудалая желтая рука с костлявой кистью.

И я решил, не откладывая в долгий ящик, вечером выманить ее из-за двери, чтобы как следует рассмотреть. Сама мысль о такой затее наполняла меня ужасом, но любопытство было сильнее страха. Весь день я в рабочей комнате занимался каталогизацией, когда же начало смеркаться, снова зажег камин в салоне, приготовил на кухне ужин, поднялся наверх с термосом и бутылкой вина и занял место у очага. Однако на этот раз я предсудителен вооружился крепкой тростью из черного дерева. С ней я чувствовал себя увереннее, хотя одному богу известно, какой мог быть прок от трости для защиты от зазеркального противника. На самом деле ничего хуже я не мог придумать и едва не поплатился жизнью за свою, как оказалось, бредовую идею.

Ужиная, я не отрывал глаз от зеркала; собака и кот спали на полу у моих ног, как накануне вечером. Пока я ел, в зазеркалье ничто не изменилось. Потягивая вино, я продолжал свои наблюдения. Прошел час, дрова прогорели, я поднялся с кресла, чтобы подбросить полено-другое, а когда снова сел, увидел, как ручка зазеркальной двери медленно повернулась. Затем дверь стала открываться миллиметр за миллиметром, пока не образовался просвет шириной около тридцати сантиметров. Казалось бы, что угрожающего в том, что открывается какая-то дверь, и все же было что-то неопишимо зловещее в том, как створ скользит по ковру.

И вот опять появилась кисть, поползла, горбатясь, вперед, следом показалось запястье, за ним и часть желтоватого предплечья. На мгновение рука остановилась, простершись на ковре, потом — отвратительное зрелище — принялась искать что-то ощупью, словно принадлежала слепцу.

Самое время, сказал я себе, осуществить мой тщательно продуманный план. Я нарочно не кормил кота на кухне досыта; теперь разбудил его и поднес к самому носу заранее припасенный кусок мяса. Зрачки кота расширились, и он громко мяукнул от возбуждения. Как следует подразнив его, я бросил мясо к самой двери. В зеркале было видно, что оно приземлилось чуть поодаль от ищущей зазеркальной руки.

Клер с воем бросился за добычей. Я-то надеялся, что кот окажется достаточно далеко от двери, чтобы выманить из-за нее таинственную тварь, однако мой расчет не оправдался. В ту секунду, когда в зеркале кот нагнулся за мясом, рука перестала искать вслепую, с невероятной скоростью метнулась вперед, схватила его за хвост, и отчаянно вырывающийся Клер исчез за дверью. Как и в прошлый раз, рука почти сразу вернулась и медленно затворила дверь, оставив на дереве кровавые отпечатки пальцев.

Это была страшная картина, вдвойне ужасная из-за контраста между тем, с какой быстротой и свирепостью рука схватила жертву, и тем, как

медленно, осторожно открывала и закрывала дверь. Клер вернулся с мясом к камину, чтобы спокойно перекусить, нисколько не страдая, как и Агриппа, от того, что перестал отражаться в зеркале. Я просидел перед зеркалом до полуночи, но рука больше не показывалась. Забрав своих подопечных, в первом часу отправился спать, твердо намеренный утром все-таки придумать способ заставить таинственную тварь выйти из-за двери.

Под вечер следующего дня я закончил предварительную переписку книг на первом этаже. На очереди была Длинная Галерея на втором этаже, где хранилась основная часть библиотеки. Работа утомила меня, в пять часов я решил прогуляться, подышать свежим воздухом. Какое там гуляние! Снегопад почти не прерывался, и высокие сугробы ограничивали мое продвижение. Чтобы выйти со двора и пересечь мост, пришлось бы рыть траншею в покрытом коркой слое снега толщиной около двух метров. Иные сосульки, свисающие с подоконников, желобов и лепнины, достигали полутора метров в длину.

Мои звери не пожелали меня сопровождать, и я один попытался выйти на белый холодный простор двора, где стояла глухая, как на дне колодца, тишина. Снег издавал протестующий писк под моими ногами, словно я наступал на мышей, я проваливался по колено и очень скоро вынужден был пробираться обратно к дому. С неба продолжали падать белые хлопья величиной с цветок одуванчика, наращивая корку на карнизах и двускатной крыше. Царило сопутствующее такому снегопаду полное безмолвие — ни птичьих голосов, ни воя ветра, немая тишина, как будто все живое было удушено белым шарфом.

Растирая замерзшие руки, я поспешил войти в дом, запер входную дверь и чуть не бегом спустился на кухню готовить себе ужин. Пока закипала вода, я успел затопить камин в голубом салоне, потом, уже по привычке, отнес туда приготовленные блюда, сопровождаемый собакой и котом. Я вновь вооружился крепкой тростью, это помогало мне чувствовать себя несколько увереннее.

Приступив к еде, я все время поглядывал в зеркало, однако рука не показывалась. Странно, куда она подевалась? Рыскает по комнатам в зазеркалье за дверью? Или она вообще существует только тогда, когда я вижу ее отражение? Я размышлял дремотно перед теплым каминном, а там и вовсе заснул, что отнюдь не входило в мои намерения. Должно быть, я проспал около часа, когда меня вдруг исторг из объятий сна тонкий хриплый голос, который напевал по-французски:

Под боком у милашки,
Под боком у милашки
Так спится хорошо... —

Д после чего прозвучал истерический гортанный смех. Со сна я не сразу сообразил, что это Октавий пел и смеялся, и от испуга у меня бешено заколотилось сердце. Повернув голову, я убедился, что клетки с птичками и Октавием на своих местах. Затем я перевел взгляд на зеркало и окаменел. Мое желание исполнилось, таинственная тварь вышла из-за двери. И глядя на нее, я клял себя за то, что затеял этот эксперимент, что не запер голубой салон после первого же вечера, чтобы больше не входить в него.

Зазеркальная тварь — не могу же я употреблять тут слово «человек» — была маленькая, горбатая, закутанная в нечто вроде савана, желтоватую льняную ткань с пятнами грязи и плесени и с дырками в наиболее изношенных местах. Верхний конец савана был накинут на голову и обмотан вокруг шеи наподобие шарфа, так что я видел только кончики выпцветших оранжевых волос над морщинистым лбом и два огромных, бесстрастных, светло-желтых глаза, которые почему-то напомнили мне надменный взгляд козы. Нижняя часть лица была закрыта тканью, придерживаемой бледной рукой с черными ногтями.

Тварь стояла сразу за большой клеткой с канарейками и вьюрками. Сама клетка была раздавлена и выпотрошена, будто лошадь на арене для боя быков. Изогнутые прутья были облеплены приставшими к свежей крови желтыми перышками. Несколько перьев торчали между пальцами хищной твари. На глазах у меня она медленно двинулась к соседнему столу, где стояла клетка с попугаем. Походка ее была какая-то скованная, словно тварь не столько шагала, сколько волочила ноги по полу. В зеркале я видел, как она подошла вплотную к клетке, где отражение Октавия покачивалось на жердочке.

Реальный попугай по-прежнему распевал, чередуя пение с кудахтающим смехом. В зеркале тварь уставилась на него свирепыми желтыми глазами. Внезапно рука метнулась вперед, и пальцы вцепились в прутья клетки, разламывая ее.

К первой руке присоединилась вторая, края ткани, закрывавшие лицо, раздвинулись, и моему взору предстало лицо, отвратительнее которого мне в жизни не доводилось видеть. Казалось, большая часть его ниже глаз поражена то ли гниением, то ли чем-то вроде проказы. На месте носа только две черные дыры в обрамлении кожных лохмотьев. Одна щека совершенно отсутствовала, и было видно обе челюсти с плесенью на деснах и гнилыми зубами. Из рта на саван стекали струйки слюны. Остатки губ были сморщены так, словно их зашивали тонкими нитками.

Вся эта жуткая картина усугублялась тем, что один из безобразных пальцев твари украшал золотой перстень с опалом, который словно всеми

хивал ярким пламенем среди ломаемых прутьев. Изящное изделие только подчеркивало всю мерзость облика этого ожившего трупа.

Тем временем тварь уже просунула руки внутрь клетки. Попугай в зеркале продолжал качаться на жердочке, реальный же Октавий пел и смеялся. Тварь схватила зазеркального попугая, и тот принялся отчаянно хлопать крыльями, а Октавий по-прежнему пел. Тварь вытащила птицу из клетки, поднесла к своему мерзкому рту и разгрызла череп попугая, словно орех. После чего принялась жадно высасывать мозг, выплевывая осколки черепа, так что они вместе с перьями и слюной ложились на саван.

От этого зрелища я ощутил такое отвращение и такое бешенство, что схватил трость, вскочил на ноги и, дрожа от ярости, шагнул к зеркалу. При этом я увидел в зеркале, что мое отражение приближается к твари со спины. И когда осталось сделать последний шаг, я поднял трость для удара.

Внезапно глаза на гниющем лице сверкнули, тварь прервала свою отвратительную трапезу, бросила птичий трупик на пол и повернулась к моему отражению так стремительно, что я замер на месте, застигнутый врасплох. А тварь, не мешкая ни секунды, метнулась вперед и своими тощими сильными руками стиснула шею мне в зеркале.

Неожиданный наскок заставил мое отражение попятиться и выронить трость. Вместе с тварью оно упало на пол за столом, и я видел, как они борются друг с другом. В испуге я выпустил трость, бросился к зеркалу и принялся бить по стеклу кулаками. Тем временем потасовка на полу прекратилась, а я продолжал колотить зеркало, не сомневаясь, что тварь расправляется с моим отражением так же, как расправилась с собакой и котом.

Наконец тварь поднялась на ноги, пошатываясь и тяжело дыша. Поставив секунду-другую спиной ко мне, нагнулась, схватила мое зазеркальное тело и потащила к двери; при этом я увидел, что у моего отражения разорвано горло.

Вскоре тварь появилась снова из-за двери, облизываясь, словно предвкушая трапезу. Подняла с пола тяжелую трость и опять скрылась. Она отсутствовала минут десять, когда же возникла вновь, я с ужасом и яростью увидел, что она с наслаждением гложет отделенную от добычи руку, как человек ест крылышко курицы. Забыв про свои страхи, я еще раз принялся колотить зеркало. Медленно, как бы соображая, откуда исходит звук, тварь повернулась, сверкая глазами, и лицо ее было вымазано кровью — моей кровью!

Вот она увидела меня, и я похолодел, увидев ее свирепый цепкий взгляд. Тварь медленно двинулась к зеркалу, я перестал впусую колотить стекло

Д

и попятился, устрешенный угрозой, которую излучали эти козьи глаза. Тварь продолжала приближаться, словно подкрадываясь ко мне. Подойдя вплотную к зеркалу, вытянула руки, коснулась его пальцами, и на стекле появились кровавые отпечатки *с прилипшими к ним желтыми и серыми перышками*. Осторожно пощупав стекло, как человек шупает тонкую корку льда на пруду, проверяя его прочность, потом вдруг сжала в кулак свои отвратительные руки и выбила яростную дробь, которая гулко отдалась в тишине салона. Затем разжала кулаки и вновь пощупала стекло.

Постояла, глядя на меня, как бы размышляя. Было ясно, что она видит меня, из чего следовало, что, хотя для меня мое отражение пропало, тварь видит его в зеркале, принадлежащем ее зазеркальному миру. Внезапно, как будто приняв какое-то решение, она повернулась, заковыляла через комнату к двери и скрылась, чтобы — о, ужас! — тут же вернуться, держа в руках трость из черного дерева — мою трость. Но ведь если я слышал, как тварь била по стеклу кулаками, значит, она *не бесплотная*. И если она ударит зеркало тростью, стекло может разбиться, и тварь каким-то образом сумеет из зазеркалья войти ко мне.

Я не стал ждать, когда тварь подойдет к зеркалу. Решив, что ни я, ни мои подопечные больше не будут оставаться в голубом салоне, поднял дремлющих перед камином собаку и кота, метнулся к двери и вышвырнул их в коридор. Подбегая затем к клеткам с пернатой компанией, я увидел, как тварь замахивается, изо всех сил бьет тростью по стеклу, и по поверхности зеркала разбегаются трещины, как трескается лед на пруду, если бросить в него камень.

Не задерживаясь, я схватил обе клетки, выбросил их тоже в коридор и выбежал сам. Закрывая дверь, услышал звук нового удара и увидел, как часть зеркала распадается на осколки и через дыру в салон просовывается костлявая рука, сжимающая трость. Я поспешил захлопнуть дверь, повернул ключ в замке и весь в поту, с колотящимся сердцем прислонился к прочному деревянному створу.

С минуту я постоял так, собираясь с мыслями, потом спустился на кухню и налил себе добрую порцию бренди. Мои руки дрожали, так что я едва не выронил стакан. Выпив бренди, принялся лихорадочно соображать, как быть дальше. Похоже было, что разбитое зеркало открывало этой мерзкой твари вход в мой мир. Я не знал, распространяется ли это правило на все зеркала в доме, не знал также, помешаю ли замыслам твари или, напротив, буду способствовать им, если разобью каждое зеркало, которое может стать таким входом.

Меня трясло от страха, но я чувствовал, что должен что-то предпринять, поскольку стало очевидно, что тварь будет охотиться за мной по все

му дому. А потому я спустился в подвал, вооружился крепким топором, потом отыскал канделябр и поднялся на второй этаж. Дверь голубого салона оставалась надежно запертой. Собравшись с духом, я вошел в соседний кабинет, где на стене висело зеркало средних размеров. Светя канделябром и держа наготове топор, я приблизился к зеркалу.

Странно было стоять перед ним и не видеть своего отражения. Внезапно я вздрогнул от ужаса: в зеркале вместо меня возникло мертвенное лицо с исполненными вожеления безумными глазами. Настал момент проверить мое предположение, и все-таки я помедлил секунду, прежде чем ударить обухом топора по стеклу так, что осколки со звоном посыпались на пол.

Нанеся удар, я отступил на шаг, по-прежнему держа наготове топор на случай, если тварь попытается напасть на меня и надо будет отбиваться. Однако вместе с зеркалом исчез и мой враг. Стало быть, я верно рассуждал: если разбить зеркало с моей стороны, переход не откроется. Из чего следовало, что для спасения собственной жизни я должен разбить все зеркала в доме, притом возможно быстрее, пока тварь не сделала то же со своей стороны. Захватив канделябр, я направился в столовую и успел подойти к висевшему там большому зеркалу одновременно с тварью. К счастью, мне удалось разбить зеркало вдребезги раньше, чем она смогла пустить в ход свое оружие — оброненную моим отражением трость.

Бегом, насколько это было возможно без риска, что погаснут свечи, я поднялся на второй этаж и принялся крушить зеркала, переходя из спальни в спальню, из ванной в ванную. Должно быть, от страха у меня на ногах выросли крылья, потому что я везде опережал своего врага. Оставалась Длинная Галерея с дюжиной огромных зеркал между высокими книжными полками. И я ринулся туда, причем, сам не зная почему, бежал на цыпочках. Перед дверью на миг остановился, с ужасом думая о том, что тварь могла опередить меня и теперь притаилась там в темноте. Я приложил ухо к двери — тихо. Сделал глубокий вздох и распахнул дверь, подняв в руке канделябр.

Длинная Галерея простиралась передо мной в мягкой бархатной темноте, немая, словно кротовья нора. Я вошел внутрь, и пламя свечей замечалось, расписывая стены и потолок тенями, похожими на траурные вымпелы. Сделав несколько шагов, я остановился, силясь рассмотреть дальний конец помещения, куда не достигал свет моего канделябра. Кажется, все зеркала целы... Я живо поставил канделябр на ближайший столик и повернулся лицом к череде зеркал. В ту же секунду раздался грохот, сопровождаемый звоном. У меня сердце оборвалось, и прошло несколько секунд, прежде чем я с облегчением сообразил, что причиной грохота и звона была

Д

огромная сосулька, которая сорвалась с одного из подоконников и разбилась о камни внизу на дворе.

Понимая, что следует действовать быстро, пока ковыляющее чудовище не добралось до Длинной Галереи, я стиснул в руке топориче и побежал от зеркала к зеркалу, круша их одно за другим; то-то повеселилась бы ватага мальчишек, будь они на моем месте... Снова и снова обух моего топора ударял по стеклу, разбивая его, как разбивает лед любитель рыбной ловли зимой, и по ослепшему зеркалу разбегались трещины, осколки с музыкальным звоном сыпались на пол. В глухой тишине галереи этот звук казался особенно громким.

Только топор сокрушил предпоследнее зеркало, как сквозь соседнее с грохотом пробилась трость, которую сжимала омерзительная рука. Выронив топор от страха, я обратился в бегство. Схватив у двери канделябр, на миг обернулся и увидел, как что-то вылезает из зазеркалья в дальнем конце галереи.

Захлопнув и заперев дверь, я прислонился к ней, переводя дыхание. Сердце отчаянно колотилось, а из-за двери до моего слуха донесся слабый звон стекла, потом все стихло. Вдруг я ощутил, как ручка двери за моей спиной медленно поворачивается. Похолодев от ужаса, я отскочил и ухватился за нее. Остановилась... Тварь поняла, что дверь заперта, и издала пронзительный крик, в котором было столько ярости и звериной злобы, что я чуть не выронил канделябр от испуга.

Дрожа, я прижался к стене и с облегчением вытер вспотевший лоб. Все зеркала в доме были разбиты, и единственные два помещения, куда могли проникнуть тварь, надежно заперты. Впервые за последние двадцать четыре часа я чувствовал себя в безопасности. В Длинной Галерее зазеркальная тварь сопела, обнюхивая дверь, точно свинья над кормушкой. Потом снова дала выход своей бессильной ярости в жутком крике и замолкла. Я постоял две-три минуты, напрягая слух. Тишина... И начал спускаться по лестнице, держа в руке канделябр.

То и дело я останавливался, прислушиваясь. Шел очень медленно, чтобы даже шорох моей одежды не мешал слышать. Затаивал дыхание, но единственным звуком был бешеный стук моего сердца да слабое потрескивание горящих фитилей. Шаг за шагом, весь — внимание, я продолжал спускаться на первый этаж холодного, мрачного, пустынного дома.

Над последним пролетом, ведущим в холл, я остановился и замер; даже пламя свечей перестало колыхаться, напоминая рожицу желтых кипарисов. По-прежнему ничего не было слышно. Осторожно выдохнув, я повернулся лицом к следующим ступенькам — и увидел то единственное, о чем совершенно забыл: высокое трюмо у подножия лестницы.

От ужаса я едва не выронил канделябр. Крепко сжимая его вспотевшей рукой, смотрел я на зеркало у стены. И видел лишь ступеньки, по которым мне предстояло спуститься, больше ничего. Царила тишина, и я молил бога, чтобы тварь все еще рыскала наверху среди дюжины разбитых зеркал. Наконец я возобновил спуск — и на полпути вниз окаменел от ужаса, потому что в верхней части зеркала возникло отражение идущих за мной уродливых ног зазеркальной твари.

Охваченный паникой, я стоял, не зная, что предпринять. Необходимо разбить зеркало, пока тварь не настигла меня, но для этого нужно метнуть в трюмо канделябр, а тогда я останусь в полной темноте. Вдруг я промахнусь? И окажусь один на один с этим чудовищем, даже не видя его? Пораженный этой мыслью, я замешкался, а между тем чудовище с поразительной скоростью ковыляло по ступенькам, опираясь на трость и держась за перила свободной рукой, на тощем пальце которой поблескивал перстень с опалом. Вот в зеркале показалось обезображенное гниением лицо с оскаленными зубами, а я все еще мешкал, стоял с канделябром в руке, не в силах тронуться с места.

Почему-то мне казалось, что важнее видеть при свете, что затевает мой враг, чем разбить зеркало канделябром. Вот зазеркальная тварь вскинула тощую руку, замахиваясь тростью, и нанесла удар. Раздался звон разбитого стекла, осколки по краям трещин помутнели, и в промежутке между ними показалась рука. Один за другим осколки сыпались на пол, пока не осталась лишь пустая рама. Вслед за чем тварь, нетерпеливо повизгивая, точно пес при виде миски с едой, шагнула и пошла вперед, давя ногами скрипучее стекло и не сводя с меня сверкающих глаз. Открыв рот, она издала торжествующий булькающий клич, отчего из-под скул во все стороны полетели брызги слюны. Затем громко скрипнули зубы, предвкушающие трапезу. Теряя голову от страха, я сделал единственное, что мне оставалось, — моля бога, чтобы не дал мне промахнуться, — поднял вверх тяжелый канделябр и с силой метнул его в чудовище. На какое-то мгновение канделябр словно завис в воздухе, и в свете его зазеркальная тварь таранилась на меня, стоя на осколках зеркала, затем мое оружие поразило ее. Свечи потухли, я услышал глухой стук и сдавленный крик, канделябр с грохотом ударился о мрамор, и следом на пол шлепнулось тело поверженного мной врага. И все — крошечный мрак, полная тишина...

Я замер на месте, трясаясь от страха, ожидая, что вот-вот, сейчас эти жуткие бледные руки схватят меня за горло или за щиколотки. Однако ничего подобного не случилось. Не знаю, сколько минут я простоял так. Наконец до моего слуха донесся тихий булькающий вздох — и снова воцарилась тишина. Я продолжал ждать, наконец собрался с духом и нащупал в

Д

кармане коробок спичек. Руки дрожали так, что я долго возился, прежде чем смог зажечь спичку. В слабом, неверном свете ее я рассмотрел на полу у разбитого зеркала какой-то съежившийся темный комок. Что там с этим чудовищем — убито, лишилось сознания? Пламя спички обожгло пальцы, я выругался и отбросил ее. Зажег другую и начал осторожно спускаться по ступенькам. Вот и эта спичка потухла, я остановился, зажег третью, ступил наконец на пол холла, осторожно наклонился над съежившимся телом... и в ужасе отпрянул назад.

В луже крови передо мной лежал с разбитой головой Гидеон.

В слабом свете от спички я в полном смятении глядел на его лицо. Он был одет так же, как в день отъезда. Каракулевая шапка упала с головы, и из разбитого виска еще сочилась кровь. Я потрогал его грудь, искал пульс, но Гидеон был мертв. Глаза утратили присущий им особый блеск и слепо смотрели на меня. Я зажег свечи и сел на ступени, пытаюсь осмыслить произошедшее. И я по сей день не могу ничего понять.

Не стану утруждать читателя, описывая подробности моего ареста и последующего суда. Всякому, кто читал газеты, должно быть памятно, в каком тяжелом положении я оказался, как никто не хотел поверить (особенно после того, как были обнаружены истерзанные трупы животных), что, когда появилась страшная тварь, для нее мы были всего лишь отражениями в ее зеркалах. Если я сам тщетно доискивался объяснения, то можете представить себе, что обо всем этом думала полиция. Газеты называли меня «чудовищем из Горжа» и жаждали моей крови. Полиция, отвергнув мои попытки объясниться, посчитала веской уликой против меня тот факт, что Гидеон завещал мне крупную сумму денег.

Напрасно я твердил, что не кто-нибудь, а я сам, с величайшим трудом пробившись сквозь снежные заносы, сообщил о несчастье. Для судей, не верящих — как и я до той поры — в колдовство, все представлялось предельно простым: я убил своего друга из-за денег, а затем сочинил весь этот бред о зазеркальной твари.

Все говорило против меня, и пресса усердно раздувала пламя общественного возмущения, так что моя судьба была решена. Я — чудовище и должен быть наказан. Суд вынес смертный приговор, и теперь меня ждет гильотина. Близится рассвет и с ним час моей смерти. В ожидании этого часа я пишу эти строки, надеясь, что кто-нибудь, читая, поверит мне. Никогда не представлял себе, что могу окончить жизнь на гильотине; вообще, этот вид казни всегда казался мне варварским. Естественно, надзиратели не сводят с меня глаз, чтобы я не обманул «вдовушку», как французы с черным юмором окрестили гильотину. Но я спросил, есть ли у меня право на последнее желание, и они разрешили поставить в моей камере высокий

зеркало, дабы я мог привести себя в пристойный вид перед казнью. Интересно, что из этого выйдет».

На этом рукопись кончалась. Внизу страницы другой рукой было добавлено: *«Узник найден лежащим мертвым перед зеркалом. Причина смерти — остановка сердца. Доктор Лепитр».*

Гроза бушевала с прежней силой, то и дело комнату озаряли яркие молнии. Не стыдясь, честно скажу, что я подошел к зеркалу над туалетным столиком и повесил его полотенцем. После чего взял в охапку бульдога и забрался вместе с ним под одеяло.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

СООБЩЕНИЕ

от Фонда охраны дикой природы Джеральда Даррелла

Детские попытки Джеральда Даррелла завести собственный зоопарк, причинившие столько неудобств многострадальным членам его семьи, были началом кампании по сохранению богатого разнообразия животного мира на нашей планете, ставшей делом всей его жизни.

Эта кампания за сохранение исчезающих видов не закончилась со смертью Джеральда Даррелла в 1995 году. Его работа продолжается благодаря неустанным усилиям Фонда охраны дикой природы.

В течение ряда лет многие читатели книг Джеральда Даррелла настолько вдохновлялись его впечатлениями и видением мира, что выражали желание продолжить историю, поддерживая деятельность его фонда. Мы надеемся, что вы тоже внесете определенный вклад, потому что своими книгами и всей своей жизнью Джеральд Даррелл ставит перед нами важную задачу. «Животные составляют бессловесное и лишенное права голоса большинство, — написал он, — которое может выжить лишь с нашей помощью».

Пожалуйста, не теряйте интереса к охране природы, когда вы перевернете эту страницу. Напишите нам, и мы расскажем вам, как можно принять участие в нашей работе по спасению животных от вымирания.

Чтобы получить более подробную информацию и направить пожертвования, обращайтесь по следующим адресам:

Durrell Wildlife Conservation Trust
Les Augrès Manor
Jersey, English Channel Islands, JE3 5BP
UK
www.durrellwildlife.org

ПТИЦА-
ПЕРЕСМЕШНИК

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОТКРЫТИЕ ЗЕНКАЛИ

В стороне от морских путей, на той воображаемой линии, где сливаются волны Индийского и Тихого океанов, лежит утопающий в зелени остров Зенкали — милейшее, забытое богом местечко. Кажется, сюда никогда не долетят отголоски бурь, бушующих в нашем огромном мире, здесь так и хочется искать пристанища от вселенских катаклизмов. Но тот, кто наивно полагал, что от этого острова ничего на свете не зависит и что здесь никогда не произойдет ничего волнующего, жестоко ошибался. События, внезапно всколыхнувшие Зенкали, в течение двух месяцев держали в напряжении весь цивилизованный и большую часть нецивилизованного мира (а к таковому следует отнести везде сующих свой нос тележурналистов, всеведущую газетную братию и подобных им нахалов, без которых жизнь была бы куда спокойнее). Забегая вперед, скажем, что события, благодаря коим Зенкали оказался в центре внимания мировой общественности, стоили иным коренным его обитателям шишек и выбитых зубов. Теперь, конечно, все раны давно уже зажили, а шрамы не столь заметны, как прежде.

Тем не менее, если ненароком вспомнишь о делах минувших дней, скажем, в заведении «Мамаша Кэри и ее курочки», рискуешь схлопотать сияк под глазом, и то считай, что дешево отделался. Даже если заговоришь о птице-пересмешнике в заново отстроенном Английском клубе, и то от тебя шарахнутся. Во всяком случае, дадут понять, что вспоминать об этом считается дурным тоном.

Все началось в блаженные январские денечки, когда после Рождества все обитатели острова лежат с коликами в печени, а самые рьяные приверженцы английской короны — также и с резью в желудке. Не поглотившему на празднестве доброй порции рождественской индейки и плам-пудинга исполнение патриотического долга не засчитывается, и никакие ссылки на то, что в тени — 90 градусов по Фаренгейту, не принимаются во внимание. Остров погрузился в дрему, убаюкиваемый белым солнечным светом, а два вулкана — Тимбалу и Матакама, два огромных конуса — стерегли его по-

Дой) и помыслить не мог, что грозная судьба готовит им нечто более страшное, чем ураган, цунами и землетрясение, вместе взятые. Представьте себе щенка болонки, подхватившего вирус бешенства: с виду такой тихоня, мухи не обидит, а покусает — так потом хлопот не оберешься. Так и здесь: кто мог предположить, что возмутителем спокойствия станет новый помощник политического советника Ее Величества, высокий очаровательный блондин по имени Питер Флокс.

Прибыв в Джакарту, Питер не на шутку встревожился, когда узнал, что плыть на Зенкали ему предстоит в драной французской калоше, некогда ходившей за сардинами и готовой перевернуться в самую тихую погоду. Хозяином «Андромеды-3», как называлась эта посудина, был коренастый небритый грек по имени Аристотель Папайятокопулос, набравший команду из веселых, жизнерадостных, но ни черта не смысливших в мореходном деле и компрометировавших саму идею мореплавания зенкалийцев. Эта беззаботная орава была похожа на ватагу юнцов-бойскаутов, готовую с бухты-барахты, не имея ничего, кроме энтузиазма, отправиться вокруг света на утлом каноэ. Каждый выкрикивал приказания, никто никого не слушал, а более всего настораживал тот факт, что у судна был страшно перегружен правый борт: казалось, добавь горошину — и лежащая на палубе массивная мраморная колонна или, хуже того, масса прикутившихся тут же бочек покатаются, проломают перила и шлепнутся в грязные воды гавани. Коллекция шикарных кремовых чемоданов из телячьей кожи, которые Питер тщательно выбирал для своего путешествия у лондонских торговцев Ассиндерса и Гроупа, предлагавших все для тропиков, явно не вызвала почтения у матросов-аборигенов: они подхватывали их своими смуглыми руками, швыряли, словно дохлых котят, затем несли, цепляясь за перила и за все, за что только можно было зацепиться, и небрежно сваливали на верхней палубе прямо на кучу неубранного птичьего помета, от которой струился ароматный пар. Тогда-то Питер впервые понял, что, как ни кичись своей блестящей английской речью, а без знания пиджин-инглиш, который был в ходу и на Зенкали, в тропических странах никуда.

— Простите, — обратился он к зенкалийцу, который показался ему смышленнее других, — вы есть помощник капитана? — При этом Питер старался говорить самым твердым тоном, на какой только был способен.

Зенкалиец был парнем в самом соку. На нем были жеванные-пережеванные брюки и истрепанная соломенная шляпа; на шее — ожерелье из металлических пробок от кока-колы. Изысканно-вежливым жестом абориген снял шляпу и прижал ее к груди, обнажив при этом в ослепительной искренней улыбке сияющую белизну зубов.

— Вы есть помощник капитана? — снова спросил Питер.

— Да, сэ'? — в свою очередь спросил юноша, по-прежнему улыбаясь и в то же время озабоченно хмурия лоб.

— Вы есть помощник капитана этого судна? — спросил Питер в третий раз, стараясь четко и ясно выговаривать каждое слово.

— Судна! — сказал юноша, расплываясь в улыбке. — Да, сэ'.

— Так *вы есть* помощник капитана?

— Да, сэ'... Эта судна! — сказал юноша, теребя свою шляпу.

По лицу и спине Питера градом катился пот. Его изящные белые парусиновые брюки приобрели грязный серый цвет, а складки, которые были на них еще два часа назад, исчезли бесследно. Ткань прилипала к ногам, и столь радовавшая его обновка теперь выглядела так, будто на ней ночевал динозавр, мучимый бессонницей. Больше всего на свете Питеру хотелось укрыться в тени, переодеться в сухое и выпить прохладного лимонада.

— Как вас зовут? — спросил он, решив подойти с другого конца.

— Андромеда-три, — без колебаний ответил юноша.

— Андромеда? Но ведь это женское имя... А, вы имеете в виду, что судно называется «Андромеда»... А почему три? — «Сколько ни три, чище все равно не станет», — подумал он про себя.

— Да, сэ', судна, — сказал юноша, счастливый, что круг диалога замкнулся.

Питер вытер лицо и шею и без того уже мокрым платком и попробовал начать разговор по новой.

— Моя пассажир, — сказал он, тыкая в себя пальцем и стараясь выглядеть как можно глупее, — моя хочет в каюту... Моя хочет, чтобы моя багаж отнесли в каюту... Моя хочет холодного лимонада... Моя пассажир, понимаете, нет?

— Моя Андромеда-три, — повторил юноша, очевидно изумившись, как это белый господин не понимает самой элементарной вещи.

К счастью, прежде чем Питер успел призвать всевышнего, чтобы тот поразил оболтуса на месте ударом молнии, на палубе неожиданно возник сам капитан. Исходивший от него аромат чеснока сразу заглушил отнюдь не слабые запахи копры, птичьего помета и шести коров, которых зенкалийцы дружными усилиями пытались водворить на палубу, подгоняя громкими мелодичными криками. Но коровы упрямились так, что дали бы сто очков вперед любым ослам.

— Сэр, — сказал капитан столь глубоким и густым голосом, что казалось, он доносился из машинного отделения, — я капитан, Аристотель Папайятокопулос. Моя... то есть я — к вашим услугам. Зовите меня просто — капитан Паппас. Здесь все меня так зовут, а то боятся ошибиться, выговаривая мое имя полностью.

Д

— Ошибиться? — переспросил Питер.

— Точно так, сэр, — сказал капитан, — ни один еще не выговорил правильно. Кто говорит «Мангопулос», кто — «Бананопулос»...

Питер начинал чувствовать, что разговор с капитаном Паппасом вознаграждает его за все издержки беседы с юношей, которого он принял за помощника капитана.

— Очень рад вас видеть, капитан, — начал он. — Меня зовут...

— Румба, танго, вальс, — перебил капитан и слегка наморщил лоб в раздумье, — полька, степ... Нет, нет... Квикстеп! Рок-н-ролл, менуэт... Ага! Фокстрот!

— Извините, господин капитан... — изумился Питер.

— Ничего страшного, мистер Фокстрот, — успокоил собеседника капитан. — Я пытаюсь запомнить ваше имя ассоциативным методом. У нас, греков, знаете, он нередко практикуется.

— Но меня зовут не Фокстрот, — пробормотал пораженный Питер.

— Правда? — сказал капитан, подняв брови от удивления. — Так как же? Слоуфокс Пасодобль?

— Да нет же, никакой не пасодобль и уж тем более не слоуфокс! — твердо сказал Питер. — Меня зовут Питер Флокс.

— Флокс... — Капитан устремил на собеседника взор, не веря услышанному. — Так где же его танцуют, этот самый флокс?

— Да это вовсе не танец... это... как бы вам объяснить... Ну, понимаете, цветок такой, — сказал Питер, в первый раз в жизни столкнувшись с неадекватной интерпретацией своего имени.

— Цветок... Это который растет в саду? — спросил капитан.

— Ну да, — ответил Питер.

Капитан навалился всем своим могучим телом на перила и закрыл глаза.

— Флокс... — произнес он глубоким начальственным тоном. — Так... флокс, маргаритка, ромашка, роза, георгин, флокс...

— А разве... — начал было Питер.

— Анютины глазки, тюльпан, подсолнух, колокольчик, — не дал возразить капитан, очевидно решив блеснуть своими познаниями в ботанике, — бегония, кувшинка, анемон, флокс...

Он открыл свои крохотные черные глазки и посмотрел на Питера.

— Ну, теперь я навсегда затвердил ваше имя, навсегда! — сказал он тоном победителя. — Оно навек останется в моей памяти! А что, неплохой способ запоминать! Наш брат грек никогда не ошибется в выборе метода! Ведь верно?

— Верно, — пробурчал Питер, — а теперь не откажите в любезности проводить меня в каюту, отнести туда мой багаж и подать мне холодного лимонада. Пить очень хочется.

— Конечно, конечно, — сказал капитан. — Калаки проводит вас в каюту. Я все помню, можете на меня положиться!

Он скороговоркой отдал распоряжения на пиджин-инглише тому самому юноше, которого Питер принял за помощника капитана. Тут же появились два его приятеля, и все трое, подхватив багаж Питера, исчезли с ним в глубинах внутренних помещений корабля.

— Следуйте за ними, милый гость, — сказал капитан, сопровождая свою речь красноречивым жестом, — они отведут вас в каюту... Лучшую на всем корабле! Лучшую каюту для помощника политического советника Ее Величества!

— Откуда вы... знаете? — произнес Питер, как громом пораженный.

Капитан громко захохотал, откинув голову и обнажив во всем блеске два ряда зубов, глядевших, словно зубцы крепостной стены, из-под полных губ. Он возложил на свой изрытый оспинами нос пухлый палец, направив его на маленький блестящий глаз:

— О, я знать все, что происходит на Зенкали. Я знать все про всех! Мои глаза проникать всюду, как у доброго бога! Ни один верблюд на Зенкали не окоцурится без того, чтобы кто-нибудь тотчас же не доложил мне об этом. На Зенкали у тебя будет все, что хочешь, только дай мне знать!

— Спасибо, — ответил Питер и, нежно подталкиваемый пухлой рукой капитана, побрел, спотыкаясь, по замызанному коридору в темные гулкие глубины суденышка, пропахшие затхлой водой, краской и — по каким-то непонятным причинам — духами «Фиалки Пармы».

За трое суток путешествия на «Андромеде-3» Питер вволю нагоревался, что поспешил и не дождался отхода «Императрицы Азии» — крупного и надежного пассажирского судна, совершавшего на Зенкали один рейс в месяц. Когда «Андромеда-3» отошла от причала и вступила в неравную борьбу с океанскими волнами, он стал кусать себе локти, что так необдуманно согласился занять предложенную ему должность. Лежа на койке, похожей на гроб, он вспоминал, какие радужные перспективы рисовались ему, когда дядюшка сообщил эту важную новость.

— Посылаем тебя на Зенкали! — говорил сэр Осберт, разглядывая своего единственного здравствующего родича холодным синим оком сквозь монокль. — Смотри, не влипни там в историю.

— Да что вы, дядюшка! Это же прекрасно! — воскликнул Питер. Его друг Гюго Шартри прожил на Зенкали месяц, а когда вернулся, то расписал ему все прелести тамошней жизни не хуже заправского агента бюро путешествий.

— Помни, мы посылаем тебя не для приятного времяпрепровождения, — строго и наставительно сказал сэр Осберт, — а на помощь этому ополоумевшему Олифанту.

Д Произнеся эти слова, сэр Осберт принялся расхаживать взад-вперед по конторе. За окнами хлопьями валил снег, и за белой пеленой, похожей на кружевную сетку, кипела и бурлила жизнь лондонских улиц.

— Не скрою, ситуация на Зенкали... хм... мягко говоря, оставляет желать лучшего, — признался сэр Осберт. — Как тебе известно, мы пообещали им самоуправление. Точнее, дело идет к тому, что вся власть перейдет к их сумасбродному правителю — королю Тамалавале Третьему. Вот умора!

— Но я не слышал о нем ничего дурного, — попытался было возражать Питер. — Бытует мнение, будто он прогрессивный владыка, а подданные без ума от него.

— Он просто клоун, — перебил сэр Осберт. — А можно ли чего другого ожидать от каннибала, даже закончившего Итон? Он, как бы тебе это сказать поделикатнее, — себе на уме. Пока Зенкали находился под нашим владычеством, мы еще как-то могли держать его в узде, но теперь...

Он схватил с письменного стола линейку из черного дерева и принялся отчаянно шлепать ею по ладони.

— Мой эскулап не велит мне волноваться, — продолжал он. — Мол, у меня изношенное сердце. Ну как, как я могу не волноваться, когда такой лакомый кусок уходит из-под носа правителей Империи!

Сэр Осберт на минуту смолк, чтобы перевести дыхание. Питер хранил молчание: у него были диаметрально противоположные взгляды на эти проблемы. В прошлом они с дядюшкой отчаянно спорили, но сейчас Питеру не хотелось упускать шанс отправиться на Зенкали.

— Хочу напомнить: Империя — это то, во имя чего мы, представители славного рода Флоксов, сражались и умирали. Возможно, вы, молодые, привержены новым идеям и для вас все это — звук пустой. Жаль, очень жаль! Помни, что ни одно важное событие в истории Англии и становлении Империи не обходилось без нас — отпрысков древнего рода Флоксов!

— Помню, дядюшка, — сказал Питер. — Вам не о чем волноваться.

— И в Трафальгарской битве участвовали Флоксы, — продолжал сэр Осберт, — и в битве при Ватерлоо, и в управлении Австралией и Новой Зеландией... И в Индии их было немало... И северо-западная граница практически только на них и держалась... А сколько их было в наших африканских владениях! Теперь, когда к власти пришли эти чертовы лейбористы, Империя стала расползаться, словно ветхое одеяло... Ей-богу, может хватить удар, когда видишь, как эти сыновья лавочников, эти паршивые тред-юнионисты и разные прочие мужланы, одевшись в шикарные костюмы, бродят по Уайтхоллу — весь пол в плевках, как в снежных хлопьях! — и раздают Империю по кускам всяким проходимцам, которые еще не отучились варить на обед своих дедушек и бабушек!

Он снова сел за письменный стол и вытер лицо платком.

— Теперь слушай, — успокоившись, продолжил он. — Самое щекотливое во всей этой истории вот что. Как раз тогда, когда мы уже было собрались предоставить этому народу самоуправление, в Генштабе решили, что Зенкали имеет важное стратегическое значение. То ли хотят выгнать русских из Индийского океана, то ли еще что-то в этом духе. Смешно, ей-богу: остров-то на карте похож на точку, оставленную мухой, а вот поди ж ты! Они хотят построить там аэродром и взорвать риф, преграждающий вход в бухту, чтобы туда мог войти эсминец. Но для этого придется затопить несколько долин и соорудить каскад гидроэлектростанций. Они попытались проделать то же самое в Альдабаре, но наткнулись на яростное сопротивление любителей животных... Есть же такие чудачки! Тебе не кажется, что мир сошел с ума? Представь: Британскому флоту прегражден путь в бухту из-за того, что там обитают гигантские черепахи! Чушь какая-то! Можно подумать, черепахи помогли нам выиграть Трафальгарское сражение! Или битву! Или сражение при Ютландии! Похоже, люди утратили представление об истинном положении вещей.

— Так в чем же суть проблемы? — спросил Питер.

— Ну, вообще-то переговоры продолжаются, но этот король хоть и черномазый, а не промах. Учеба в Итоне для него даром не прошла, — сказал сэр Осберт, явив весь свой характер истинного регбиста. — Он еще хорошо поторгнется, помани мое слово! Он знает историю с черепахами и поймет, что второй раз мы не отступим. Слыханное ли дело, чтобы черепахи так оконфузили британское правительство!

— А принесет ли этот аэродром пользу зенкалийцам? — поинтересовался Питер.

— Еще спрашиваешь! Туда со всех концов света будут стекаться brave летчики и моряки! Тратить там деньги на сувениры и... — Тут дядюшка осекся. — В общем, понимаешь, на что тратят деньги brave летчики и моряки. Каскад гидроэлектростанций создаст массу рабочих мест... Что бы там ни говорил этот тупица Олифант, для островитян это будет настоящий рай! А какие знатные люди участвуют в этом деле! Лорд Хаммер! Хаммерстайн и Хэллоп! Они и собираются строить плотину — во всяком случае, подадут заявку, но, право же, это чистая формальность. Но вот беда: король еще не дал своего окончательного согласия. В общем, ситуация в высшей степени деликатная, так что уж постарайся не подкачать, ладно?

— Да, сэр, — сказал Питер, преисполненный чувства долга.

— И еще. Имеющий глаза да видит, имеющий уши да слышит. Чуть что не так, сразу же докладывай нам. Среди этой толпы дикарей нужно держать ухо востро, понял?

Д...Теперь, когда калоша капитана Паппаса, борясь с бурными волнами, направлялась к Зенкали, Питер терялся в догадках, скоро ли эта несчастная посудина попадет к рыбам на дно, заодно унеся с собой своего сумрачного хозяина. Но поскольку в желудке Питера давно не осталось ничего, что нуждалось бы в переваривании, наш путник не заметил, как уснул.

Проснувшись поутру, Питер увидел, что ветер давно утнал вдаль штормовые облака и посудина мирно скользит по гладкой как зеркало морской лазури. Небо голубело, словно цветы дельфиниума. Маленькие стайки летучих рыбок выскакивали над сверкающей поверхностью моря и пролетали перед самым носом у суденышка, а в небе недвижно парили два альбатроса, без всяких усилий попевая за судном, будто привязанные к корму невидимыми нитями. Чувствуя себя куда бодрее, вдохновленный хорошей погодой, Питер направился в крохотную кают-компанию разузнать насчет завтрака и увидел уютно устроившегося там капитана Паппаса, который с аппетитом поглощал поданные ему на невообразимо засаленном блюде яичницу с беконом, колбасу, бобы и поджаренный хлеб.

— С добрым утром, с добрым утром! — обрадованно крикнул капитан с набитым ртом. — Как спалось?

— Спасибо, ничего, — покривил душой Питер, с содроганием отводя глаза от капитанской трапезы.

— Прекрасно, прекрасно, — сказал капитан. — Отлично выспались, теперь полагается плотный завтрак, а? Как насчет доброй яичницы с беконом? У меня на судне заправский кок, он самого черта приготовит!

— Спасибо, я не имею привычки завтракать, — перебил капитана Питер. — Мне бы только чашечку кофе да ломтик поджаренного хлеба.

Капитан рывкнул, и в мгновение ока появились и кофе и хлеб. С энтузиазмом ковыряя спичкой в золоте своих зубов, хозяин суденышка поточески взирал на гостя.

— Стало быть, — промолвил он, — вы никогда прежде не бывали на Зенкали?

— Нет. Но слышал, что это премилый островок.

— Премилый. Почти как любой из греческих островов. Но все-таки это вам не Греция. Здесь одни негритосы, вот в чем беда! Ничего страшного, нормальные люди, только дикие — не такие цивилизованные, как греки. Понятно?

— Понятно, — сказал Питер, гадая, как отреагировали бы на слова капитана аборигены, готовые вот-вот взять власть в свои руки. — На сколько я знаю, они скоро получают самоуправление?

— Самоуправление? Хо-хо! — прорычал капитан Паппас. — Это не будет самоуправление для зенкалийцев. Это будет самоуправление для Кинги.

— Кинги? Какого Кинги? — спросил Питер, заранее отказываясь от мысли попросить капитана вспомнить полное имя этого загадочного Кинги.

— Кинги — это тамошний король, — сказал капитан, удивленный, что Питеру неизвестны такие простые вещи.

— А... почему вы его так называете? Это у вас не считается... хм... оскорблением Его Величества?

— Что-что? — спросил капитан, никогда прежде подобных фраз не слышавший.

— Я имею в виду... не слишком ли фамильярно его так называть?

— Да нет, несколько. Он сам себя так называет. Это его... так сказать... прозвища.

— Прозвище?

— Ну, пусть бы и так, — недоверчиво сказал капитан. — Каждый и она сам зовет его Кинги... Видите ли, мистер Фокстрот, — продолжал капитан, — на острове Зенкали обитают два племени, фангуасы и гинка, понятно? Самое большое племя — фангуасы, возможно, до полусотни тысяч человек. Кинги — король фангуасов, понятно? А гинка — очень малый племя, тысяч пять-шесть человек. У них вождь — Гоуса Маналовоба. Фангуасы как большой племя властвуют на Зенкали. Фангуасы не любят гинка, а гинка не любит фангуасы. Когда Зенкали получить самоуправление, править будет Кинги, понятно? Кинги очень, очень умная человек! Он хочет править всем народом на все время, как Авраам Линкольн, понятно?

— А разве у них нет парламента? Законодательной ассамблеи, где были бы представлены они все? — спросил Питер.

— Да, да, там есть парламента, но она делает все так, как скажет Кинги.

— По-моему, это очень недемократично.

Капитан, словно прожектором, осветил Питера золотом своей улыбки.

— Да, на Зенкали существует демократия для одного. Для Кинги.

— Вам известно что-нибудь об аэродроме? — осторожно спросил Питер.

— А то как же... Это дело пахнет большим надувательством, — сказал капитан Паппас, и в голосе его прозвучала свойственная грекам зависть, которую ему не удалось скрыть. — А самый главный мошенник — черномазый недоносок Лужа. Он — министр развития. Самый большой плут на всем Зенкали. Никто не любит Лужа. Всем он противен от пяток до макушки, вот так! Даже у родной матери вызывает отвращение, потому что он и ее облапошил.

— Так как же он стал министром развития, раз он такой плут?

— Не знаю. Кинги сделал его министром.

— А в чем заключается надувательство?

Д — Для постройки аэродрома требуется много электричества. Сейчас на Зенкали есть лишь один небольшой движок, которого кое-как хватает на весь город. Но она постоянно ломается, понятно? Ну и вот, чтобы сделать больше электричества, они собираются построить плотину возле Матакамы... Так называется вулкана, понятно? Они хотят построить плотину и затопить долину. А этот недоносок Лужа считает, что это его долина, понятно?

— Но если он владеет этой долиной и позволяет построить там плотину, в чем же тут надувательство? — спросил изумленный Питер.

— Лужа не всегда владеет этой долиной, — разъяснил капитан, — но как только зашла речь о строительстве аэродрома, он тут же купил ее, понятно? И купил за небольшие деньги, потому что никто другой не желала ее купить. Теперь, когда долина понадобится правительству, Лужа запросит за нее огромные деньги. Такой уж плут этот министр развития.

— Все понятно, — задумчиво сказал Питер.

— А теперь, — сказал капитан, прищурив один глаз и подняв свой пухлый палец, — надувательство номер два. Если они решили строить плотину, они будут привлекать различные фирмы, кто какую цену назначит, понятно?

— То есть должно быть нечто вроде аукциона?

— Вроде этого. В таком случае правительство сделает заказ тому, кто предложит наименьшую сумму, верно? Но Лужа уже пообещал заказ одной фирме. Он уверяет, что спросил все фирмы и что эта назначать наименьшую сумму, понятно? А она назначила немаленькую сумму. Я это знаю. Мои друзья в Джакарта рассказали мне об этом. Эта фирма дала Лужа огромный-преогромный взятка в Англии. То есть он получил деньги за плотину и получит деньги за долину. Ну, не подлый ли мошенник?

Капитан сел и скорбно посмотрел на Питера, стараясь — хоть и без особого успеха — выдать себя за человека, которому и в голову не придет совершить подобное надувательство.

— Но если у вас есть доказательства, почему же никто не сообщит королю? — спросил Питер. — В конце концов, не дело же, когда министр развития занимается развитием исключительно собственной кубышки!

— Ха-ха! — осклабился капитан. — Скажешь тоже — сообщи королю! Небось король сам получает деньги от Лужи.

— А пойдет ли аэродром на пользу Зенкали? — поинтересовался Питер.

— О! Аэродрома пойдет на пользу *мне*! — сказал капитан. — Я буду возить цемент, кирпич, всякую всячину для строительства. Буду привозить консервы для строителей. Да что там! Буду привозить игральные автоматы

для развлечений матросов! Закуплю по дешевке в Джакарте штук пятьдесят и с барышом продам Мамаше Кэри и ее курочкам!

— А это еще кто такие? — изумился Питер.

— Это такая бар... Как вы такой называть в Англии? Пуб... Ах да, паб, паб. Она в порту Зенкали. Все матросы ходят туда выпить и поиметь прекрасные девушки, понятно?

Питер ответил утвердительно.

— Так вот, когда на Зенкали будет построен аэродром, сюда будут прилетать самолеты и приплывать корабли Британского флота. Множество храбрых летчиков и моряков будут приходить к курочкам Мамаша Кэри, играть в мои игральные автоматы, слушать музыкальные машины, пить пиво, которое я буду привозить из Джакарты, а коль скоро гостям потребуется все больше девочек, меня же будут гонять в Джакарту за пенициллином для доктора! Аэропорт будет очень полезен для моего бизнеса, понятно?

Питер признался, что и не представлял, сколь разнообразны будут последствия строительства аэродрома.

— Ну, — сказал капитан, потягиваясь и позевывая, — я теперь пойду на мостик. А потом, перед обедом, мы еще выпьем вместе, ладно?

— Спасибо, мне будет очень приятно, — сказал Питер. Когда капитан ушел, Питер отправился на палубу, нашел там выдавший виды шезлонг и, блаженно растянувшись на солнце, принялся читать книгу, которую приобрел перед самым отъездом из Англии. Она была отпечатана в какой-то частной типографии в Сингапуре на тонкой рисовой бумаге и называлась: «Зенкали. Фрагментарный путеводитель для случайного приезжего». Автор скрыл свое имя под псевдонимом «Козерог». Приобретая путеводитель, Питер опасался, что книжица ничем не отличается от сотен ей подобных, но с первой же страницы «Введения» ему стало ясно, почему автор пошел на такую конспирацию.

«Зенкали, — вещал Козерог, — одно из самых очаровательных, интригующих, изысканных и идиотских мест, которые я когда-либо имел удовольствие посетить. Вся свою жизнь я посвятил коллекционированию тех уголков земли, где забыт здравый смысл и властвует умопомешательство, и готов держать пари, что другого такого места, где поголовно все сошли с ума, больше нет. Достаточно сказать, что, едва ступив на землю Зенкали, я был вознагражден впечатлением, которого хватит на всю мою оставшуюся жизнь. Я увидел, как почти все население столицы собралось на главной площади, но не по религиозным или политическим причинам, а лишь затем, чтобы позевать на пожарную команду в роскошной униформе и касках, тщетно пытавшуюся завести пожарную машину, которая по непонятным причинам сама вспыхнула и взорвалась. С тех пор я прожил на Зенка-

Дли более двадцати лет, и хотя за это время там не случилось ни одного происшествия, равного взрыву пожарной машины, в жизни моей было немало ситуаций, наводивших на размышления и позволивших глубже взглянуть на человеческую природу».

«Вот это путеводитель! Он наверняка предложит нечто новое и оригинальное», — подумал Питер.

«Остров Зенкали, — продолжал автор, — лежит на Тропике Козерога перпендикулярно воображаемой границе между Индийским и Тихим океанами, на 77-й долготе и 20-й широте. По счастью, он находится вне зоны циклонов и ураганов, что обеспечивает ему спокойное по сравнению с другими расположенными в тех же водах островами существование. Год можно условно разделить на два сезона: «жаркий» и «очень жаркий». Точной временной границы между ними нет — она зависит от силы пассатов, но, как правило, с января по июнь — «жарко», а с июля по декабрь — «очень жарко». В длину остров имеет сто миль, в ширину (в самом широком месте) — двадцать пять. В плане он похож на убывающую луну, лежащую рогами вниз; две высочайшие вершины — потухшие вулканы Тимбалу и Матакама. Последний чуть выше и имеет в кратере большое озеро. Остров был открыт в 1224 году арабами, а так как мореплавателям всех времен и народов во время дальних странствий свойственно тосковать по женским прелестям, то, исходя из формы вулканов, они назвали его «Остров женских грудей». Португальцы, приплывшие сюда вслед за арабами в 1464 году, оказались не столь поэтичны и нарекли его просто «Остров двух грудей». У голландцев, высадившихся в этих местах в 1670 году, воображение вообще отсутствовало, и при их владычестве остров именовался «Островом домохозяйки», хотя ассоциация с женским началом присутствует и здесь. Когда в 1700 году голландцы покинули остров и он перешел к французам, те не придумали ничего нового и нарекли его просто «Иль де пуатрин» — «Остров грудей». Наконец, когда в 1818 году французов сменили англичане, он стал называться «Уэлком-Айленд», что значит «Гостеприимный остров». В настоящее время острову возвращено его исконное имя, данное аборигенами. «Зенкали» на местном наречии означает «Милый остров». Приезжие непременно убедятся, что так оно и есть».

Далее автор с присущей ему краткостью и язвительностью прошелся по всем, кто в разные периоды правил островом.

«Чужеземцы накатывались на остров волна за волною, не оставляя после себя практически ничего, что могло бы принести хоть какую-то пользу аборигенам. Арабы ввели в употребление счеты, что для коренных жителей, не умевших ни писать, ни читать, ни считать далее пяти, явилось подарком сомнительной ценности. Португальцы построили два прибрежных форта, которые вскоре рассыпались в прах; зато остался рецепт пригото-

ления вина (именуемого ныне «Нектаром Зенкали») из местной сливы. Этот напиток практически непереносим на вкус, а кто поглощает его в больших количествах, рискует стать слепым и в придачу импотентом. Французы соорудили порт, который и поныне надежно и верно служит, и изобрели бесчисленные рецепты кушаний из представителей местной фауны, каковую они почти полностью успели истребить в угоду своим кулинарным прихотям. Голландцы оставили после себя несколько капитальных зданий. Теперь это — Дом правительства, Королевский дворец, Административный штаб и Парламент. Кроме того, на острове сохранились пара-тройка весьма изящных домов голландских плантаторов. Там и поныне обитают только выходцы из Европы, так как островитяне испокон веков привыкли жить в превосходных хижинах, крытых пальмовыми листьями (напоминающих «долгие» дома на острове Борнео), или же в довольно привлекательных жилищах из досок, тщательно выделяваемых из дерева амела. Страшно подумать, что, когда англичане окончательно покинут остров, они оставят после себя, как и всегда, фанатичную страсть к игре в крикет и стремление части зенкалийцев непременно праздновать именины королевы и Бернсовы ночи, поскольку у них самих подобных национальных празднеств нет, а в прошлом они с интересом наблюдали, как их правители из кожи вон лезли, желая покрасоваться в этих столь любопытных действиях».

Питер уже не первый раз за время своей карьеры изумлялся: почему европейцы не могут оставить другие народы в покое? Почему, где бы они ни появились, они непременно стремятся навязать местным жителям свой образ жизни? Зачем заставлять этих несчастных зенкалийцев праздновать непонятные им Бернсовы ночи? Он предположил, что все национальные формы самовыражения, в которых содержался хоть малейший элемент распущенности, были выкорчеваны миссионерами; слишком наивно было бы думать, что эти блюстители нравственности обошли остров стороной. Питер открыл раздел «Религия» — как в воду глядел: нет такого местечка на белом свете, куда миссионеры не сунулись бы со своим уставом и не принялись рьяно отпускать грехи туземцам.

«Всех так называемых язычников ждала жестокая судьба — быть одурченными и очарованными религиозными представлениями своих завоевателей. К счастью для зенкалийцев, те, кто в разные эпохи занимал этот остров, были куда более озабочены его исследованием или ратными делами, нежели чрезмерным попечительством о бессмертии души туземцев. Арабы, по всей видимости, предпринимали попытки насадить на острове учение Магомета, но, очевидно, махнули рукой, заметив склонность островитян к пороку. Правда, покидая остров, они вывезли с собой самых привлекательных юношей и девушек. Пару храмов построили на острове пор-

Другие тугальцы; голландцы построили больше, но не пускали в них зенкалийцев (впрочем, те особенно и не стремились туда). В этот период меньшее племя — гинка — поклонялось богу-рыбе Тамбака, воплощенному в дельфине. То обстоятельство, что дельфин — не рыба, а млекопитающее, как-то не учитывалось ими, и самое печальное, что эта ошибка характерна и для других религий, почитающих бога-рыбу в виде дельфина. Племя же фангуасов перед пришествием французов поклонялось любопытной местной птице, которую они называли Тио-Намала, а французы окрестили птицей-пересмешником. Впрочем, французы, приверженные католической религии и в силу этого нетерпимые к верованиям других народов, очень скоро обнаружили, что эта птица обладает необыкновенно вкусным мясом, и к тому времени, когда англичане победили их и изгнали с острова, успели скушать всю популяцию пересмешников, невзирая на протесты фангуасов. Таким образом, это племя вынуждено было свернуть на время всякую религиозную жизнь. С нашествием британцев наступила эпоха перемен. Европейцы, поселяясь на небольших островах, имеют обыкновение привозить с собою вредоносных тварей, как то: собак, кошек, крыс, свиней, которые истребляют местную фауну, пока миссионеры оболванивают аборигенов. Однако в данном случае миссионеры были посланы фангуасам самим Господом, если можно так выразиться. С тех пор как у фангуасов отняли Тио-Намала, гинка стали особенно докучать им, хвастаясь, что теперь они — единственное на острове племя, имеющее истинного бога. Нечего и говорить, что столь наглое бахвальство не могло не привести к известным нежелательным последствиям, и многие представители гинка и фангуасов окончили свой славный земной путь на обеденном столе противников под ароматным соусом. Что и говорить, на обед попасть не худо, но отнюдь не в виде блюда! Появление миссионеров дало фангуасам шанс приобщиться к христианству и тем самым доказать свое превосходство над гинка. Сейчас, когда пишутся эти строки, племя фангуасов условно поделено между Католической и Англиканской церковью, но горстка самых отважных душ привержена любопытной американской религиозной секте, называемой «Церковь Второго пришествия».

В этот момент на палубе появился капитан Паппас в сопровождении двух зенкалийцев из своей команды. Один нес шезлонг, другой — портативный бар с богатейшим ассортиментом напитков.

— А, мистер Фокстрот! Привет! — воскликнул капитан, бережно опуская свои тела в шезлонг. — Ну что, пропустим по маленькой перед обедом, а? Во-во, совсем как на «Куин Элизабет»! Что изволите предпочесть? У меня тут все что хочешь есть, так что не стесняйся!

— Хм... Большое спасибо... Только на пустой желудок нехорошо... Ну, может, чуточку бренди с содовой... Нет, нет! Капитан, что вы! Я сказал — чуточку...

— Бренди хорошо для желудка, — заверил капитан, протягивая Питеру стакан, в котором было налито на пять пальцев этой лучезарной жидкости, и всыпал туда чайную ложку соды. — Бренди хорош для желудка, виски — для легких, узо — для мозгов, а вот шампанское — для соблазнения!

— Для... чего?! — переспросил потрясенный Питер.

— Для со-блаз-не-ни-я! — ответил капитан, нахмутив брови. — А конкретно — для того, чем соблазнять юных девушек, понятно? Ты когда-нибудь пил шампанское из женских панталон, как про то в книгах пишут?

— Вы имеете в виду — из женских туфель?

— Ну, и из туфель тоже, — согласился капитан, наливая себе такую порцию узо, от которой любые мозги свихнутся набекрень, и добавляя в него воды ровно столько, чтобы оно приобрело молочный оттенок. — А это тебе. Ну, брат, за дело!

Оба выпили молча, и Питер подумал, что если так будет продолжаться, то за сорок восемь часов он точно получит цирроз печени.

— Думаю, тебе понравится Зенкали, — продолжил капитан, вытянувшись в своем страшно скрипучем шезлонге. — Славное место! Славный климат! Славные люди! Любишь рыбалку, а? Там, на Зенкали, какая хочешь рыбалка... Акулы, барракуды, даже рыба-меч! А на охоту ходить любишь? Там столько диких оленей, диких козлов, даже диких кабанов! В общем, ходи на охоту, лови рыбу — наслаждайся жизнью!

— А как насчет вулканов? — спросил Питер. — По ним интересно ползать?

— Ползать? — Капитан остолбенел от удивления. — А это еще зачем?

— Видите ли... лазание по горам — одно из моих хобби. На родине я все каникулы проводил, лазая по горам Уэльса и Шотландии. Вот я и спрашиваю, интересно ползать по вулканам или нет.

— Здесь никто не лазит по вулканам. Очень тяжелый труд! — сказал капитан, которого явно шокировала сама идея. — Какой дурак полезет, да еще под палящим солнцем! И тебе не надо — ходи на рыбалку, ходи на охоту, как я говорю! Заведешь себе прекрасную зенкалийскую девушку, и она будет жарить пойманную тобой рыбу и подстреленную тобой дичь, а?

— Не думаю, что мне потребуется прекрасная зенкалийка.

— А чего ж? Она будет готовить тебе обед, убирать твой дом, а? А потом... Раз, два, три, четыре, пять — десять маленьких негритят! — торжествующе сказал капитан, по-отечески глядя на Питера, очевидно представляя его среди многочисленного голосистого чернокожего потомства. —

Д

Я знать массу хороших зенкалийских девушки... Некоторые оч-чень смазливенькие! А есть и такие, что еще девственницы! Хочешь, познакомлю с хорошей зенкалийкой из хорошей семьи? Хорошей, не шлюхой, а? Выберу тебе самую сисястую, чтобы могла выкормить целую кучу детишек, а?

— Спасибо, — сказал Питер, слегка обалдевший от столь сердечного предложения. — Поживем — увидим. Но ведь до цели еще надо доплыть! Так что не будем опережать события.

— Не беспокойся, я тебе там все устрою, — доверительно сказал капитан. — Я тебе все что хочешь могу устроить на Зенкали. Там все меня знают, и я всех знаю. Сделаю для тебя все, что пожелаешь!

...Нежное солнце и теплый ветер действовали усыпляюще, блеск волн слепил нашему путешественнику глаза. Питер растянулся в шезлонге, расслабился и смежил веки; сквозь полудрему до него долетал голос его нового друга. Он действовал успокаивающе, словно томные звуки виолончели. Умиротворяющие лучи солнца и выпитое бренди вскоре сделали свое дело, и Питер уснул. Проснувшись минут через двадцать, он, к своему изумлению, обнаружил, что капитан по-прежнему вещает:

— Так я говорить ему: «Ах ты, недоносок, ты еще обзываешь меня жуликом! От таковского слышу!» Я хватаю его за ворот и швыряю в море! Ему требовалось проплыть полмили до берега, — с удовлетворением сказал капитан, — да, как на грех, в тот день в море не было акул, так что ему это удалось.

— Очень жаль, — сказал Питер, чтобы как-то поддержать разговор.

— Вот я и говорю ему: «От жулика слышу». Ну, пошли. Пора обедать.

...После обильного обеда, во время которого капитан изощрялся, расписывая добродетели зенкалийских девушек, и рассказывал сногшибательные истории о том, сколько добра он сделал разным людям на Зенкали, а те готовы были вить из него веревки, Питер, едва волоча ноги, уполз к себе в каюту. Правда, она была раскалена, как духовка, но зато это было единственное место, где можно было отдохнуть от капитана. Питер (как, следует думать, и множество людей до него) понял, что от дружеского расположения и гостеприимства этого славного грека можно слегка обалдеть. Превозмогая духоту, Питер бросился на узкую койку и попытался уснуть, иначе вторую половину дня ему опять пришлось бы провести в обществе капитана, попивая винцо и посасывая джин с ромом.

Через несколько часов Питер пробудился от тяжелого сна, так и не принеся ему облегчения. Бедолага оделся, пошатываясь, вышел на палубу, растянулся в шезлонге и, бросив недолгий взгляд на закат солнца, погрузился в раздумья.

Западный край неба был залит оранжевым светом и испещрен красными прожилками, а ласковый бриз гонял по индигового цвета морю желтые,

зеленые и алые пятна. Солнце, похожее на спелый абрикос, едва коснулось горизонта. Там же играла стайка дельфинов, похожих на табунок черных коней-качалок с гладко отполированными спинами: выпрыгивая над безмятежной водой и бултыхаясь в нее снова, они поднимали небольшие столбики пены. Два альбатроса по-прежнему следовали за кормой, перемещаясь в воздухе без единого взмаха крыльями. Тут же появились матросы-зенкалийцы (Питер мигом вспомнил: «Почему Андромеда-три? Сколько ни три, чище не станет») с широкими, добродушными улыбками на лицах и поставили на палубу портативный бар. Очевидно, тот юноша-зенкалиец, с которым Питер разговаривал перед посадкой на посудину капитана Паппаса, совмещал обязанности боцмана, рулевого и бармена. Питер налил себе бренди, в которое добавил соды и льда, и снова растянулся в шезлонге, медленно потягивая напиток и любуясь меняющимися красками неба. Теперь оно было как масляное пятно, растекшееся по поверхности залитой солнцем лужи, а шаловливые дельфины, играя мускулами, настолько приблизились к судну, что Питер слышал их фырканье, когда они выскакивали из воды. Он тут же полез в свой заветный путеводитель в надежде найти там что-нибудь новенькое об этих изящных и умных животных и открыл раздел, повествующий о естественной истории.

«До появления арабов, — констатировал путеводитель, — оба племени зенкалийцев худо-бедно, но жили в мире. Главной причиной этого являлось то обстоятельство, что фауна острова была необыкновенно богата и проблема, что бы раздобыть на обед, здесь не стояла. Численность населения в то время была не сравнима с теперешней, так что представители двух племен практически не контактировали друг с другом. Одно племя занимало восточную оконечность острова, другое блаженствовало на западной, а между ними лежала «ничья» земля, до того изобиловавшая зверями и птицами, что спорить представителям двух племен было, прямо скажем, не о чем. Так, на острове в огромном количестве водились гигантские черепахи, популяция которых исчислялась десятками тысяч, — превосходный и очень наблюдательный французский натуралист, граф д'Армадо, подчеркивал, что «в иных местах можно было пройти целую милю по панцирям этих черепах, ни разу не ступив ногой на землю». Это отнюдь не преувеличение — данный факт занесен в вахтенные журналы многих кораблей, заходивших на Зенкали с целью пополнения запасов воды, а заодно увозивших гигантских черепах в качестве провианта. (В те далекие века живые черепахи заменяли консервы.) Так, только с декабря 1759 года по декабрь 1761 года с острова было увезено не менее 21 600 черепах. При таком немыслимом хищничестве не следует удивляться, что эта интереснейшая рептилия исчезла с Зенкали уже к середине периода французской оккупации.

Д Хозяйничанье на острове арабов, а затем европейцев неизбежно вело к тому, что и многие другие местные виды (по большей части сухопутные, безобидные и беззащитные) исчезли, убиваемые пришельцами ради пищи и из спортивного интереса, истребляемые привезенными на остров хищниками вроде собак и свиней, а также в результате изменения среды обитания, вызванного сведением лесов под плантации сахарного тростника, который, к счастью, здесь не прижился. В настоящее время на Зенкали высаживается дерево амела (см. раздел «Экономика»), являющееся биологической основой острова. Это единственное дерево, которое выдержало нашествие завезенных европейцами новых деревьев и растений, оказавшихся губительными для местной флоры.

Вслед за гигантскими черепахами в небытие ушли импозантные попугаи, более крупные, чем самый большой из известных нам попугаев ара, которые жили не на деревьях, а на земле и спали не ночью, а днем; пять видов птицы — водяного пастушка; большой нелетающий баклан (разновидность, родственная галапагосским), а также ярко раскрашенные и очень интересно добывающие нектар птицы-медоеды, напоминающие «гуиас» в Новой Зеландии. Но все-таки для аборигенов самой тяжелой была потеря птицы-пересмешника, которая, как указывалось ранее, составляла основу религии фангуасов. Они верили, что в ней воплотился их бог Тио-Намала, и, следовательно, как сама эта птица, так и ее гнезда и яйца являлись табуированными. Но французы, конечно же, не признавали их таковыми, и вполне естественно, что у большинства фангуасов, видевших, как господа охотятся на пересмешников и подают их на стол в виде самых изысканных кушаний, была поколеблена вера в Тио-Намала, коль скоро он не может обрушить свой гнев на французов, как полагалось бы поступить истинному богу. Тем не менее фангуасы предприняли ряд попыток урезонить французов, закончившихся лишь тем, что несколько вождей туземцев были повешены за дерзость. Тогда аборигены прекратили всякое сопротивление, и в скором времени пересмешники канули в Лету вслед за гигантскими черепахами, оставив фангуасов безутешными.

С виду пересмешники, пожалуй, самое любопытное пернатое из всех обитавших на Зенкали. Эта птица (бытует мнение, что она родственна птице-отшельнику с острова Родригес Маскаренского архипелага) была размером примерно с гуся и имела длинные сильные ноги. У нее был удлинённый, слегка изогнутый клюв (сходный с тем, что у птицы-носорога) и своеобразный большой шлем на голове; у самок он имел скорее вид блюда, размещенного на лбу. Крылья у этой птицы были миниатюрны и не приспособлены для летания, так что она явилась идеальной добычей для французов, поскольку не могла летать и не имела привычки убегать. В эпоху процветания

пересмешники могли поспорить по численности с гигантскими черепахами, но это, к сожалению, не спасло вид от истребления, фангуасы называли птицу Тио-Намала, что означает «Птица бога Тиомала», а французы — пересмешником, так как ее крик весьма напоминает дикий, издевательский смех. Все, что осталось от этой удивительной птицы, — пара чучел в Париже, еще одна пара в Антверпене, пять-шесть чучел самцов в разных музеях мира да с полдюжины скелетов и горстка костей. Одно изящно сделанное чучело самца имеется в музее в Дзамандзаре.

Любопытно, что с исчезновением пересмешников исчезло также дерево омбу. Это странное дерево через неопределенные интервалы времени приносило плоды, которые составляли важную часть рациона пересмешников. В настоящий момент, когда пишутся эти строки, сохранился лишь один экземпляр дерева омбу. Возраст его — не менее трех столетий, находится оно в Ботаническом саду в окрестностях Дзамандзара. Хотя дерево регулярно плодоносит, ни одно из семян не проросло. Похоже, что это дерево — безусловно редчайшее на планете — умрет, не оставив потомства».

Между тем небо стало зеленым и пурпурным, а вода приобрела почти черный оттенок. Питер отложил книгу, выпил еще глоток и залюбовался закатом, но мысль о дереве омбу не давала ему покоя. Он знал, что иные виды животных безвозвратно исчезли с лица земли, но полагал этот процесс естественным — ведь исчезли же, скажем, динозавры, при чем тут человек? Теперь он понял, как был не прав. Странно, но он никогда прежде не думал, что растения и деревья тоже может постичь печальная участь исчезающих видов. В первый раз подобная картина предстала его глазам. Если ты губишь лес, ты губишь и живые создания, обитающие в нем. Но возможен и обратный вариант: если ты истребишь эти существа — ты погубишь и сам лес, который во многих отношениях от них зависит. Он налил себе очередной стакан и продолжил чтение.

«С узкопрактической точки зрения, самым важным из обитающих на Зенкали видов живых существ единодушно признается бабочка амела. Этот своеобразный представитель семейства ястребиных бабочек во многом напоминает европейскую бабочку-колибри. Амела — крупное насекомое с размахом крыльев в четыре дюйма и тяжелым телом. Подобно своей европейской родственнице, она летает с невероятной быстротой. В движении ее крылья сливаются в сплошную массу, что в сочетании с похожими на оперение чешуйками, покрывающими тело, делает ее в полете куда более похожей на птицу, нежели на бабочку. Сходной по внешнему виду с колибри ее делает также необыкновенно длинный хоботок, достигающий четырех дюймов в длину, когда вытянут полностью, и похожий на кривой

Д

птичий клюв. Верхняя половина крыла — серая, густо покрытая черными и золотыми пятнами. Нижняя половина — ярко-красная, словно окрашенная анилиновой краской, с широкой черной каймой. Эта бабочка — единственное на Зенкали насекомое, способное проникать своим хоботком в цветки дерева амела, имеющие форму трубы, и опылять их. Когда стала ясна роль бабочки в благополучии дерева амела, без которого совершенно немыслима экономика острова (см. раздел «Экономика»), использование инсектицидов было запрещено. От этого выиграли и другие виды насекомых, в том числе и вредоносных, но островитянам пришлось с этим смириться».

Следуя совету, Питер открыл раздел экономики — не потому, что испытывал особое пристрастие к этому предмету, а потому, что хотел как можно больше узнать об острове Зенкали. Проникать в тайны зенкалийской экономики ему не пришлось. Тут все было настолько просто, что самый мудрый экономист сломал бы голову, попытавшись внести путаницу. Фактически экономика Зенкали базировалась на единственной культуре — дереве амела.

«Глядя на процессы, протекающие в цивилизованном мире, можно только радоваться, что на Зенкали нет сколько-нибудь ценных минералов и уж тем более нефти. Как следствие, здесь нет и промышленности, если не брать в расчет мелкие предприятия легкой индустрии. Зенкали живет монокультурой. В прошлом неоднократно имели место попытки выращивать на острове сахарный тростник, бананы, ананасы и т. п., но все они провалились. Затем были выявлены необыкновенные достоинства дерева амела, и очень быстро оно стало (и поныне является) единственной культурой, на которой держится экономика острова.

Зенкали имеет счастье располагаться за пределами зоны циклонов и ураганов, и потому здесь очень стабильный климат. В этих условиях амела может прекрасно произрастать и цвести. Как уже сообщалось, это единственное дерево, выдержавшее губительное нашествие европейцев. Нигде в мире оно больше не встречается. Амела самым упорным образом отказывается произрастать в любой другой части света ввиду отсутствия там опыляющих его одноименных бабочек. Таким образом, зенкалийцы обладают монополией на это уникальное дерево, превосходящее по своим достоинствам пальму. Оно достигает 20—25 футов в высоту, диаметр ствола составляет около 20 дюймов. Ствол отличается стройностью и ровностью, а древесина — красотой и прочностью; имеет приятную для глаз медово-желтую окраску. Подобно красному кедру, она устойчива к атакам любых насекомых, даже всеядных термитов. Таким образом, древесина эта очень ценится и как строевая, и для изготовления мебели. Вдобавок дерево отличается необыкновенно быстрым для столь плотной древесины ростом и достигает максимальной высоты в пять лет, хотя древесина семилетних де-

ревьев считается более качественной. Но и этим достоинства амелы не исчерпываются. Ее цветы — длинные, алые, имеющие форму трубы и цветущие гроздьями, — обладают густым, приятным и уникальным ароматом (нечто среднее между розой и гвоздикой), благодаря чему пользуются большим спросом в парфюмерной промышленности как компонент для изготовления духов. Темно-пурпурные плоды, с виду напоминающие землянику, растут тоже гроздьями; из их сока после очистки получается великолепное масло, которое находит применение в самых разнообразных производствах — от точных приборов до косметики. Но и это еще не все: недавно было сделано открытие, что сердцевидный мясистый лист дерева амела, подвергнутый сушке и химической обработке, дает чудодейственный препарат аминиафрон, используемый для приготовления многих лекарственных средств. Таким образом, четыре компонента этого необыкновенного дерева являются для зенкалийцев практически единственным источником дохода, обеспечивающего им надежное с финансовой точки зрения будущее, чем никак не могут похвастаться жители других небольших тропических островов».

Внезапно на палубе, облитой лучами скудеющего света, послышалось чье-то громкое дыхание, и в ноздри Питеру ударил резкий запах чеснока, возвестивший о появлении капитана, который тут же плюхнулся в шезлонг и утистил себя порядочным стаканом виски.

— Сегодня нас ожидает торжественный ужин, мистер Фокстрот, — объявил капитан с чувством глубокого удовлетворения. — Празднество в честь последней ночи пути перед прибытием на Зенкали! Специально по такому случаю — ужин по-гречески! Эх, будем пить и танцевать, а?

— Как танцевать? — с легкой тревогой в голосе спросил Питер, и воображение тут же нарисовало ему мрачную картину: капитан, заключив его в свои медвежьи объятия, вальсирует с ним на шаткой палубе.

— Именно так, танцевать! — твердо сказал капитан Паппас. — Будем танцевать греческие танцы! Я научу тебя танцевать греческие танцы, понятно? Это самые лучшие танцы на свете!

— Спасибо! — сказал Питер, готовый ко всему, в том числе и к предстоящему алкогольно-хореографическому мероприятию.

Впрочем, поводов для разочарования у него не было. Ужин, как и было объявлено, оказался отменным, пришлось это признать. Правда, порции были рассчитаны на крупного мамонта, да к тому же сопровождалась немислимым количеством вина — белого или красного, в зависимости от того, какой деликатес подавался на стол. По завершении пиршества вышли трое матросов-зенкалийцев и под аккомпанемент бузуки — на ней с необыкновенным чувством и рвением играл сам капитан — начали танец, который в глазах неискушенного мог сойти за греческий. Удивительно, как это жир-

Д ные, словно сосиски, пальцы капитана ухитрялись извлекать из инструмента столь сладостные мелодии. И вот уже руки Питера, слегка обалдевшего от вина и дружеского расположения, обвиваются вокруг бронзовой потной шеи улыбающегося зенкалийца, безуспешно пытающегося кружить его по палубе. Звуки бузуки дрожали и стонали, глубокий капитанский бас растекался над залитым лунным светом морем. Наконец, давши клятву вечной дружбы всем зенкалийцам и капитану, Питер поплелся в каюту, что-то напевая себе под нос. Но, раздевшись и растянувшись на койке, он неожиданно подумал о дереве омбу, и его охватило чувство жалости: вот он наслаждается жизнью и общением, а бедному дереву, единственному уцелевшему представителю своего рода, не с кем даже поболтать.

«И не с кем спеть, — с горечью подумал Питер. — И не с кем станцевать. Какая жестокость!»

С досады он швырнул одежду на пол и снова улегся.

— Держись, омбу, держись, старина! — пробормотал он, засыпая. — Питер Флокс, эсквайр, идет тебе на выручку.

В тот момент он и представить себе не мог, насколько был прав.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ЗЕНКАЛИ

К своему удивлению, Питер проснулся в пять утра и не ощущал особого похмелья. Поскольку он был уверен, что Зенкали вот-вот покажется на горизонте, он быстро оделся, умылся и поспешил на нос корабля, дабы не пропустить волнующего мгновения. Воздух был неподвижен и прохладен. На темно-синей и гладкой, словно опал, поверхности моря восседали небольшими стайками морские птицы. Небо было словно присыпано бледно-голубой пудрой и отливало оранжевым с того края, где всходило солнце. По правому борту в нескольких милях от корабля лежал остров Зенкали. В его силуэте четко вырисовывались два близнеца-вулкана, по одному с каждого конца. В утреннем свете весь остров выглядел темно-зеленым; горы и вулканы отбрасывали густо-пурпурные, почти черные тени. Остров был окаймлен белой кромкой прибоя — волны разбивались о коралловый риф, погруженный по пояс в воду, а каждый вулкан красовался в щегольском головном уборе из легких облаков. Словно зачарованный, следил Питер за восходом солнца, под лучами которого краски острова делались все более четкими и блестящими, а поверхность моря рассыпалась миллионами серебристых, как у рыбы, чешуек.

Капитан Паппас появился на мостике, глубоко зевая и почесывая пузо под расстегнутой рубашкой. Его грудь и брюхо были покрыты, словно у косолапого, густой черной шерстью; волосы на голове растрепались и стояли дыбом.

— С добрым утром! — прорычал он Питеру. — Ну, как самочувствие?

— Превосходное, — сказал Питер. — Лучше не бывает.

— А все греческий танец! — заявил капитан, будто рекламировал патентованное лекарство. — Он очень полезен для организма! Ну что, видишь Зенкали, а? Премилый остров, не правда ли? Через два-три часа будем в порту!

— Через два-три часа? — изумился Питер. — А кажется, он так близко!

— Нет, он не так близко, как кажется. Она будет гораздо больше, когда подойдем поближе, — сказал капитан. — Хотите завтракать, мистер Фокстрот? Проголодались, а?

Питер неожиданно почувствовал зверский голод.

— Да, неплохо бы позавтракать, — признался он капитану. — Так есть хочу, что хоть корову проглочу, с рогами, копытами и хвостом!

— Прекрасно, — сказал капитан, в душе содрогаясь от мысли, что на его корабле гость мог почувствовать себя в чем-то ущемленным. — Попроси кока приготовить завтрак, а?

...Через час Питер уже упаковал вещи и снова вышел на нос, чтобы наблюдать, как суденышко пойдет через риф: для всякого, кто не искушен в мореходном деле, проход через риф кажется одновременно волнующим, пугающим и увеселительным мероприятием. Остров, действительно ставший гораздо больше, утопал в лучах мерцающего света и в густой зелени, которая покрывала сушу от кромки моря до горных вершин. Казалось, вся земля устлана редкостным ковром, где на зеленом фоне мерцают золотые, рубиновые, розовые, голубые, желтые цветы и узоры, — только тропики могут порадовать взор таким многоцветьем.

Приближающиеся и все увеличивающиеся пляжи блестели, словно слоновые бивни, а вода, огражденная рифом, была бледно-голубой и настолько прозрачной, что ясно видно было коралловое дно. Сам риф был от двадцати до пятидесяти футов шириною и таился на глубине примерно двух футов под поверхностью моря. Напарываясь на острые, словно бритвы, кораллы, огромные буруны сначала вздымались, а затем рассыпались шипящей, брызжущей пеной. Качаясь, словно на гигантских качелях, «Андромеда-3» бодро неслась вперед параллельно кипящему рифу, держась в то же время на почтительном расстоянии от чего-то подозрительного, напоминающего останки погибшего корабля. Да, нужно отдать должное капитану Паппасу: при всех его недостатках проход в зенкалийском рифе он

Д знал как свои пять пальцев. Он гнал суденышко вдоль самого края, пока они не достигли просвета в длинном волнующемся ковре из пены. Разрыв был не более сотни футов шириной; высокие волны вкатывались в него с пугающим ревом, а затем, уже в черте рифа, рассыпались пеной и сверкающими брызгами. Капитан резко развернул «Андромеду» и на всем ходу вошел в проем. Там они еще немного покачались на голубых мускулах волн и выскользнули на гладкую, сияющую, как алмаз, поверхность лагуны.

— Ну что, понял, какой я классный мореход? — прокричал капитан Паппас с мостика, и лицо его озарила широкая улыбка победителя.

— Еще бы! — крикнул в ответ Питер.

— Все греки — классные мореходы... Самые лучшие мореходы в мире! Ну, еще пять минут — и становимся на якорь, а? — Он помахал Питеру рукой, похожей на окорок, и исчез в крохотной рулевой рубке на палубе.

«Андромеда-3» пересекла чистые воды лагуны и вскоре вошла в Залив пересмешников, на берегу которого раскинулись порт и столица Зенкали — Дзамандзар. Судно обогнуло мыс с импозантным зданием из розового камня на вершине (наверное, это и есть дворец, подумал Питер), и взору путешественника открылись залив и каменные бастионы, охраняющие вход в гавань; позади них по плавно изгибающимся холмам рассыпались пестрые домики города. Домики были из досок, с крышами из пальмовых листьев, но тут и там виднелись более прочные сооружения из коралловых блоков. Каждый дом был выкрашен в свой цвет, так что издали казалось, будто между апилино-красными бутенвидлеями, голубоватыми деревьями жакаранды и кровавыми «огненными» деревьями в цвету кто-то разбросал детские кубики.

Питер был очарован. Увиденное превзошло все его самые смелые мечты. Да, этот город не просто можно назвать городом — им вполне можно гордиться, он не похож ни на один другой в мире! Еще не сойдя на берег, Питер уже почувствовал сердечную привязанность к столице Зенкали, хотя не вдохнул еще его *запахи*, а ведь он по собственному опыту знал, сколь важен *запах* для восприятия любого города, маленького или большого. Впрочем, зрительное впечатление было столь сильно, что никакой запах не мог бы разочаровать его. Между тем «Андромеда-3», со скрежетом и плеском бросив якорь, развернулась и спокойно встала у причала. Теплый ветер донес до Питера запах Зенкали. Это была дурманящая смесь: подобно тому как хитроумный узор персидского ковра соткан из нитей самых восхитительных оттенков, так и аромат Зенкали был соткан из самых замысловатых запахов. Пахло пальмовым и кокосовым маслом, какими-то диковинными цветами, солнечными лучами, высыхающими табачными листьями, древесным углем, ананасами, папайей, манго, лимонами, морской

солью, свежесвыловленной рыбой, печеным хлебом, сточными канавами, ослиным пометом, голубым небом, утренней зарей и многим другим, чего он не успел определить, потому что перед ним на палубе возник рослый лоснящийся зенкалийец. Очевидно, это был кто-то из здешних чиновников, ибо он был облачен в темно-синюю форменную куртку, украшенную белыми аксельбантами, белые шорты, голубые чулки до колен и коричневые башмаки, отполированные до блеска, как и его лицо, а на голове у него красовалась алая феска. В руке он довольно неуклюже держал длинную толую трость, из которой торчал сложенный лист бумаги.

— Приветствую вас, мистер Флокс, приветствую, сэ', — сказал посланник, изящно отдавая честь.

— Спасибо, — сказал очарованный Питер, подняв в ответ руку в знак приветствия. Посланник протянул ему тот конец трости, из которой торчало письмо.

— Здесь для вас грамота, сэ', от масса Ганнибала, сэ', — объяснил посланник.

(А надо сказать, что на языке зенкалийцев «грамотой» называется всякое письменное сообщение или текст, будь то письмо или книга, и письменосцев там называют «грамотеями».)

Питер осторожно извлек послание из трости и развернул его. Это был листок плотной бумаги цвета слоновой кости с текстом, написанным необыкновенно изящным почерком, похожим на тот, каким обыкновенно делают надписи на медных дверных табличках.

— «Дорогой Флокс, — прочел он. — Добро пожаловать! Ни о чем не беспокойтесь. Делайте то, что скажет человек с тростью. Г.».

Посланник взглянул на Питера с широкой улыбкой.

— Масса, пожалуйста, идти за мной, — сказал он. — Мы идти домой к масса Ганнибал, мы ехать в королевской карете. Следом за нами доставить багаж масса.

Удивленный до предела, Питер последовал за человеком с тростью. Сойдя на причал, он увидел, что их ожидают двое рикш — два дюжих зенкалийца, готовых впрячься в оглобли. Питер сел в одну коляску, похожую на бамбуковое кресло на колесах, посланник — в другую, и вот они уже катят с ветерком по улицам города. Достигнув окраины, рикши свернули на широкую, мощенную щебнем дорогу и остановились у длинного низенького дома, приютившегося в роще гигантских баньяновых деревьев, стволы которых напоминали массивные черные свечи, расплавившиеся и слившиеся вместе. Посланник повел Питера по парадной лестнице, затем по широкой веранде, где воздух был напоен ароматами всевозможных цветов, растущих в глиняных горшках каждый размером с ванну, в корзинах,

Д

развешанных по всей веранде. У дверного проема, загороженного двумя массивными японскими ширмами с вырезанными на них затейливыми сценами, посланник остановился и, вынув из кармана серебряный свисток, сыграл на нем короткий, но сложный сигнал приветствия. Пока они ожидали, Питер залюбовался крупными голубыми бабочками, похожими на лоскутки неба, — они то взмывали вверх, то устремлялись вниз, облетая цветы и изредка садясь на них отдохнуть и напиться нектара.

Наконец дверь отворилась, и в проеме показался слуга-зенкалиец, одетый в чересчур накрахмаленную белую униформу и подпоясанный алым поясом. Взглянув на Питера, он слегка поклонился.

— С добрым утром, сэ', мистер Флокс, — сказал он. — Проходите, пожалуйста. Масса вас ожидает.

Он повернулся и повел Питера по длинному коридору, стены которого были увешаны китайскими картинами на шелке, нежно трепетавшими на ветру. Под картинами стояли огромные китайские вазы с величественными орхидеями, чьи тонкие линии и краски по изяществу соперничали с живописью. Слуга остановился у двери, почтительно постучал и склонил голову, прислушиваясь.

— Ступай прочь, — прорычал изнутри страшный голос. — Ступай прочь, безграмотная бестия... Убери свою поганую тушу подальше от сего обиталища скорби и печали и не являй больше перед моими очами своей жалкой черномазой троглодитской рожи!..

— Это масса Ганнибал, — сказал слуга с видимой гордостью. Очевидно, его не пугали ни грозный голос, ни дикие распоряжения. Приоткрыв чуть скрипнувшую дверь, он просунул туда голову.

— Ступай прочь... СТУПАЙ ПРОЧЬ!!! — прорычал все тот же голос. — Ступай прочь, сопливый недоносок! Не смей вилять хвостом передо мною, твоя вина неизгладима! Твое счастье, что я добр и благороден, иначе я давно бы упек тебя на двадцать лет на каторгу за покушение на убийство! И сам ты ублюдок, и все вы ублюдки!

— Неужели это Ганнибал Олифант так изощряется? — изумился Питер.

Слуга терпеливо дождался, пока голос хоть ненадолго смолкнет, и произнес:

— Простите, сэ', к вам пожаловал мистер Флокс.

Последовала краткая пауза, после чего голос снова заревел:

— Все равно ступай прочь, черномазый неуч! Я сам позову господина гостя, слышишь?

Слуга толчком отворил дверь и впустил Питера в просторную, футов шестьдесят на тридцать, роскошную комнату с невиданно высокими потолками, под которыми лениво гоняли воздух вентиляторы с лопастями, похо-

жими на мельничные крылья. Полированный паркет был устлан множеством пестрых персидских ковров, очевидно достойных того, чтобы выкупать ими королей из плена. Мебель была по преимуществу кашмирская, из темных пород дерева, покрытая затейливой резьбой; на всех диванах и стульях горами лежали подушки, обитые пестрыми тайландскими шелками. Стены были увешаны диковинными масками, великолепными картинами импрессионистов, китайскими шелковыми свитками, тибетскими колесами для молитвы, старинными болванчиками, копьями и щитами, а вдоль них стояли застекленные шкафы с резными фигурками из слоновой кости, изящной посудой и книгами в разноцветных переплетах; книги также стопками громоздились на полу. В одном конце комнаты стоял большой письменный стол, заваленный кипами бумаг, журналов и оттисков научных изданий, готовыми вот-вот рухнуть на пол. В одной из стен было пять французских окон, выходивших на веранду, за которой раскинулись зеленые ковры лужаек и красочные гобелены цветущих кустарников, спускавшиеся к овалному, выложенному терракотовыми плитками бассейну. В центре бассейна красовался, отливая на солнце серебром, восемнадцатифутовый фонтан, по форме напоминавший королевскую лилию.

У одного из отворенных окон стояло резное кресло-качалка из бледно-янтарного дерева, с ручками в виде павлинов, распутившиеся хвосты которых образовывали большую веерообразную спинку. В этом умопомрачительном кресле, утопая в груде пестрых шелковых подушек, возлежал сам Ганнибал Губерт Гильдебрандт Олифант, занимавший высокий пост политического советника короля и правительства Зенкали. Одет он был в белую хлопчатобумажную рубашку с широкими рукавами, подпоясанную блестящей батиковой тканью, на ногах — расшитые красным и золотым яванские туфли с загнутыми сверху носами. Это был коротышка с широким торсом, чью массивную голову венчала грива серебристо-серых волос. Под орлиным носом располагался большой подвижный, чувственный рот с презрительно опущенными уголками, а из-под пушистых бровей выглядывали блестящие, черные, как у цыгана, глазки, полные такой самонадеянности, что трудно было сдержать смех. При встрече с ним вам начинало казаться, будто посреди холодной ночи вас обдало жарким пламенем костра. Рядом с человечком стоял стол, на котором возвышались бутылки и серебряное ведро со льдом, а вокруг кресла расположились любимцы хозяина — бульдог, далматинский дог, ирландская овчарка, два пекинеса, четыре королевских спаниеля и гигантский тибетский мастифф — столь колоссальный, что Питеру сначала показалось, будто это ручной медведь.

Среди собак на большой подушке абрикосового цвета сидела, поджав колени, одна из прекраснейших девушек, каких когда-либо видел Питер.

Обладая приятной наружностью и не будучи обделен природным обаянием, Питер в свои двадцать восемь лет не испытывал недостатка в женском внимании, но от взгляда на эту милую стройную красавицу у него перехватило дыхание. Ее нежная, как у персика, кожа была обожжена солнцем до цвета полированной бронзы; темные волосы, заколотые золотой булавкой, ниспадали до пояса, слегка волнуясь, словно воды реки, залитой лунным светом. У нее был маленький, слегка курносый носик с мелкими крапинками веснушек, а ротик как бы создан самой природой для доброго смеха. Но больше всего запоминались ее большие миндалевидные глаза: подчеркнутые снизу высокими скулами и окаймленные сверху темными, будто выписанными бровями, они были густого дымчато-голубого, почти фиолетового цвета, а крохотные черные пятнышки, казалось, еще увеличивали их в размере. «Теперь самое важное, — подумал Питер, — это выяснить, не замужем ли она за каким-нибудь потным мужичком-дебилом, который не стоит ее левого мизинца, и не скрывается ли за ее неземной красотой голос базарной торговки или, не ровен час, дурной запах изо рта». Внезапно насмешливый голос Ганнибала Олифанта вывел его из состояния транса:

— Ну что, так и будешь стоять как полоумный идиот? Да, мисс Дэмиэн неотразима, я с тобой согласен. Но, может, ты и мне соизволишь уделить хоть толику внимания, а? Чего застыл как вкопанный? Подойди сюда, не стесняйся! Что я, должен рвать себе голосовые связки, чтобы докричаться до тебя?

Собрав в кулак всю силу воли, Питер сдвинулся с места и поплелся через комнату туда, где медленно покачивалось кресло-качалка.

— Итак, — сказал Ганнибал Олифант, выбросив вперед левую руку, чтобы раскататься (правая у него покоилась на батике, обертывавшем талию), — вы есть Флокс, так надо понимать? Племянник сэра Осберта?

То, как Ганнибал врасяжку произнес имя его дядюшки, несколько насторожило Питера. Он вспомнил убийственное определение, данное Ганнибалу сэром Осбертом, — «этот ополоумевший Олифант», и решил держать ухо востро.

— Да, сэр, — сказал он. — Думаю, в этом нет ничего для вас неприятного.

Ганнибал бросил на гостя острый взгляд, а затем заморгал глазами.

— Зови меня просто — Ганнибал, — приказал он. — Здесь меня все так зовут.

— Да, сэр, — сказал Питер.

— Сядь, сядь. Одри, подай гостю выпить, — сказал Ганнибал, устраиваясь поудобнее на своих подушках.

Девушка встала и намешала Питеру рома с кока-колой. Она протянула ему напиток с такой восхитительной улыбкой, что бедняга чуть не выронил

стакан. Ганнибал, плавно покачиваясь в кресле, смотрел на эту сцену с язвительной улыбкой.

— Ну, — сказал он, потягивая свой напиток, — так за каким же чертом сэр Осберт, прах его побери, прислал тебя сюда?

Питер был не на шутку удивлен.

— Как «зачем»? На помощь вам, — сказал он. — Я так понял, что вы просили прислать вам помощника.

Ганнибал поднял брови, похожие на растрепанные белые флаги.

— Вот как? — возмутился он. — Как вы считаете, Одри, разве я похож на человека, которому нужна помощь?

— А вы что, уже забыли? — уколола его Одри, и Питер с радостью отметил ее легкий ирландский акцент.

— Ах да! — сказал Ганнибал и помахал Питеру своей забинтованной рукой. — Видишь ли, у нас тут действует идиотский указ, запрещающий применять любые инсектициды. Вот и ринулись на наш остров тучи вредоносных тварей — чувствуют, что здесь они в безопасности, и не жалеют сил, чтобы завоевать нас. Ей-богу, такому сюжету обрадовался бы сам Герберт Уэллс! Вот только нынче утром сюда ворвался огромный-преогромный шершень — полосатый, точно беглый каторжник в арестантской робе, — и собирался меня убить. Я мигом кликнул слугу, чтобы тот защитил своего господина, а он возьми теннисную ракетку да и пошли эту тварь метким ударом прямо мне в грудь! Ну, не пещерный житель, а? Опасаясь, что он прокусит меня до самого сердца, я стал отрывать его от себя, и в результате он всадил мне в руку жало размером с гарпун! Хорошо, Одри была тут — она немножко умеет оказывать первую помощь. Не будь ее — пришлось бы оттяпать руку по самый локоть!

— Да не обращайтесь вы внимания на этого Ганнибала, — сказала девушка, взяв на руки одного из пекинесов и так ласково прижав его к груди, что он заурчал от удовольствия. — Он принадлежит к числу самых несносных людей на всем острове и виртуозно владеет искусством делать из мухи слона.

— Да, этим ирландским мужланкам не откажешь в умении язвить, — произнес Ганнибал и скорбно посмотрел на девушку. Затем его взгляд переместился на Питера. — Ну, рассказывай все без утайки, — начал он. — Твой надоедливый дядюшка послал тебя шпионить за нами?

— Да что вы, — перебил Питер, — разве я похож на шпиона? Если бы мой дядюшка попросил меня об этом, я наотрез отказался бы ехать.

— Ну ладно, ладно, не обижайся, — примирительно сказал Ганнибал, — просто твой дядюшка посылал мне «в помощники» уже троих. Как только я узнавал, чем они тут занимаются, я тут же приказывал им складывать манатки и убираться с острова!

Д

За этой репликой последовала пауза.

— Он прав, — мягко сказала Одри.

Питер взглянул на нее и вздохнул.

— Да я и сам знаю, — попробовал возразить он, — что мой дядюшка старый, законченный ублюдок, но, уверяю вас, я не являюсь его человеком и даже не разделяю его взгляды.

Ганнибал ухмыльнулся в ответ:

— Пойми меня правильно, мальчик. Твой дядюшка ненавидит черномазых. А я обожаю черномазых.

Питер живо вспомнил, какой поток красноречия Ганнибал обрушил на голову слуги-зенкалийца и с какой невозмутимостью тот все это проглотил. Очевидно, у Ганнибала действительно была какая-то особая любовь к черномазым.

— Ну, — умиротворенно сказал Ганнибал, — считай, что разговора об этом между нами не было. Теперь можем поговорить спокойно. Скажи: ты хоть раз серьезно задумывался, почему тебя так тянет сюда, в эту богом забытую, дурно управляемую, кишашую черномазыми дыру?

— Да, — сказал Питер. — У меня есть друг Гюго Шартри. Он провел здесь месяц и, приехав обратно, расписал мне это место как уголок тропического рая. Да я и сам убедился в этом! Если бы я не знал, что все это — правда, я бы думал, что это сон.

— Милый ты мой, — скорбно сказал Ганнибал. — Я тебя понимаю! Я, как и ты, мечтал о райском уголке, всю жизнь провел в поисках земного эдема, а что в итоге? А в итоге кончаю в этой богом забытой яме, замурованный, как бабочка в куске янтаря; сколько лет я тут, я уж и не припомню.

— Все это *фигня*, и ты прекрасно знаешь, что все это *фигня*, — с улыбкой сказала Одри.

— *Фигня*?! — переспросил Ганнибал. — Да кто тебя... Да где ты научилась всем этим выражениям?! И что это такое — *фигня*?!

— У вас же и научилась, — посмеиваясь, парировала Одри. — А значит это только то, что вы обожаете это место и всех, кто тут живет, и ни за какие деньги отсюда не уедете.

— Вот именно — ни за какие деньги... Сиди, прозябай тут, бейся как рыба об лед, и все равно не свести концы с концами! — сказал Ганнибал, окинув взглядом необъятную комнату.

— Так что же здесь вызывает ваше недовольство? — поинтересовался Питер, готовый принять слова Ганнибала за чистую монету.

— Все, — врасляжку произнес Ганнибал.

— Что за чушь! Да не слушайте вы его, — сказала Одри. — Богат, как Крез, да к тому же имеет возможность бить баклуши, вот и сует свой нос

во все интриги и козни, что здесь плетутся и затеваются! Да еще жалуется на все на свете! Вот когда *перестает* жаловаться на все на свете — тут уж пора бить тревогу...

— Ах, эти неблагодарные!.. У тебя волосы дыбом встанут, когда поймешь, с чем я здесь сталкиваюсь, — сердито сказал Ганнибал. — Уверяю, милый мой юноша, если есть где-то девятый круг Дантова ада — да что там круг ада, истинный конец света! — так это Зенкали. Туземцы все, как один, по-прежнему живут в пещерном веке, а самые умные из обитающих здесь европейцев лишь на ступеньку выше форменных кретинов. Умоляю, не пытайся искать здесь каких-либо признаков культуры! Это место стимулирует разум не лучше, чем Хайгейтское кладбище, разве что населения тут раза в два побольше!

— Что ж, — сказал Питер. — Если мне тут работать, нужно быть готовым к самому худшему. Прежде всего — что бы вы пожелали, чтобы я здесь делал?

— Да ничего особенного, — уныло сказал Ганнибал. Он встал, наполнил стакан и стал расхаживать по комнате, временами останавливаясь, чтобы почесать носком туфли ту или иную дремлющую собаку. — Прежде всего я представлю тебя Кинги, а затем повезу в Дом правительства на свидание с Его Превосходительством. Все, что от тебя требуется, — быть с ними повежливей. Может, кто из них сначала и посмотрит на тебя косо, но как только убедятся, что ты не о четырех глазах и не собираешься следить за ними, — по гроб жизни станешь им мил. Не бойся: они и мухи обидеть не способны. А вот ситуация на острове вовсе не такая безобидная...

Он снова сел в качалку и, нахмурившись, принялся раскачиваться. Потом возобновил свой монолог:

— Зенкали собирается получить самоуправление. Другого пути нет — этой идеей загорелось слишком много людей, ничто не остановит их, да это и не нужно. Впрочем, до недавнего времени у них и было самоуправление, каждый делал, что ему нравится: кто хочет — на улице кувыркается, кто хочет — на голове ходит, а я сижу себе в кресле, ноги на стол, изредка даю советы, если кто спрашивает, да жду скончания века... И вдруг несколько месяцев назад все кончилось: какой-то идиот пробрался в Уайтхолл и выдвинул идею строительства аэродрома. Ты что-нибудь слышал об этом?

— Только от капитана Паппаса, — сказал Питер. — Рассказывал, что вся эта затея замешана на мошенничестве.

— Похоже на то, — фыркнул Ганнибал. — Подумать только, столько лет они считали Зенкали абсолютно бесполезным, и вдруг на тебе: оказывается, это стратегически важная точка! Они хотят соорудить этот чертов аэродром, отчаянно пытаясь вытурить русских из Индийского океана.

Ха-ха-ха, ну не смешно ли?! Милые вы мои мальчики в военной форме, где вы раньше были, поезд-то уже ушел! Ну какой олух запирает конюшню, когда кобыла уже... тью-тью, поминай как звали! Да и я лично не склонен считать, что аэродром и все с ним связанное пойдут во благо острову.

— Вы без конца талдычите одно и то же, но ни разу не объяснили *почему*, — вмешалась Одри.

— Да кому тут объяснишь... Только пикни — сразу причислят к брюзжащим мракобесам, враждебным переменам и прогрессу! Ну не такой я, не такой, понимаете! По-моему, во всем мире слишком много лицемерят, говорят о «прогрессе», а надо бы, чтобы побольше людей посидело и подумало, не является ли в большинстве случаев «прогресс» самым банальным отступлением. Взять хотя бы наш случай! Пусть весь остальной мир ненадолго отложит свои дела и задумается над уникальным положением Зенкали. Я не ошибся! Зенкали — *действительно* уникальное место! Скажите мне по совести, где вы еще найдете страну с такими преимуществами? Во-первых, место настолько удаленное от путей-дорог, что до недавнего времени никому до него не было дела. Во-вторых, никаких достойных внимания расовых проблем! А если фангуасы и гинка иной раз и возьмутся за копья, так это не всерьез, а понарошку, чтобы потешить мужскую гордость! В-третьих, у нас, к счастью, нет ни минералов, ни нефти, а значит, мы не представляем интереса ни для одной крупной державы, которая в противном случае прибрала бы нас к рукам. В-четвертых, у нас полная занятость, не считая, конечно, хронических алкоголиков да старых маразматиков, не способных к труду. В-пятых, у нас нет тяжелой промышленности и почти нет легкой, а потому ничто не отвлекает людей от матушки-земли. В основе нашего общества по-прежнему лежит сельскохозяйственное производство, которое не только полностью обеспечивает нас продуктами (за одним-двумя незначительными исключениями), но и позволяет продавать кое-что на экспорт. В-шестых, и это самое главное, бог послал нам — нам одним! — дерево амела, из которого проистекает все благополучие острова.

Ганнибал снова встал с кресла-качалки и принялся беспокойно ходить взад-вперед по комнате. Наконец он остановился и залпом выпил стакан, поставив одну ногу на могучую спину тибетского мастиффа.

— Так что заруби себе на носу, юноша! Единственная по-настоящему ценная вещь на этом острове — дерево амела! От его экспорта мы получаем большие прибыли, позволяющие Зенкали поддерживать положительное торговое сальдо и обеспечивающие каждому зенкалийцу курицу в супе, как говаривал Людовик XIV. Благодаря этому замечательному дереву мы почти не знаем, что такое подоходный налог, да и пошлины на импорт являются чисто символическими. Из года в год экспорт дерева позволяет поддерживать наш бюджет на чрезвычайно выгодном для островитян уровне.

— Все это правильно, — сказал Питер, осмелевший после второго стакана. — Но так ли уж мудро, чтобы будущее острова зависело от одной-единственной культуры?

— А почему бы и нет? — в свою очередь спросил Ганнибал. — Возьми Маврикий. Он почти полностью зависит от сахарного тростника. Один циклон — и вся экономика острова псу под хвост. А здесь не бывает циклонов, и даже если Земля начнет вращаться в другую сторону, у нас их все равно не будет. Вот почему я считаю этот остров уникальным. Не лезьте в его дела, и он будет жить припеваючи! Но если мы допустим, что этот идиотский аэродром будет построен, то ничего, кроме всеобщего несчастья, нас не ждет.

— Ну так объясните почему! — настаивала Одри. — Вы что-то все увеливаете от объяснений.

— Так вот слушай, деточка, — сказал Ганнибал. — Если ты думаешь, что это будет тихий, мирный аэродром, с которого будет очень удобно гонять по выходным за покупками в Джакарту, то ты ошибаешься. Это будет крупное военное сооружение. Чтобы построить этот чертов аэропорт, для начала потребуется соорудить каскад мощных электростанций. Как только у нас появится мощный источник электроэнергии, сюда тут же потянется промышленность. А куда хищный промышленник запустит свою лапу, там разорение и нужда, ясно тебе? Далее. Работников комплекса нужно снабжать. Как же они собираются это делать? Взорвать риф, чтобы в образовавшуюся дыру могли проходить крупные суда и становиться здесь на якорь. Так в одну ночь мы становимся укрепрайоном вроде Плимута, с крупным аэродромом, полным истребителей, а значит, случись какой конфликт — и мы немедленно становимся мишенью для врага. Кроме того, представь себе пять-шесть тысяч изнывающих от скуки бравых летчиков и моряков: ты понимаешь, что это значит? Нет, я решительно против этой затеи! Всеми печенками, всеми фибрами души! Но боюсь, меня никто не послушает! А уж теперь, когда этот проходимец Лужа протянул к пирогу свои жирные пальчики, я опасаюсь и думать о последствиях.

— Правда ли, что он прибрал к рукам единственную долину, где можно построить электростанции? — спросил Питер.

— Боюсь, что так, — угрюмо сказал Ганнибал. — Чего теперь говорить, я сам во всем виноват! Я так увлекся, объясняя Кинги, насколько опасна затея со строительством аэропорта, что не позаботился о многих других важных вещах. Я должен был бы убедить Кинги ввести эмбарго на продажу земель, по крайней мере пока мы не придем к определенному решению, но только я собирался это сделать, как появился этот отъявленный мошенник Лужа со своими спекулятивными доводами. Ну и, конечно, ску-

Дпил долину за понюшку табаку. А что поделаешь? Никто другой не хотел покупать ее. Эти чертовы долины никак нельзя использовать — хотя бы потому, что до них очень трудно добраться. Так Лужа и скупил эти земли за бесценок. Вот увидишь, это еще приведет к большой склоке!

— Почему? — спросил Питер. — Я имею в виду, что, кроме очевидных причин, есть еще какие-то?

— Видишь ли, Флокс, в чем дело... Как тебе, должно быть, известно, между племенами гинка и фангуасов есть некоторые трения. Наш дорогой Лужа из фангуасов, а земли он купил у вождя гинка Гоусы Маналовоба. Вполне естественно, когда старина Гоуса — сам порядочный плут, надо отдать ему должное! — обнаружит, что Лужа надул его на несколько сот тысяч фунтов, он с этим не смирится. Конечно, сделай это кто-то другой, он тоже был бы не в восторге, но Лужа — особая статья. Если бы мы провели опрос общественного мнения, кто самая непопулярная фигура на Зенкали, то и фангуасы, и гинка единодушно назвали бы имя Лужи. Он всем настолько омерзителен, что от него шарахаются, как от целой колонии прокаженных. Большинство зенкалийцев — а то и все — согласятся со мной, что его надо было задушить подушкой в колыбели.

— Капитан Паппас рассказывал, что он получил огромную взятку от строительной фирмы, чтобы строительство поручили именно ей, — сказал Питер. — Это действительно так?

— Очень на него похоже, — сказал Ганнибал. — Правда, это самые последние слухи, так что никто еще ничего не проверял. А если и проверят — не исключено, что он выкрутится! Этот Иудушка Искарriot сумеет представить себя святым Франциском Ассизским.

— Так почему же он министр развития, раз он такой плут? — спросил Питер.

— С легкой руки Кинги, — хмуро сказал Ганнибал. — Он как монарх имеет огромное влияние в сфере политических манипуляций и иногда позволяет себе такие вещи, что у меня волосы дыбом становятся. Когда он, надо сказать — ко всеобщему ужасу, назначил Лужу министром, я спросил его, почему он так поступил; он ответил, что самых отъявленных жуликов лучше держать в поле зрения и давать им достаточно хлебные должности — пусть не слишком сокрушаются, что им пришлось немного поступиться своей нелегальной деятельностью. Надо отдать должное Луже: до последнего времени он не слишком вылезал за рамки приличия, но боюсь, шанс сделаться миллионером стал для него слишком большим искушением. Предвидя бурные денечки, я предупредил об этом Кинги, но он и слушать не захотел. Похоже, он почему-то считает, что аэропорт и все с ним связанное пойдут на благо Зенкали и что его долг — осчастливить родной на-

род. Знаешь, порой он слишком серьезно воспринимает свою роль и, как следствие, делает ошибку за ошибкой.

— Но еще хуже, когда он стремится продемонстрировать всем свое чувство юмора, — сказала Одри. — Помнишь, сколько шуму он наделал, введя институт мальчиков-грамотеев?

— Мальчиков-грамотеев... Это еще кто такие? — спросил заинтригованный Питер.

— Один грамотей привез тебя сюда, — сказал Ганнибал. — Мальчики-грамотеи — это своего рода королевские курьеры. Все началось с того, что Кинги начитался книг о первопроходцах Африки — Стэнли, Ливингстоне и им подобных. Он узнал, что эти люди переняли у африканцев обычай посылать друг другу вести, пряча их в специальных полых тростях, загорелся этой идеей и ввел институт курьеров с тростями для переноски сообщений и сопровождения гостей. А так как на здешнем жаргоне любой текст — будь то письмо или книга — называется грамотой, их и называли «мальчики-грамотеи Кинги». Более образованные зенкалийцы в лежку лежали от смеха: они сказали, что это возвращение в каменный век и что в глазах других народов зенкалийцы станут посмешищем. На это Кинги тут же дал ответ, по-моему, не лишенный остроумия. Он сказал, что европейцы всегда свысока поглядывали на «цветных»: мол, те даже порох не смогли выдумать; ну и что, что мы порох не выдумали, зато мы выдумали полую трость для переноски сообщений! Надо гордиться нашим наследием, а не стыдиться его!

— Может, вам, со стороны, Кинги и покажется остроумным, —插вила Одри, — только для кого как. Вот, например, позавчера племя гинка высказало недовольство по поводу налога на землю, так Кинги предложил возродить каннибализм и съедать тех, кто уклоняется от уплаты. У меня прямо кровь закипела, когда я это услышала.

Одри запροкинула головку и залилась звонким смехом.

— Так как же вы на это отреагировали? — заинтересовался Питер.

— О, это непростая история! — ответил Ганнибал, взяв на руки одного из спаниелей и поцеловав его в нос. — Надо знать, как подойти к Кинги... Он любит бахвалиться своей прогрессивностью, вот и нужно было этим воспользоваться. Я, конечно, отлично понимал, что это шутка, но остальные-то приняли все за чистую монету! Видели бы вы, что творилось в Доме правительства! Кавардак — слишком мягко сказано... Его Превосходительство чуть не окотился, словно кошка... Ну что ж, я отправился во дворец, облачившись в одежду чиновника из управления колониями...

Он сунул большой палец под воображаемый жилет, нацепил на нос воображаемое пенсне, перешел на высокий раздраженный тон, каким мог го-

Д

ворить только уроженец окрестных с Лондоном графств, к тому же получивший образование в самых лучших колледжах и университетах.

— Дела, — пропищал он, — совершенно вышли из-под контроля, дикари совсем отбились от рук. Представляешь, как это происходит в забытых богом уголках, подобных нашему? Вот-вот, булыжник — оружие негритоса... Один черномазый преклонных лет и тот вошел во вкус и так размахался серпом, что чуть было не отхватил себе руку и кое-что еще! В общем, почти как восстание сипаев в Индии, только масштаб не тот... Короче, Кинги принялся метать громы и молнии — конечно, в той мере, в какой это может позволить себе гигант его масштаба — и угрожал возродить каннибализм. Что ж, я решил преподать заигравшемуся владыке урок этики. Ну хорошо, можешь застрелить своего противника в честном поединке. Можешь даже подсыпать ему в кружку с пивом хорошую порцию слабительного, если представится такая возможность. Но *кушать* противника в саду под бананом?! Как неэтично! Как не по-английски!

Ганнибал откинул голову и от души посмеялся над своим богатым воображением. Он гордился как ребенок столь замечательно сыгранным представлением, а смех его был настолько заразителен, что Питер почувствовал, что тоже смеется — над Ганнибалом и вместе с ним. Впрочем, ситуация еще раз напомнила Питеру о необходимости быть бдительным. Личность Ганнибала была неуловимой, как ртуть, и часто трудно было понять, говорит ли он всерьез или исторгает очередной поток риторики, что, следовало думать, доставляло ему огромное наслаждение.

— Ну и как Кинги воспринял это? — усмехнулась Одри.

— Ему понравилось, — ответил довольный Ганнибал. — Сказал, что с тех пор, как он закончил Итон, никто не рисовал ему лучшего образа создателя Империи.

— А от идеи каннибализма он все-таки отказался? — спросил Питер.

— Да... С неохотой, но согласился со мною. По-моему, единственное, почему он об этом вспомнил, так это потому, что нашел рецепт, доставшийся ему от прапрабабушки, которая, судя по всему, была Джеком Потрошителем в юбке... Если, конечно, она носила юбку... Начинается как-то так: «Возьмите пять штук поверженных вами противников, желательно еще тепленьких, на десять пенсов перцу, десять гроздей бананов для соуса... Доведите до кипения при непрерывном помешивании, после чего дайте соусу отстояться и подавайте на стол». Когда я объяснил ему, что это будет самое настоящее человекоубийство, он возразил: мол, трупов как вещественных доказательств не останется, следовательно, нет и состава преступления! Да, иногда он бывает просто невыносим!

— Так что ж, все закончилось благополучно? — спросила Одри.

— Вроде да, — сказал Ганнибал. — Старый плут посмеялся от души. Но как бы эта блажь снова не взбрела ему в голову: по-моему, она превратилась у него в навязчивую идею. Боюсь, когда он получит самоуправление, первое, что он сделает, — Декретом № 1 введет каннибализм, хотя бы с целью держать Дом правительства в вечном трепете. Кинги любит губернатора, но еще больше любит, когда тот дрожит от страха. Главное — бедняга здорово обижается на шутки, но, как только ты с ним познакомишься, тебе самому захочется его поддеть. Так что, по моему мнению, не стоит слишком винить короля.

— Ну так отправляйтесь же во дворец, коли намереваетесь, — сказала Одри.

— Тсс! Не сбивай меня, женщина! — вспыхнул Ганнибал. — Где же этот негодник людоед?.. Могила!.. Мо-гила!.. МОГИЛА!!! Ах, вот ты где!

Могила, услышав свое имя, появился среди предметов мебели столь же внезапно, как джинн из бутылки.

— Масса звать меня?

— Да, да, — сказал Ганнибал. — Я и масса Флокс сейчас поедem в Королевский дворец, понял? Приготовь королевские кареты, да поживей!

— Слушаюсь, сэ', — сказал Могила и исчез.

— Ну что ж, милый юноша, — сказал Ганнибал, зажигая длинную тонкую сигару. — В путь! Так, а где моя шляпа? Эти олухи вечно прячут мои вещи... Ах, вот она!

Он извлек из-под кресла большой потрепанный викторианский тропический шлем и увенчал им свою седую гриву.

— Ко мне, мои милые собачки! — внезапно проревел он. — Добрый дядюшка Ганнибал берет вас на легкую прогулочку!

Вся собачья свора мигom вскочила и со звонким лаем окружила хозяина — добрый дядюшка Ганнибал казался островом в море виляющих хвостов.

— Какие у тебя планы на завтра, Одри? — спросил Ганнибал, сиюсь перекричать собачий лай.

— Да вроде никаких, — с удивлением ответила та. — А что?

— Сделай одолжение, — серьезным тоном сказал Ганнибал. — У меня работы выше головы. Поручаю тебе на завтра мистера Флокса... Покажи ему интересные места на острове... Новичку все будет любопытно... Ну, в общем, не мне тебе объяснять... К тому же юноше будет приятно, что ему уделяет внимание такая девушка.

— Но... — с сомнением начала она, — я не знаю, хочет ли этого Питер.

— Еще бы, еще бы! Спасибо! — выпалил Питер, пока кто-нибудь из двоих не передумал. — Я не смел и мечтать об этом! И обещаю не задавать слишком много дурацких вопросов!

— Могу я быть уверена, что вы не позволите себе лишнего? — спросила Одри.

— Конечно, не сомневайтесь! Я рад возможности побывать на экскурсии в новом для меня месте, — с улыбкой сказал Питер, — и уверен, что никто другой не покажет мне остров и не введет меня в курс дела лучше, чем вы.

— Не знаю, оправдаю ли я ваши надежды, — сказала Одри. — Итак, завтра в восемь утра, подойдет?

— Превосходно! — сказал Питер.

Сопровождаемый собачьей сворой, Ганнибал двинулся по залу и спустился по ступенькам, ведущим на веранду. Внизу уже ждали рикши — два мускулистых зенкалийца.

— Едем в Королевский дворец, — распорядился Ганнибал и сел в одну из тележек. — Быстро-быстро, а то масса убьет вас.

— Поняли, поняли, — с улыбкой ответили юноши.

Питер тоже сел в тележку, и оба экипажа тронулись в путь. У колес, с пыхтеньем и тявканьем, бежали собаки, за исключением далматинского дога, который ехал вместе с Ганнибалом. Оба зенкалийца так сработались, что тележки плавно бежали корпус в корпус, словно были соединены вместе.

— А почему их называют «королевские кареты»? — спросил Питер.

— Видишь ли, это единственный вид транспорта, разрешенный в черте города, — объяснил Ганнибал. — Правда, неплохо? Обеспечивает занятость, дешев в эксплуатации, более или менее бесшумный и никаких тебе выхлопных газов.

— А что ж, прекрасная идея! — одобрил Питер. — Куда лучше, чем все эти пыхтелки-тархтелки.

— Именно так, — сказал Ганнибал, — только тут вот еще какая штука: они все принадлежат королю. Он ввел здесь этот вид транспорта и обладает монополией на производство тележек, а его дядюшка управляет фабрикой, где их делают. Всем этим юношам приходится платить королю аренду — прости за такое выражение. Их называют королевскими перевозчиками, и это занятие, как и занятие грамотеев, считается почетным, поскольку ему покровительствует сам король. Этим молодым людям, прежде чем получить королевскую карету, нужно выдержать строжайший экзамен — за рекордное время отвезти под палящими лучами солнца на расстояние в три мили пятидесятикилограммовый мешок картошки или другого овоща, а после этого взять быка за рога и побороть. Право, по сравнению с этим экзамен на получение водительских прав в Англии кажется невинной шалостью.

Королевские перевозчики пустились во весь опор, и тележки, шурша колесами по красной дорожной пыли, легко бежали по окрестностям сто-

лицы. С левой стороны, сквозь рощицы «огненных» деревьев, корни которых утопали в алых лужицах из лепестков, Питеру открылись голубые недвижные воды лагуны, а вддали, словно развевающаяся на ветру гирлянда белых цветов, кипела морская пена, обозначая, где проходит риф. Справа тянулась цепь плавно переходивших один в другой холмов, усеянных, словно веснушками, пестрыми домишками; каждый домик был окружен садиком с аккуратной оградой из бамбука. В этих крохотных садиках росли кокосовые пальмы, сахарный тростник, распушившиеся, словно птичьи хвосты, кусты маниоки, огромные блестящие листья сладкого картофеля, и повсюду — огромные хлебные деревья, готовые щедро одарить путника своей тенью. Козы, привязанные к деревьям, недобро глядели на проезжавших и раздраженно блеяли, а целые орды цыплят, гусят и индюшат, прервав свое безмятежное купание в дорожной пыли, с писком вырывались из-под колес, хлопая крыльями, и скрывались под защитой кустов.

— А славная девушка эта Одри! — задумчиво сказал Ганнибал.

— Восхитительная! — поддержал Питер. — Удивляюсь, что она до сих пор не замужем.

— Чересчур много трезвого расчета и ирландского упрямства, — заметил Ганнибал. — И то сказать: здесь не найдется никого, достойного ее руки. Кроме меня, конечно, но она слишком благоразумна и меня избегает... — Тут Ганнибал захихикал. — Ее отец — самый настоящий сумасшедший ирландец. Он заведует редакцией местной газеты «Голос Зенкали», прославившейся своими скандальными передовицами и таким количеством ошибок и опечаток на каждой странице, каким не грешило ни одно издание со времен первого выхода в свет «Кентерберийских рассказов». Вот только позавчера во всю первую полосу был напечатан портрет нашего доблестного короля, подстрелившего на охоте огромную-преогромную дикую свинью, со следующей подписью: «Миссис Амазуга, которой сегодня исполняется сто пять лет, с сыном». А на второй полосе — фотография этой несчастной леди (на которую очень кокетливо поглядывает стоящий рядом с ней мужчина) и подпись: «Бесстрашный охотник и на сей раз не остался без добычи». Ну, каково? Вполне достаточно, чтобы бедняжку хватило два инфаркта подряд и она уж точно не дотянула бы до сто шестой годовщины! Чего греха таить — этот полоумный старина Дэмиэн постоянно шокирует нас подобными ляпами... Недавно он печатал рекламу заведению «Мамаша Кэри и ее курочки». Должно было быть: «Льготная продажа всевозможных напитков. Фирма истинных женщин «Мамаша Кэри и ее курочки». При верстке из набора почему-то выпало «всевозможных напитков. Фирма»... Впрочем, это и без рекламы ясно.

Питер чуть не до слез смеялся, когда слушал это.

— А что же, Одри помогает ему? — спросил он.

Д — И да, и нет. Пытается отучить его пить — пусть лучше кушает больше да просматривает корректуру, чтобы ошибок было поменьше. Но в условиях, когда редактор — ирландец, а метранпаж и все сотрудники — зенкалийцы, этот труд требует такой самоотдачи, какая под силу разве что святому. — Тут Ганнибал, заметив движущуюся им навстречу тележку, крикнул своему вознице: — Гляди в оба! Видишь эту черную тучу на нашем зенкалийском горизонте? Это наш общий друг Лужа!

Поравнявшись, рикши остановились, и Питер принялся с любопытством рассматривать человека, которого все считали исчадием ада. Он был низкорослый (всего каких-нибудь пять футов) и очень стройный, будто обглоданный скелет цыпленка обернули в изящный коричневый пергамент. Белые как снег, тщательно причесанные волосы, огромный нос крючком и большие, совершенно лишенные выражения черные глаза делали его внешность весьма запоминающейся. Он был одет в изысканный бледно-серый костюм и белую шелковую рубашку с манжетами, напоминающими по форме зубчатые стены и плотно облегающими тонкие запястья, на одном из которых красовались блестевшие на солнце золотые часы. Его ботинки, блестевшие, словно отполированные морскими волнами раковины, видимо, были изготовлены с той же любовью, что и костюм. Завершающим штрихом являлся старый галстук, какой обыкновенно носят игроки в регби. Он наклонился вперед в своей повозке, причем взгляд его оставался таким же плоским и лишенным выражения, как у кобры, а губы приоткрылись на один-два миллиметра, обнажив белые маленькие, как у щенка, зубки.

— А, Ганнибал, дружище, — сказал он с неожиданной теплотой, но глаза были по-прежнему холодны. — Куда путь держишь?

— С добрым утром, Лужа, — сказал Ганнибал с язвительной улыбкой. — Мы в гости к Кинги. А ты обратно? Там же должна быть важная встреча в полдень. Как же они без тебя?

— Знаешь, дорогой Ганнибал, без любого из нас можно обойтись. Но я там появлюсь. Такая досада, забыл кое-какие бумаги, вот и возвращаюсь за ними, — сказал Лужа и перевел взгляд на Питера. — А вы, надо полагать, мистер Флокс, новый помощник Ганнибала? Очень приятно, меня зовут Мурамана Лужа. О, я хорошо знаю вашего дорогого дядюшку! Как я рад вас видеть! Простите, но из-за этих огромных колес — тоже выдумка нашего обожаемого монарха, которому не откажешь в чувстве юмора! — я не могу пожать вам руку и поприветствовать вас как следует. Ну ничего, в следующий раз обязательно!

Он помахал тонкой ручонкой, и его тележка умчалась вдаль.

— Черт возьми, — сказал Питер, — какое отвратное создание! Даже если бы я ничего не знал о нем, все равно сказал бы, что он омерзителен! Один его вид отравляет все вокруг. А с виду такой смиренный: представьте себе, что вы перевернули большой камень и обнаружили затаившегося под ним якобы безобидного, а на деле ядовитейшего скорпиона!

— Совершенно верно, — согласился Ганнибал. — Ну, теперь убедился, каков он? Лисица в курятнике, кошка в голубятне и жук-древоточец в деревянной стене — все в одном лице. А что, он и вправду знаком с твоим дядюшкой?

— Дядюшка ничего не рассказывал мне о нем, — ответил Питер.

— Хм... Это любопытно. Оч-чень любопытно, — сказал Ганнибал и, развалившись, надвинул на глаза свой фантастический шлем и уснул.

Дорога все петляла и петляла вокруг Дзамандзара и наконец устремилась на мыс, возвышавшийся над Заливом пересмешников. Рикши подкатили к воротам из кованого железа с гербом Зенкали — дельфин и птица-пересмешник по обе стороны дерева амела. Две кордегардии охраняли въезд в королевскую резиденцию; при них неотлучно находились два высоченных солдата-зенкалийца, одетых в желтые, расшитые золотом куртки и черные брюки; на головах у них красовались большие белые тропические шлемы, из которых торчали, грациозно изгибаясь, страусовые перья. Правда, они не производили того величественного впечатления, какое должны были бы производить защитники отечества, поскольку один сидел на корточках и метал кости, а другой задумчиво ждал результата. Ружья, давно бывшие без дела, мирно покоились в стенах кордегардий. Но как только рикши завернули за угол, часовые тут же бросились за ними, и, когда повозки подкатили к воротам, оба уже, как положено, с ружьями на плече старательно маршировали на месте.

— Мы приехали к Его Величеству королю, — объяснил Ганнибал. — Открывайте ворота, парни!

Часовые отворили ворота, и рикши понеслись по петляющей дорожке, обсаженной огромными манговыми и баньяновыми деревьями. А вот и дворец: большое невысокое здание, сооруженное из массивных коралловых блоков и раскрашенное бледно-розовой краской, было похоже на замечательный, хотя и несколько странный торт, выпеченный лучшим кондитером. Наконец возницы остановились, тяжело дыша и лоснясь от пота. Открылись парадные двери, и показался мажордом, одетый в алую униформу и с феской на голове. За ним следовали трое слуг рангом пониже, одетых в белую униформу.

— С добрым утром, сэ', мистер Ганнибал, — сказал мажордом, улыбаясь от уха до уха. — Как вы себя чувствуете?

Д — Прекрасно, Малапи, — ответил Ганнибал, вылезая из повозки. — Будь умницей, отведи этих чертовых собак на кухню, ладно? Да смотри, не давай им слишком много есть, а то еще, чего доброго, изгадят мне все ковры! А где Кинги? Я привез представить ему нового масса — мистера Флокса.

— Проходите, масса, проходите, — сказал Малапи, кланяясь Питеру. — Кинги в саду, сэ', мистер Ганнибал. Сюда, пожалуйста.

Он повел их быстрым шагом в большой сумрачный зал, полный странных запыленных портретов, а оттуда — в залитый солнцем сад, расползшийся в квадратном внутреннем двореке, образованном стенами здания. Лужайки здесь были точно бархат, а два-три десятка крохотных фонтанчиков плели туманные кружева из капель в недвижимом воздухе, напоенном ароматом сотен различных цветов, населявших многочисленные клумбы.

На траве кормилась целая стая голубей — они были похожи на белое конфетти, рассыпанное по зеленому бархату. В углу распустили хвосты два павлина, в восторге любуясь собою. В центре сада высилась небольшая беседка в виде пагоды: на колоннах, сложенных из коралловых блоков, покоились массивные поперечные деревянные балки. На верхушке разрослась красная бутенвиллея, дрожащая и искрившаяся от мириад бабочек, мотыльков, жуков, пчел и прочих насекомых. В тени, которую давало это ползучее растение, был подвешен гамак, способный с комфортом приютить четырех человек среднего роста и нормальной комплекции. Но предназначен он был для единственной персоны — короля Тамалавалы Третьего.

Ростом монарх был шесть футов четыре дюйма, вес его превышал двести пятьдесят фунтов. Комплекцией он походил на хорошую гнедую широкую лошадь. Его большое мягкое лицо с широкими, но не мясистыми губами и прямым носом было ближе к полинезийскому, нежели к африканскому типу. Зрачки были размером с грецкий орех, а благодаря ярким белкам казались еще огромнее. На нем был длинный струящийся белый халат с кружевными оборками вокруг шеи и запястий, украшенный вставкой английской вышивки, как у ночного халата викторианской эпохи. На голове — алая тюрбетейка, расшитая золотыми цветами, на ногах — простые красные кожаные сандалии. Золотой браслет на запястье и золотой перстень с сапфиром величиной с порядочный кусок колотого сахара — вот все, что он носил из украшений. Владыка возлежал на спине, свесив ногу из гамака, и, нацепив на кончик носа очки в роговой оправе, читал «Таймс». Все вокруг было завалено газетами на разных языках. На журнальном столике, стоявшем подле гамака, покоились атлас, пять словарей, ножницы, ручки и большой альбом для вырезок.

— Привет, Кинги! — бесцеремонно крикнул Ганнибал, когда он и Питер добрались по мягким бархатным лужайкам до беседки, увенчанной бугенвиллеей. — Привет! Ну как вы?

Кинги отложил газету и сдвинул роговые очки на лоб. Его лицо озарилось искрометной приветственной улыбкой, и владыка спрыгнул с гамака прямо на груды газет.

— Ганнибал, ах ты, проказник, почему опоздал? Я думал, ты совсем не приедешь, — сказал он глубоким насыщенным голосом. Он нежно взял руку Ганнибала своими могучими ручищами и мягко пожал ее.

— Простите, но мы задержались в пути, — извинился Ганнибал. — Это все господин Флокс виноват... Он всю дорогу забавлял меня рассказами о своих донжуанских похождениях.

Кинги обратил свою ослепительную улыбку к ошарашенному Питеру.

— Мистер Флокс! — прожужжал он. — Рад приветствовать вас на Зенкали!

— И я очень рад, что приехал сюда, ваше величество, — сказал Питер. — Я уверен, что ваше королевство подарит мне немало наслаждений.

— Ну, если вы имеете в виду донжуанские похождения, — продолжил король, — то боюсь, с этим у нас будет скучновато. Правда, Ганнибал?

— Да нет, — попытался возразить Питер, — я вовсе не гоняюсь целыми днями за женщинами, как вы могли заключить из слов Ганнибала.

— И очень жаль, — серьезным тоном сказал Кинги, лукаво подмигивая при этом своими карими глазами. — А то внес бы хоть какое-то разнообразие в здешнюю безмятежную жизнь. Чего стесняешься, подойди ближе! Отведай моего излюбленного напитка!

Кинги подал Питеру и Ганнибалу стаканы и наполнил их из термоса белой тягучей жидкостью.

— Ну, что скажешь? — с волнением спросил он, когда Питер отхлебнул глоток и судорожно сделал глубокий вдох.

— П-превосх-ходно, — прохрипел Питер.

— Так, пустячок. Сочинил от скуки в часы досуга, — гордо изрек монарх. — Значит, так: берешь белый ром, корицу, добавляешь в равных долях кокосовое и обычное молоко — и готово. Меня с одного глотка так пробирает, что пришлось окрестить свое изобретение «Оскорбление величества».

Он сел назад в гамак, надвинул очки на нос, отхлебнул из стакана и прополоскал жидкостью рот.

— Ну, мистер Флокс, — сказал он, — надеюсь, вы привезли нам массу новостей из внешнего мира?

— Боюсь, что нет, сэр, — ответил Питер. — Видите ли, перед отъездом сюда я был на Барбадосе, а это отнюдь не центр цивилизованного мира.

Д — Очень жаль, — вздохнул король. — Как видите, я пытаюсь узнать из газет обо всем, что творится на свете, но, поскольку они приходят с опозданием на месяц, я всегда чуть не последний узнаю о нашумевшем скандальном убийстве или о том, кто кому наставил рога. Если бы вы знали, как это тягостно! Направишь ноту соболезнования какому-нибудь главе государства, а тебе ее возвращают с пометкой: «По данному адресу не проживает». Вот у всех и создается впечатление, будто меня не интересует, что делается в мире.

Ганнибал чуть было не рассмеялся, но сумел себя сдержать.

— Мистер Флокс, — продолжил владыка, — не удивляет ли вас порой мировая пресса? Когда читаешь все эти документы, начинаешь думать, что они сочинены слабыми людьми, про слабых людей и для слабых людей. Так, кажется, говаривал Авраам Линкольн, я не ошибся? Но все те редкие случаи, когда я получал удовлетворение от прессы, — все они здесь, в альбоме! Месяц назад я прочитал о случае в Сербитоне, где я проходил практику в бытность студентом Лондонской школы экономики. Что бы вы думали?! Идет себе человек смирненько, никого не трогает, и вдруг ему на голову — бац! — огромная сосулька, которая мгновенно лишает его сознания. Прибывшие вскоре полицейские провели следственный эксперимент и пришли к выводу, что это... замерзшая моча из туалета пролетавшего мимо реактивного самолета. Какой-то сознательный спустил воду в унитазе после того, как туда помочились все пассажиры. Пока содержимое летело вниз, оно успело замерзнуть. Кто бы мог подумать, что в милом Сербитоне можно погибнуть ни за что ни про что во цвете лет только потому, что грозная, жестокая судьба пошлет на твою голову аэроплан с уборной? Или вот еще: читаю в «Сингапур таймс», что принц Снельский, по неподтвержденным данным, скоро женится. Не стыдно ли предавать молве все, что связано с королевским саном! Да за это надо бы съе... Я хотел сказать, сажать в тюрьму на длительные сроки! Верно я говорю?

— Раз так, то бедняга Симон Дэмиэн заслуживает пожизненного заключения, — сказал Ганнибал. — Как вам понравился ваш портрет со свиньей на первой полосе?

— Неплохо, — сияя от удовольствия, сказал король. — Я бы даже сказал: изысканно! Я послал бедной миссис Амазуте большую корзину фруктов в качестве компенсации за нанесенный газетой моральный ущерб, а потом целый вечер сочинял господину Симону Дэмиэну одно из самых страшных писем, какие когда-либо выходили из-под моего пера! Для пущей важности я наложил на него столько печатей, что содержание ему вряд ли удастся разобрать. Как я старался! Я даже пригрозил ему высылкой с острова! Удивительно только, почему ему начхать на мои послания? Он ни разу не придал им значения.

— Скажите спасибо, что он не печатает их, — заметил Ганнибал.

— А что? Это идея, — задумчиво сказал монарх. — Я так мечтал когда-нибудь напечататься!

— Я только одного боюсь, — хмуро сказал Ганнибал. — Вы дадите Симону материал для публикации, а он насажает туда столько ляпов, что не обрадуется.

— Вот то-то и оно-то! — воскликнул король. — Если бы не юмор, который так и брызжет со страниц «Голоса Зенкали», я бы давно уже отрекся от престола! Несколько недель назад я прочел там буквально следующее: «Король обходит строй почетного караула. На нем — сатиновое свадебное платье цвета персика, украшенное брюссельским кружевом, в руках — букет белых лилий. Подруги невесты — капрал Аммибо Аллим и сержант Гула Масуфа — получили строгий выговор за личное мужество».

Король загоготал, откинув назад голову. Его громадное тело так и тряслось.

— Уверяю вас, мистер Флокс, — сказал он, вытерев глаза, — если когда-нибудь станете у кормила власти, возьмите редактором вашей газеты ирландца, а метранпажем — зенкалийца. С ними не соскучишься.

— Когда у вас заседание совета? — спросил Ганнибал, поглядев на часы.

— Ах, Ганнибал, Ганнибал, — раздраженно сказал Кинги. — Как вы смеее напоминать мне о делах, когда я наслаждаюсь жизнью?!

— Вы будете ставить на голосование вопрос об аэродроме?

— Да, разумеется, — сказал Кинги и поглядел на Ганнибала взглядом человека, испытывающего неловкость. — Понимаю, Ганнибал, что вы не в восторге от этой идеи, но что я могу сделать, если все вокруг — двумя руками «за»?! Когда идея воплотится в жизнь, я смогу быть спокойным за будущее Зенкали. Да что там я — все держатся мнения, что это пойдет на благо острову! Право же, милый мой друг, признай, что у этой идеи немало плюсов. Не следует думать, что все так уж плохо.

— По-моему, хуже некуда, — изрек упрямый Ганнибал. — Тысячи изнывающих от безделья дуболомов на улицах столицы, не знающих куда себя деть, — это вам что, игрушки? Бухта, полная военных судов, — вы этого хотите? А главное, жил себе остров спокойной, безмятежной жизнью, и вдруг как гром среди ясного неба — его превращают в стратегически важный военный объект!

— С некоторыми из ваших доводов нельзя не согласиться, — сказал король. — Но каково бы ни было мое личное мнение, имеется мощное лобби в пользу этого проекта, и я просто не могу пойти ему наперекор.

— Да, есть такое лобби, а верховодит там этот недоносок Лужа, — сердито сказал Ганнибал. — Уже одного этого факта достаточно, чтобы сказать решительное «нет» проекту!

Д

— Мистер Флокс, а вы не встречались с Лужей, моим министром развития? — спросил король.

— Как будто нет, — сказал Питер.

— Стало быть, это удовольствие у вас еще впереди. Только вынужден вас предупредить, что никто его не любит. И то сказать, он начисто лишен очарования и вообще не заслуживает доверия. Мое мнение: уж если держишь около себя мошенника, так пусть он хоть обладает шармом. Нет, наверное, он и вам не понравится. Больше того, скажу откровенно, что из-за таких, как он, недолголюбивают все наше цветное племя...

— А что, он и вправду прибрал к рукам эту самую долину? — спросил Ганнибал.

— Похоже, что так, — печально сказал Кинги. — Увел у нас из-под самого носа! Боюсь, Ганнибал, он уведет у нас из-под носа и саму власть. Знаете, что сказал этот маленький плутишка, когда я попытался припереть его к стенке? Что он знать не знает об этой сделке и что она была совершенна у него за спиной его милой супругой. По-моему, ему надо поставить высший балл за нахальство, если не сказать больше.

— Да, все это более чем прискорбно, — заметил Ганнибал.

— Так-то так, — сказал король, вставая со своего гамака, — но что я могу с этим поделать? В конце концов, мы можем взять развитие событий под свой контроль. Если проявим осторожность, то уж как-нибудь не допустим, чтобы остров погиб. Вы же прекрасно знаете, я не меньше вас озабочен благополучием Зенкали.

— Конечно, знаю, — сказал Ганнибал. — Это единственное, что вселяет в меня надежду.

— Теперь вы поняли, что и при нашей скучной монаршей доле выпадают веселые минутки, а? — с улыбкой сказал Кинги. — Ну, всего вам доброго, мистер Флокс. Надеюсь, вам у нас понравится, а мистер Ганнибал не станет вас обижать. Правда, должен вас предупредить, что его последний помощник уехал отсюда с тяжелым нервным потрясением. Буду рад увидеть вас снова!

— Я глубоко польщен, — сказал Питер. Кинги улыбнулся и помахал на прощанье своей могучей ручищей.

— Теперь заскочим ненадолго в Дом правительства, — сказал Ганнибал, — и на сегодня твои обязанности закончены, можешь отдыхать. Надеюсь, господин губернатор и его супруга покажутся тебе очаровательными, правда, может быть, немного не от мира сего.

Его превосходительство, сэр Адриан Блайт-Уорик, оказался приземистым, коренастым человечком и выглядел так, будто его в детстве уронили с кровати да так и не вылечили. На лице его застыла широкая холодная улыбка.

— Мистер Флокс... Мистер Флокс... Да, да, — сказал он, пожав Питеру руку. У него был тонкий шипящий голосок, похожий на голос крота, подзывающего подругу. По ходу монолога он несколько раз прокашливался. — Рад видеть вас вдали от родного дома! Ей-богу, очень рад... Да, да, тут у нас, это самое, щекотливые проблемы... Знаете, нам нужно, понимаете ли, каждое плечо... Так сказать, дипломатия, такт, как ее... осторожность... Но, думаю, вы обладаете достаточным тактом, как его... С виду вы милый, импозантный юноша... так сказать... Ну, словом, я рад, понимаете ли, видеть вас у нас!

— Спасибо, сэр, — сказал Питер.

— И тебе привет, Ганнибал, мой милый друг... Ну что ж, пойдем, что ли, пропустим по маленькой... хм... Вы играете в бридж, мистер Флокс?

— Нет, сэр, боюсь, что нет, — сказал Питер.

— Как... в общем... так сказать... жаль, — огорчился Адриан. — Но, как бы там ни было, приходите к обеду.

— Спасибо, сэр, — сказал Питер и почувствовал, что страшно хочет пить. Ганнибал словно угадал его мысли и налил ему.

— Надеюсь-сь, ш-што вам полюбится Зенкали, — прошипел губернатор. — Тропический рай... Скоро получим, в общем, так сказать, самоуправление... Старый порядок, понимаете, нуждается в переменах... Король у нас очаровательный... ну, словом, соль земли... Короче говоря, кончил Итон... Но королеву... это самое, будем чтить по-прежнему... будем, в общем, так сказать, страной — членом Содружества... Понимаете? Нет?

— Спасибо, ваше превосходительство, — мягко сказал Ганнибал. — Я уже все растолковал Флоксу.

— Здорово... здорово... — обрадовался сэр Адриан. — Заходите, пообедаем.

В этот момент дверь отворилась и из нее выступила, словно заводная кукла, леди Блайт-Уорик. Сначала Питер подумал, что она нарядилась на маскарад, ибо она с головы до ног была одета во все зеленое. Но оказалось, она всегда так одевается, и потому все называли ее Изумрудная леди. Не только платье, туфли и чулки у нее были зеленого цвета, но даже волосы отливали зеленым, даже в цвете ее кожи присутствовал зеленоватый оттенок, будто она выкупалась в цветущей воде и поленилась смыть с себя ряску. Леди была вся увешана изумрудами — браслеты, ожерелья, броши, медальоны. Стоило ей сделать шаг, как все это звякало, брякало, стучало. Осматриваясь, она делала быстрые движения головой, словно птица, а в руке у нее был изящной работы черепаховый слуховой рожок.

— Ах, Эмми... Да-да, это Флокс-младший... какой красавец... А это... в общем, так сказать... понимаете ли... ну, словом, моя супруга... — ска-

Д

зал сэр Адриан, делая при этом какие-то странные жесты, будто хотел освободиться от смиренной рубашки.

— Кто это, любезный мой? — спросила Изумрудная леди, взглянув на Питера и неуклюже присев в знак приветствия. Затем она не без труда вставила в ухо слуховой рожек, зацепив им за украшенную изумрудом сережку.

— Это мистер Флокс, моя дорогая, — сказал сэр Адриан, напрягая голосовые связки, так что голос его стал похож на глухой писк. — Очаровательный... статный... не правда ли?

— Как ты сказал, дорогой мой? Мистер... Флюс? — обрадованно произнесла Изумрудная леди. — Любопытно! Наверняка из старинного английского рода. Кстати, тебе не кажется странным, что в наше время многие страдают зубами? Стала челюсть как арбуз, как арбуз, как арбуз, у меня огромный флюс, грозный флюс, страшный флюс! И главное, вне зависимости от религии, класса и цвета кожи. Вот эскимосы, говорят, так маются зубами, что чуть не мрут от боли. А у южноамериканских индейцев — вовсе даже наоборот, там есть такое дерево, положишь капелюшку сока в дупло — и как рукой сняло. Но, как бы там ни было, мои цесарки вообще не страдают зубами! Вы любите цесарок?

— Обожаю, ваша милость, — сказал Питер.

— Ее милость разводит цесарок, — страдальческим голосом пояснил Ганнибал.

— О да, у меня много цесарок, — продолжала леди Блайт-Уорик. — Я обожаю их выращивать — такие умные птахи, ну просто как собаки, только с перьями. Приходите ко мне время от времени, будем вместе кормить их — это совсем нехитрое дело, они к вам быстро привыкнут... Ну, Адриан, пригласи теперь молодого человека на обед, — заявила Изумрудная леди. — Хочу познакомиться с ним поближе.

— Я уже пригласил его, любезная моя, — сказал Адриан. — Но он, в общем, так сказать... не играет в бридж... Ничего страшного, он все равно желанный гость... самый желанный.

Теперь, когда в разговоре участвовали оба супруга Блайт-Уорик, было ясно, что он затянется надолго, но так ни к чему и не приведет. Питер вздохнул с облегчением, увидев, что Ганнибал допил наконец последний стакан.

— Ну, я постараюсь, чтобы мистер Флокс чувствовал себя здесь как дома, — сказал он губернатору, — чтобы все у него было хорошо.

— Да вы... не волнуйтесь, мистер Флокс, все будет... это... как его... в полном ажуре... в общем, так сказать, здорово, — изрек губернатор. — Был рад... с вами... Ганнибал знает здесь все... эти... как их... ходы и выходы... Приходите обедать, когда устроитесь... Да.

— Приходите обедать к нам, мистер Флокс, — сказала леди Блайт-Уоррик, которая хоть и слышала, что ее благоверный уже пригласил гостя, тут же забыла об этом. — Я буду настаивать, чтобы и мой супруг пригласил вас особо. А после обеда поможете мне покормить цесарок. Да не забудьте взять с собой вашу очаровательную крошку жену — нам так хотелось бы познакомиться с ней поближе.

Питер и Ганнибал снова сели в повозки и, сопровождаемые эскортом собак, тронулись в путь. Ганнибал зажег длинную сигару и больше не проронил ни слова. Питер откинулся назад и задремал. Вскоре рикши выкатили на дорогу, бегущую вдоль Залива пересмешиков. По пути попадались рощицы похожих на ели деревьев казуарин, отбрасывавших ажурные, словно выпиленные лобзиком, тени. У корней деревьев стлался широкий белый пляж, а за ним простирались чистые воды лагуны, так и манящие уставшего от жары путника. Время от времени рикши переезжали по мостикам через неглубокие ручейки, бежавшие меж черных как смола камней и блестящих на солнце. То тут, то там попадались группы женщин, расстилавших свежестыранное белье на изумрудной траве — буйством красок они напоминали огромные цветочные клумбы. Когда повозки приближались, зенкайки разгибали спины и махали путникам длинными смуглыми руками. Их лица озарялись белозубыми улыбками, а воздух оглашался приветственными возгласами, похожими на щебет птиц. У пляжа рядками стояли черные, словно морские свинки, каноэ, а возле них на искрящемся песке сидели на корточках рыбаки и чинили сети. Зеленые ящерицы с оранжевыми головками, быстрые, словно молнии, сновали перед повозками, а дарящие прохладу казуариновые рощи были полны птичьего гомона. Питер, который давно уже проснулся, жадно впитывал в себя дивные звуки и краски и думал, что никогда прежде не доводилось ему бывать в таком уголке земли, где сердце в одно мгновение наполняется ощущением счастья. И звуки, и краски, и воздух, и люди — все было таким, каким представлялось в самых дивных мечтах.

— А вот и твой дом, — неожиданно сказал Ганнибал, показывая сигарой в сторону от дороги. — Маленький, но зато прямо на пляже. Думаю, это лучше, чем жить в суматохе города.

Сквозь стволы казуарин Питер увидел лишь одну стену низенького белого бунгало, стоявшего почти у самой воды.

— Вот это да! — сказал он. — Не ожидал! Совсем как в Голливуде! А я-то думал, что меня поселят в деревянной, провонявшей ослами хибаре без водопровода.

— Все там есть. И водопровод, и электричество — конечно, если движок работает, — и телефон, который действует всегда, когда не сломан.

Д

В помощь тебе даю штат из трех человек. Думаю, ты будешь чувствовать себя комфортно, — сказал Ганнибал, и рикши остановились подле бунгало.

Тут из тенистой глубины веранды показались трое слуг. Главным был, очевидно, пухлый коротышка с толстой круглой физиономией, веселыми глазами и широченной улыбкой, в белой униформе, подпоясанной красным поясом.

— Добро пожаловать, сэ', добро пожаловать, — сказал он, балансируя на цыпочках, словно игрок в теннис. — Моя имя Эймос, сэ', моя слуга.

Он почтительно склонился над протянутой рукой Питера.

— А этого маленького мальчика, сэ', зовут Тюльпан, — сказал он, указывая на четырнадцатилетнего подростка с выступающими вперед зубами и слегка косящего на один глаз. Подросток стоял босиком в дорожной пыли и в ответ на приветствие Питера потупил взгляд.

— А вот, сэ', повар, — продолжил Эймос. — Его превосходный повар! Его имя Самсон. Его отличный повар, сэ'!

При взгляде на поджарого, словно борзой пес, длиннющего, как жердь, и хмурого, как туча, Самсона никто бы ни за что не догадался, что это повар. Самсон уставился на Питера без всякого выражения на лице.

— Привет, Самсон! — сказал Питер, желая подбодрить повара: ему показалось, будто Самсон в обиде за то, что его кулинарное искусство так плохо разрекламировано.

— Добро пожаловать, мистер Флокс, — проревел Самсон голосом во-яки-капрала, страдающего ларингитом. — Моя Самсон, моя повар.

— Хм... Рад видеть вас всех! — сказал Питер. — Ну что, Эймос, пройдемте в дом, выпьем!

— Да, сэ', — с улыбкой сказал тот. — Мисси Одли сейчас все приготовит.

— Мисси Одли... Он хотел сказать — мисс Дэмизн? — спросил Питер у Ганнибала.

— Да, да, — ответил Ганнибал. — Одри заботится о всех холостяцких жилищах. Вы ведь знаете, как там нужна женская рука.

— Ну, заходите, выпьем по маленькой! — пригласил Питер. — Рад приветствовать вас как своего первого гостя!

— Думаю, кружечка пива нам не помешает, — сказал Ганнибал и вышел из повозки. — Так сказать, по случаю новоселья. Право, это мой долг.

Эймос провел всех по широкой тенистой веранде в длинную прохладную комнату. Высокие французские окна в одном из концов ее выходили на заднюю веранду; в саду шептались казуарины, а лилии канна стояли алыми рядами, словно часовые. За окном простирались ослепительный пляж и бледно-голубые воды лагуны. Эймос вышел и вскоре вернулся с двумя пенящимися кружками пива.

— Ну, за новоселье! — сказал Ганнибал.

— На счастье! — сказал Питер.

— Да будет так! — сказал Ганнибал, подошел к окну и выглянул наружу. — Неплохая хижинка, а? Думаю, вскоре ты почувствуешь себя как дома.

Еще бы! Питер уже чувствовал себя так, будто провел в этом уютном домике целую жизнь!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЗЕНКАЛИ — ЭТО КЛАСС!

...На заре Питера разбудил Тюльпан, зубы которого при ближайшем рассмотрении оказались еще сильнее выпяченными вперед. В руках он держал поднос с чаем и плодами манго. Позади подростка стоял Эймос, надзирая своим ястребиным взором за каждым его движением. Их тихое пожелание доброго утра и шорох босых ног по плиткам пола, когда они открывали жалюзи и доставали Питеру одежду, звучали умиротворяюще. Небо за окном было ярко-зеленым, словно листва, и каждая птаха на Зенкали славилась зарю. Питер спокойно поел, попил чаю и через полчаса уже плескался в благодатном море, рассматривая сквозь стекло маски чарующее подводное царство — стайки рыб, резвящихся в прозрачной, словно джин, воде. Он так залюбовался красками и формами этой таинственной жизни, что, как всякий счастливец, совершенно позабыл о времени. Вдруг он услышал, что кто-то зовет его по имени. Подняв голову, Питер увидел стоящую у кромки моря Одри. Он тут же резво поплыл назад и выскочил на берег.

— Прости, — сказал он, спешно растираясь полотенцем. — Я совсем потерял счет времени... Никогда не видел ничего более сказочного, чем этот кусок рифа.

— И в самом деле прелесть, — согласилась Одри, усевшись рядом на песке. — До того удивительно, что никак к этому не привыкнешь. Каждый раз подплываешь туда и открываешь нечто новое. Боюсь, это для меня как наркотик. Мне частенько случалось опаздывать к обеду в Доме правительства: я так долго плавала и ныряла, что совершенно забывала о времени.

— По-моему, вполне уважительная причина, — сказал Питер. — А что, они на тебя обижаются за это?

Да — Да я вовсе не о том, — ответила Одри. — Просто мне так нравится обедать у губернатора! И его превосходительство, и его супруга — само очарование! Правда, у них немножечко не все дома, но в этом-то и вся прелесть! А какие истерики они закатывают во время обеда! Я столько теряю, когда пропускаю! Надеюсь, Ганнибал уже познакомил тебя с его превосходительством?

— Да, еще вчера пополудни. Это было *нечто*! Сколько я перевидал чопорных Домов правительства и губернаторов! А эти... Будто приходишь в гости к двум морским свинкам, живущим в кукольном домике.

— Ну, расскажи, расскажи, — с ехидцей попросила Одри.

Питер поведал о своих впечатлениях от обитателей Дома правительства, и его финальный штрих к портрету Изумрудной леди утонул в веселом смехе девушки.

— Да, премилая Изумрудная леди, — сказала Одри. — По-моему, она и впрямь с луны свалилась.

— Ну да, — сказал Питер. — Только я собрался объяснить, что я холостяк, как Ганнибал пронзил меня таким взглядом и так неодобрительно покачал головой, что я осекся.

— Да, она такая лапочка, такая симпатяга, хоть и блаженная, — сказала Одри. — Ее невозможно не полюбить! Кстати, ты встречался с адъютантом Диггори? Ганнибал называет его «австралийским бумерангом». Он примерно так же не в себе, как и его превосходительство, и ее милость. Вместе они составляют хорошенькое трио.

— Да нет, бог миловал, — сказал Питер, — но боюсь, мне придется работать с ним при исполнении служебных обязанностей. А что, у вас тут, на Зенкали, все такие... с приветом?

— Ты имеешь в виду людей? — спросила Одри.

— Ну естественно, — сказал Питер. — В конце концов, ни про Ганнибала, ни про Кинги, ни уж тем более про обитателей Дома правительства не скажешь, что у них все дома. Каждый по-своему с ума сходит.

— Да, конечно, они с приветом, — признала она, — но по здешним меркам это вполне приемлемо. По-моему, это такая болезнь, свойственная обитателям островов вообще и Зенкали в частности. Этакая «островная болезнь», когда любые выверты, причуды, заскоки и блажь раздуваются до небывалых размеров. Похоже, такие люди специально едут сюда, на Зенкали, — в здешнем климате все их странности расцветают пышным цветом, как в теплице. Поистине, чудаку и блаженному здесь полное раздолье!

Одри встала и отряхнула с ладоней крупницы песка.

— Сегодня я покажу тебе еще кое-кого из наших блаженных, — сказала она. — Впрочем, такими, как они, и живет наш остров.

— Так покажи скорее! — сказал Питер. — Ты еще обещала показать мне дерево омбу, я сгораю от нетерпения!

— Обязательно покажу, — сказала Одри.

Она приехала на выдавшем виды, но еще вполне надежном «мини-мо-уке»; Питер увидел на заднем сиденье корзину с едой и портативный холодильник с напитками.

— Мы устроим неплохой пикник, — сказала Одри, показывая взятые в дорогу припасы. — Знаю одно чудесное местечко на Матакаме.

— Это что, возле той самой долины, которую прибрал к рукам Лужа?

— Именно так. Приятное местечко, возможно, одно из самых милых на всем Зенкали. Да вот беда: долину грозятся затопить, чтобы строить эту идиотскую электростанцию и аэропорт, — сердито добавила Одри.

— Так ты тоже против этой затеи?

— Еще бы! Жили себе простые, добрые, счастливые и в целом очень милые люди — и вдруг такое несчастье!

— Очень милые? И даже Лужа?

— В каждом эдеме найдется свой змей. Я не скажу, что на этом острове все святые, но все милые, все немножко не от мира сего — словом, все как дети. Затевать здесь строительство аэродрома — все равно что положить в ухоженной и благопристойной детской ящик с петардами и фейерверками и коробок спичек в придачу. По-моему, Ганнибал прав. Понимает, старый дьявол, что к чему. Впрочем, давай забудем на время об этом дурацком аэродроме. Поехали кататься!

Они ехали по радующей глаз местности, а поскольку в Дзамандзаре в этот день была большая ярмарка, дорога была запружена местными жителями, везшими на продажу всякую всячину и гнавшими скот. Тут были почтенного возраста толстушки, завернутые в блестящий батик, с огромными корзинами манго, кокосовых орехов, ямса, ананасов и папайи, так ровно стоявшими у них на головах, будто они были приварены намертво; молодые люди, несшие длинные кипы золотого сахарного тростника или жерди с привязанными к ним рядом за ноги цыплятами, похожими на некие странные плоды с перьями. Деревянные повозки, запряженные горбатыми длинноногими зебу, тащились с невообразимым грохотом и скрипом, поднимая облака розовой пыли. Еще бы им не греметь и не скрипеть, ведь их так тяжело нагрузили! Тут и корзины с фруктами, и сладкий картофель, и связки сахарного тростника, и мешки сахару и рису, и глиняные горшки. Седовласые старцы-пастухи, завернутые в алые одеяла, подгоняли палками стада коров и коз, а быстроногие мальцы, вооруженные палками, и стайки резвых голосистых палевых псов не давали животным свернуть с дороги и дерануть в кусты. Все вокруг кричали, рассказывали какие-то

Д байки, смеялись и шутили. Многие пели веселые песни, а если руки у них не были заняты, играли на тонких дудочках из бамбука, бренчали на двенадцатиструнных *валиа* или били в небольшие пузатые барабанчики. Толстушки обменивались пошлыми остротами и хохотали так, что все жировые складки у них ходили ходуном. Стройные девушки ступали грациозно, словно газели, будто не замечая тяжелой поклажи у себя на голове; щебеча, словно попугайчики, они делились со своими спутниками свежими новостями и переглядывались между собою, блестя черными, похожими на тутовые ягоды глазами. Вереница красок, мелодичная музыка голосов и нехитрых инструментов плыли по красной дороге в облаке розовой пыли по направлению к Дзамандзару.

— В столице — большая ежемесячная ярмарка, — объяснила Одри, мастерски руля одной рукой и махая другой, отвечая на приветствия. Каждый махал, каждый улыбался, каждый кричал: «Доброе утро, мисси Одли! Доброго пути, мисси Одли! Вы будете сегодня на ярмарке, мисси Одли? Счастливого пути!»

— Это единственное на острове место, где торгуют? — спросил Питер, зачарованный людским потоком, текущим мимо машины.

— Нет, конечно. В каждой деревне есть рынки, открытые ежедневно, есть рынки в Дзамандзаре, — ответила девушка, — но только на такой вот ярмарке, которая бывает раз в месяц, можно купить все что душе угодно — от коровы до мешка арахиса и от медной кровати до приворотного зелья.

— Я обратил внимание, какие они все чистые, опрятные, сытые и вообще довольные жизнью! Я бы даже сказал, они лоснятся, как конские каштаны, — заметил Питер.

Одри засмеялась и что есть мочи затрубила в клаксон — ей преградило путь стадо коров и коз.

— Да, они в большинстве своем не жалуются, — сказала она. — Почти у каждого есть небольшая ферма или какой-нибудь бизнес. Конечно, они не богачи, но и не бедствуют, особенно если сравнить с другими подобными островами. Но все держится на дереве амела, благодаря которому и не знает горестей наша экономика. А вдруг его не станет — что тогда? Мы слишком далеки от остального мира, чтобы к нам проявили хоть какой-нибудь интерес. Хорошо, когда ни от кого не зависишь, а если вдруг потребуется, чтобы протянули руку помощи, а в мире тебя не знают и знать не хотят?

Тут в буром потоке коров и коз неожиданно образовался разрыв, и Одри мигом направила туда машину. Вскоре стадо осталось позади. У путников в горле першило от пыли, в носу стоял резкий запах козлов и слад-

коватый — коровьего помета. Одри свернула с главной дороги на проселок; по нему тоже брели на рынок люди, но их было куда меньше, и появилась возможность прибавить газу. Руки Одри небрежно лежали на рулевом колесе; она быстро вела машину, но рулем владела ловко. На ней была голубая клетчатая рубашка, джинсы и сандалии, а волосы вольно развевались по ветру. Околдованный, Питер не мог налюбоваться ее профилем.

— Когда мне было девятнадцать лет, — сказала Одри небрежно, давая понять, что эта душевная рана у нее уже отболела, — я получила диплом художника в Дублинском университете. Ну, думаю, теперь прямая дорога — в храм славы! Пусть не такой громкой, как у Леонардо, но уж как минимум такой, как у Пикассо. Что поделаешь, в реальной жизни все оказалось куда прозаичнее! Да, мне приходилось слышать, что у меня премиальные работы; но как быть, если вокруг каждый третий — художник, и каждый метит в гении! Так что начиная с нежного двадцатилетнего возраста и по сию пору я живу на бабушкино наследство — не бог весть какое, но все же достаточное, чтобы прожить. Шаталась по Европе, побывала в Африке, изъездила большую часть Азии — все это было прекрасно, но чем больше мне удавалось повидать на этом свете, тем яснее я понимала, что на Пикассо не потяну. Ну и ладно! Талантом меня бог не обделил, и то хорошо! Учусь довольствоваться тем, что имею.

— А почему ты все же вернулась сюда? — спросил Питер.

— Так здесь же мой дом родной! А главное, когда ушла из жизни мама, я вернулась, чтобы не дать папочке допить до могилы или сдохнуть с голдухи, потому что он частенько забывает о еде, вкладывая всю душу в эту чертову газету.

— И не жалеешь, что вернулась?

— Глупый вопрос! Я же люблю Зенкали! Я полюбила его еще с колыбели, но тогда воспринимала здешнюю жизнь как нечто само собой разумеющееся. Только постранистествовав по свету, начинаешь понимать: такой возможности быть свободной и, главное, быть немножечко не от мира сего нет больше нигде. Так что теперь меня отсюда никакими посулами не выманишь.

— А ты помогаешь отцу в работе с газетой?

— Да так, от случая к случаю, — ответила девушка. — Но я еще преподаю живопись в местной школе, собираю здешнюю музыку, даю уроки игры на фортепьяно и гитаре, а с помощью Ганнибала получила еще одну — нерегулярную, но неплохо оплачиваемую — работу: перевожу мудреные ученые бумаги. Я свободно говорю на шести языках, так что с этим проблем нет.

— Как хорошо, что ты используешь свои таланты, — восхитился Питер.

Д — А все мой папочка, он меня здорово подгонял! Он говорит: на свете столько бездарей, что, если бог даровал тебе хоть малую толику таланта — исключая, конечно, криминальный, — ты обязана его использовать. А если бог наделил тебя множеством, используй все! Ведь одаренный человек, зарывающий талант в землю, подобен зрячему, который живет в стране слепых и ходит с закрытыми глазами. Я тебя познакомлю с одной леди, которая не только блестяще использует все дарованные ей богом таланты, но и открывает в себе все новые и новые.

— Кто такая?

— Ее преподобие Джудит Длиннаяшаль, глава здешней церкви Второго пришествия. Совет этой церкви размещается в Плаукипси, штат Вирджиния. Как только не обзывает ее этот безбожник Ганнибал! И Длинныйчулок, и Длинныйбюстгальтер!.. А однажды знаешь как он выразился? Вместо «ваше преподобие Длиннаяшаль» сказал «Ваше Неправдоподобие Длиннаяштанина!» Но ей хоть бы хны! Она обожает его словесные выкрутасы! А мы все зовем ее просто — Джу.

Они свернули с дороги к аккуратненькому садику, скрывавшему небольшое бунгало. Рядом с домом стояла крохотная церковка, стены которой были доведены только до половины, так что паства, усевшись для молитвы, могла видеть, что происходит снаружи. Садик находился на краю крутой насыпи, с которой открывался восхитительный вид на зеленые поля и плантации дерева амела, тянувшиеся до самого моря — гладкого, будто облитого эмалью. Вдали виднелась огромная, белая, неустанно колышущаяся полоса пены — там, где волны разбивались о риф; за этой живой полосой лежали уже глубокие воды — их синева доходила почти до черноты. Садик украшали цветочные клумбы и роскошные ползучие растения — иные из них осмелели настолько, что забрались на крышу дома, не говоря уже о стенах церкви. Над одной из клумб склонилась, словно колодезный журавль, длиннющая, будто оглобля, женщина в бесформенном платье из пурпурного сатина. Она была так увлечена цветами, что забыла обо всем на свете.

— С добрым утром, Джу, — окликнула Одри, нажав на тормоз.

Высокая угловатая фигура обернулась. На ней красовалась гигантская соломенная шляпа, удерживаемая на голове с помощью длинных завязок и огромного количества старомодных булавок, так что казалось, будто они припилены непосредственно к черепу ее преподобия Джудит Длиннаяшаль, чтобы шляпа не сваливалась. За ленту этой громадной шляпы было заткнуто неимоверное количество сложенных листов бумаги, также припиленных булавками. Сей причудливый головной убор скрывал вытянутое, как у жирафы, но серьезное и задумчивое лицо. Солнце испекло его,

как бисквитное печенье, а кожу покрывала такая изящная и частая сетка морщин, будто женщина, пробираясь сквозь чащу леса, не заметила паутины некоего экзотического паука и попала в нее лицом. Это диковинное кружево обрамляло большие, умные, искрометные глаза, могучий орлиный нос и широкий подвижный рот.

— Привет! — крикнула Джу. — Черт возьми, я как раз думала о тебе, а ты и легка на помине. А это что за красавчик с тобой рядом? Не стесняйся, расскажи Джу все без утайки. Ты же знаешь, я не терплю, когда от меня что-то скрывают, равно как не обучена искусству хранить тайны. Именно поэтому я не могу быть католичкой, хотя на то есть и другие причины. Не то чтобы я имела зуб на этих бедных католиков — вовсе нет! Их вера вполне достойна уважения, и все-таки кое-что в ней мне не по сердцу. По-моему, нельзя обременять священника множеством чужих тайн, как это у них принято. Я имею в виду — очень тягостно быть в курсе всех чужих сплетен, знать все про чужое грязное белье и не иметь возможности ни с кем поделиться! Ей-богу, это бесчеловечно и к тому же вредит пищеварению. Как вы относитесь к религии, которая вредит пищеварению? То-то же! Вот я и выбрала хоть и не вселенскую, но своеобразную конфессию и несу свою веру другим.

С этими словами она кинулась вперед, обняла Одри и заключила руку Питера в свои смуглые мозолистые ладони, а затем, не дав гостям сказать ни слова, повела к бунгалу. Питера разобрало любопытство: ему очень хотелось послушать, что же она вещает на своих проповедях.

— Леона-ардо-да-Винчи! — крикнула она садовнику-зенкалийцу, подстригавшему лужайку. — Подрежь-ка лучше этот куст, у меня сегодня хороший гость, и все должно быть в ажуре!

Она шагнула на веранду, обернулась и приветственно раскинула длинные руки.

— Заходите, заходите! — сказала она. — Передохните с дороги! Сейчас вам подадут напитки. Бет-хо-вен! А Бетховен! Где тебя черти носят? Ау-у, Бетхо-о-о-вен!

Она бросилась на кухню и через несколько минут вернулась с торжествующим видом в сопровождении низенького и необыкновенно толстого зенкалийца, почти не видимого за огромным подносом, уставленным напитками.

— Попробуйте пунш с ромом, — сказала Джу, взяв поднос из рук толстячка Бетховена. — Лучше пунша с ромом ничего на свете нет.

Она налила всем по стакану, уселась и наклонилась к Питеру.

— Ну, представьтесь, — начала она. — Вы здесь, как видно, новичок?

— Его зовут Питер Флокс, — сказала Одри. — Я повезла его на экскурсию по острову, и здесь наша первая остановка.

— Хотите ли вы сказать, — спросила Джу, — что поторопились привезти его ко мне, пока его не успели испортить англиканская церковь и католицизм? Знаю, Одри, это твоя привычка! А что, ко мне часто заходят желающие прямо с улицы, по дороге домой, и я обращаю их в свою веру прямо за стаканчиком пунша!

— Ну, обращайтесь! Я готов на все! — с улыбкой сказал Питер.

— Что ж, попробуем, — сказала Джу, хлопнув очередной стакан. — Сын мой, я готова осушить ваши слезы, но для начала осушим еще по стакану. Кстати, как тебе нравятся зенкалийцы? Ты приехал как раз вовремя, увидишь последних.

— Последних из зенкалийцев? — изумился Питер. — Что вы имеете в виду?

Джу подняла длинный костистый средний палец.

— Остров обречен, — сказала она загробным голосом, — и я не вижу путей его спасения.

— Вы имеете в виду постройку аэродрома? — спросил Питер, который уже успел привыкнуть к тому, что это чуть ли не единственная тема разговора на Зенкали.

— Именно так, — сказала Джу, утвердительно кивая головой. — Если эта идея пройдет, мы погибли.

— Ну-ну, Джу. Вы хуже всякого Ганнибала, — сказала Одри.

— Это одна из тех вещей, которую мы с Ганнибалом рассмотрели во всех подробностях, — сказала она. — Ну, ничего! Если нас поставят перед свершившимся фактом, будем держаться до конца! Знаешь, Одри, я убеждена, что и всемогущий бог настроен против этой затеи, ибо он наполняет мой рассудок самыми дерзновенными идеями! Как тебе известно, у меня хоть и небольшая, но очень преданная паства, и я думаю, мне удастся превратить ее в боеспособный партизанский отряд для проведения диверсионных операций при строительстве аэродрома и плотины. С этой целью я написала несколько книг и нашла там превосходнейшие мысли.

Длиннющая и тощая, словно огромная стрекоза с оторванными крыльями, Джу метнулась в один из углов комнаты и возвратилась оттуда с кипой книг в руках.

— Вот, смотрите, здесь столько полезной информации на этот счет! Например, «Тайный агент гитлеровской Германии» — эта книга прекрасно учит, как взрывать мосты. Или вот «Соловей французского Сопротивления» — знаете ли вы, что ложка сахара, подброшенная в бак с горючим, искалечит машину куда быстрее, чем (тут она многозначительно посмотрела на Одри) женщина, которая, по несчастью, оказалась за рулем? А вот еще «Пятьдесят лет шпионажа и диверсий» графа Маврофалкона. Правда,

тут много всякой бесполезной для нас чуши, но это — дело десятое. Зато есть первоклассный рецепт «коктейля Молотова» и замечательные чертежи магнитной мины. Капитан Паппас пообещал мне привезти все необходимое для приготовления превосходного пороха, и я надеюсь, с божьей помощью мы устроим этим идиотам хороший спектакль! Естественно, с декорациями, построенными за их же деньги.

Питер не спускал с нее глаз. Было ясно, что Джу все это задумала всерьез.

— А вы... Вы обсудили все это с Ганнибалом?

— Пока нет. Но у меня и для него кое-что найдется, — сказала Джу и с волнением огляделась по сторонам. — Куда же, черт возьми, я задевала свой архив?! Куда же он запропастился, черт его дер...

— Да вот же, на стуле, — сказала Одри. Питера удивило, что она относится к разговору на удивление спокойно.

— Ах да, — сказала Джу, взяв свою неотразимую шляпу (оказывается, она и служила ей архивом) и повертев в руке, словно карусель. — Ну что ж, посмотрим... Так! Вот рецепт варенья, который просила у меня Изумрудная леди... Вот счета из лавок... А это что? А, моя завтрашняя проповедь! Так, а вот это? Ага, точно: «Краткий план восстания на Зенкали». — Она вытащила из-за ленты сложенный лист бумаги и подала Питеру. — Передайте это Ганнибалу, — сказала она, — и сообщите, что для обучения партизанского отряда мне не потребуется и месяца. А если бы он еще разузнал, где можно по дешевке купить партию хороших ручных гранат, было бы совсем прекрасно.

— Можете на меня положиться, я все передам, — серьезно сказал Питер и аккуратно уложил послание в карман.

Когда Питер и Одри наконец отъехали, а Джу на прощанье помахала им рукой, Питер повернулся к своей спутнице, которая стонала от смеха.

— Ну, вы доиграетесь, мисс Дэмизн, — сурово сказал он.

— А... собственно, чего ты так испугался? Посмотрел бы на свою рожу в зеркало.

— Еще бы не испугаться! — оправдываясь, сказал Питер. — Ты когда-нибудь видела, чтобы служители церкви организовывали партизанские отряды для решения своих проблем? Не могу поверить, что она это всерьез!

— Вот именно всерьез. Джу никогда не болтает понапрасну. Это не значит, конечно, что до этого дойдет, но факт то, что она это задумала и готова употребить на это все свои знания. Если на Зенкали дойдет до диверсионных актов, Джу будет на передних рубежах. Никто не будет знать так точно, как она, сколько потребуется динамита на взрыв Дома правительства или, например, заведения «Мамаша Кэри и ее курочки». Нет, Джу слов

Дна ветер не бросает. Ей каждые два года положен отпуск, так она не домой едет, как другие миссионеры, а туда, где можно научиться чему-то полезному, и, вернувшись, обучает этому зенкалийцев.

— Ну и чему, например? — спросил Питер, ожидая чего угодно.

— Да ты не думай. Исключительно тому, что приносит пользу. Она открыла, например, что из здешнего песка можно варить прекрасное зеленоватое стекло; так она обегала все мастерские, узнала, как его варить и как выдувать. И что бы ты думал? Один из ее прихожан увлекся этой идеей и завел стеклодувную мастерскую. Или вот еще: она была крайне огорчена, когда узнала, что зенкалийцы строят себе жилища из чего попало и как бог на душу положит, и изучила современные способы обработки древесины и изготовления из нее строительных материалов. Теперь у ее прихожан — самые лучшие на Зенкали жилища и мебель. Она что хочешь может! Может грузовик разобрать и опять по винтикам собрать. Целый год осваивала новые методы ведения сельского хозяйства. Научилась плести из тростника корзины и стулья — и пожалуйста, новый промысел на острове! Прихожане без ума от нее, и я никак не возьму в толк, почему их у нее так мало. Самую большую группу на острове составляют католики, вторую по численности — последователи англиканской церкви, а у бедняжки Джу — те немногие, что остались.

— А что представляют собой другие служители церкви?

— Глаза бы мои на них не глядели. Отец О'Мэлли пугает своих прихожан-католиков, что добрый боженька пошлет их в геенну огненную, где их будут на вертелах вертеть и на сковородках поджаривать, если ослушаются отца духовного. Англиканская церковь представлена четой Брэдстич. Какой же сноб этот мистер Брэдстич! Строит из себя чуть ли не папу римского! Нет, не любит он зенкалийцев. Только и делает, что нюхает анисовые семена и бьет жену. А она, бедненькая, целый день сидит со своим вязаньем и думает, кому бы еще сделать добро: вот открыла, например, воскресные курсы вязания салфеточек... Ну, что мы все о миссионерах да о миссионерах! Лучше посмотри, какой здесь прекрасный вид! Вот поднимемся на высоту трех тысяч футов — и устроим пикник, насладимся жизнью в долине Матакама, пока ее не поглотили воды!

Сначала, когда Одри и Питер покинули дом Джу, дорога вела через плантации дерева амела и разбросанные повсюду фермы. Теперь, чем выше забиралась машина, тем больше петляла дорога и тем глуше становился лес; впрочем, и здесь время от времени попадались искусно сбитые из клинообразных досок домики, окруженные садами, полными овощей и фруктов. Но вскоре и эти домики перестали попадаться — машина шла сквозь густую чащу.

— Как я прочел в путеводителе, от исконных лесов не осталось ничего? — спросил Питер.

— Ничего. Только несколько видов кустарников и дерево амела, — сказала Одри. — Все остальное привозное: баньян, манго, пальма путника и, не добром будь помянута, китайская гуава, которая глушит все на свете. Плоды, конечно, божественны, но сам кустарник просто порождение дьявола.

Дорога сделала поворот, и перед глазами путников возник широкий мост. Слева возвышалась красно-желтая скала, с вершины которой падала пенящаяся белая струя. Там, где у отвесной скалы имелся выступ, блестящая струя рассекалась на две. Внизу лежало множество камней, отполированных водой и заросших пышной растительностью, словно они надели на себя зеленые парики. Между камней шумела и пенилась вода, а в воздухе висела тонкая дымка, сотканная из десятков маленьких изящных радуг. Далее вода протекла под мостом и падала со следующей отвесной скалы уже одним мощным потоком, который устремился вниз — в долину.

— Это река Матакама, — сказала Одри, стараясь перекричать шум падающей воды. — Как раз у верхнего водопада они и собираются строить эту идиотскую плотину.

Путники покатали дальше. Вскоре дорога выпрямилась и побежала вдоль берега реки. Наконец Одри остановила машину и припарковала ее на берегу под деревьями. Выгрузив еду и питье, Питер и Одри уселись у самой воды. Здесь река была широка и глубока, по берегам ее лежали гладкие, точно могильные плиты, камни, украшенные мхом и дикими желтыми бегониями. Во мраке нависавших над потоком ветвей вспыхивали, точно красные и голубые огоньки, блестящие зимородки, и весь воздух был наполнен пением птиц, жужжанием и стрекотанием насекомых, жалобным писком и скрипучими трелями лягушек. В траве, где сидели наши путешественники, алыми звездами горели небольшие диковинные цветы с четырьмя лепестками, как у полевой гвоздики.

— Что за прелестное место! — сказал Питер, сгоняя со своего сэндвича зеленую стрекозу. — В голове не укладывается, что кто-то грозитя посягнуть на него.

— Все во имя прогресса, — отрубил Одри, разрывая тушку жареного цыпленка. — Подумаешь, будет загублен райский уголок, ну и что! Зато будем с электричеством! Будем смотреть по цветному телевизору, как выглядит остальной мир!

— Прости, я еще не освоил здешнюю географию, — сказал Питер. — Как протекает эта долина?

Одри зачерпнула горсть земли и рассыпала ее на плоском камне.

Д — Вот, смотри, — сказала она и, взяв прутик, прочертила кривую на рассыпанной по камню земле. — Это река Матакама. Вот долина, в которой мы находимся. А вот это — множество ответвляющихся от нее, словно ребра от позвоночника, меньших долин. В целом похоже на слегка искривленный рыбий скелет. Когда они возведут здесь плотину, не только большая, но и меньшие долины будут затоплены. Таким образом, здесь, в этой горной стране, исчезнет поистине волшебный уголок.

— А что находится в меньших, ответвляющихся долинах?

— Ничего. Я имею в виду, никакого человеческого жилья. До многих из них можно добраться только на вертолете, а если пешком, то, думаю, семь потов сойдет, пока доплывешь. Кроме того, эта земля непригодна для сельского хозяйства — стоит срубить лес, как слой почвы тут же исчезнет и обнажатся голые скалы. Это, конечно, весомый аргумент в глазах сторонников проекта: они ведь затопляют только «неудобья», то есть неудобные для сельского хозяйства земли. Дикая природа и эстетическое начало для них ничего не значат.

Покончив с едой, Питер и Одри блаженно растянулись на траве, всматриваясь в небесную голубизну, проглядывавшую сквозь кружево листьев. Время от времени налетал теплый ветерок, и хрупкие лепестки спрятавшихся где-то в верхних ветвях цветов, плавно кружа, опускались на землю.

...Полчаса спустя они припарковали машину на окраине Дзамандзара и пересели в королевскую карету, которая домчала их по запруженным толпою улицам до небольшого здания, стоявшего на главной площади. На нем была укреплена массивная вывеска: «Голос Зенкали», Единственная правдивая газета на всем острове». «По крайней мере, наполовину это заявление соответствует истине, — подумал Питер, — это и в самом деле ЕДИНСТВЕННАЯ газета на всем острове». Внутри, в небольшой конторе, посреди хаоса и беспорядка отыскался Симон Дэмиэн — высокий, плотно сбитый мужчина с такими же неотразимыми, как у дочери, глазами и спутанной копной рыжих, словно лисица на снегу, волос. С первого же взгляда было ясно, что он издавна водит дружбу с зеленым змием и, мягко говоря, далеко не всегда знает меру.

— Весьма польщен, что вижу вас, — сказал он на своем ирландском диалекте и сжал руку Питера так, будто хотел выжать из нее сок. — Боже, как я рад всякому, кто хоть на день может развязать мне руки, забрав от меня это исчадие — мою дочь, мое дьявольское потомство! Я тогда испытываю райское блаженство! Никто не критикует, не орет над ухом! Молодой человек, я пред вами в неоплатном долгу!

— О, как я желал бы оказывать вам эту услугу каждый день, каждый час, — сказал Питер.

Папаша Дэмиэн улыбнулся в ответ, при этом его бульдожий нос забавно сморщился.

— Давайте выпьем, — сказал он, запустив пальцы в волосы и спутав их еще больше. — Вы когда-нибудь пробовали аппендектомию? Что это такое? Значит, так: берете три части «Нектара Зенкали», одну часть кюрасо, одну часть белого рома, одну часть водки и добавляете ложку соды для крепости. Ну сядь, сядь — одна секунда, и я вам сварганю.

— Извини, нет, — твердо сказала Одри. — У нас масса дел. Мы заскочили только поздороваться.

— Да неужели? — Папаша был явно разочарован. — Ну ради бога, одну рюмашечку, с яйцо колибри! Ну, сделайте одолжение!

— Нет! — отрезала Одри. — Знаем мы, какие у тебя рюмашечки с яйцо колибри!

— Ну что вы скажете! — сокрушенно вздохнул папаша, обращаясь к Питеру. — Дочь, а смеет так со мной разговаривать! Да простит мне бог эти слова, но не дурно ли устроен мир, если родная дочь не дает кровному отцу пропустить рюмашечку? Бедный я, бедный, стою с почерневшим от жажды языком, с растрескавшимися губами, а мне не дают клюкнуть! Как же все-таки жестоко устроен мир!

— А ты не вали с больной головы на здоровую, — огрызнулась Одри. — Знаю я твои рюмашечки! Со страусиное яйцо.

— Клянусь большим пальцем апостола Павла, — язык у папаши Дэмиэна стал слегка заплетаться, — все, что я выпил сегодня, — гномику только губы помазать...

— Каков нахал! — с улыбкой сказала Одри.

— Нахал? Это я-то нахал? — переспросил папаша, словно не веря своим ушам. — Ну а вы-то как можете такое слушать? — прошипел он, обращаясь к Питеру. — О святая Мария, мать божия, родная дочь называет отца нахалом! Меня, самого честного и правдивого из ирландцев, когда-либо покинувших родной Изумрудный остров, чтобы нести правду и культуру во все части света!

— Ты уже подписал номер в печать? — спросила Одри.

— Не задавай глупых вопросов. А то как же, — сказал Дэмиэн. Он рад был расстаться с ролью отца, которого не понимает родная дочь.

— Тогда тебе лучше всего поехать домой и немедленно лечь в постель, — заявила Одри.

— Да, дочка, тебе часто приходят в голову замечательные мысли, — улыбаясь, сказал папаша. — Я как раз собирался домой, когда ты явилась. Из-за тебя я и задержался.

Девушка подошла к отцу, поцеловала его и потрепала по щеке.

Д — Ну, ступай домой, старый беспутник, — сказала она. — А мы с Питером сейчас поедem к Кармен, а потом я покажу ему дерево омбу. Думаю, к восьми буду дома. И смотри, не смей брать в рот больше одной рюмашечки! Иначе своими руками голову тебе оторву!

— Да ты все обещаешь, все обещаешь, — сказал папаша Дэмиэн и нахмурился. — Да, чуть не забыл. Тут тебя Друм искал.

— Что ему надо?

— А черт его знает! Носится как курица с яйцом со всем, что ни взбредет ему в голову. Говорит, что сделал важное открытие и желает встретиться с Ганнибалом или с Кинги.

— Бедняжка, как же он всем осточертел. Все ведь за милую обходят его стороной. От него шарахаются!

— Он хочет, чтобы ты повлияла на Ганнибала и тот принял его. Говорит, это очень важно, но сказать он может только Ганнибалу или Кинги.

— Ладно, посмотрим, может, что и получится. До свидания, досточтимый предок.

— Да хранит тебя борода нашего доброго короля Венцеслава, дочь моя, — медленно проговорил Дэмиэн. — Тебя и всех, кто с тобой в одной лодке.

Питер и Одри уселись в королевскую карету. Девушка сначала вздохнула, а затем звонко рассмеялась.

— Бедный папочка! — сказала она. — С тех пор как не стало мамы, он и пристрастился к бутылке. Я, конечно, пытаюсь держать его под контролем, но, ясное дело, он безнадежен.

— Но он такой очаровашка, когда под мухой, — возразил Питер.

— Вот то-то и оно-то, — печально сказала Одри. — Он такой очаровашка, только когда под мухой. Ну, поедem, я познакомлю тебя с Кармен, а затем — на свидание к дереву омбу. Можешь пощупать, поласкать его. Не устал?

— Да как я могу устать в компании с тобой! — ответил Питер. — К тому же, когда знакомишься с целой толпой чудаков, при всем желании не соскучишься.

— Ну, если устанешь, скажи, а если нет, то после всего этого повезу тебя в Английский клуб, — пообещала Одри.

Королевская карета мчалась по узким улочкам сквозь яркую, словно оперение попугаев, толпу. Навстречу Питеру неслись миллионы самых разнообразных запахов, сопровождающих жизнь человеческих существ: запахи базара, свежeweстиранного белья, медовых леденцов, вонь козлов, сладковатый запах коров, насыщенный, перебивающий все на свете запах свиней, сухой, затхлый запах куриных перьев и отдающий водой и тиной запах уток. А вот целое море овощей и фруктов, воздействующих на наше

обоняние не хуже, чем симфонический оркестр — на слух. Нежной скрипке плодов личи вторила виолончель плодов манго; ягоды винограда звучали, словно клавиши рояля; мощная чарующая мелодия органа досталась ананасу, а кокосовые орехи стучали, словно выбивая барабанную дробь. Питер подумал, что нет лучшей возможности познать мир, чем поездка по людным улицам в этом дурацком экипаже (перед которым люди расступаются, как в иных местах расступаются перед каретой «Скорой помощи») в компании такой очаровательной девушки.

Наконец они доехали до берега моря и подкатили к приземистому трехэтажному зданию, притулившемуся у самого края гавани. Здание было сработано по большей части из не поддающихся разрушению бревен амелы. Но в том-то и дело, что остальные материалы, пошедшие на постройку, не отличались столь завидной прочностью, отчего здание скукожилось, словно хрупкая престарелая аристократка, которой стали слишком широки корсеты ее молодости. Складывалось впечатление, будто на рубеже XVIII и XIX веков, вскоре после завершения строительства, кто-то шутя дал зданию хороший толчок и с той поры оно, навсегда выйдя из равновесия, подобно Пизанской башне, склонилось над морской водой, блестящей на солнце, словно рыбы чешуйки, и такой прозрачной, что сквозь ее толщу видны были водоросли. К фасаду, словно рыба-прилипала к телу морского зверя, неуклюже прилепилась расцвеченная огнями вывеска: «Мамаша Кэри и ее курочки. Существоем с 1925 года». Очевидно, заведение иного профиля было бы радо похвастаться, что в нем и старые, закаленные кадры существуют с момента основания, но здесь был, прямо скажем, не тот случай. Питер и Одри подошли к большой черной перекошенной двери, напоминавшей вход в какой-нибудь донжон мрачного средневекового рыцарского замка. На двери красовалась вывеска меньшего размера, написанная алыми буквами: «Будьте как дома. Жентельменский налево, мадамский направо. Плеваться строго воспрещается».

— Интересно, на месте ли сегодня Кармен, — сказала Одри, толкая незапертую дверь.

За дверью находилась большая зала. Это был, по всей видимости, бар, но с такой причудливой обстановкой, какую увидишь разве что в павильоне для киносъемок. Посетитель, казалось, попадал в атмосферу ночного клуба двадцатых годов девятнадцатого столетия. Тут были и старинные зеркала в золоченых рамах, и антикварные вазы, в которых вместо цветов стояли страусовые перья, и выгоревшие, засиженные мухами раскрашенные гравюры, изображавшие томных леди в кринолинах. Меж столов шныряли с десятков неувловимых, как струйки дыма, разномастных котов; с места на место перебежали пяток кроликов с глазами пьяниц и множество морских свинок; на полу сидели, высунув языки и прерывисто дыша, четы-

Дре пестрых пса. Кроме того, в зале имелось с полдюжины жердей, на которых разместились шумные попутайчики, какаду и роскошный королевский ара — весь голубой, только глаза окаймлены желтым. В одном из углов стояла вместительная клетка с двумя зеленовато-серыми обезьянками-верветками, невесть из-за чего затеявшими потасовку.

За одним из накрытых клеенкой столов сидел капитан Паппас, мрачнее тучи; перед ним стояла массивная кружка с пивом. Напротив сидела Кармен Кэри — невысокая, толстая, с блестящими черными курчавыми волосами, голубыми, вылезающими из орбит глазками и крохотным ротиком, столь изящно изогнутым в виде купидонова лука, что казалось, он выписан кистью искусного художника; на кончике носа у нее было нацеплено пенсне, от которого к пышному бюсту тянулась массивная цепь. На шее красовалось ожерелье из жемчужин — столь крупных, что ни один из известных современной науке моллюсков не мог бы произвести их на свет без риска для жизни. Пальчики ее пухленьких ручек едва не ломались под тяжестью полудюжины перстней. У нее была безупречно гладкая кожа, и оставалось только гадать, какой она была очаровашкой, пока не заплыла жиром; теперь же приходилось удивляться, как это она помещается в своем шелковом платье перламутрового цвета. Несмотря на это, она излучала нежность и доброту, благодаря чему оставалась по-прежнему женственной и привлекательной. Но почему-то взгляд капитана Паппаса становился все мрачнее, а в голубых глазках его собеседницы начинал сверкать гнев. Стоявший перед ней стакан рома со сливками так и остался нетронутым. Ее розовые, словно фламинго, ногти принялись выбивать нервную дробь, но затем смолкли. Со стороны казалось, будто она и капитан Паппас играли в шахматы и застыли над трудным ходом. Наконец она сделала глубокий вдох и заговорила.

— Капитан Паппас, — медовым аристократическим голоском начала она, — ну вы же г'ек, истинный г'ек!

Капитан Паппас закатил свои крохотные черные глазки.

— Вы правы, — изрек он в ответ. — Да, я грека, истинный грека!

— Так не стыдно ли вам, как истинному г'еку, д'ать с меня т'и шку'ы за пе'евозку моих хо'ошеньких леди! Ну, как это, по-вашему, называется? 'азбой с большой до'оги!

— Вы требуете, чтобы я доставил вам партию проституток, — оскорбленным тоном сказал истинный грек. — Я требую надбавки!

Кармен вспыхнула. Ее щеки залились краской, но явно от гнева, а не от стыда.

— Да какие это п'оститутки, капитан Паппас, — возразила она, сохраняя в голосе аристократическую холодность, которая должна была добить капитана Паппаса. — П'аво же, они вовсе не п'оститутки!

— Ну, — невозмутимо сказал капитан Паппас, — если они не проститутки, то кто же тогда?

— Так, эско'т — девочки для п'елестных джентльменов, — сказала Кармен.

— А по-моему, как ни назови, проститутка — она и есть проститутка. Точнее говоря, проститутка — это профессия, шлюха — это характер, ну а стерва — это та, которую выгнали из веселого дома за стервозность, — завершил свои семантические изыскания капитан Паппас; очевидно, щадя женские уши, он не стал приводить более крепкий синоним. — Дело не в названии. Так что я настаиваю на прибавке за вредность!

— Не падайте так в моих глазах, капитан Паппас. Ведь п'о вас никто никогда не гово'ил, что вы мошенник. Вы хо'оший, доб'ый г'ек и должны же понимать, что бесчестье еще никого не ук'ашало. Вы вообще когда-нибудь слышали слово «скидка»?

— А то как же, — сказал капитан Паппас, — но за перевозку проститутки, независимо от численности партии, таковая не предусматривается.

В зале снова воцарилась тишина. Капитан и Кармен глядели друг на друга, словно два борца, выжидающих удобного момента, чтобы свернуть противнику запястье и бросить его на ковер. Вдруг Кармен увидела краешком глаза вошедших Питера и Одри и завизжала от радости.

— Мисс Од'и! — воскликнула она. — Мисс Од'и! Какая п'елесть! Ну, доб'о пожаловать!

Она встала и выступила навстречу гостям, кланяясь и воркуя, словно голубь. На лице ее одна за другой расцветали улыбки.

— Как я 'ада видеть вас здесь! — сказала она. — Сколько лет, сколько зим!

— Надеюсь, я вам не помешала, Кармен? — спросила Одри. — Я только хотела представить вам мистера Флокса.

— О, как я оча'ована, ей-богу, оча'ована, — сказала Кармен, протягивая пухлую ручку с поднятым вверх мизинцем. — Да нет, уве'яю вас, вы мне нисколько не мешаете! У нас тут деловой 'азгов' с капитаном Паппасом. Он г'озится заломить небывалый та'иф за пе'евозку новеньких хо'ошеньких девушек из Джака'ты.

— Как новеньких? — спросила Одри. — А куда же денутся старые?

— Они по-п'ежнему останутся п'и мне, но когда начнется ст'ои-тельство аз'одрома, мне пот'ебуются новые кад'ы. Сама понимаешь, будет столько офице'ов, б'авых мат'осов, отважных пилотов! А что нужно б'авым пилотам? Пе'вым делом, конечно же, хо'ошенькие девушки! Мои тепе'ешние кад'ы заняты по го'ло, у них сложилась постоянная клиенту'а. Так что с'очно нужно пополнение, а то скажут еще, что заведение «Мама-

ша Кэ'и и ее ку'очки» не сп'авляется с наг'узой! Я в пе'вую голову блюду 'епутацию фи'мы! — сказала она и направилась к бару. Ее крохотные ступни так быстро семенили под покровом длинного платья, что казалось, она не шагала, а скользила. — Пожалуйста, напитки на т'оих, милый, — заказала она. — 'ому со сливками для меня, а чего желает джентльмен? Чего-нибудь пок'епче?

— Да нет, нам с Питером два бокала пива, — сказала Одри. — Ей-богу, мы заскочили на минутку. И то только потому, что я показываю Питеру остров и хочу познакомить его с самыми уважаемыми здесь людьми.

— Ты п'ава, милая! — воскликнула Кармен, задирая нос и покрываясь румянцем от гордости. — Ни одна культу'ная п'ог'амма, ни одна экску'сия по ост'ову не будет полной без визита к нам. Ну что ж, мисте' Флоксе, если вд'уг будет на се'дце тяжесть и холодно в г'уди, захаживайте к нам, мои оча'овашки 'азвеют вашу г'усть и печаль!

— Спасибо, — сказал Питер. — Буду иметь в виду.

Кармен осушила свой бокал.

— Ну, мне пора, — сказал капитан Паппас, допив свою кружку и вытерев пену с губ.

Кармен, не спуская с него глаз, что-то считала в уме.

— Куда же вы так ско'о, капитан? Выпейте еще к'ужечку пе'ед уходом. В конце концов, мы с вами ни до чего не догово'ились.

— Значит, так: тридцать фунтов с головы, и ни пенсом меньше, — отрубил капитан, шлепнув ладонью по столу.

— Десять, и ни пенсом больше, — возразила Кармен, также шлепая ладонью по столу.

— Двадцать восемь, — пошел на уступки капитан, — если гарантируете как минимум десять.

«О чем это они? — изумился про себя Питер. — Совсем как работорговцы в былое время!»

— Га'анти'ую десять. Но — двенадцать фунтов, и ни г'оша больше, — сказала Кармен. — Вам ведь не п'идется ко'мить их в до'оге. Каждая возьмет с собой еду на все в'емя пути.

— Кармен, последняя цена — двадцать пять, — твердо сказал Паппас.

— А почему вы не берете девушек зенкалиек? — поинтересовалась Одри.

— Да нет, конечно же, они оча'овашки, — сказала Кармен, — здо'овые, нежные, в самом соку, но вот с личной гигиеной — п'ямо беда! Потные подмышки, и все такое. П'аво, это только отпугивает клиенту'у. Они т'удолобивы и п'илежны, этого у них нельзя отнять, но надо же иметь хоть какое-то понятие о чистоте. Вот только недавно мне п'ишло

‘ассчитывать одну. П’иходит ко мне клиент и гово’ит: «Она такая лапочка, такая п’елесть, только зачем она мне всю подушку засмо’кала?» Жаль, конечно: такая п’елесть, такие к’асивые ог’омные глаза, но п’ишлось ‘ассчитывать, никуда не денешься. Что я, виновата, что у моих клиентов столь чувствительная нату’а? П’иходится с этим считаться п’и ‘аз’аботке планов на будущее.

Между тем капитан Паппас допивал очередную кружку. Вид у него был торжествующий.

— Ну ладно! Ни твое, ни мое. Пусть будет двадцать фунтов, но ни пенсом меньше, — сказал капитан и хватил ладонью по столу.

— Идет, — сказала Кармен и в свою очередь шлепнула ладонью. Налив крохотную медную рюмку рома, она вылила его в пустую кружку капитана. — Сделка состоялась, — изрекла она.

— Состоялась, — ответил капитан и рыгнул мягким, исполненным самоудовлетворения звуком, каким может рыгать только грек, сознающий свою победу.

— Что ж, — сказала Одри, допивая свою кружку. — Теперь, когда мы в полной уверенности, что доблестные бойцы охвачены всесторонней заботой, можем ехать.

— Ну что ты, милая? Но ‘аз надо, значит, надо, я не гово’ю ни слова. Как вы смот’ите на то, чтобы в ближайшую пятницу пожаловать с вашим оча’овательным джентльменом ко мне на обед? У меня будет день ‘ождения, и я уст’аиваю небольшую вече’инку. Ничего особенного — будет го’стка гостей, будем петь и пить. Капитан, вы п’инесете свой инст’умент, а, капитан?

— Конечно! Какой же вечер без хорошей греческой музыки! — сказал капитан.

— Охотно будем! — сказала Одри.

Юноша и девушка начали протискиваться к выходу сквозь пеструю толпу котов, собак, кроликов и морских свинок. Попугаи вразнобой пожелали им счастливого пути, и королевская карета тронулась в путь.

— Я в смятении, — сказал Питер. — Я думал, мое сердце навеки отдаю Джу, а теперь, когда ты познакомила меня с Кармен, я понял, что девушка моей мечты — это именно она.

— Кармен вне конкуренции, — согласилась Одри. — И еще она — одна из самых добрых на острове. Если кому нужна помощь, она тут как тут. Несколько лет назад у нас была эпидемия ветряной оспы, так она и ее девушки сутками не отходили от больных, самоотверженно выхаживая их.

— Я бы сказал, что она упрямица, но в лучшем смысле слова... А теперь куда? — спросил Питер.

Д

— Как куда? К дереву омбу. А потом отвезу тебя домой.

— Знаешь, мне очень хочется вернуться туда, наверх, и тщательно обследовать долины, прежде чем они уйдут под воду, — сказал Питер. — Как ты думаешь, их успели изучить?

— Сомневаюсь, — сказала Одри. — Единственный, кто туда добирался, это Друм.

— Это еще кто?

— Профессор, специально присланный из Англии министерством сельского хозяйства для комплексного изучения биологии Зенкали. Он-то и открыл важность бабочки амела. Теперь он пытается выяснить, где же размножается это таинственное насекомое, вот и шатается по всему острову из конца в конец. Шалый он, но молодчина.

— А если я приведу в порядок все свое туристическое снаряжение, поедешь со мной туда на уик-энд?

— Да, — сказала девушка после короткой паузы. — Весьма охотно.

— Ну, тогда я займусь подготовкой, и когда все будет в порядке, сообщу тебе, — сказал Питер. Затем он откинулся назад и неожиданно почувствовал себя наверху блаженства.

Полчаса спустя они катили по дороге, ведущей из долины реки Матакамы, и вскоре достигли окраины Дзамандзара, где находился Ботанический сад. Сад этот, заложенный еще голландцами, был не очень обширный, но содержался аккуратно и насчитывал множество растений из Азии и Африки. Деревья и кустарники были высажены рядами или группами и окружены водоемами с разноцветными водяными лилиями и папирусом. Посреди этой пышной экзотической растительности приютилась низенькая облупившаяся постройка, являвшаяся, как свидетельствовала табличка на входе, административным зданием Ботанического сада.

Одри постучала в дверь.

— Войдите! — пропищал голосок изнутри. В комнате за письменным столом, заваленным папками с гербариями и грозящими обрушиться пирамидами статей, сидел толстенький человечек с лысой блестящей головой. Он носил самые большие очки, которые когда-либо видел Питер, а толщина стекол свидетельствовала о том, что степень остроты его зрения лишь немногим отличается от слепоты.

— А! Одри! Одри! Как я рад, что вы пришли! — пропищал человечек, выкатился из-за письменного стола и пожал ей руки. — Как приятно видеть вас. Чем могу служить?

Чтобы лучше видеть свою гостью, он приподнялся на цыпочки, при этом все его жирное тельце дрожало, а хитроумные очки блеснули.

— Я не одна, доктор Мали Феллугона, — сказала Одри. — Со мной гость, его зовут Питер Флокс. Если можно, покажите ему дерево омбу.

— Рад, очень рад вас видеть, — пропищал человечек, пожимая руку Питеру. — Весьма польщен, весьма растроган! Конечно, конечно! Пойдемте скорее к омбу. Бедное дерево! Одно на всем белом свете! Оно так любит посетителей!

Услышав это, Питер загорелся. Человечек вооружился преогромным ключом, и, выйдя из конторы, вся троица отправилась по широкой, обсаженной королевскими пальмами дорожке.

— Вы не представляете, как это дерево ценит любой пустяк, который для него делаешь, — продолжал человечек. — Конечно, заботу и ласку любят все деревья, но это — особенно. Представляет, оно обожает музыку; как хорошо, что я умею играть на флейте. Первое, с чего я начинаю каждое утро, — играю одну-две мелодии, которые любит бедняжка омбу. Похоже, оно предпочитает Моцарта и особенно Вивальди, а Баха находит слишком сложным.

Доктор Феллугона повел гостей в тот угол сада, где было воздвигнуто сооружение, напоминающее гигантский вольер. Поверх мощного стального каркаса была натянута тонкая сетка, какую натягивают обыкновенно от комаров. Феллугона отпер дверь, и все трое ступили внутрь.

— Вот, мистер Флокс, — сказал Феллугона, словно стараясь сдерживать рыдания. — Самое одинокое дерево на всем белом свете!

Дерево омбу выглядело весьма необычно. У него был могучий ствол футов десяти в высоту и около восьми в обхвате. От ствола отходили массивные разветвленные корни, похожие на когти какого-нибудь мифологического животного. Кора состояла из зеленых и серебряных слоев и была усеяна дырами и трещинами, словно гигантский кусок пемзы. С толстых переплетающихся коротких ветвей, на удивление одинаковой длины, как будто их кто-то нарочно подстриг, свисали небольшие лоснящиеся зеленые листья, по форме напоминающие наконечники стрел. Питер решил, что это дерево сходно с огромным зеленым пляжным зонтиком на толстенной ножке.

— Красота, не правда ли? — почтительным шепотом спросил Феллугона.

— Согласен, — сказал Питер, хотя в душе сознавал, что при взгляде на это дерево слово «красота» едва ли приходит в голову первым. Да, его нельзя было назвать «красивым» в общепринятом смысле. Зато под его шершавую кору почти физически ощущалось биение живого сердца, как у зверя или птицы. Юноша шагнул вперед и ласково провел ладонями по растрескавшейся и изрытой оспинами коре, теплой и грубоватой, будто шкура слона.

— Оно обожает, когда его гладят, чешут и делают ему массаж, — сказал Феллугона. — Клянусь, что не имею возможности уделять ему

Д столько времени, сколько оно заслуживает. Столько других забот по саду! Вот и приходится мне ограничиваться тремя-четырьмя визитами в день. Сознаю, что оно недополучает от меня интеллектуального стимула: эх, если б я мог приходить к нему чаще и обмениваться с ним мыслями!

— А почему вы держите его в этой клетке? — спросил Питер.

— От насекомых. — Эту фразу Феллугона произнес таким тоном, будто исторг проклятие, отчего его очки заблестели еще сильнее. — А то от них житья нет, — сказал он и поднял пухлый указательный палец. — Да, житья от них нет, дорогой мистер Флокс. Стоит только чуточку приоткрыть дверь, хоть на дюйм, хоть вот на такусенькую щелочку, как они тут же норовят ворваться внутрь и сожрать все на свете! Хуже Чингисхана, хуже гуннов, хуже варваров! А что поделаешь? Как только была открыта польза бабочки амела для экономики, сразу последовал запрет на применение любых инсектицидов, и руки у нас оказались связанными. Приходится щадить любую букашку-таракашку, любую козявку, ползает она или летает.

Он сделал паузу, снял свои фантастические очки и тщательно протер их. Оставшись без линз, его глаза уменьшились до размера кротовых, но как только очки заняли свое место, глаза восстановили свой прежний размер.

— Так вот почему, мистер Флокс, мы вынуждены были построить это жилище для нашей Стеллы, — сказал он, помахав своей пухлой рукой. — Давайте не будем называть это клеткой — ведь клетка непременно ассоциируется с неволей. Стелла предпочитает, чтобы мы называли ее жилище будуаром.

— Понятно, — тяжело выговорил Питер, стараясь не смотреть в глаза Одри.

— Последняя из своего рода, — сказал Феллугона, — последняя из своего рода... Когда она уйдет, — Феллугоне не хотелось говорить «умрет», — весь ботанический мир станет беднее... Потеря будет неизмерима...

— Да, да, — сказал Питер. — Почитаю за большую честь, доктор Феллугона, что мне разрешили повидать Стеллу. Это для меня действительно огромная честь.

— Как мило с вашей стороны, как мило, — сияя, сказал Феллугона. — Я уверен, что вы своим приходом доставили массу радости Стелле. Понимаете ли вы, дорогой мистер Флокс, как важны для нашей Стеллы встречи с новыми людьми? Боюсь, ей уже порядком поднадоели постоянные посетители, одни и те же лица. Приходите снова! Это ваш долг, ей-богу!

Не переставая рассказывать, сколь важное терапевтическое значение для здоровья и благополучия Стеллы имеют встречи с новыми людьми, доктор Феллугона проводил Питера и Одри до машины. Встав на цыпочки, он

помахал им рукой, а его фантастические очки еще ярче заблестели на солнце. Как только машина отъехала, Питер развалился в кресле и закрыл глаза.

— Я сдаюсь, — проговорил он. — После того как я побывал у Стеллы в будуаре, меня уже ничем не удивить.

Одри захихикала.

— Я так и думала, что тебе понравится. Но, помимо интереса, который вызывает Стелла, сам по себе Феллугона — один из самых симпатичных здешних обитателей.

— Теряюсь в догадках: как же тебе удалось собрать коллекцию столь милых чудаков? — спросил Питер.

— Это не я. Это Зенкали притягивает к себе таких. Должно быть, всем, кто не от мира сего, не сидится на месте, вот они и шатаются по свету, ища, кому они нужны такими, как есть, и собираются здесь, на Зенкали, где каждый сходит с ума по-своему. Возьмем хоть губернатора — бедняга столько скитался, ища уютного уголка, пока кому-то не пришла в голову счастливая мысль направить его сюда.

— О таком губернаторе зенкалийцы могут только мечтать.

— И я про то же. Зенкалийцы без ума от него, вот он и носится по всему острову, словно ополоумевший мотылек: там выставку овощей откроет, там ребенка по головке погладит... Это только для нас с тобой он — тихий помешанный, а в глазах зенкалийцев-то он — великий человек! Они все слушают его речи с почтением.

— Как, он еще и речи произносит?!

— Да, и не по одному десятку в год. Сами зенкалийцы вдохновляют его на это. Ганнибал называет его словоизлияния «вербальными айсбергами», потому что лишь десятая часть того, что исторгается из его уст, имеет хоть какой-то смысл. Но зенкалийцы мнят своего губернатора лучшим после Шекспира мастером слова.

Машина катила к жилищу Питера по дороге, бежавшей вдоль побережья. Солнце уже зашло за горизонт, окрасив небо в зеленые, алые и желтые, словно абрикос, тона; ветер дарил столь приятную после дневной жары прохладу. Навстречу то и дело попадались женщины: одни шли с корзинами свежесстиранного белья на голове, другие возвращались с полей, неся под мышкой мотыги, а на голове — корзины с овощами и фруктами.

— Заскочишь ко мне с дороги? Выпьем немножко, — пригласил Питер, когда машина остановилась возле бунгало.

— Только очень ненадолго, — сказала Одри. — Я просто обязана поскорей вернуться домой и проследить, чтобы папочка плотно поужинал.

Усталые путники вошли в залитую светом гостиную, и тут же им навстречу вышел одетый в белое и с широкой белозубой улыбкой Эймос.

Д

В руке у него была трость, используемая на Зенкали в качестве сумки письмоносца.

— Добрый вечер, сэ', добрый вечер, мисс Одли, — сказал он. — На имя масса поступила грамота от масса Ганнибал, сэ'.

— Спасибо, — сказал Питер, принимая послание из рук Эймаса. — Пожалуйста, Эймас, подай нам напитки.

— Да, сэ', — сказал Эймас и исчез. Питер развернул письмо и прочитал:

«Питер, я должен сообщить Вам пренеприятную новость. Идея строительства аэродрома прошла на голосовании, но, по-моему, точку ставить рано. Просьба прибыть ко мне завтра в восемь на военный совет. Дел много.

Г.»

— Сволочи! — завопила Одри, и из глаз ее хлынули слезы. — Ну просто сволочи! Все как один!

— Да погоди ты! Может, все еще не так страшно, как вы с Ганнибалом думаете, — сказал Питер, безуспешно пытаясь сдержать эмоции.

Одри залпом осушила стакан и поставила его на стол.

— Будет еще хуже, чем мы думаем, — сказала она. — Ну, мне пора. Пока. — Одри выпорхнула из бунгало, и прежде чем Питер выскочил, чтобы проводить ее, прыгнула в машину и была такова.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЗЕНКАЛИ УДИВЛЕН

Весь следующий день, как и последующие две недели, Питер провел в неустанных трудах и заботах: он носился между Королевским дворцом, домом Ганнибала и Домом правительства, наблюдая за подготовкой церемонии подписания договора между правительством Зенкали и правительством Великобритании.

Да, да, того самого договора, который грозил превращением забытого богом и цивилизацией острова в стратегически важный военный объект. Дело существенно усложнялось тем, что Кинги настаивал на максимальной помпе и пышности церемонии. Еще бы: ему так редко приходилось надевать свою ладно скроенную униформу, зачем же упускать такой шанс?! Правительство Великобритании присылало по такому случаю из Сингапура батальон пехоты, флотский оркестр и трех весьма странных военачальников — представителей всех видов вооруженных сил: бригадира как представителя сухопутных войск, престарелого адмирала и совер-

шенно погрязшего в старческом маразме командующего военно-воздушными силами. К изумлению Питера, представителем королевы Англии был выбран не кто иной, как его родной дядюшка сэр Осберт. С ним должен был приехать лорд Хаммер — представитель всемирно известной строительной фирмы «Хаммерстайн-энд-Гэллоп», которой и было вверено строительство плотины, аэродрома и военного порта, казавшееся теперь почти свершившимся фактом. В итоге в общем-то рядовая церемония обрастала таким количеством протокольных деталей, что разработка ее отнимала массу времени и сил. Был еще один человек, формально отвечавший за подготовку, — адъютант губернатора Диггри Финн, стройный молодой человек с песчаного цвета волосами и вечно красными глазами, жутким заиканием и абсолютно дырявой головой. К тому же он имел склонность впадать в истерику при первых же признаках каких-либо осложнений, и было ясно, что толку от такого помощника ни на грош. Все перекладывалось на крепкие плечи Питера.

В общем, две недели Питер работал как вол, но, слава богу, в конце этого срока все было в ажуре. Были подготовлены спальни для размещения гостей; приведены в порядок дорожки для церемониальных маршей; губернатор написал великое множество речей и усердно тренировался перед зеркалом; знамена и флажки выстирали, а флаштоки отчистили от ржавчины; зенкалийский оркестр репетировал так, что вокруг дохли мухи, а у прохожих начинали болеть здоровые зубы. Правда, не обошлось без происшествий. Проверяя пушки, из которых предполагалось дать салют в честь высоких гостей, королевские гвардейцы по ошибке зарядили их боевыми снарядами и, к величайшему неудовольствию его величества, пробили в стене дворца огромную брешь. Весь Зенкали был на грани истерии; даже такая тварь, как кобра, и та не вынесла всеобщей суматохи. Решив покончить с собой, она заползла в единственный в городе генератор и замкнула его. В результате весь остров мгновенно погрузился во тьму. Свет, конечно, дали, но до этого целые сутки искали механика, который осмелился бы извлечь из генератора мертвую диверсантку. Хуже всего было то, что из-за отсутствия электричества потекли холодильники: растаяли все запасы мороженого, протухли все приготовленные для торжественных обедов скоропортящиеся продукты. Радовался этому один капитан Паппас — ему предоставилась возможность лишний раз сгонять в Джакарту за новыми припасами. Был и такой случай: пастух затемно гнал стадо коров, стремясь к рассвету поспеть с ними на базар в Дзамандзар, когда город внезапно погрузился во мрак. Обезумевшие от страха животные, обратившись в бегство, снесли и втоптали в грязь один из великолепных шатров, сооруженных для приема высоких гостей, к тому же — вследствие нервного потрясения — изрядно удоблив его своими лепешками. Понадобился напряжен-

Д ный пятидневный труд двадцати пяти дюжих прачек-мужчин, чтобы шатер снова стал соответствовать всем требованиям гигиены и засверкал, как прежде. Когда же наконец за заботами забрезжил отдых, Питер почувствовал острую необходимость отвлечься и позвонил Одри.

— Ну так как, — спросил он, — ты еще не отказалась от мысли съездить в горы и полазить по долинам? Я чувствую, что, если не вырвусь и не спрячусь подальше от этой суматохи, меня можно будет смело запирать в сумасшедший дом.

— Поедем! — сказала Одри. — А когда ты хочешь?

— Я заскочу за тобой завтра утром. Часиков в восемь, о'кей? Возьмем консервов на сутки и кучу всяких фруктов.

— Я испеку в дорогу роскошный пирог, — сказала Одри. — Можешь поверить на слово, у меня пироги всегда отменные.

Он уже собирался положить трубку и выпить прохладного пива, когда появился Эймос.

— Пожалуйста, сэ', — сказал он. — Масса Друм ждет вас.

Питер недовольно заворчал. Похоже, что Друм, так и не добившийся аудиенции ни у Кинги, ни у Ганнибала из-за чрезмерной занятости последних предпраздничными хлопотами, видел в Питере свою последнюю надежду. Он и раньше не оставлял Питера в покое: то позвонит, то пришлет трость, содержащую просьбу об аудиенции, а теперь вот явился собственной персоной.

— Чер... — начал было Питер и осекся. — Я хотел сказать, замечательно! Эймос! Пригласи посетителя войти.

Друм робко вошел в комнату, и Питер с любопытством взглянул на него. У посетителя, ростом не выше первоклассника, была голубиная грудь, костистые ноги и небольшое искривление позвоночника, в результате чего голова выдавалась вперед, как у грифа. Его гладкие жирные волосы были полны перхоти. Бледно-голубые, словно вешняя вода, глаза вылезали из орбит; к тому же он постоянно чихал, причем с регулярными интервалами, хоть секундомер проверяй. Покачиваясь и раболепно кланяясь, он крался по комнате походкой краба, обнажая жалкие остатки желтых зубов меж бескровных губ в попытке изобразить некое подобие улыбки. На нем были длиннющие шорты-бермуды, закрывавшие его уродливые ноги ниже колен и потому походившие скорее на высоко подшитые брюки; его серая тропическая куртка, надетая поверх давно не стиранной рубашки, когда-то, должно быть, сияла белизной, а оттопыренные карманы, похожие на ласточкины гнезда, были набиты несметным количеством вещей: тут были и жестянки, и коробочки, и увеличительные стекла, а также сачок и моток тонкой проволоки. «Как это в одном человеческом существе

могло соединиться столько непривлекательных черт?» — подумал Питер. Ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы пожать большую, влажную, с длинными грязными ногтями руку, протянутую гостем.

— Я очарован, мистер Флокс, — сказал гость. — Вы так добры, что уделяете мне внимание.

Он чихнул и вытер нос тыльной стороной ладони. Звуки его голоса были носовыми и писклявыми, а говорил он снисходительным тоном лектора-академика.

— Рад вас видеть, — сказал Питер, слегка ошалевший от жутковатого, но все-таки обаяния. Он-то думал, что гость, судя по внешности, будет все несносен. — Не желаете ли пропустить по маленькой? — спросил он. — Садитесь.

— Благодарю за вашу доброту, — сказал гость, забившись в кресло и переплетя ноги, словно ивовые прутья. — Я не считаю, что истина в вине. Но вы только не подумайте, что я и вас отговариваю, мистер Флокс! Пьянствуйте себе на здоровье, а мне достаточно стаканчика соку.

Следуя пожеланиям гостя, Питер налил себе большущий стакан виски с содовой, а ему — стакан лимонного сока.

— Извините, что вам так долго не удавалось никого из нас застать. Завал работы, все сбились с ног, — сказал Питер, покривив душой.

— Никаких извинений, мистер Флокс, — сказал Друм и поднял длинный заскорузлый палец, словно призывая Питера замолчать. — Я понимаю: на плечи правительства свалилось столько дел, что даже самых закаленных в боях пошатывает.

— Ну, так к делу. С чем пожаловали? — оборвал гостя Питер, усмотрев в его словах неприятный намек, что он еще юн и необстрелян.

Смачно высосав полстакана и вытерев рот тыльной стороной ладони, Друм одарил Питера своей замогильной улыбкой.

— Моя просьба, милый Флокс, проста. Да. Единственное, о чем я вас попрошу — знаю, вы человек влиятельный, само правительство к вам прислушивается, — это убедить его величество или Олифанта Ганнибала дать мне короткую аудиенцию. Да. Я считаю, что им крайне важно встретиться со мной. Да. Вы и представить себе не можете всю важность того, что я хочу им сообщить, мистер Флокс. Да.

— Осмелюсь сказать, что его величество и Олифант Ганнибал чрезвычайно загружены, — ответил Питер, проявляя терпение. — Может быть, вы прежде изложите суть вашей проблемы мне? Тогда при случае я переговорю с кем-нибудь из них, ведь я вижу их обоих каждый день.

Профессор Друм устремил на Питера непонятный, но впечатляющий взгляд. Он снова поднял свой заскорузлый палец.

Д — Мистер Флокс! Вы и представить себе не можете важность того, что я собираюсь сообщить. Я не имею права — мое ученое звание не дает мне права — поведать это кому бы то ни было рангом ниже. Нет! Это можно довести до сведения только короля или Олифанта! Я не могу допустить — моя ученая степень не дает мне права! — чтобы эта информация оказалась в руках непосвященных!

Питер от природы обладал ангельским терпением, но сейчас, после напряженного трудового дня, он чувствовал, что гость выводит его из себя. Ему стало совершенно ясно, почему все шарахаются от него за километр.

— Я вижу, профессор Друм, вы отказываете мне в доверии, — спокойно сказал он, — поэтому могу предложить вам только одно: изложите суть вашей проблемы в письменном виде, а я передам ваше сообщение непосредственно королю или Ганнибалу. А сейчас простите. У меня был очень напряженный день. Мне бы поужинать да завалиться спать.

Он демонстративно встал и направился к выходу, но Друм, поставив на стол недопитый стакан, потащил его за рукав.

— Мистер Флокс, мистер Флокс, — простонал он. — Ну, послушайте же меня! Я могу только в устной форме! Я не могу, мое ученое звание не позволяет мне довериться бумаге, пока я не закончу эксперимент и не удостоверюсь в непоколебимости своей гипотезы.

— Так подождите, пока закончите эксперимент, — отрезал Питер, — а затем изложите ваши выводы на бумаге и передайте тому, кого считаете достойным и посвященным.

— Я вижу, вы наукам не обучены, — сказал Друм.

— Зато я обучен хорошим манерам, — сказал Питер. — Доброй ночи, профессор.

Друм расплел свои волосатые ноги, подобрал выпавшие у него из карманов коробочки и колбы и встал.

— Вы еще пожалеете об этом, мистер Флокс, помяните мое слово! — сказал он.

— Я вам еще раз повторяю: изложите мне суть вашей проблемы или доверьте ее бумаге, а я передам в вышестоящие инстанции. Больше ничего сделать не могу.

— Хорошо, а если в ближайшие дни откроется что-нибудь новое и мой эксперимент можно будет считать законченным, — могу ли я снова нанести вам визит? — спросил Друм.

— Безусловно, — неохотно ответил Питер.

— Надеюсь, все быстро выяснится, — сказал Друм, вытер нос тыльной стороной ладони и сунул ее Питеру. — Спасибо вам за доброту. Извините, что отнял время, — пропищал он и пугливо выскользнул из комнаты.

Питер тут же бросился мыть руки, а затем налил себе стакан виски куда больше предыдущего. Он решил сразу доложить о госте Ганнибалу и впервые испытал на себе капризы загородной телефонной сети Зенкали. Подняв трубку, он услышал странный щелчок, похожий на пистолетный выстрел, а затем жуткий гул, вроде концерта для водопроводных труб в сопровождении роя пчел. Он набрал номер Ганнибала и услышал в трубке голос, доносившийся будто с того света:

— Да, сэ', мистер Флокс. Кого позвать?

— Кто говорит?

— Наполеон.

— Ганнибала можно?

Последовала длительная пауза, но было слышно, как Наполеон Ватерлоо с кем-то переговаривается.

— Иисус говорит, что мистера Ганнибала нет дома, — неожиданно ответил Наполеон.

— Иисус?! — удивился Питер, так до конца и не успевший привыкнуть к зенкалийским именам.

— Да, Иисус говорит, что Ганнибал поехал в Дом правительства. Соединить вас с Домом правительства? — спросил Наполеон.

— Валяй, — ответил Питер и вдруг понял, что диск на его аппарате совершенно бесполезен и служит разве что украшением столь хитроумного устройства. Соединение происходило хоть и с шумом, но быстро — сначала с центральным полицейским участком, потом с рыбным рынком и наконец, к радости Питера, с Домом правительства. Трубку взял сам Ганнибал. Питер все рассказал ему о госте.

— Как он всем надоед! — сказал Ганнибал. — Не будь он столь омерзителен, было бы еще ничего: с ним так интересно, когда он говорит на свои любимые темы! Но ты сам видел, как он любит играть в тайны! Вот только недавно прожужжал все уши и мне, и королю, что сделал важное открытие, а это оказалась всего-навсего неизвестная науке разновидность медузы, и он хотел назвать ее именем Кинги. Да не принимай ты его всерьез! Понимаю, тебе обидно, что он держал себя с тобой так грубо; но он со всеми так, и непонятно, почему бы он стал делать для тебя исключение.

— Да я просто хотел сообщить, — сказал Питер.

— Прекрасно. Но в самый разгар внутреннего кризиса мне положительно не до Драума.

— А что стряслось? Могу ли я чем-нибудь помочь?

— К сожалению, нет. Случилось то, что Изумрудная леди обнаружила нехватку простыней для Очень Важных Персон. Что же мне, жертвовать свои на общее дело, а самому париться под одеялом? — раздраженно

Д

вскричал Ганнибал. — Эх, намылил бы я шею британскому правительству за такую скаредность!

— Я тут отлучусь на пару дней. Хочется побродить по долинам реки Матакамы вместе с Одри.

— Прекрасно. А может, мне с тобой поехать? А то подозреваю, что вам вдвоем будет скучно. — Питер захихикал в ответ. — Да смотри не заблудись в этих долинах! Они даже как следует не нанесены на карту. Смотри, я тебя потом искать не буду!

— Что вы, я буду осторожен, — сказал Питер.

На следующее утро Питер и Одри выехали в горы. Погода оказалась столь благосклонна к путникам, что они даже решили не брать с собой палатку. Но два теплых спальных мешка захватить пришлось, ибо, как ни жарко на Зенкали днем, ночью там довольно прохладно, тем более в горах. Одри испекла по два небольших пирога на каждого — один большой просто не поместился бы в машине. Не отставал и Питер, напихавший в рюкзак столько всякой всячины, что в течение двух дней можно было вести не то что сносную, а вполне роскошную жизнь. Чего тут только не было: и консервы, и чай, и спички, и даже нейлоновые веревки, и фотоаппарат. Небо сияло голубизной, и радость жизни переполняла душу Одри, как никогда прежде. Они катили по красной дороге вдоль высокого берега Матакамы. С обочины за машиной с интересом наблюдали мангусты, а затем шмыгнули в кусты. Раз дорогу перебежало стадо диких свиней — маленьких, округлых, черных, с пухлыми брюшками и отвислыми ушами. Когда машина оказалась в опасной близости, свинки в испуге принялись визжать, фыркать и пихать друг друга пяточками.

А вот и дикий край, где пролегает долина Матакамы, от которой отходят дочерние долины. Справившись по карте, предусмотрительно захваченной Питером, путники решили пересечь основную долину и исследовать три меньшие. Прыгая со скалы на скалу, они перебрались на другую сторону реки, при этом изрядно рискуя сломать себе шею, так как скалы были очень скользкими и покрыты густой мягкой растительностью, цеплявшейся за гладкую поверхность хрупкими корешками.

Пугаясь непрошенных гостей, тревожно кричали зимородки, перепархивая с ветки на ветку во мраке леса. Когда переправа, точнее, «перепрыжка» на тот берег была закончена, шагать стало легче, хотя то там, то здесь путь преграждали густые и прямые, словно трости в витрине шляпного магазина викторианской эпохи, побеги китайской гуавы. В таких случаях приходилось орудовать топором. Питер тщательно отмечал путь по карте, а также оставлял метки, чтобы потом легко было найти дорогу назад. Там, где лес был не столь густым, земля была усеяна бледно-красными цветами,

и, словно гигантские остовы для корзин, повсюду росли кусты дикой малины; их красные, как рубин, плоды размером с мелкую сливу были очень сочными, но почти безвкусными. Среди листвы кормились влюбленные пары скромных маленьких голубей — серых с бронзовыми пятнами на крыльях. Они казались настолько ручными, что продолжали свою трапезу даже тогда, когда Питер и Одри приближались к ним на несколько футов. Повсеместно росли пальмы путников с ядовито-зеленым асимметричным оперением, словно полуоткрытые дамские веера, неизвестно зачем оказавшиеся посреди леса. Их длинные потрепанные листья служили приютом ящерицам фелсума, которые грелись на солнце. Глаз не оторвешь, любясь, как элегантно возлежат на листьях эти зеленые, с алыми и голубыми пятнышками по бокам, создания. Но наивно полагать, будто похожие на сказочных дракончиков твари забыли обо всем на свете — они бдительно следят за окружающей жизнью крохотными золотыми глазками, слегка наклонив головки. Пробираясь сквозь чащобу, Питер и Одри шли под дождем из скорлупы лесных плодов, которую сбрасывали на них изумрудные попугайчики, кормившиеся на верхних ветвях. Радуюсь жизни, эти милые птахи весело пищали, перекликаясь друг с другом.

К вечеру Питер и Одри успели облазить первую долину и были на полпути ко второй. На ночлег решили устроиться под небольшим скальным выступом. Отсюда, с крохотной лужайки, окруженной с трех сторон «огненными» деревьями в цвету (отчего они и кажутся объатыми пламенем), сквозь верхушки деревьев, растущих понизу, открывался прекрасный вид на голубеющее вдали море.

Питер и Одри развели костер и поужинали. Между тем зашло солнце, в воздухе послышался шорох кожистых крыльев летучих мышей: они летели стаями в расположенный внизу лес. Раздавшиеся оттуда вскоре шум и писк свидетельствовали о том, что ночным крылатым созданиям пришлось по вкусу дикие плоды манго. И наконец венцом торжества ночи стало царственное восхождение луны. Сначала она была бронзовой, затем приобрела бледно-желтый цвет примулы, а воцарившись на черном бархатном небе, стала белой, словно лед.

Сладкий сон путешественников был грубо прерван поутру хриплыми криками и перебранками макак с хитрыми глазками и розовыми седалищами. Позевывая и потягиваясь, Питер выполз из спального мешка.

— С добрым утром, — сказала Одри. — Может, поставишь чайку?

— Охотно, — сказал Питер, склонившись над угольками и бросая горсть за горстью сухие веточки, чтобы пламя разгорелось. — И даже поставлю вариться сосиски, которые, к счастью, догадался захватить.

О
Д

— Ты просто золото! — восхищенно сказала Одри. — И вдобавок ко всему прочему, еще и не храпишь.

— То-то! — сказал Питер. — Перед тобой — образец добродетели! Ты что, поняла это только сейчас?

— Вот посмотри, как ты свариишь сосиски, — тогда поверю! — заявила она, вылезая из мешка.

— А что ты думаешь? Я удивлял весь белый свет, от Стамбула до Бангкока и от Перу до Катманду, своим искусством варить сосиски. Если не похвалишь моего коронного блюда — смотри, не сносить тебе головы!

...Путники неохотно покинули столь ласково приютившую их лужайку и отправились к следующей долине. Время близилось к полудню, а они все еще искали ее и уже решили, что либо она нанесена на карту ошибочно, либо они каким-то образом обошли ее стороной. Прорубив себе путь сквозь чащу китайской гуавы, они неожиданно оказались на краю пятидесятифутового обрыва. Он шел почти перпендикулярно и простирался в обе стороны, насколько хватало глаз.

— Слава богу, что я захватил веревки, — сказал Питер. — Спуститься будет не проблема: я посмотрел, там есть где ставить ноги.

— Прежде чем спускаться, подумай, как вернешься назад, — с сомнением сказала Одри.

— Ничего. Особых трудностей не будет, это я тебе обещаю, — доверительно сказал Питер.

Он привязал один конец веревки к прочно укоренившемуся деревцу, а другой сбросил вниз. Конец веревки упал в нескольких футах от поверхности земли, затерявшись среди кустов.

— Я пойду первым, — сказал он. — Потом спустишь наши вещи и слезешь сама. Ничего не бойся, только поаккуратнее ставь ногу. О'кей?

— О'кей, — сказала Одри как можно убедительнее, чтобы собеседник поверил ей. Втайне она была польщена: значит, Питер верит, что она сможет обойтись без женской истерики.

Питер схватился за веревку и начал быстро спускаться. Ноги-то поставить было где, но поверхность скалы, как оказалось, готова была искрошиться в прах, и ему пришлось призвать на помощь осторожность. Когда до земли оставалось всего двадцать футов, крупный кусок скалы, на который он уже собирался перенести свою тяжесть, рухнул со страшным шумом. Это было так неожиданно, что бедолага выпустил из рук веревку. Одри с ужасом наблюдала, как он катился, словно куль, по поверхности скалы, а затем нырнул головой в кусты и исчез из виду.

— Питер! — крикнула она. — Как ты там?

Ответа не последовало.

К счастью, кусты китайской гуавы — той самой проклятой гуавы, которая глушит все на свете, — самортизировали падение незадачливого скалолаза. Наш герой отделался царапиной на лбу, подвернутой лодыжкой да несколькими синяками на боках. Он лежал в кустах без движения и, хоть и слышал, как Одри зовет его с вершины скалы, не в силах был даже набрать воздуха в легкие, чтобы ответить. Когда же наконец дыхание у него восстановилось, он перешел в сидячее положение и уже готов был крикнуть, что все в порядке, как вдруг услышал в ближайшем кустарнике шорох и увидел сквозь листву неведомую крупную птицу.

Питер не мог поверить своим глазам. Он ожидал чего угодно, но только не этого. Пред ним во всей своей красе стоял живой пересмешник.

Наш герой сидел, словно громом пораженный. Птица шаловливо разглядывала его, затем медленным шагом направилась в сторону лужайки. Питер любовался, как грациозно она поднимает ноги и поворачивает голову — словно искусный учитель танцев в изысканном маскарадном костюме птицы. Прошествовав изящным семенящим шагом сквозь побеги гуавы, она хлопнула крыльями. Раздался звук, будто кто-то тасовал колоду карт. Питер обратил внимание на длинные ресницы птицы. Когда она поднимала их, в больших искрящихся глазах вспыхивал добрый свет. Судя по всему, любопытство, которое выказала птица при виде Питера, было куда меньше, чем потрясение, испытанное Питером при взгляде на нее. Внезапно в кустах снова раздался шорох и хлопанье крыльев — это на лужайку выступила самка. При виде кавалера издаваемые ею высокие писклявые звуки сменились ласковым, утешающим бормотанием. Она подошла к самцу и слегка причесала перышки у него на грудке — так иная не в меру ревностная супруга поправляет галстук у своего благоверного. Сидя и наблюдая за происходящим, Питер чувствовал, как все его существо переполняется неизъяснимым волнением. Перед ним ласково кокетничала пара птиц, почитавшихся давным-давно исчезнувшими.

У самца был глубокий вибрирующий голос. Представьте себе, что кто-то поставил в подпол виолончель и развлекается тем, что швыряет в нее картофелину за картофелиной, — такими звуками он призывал свою возлюбленную. Подруте же в тот момент было явно не до него: она приводила в порядок свой наряд примерно с таким же тщанием и раздражением, как пожилая леди, защемившая платье дверью лифта в универмаге «Харродс». Окончив туалет, она ответила несколькими неясными звуками, похожими на мурлыканье, и обе птицы ласково поглядели друг на друга и на Питера. Сойдясь, они скрестили клювы, словно заправские дуэлянты — стальные клинки, и принялись целоваться, издавая при этом такой звук, будто кто-то проводил палкой по деревянному штакетнику. Обменявшись при-

Д

ветствиями, они воздели клювы к небу, закрыли глаза и затянули свою на-смешливую песню.

«Ха! Ха! Ха! — выпевали они, да так, что горлышки дрожали. — Ха! Ха! Ха!»

На какое-то мгновение птицы замолкли, уставившись в землю, а затем самка исполнила короткий, но интригующий менуэт, в результате чего едва не упала клювом вниз. Закончив этот ритуал, птицы взглянули друг на друга с видимым выражением привязанности, коротенько поцеловались и принялись бродить по лужайке, обмениваясь любезностями и вороша листья в поисках насекомых.

Питер отряхнул с себя мох и землю. Птицы шаловливо поглядели на него и двинулись вперед. Они стояли всего в каком-нибудь футе и смотрели на Питера с нескрываемым интересом. Наконец кавалер с видом гурмана, пробуящего новый деликатес, клюнул Питера за брюки. В ответ Питер протянул руку, и птицы стали нежно хватать его клювами за пальцы, потом переглянулись и затянули свое мягкое и мелодичное «Ха! Ха!.. Ха! Ха!», должно быть выражая таким образом впечатление от встречи. Они снова подергали клювами его брюки, затем рубашку и, подняв длинные ресницы, застилавшие темные глаза, пристально посмотрели ему в лицо. Наконец, продемонстрировав свое миролюбие и доброжелательство по отношению к пришельцу, они направились в кустарник, переговариваясь между собой глубокими вибрирующими звуками.

Питер лег на спину, пытаясь переварить происшедшее с ним невероятное событие. Он снова услышал, как Одри зовет его с края обрыва, но ответить по-прежнему не мог. Он лежал неподвижно, устремив взгляд к небу. Его переживания были сродни чувствам человека, который зашел в знакомую писчебумажную лавку купить поздравительную открытку, а там ему ни с того ни с сего предлагают чудом сохранившуюся Библию Иоганна Гутенберга. Или счастливец, который неожиданно обнаружил среди чердачного хлама считавшуюся утерянной скрипку Страдивари. Нет, случившееся с ним куда значительнее! Ведь если Гутенбергову Библию, в конце концов, можно переиздать факсимиле, если сохраняется надежда когда-нибудь с помощью науки докопаться до секретов скрипок Страдивари, то птицы, которых он только что видел, — уникальны. Исчезнут они — и ничто их не вернет.

— Питер, Питер! С тобой все в порядке? — В голосе Одри начинало звучать отчаяние.

У Питера по-прежнему кружилась голова от неожиданной встречи, но все же он собрался с силами и ответил:

— Одри... Ты слышишь меня?

— Да... С тобой все в порядке?

— Да, да, не волнуйся! Достань еще одну веревку, привяжи покрепче к дереву и скорей сюда. Я нашел кое-что невероятное.

— Да ты что?! Ты... уверен, что с тобой все в порядке?!

— Ну да же, да, — ответил он нетерпеливо. — Скорее сюда!

Несколько минут спустя она прыгнула, словно богиня с неба, и мягко спружинила подле него.

— Ой, как ты меня напугал! — напустилась она на своего друга. — Что ж ты не отвечал, я так звала! Я уже думала, что ты сломал себе шею.

— Я вел беседу с парой птиц, — ответил он.

У Одри глаза на лоб полезли от удивления.

— Как это... с парой птиц? — спросила она.

— С парой птиц-пересмешников.

— Как пересмешников?!

— Именно так. Настоящих, живых пересмешников в самом соку. Они даже клевали мне брюки.

Девушка обеспокоенно посмотрела на него.

— А ты случайно... не расшиб себе голову? — взволнованно спросила она.

— Вовсе нет, — сказал Питер. — Пойдем, я тебе покажу. — Он схватил ее за руку и потащил через кустарник туда, где скрылись птицы. А вот и они: гуляют себе по лужайке, ищут насекомых, весело кокетничают друг с другом — и всего в каких-нибудь пятидесяти футах! Одри смотрела, не веря глазам своим.

— Вот это да!.. Клянусь святым Петром и остальными апостолами, это не сон!

— Вот именно. Пара настоящих птиц-пересмешников в самом расцвете сил, — гордо сказал Питер.

— Питер... Это же невероятно! — воскликнула девушка. Между тем пересмешники проявили к Одри особый интерес. Питера-то они уже успели обследовать с ног до головы, теперь настал черед его спутницы. Птицы нежно пощупали клювами джинсы и пальцы рук девушки, чтобы выяснить, являются ли они съедобными. Очевидно, сочтя, что полученной таким путем информации вполне достаточно, они снова поцеловались клювами, подняли глаза к небу и хором затянули свое «Ха! Ха!.. Ха! Ха!».

Одри села на корточки и стала подзывать птиц, щелкая костяшками пальцев. Когда птицы подошли к ней вплотную, она ласково погладила им головы. От наслаждения пернатые закрыли глаза и заворковали.

— Ну, не очаровашки? — спросила она с восхищением, улыбаясь Питеру. — Они такие ручные... Прямо как домашние хохлатки.

О
Д

— Вот потому-то их и перебили в первую очередь, — сказал Питер. — Интересно, сколько их тут может быть?

— Это совсем крохотная долина. Не думаю, чтобы их здесь было много, — сказала Одри. — Может, только эта пара.

— А может быть, и нет, — ответил Питер, оглядевшись вокруг.

— Ну, так облазим все вокруг и выясним, — предложила девушка.

— Боже мой... Вот это да! — неожиданно выпалил Питер.

— Что случилось? — спросила Одри в изумлении.

— Да ты только взгляни... — в волнении пробормотал Питер. — Все деревья вокруг — деревья омбу...

— Боже... Это действительно так! — воскликнула Одри. — Фантастика, Питер! Взгляни... Да их тут десятки!.. Вся долина полна ими!.. То-то Феллутона будет рад!

— Не говоря уже о Стелле, — добавил Питер. — Все закачаются, когда мы вернемся и обо всем расскажем!

— Думаю, первым делом нужно доложить Ганнибалу, — сказала Одри. — Но прежде облазим долину и выясним, нет ли там еще птиц.

Долина оказалась около полутора миль в длину и около полумили в ширину. По ней, извиваясь, тек ручей, который в одном месте расширился, образуя небольшое озерцо. Песок и грязь по берегам его были покрыты, будто ковром, узором из отпечатков лап пересмешников. Вот это здорово — значит, их тут не одна дюжина. Но потребовалось некоторое время, чтобы отыскать и самих птиц. Облазив долину вдоль и поперек, наши отважные герои за два с половиной часа насчитали около четырехсот деревьев омбу и пятнадцать пар пересмешников. Кроме того, они открыли другой вход в долину и обнаружили, что она прямая, как лезвие ножа; с обеих сторон ее тянулись такие же обрывы, как тот, с которого они спустились. Двигаясь по течению ручья, Питер и Одри нашли расщелину, в которую падала вода. Забравшись туда, они выяснили, что расщелина становится все уже и уже и в конце концов сужается настолько, что человек едва может пройти в нее. Тут они увидели в конце солнечный свет, и до их ушей донесся звук водопада. Протиснувшись сквозь гущу ползучих растений, они обнаружили, что поток, образуя несколько небольших водопадов, устремляется в долину Матакамы. Было ясно, что если эту последнюю затопят, под водой окажется и Долина пересмешников.

— Как же с ними поступят? — спросила Одри по дороге к отвесной скале, с которой они спускались. — Переловят всех и перевезут куда-нибудь в другое место?

— Возможно. Правда, мне не совсем ясно, куда их можно перевезти. Но я надеюсь, им будет хорошо в любой долине. Впрочем, тем, кто станет

это делать, придется проявить большую осторожность, иначе может возникнуть хорошенькая заварушка на религиозной почве.

— Как на религиозной? Почему на религиозной? — спросила Одри.

— Видишь ли, эта птица — считавшееся утраченным божество фангуасов, — сказал Питер. — Хотя не исключено, конечно, что все они сделались завзятыми христианами и теперь им на это наплевать.

— Как бы там ни было, я чувствую, что заварушка в результате нашего открытия будет та еще, — задумчиво сказала Одри.

Дальнейшие события подтвердили ее правоту, но в тот момент они и представить себе не могли, какой шум вызовет находка пересмешников.

Было уже темно, когда наши путешественники добрались до обиталища Ганнибала, который как раз собирался приступить к обильному ужину. Когда они, грязные и растрепанные, ворвались к нему в столовую, он отложил вилку и устремил на них изумленный взор.

— Так-так. Судя по вашему внешнему виду, у вас за плечами масса славных подвигов и походов, как у настоящих бойскаутов, — произнес он. — Отлично. Значит, вам нужен хороший, плотный ужин. Слава богу, мой повар всякий раз ухитряется наготовить столько, что хватило бы на все его восемьдесят четыре ныне здравствующих родича, так что голодными не останетесь. Эй, Могила! Будь любезен, поставь еще два прибора.

— Ганнибал, мы сделали величайшее открытие! — сказал Питер.

— Мы обнаружили, что долина реки Матакама... — взволнованно начала Одри.

— Полна деревьев омбу и птиц-пересмешников, — продолжил Питер.

— Да, да... Полна. Это просто чудесно, — завершила девушка.

Ганнибал глядел на них, потрясенный.

— Послушайте... а вы случаем... малость не перебрали «Нектара Зенкали»? — спросил он. — Вы ведь прекрасно знаете, к чему приводят излишества в употреблении этой лучезарной жидкости.

— Ганнибал, мы серьезно, — сказал Питер. — Нами открыто около четырехсот деревьев омбу и пятнадцать пар пересмешников.

Ганнибал посмотрел собеседникам прямо в глаза и понял, что они не лгут.

— Боже... Вот это да! — вымолвил он. — Ну, расскажите, расскажите скорее!

Питер и Одри бросились наперебой рассказывать, а их ужин нетронутым остывал на столе. Когда они закончили, Ганнибал повел их в гостиную и расстелил на полу крупномасштабную карту. Вглядевшись в нее, наша взволнованная парочка отыскала-таки долину, за которой с их легкой руки навсегда закрепилось название «Долина пересмешников».

Д

Ганнибал осмотрел местность на карте с помощью сильной лупы.

— Беда в том, — сказал он, — что топографические исследования горной части острова не проводились уже много лет. Правда, эти топографы — такие отъявленные пьяницы, что едва ли могут отличить омбу от дуба, а пересмешника от гуся. Но если вы верно определили местоположение долины, значит, если будет затоплена долина реки Матакама, та же участь постигнет и ее. Да, выкинули вы штуку! Как выразилась бы ее Неправдоподобие... то есть ее преподобие Длиннаяштанина, вы разворошили осиное гнездо. Прежде всего нужно связаться с Кинги и сообщить ему обо всем.

Ганнибал придвинул телефон.

— А, это вы, Наполеон?

— Да, сэ', масса Ганнибал, — ответил хриплый проникновенный голос.

— Соедини меня с Королевским дворцом, да поживей, — приказал он.

— Сию секунду, сэ', — донесся из трубки, словно кваканье лягушки из колодца, полный сомнения голос Наполеона. Он мигом соединил Ганнибала сначала с портом, потом с Домом правительства, затем с пожарной охраной и снова с портом.

— Черт возьми! — рявкнул Ганнибал. — И ты удивляешься, что король избрал трость-письмоноску?

Наконец в трубке раздался такой хлопок, что она чуть было не взорвалась, как граната. Зато связь с дворцом была установлена, причем трубку взял сам король.

— Простите за столь поздний звонок, — сказал Ганнибал, — но у меня для вас сообщение чрезвычайной важности. Питер Флокс и Одри Дэмиэн сделали величайшее открытие, и я думаю, вам нужно доложить об этом в первую очередь. Могли бы мы прибыть к вам и рассказать?

— Разумеется, — ответил Кинги, — коль скоро это так важно.

— Боюсь, это произведет эффект разорвавшейся бомбы, — серьезно сказал Ганнибал. — Это не телефонный разговор. Сейчас подъедем.

Когда Ганнибал и юные первооткрыватели добрались до дворца, он был весь в огнях. Гостей долго вели по длинным мраморным коридорам, наконец перед ними распахнулись огромные двойные двери, и они вошли в большую гостиную, уставленную кушетками с немислимым количеством подушек и странной неуклюжей викторианской мебелью. На одной из кушеток, почти утопая в ней, возлежал Кинги со своим сыном-наследником, принцем Талибутом двух лет от роду. Мальчуган прыгал у папаши на животе и визжал от радости, когда родитель щекотал его. На другой кушетке сидела высокая стройная зенкалийка редкостной красоты — принцесса

Матисса. Она встала, грациозным жестом поприветствовала гостей и предложила напитки, а затем взяла за руку своего не в меру расшалившегося отпрыска и легкой поступью вышла из зала.

— Ну что ж, — сказал Кинги, когда она покинула гостиную, — говорите без утайки, с чем пришли. Надеюсь, это не очередная вновь открытая для науки медуза? Право же, моим именем нельзя назвать больше, чем одну.

— Нет, это не медуза, — сказал Ганнибал. — Это кое-что посущественней. Вот эта парочка лазила по долинам в районе реки Матакама и обнаружила в одной из них множество деревьев омбу и пересмешников.

В гостиной воцарилось долгое молчание. Король широко раскрытыми глазами смотрел на собеседников.

— Да вы что... издеваетесь надо мной? — выдавил он наконец.

— Нет, нет, это правда, — сказал Питер. — В это невозможно поверить, но это правда.

— Пятнадцать пар, — добавила Одри, — и все такие ручные! Они вам так понравятся, Кинги!

— И приблизительно четыре сотни деревьев омбу, — заключил Питер.

Кинги и Ганнибал обменялись долгими многозначительными взглядами.

— Так что же... Вы не считаете, что это замечательное открытие? — изумленно спросила Одри.

Ганнибал и Кинги, как по команде, встали со своих мест и принялись ходить взад-вперед по гостиной, словно часовые. Хоть Ганнибал и не был коротышкой, но по сравнению с Кинги он выглядел карликом. Измеряя шагами гостиную, они обменивались репликами, причем каждый, судя по всему, претендовал на роль адвоката дьявола.

— Так что же, вы не считаете великим событием обретение заново вашего старинного бога? — спросил Ганнибал.

— Это, конечно, вызовет трения с миссионерами, — сказал Кинги.

— С другой стороны, это вызовет проблемы с затоплением долины, — сказал Ганнибал.

— Мы не имеем права затоплять ее. Даже если мы сами захотим, общественное мнение воспротивится, — сказал Кинги.

— Но ведь птиц можно переловить и переселить куда-нибудь в другое место.

— А деревья омбу? Мы же не можем выкопать их и пересадить, — парировал Кинги.

— Если мы не затопим долину, весь наш с англичанами проект полетит к черту.

Д

— Точно. А Лужа сядет в лужу и подхватит простуду, — сказал Кинги, зажмуриваясь от удовольствия.

— Но, с другой стороны, правительство Великобритании вряд ли будет обрадовано. Они попробуют оказать на нас давление.

Кинги и Ганнибал снова принялись вышагивать по гостинной, на сей раз не произнося ни слова.

— Конечно, — сказал Кинги. — Есть только один путь избежать этого.

— А именно? — спросил Ганнибал.

— А именно — затопить долину, не сказав никому ни слова.

— Точно, — сказал Ганнибал.

Питер и Одри, потрясенные, смотрели друг на друга.

— Но, с другой стороны, — рассудительно сказал Кинги, — имеем ли мы право лишать мир части его биологического наследия, а наш собственный народ — его старинного бога?

— Сказать по совести, я не нахожу ни одного аргумента, оправдывающего такой поступок, — заметил Ганнибал.

Кинги глубоко вздохнул. В его вздохе звучало отчаяние.

— Похоже, нам придется перестать деликатничать и поступиться интересами Лужи, — сказал он скорбным тоном, хотя лицо его так и сияло от удовольствия.

— Так вы — «за»? — спросил Ганнибал.

— Ну да, да, я «за», «за»! — с раздражением ответил Кинги.

— Вот и прекрасно, — с облегчением выдохнул Ганнибал.

— Но! — предупредил Кинги, подняв свой длинный толстый палец цвета шоколада. — Не избежать жуткой драчки! Не следует думать, что Лужа спокойно примет все как должное. Значит, дело надо провернуть с большой осторожностью, иначе он попытается скинуть меня, и получится хорошенькая катавасия.

— А что, нельзя издать специальный указ? — спросила Одри. — Вы же король, как-никак!

— В том-то и дело, что нельзя, — сказал Кинги. — Мне нет равных, когда я веду себя как диктатор, но, право же, должен быть иногда хоть какой-то проблеск демократии!

— Застаньте их всех врасплох, вам мой совет, — сказал Ганнибал. — В конце концов, этого они ожидают меньше всего! Первое, с чего начнете завтрашнее утро, — раструбите об этой истории местной и мировой прессе, и я гарантирую вам такой шум, что поостынут даже самые горячие защитники проекта.

— Вы еще не знаете Лужу, — сказал король.

В течение следующего часа Кинги и Ганнибал мерили шагами гостинную, обсуждая стратегию. Наконец, когда было оговорено все по пунктам,

они приступили к действию. Одри срочно командировали к отцу, чтобы он тут же явился в редакцию: пусть хоть всю ночь работает, но к утру спецвыпуск «Голоса Зенкали» должен быть готов! Личный секретарь Кинги Эймос Гумбалу получил задание сесть на телефон и обзвонить всех членов Законодательного совета, созывая их на специальную встречу завтра в полдень. Королевского курьера тут же снарядили в единственную в Дзамандзаре фотолабораторию, чтобы там проявили все отснятые Питером пленки, и приставили к нему королевского гвардейца — проследить за выполнением поручения. Между тем Ганнибал и Питер в спешном порядке сочиняли пресс-релиз, который поутру собирались отправить по телеграфу корреспонденту агентства «Рейтер» в Джакарте. Едва высохли чернила, как они тут же бросились в редакцию поинтересоваться, не могут ли они чем-нибудь помочь, и застали весь штат в состоянии сильного волнения: отец и дочь, с головы до пят заляпанные типографской краской, уже верстали первую полосу. Около десяти вечера были запущены печатные машины, и вскоре все собравшиеся с гордостью разглядывали оттиснутый жирной-прежирной краской сигнальный экземпляр «Голоса Зенкали» с алым грифом «Спецвыпуск». Непосредственно под заголовком было указано, что Дэмиэн, в порыве ирландского энтузиазма, сочинил и набрал все сам, ни с кем не проконсультировавшись, — заявление откровенное, но пробуждавшее сомнения в правдивости всего изложенного. Зато сама за себя говорила огромная фотография пересмешника с подписью:

**БОГ ОБРЕТЕН ВНОВЬ!
ПТИЦА НЕ КАНУЛА В НЕБЫТИЕ!**

Этому заголовку суждено было приковать к Зенкали внимание всего мира.

Конечно, находка дерева омбу и пересмешника — событие, само по себе сенсационное во всемирной биологии и заслуживающее того, чтобы весь мир засуетился. Но прибавьте к этому, что открытие было сделано в долине, куда практически не ступала нога человека и которой вдобавок грозило затопление, а птица являлась старинным божеством аборигенов, — и любой газетчик вам скажет, что этого вполне достаточно для начала новой мировой войны. А поскольку к тому же через два дня в порту Дзамандзара должна была пришвартоваться «Императрица Индии» с войсками, оркестрами и Очень Важными Персонами на борту, то объективно описать ситуацию, которая складывалась на Зенкали, мог только непредубежденный историк.

На следующее утро отец и дочь Дэмиэн, Ганнибал и Питер направились в здание парламента. Парламент располагался в большом уютном зале с

Далыми, обитыми кожей креслами, спинки которых были сделаны в виде двух полумесяцев. Перед креслами стоял громадный деревянный трон. Над ним нависал балдахин с изображениями дельфина и пересмешника. Беломраморный пол был устлан малиновыми коврами. Малиновые занавески ниспадали толстыми складками, прикрывая окна, сквозь которые в залу струился солнечный свет. Вся четверка расселась на деревянных скамеечках на высоко расположенных хорах, похожих на ласточкины гнезда, прилепившиеся в одном из углов. Это были места для Очень Важных Персон и для прессы.

Королевский секретарь Эймос Гумбалу блестяще справился с заданием, и ассамблея собралась в полном составе. Слева места занимали фангуасы, справа — гинка. Большинство племенных вождей носили традиционные белые или пестрые одеяния и тибетейки, украшенные богатой вышивкой, но несколько были одеты по-европейски. Среди этих последних бросался в глаза Лужа, одетый в изысканный костюм цвета бархатной синей ночи, бледно-желтую рубашку цвета примулы, ярко-голубой шелковый галстук и новые туфли под цвет рубашки.

Ровно в полдень фанфаристы во дворе парламентского здания возвестили о прибытии Его Величества в собственной королевской карете, которая была гораздо больше других и роскошно украшена. Экипаж подкатил к ступеням, и вышел Кинги — в бледно-лавандовой мантии и элегантных черных сандалиях с золотыми пряжками. На голове его была надета маленькая расшитая золотом тибетейка. На одной руке красовалось кольцо с квадратным аметистом размером с почтовую марку. В другой он держал свиток. Его лицо было невозмутимо спокойным, так что нельзя было догадаться, что у него на уме. Видя, каким отдохнувшим и расслабленным выглядит владыка, Питер подумал: «Никому и в голову не придет, что он и Ганнибал целую ночь трудились над заявлением, которое Кинги сейчас огласит». Высокий и статный, он шествовал по малиновому ковру, ведущему к трону.

Все присутствующие встали и поклонились. Направляясь к трону, Кинги постоянно кивал головой направо и налево. Каждый дюйм его шестифутового тела был исполнен величия, а походка, несмотря на огромные габариты, была мягкой и скользящей. Поднявшись по ступеням на трон, он повернулся, поприветствовал собравшихся в зале кивком головы и сел. Тут же по всему залу раздались шум и скрип — это вслед за монархом садились участники встречи. А вот и Лужа собственной персоной — так нежно хлопает себя пальчиком по коленке, а глаза — ну совсем без выражения, как у рептилии! Интересно, как-то он воспринял новость? Кинги неспешным, но

решительным жестом вынул футляр с очками и нацепил их на нос, после чего медленно, с достоинством развернул свиток.

— Он знает свою роль, старый черт, — прошептал Ганнибал.

Король еще раз поправил очки и мгновение-другое проглядывал текст, который должен был зачитать. В зале воцарилась напряженная тишина.

Прокашлявшись, владыка начал:

— Друзья! Мы собрались здесь сегодня, точнее, я в срочном порядке собрал вас сегодня, чтобы довести до вашего сведения новости, имеющие для Зенкали первостепенную важность. Иными словами, значение того, что я имею вам сообщить, настолько огромно, что вряд ли может быть преувеличено. Я хочу сказать, что важность известия, которое вы сейчас услышите, не имеет прецедента во всей истории Зенкали. Я бы даже сказал, что ничего подобного не имело места во всей мировой истории.

На этом месте Кинги прокашлялся, вынул носовой платок и тщательно протер им стекла очков. Тишина в зале стояла такая, что ее почти можно было потрогать рукой. Оратор снова надел очки и уставился в зал.

— Как нам всем доподлинно известно, — высокопарно продолжал он, — в тот печальный период, когда мы находились под французским владычеством, фангуасы понесли весьма прискорбную потерю: они лишились своего старинного и самого почитаемого божества Тио-Намала, которого на острове представляли в образе птицы-пересмешника. Тяга французов к изысканной кухне взяла верх над французской учтивостью. Они не пощадили пересмешника, невзирая на его святость в глазах фангуасов. Бедная птица стала достоянием прошлого.

Оратор сделал паузу.

— Горестно говорить... — продолжил он, вынул носовой платок и снова протер очки, — ...горестно говорить, что с исчезновением пересмешника список навсегда утраченных биологических видов, некогда существовавших на Зенкали, пополнило и дерево омбу. Еще прискорбней то, что фангуасы потеряли свое божество. Это привело к всплеску враждебности между фангуасами и гинка.

В этом месте король вновь сделал паузу и яростно, в упор посмотрел в ту сторону, где, тихо покачиваясь, сидели представители племени гинка.

— Однако, — сказал король, поднимая огромную ручищу ладонью наружу, как бы благословляя, — новость, которую я вам сейчас сообщу, можно без преувеличения считать чудом. — После этих слов он озарил собравшихся своей роскошной улыбкой. — Ни дерево омбу, ни птица-пересмешник не канули в небытие. Они снова с нами! — закончил он.

В зале тут же поднялся невообразимый шум. Фангуасы вставали во весь рост и орали не своими голосами, с некоторыми сделалась истерика;

Д

гинка свистели, перешептывались и жестикулировали. Король позволил в течение минуты выплескивать накопившиеся эмоции, а затем поднял свою могучую ладонь, и в зале снова воцарилась тишина.

— Позвольте теперь рассказать о том, как же произошло это замечательное открытие. Всем вам хорошо знакомы Питер Флокс и Одри Дэмиэн. Исследуя район реки Матакама, они наткнулись на удаленную долину, хранившую свои тайны. Там они нашли не менее пятнадцати пар пересмешников и около четырехсот деревьев омбу.

Фангуасы, которые слушали последнюю фразу затаив дыхание, одновременно сделали полный выдох. Питер, все это время не сводивший взгляд с Лужи, обратил внимание на то, что его и без того маленькие глазки уменьшились до бесконечно малого размера, а пальчик, непрерывно стучавший по коленке, наконец успокоился.

— Однако, — сказал король, сняв очки и помахав ими в воздухе, — хотя только что сообщенная вам новость обладает чрезвычайной важностью как с биологической, так и с религиозной точки зрения, я не вправе скрывать от вас тот факт, что это событие влечет за собой осложнения. И весьма серьезные осложнения.

Оратор вновь сделал паузу. Лужа незаметно сдвинулся ближе к краю своего кресла.

— Проблема заключается в следующем. Если мы собираемся воплотить в жизнь проект, о котором пока лишь ведутся разговоры, мы столкнемся со значительной трудностью. А именно: придется затопить долину, где обитают и птица-пересмешник — символ божества Тиомала, и дерево омбу.

Лужа почти свернулся калачиком и ушел в себя. Он был так же непроницаем, как спящий кот.

— В настоящее время на пути к нам для участия в церемонии подписания договора с правительством Великобритании находится немало дорогих друзей Зенкали. И вот теперь торжества подписания повисли на волоске. Прежде чем прийти к окончательному решению, необходимо подвергнуть вопрос тщательному изучению. Но, поскольку корабль с нашими гостями вот-вот пришвартуется у берегов Зенкали, мы не можем отменить торжества.

Поэтому я предлагаю посвятить эти празднества возвращению нашего божества Тиомала. После торжеств мы вновь засядем за работу и выработаем окончательное решение по вопросу о плотине. Но я должен вам признаться, что на осуществление замысла не следует питать больших надежд. — Кинги сделал очередную паузу и блаженно улыбнулся. Лужа слегка выгнулся, словно змейка, готовая к атаке.

— И вот теперь, триста лет спустя, — сказал король, могучим рывком вставая с трона, — я могу даровать вам наше старинное благословение.

Он внимательно оглядел аудиторию.

— ...Да пребудет Тиомала с вами! — громовым голосом произнес он.

Затем он спустился вниз и величественно выплыл из зала сквозь взволнованную, кланяющуюся, обменивающуюся репликами толпу.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЗЕНКАЛИ ВЗБУНТОВАЛСЯ

Не успели в парламентском зале смолкнуть последние слова монаршей речи, как специальный выпуск «Голоса Зенкали» в мгновение ока разошелся у уличных торговцев, и все население острова обо всем узнало. Сказать, что сообщение произвело фурор, было бы слишком слабо — всех последствий не смог предусмотреть даже Ганнибал.

Гинка, которые многие годы пребывали в блаженной уверенности, что обладателями истинного божества являются они одни, восприняли новое открытие с нескрываемой враждебностью. Еще бы: ведь само сознание того, что у них есть настоящее божество, а у фангуасов такого нет, давало им как этническому меньшинству основание ставить себя выше большинства. И вот теперь они этого лишились! «Как это наши соперники посмели воскресить пересмешника, истребленного столько лет назад?» — негодовали они и с упорством, достойным лучшего применения, принялись дискредитировать сенсационную новость, распуская слухи, будто никакого пересмешника нет и все это — обычная утка. Они договорились до того, что газета якобы была куплена, что объявление о находке пересмешника — всего лишь средство для надругательства над чувствами и чаяниями этнического меньшинства, и вообще вся эта история — шитый белыми нитками заговор сильных против слабых.

Со своей стороны, фангуасы, которые из поколения в поколение испытывали комплекс неполноценности по причине отсутствия у них истинного божества, восприняли известие о возвращении пересмешника очень бурно и радостно. А посему наивно думать, что они, стиснув зубы, проглотили обиды и насмешки со стороны гинка. И в самой столице, и в селениях, где испокон веков представители обоих племен жили по принципу: худой мир лучше доброй ссоры, обстановка стала быстро накаляться. Сперва борьба ограничивалась словесными перепалками. Потом всплыли прошлые обиды и дошло до кулаков. Поначалу счет разбитым носам и выбитым зубам шел на единицы, затем на десятки, но ситуация явно грозила выйти из-под кон-

Д троля. Пришлось задействовать зенкалийскую полицию: после стольких безмятежных лет, когда самым большим происшествием считалось препровождение в участок не в меру нализовавшегося забулдыги, а самым значительным подвигом — находка украденных цыплят, стражи законности и порядка оказались на линии огня. То-то радовался начальник зенкалийской полиции, бывший старший инспектор полиции Глазго Ангус Мак-Тавиш — еще бы, ведь его подчиненным наконец-то предоставился шанс продемонстрировать, на что они способны, и доказать, что гимнастические упражнения и соревнования по рукопашному бою, на которые ушли годы подготовки и которым находилось применение разве что во время Бернсовых празднеств, — отнюдь не пустая забава! Его затеи называли показухой... Что ж, пусть убедятся в обратном и возьмут свои слова назад! К несчастью, при всяком споре берущий на себя неблагоприятную роль посредника сам неизбежно оказывается битым и той и другой стороной. Стоило в дело вмешаться полиции, как вся ярость, с которой фангуасы и гинка сражались друг против друга, мгновенно обернулась против стражей закона, и госпиталь в Дзамандзаре мигом наполнился констеблями с разбитыми носами, сломанными ногами и проломленными черепами.

Между тем «Императрица Индии» держала курс на Зенкали и в положенный час бросила якорь у зенкалийских берегов. Прибывшие на торжества лоумширская бригада легкой инфантерии, флотский оркестр и команда по физическому воспитанию, представлявшая королевский воздушный флот, сойдя на берег в самом беззаботном настроении, неожиданно вынуждены были выступить в роли миротворческих сил. Они ждали, что их встретят цветами и улыбками добродушные зенкалийцы, не говоря уже об очаровательных зенкалийках, а вместо этого их встретили бранью, угрозами и градом камней, ни один из которых, к счастью, не попал в цель. Нетрудно догадаться, как разочарованы были brave boys — они-то надеялись блаженно провести салют, а потом уже отвести душу с курочками Мамаши Кэри. И вот, здрасьте пожалуйста, им вручают крышки от мусорных баков вместо щитов и посылают на раскаленные от солнца улицы Дзамандзара умирять толпы разбушевавшихся фангуасов и гинка!

Сэр Осберт и высшие военные чины нашли убежище в Доме правительства под охраной королевской лейб-гвардии. Но и в Доме правительства ситуация стала накаляться. Тамошний повар, выходец из племени гинка, повздорил с дворецким, который был фангуасом, и тот вскрыл ему череп открывалкой для консервов. В результате в голове у бедняги-повара все тонкости и хитрости кулинарного искусства перепутались, и как он ни старался, все обитатели Дома правительства сошлись во мнении, что его кушаньями можно только свиней кормить. К тому же у Изумрудной леди, едва она прослышала о сенсации, возникла навязчивая идея, что к ней

вот-вот ворвутся островитяне и передушат всех ее цесарок на жаркое. Спросите, с чего ей это пришло в голову? А вот с чего: до нее дошло, что виновницей возникшей заварушки стала какая-то птица, но она не понимала, какая и решила от греха подальше запретить все свои сорок цесарок в гостиную — целее будут.

В эти смутные дни негодование Питера, вызванное возникшей глупой ситуацией, несколько смягчалось тем, что он проводил время в обществе своего дядюшки. В их компанию входили также хрупкий старец-маразматик в звании маршала авиации; рябой, словно грецкий орех, и к тому же беспробудно пьяный бригадир; контр-адмирал с красным, как земляника, лицом и круглыми голубыми глазами истого морского волка — в том смысле, что они были абсолютно пусты; и лорд Хаммер (ну, это был парень не промах, не зря носил такое имя!). Забавно было смотреть, как вся четверка пробиралась к своему утреннему кофе по ковру из цесарочьего помета.

Между тем ситуация на острове становилась все хуже. И католический, и протестантский миссионеры одновременно почувствовали, что от них уходит верная паства, по большей части состоявшая из фангуасов. Единственной, от кого никто не ушел, была Джу. Поэтому, когда отец О'Мэлли и его преподобие Брэдстич пригласили ее пойти с ними во дворец для заявления протеста, она согласилась крайне неохотно.

— Отвратительно... Это же богохульство... Поклоняться птице... — сказал королю отец О'Мэлли. По мере того как негодование его возрастало, его ирландский акцент становился все более густым, словно овсяная каша. — Вы же глава государства! Явите собой пример, положите этому конец! Неужели вы не понимаете?

— Име-е-енно так, име-е-енно так, — проблеял его преподобие Брэдстич, вытирая пот с лица, похожего на толстенную сальную свечу. — Не мне вам рассказывать, как это подрывает основы христианства! Вчера я читал проповедь всего лишь четверым.

— Какой стыд!.. Какой позор!.. — вторил О'Мэлли.

Кинги возлежал в своем кресле и любезно смотрел на них. Затем он обратился к Джу, которая еще не брала слова.

— Ну а вы что скажете, ваше преподобие Длиннаяшаль?

— А мне-то что? Мне все равно, — сказала Джу, слегка возмущенная тем, что ее привели сюда да еще заставляют выступать. — Меня все это не касается. Я так и сказала своей пастве: можете относиться к пересмешнику как вам заблагорассудится, я все равно никого из вас не прогоню. Мое мнение — бог создал пересмешника прежде человека, и божью волю мы обязаны уважать. Если ты боготворишь птицу — значит, считаешь одно из творений божьих, а следовательно, считаешь и Его Самого. Так я считаю.

Д

— Но это же идолопоклонство, — промямлил отец О'Мэлли.

— Не-е-гоже так поступать истинному христианину, — проблеял Брэдстич. — Вы ме-е-е-ня удивляете, Длиннаяшаль.

— Не перестану заявлять, что это — подрыв истинной веры, — пробурчал О'Мэлли. — Это нужно прекратить.

Услышав это, Кинги, до того мирно возлежавший на подушках, вдруг сел.

— Я, кажется, не учу вас, чему поклоняться, а чему не надо, — холодно заявил он. — Мы, зенкалийцы, почли бы такое за дерзость. Ну так вот: завтра я издам указ — всем иностранцам или начать почитать пересмешника, или покинуть Зенкали. Что вы на это скажете, а?

Отец О'Мэлли вздрогнул, как будто Кинги ударил его.

— И это... после стольких лет моей работы... после того, как я спас столько душ?

— Э-э-это... будет ве-е-есьма ре-е-е-троградный шаг, — проблеял Брэдстич.

Джу печально улыбнулась Кинги:

— Я так считаю — твой остров, поступай как знаешь, — сказала она. — Но мне будет очень жаль его покинуть.

Король долго смотрел на них, а затем вздохнул.

— Ну-ну, не беспокойтесь. Такого указа я не издам, — сказал он, и миссионеры вздохнули с облегчением. — Вместе с тем, — продолжил он, подняв могучую розовую ладонь, — попрошу выслушать все, что я скажу, чтобы вы не забывали, где находитесь. Если хотите знать мою точку зрения — мне все равно, что вы там проповедуете, лишь бы это не причиняло вреда другим. Оценивая позиции всех троих, я скажу без обиняков: права Джудит Длиннаяшаль. У меня нет ни малейшего намерения вмешиваться в верования моего народа, и я не собираюсь приводить их в соответствие с вашими, кстати сказать, весьма эксцентричными представлениями о божественном. Если кто-нибудь из моего народа пожелает обратиться в вашу веру, он имеет на это полную свободу. Равно как и полную свободу верить во все, что ему нравится, лишь бы это не шло во вред Зенкали. Вы всегда должны помнить следующее: то, что один человек почитает как божество, для другого, может стать, — просто волшебная сказка. Но ведь и божества, и волшебные сказки имеют право на существование в этом мире.

— Кинги, да вы остры, как гвоздь! — с удовлетворением сказала Джу.

— Благодарю, — величественно произнес Кинги. Он встал с кресла, давая понять, что аудиенция окончена, и поникшие духом представители католической и англиканской церквей, а также торжествующая Джу побрели к выходу.

— Ну, ребята, — сказала она, когда вся троица покинула дворец, — мне пора. Моя паства меня заждалась. У нас сегодня занятия по хорошему пению.

Ей явно хотелось насыпать соперникам соль на раны.

...В смутной ситуации, когда едва ли сотый понимает, что творится вокруг, когда каждый ожидает зла от любого себе подобного, когда никто не стесняется в средствах для достижения цели, люди начинают принимать на веру любую чушь, которую они в нормальных обстоятельствах пропустили бы мимо ушей. Когда кто-то пустил слух, что вся популяция пересмешников была тайком отловлена и спрятана не где-нибудь, а в Английском клубе, в этом ни на минуту не усомнился ни один зенкалец. В результате у стен Английского клуба сошлись воинственная группа гинка, вознамерившаяся перебить пойманных птиц, и команда крепких, как сталь, фангуасов, вознамерившаяся их защитить.

События развернулись в тот блаженный час, когда все английские поселенцы на Зенкали, общим числом около тридцати пяти душ, блаженно попивают напитки со льдом, флиртуют с чужими супругами (обычно в самой бесхитростной манере, не требующей похвальбы остроумием), почитывают «Панч» или «Иллюстрейтед Лондон ньюс» месячной давности, играют на бильярде или в крокет, а то и просто сидят на скамеечках и обсуждают поведение аборигенов. Несмотря на то что в последние дни поведение черномазых становилось все возмутительнее, англичане были по-прежнему убеждены, что благополучно отсидаются за высокой, аккуратно подстриженной живой оградой из гибискуса. Что бы там ни творили снаружи зенкальицы, англичане верили, что здесь, в ухоженном райском уголке, они в полной безопасности. Каково же было их удивление, когда высокая живая ограда оказалась поверженной лавиной воинственно настроенных фангуасов и гинка.

Табби Фотескью, удалой регбист с богатейшей мускулатурой и без единой извилины в мозгу, схватил крокетный молоток и проломил несколько черепов — как фангуасских, так и гинкаских. Потребовались дружные усилия пяти дюжих зенкальицев обеих этнических групп, чтобы совладать с ним и окунуть головой в заросший лилиями пруд, являвшийся одной из ботанических достопримечательностей Английского клуба.

Куда горестнее оказалась судьба Мелани Трит — хрупкой старой девы, любимым занятием которой было мазюкать акварельки на сюжеты из жизни зенкальицев. Ее загнал в угол близорукий да к тому же вдрызг пьяный фангуас и поцеловал в обе щеки. После этого случая в творчестве мисс Трит стали все явственнее проступать эротические мотивы.

ДВо время свалки у владельца амеловой плантации Сэнди Шора сбили с носа и втоптали в землю очки. В результате острота его зрения упала практически до нулевой. Не в силах вынести такой обиды, бедняга Шор кинулся с крокетным молотком на секретаря клуба Билла Меллора, которого принял за вожака аборигенов, и поверг наземь, лишив сознания. За мужа вступилась миссис Меллор. Прежде она слыла безобидной тихоней, мухи не обидит: вязала себе крючком да варила варенье. Но на сей раз она была до того разгневана нападением на своего благоверного, что невольный обидчик тут же получил по затылку бутылкой рома со сливками. Удар не только послал его в нокаут, но и оставил порядочный шрам на скальпе.

Суматоха была полная. Лужайки для гольфа и для игры в кегли, за которыми ухаживало, как за малыми детьми, не одно поколение англичан, стали похожи на вспаханное поле — так катались по ним мятежные зенкалийцы и добропорядочные англичане. Мачете и бильярдные кии, дубинки и крокетные молотки, копыя и бутылки нанесли непоправимый ущерб ухоженному торфяному покрытию. В этот момент самый активный и зловредный участник свалки из племени гинка решил стяжать себе лавры Герострата. Вспышка — и пламя охватило веранды, поползло по клинообразным доскам, и вскоре изящное белое здание Английского клуба полыхало как свеча. Погибли и чучела звериных голов, и многолетнее собрание подшивок «Панч», и пожелтевшие групповые фотографии старейших членов клуба, и картотека действительных членов, не менее сложная и интригующая, чем родословное дерево королевской семьи какой-нибудь из малых европейских монархий. К тому времени, когда подоспели лоумширский контингент, полиция и пожарная бригада, от здания осталась только горстка тлеющих углей. Территория же клуба выглядела так, будто по лужайкам и клумбам прогулялось стадо бегемотов. Каждой из двух имеющихся на Зенкали карет «Скорой помощи» пришлось сделать по десять рейсов, чтобы перевезти в госпиталь всех участников побоища. А так как здешний госпиталь явно не был рассчитан на последствия подобных событий, пришлось демонтировать один из шатров, предназначенных для праздничных торжеств, и перенести его в госпитальный сад для приема пострадавших. Давно не видывала такого наплыва «постояльцев» и местная тюрьма, так что всех, кто проявил меньшую активность во время событий, пришлось отпустить по домам, взяв с них торжественную клятву, что, когда надо будет, сами явятся для отсидки.

И гинка, и фангуасы расценили налет на Английский клуб как свою крупнейшую победу. По мнению же англичан, героическая оборона клуба настолько измотала силы противника, что ее можно было рассматривать

как большой стратегический успех, превосходящий по значению Дюнкеркскую операцию.

Между тем возник еще один источник возмущения. Военный контингент, уже высадившийся на Зенкали, получил подкрепление: в дзамандзарский порт вошел фрегат Ее Величества «Конрад», длительное время несший службу на море без захода в порты. Вполне естественно, первое, куда нацелился экипаж, было заведение Мамаши Кэри. Представьте же себе тревогу и разочарование храбрых моряков, когда они от миротворческих сил на острове узнали, что Кармен призвала своих юных леди ко всеобщей забастовке в знак протеста против планов затопления пересмешников.

— Пусть гово'ят что хотят, мои до'огие, — доверительно сказала Кармен Питеру и Одри. — Я обожаю зве'ей и птиц и не поте'плю жестокости ни за какие ков'ижки. Когда я думаю о том, что этим бедным созданиям г'озит затопление, у меня се'дце к'овью обливается. Пусть и у моих ку'очек се'дце к'овью обливается! Я заявляю: «Девушки! Никаких услуг джентльменам, пока п'облема не будет 'аз'ешена и уг'оза для этих бедных созданий не будет ликвиди'ована».

Гнев и возмущение храбрых вояк были настолько сильны, что они готовы были собственными руками передуть этих самых пересмешников, если бы знали, где их найти и как распознать.

Тем временем капитан Паппас пришел из Джакарты с очередным пополнением для заведения Мамаши Кэри в количестве шести штук. Кроме них, на его посудине прибыла большая группа разношерстных журналистов и телевизионщиков. Все они выглядели настолько изможденными, что стало ясно: новые кадры Мамаши Кэри времени в пути даром не теряли. Впрочем, их ждал отдых: Кармен немедленно ввела их в курс происходящих событий, и девушек не пришлось долго уговаривать присоединиться к стачке. Прибытие журналистов и телевизионщиков в таком количестве создало критическую ситуацию с их размещением. Как всегда, выручил самоотверженный Питер, забронировав небольшую гостиницу под названием «Восходящая луна», которой заправляла единственная на Зенкали китайская семья. У хозяйки гостиницы было весьма оригинальное имя — Сунь-Нос-В-Чай. И Питер чуть не до слез смеялся, когда Одри рассказала ему, откуда оно произошло. Родители Сунь-Нос-В-Чай не умели ни читать, ни писать, когда прибыли на Зенкали из Гонконга. Оказавшись на острове, китайская чета решила во что бы то ни стало принять протестантизм, и когда родилась первая дочь, естественно, пригласили священника-протестанта окрестить ее. Родители хотели наречь дочку звучным именем — «Ваш-Любимый-Куст-Хризантем-Расцвел» и пошли к соседу, немного знавшему грамоте, чтобы тот записал это имя на бумаге. При виде новоро-

Д жденной сосед настолько растрогался, что подарил ей «на зубок» серебряную чайную ложечку, а в придачу к ней — жестяную коробку ароматного чая; в нее-то и положили записку с именем, чтобы была целее. Как назло, протестантский священник был на острове новичком и вдобавок не знал ни бельмеса на пиджин-инглише. Он спросил у родителей, как они желают окрестить ребенка. «Сунь руку в чай, — сказала мамаша счастливому папаше, — достань записку». Священнику показалось, что она говорит: «Сунь нос в чай», и прежде чем кто-либо смог его остановить или разъяснить, он так и записал в метрике. Впрочем, впоследствии самой девочке имя так понравилось, что собственного сына она вполне сознательно нарекла следующим образом: Альберт Сунь-Нос-В-Чай-И-Вынь-Сухим. Итак, мамаша Сунь-Нос-В-Чай и ее отпрыск Альберт Сунь-Нос-В-Чай-И-Вынь-Сухим вылизали и вымели дочиста свою гостиничку, в которой разместился весь пестрый журналистский и телевизионный люд. Среди прибывших был Дэниэл Брюстер, снискавший известность своими исключительно нудными сериями кинопутешествий «По миру с Брюстером». На нем были тяжелый твидовый костюм-двойка и войлочная шляпа. У Брюстера было круглое одутловатое лицо, бледные глаза, масляная лизоблюдская улыбка и огромные, влажные, красные руки. Телеоператор Стивен Блор был важный толстяк с отеками, раздраженными глазами и разрушившимися зубами, которые он громко и смачно сосал всякий раз, когда задумывался. Несмотря на столь отталкивающую внешность, он хвастался, что пользуется успехом у женщин.

— Сколько у вас тут славных девочек! Никак не ожидал от такой дыры, — заметил Блор, когда Питер отвозил его в гостиницу.

— Правда? — холодно спросил Питер.

— О да, — сказал Блор, потирая руки. — Столько красавиц! Ну, хоть вот эта... Прелесть, шельма! Эх, притормозить бы тележку, чтоб она одарила меня взглядом, а? Мой девиз — «любовью за любовь», истинные джентльмены денег не дают!

— Стив — настоящий друг, — хихикая, объяснил Дэниэл Брюстер. — Он — душа всего коллектива «Би-би-си», понятно тебе? Без него не обходится ни одна вечеринка, ни одна компания! Вот только немного зациклился на девках, правда, Стив?

— Именно так, — сказал Стив таким тоном, будто разговор велся об эпидемии гриппа.

— Да, он истинный друг! — с гордостью повторил Брюстер.

— Думаю, в гостинице вам будет хорошо, — сказал Питер, переводя разговор на другую тему. — Она хоть и небольшая, но уютная. Ее хозяйка — китайцы.

— Хотелось бы надеяться, что она чистая, — утрюмо сказал Блор, — а то знаю я этих китаезов! И уж точно не собираюсь есть всякую муру, которую они готовят.

— Китайская кухня славится на протяжении уже многих веков, — заметил Питер.

— Ну вот сам ее и ешь, — сказал Блор. — А мне этой ерунды не нужно. Ну, я малость пошатался по таким местам и понимаю, что здесь не покажешь приличной английской еды. Рыбу, жареную картошку, яичницу с беконом... Бифштекс... И с меня довольно. Да и любой останется доволен. А то, знаешь, я разных деликатесов не люблю. Терпеть не могу этой поганой иностранной еды!

— Стив — истинный англичанин, — с восхищением сказал Брюстер.

— Знаю, в большинстве стран света как-то по-дурацки питаются. А мне что за дело? Я из-за этого страдать не намерен, — договорил Блор.

Питер чувствовал, что радость от обретения пересмешника быстро улетучится, если судьба пошлет ему бесконечный поток таких, как Блор.

— Вот устроимся, и я возьму интервью у тебя и у девушки, — сказал Брюстер таким тоном, будто оказывал Питеру честь, — а потом мы со Стивом поедem в горы посмотреть на этих птиц и эти деревья. Нам нужен материал для фильма.

Питер сделал глубокий вдох, чтобы не выдать волнения.

— Во-первых, я не уверен, что мисс Дэмиэн согласится давать интервью, — сказал он, — а во-вторых, местоположение долины до поры до времени держится в секрете.

— Но для меня-то можно сделать исключение? — сказал Дэниэл Брюстер оскорбленным тоном. — Одной моей программы, показанной по ящику, будет достаточно, чтобы Зенкали нанесли на карту.

— Зенкали уже нанесен на карту и без вашей помощи, — сказал Питер. — В любом случае, если хотите попасть в долину, вам придется переговорить с Олифантом и с Кинги.

— Да уж, конечно, они мне не откажут, — сказал Брюстер. — Они же наверняка видели мои программы!

— Не думаю, — сказал Питер. — На Зенкали нет телевидения.

— Как, у вас нет телестанции?

— Нет. И я считаю, это лучше всего свидетельствует о цивилизованности нашего острова, — заявил Питер.

Весь остаток пути до гостиницы ехали в полном молчании. Затем Питер вернулся в порт и повез еще троих репортеров в «Восходящую луну».

— Что вы с мисс Дэмиэн делали в горах после того, как совершили открытие? — спросил бледный, словно труп, корреспондент из «Дейли реф-

Д

лктор» с удивительно жирными волосами и обкусанными ногтями. — Вы помолвлены или как?

— Или как, — отрубил Питер, которому Сайбели (так звали корреспондента) был не менее противен, чем телевизионщики. — Мы просто исследовали долины, которым угрожает затопление.

— Вы провели там ночь? — допытывался Сайбели.

— Да, — сказал Питер и тут же пожалел об этом, поняв, что сболтнул лишнее. Он пожалел об этом еще больше, когда увидел, что результатом его честного и прямого ответа явилась передовица в «Дейли рефлктор» с заголовком «Джентльмен и птица: необычайное приключение в горах», который, как заметил Ганнибал, можно трактовать двояко.

Два других репортера, Хайбери и Кунс, представляли соответственно «Таймс» и агентство «Рейтер». Эти, к счастью, не были так агрессивны и интересовались исключительно находкой пересмешника и дерева омбу, не пытаясь выяснить у Питера подробности его отношений с Одри. Питер вздохнул с облегчением, но как только он разобрался с представителями прессы, жизнь подбросила ему новые заботы.

Когда «Императрица Индии», высадив на Зенкали десант военных, вернулась в Джакарту, ее владельцы приказали капитану срочно плыть назад на остров, и на сей раз с небывалым количеством пассажиров.

Первым из вновь прибывшей депутации на берег сошел сэр Ланселот Хейверли-Эггер, председатель Всемирной организации по защите исчезающих видов (которая известна ее друзьям под аббревиатурой ВОПЕС), — бывший, а ныне кающийся охотник на крупную дичь, многогранный натуралист и неплохой дипломат по натуре. Это был коренастый лысый коротышка с бледно-зелеными глазами и огромными рыжеватыми усами, излучающий самодовольство. Его сопровождал секретарь Всемирного треста натуралистов, досточтимый Альфред Клаттер, похожий на насекомого богомола под хмельком. Он носил поношенную соломенную шляпу, держал под мышками целую кипу книг по орнитологии и мощный медный телескоп. Тут был также президент Американской лиги орнитологии Хайрам Ф. Харп в алой куртке с белыми фланелевыми вставками. Его смуглое лицо и начищенные до белизны зубы казались вдвое крупнее, нежели обычные человеческие, а бычья шея была увешана таким количеством кинофотоаппаратуры, что и японский турист лопнул бы от зависти. Следом за ним выступал Седрик Джагг — владелец одного из крупнейших сафари-парков «Джаггз Джангл», который в своем неуклюжем помятом костюме из белой парусины совершенно выпадал из компании титулованных аристократов и богатых американцев. Затем на берег сошли еще около дюжины разномастных гостей, так или иначе связанных с вышеназванными организациями. В телеграмме, извещавшей зенкалийцев об их прибытии,

они именовались «секретарями» или «ассистентами». Питер позаимствовал из Дома правительства адъютанта Диггори и впряг его в работу. Бедняга носился по всему порту, высунув язык, словно добрая рыжая овчарка, сгоняя всех в одно стадо и располагая полукругом вокруг Питера, готовившегося сказать речь.

— Леди и джентльмены, — изрек Питер, слегка повысив тон, чтобы пестрая толпа замолчала. — Леди и джентльмены! Мое имя — Питер Флокс, я — помощник политического советника правительства, мистера Ганнибала Олифанта. Приветствую вас от имени Его Величества короля Тамалавала Третьего!

Поднялся восторженный шум, который Питер решительно пресек и продолжил свою речь:

— Король уполномочил меня сообщить, что он со всем радушием приветствует вас и выражает надежду на ваше счастливое пребывание на Зенкали. Однако ввиду конфликтной ситуации, возникшей на острове в последние дни, Его Величество уполномочил меня разъяснить, что, хотя мы делаем все возможное, чтобы ваше пребывание на Зенкали было спокойным и вы были надежно защищены, находясь на острове, вы в некоторой степени подвергаете себя риску.

Последнее слово эхом отозвалось в группе собравшихся, пронесаясь по ней, точно шипение змеи. У почтенного Альфреда Клаттера глаза с испугу полезли на лоб и расширились до чрезвычайности, а под невообразимыми роговыми очками они и вовсе казались размером с чайные блюдца. Резко повернувшись к стоявшему справа коллеге, чтобы обсудить столь шокирующее заявление, он больно задел Седрика Джагга своим могучим телескопом.

— Как же так, парень... — пропищал Хайрам Ф. Харп, и на его массивном смуглом лице ясно обозначилась тревога. — Да как же так... конфликтная ситуация... риск... Почему нас не известили?... С кого спросить?..

— Секундочку, мистер Харп, — сказал Питер, поднимая руку. — Видите ли, находка пересмешника вызвала религиозные трения между двумя племенами, живущими на Зенкали.

— Как религиозные трения?! — спросил изумленный Харп. — Ей-богу, что может быть общего между орнитологией и религией?!

— Это долго объяснять, — сказал Питер. — Как только вы разместитесь, вас посвятят во все подробности возникшей ситуации.

— Но ведь вы же сказали — риск... А риск — это связано с опасностью, не так ли, молодой человек? Дайте мне ответ! Объясните мне, что здесь происходит? В конце концов, среди прибывших есть женщины!

Д — Уверяю вас, все будет принято к сведению, — ободряюще сказал Питер. — Большинство из вас будут размещены в большом здании на окраине Дзамандзара, под охраной отряда лейб-гвардии Его Величества и отряда лоунширцев. Будет сделано все, чтобы ни на минуту не подвергать вас опасности.

— Но все равно, все равно мне это не нравится, — пропищал Харп. — В конце концов, мы, мужчины, отвечаем за себя, но если что-нибудь случится с одной из этих прелестных девочек... Даже подумать страшно!

Он выпустил остаток воздуха из щек; его огромные глаза так выразительно крутились, что «прелестные девочки» застыли в немом восхищении.

— Поверьте моему слову, — серьезно сказал Питер, сам, впрочем, не до конца веря, что говорит правду. — Ситуация стабилизируется, и мы надеемся, что через несколько дней все войдет в нормальное русло.

— Надеюсь, не доходило до кровопролития? — допытывался Харп. — Скажите же, молодой человек: доходило до кровопролития или нет?

Питер изобразил на лице очаровательную и успокаивающую улыбку.

— Да нет, ни одного убитого, — бросил он будто вскользь. — Так, проломили несколько черепов, и все.

— Несколько черепов??? — в ужасе выдавил Харп. — Так вы говорите — несколько че-ре-пов??? Боже!.. Извините меня, но с нами маленькие леди... Боже мой, что все это значит?.. Несколько черепов... Знайте же, молодой человек, что травма черепа может оставить человека калекой на всю жизнь!

— Полагаю, мистер Флокс говорит в фигуральном смысле, — мурлыкающим голосом, словно кошка, играющая мышью, сказал сэр Ланселот, впервые взявший слово. — Я уверен, что Его Величество король Тамалавала делает все, чтобы мы чувствовали себя на Зенкали как дома. Он просит только о том, чтобы мы приняли к сведению неординарность ситуации и не подливали масла в огонь. Я совершенно уверен, что Его Величество не дал бы нам разрешения сойти на берег, если бы нам угрожала реальная опасность.

Питер моментально вспомнил, как раздражен был владыка, когда заявил в своем утреннем выступлении: «При таком положении дел нам легче было бы обойтись без всей этой толпы любителей животных, но мы не в силах их остановить. С каким бы наслаждением я ткнул кого-нибудь из них копьём в бок!» Но о данном заявлении его королевского величества Питер почему-то умолчал.

— Полагаю, — продолжал сэр Ланселот, аккуратно взявший ситуацию в свои руки, — нам достаточно в точности выполнять то, что скажет мистер Флокс, и все будет в полном ажуре.

— Спасибо, сэр, — сказал Питер.

— Благодарю. Значит, так: предлагаю сейчас же отправиться в тот дом, который мистер Флокс с такой любезностью подыскал для нас, — сказал сэр Ланселот и обратился к Питеру с ласковой улыбкой: — Ну а меня вы поселите в Доме правительства?

Заявление сэра Ланселота звучало скорее как требование, нежели как вопрос. Питер сглотнул слюну и глубоко вздохнул. Он был предупрежден, какого мнения о себе сэр Ланселот.

— Боюсь, не получится, досточтимый сэр, — успокаивающим тоном начал он. — Ввиду нынешней неординарной ситуации Дом правительства переполнен. Сэр Адриан и Изумрудная леди просили меня передать вам свои извинения и разъяснить, что имевшиеся в Доме правительства небольшие свободные площади уже заняты людьми, направленными британским правительством для изучения вопроса, связанного со строительством аэродрома.

— Уф! — сказал сэр Ланселот, концентрируя в этом единственном междометии высшую степень разочарования, отвращения, недоверия, горя и страдания — не многим удастся добиться такой выразительности. — Что ж делать! Такие времена настали, что всем нам приходится учиться глотать горькое со сладким.

— Вы правы, сэр, — с улыбкой сказал Питер. — Вы и досточтимый Альфред Клаттер будете моими дорогими гостями. Я постараюсь, чтобы вы чувствовали себя как дома. А теперь, — сказал он, — милости прошу за мной. Вас ожидает целый парк королевских карет. Ну, друзья, по карета-ам!

Питеру удалось без проволочек расселить всю ораву в гостинице, а сэра Ланселота и досточтимого Альфреда он уютно усадил у себя на веранде и вручил каждому по большому стакану виски. Убедившись, что гости чувствуют себя превосходно, Питер рассыпался перед ними в извинениях и сообщил, что торопится на специальную встречу во дворец.

— Как — во дворец? — спросил сэр Ланселот, блеснув глазами; он даже не пытался скрыть своего изумления. — Ах да. Так, стало быть, вы направляетесь во дворец?

— Я езжу туда всякий раз, когда меня вызывают, — подтвердил Питер.

— Мне очень хотелось бы встретиться с королем Тамалавала, — сказал сэр Ланселот. — Мы большие друзья с герцогом Пейзанским, который, если мне память не изменяет, был его однокашником.

— Да, да, вы совершенно правы. А я вожу дружбу с лордом Гроттингли, который, если мне память не изменяет, тоже был его однокашником, — сказал досточтимый Альфред, стремясь не отстать от сэра Ланселота.

Д — А я на дружеской ноге с принцем Умберто Челлини, с которым, насколько мне известно, король хорошо знаком, — сделал ответный ход сэр Ланселот, грозя поставить досточтимому Альфреду мат. — Я уверен, что король будет рад услышать новости о своих друзьях.

— Конечно, сэр, я ему обо всем доложу, — сказал Питер. — А теперь, простите, я должен ехать.

В связи со сложившимися обстоятельствами король временно снял запрет на въезд в центр города механического транспорта; правда, пользоваться им было разрешено только правительственным чиновникам. Питер позаимствовал у полиции «Лендровер». Впрочем, население Дзамандзара так привыкло к безобидным королевским каретам, что решительно не желало менять свой образ жизни в связи с появлением смертоносных тарактелок. Жители, как и прежде, медленно двигались по улицам, останавливаясь поболтать или даже поиграть в кости прямо на проезжей части. Питер негодовал, и все-таки ему пришлось снизить скорость своего механического экипажа до скорости королевской кареты, иначе он передавил бы полстолицы. В результате он опоздал во дворец на целых полчаса и вбежал внутрь в крайне взвинченном состоянии.

Его проводили в королевскую столовую, которую Кинги иногда использовал как конференц-зал. Это был милый зал, выкрашенный кремовой и салатовой краской, с бронзового цвета ковром и лепниной на потолке. Вся компания собралась на одном краю гигантского обеденного стола, во главе которого восседал Кинги в бледно-желтом халате; взгляд его, как всегда, выражал решимость и уверенность в себе. Справа от него ссутулился Ганнибал и, полузакрыв глаза, курил сигару. Слева, будто застыв, сидел сэр Осберт. Его монокль был настолько прочно ввинчен в глазницу, будто составлял неотъемлемую часть тела. За ним сидел лорд Хаммер — дородный, мясистый, с черными, как сажа, волосами и розовым, как у младенца, лицом. Только острые фиолетовые глаза, похожие на лисьи, разрушали впечатление невинности. Его крупные короткие руки постоянно чертили золотым карандашом в роскошном блокноте какие-то невообразимые конструкции. Прибавьте к этому дорогую зажигалку, золотой портсигар и роскошный футляр от очков — и портрет готов. Когда Питер влетел в зал, все обернулись к нему.

— А, это вы, Питер, — сияя, сказал король. — С добрым утром! Наконец-то вы здесь... Ну, все в порядке, можем начинать.

— С добрым утром, Кинги, — сказал Питер, занимая место по соседству с Ганнибалом. — Простите за опоздание, но я забежался, размещая последнюю партию вновь прибывших.

— Понятно, — хмуро сказал Кинги. — И с ними — доблестный сэр Ланселот? Я не сомневался, что рано или поздно он даст о себе знать.

При упоминании этого имени лорд Хаммер чуть не выронил свой карандаш, а сэр Осберт изобразил на лице удивление.

— Сэр Ланселот? — выпалил он, еще крепче ввинчивая свой монокль в глазищу и глядя на Кинги так, как смотрит на монарха простой зевака, случайно оказавшийся на параде. — Тот самый сэр Ланселот Хейверли-Эггер? Так этот разбойник тоже здесь?!

— Как, вы знаете сэра Ланселота? — спросил Кинги.

— Знаю ли я сэра Ланселота? Не то слово! — с чувством произнес сэр Осберт. — До того осатанел, что и слышать о нем не хочется! Он из этих сумасшедших любителей животных. Чуть что, сразу лезет и затевает склоку! Нельзя копнуть лопатой землю, чтобы он тут же не появился с кучей таких же, как он, чокнутых и не устроил скандала: мол, здесь нельзя строить, потому что это, видите ли, угрожает какому-нибудь редкому горностаю или ласке. Или, мол, нельзя осушать это болото, потому что здесь водится какая-то уникальная гадюка или жаба! Понимаете теперь, какая угроза от него исходит? Он же просто враг прогресса!

— Боюсь, что он прибыл на Зенкали именно с этой целью, — сказал Кинги. — Было бы наивно думать, что он с одобрением отнесется к строительству плотины и аэродрома, тем более теперь, когда мы заново обрели птицу-пересмешника.

— Мы и без того попали в смешную ситуацию, — сердито рявкнул сэр Осберт, — а тут еще этот Хейверли-Эггер!

Лорд Хаммер глубоко вздохнул.

— Итак, приступим к обсуждению вопроса о строительстве аэродрома, ваше величество? — спросил он неожиданно жалобным и вкрадчивым, как у ребенка, голосом.

— Вопросы этого мы, конечно, коснемся, — ласково сказал Кинги, — но простите мою дерзость, лорд Хаммер, не кажется ли вам, что ваше появление на Зенкали несколько преждевременно? Во-первых, неизвестно, будет ли строительство вообще иметь место. Но даже если и будет, о торгах на право проведения этих работ мы объявим особо.

В зале на мгновение воцарилась тишина. Сэр Осберт заерзал в кресле. Лорд Хаммер придвинул к себе толстыми ручками все свои причиндалы.

— Хотя я полностью доверяю моим людям, — сказал он, — но когда речь идет о столь крупных и масштабных работах, я предпочитаю осмотреть все сам, прежде чем участвовать в торгах, — закончил он и ласково улыбнулся, словно дитя с лисьими глазами.

— Понимаю, — сказал Кинги.

— Весьма похвально, — отрезал Ганнибал.

Д — Что ж, — сказал сэр Осберт, — полагаю, время приступить к сути дела. Нельзя задерживаться с ответом по поводу столь значительной проблемы, тем более что правительство Ее Величества ждет. Мой вам совет — стройте плотину и затопляйте долины. Чем скорее вы сделаете это, тем быстрее весь мир забудет об этой дурацкой птице.

Король холодно посмотрел на него.

— Если я вас правильно понял, — спросил он, — вы называете «дурацкой птицей» старинное божество фангуасов?

Сэр Осберт мгновенно покраснел.

— Я имел в виду... — начал он.

— Скажите мне, сэр Осберт, — перебил его Кинги, — какова будет ваша реакция, если я предложу взорвать собор Святого Павла или Вестминстерское аббатство с целью постройки аэродрома?

— Так это не одно и то же... — начал было сэр Осберт.

— Вот именно! — сказал Кинги. — Дурацкая птица — языческий бог черномазых, а собор Святого Павла и Вестминстерское аббатство — святыни цивилизованного белого человека. В самом деле, что между ними может быть общего?

В зале на миг воцарилось молчание, чреватое взрывом.

— Так вот, — заявил Кинги. — Позвольте проинформировать вас, сэр Осберт, равно как и вас, лорд Хаммер, что вопрос такой важности не может быть решен, не будучи предварительно вынесенным на особое совещание для принятия решения. До этого я ничего не могу сделать.

— Но... Разве король не обладает абсолютной властью? — спросил сэр Осберт, и в голосе его прозвучала презрительная усмешка.

— Увы, нет, — с улыбкой ответил король. — Мы стараемся быть демократичными! Надеюсь, вы не забыли, каких усилий стоило вашей стране привить на Зенкали демократические принципы, сэр Осберт? Надеюсь, вы не предложите нам отказаться от них, потому что находите их неудобными?

— Так когда же вы объявите о своем решении? — спросил сэр Осберт. Его глаза искрились от гнева.

— Послезавтра, — спокойно ответил король. — Я объявлю о нем лично.

Когда сэр Осберт и лорд Хаммер покинули зал, Кинги велел подать напитки, и несколько мгновений все сидели в полной тишине.

— Так каким, по вашему мнению, будет решение особого совещания? — спросил наконец Ганнибал и зажег сигару.

Кинги вытянул могучие смуглые руки, словно собирался исполнить замысловатый цирковой фокус.

— Не имею ни малейшего представления, мой милый Ганнибал, — ответил он, пожав плечами.

— Лужа там будет? — спросил Питер.

— Согласно нашей конституции, если особое совещание собирается для обсуждения вопроса, касающегося безопасности и будущего страны, в его работе должно принимать участие равное количество гинка и фангуасов, — сказал Кинги. — Так что Лужа со своими приспешниками составляют половину всего комитета.

— А их никак нельзя нейтрализовать? — спросил Ганнибал.

— Я могу руководить ими, но боюсь, нейтрализовать не удастся никак, — сказал Кинги. — Сейчас трудно делать предположения. Подождем подходящего момента — вот тогда и пошлем в нокаут.

...Питер ехал домой в подавленном настроении. Добравшись, он увидел поджидавшую его на пороге Одри, и на душе у него сразу сделалось светлее. Подойдя к Питеру, она коротко поцеловала его и взгляделась в его лицо.

— Вижу, ты устал, бедняга, — сказала она. — Выпить хочешь?

— Ради бога, — сказал он, плюхаясь в кресло, — и дай стакан побольше. А где сэр Ланселот и досточтимый Альфред?

— В ванной. Они очень польщены приглашением на обед в Дом правительства, вот и прихорашиваются. Так что на этот вечер мы от них избавимся. Предлагаю: еще по паре стаканчиков, поплавать всласть, потом поужинать — и пораньше на боковую, а то на тебе лица нет.

— Прекрасно, — сказал Питер, допивая стакан. Он уже начал рассказывать Одри о впечатлениях сегодняшнего дня, как вдруг появились досточтимый Альфред и сэр Ланселот, оба во фраках.

— А, мистер Флок! — весело сказал сэр Ланселот. — Вы уже! Ну, что там говорил Его Величество?

— Его Величество... хм... передавал вам пламенный привет и сказал, что, как только события чуть поутихнут, он с удовольствием вас примет.

— Пр-ревосходно, пр-ревосходно, — замурлыкал сэр Ланселот.

— Блестяще, — поддержал досточтимый Альфред.

— Ну, нам пора, — сказал сияющий сэр Ланселот. — Нас пригласили на обед в Дом правительства.

— Желаю вам всего доброго, — сказал Питер.

Когда гости ушли, Одри допила стакан и села поближе к Питеру.

— Ну, как по-твоему, что будет дальше? — спросила она. — Или тебе не хочется говорить об этом?

— Бог его знает, — хмуро сказал Питер. — Да и вряд ли кто знает. Ситуация крайне сложная.

Д

— Как ты думаешь, они не станут затоплять долины?

— От этих идиотов всего можно ожидать, — сказал Питер, — но я думаю, они на это не пойдут. Вопрос в том, как найти компромисс, — вот в чем вся сложность. Ломаю над этим голову, и все безрезультатно.

— Выпей-ка еще стаканчик да хорошенько поужинай — вот что тебе сейчас больше всего нужно, — сказала Одри и встала. В этот самый момент появился Эймос.

— Пожалста, сэ', к вам мистер Лужа, — с отвращением сказал Эймос.

— Лужа? — изумился Питер. — Ты не ошибся?

— Нет, сэ', это правда, — стоически сказал Эймос.

Питер взглянул на Одри.

— Какого черта? — пробормотал он.

— Не знаю, — ответила она, — но будь осторожен.

— Эймос, пригласи Лужу войти, — сказал Питер.

Лужа, одетый в элегантный парусиновый костюм и при галстукке, какой носят регбисты, быстрым шагом влетел в комнату. На лице его играла вкрадчивая улыбка, но глаза по-прежнему были лишены выражения. Увидев Одри, он поначалу задержал шаг, но затем решительно продолжил движение, вытянув вперед руку.

— Милый Флокс, милая мисс Дэмиэн, — сказал он и отвесил легкий поклон, — простите мое внезапное вторжение.

— Бог простит. Сядь, выпей с нами, — сказал Питер.

— Премного благодарен за вашу любезность. Мне бы бренди с содовой, если можно.

— Эймос, будь любезен, подай Луже бренди с содовой, — сказал Питер.

Когда напиток был подан, Лужа нежно зажал стакан между крохотными ладошками. Он аккуратно скрестил ноги, боясь помять складку на брюках, и уставился на Питера своими черными как смоль глазенками.

— Простите, Флокс, — сказал он, — я с уважением отношусь к мисс Одри Дэмиэн, но я надеялся, что вы будете один... Я хотел поговорить с вами об очень деликатном деле...

— Если хотите, я уйду, мистер Лужа, — сладко сказала Одри.

— Ничего. Я думаю, то, что Лужа хочет поведать мне, не оскорбит твоих ушей, — твердо сказал Питер.

— Да, да, — ответил тот. — Я только хотел поделиться с вами своими мыслями. Я, конечно, понимаю, что проблема, о которой я поведу речь, волнует вас обоих. Поэтому я буду благодарен, если вы останетесь, мисс Дэмиэн. Ваше мнение по этому вопросу будет для меня столь же ценно, как и мнение мистера Флокса.

Он допил стакан, вытащил из рукава шелковый носовой платок и изящным жестом вытер рот.

— Не сомневаюсь, вы догадались, о чем я поведу речь, — продолжил Лужа. — Об удивительном открытии, сделанном вами и мисс Дэмиэн.

— А тебя-то это почему волнует? — спросил Питер, притворившись, будто не понимает, о чем пойдет речь.

— О, это действительно уникальное открытие в биологии, — продолжал Лужа, — которое делает честь вам обоим. Но тем не менее позвольте заметить, что это палка о двух концах.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Питер.

— Между нами, вы ведь светский молодой человек, а мисс Дэмиэн — высокоинтеллектуальная молодая леди. Мы знаем, что, каким бы важным с биологической точки зрения ни было это открытие, оно не будет иметь такого значения для благополучия острова, как аэродром. Стало быть, смешно предполагать, что мы позволим этому открытию помешать развитию острова, которое, при любых обстоятельствах, столь важно для народа Зенкали.

— Ты имеешь в виду — с финансовой точки зрения? — спросил Питер.

— Естественно, — сказал Лужа, и его черные глазки блеснули. — Аэродром принесет острову богатство.

— А тебе — в первую очередь, — сказал Питер.

Лужа откинулся в кресле, продолжая сжимать свой стакан крохотными ручонками.

— Я не собираюсь вводить вас в заблуждение, мистер Флокс, — хмуро сказал Лужа. — Я и в самом деле хочу заработать детишкам на молочишко, но ведь выиграют и сотни других зенкалийцев! Даже такие чудачки, как вы, в конечном счете выиграют.

Лужа наблюдал за Питером поверх края своего стакана. Не дав оппоненту вставить слово, он продолжил:

— Как вам известно, у нас на острове имеется особое совещание. Скажу вам честно, старина: я не знаю, как там развернутся события. Все просто впали в истерику и стали сверхчувствительными, а в столь напряженной атмосфере даже особое совещание может допустить ошибку и поставить на проекте крест. Это будет огромным несчастьем, полным крахом для острова! При сложившемся положении вещей никто не хочет взглянуть дальше собственного носа, и более чем вероятно, что, исключительно в результате ошибки, может быть избран неверный путь. Так что, по-вашему, следует делать?

Вопрос носил явно риторический характер, ибо не успел Питер выступить с каким-либо предложением, как Лужа возобновил свой монолог.

Д — Мне представляется, — сказал Лужа, стараясь казаться дружелюбным, — мне думается, старина, что самое простое — это устранить стоящее на нашем пути препятствие. Устраним — и дела с постройкой аэродрома пойдут как по маслу.

На секунду воцарилась тишина.

— Ясное дело, — сказал Питер. — И как же ты предлагаешь это осуществить?

— Вот в том-то все и дело, — сказал Лужа и обнажил в улыбке свои крохотные белые щенячьи зубки. — Я ничего не могу добиться без сотрудничества с вами и мисс Дэмиэн, поскольку мне неизвестно местонахождение долины, о которой идет речь. Но я ни в коей мере не желаю утруждать вас. Если бы я просто получил информацию, то все остальное я бы взял на себя.

— Если я тебя правильно понял, — сказал Питер, — ты хочешь, чтобы мы с мисс Дэмиэн сообщили тебе координаты Долины пересемешников, а устранение препятствия — или как это там у тебя называется — ты берешь на себя?

— Точно так, — сказал Лужа.

— Каким образом? — спросил Питер.

Лужа изящно пожал плечами и стряхнул с коленки невидимую глазу пылинку.

— Есть разные пути, — осторожно сказал он.

— Конкретнее, — настаивал Питер.

— Наиболее убедительным средством будут огонь и ружья, — сказал Лужа, — и к тому же все происшедшее можно будет свалить на бандитов из племени гинка, которые будто бы устроили налет. Свидетельства — это я тоже беру на себя.

— А я-то что с этого буду иметь? — спросил Питер.

Глазки Лужи заблестели, словно у рыбака, почувствовавшего первую поклевку рыбы на крючке.

— Я, конечно, понимаю, что за услуги нужно платить, — шелковым голосом сказал Лужа. — Мне понятно ваше желание, чтобы я оплатил наличными ваше открытие. Уверяю вас, вы не сочтете меня скрягой, мистер Флокс.

— Тем не менее позволь поинтересоваться, на что способна твоя щедрая рука, — мягко сказал Питер.

— Ну, допустим... пять тысяч фунтов, — предложил Лужа.

Питер взглянул на него и рассмеялся.

— И это... при всем том, что ты будешь иметь с аэропорта? — насмешливо сказал он. — Ну, милый Лужа, это же несерьезно! Ну, а мисс Дэмиэн что с этого будет иметь?

— Ну, положим, шесть тысяч фунтов, — сказал Лужа, и глаза его заблестели с новой силой. — По шесть тысяч на брата. Идет?

— Послушайте, Лужа, вы ведь собираетесь заработать на этом аэродроме не одну сотню тысяч фунтов. Не так ли? — спросил Питер.

Лужа пожал плечами.

— Ну, будем считать, что я буду хорошо обеспечен, если дело выгорит, — сказал он, — но, право же, мистер Флокс, разве мое предложение недостаточно щедро? Я ведь беру на себя весь риск.

Питер сел в кресло и посмотрел на противника в упор. Лужа сиял, как игрок в покер, который знает, что у него в руке четыре туза. Он аккуратно поставил стакан на стол рядом со своим локтем, а затем лстыиво наклонился вперед.

— Ну, ну, Флокс, ну, старина, — я не из тех, кто ходит вокруг да около, когда чего-то уж больно хочется. Никто никогда не называл меня скрягой. А если я предложу вам и, конечно, мисс Дэмиэн по двадцать пять тысяч фунтов за этот маленький секрет? Тогда вы не скажете, что это мало, а? И главное, кто знает — если дело выгорит, как мы задумали, может, можно будет рассчитывать на небольшое вознаграждение в будущем, а? Что скажете, старина?

Он энергично наклонился вперед. Его седые волосы сияли, черные глазки блестели, указательный палец отбивал дробь по коленке — видно было, что он не сомневался, какой ответ даст Питер.

Питер допил стакан и встал.

— Все дело в том, Лужа, — мягко сказал он, — что ты всего-навсего расфуфыренный арапчонок с бухгалтерской книгой вместо мозгов. По себе о людях судишь, дружище! Вот и решил, что всякий человек покупается и продается. Так заруби себе на носу, старина, что я не сообщу тебе координаты Долины пересмешников и за двадцать пять миллионов, не говоря уже о двадцати пяти тысячах!

Обмякнув, Лужа откинулся в кресле. Его лицо сделалось желтым, как у покойника. Глаза потускнели.

— Более того, признаюсь тебе, ты даже не представляешь, как я тебя ненавижу, — перешел в контратаку Питер. — У меня в голове не укладывается, в каких смертных грехах повинны бедные зенкалийцы, что бог лишил их разума и они наделили такого жалкого карлика властью. Тебя следовало бы младенцем задушить в колыбели. Заверяю тебя, я сделаю все возможное, чтобы идея со строительством аэродрома не прошла. Мне доставит огромное удовольствие перевернуть твою тележку с яблоками. А теперь оставь нас, пожалуйста. У нас с мисс Дэмиэн свое представление о том, кого брать в компанию, а кого нет. Ты нам надоел хуже горькой редьки.

Д Лужа встал и побрел к выходу. Дойдя до порога, он обернулся. Его лицо было по-прежнему мертвенно-бледным, и блеск в глазах, казалось, погас навсегда. Они, как и прежде, были лишены всякого выражения.

— Ты об этом пожалеешь, Флокс, ты еще раскаешься в том, что оскорблял меня! Никто никогда не смел говорить со мной таким тоном. И помни, я не потерплю, чтобы кто-нибудь стоял у меня на пути. Тем более такой ублюдок, как ты!

Он вышел, на прощанье хлопнув дверью. Питер снова развалился в кресле.

— Ну, — сказала Одри, — ты-то уж точно знаешь, как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей.

— Точно. Я сразу понял, что он меня в грош не ставит, — с улыбкой сказал Питер.

— Да, но его нельзя недооценивать как противника. Я серьезно, — сказала Одри. — Как ты думаешь, что он предпримет?

— Ну, пока ему неизвестно местоположение долины, он ничего предпринять не сможет, — сказал Питер. В этом он жестоко ошибался.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЗЕНКАЛИЙЦЫ ПОДНИМАЮТ ГОЛОС

На следующее утро, собравшись позавтракать, Питер увидел, что сэр Ланселот и досточтимый Альфред, уютно устроившись на веранде, азартно поглощают яичницу с беконом, закусывая фруктами из огромной вазы. Не успел Питер присесть, как сэр Ланселот тут же пристал к нему с разговором.

— Да, Флокс, ситуация на Зенкали очаровательна, просто очаровательна, — сказал он, помахивая перед Питером грязным ножом. — Столько всяких факторов и хитросплетений!

— Именно так, сэр, — сказал Питер. Не мог же он сказать прямо, что ему не хочется начинать день с обсуждения ситуации на Зенкали.

— Конечно, необычная, очень необычная, — сказал досточтимый Альфред, борясь с плодом манго размером с небольшую дыню. — Я только что сказал сэру Ланселоту, что наблюдал нечто подобное, когда был в гостях у кумкватского магараджи. Там работы были остановлены из-за священных обезьян. Я бы даже так сказал — священные обезьяны остановили работы. Что, здорово у меня язык подвешен? Ха-ха!

— Вполне, — сказал сэр Ланселот, думая, смеяться ему или нет, и решив, что не стоит. — Как я говорил своему другу министру внутренних дел

Великобритании Артуру Мендалю, когда он недавно приезжал на уик-энд с маркизом Оркнейским и лордом Беллройалом, — когда природоохранное дело вторгается в политику и религию, ситуация получается щекотливая, и даже очень.

— Нечто похожее я говорил кумкватскому магарадже, — сказал досточтимый Альфред, — но он далек от этих проблем...

— Когда заседание особого совещания? — спросил сэр Ланселот. — Сегодня?

— Да, в одиннадцать тридцать, — ответил Питер.

— Это в здании парламента?

— Нет, во дворце.

— Прекрасно. Надеюсь, к обеду результаты станут известны? — спросил сэр Ланселот.

— Возможно, что и так, — ответил Питер, — но сейчас трудно сказать. Ситуация слишком сложна, и дебаты могут затянуться.

— Верно, верно, — согласился сэр Ланселот, — не стоит спешить со столь важным решением. Как говорится, тише едешь — дальше будешь.

— Вот именно, — сказал досточтимый Альфред, очарованный этой мудростью. — Ей-богу, здорово сказано.

— Ну, теперь извините, мне нужно уйти. Необходимо убедиться, что ни с кем из прибывших гостей ничего не случилось, а затем ехать во дворец на совещание, — сказал Питер.

— О, так вы тоже будете на совещании? — спросил сэр Ланселот с плохо скрываемым изумлением.

— Его Величество специально просил, чтобы я и Ганнибал присутствовали на совещании в качестве наблюдателей. Обычно же совещание проходит при закрытых дверях.

— Это интересно, — задумчиво сказал сэр Ланселот. — С нетерпением буду ждать сообщения из первых рук.

Когда Питер, пройдя длинную веранду, спустился в сад, до него долетели слова досточтимого Альфреда:

— Это мне очень напоминает ситуацию в Рио-Муни. Помню, как я говорил герцогу Пеллигресскому...

Оставив спорщиков выяснять, кто из них вхож в более высокие аристократические круги, Питер на полном газу покатил к себе в контору. Закончив с неотложными делами, он полетел напрямик к старинному голландскому плантаторскому дому, желая удостовериться, что все остальные его подопечные живы-здоровы. Прибыв туда, он несколько удивился, увидев капитана Паппаса. Сидя на широкой прохладной веранде, капитан и

Д

Седрик Джагг тянули большими стаканами «Нектар Зенкали». Они уже одолели полбутылки, и алкоголь успел оказать свое действие.

— П'ивет, п'ивет, п'ивет! — вскричал Джагг. — Мисте' Флокс, как мы 'ады вас видеть! Ну, 'ассказывай, 'ади бога, где ты шлялся! Ха, ха!

Его жирное лицо покрылось крохотными бисеринками пота, а редкие гладкие волосы, видно, давно не знали расчески. С трудом встав на ноги, он нетвердой походкой заковылял по веранде и с жаром схватил Питера за руку. Капитан же остался неподвижно сидеть за столом, даже не моргнув ни разу.

— Садись, выпей с нами! Послушай, я 'асскажу, что я п'идумал! — сказал Джагг с широкой улыбкой, несколько кося глазами. — Поп'обуй!.. Вот!.. Зенкалийский некта'... 'оскошная штуковина!.. От одного глотка ше'сть на г'уди в'астает! И на 'уках, и на ногах...

В это мгновение Питера разобрало любопытство, с какой целью Джагг вообще приехал на Зенкали. Он ведь не относился ни к одной категории, на которые подразделялись остальные прибывшие. Желая удовлетворить свое любопытство, он позволил потащить себя за руку к столу и впахнуть в кресло.

— Что будем пить? — спросил Джагг, садясь за стол и со всей серьезностью глядя на Питера. — Б'енди, 'ом, джин? Что угодно! Плачу за все! Слышишь?.. Плачу за все!

— Спасибо, я с утра не пью, — сказал Питер. — Мне бы чашечку кофе, если можно.

Выговаривая каждое слово громким голосом, чтобы быть уверенным, что его правильно поймут, Джагг передал просьбу слуге-зенкалийцу. Одержав сей триумф в области лингвистики, он вытер рот алым платком и дальше уже не сводил глаз с Питера.

— Ты легок на помине! Я как 'аз гово'ил о тебе с капитаном, а ты тут как тут! Знаешь капитана? Это мой ста'инный п'иятель.

— О да, конечно, я превосходно знаю капитана, — ответил Питер, улыбаясь капитану, который подтвердил слова Питера многозначительным морганием своих агатовых глаз.

— Я как 'аз 'ассказывал капитану, что могу помочь в 'аз'ешении на-з'евшей здесь п'облемы. П'едставь, у меня в 'уках ключ к 'аз'ешению! — продолжал Джагг, наливая себе очередной стакан зенкалийского зелья.

— Правда?! — спросил изумленный Питер и взглянул на капитана, который, казалось, лишился дыхания, а глаза его снова потеряли блеск и застыли на месте.

— О да, — экспансивно сказал Джагг. — У меня в 'уках ключ! Не знаю, что вам обо мне известно, мисте' Флокс, но я — Джагг из «Джунг-

лей Джагга», самого лучшего в ми'е сафа'и-па'ка, и заслуга в этом — вашего поко'ного слуги!

— Да, я знаю, что вы — владелец сафари-парка «Джунгли Джагга», — сказал Питер.

— И не только владелец, но и тво'ец! — торжественно изрек Джагг. — П'ошу не забывать об этом!

— Ну да, конечно, — согласился Питер. — Я только не понял, чем это может нам помочь?

— В этом — 'ешение ваших ка'динальных п'облем, — заговорщицки усмехнулся Джагг.

— Я что-то не улавливаю хода ваших мыслей, — сказал изумленный Питер.

— Смот'и сюда, — сказал Джагг, наклонившись вперед и помахав стаканом под самым носом у Питера. — У вас п'облема, так надо понимать? Вы не можете затопить эти че'товы долины из-за этих че'товых пе'есмешников, или я не п'ав? А если вы не затопите долины — вы не пост'оите гид'оэлект'останции и не сможете п'иступить к соо'ужению аз'од'ома. Вы заб'ели в тупик и не находите выхода. Понимаешь, нет?

Питер кивнул.

— Так, на чем же мы остановились?.. Ах да, — Джагг оглянулся и перешел на шепот: — То, что я тебе скажу, — ст'ожайший сек'ет! Я не желаю, чтобы о нем узнали эти че'товы п'и'одоох'ани... П'и'одоох'ани... Ну, в общем, вся эта толпа сумасб'одов. Ха! Ха!

Для поднятия боевого настроения он высосал еще один стакан лучезарной сенкалийской жидкости.

— Так вот, — продолжил он и вытер рот тыльной стороной ладони. — Объясняю тебе, что же я соби'аюсь п'едп'инять. Если вы избавитесь от птиц, вы сможете начать ст'оительство аз'од'ома, ведь ве'но?

— Положим, что так, — осторожно согласился Питер.

— П'авильно, — сказал Джагг, выдыхая струю дыма. — Так вот, я — тот самый, кто поможет тебе избавиться от этих пе'натых! И не только избавлю, но и положу этому вашему людоедскому ко'олю п'иличную сумму в ка'ман.

Он развалился в кресле, едва заметно махнул Питеру рукой и напыщенно кивнул, после чего отхлебнул еще «нектара».

— Как видишь, я все п'едусмот'ел, — заявил он. — Пойди и пе'едай вашему че'номазому ко'олю, вождишке из дикого племени, чтобы он ни о чем не беспокоился. Все бе'ет на себя Джагг! Джагг позаботится обо всем! Единственное, что мне надо, — получить от него 'аз'ешение на отлов этих ду'ацких птиц и коо'динаты долины, где они находятся. Вот увидишь, им

Дхо'ошо будет в моем сафа'и па'ке «Джунгли Джагга»! Я еще и денежки п'и-плачу! Пятьсот фунтов наличными за штуку — о-го-го! Не п'авда ли, шед'о? И вообще, я делаю такое важное дело, что п'авильнее было бы самому слупить денежки с вашего ко'олька-каннибала! Он еще будет меня уп'ашивать, чтобы я их заб'ал! Но Джагг — честный па'тне', он так не делает бизнес! Честность для меня — п'евыше всего! И я ни минуты не сомневаюсь, что, заб'ав птиц к себе, я создам им хо'ошую 'екламу да и сам внакладе не останусь. Представляешь, какую 'екламу я сочиню для своего сафа'и-па'ка? «Даже исчезнувшие виды возрождаются к жизни в сафари-парке «Джунгли Джагга»! А, каково? Я заполучу тысячи новых посетителей, слышишь, тысячи!

— Да, но вы ничего о них не знаете, — решительно запротестовал Питер. — Вы даже не знаете, что они едят.

— Что они едят... хм... Что же эти... хм... птицы... едят... Ну, 'аз они птахи, надо думать, они едят то же, что и д'угие птахи, — сказал Джагг, слегка помахивая рукой и пытаясь увильнуть от ответа. — Ну, допустим, то же, что и ст'аусы.

— Ну а если... они едят то, что имеется только здесь и что вы там, у себя, достать не сможете? — допытывался Питер.

— Так можно п'иучить их лопать что дают, — отрезал Джагг. — Поголодают и п'иучатся, помани мое слово!

— А климат? — не отставал Питер. — Не забудьте, здесь ведь очень жарко. А вдруг они не перенесут холода?

— Хм... — произнес Джагг, и в его туповатых глазах впервые забрезжила мысль. — Сколько, ты сказал, их там насчитывается?

— Мы насчитали пятнадцать пар, — ответил Питер. — В действительности может быть и больше.

— Всего, стало быть, т'идцать? Очень хо'ошо. П'едположим, по до'оге в Англию половина из них пе'едохнет. Так все 'авно останется пятнадцать! П'едположим, эти последние пятнадцать п'отянут еще па'у недель. Может, чуть больше. Это будет... — Джагг закрыл глаза, наморщил лоб и начал что-то вычислять в уме. — Так, п'едположим, они п'отянут две недели, надеюсь, конечно, что чуть дольше... П'и хо'ошей 'екламе... Это будет... Сумасшедшие деньги! За две недели я положу себе в ка'ман пятьдесят тысяч фунтов чистыми! А то и больше!

Питеру чуть не сделалось дурно.

— Так вы... допускаете, что все пересмешники погибнут?

— Послушай, ведь до того, как ты отк'ыл их, мы без них п'ек'асно обходились, ве'но? — сказал Джагг. — Значит, и дальше п'ек'асно без них обойдемся. Конечно, будет нехо'ошо, если они все околеют, очень даже

нехо'ошо. Но что делать, такова уж судьба диких животных и пе'натых. Доход от них ог'омный, но ведь возможен и 'иск.

— То есть... как? — спросил Питер, готовый услышать что угодно.

— Ну, вот тебе хотя бы такой п'име'... П'ошлой зимой мы п'ивезли целое семейство леопа'дов. Целых десять штук, понимаешь? Представляешь, в какую копеечку мне это влетело? Ну так вот — я благополучно доставил их в па'к, и... Ты не пове'ишь, что было дальше! В этот день дежу'ил сто'ож-идиот, кото'ый 'аботает у нас без году неделя, — так он возьми да и выпусти их на ночь из клетки!.. Ну, они за ночь и околели в глубоких суг'обах. Неве'оятно, но это так! Вп'очем, что же это я в'у? Два остались живы, уме'ли только к вече'у следующего дня. Что ж поделаешь, возиться с леопа'дами — т'удная штука!

— Ну а... с этим сторожем-идиотом вы что сделали? — спросил Питер, не в силах поверить услышанному. — Вы его уволили?

— Зачем же? — сказал Джагг и с жалостью во взоре посмотрел на Питера. — Бог мой, зачем же я буду б'ать г'ех на душу? Если бы я п'огнал его в шею, как ты советуешь, у меня бы до сих по' лежал камень на се'дце. Нет, я отнесся к этому как к к'охотной ошибочке. Позвал к себе и гово'ю: с кем не бывает, только надо учиться на своих ошибках! И что ты думаешь? Исп'авился и ве'но служит! Значит, п'инял к сведению. А что касается зве'ей — все дело случая, так я считаю.

— Ну, положим, судьба будет к ним благосклонна, — сухо сказал Питер. — А что, если они не захотят размножаться в неволе?

Джагг рассмеялся столь сердечным смехом, что на глазах у него выступили слезы.

— Да как же это... не захотят 'азмножаться? Животным свойственна тяга к п'одождению 'ода, а? — сказал он, вытирая глаза своим алым носовым платком. — Ну, в общем, как бы там ни было, я их заби'аю, а капитан платит мне хо'ошую цену за п'аво отвезти их в Джака'ту. От тебя т'ебуется всего-навсего пе'едать мое п'едложение вашему че'номазому ко'олишке. Я получаю птиц — он получает по пятьсот фунтов с клюва — и нет п'облем! Да, и не забудь пе'едать, что если дело выго'ит и они п'инесут мне большую п'ибыль, он может 'ассчитывать на дополнительное вознаграждение. Нитку цветных бус или что-нибудь в таком 'оде.

Джагг развалился в кресле и принялся дико гоготать.

— Что ж, — сказал Питер, вставая, — я передам ваше предложение Его Величеству. Надеюсь, он заинтересуется. Ну а теперь извините, я должен навестить остальных прибывших. Спасибо за кофе.

— П'иятно было с тобой пот'епаться, — серьезно сказал Джагг, протягивая руку. — П'иятно поболтать с па'нем, кото'ый знает, что где почем.

Отправившись на поиски остальных гостей, Питер каялся, что потерял столько времени с этим Джаггом. Нет уж, конечно, он не отдаст пересмешников на верную смерть в «Джунгли Джагга»!

Гости блаженствовали, принимая солнечные ванны в садике позади дома. До Питера донесся голос Харпа:

— В общем, так, нам придется занять жесткую позицию по отношению к королю. Да, друзья, очень жесткую! Мы должны продемонстрировать ему, что никакие фокусы не обманут природоохранное движение, решительно никакие!..

Увидев Питера, он прервал свой монолог и, сияя невинной белозубой улыбкой, шагнул ему навстречу, протягивая руку.

— А, мистер Флокс! Какая прелесть! — сказал он, заключая руку Питера в свои.

— Простите, я вас прервал, — сказал Питер.

— Прервал? Да нет, что вы, что вы... Мы тут просто так, болтаем с юными леди и джентльменами... Садитесь, выпейте с нами! Чем можем служить?

— Это я собирался узнать, чем могу служить, — сказал Питер. — Я пришел выяснить, хорошо ли вы устроились и желаете ли, чтобы я что-нибудь для вас организовал.

— Весьма любезно с вашей стороны, — ответил Харп. — Мы не хотим обременять вас. Мы понимаем, сэр, вы очень, очень занятой человек.

— Ничего страшного, — с улыбкой ответил Питер. — Это же входит в мои обязанности.

— Нам просто стыдно беспокоить вас, — сказал Харп и вытащил из кармана шорт лист бумаги фантастических размеров. — Я тут поутру бежал всех наших мальчиков и девочек, чтобы удостовериться, все ли живы-здоровы и все ли у всех о'кей, и мы составили кратенький списочек предложений. Поймите, это всего лишь предложения, нам просто интересно ваше мнение.

Весь последующий час Питер ломал голову, как ему справиться с «кратеньким списочком» предложений.

Мисс Элисон Грабуорти не давали покоя тараканы, осы, бабочки и гекконы, разделявшие с нею жилище. Адольф Цвигбюрер, представив критический анализ всего и вся, подчеркивал, что в Швеции все делают не так. Сеньорита Мария Роса Лопес требовала врезать ей новый замок, потому что ее терзала мысль: вдруг у мажордома-зенкалийца есть запасной ключ и как-нибудь ночью он ворвется и похитит ее. А надо сказать, что этой крючконосой горбуње было под семьдесят, и морщины избородили ее лицо, словно шляпку сморчка. «Едва ли ее опасения имеют под собой почву», —

думал Питер. Но, как бы там ни было, ему удалось выполнить все прихоти и фантазии гостей, начиная с просьбы Харпа класть ему побольше льда в виски и тщательнее мыть овощи и фрукты, из которых ему готовят салаты, и вплоть до требования герра Руди Майнштоллера починить ему часы. Этому суровому представителю Всемирной организации за спасение природы казалось немыслимым позором, если часы у швейцарца в неисправности, — этого его родная страна, конечно, не выдержит, от этого она погибнет безвозвратно! Что ж! На Зенкали отыскалась-таки часовая мастерская, и смуглокожий мастер справился с заданием блестяще.

Когда Питер наконец дополз до жилища Ганнибала, его истомила дикая головная боль и не менее жуткая жажда. Ганнибал восседал в своем гигантском кресле-качалке в длинной светлой гостиной, овеваемый мощными вентиляторами. Как всегда, вокруг него на полу сидела свора его любимых собак, а на столе громоздились пачки бумаг; часть их успела сверзиться со стола на пол. Нацепив очки на кончик носа, он что-то усердно писал. Когда Питер вошел, он на секунду оторвался от бумаги, молча показал на стол с напитками и снова вернулся к своей писанине. Залпом выпив стакан, Питер пододвинул кресло и сел рядом с Ганнибалом. Так он сидел, высасывая стакан за стаканом, пока Ганнибал наконец не кончил писать. Перечитав написанное, он снял очки и поднял стакан.

— Ваше здоровье, — сказал Ганнибал.

— Благодарю, — ответил Питер.

Они выпили, как добрые друзья, и мгновение помолчали.

— Ну, — наконец сказал Ганнибал, — что нового?

Питер не спеша допил стакан, а затем поведал Ганнибалу о предложении Джагга. Ганнибал в буквальном смысле слова закачался от дикого хохота.

— Каков нахал! — весело сказал он. — Маленький розовощекий наглец. И «король-каннибал»... Кинги живот бы надорвал от смеха!

— Как, вы собираетесь ему рассказать об этом?! — встревоженно спросил Питер.

— А почему бы и нет? — сказал Ганнибал. — Бедняге уже несколько дней не до смеху, пусть порадуетса.

Питер снова наполнил стаканы и сел.

— Ну а как вам весь этот идиотизм? Этот американец Харп, требующий добавки льда, или этот швейцарец со своими часами?

— А известно ли вам, что, глумясь над столь любимым американцами льдом и над швейцарскими часами, вы подрываете корни двух великих культур и грозите потрясением основ двум великим державам? — торжественно изрек Ганнибал.

Д

— Так или иначе, — с улыбкой сказал Питер, — позвольте рассказать про этого проходимца Лужу. Это куда существеннее.

— Как — Лужа? — изумился Ганнибал. — А ему-то что от тебя надо?

Питер поведал о визите Лужи и о том, чем он закончился. Ганнибал присвистнул.

— Следует думать, он здорово потрепал себе нервы, когда пытался подкупить вас с Одри, — сказал он. — Было бы наивно думать, что это так просто... А вдруг противник прибегнет к давлению?

— Кто, например? — спросил Питер.

— Ну, хотя бы твой дядюшка Осберт. Мне никогда не нравился его союз с Хаммером — более прочный, чем связь сиамских близнецов, — а как только я узнал, что Лужа знаком с вашим дядюшкой, я почувствовал, как здорово запахло жареным.

— Вы хотите сказать, что мой дядюшка будет стоять за сделку на смерть? — недоверчиво спросил Питер. — По-вашему, он тоже сорвет на этом куш?

— Тут происходят и более странные вещи, — заметил Ганнибал. — Вся беда в том, что у нас нет доказательств... Во всяком случае, таких, которые могли бы быть приняты к сведению в суде.

— А как, по-вашему, можно их получить? — взволнованно спросил Питер. — И если удастся, то можно ли будет наконец похоронить идею строительства аэропорта раз и навсегда?

— Не уверен, хотя это, несомненно, позволило бы нам перевести дух, — сказал Ганнибал. — Но я не представляю, каким путем мы можем их раздобыть. Разве только эта отвратительная троица явится сюда и вручит нам покаянное письмо с подписями. Во всяком случае, в данный момент мы бессильны что-либо предпринять. Поедьте-ка лучше на заседание особого совещания и посмотрим, как там пойдет дело.

Особое совещание включало в себя всех значительных и малозначительных вождей племен гинка и фангуасов, по двадцать с каждой стороны; при равенстве голосов решающий голос оставался за Кинги. Собравшиеся, одетые в пестрые халаты, сгруппировались вокруг длинного, до блеска отполированного стола. В своем королевском одеянии пурпурного цвета с золотым шитьем у ворота и на манжетах Кинги выглядел особенно величественным. На общем фоне резко выделялся один только Лужа в неизменном безупречном костюме и с галстуком регбиста. Когда Ганнибал и Питер заняли положенные места, Кинги обратился к собравшимся с речью.

— Я начну вот с чего, — сказал он своим богатым раскатистым голосом, который прямо-таки создан был для риторики. — Наше особое совещание должно уяснить одну простую вещь. Мы не имеем права лишать

фангуасов их вновь обретенного божества — это было бы равносильно лишению племени гинка их божества, которое всегда оставалось при них. Стоящая перед нами проблема заключается в следующем: если мы дадим ход нашим планам затопления долин — а на заседании парламента уже достигнута договоренность о продолжении работ по подготовке строительства аэродрома, — под воду уйдут и птицы-пересмешники, и деревья омбу. Таким образом, мы сегодня должны решить, как построить аэродром без нанесения ущерба религиозным чувствам фангуасов. Поэтому сейчас я пойду к каждому и попрошу его высказать свое мнение в индивидуальном порядке. После этого может быть открыта общая дискуссия.

Кинги медленно обходил стол и спрашивал, у кого какие идеи. Кто-то высказывался кратко и определенно, а иные, не имея никаких конкретных предложений, тем не менее не прочь были почесать языками и бубнили что бог на душу положит. Ганнибал слегка пофыркивал от нетерпения и в какой-то момент послал Питеру записку: «Похоже на то, что все они «за». Но я снабдил Кинги рядом аргументов «против», и есть надежда, что они сработают. Напомни мне, что я хотел встретиться с этим идиотом Друмом».

Наконец, после двух часов сотрясения воздуха, когда участники вскакивали с мест, стучали кулаками по столу и пытались перекрычать друг друга в самой демократичной манере, Кинги поднял руку, прося тишины.

— Всем вам была дана возможность высказаться, и все вы внесли предложения, которые застенографированы, — изрек он, по-отечески обводя глазами стол. — Позвольте мне поблагодарить вас за столь серьезный подход к проблеме и выдвижение столь деловых и разумных предложений.

Он сделал паузу, надел очки и взглянул на листок бумаги, который держал в руке. Затем снял очки и ласково взглянул на членов особого совещания.

— Тем не менее, сколь бы умными и полезными ни были ваши предложения, ни одно из них не может быть расценено как реальное решение проблемы. Поэтому, если позволите, я выдвину свое собственное — полагаю, оно послужит делу.

Члены особого совещания внимали королю, загипнотизированные его могучим обликом. Только Лужа — это не ускользнуло от внимания Питера — смотрел на короля, прищутив глазки и тихонько отбивая указательным пальчиком по полированной поверхности стола барабанную дробь.

— Итак, — продолжил Кинги, — наша задача заключается в том, чтобы спасти и дерево, и птицу. Каков наилучший вариант решения? Вывод очевиден: если мы не хотим, чтобы они находились там, где находятся в

Данное время, нам придется переместить их. А если так, то требуется детальное изучение всех биологических аспектов жизни птицы: только тогда можно будет подобрать подходящее место для ее переселения. Ситуация с деревьями несколько сложнее, и решение ее куда более дорогостоящее. Как вам известно, в Америке длительное время совершенствовались методы переселения взрослых деревьев, и я предлагаю изучить возможности пересадки деревьев омбу в то самое место, куда мы собираемся переселить пересмешников.

Обе партии, участвовавшие в работе совещания, ответили на монаршее заявление восторженным шумом. Один лишь Лужа оставался молчалив и даже не пытался скрыть презрительную усмешку. Во время общей дискуссии он не выдвинул никакого предложения, а лишь пожал плечами и сказал, что присоединится к решению большинства.

— Я отдаю себе отчет, — продолжал Кинги, — что эта программа потребует много времени и средств, но я уверен, что это — единственно возможный путь. Я также уверен, что на проведение этой важнейшей операции по спасению уникальных видов мы получим финансовую помощь из разных стран. Исходя из вышеизложенного, я предлагаю учредить специальный фонд — Фонд Пересмешника — и, со своей стороны, дам задание профессору Друму немедленно приступить к изучению пересмешника и подготовке материально-технического обоснования пересадок деревьев омбу. Полагаю, вы все проголосуете за данный метод решения проблемы?

Участники совещания были настолько очарованы новаторским подходом Кинги, что в зале на мгновение воцарилась ошеломляющая тишина. Затем все подняли руки и в один голос сказали «да». Собравшиеся смотрели друг на друга сияющими глазами, кивали головами в знак одобрения и смеялись, будто проблема была уже решена.

— Прекрасно, — сказал Кинги. — На этом наша встреча заканчивается. Месяца через два, когда у профессора Друма будут готовы результаты исследований, мы соберемся снова.

Он встал и повел Ганнибала и Питера к себе в апартаменты, а многоголосое взволнованное сборище двинулось к выходу. В кабинете Кинги уже был приготовлен термос с напитком «Оскорбление Величества». Кинги молча разлил угощение по стаканам, и все трое подняли первый тост.

— Итак, — сказал Кинги, глотнув кокосового молока, обильно сдобренного спиртным, — благодарите бога за свою мудрость, Ганнибал! Похоже, сработало.

— Не надо переоценивать, — сказал Ганнибал. — Это дало нам долгожданную возможность перевести дух, но не более того. Переселение целого леса омбу выльется в астрономическую сумму, и при этом весьма веро-

ятно, что птицы будут страдать, а то и перемрут по той или иной причине, если их вывезти из долины. В общем, дело может оказаться неподъемным. Но в нашем распоряжении несколько недель на обдумывание альтернативного пути — полагаю, это весьма ценно.

— Представляю, как Друм обрадуется, — сказал Питер. — Его хлебом не корми, только дай ответственное задание.

— Вот именно, — сказал Ганнибал. — Как только допьешь, скажи на поиски Друма и тащи ко мне.

— Сейчас, — сказал Питер, заглотнул питье и встал из-за стола. — Если он у себя, я доставлю его к вам на дом через полчаса. О'кей?

— Идет, — сказал Ганнибал. — Только прежде дай мне пропустить еще стаканчик этого убийственного королевского зелья.

Когда Питер докатил до крохотного домика на окраине столицы, где поселился Друм, его сердечно встретила хозяйка — полная немолодая зенкалийка, сообщившая, что Друм ушел накануне, захватив с собой сумку для коллекций и провизию в дорогу, и не вернулся до сих пор.

— Не знаете ли, куда он умотал? — спросил Питер.

— Не знаю, сэ'. Моя никогда не знает, куда он уходит, — сказала зенкалийка, шевеля в пыли пальцами ног. — Масса Друм никогда не ставит моя в известность, куда он уходит.

— Вы говорить, что он взял с собой полно каклет?

— Да, да, я ему нажарить полно каклет на дорогу.

— Значит, он мог уйти на два-три дня?

— Нет, сэ', — твердо сказала дама. — Он взял каклет самое большее на два день, сэ'.

«Остается одно — оставить ему записку», — подумал Питер.

— Проводите меня в комнату масса Друм, мамочка. Я написать *грамота* для масса Друм, а когда он вернется, вы ему передать.

— Моя слышала, сэ', — сказала хозяйка и повела его в комнату Друма.

В отличие от внешности Друма его обиталище, к удивлению Питера, выглядело безупречно. Комната была уставлена полками со справочной литературой, толстыми папками, на каждой из которых были аккуратные наклейки, рядами банок и клеток из металлической сетки, где томились различные насекомые; на столе стоял большой блестящий микроскоп, снабженный оборудованием для микрофотографии; всему было скрупулезно отведено свое место. Найдя на столе блокнот, Питер написал Друму краткую записку с просьбой безотлагательно явиться в дом Ганнибала и передал ее хозяйке, которая для надежности засунула ее между своими огромными грудями и заверила, что передаст ее Друму без всяких промедлений, когда он возвратится.

Д Вернувшись к Ганнибалу, Питер, к своему удивлению, обнаружил, что тот проводит пресс-конференцию. На широкой веранде были расставлены полукругом стулья, на которых восседала пишущая и телевизионная братия. Все жадно хлестали большими стаканами крепкие напитки и не менее жадно внимали Ганнибалу.

— Итак, джентльмены, вам должно быть ясно, что обретение вновь птицы-пересмешника и дерева омбу является одним из важнейших открытий в области биологии в нынешнем столетии. Возможно, оно сделало бы честь любому столетию; в конце концов, боги возвращаются к нам не каждый день.

— Чем были вызваны беспорядки? — спросил корреспондент газеты «Таймс» Хайбери, чье лицо расцвело пурпурным румянцем вследствие жары и Ганнибалова гостеприимства.

— С исторической точки зрения... — начал Ганнибал, но тут его взгляд упал на вернувшегося Питера. — А, это ты, Питер! Присаживайся к нам, налей стаканчик — видишь ли, я желаю, чтобы журналисты и телевизионщики немного набрались... немного набрались от меня правды и культуры. Сам видишь, какую борьбу я веду за это! Ну, да ничего страшного. Просто одна из обязанностей, которую несем на своих плечах мы, строители Империи!.. На чем же я остановился? Ах да, на причине возникновения беспорядков. Видите ли, с исторической точки зрения практически любое открытие, которое может служить новой отправной точкой в мышлении, неизменно вызывает шум. Помните, какими скандалами сопровождалось, например, введение на севере Англии прялки «Дженни»?

Те представители прессы, которые кичились своим знанием истории, выглядели сконфуженно. Ганнибал обошел всех с кувшином некоего напитка, убийственного даже для быка, и наполнил стаканы.

— Вы уклонились от ответа на вопрос об имевших место беспорядках, — настаивал Кунс из агентства «Рейтер».

— Подумаешь, — беззаботно сказал Ганнибал. — Это было не опасней, чем драчка школьников.

— Но они же спалили Английский клуб! — воскликнул Сайбели из «Рефлектора» таким тоном, будто речь шла о судьбе Александрийской библиотеки.

— Да его давно собирались снести, — ласково сказал Ганнибал. — Они просто оказали услугу англичанам, избавив их от этого рассадника антисанитарии. Страховку получим — не такой выстроим! Будет у нас клуб весь из хромированной стали и стекла, более соответствующий образу великой Британии!

— Вы заявили, будто это не опаснее, чем драка школьников, — взял слово Хайбери, — но ведь госпиталь переполнен ранеными!!!

— Ваша репортерская аккуратность вас не подвела, мой милый друг! — сказал Ганнибал. — Вот именно, ранеными! Ни одного смертельного случая! А что вы думаете, стычки такого масштаба ограничиваются парой царапин? Ей-богу, я бывал свидетелем матчей по регби с куда более драматичным исходом.

— Но все равно, почему столько раненых, коли вы называете происшедшее «дракой школьников»? — язвительно сказал Хайбери.

— Милый друг, будьте рассудительны, — с теплой улыбкой возразил Ганнибал. — Дыма без огня не бывает.

— Правда ли, что одна из англичанок была похищена кем-то из этих ужасных черномазых? — спросил Сайбели, облизываясь в предвкушении разговора на щекотливую тему.

— По-моему, вам следовало бы подбирать выражения. Зенкалийцы достойны большого уважения, — сказал Ганнибал. — Уверяю вас, дело не пошло дальше кулачного боя с применением пары крокетных молотков и нескольких копий. Люди были так увлечены сражением, что им было не до плотских утех.

— Как отреагировал на все это король? — спросил Кунс.

— Он был крайне огорчен, — сказал Ганнибал. — Его Величество годами трудился, чтобы достичь мира и согласия между гинка, фангуасами и иностранными колонистами, и, естественно, был шокирован этим глупым и бессмысленным взрывом насилия.

— Правда ли, что король помещается у вас на ладони? — не отставал Сайбели.

— Король ростом шесть футов четыре дюйма и весом свыше двухсот пятидесяти фунтов, — сказал Ганнибал. — Интересно, какая же у меня должна быть ладонь, чтобы он поместился на ней?

Публика расхохоталась. Тягостная атмосфера пресс-конференции, посвященной неприятной теме, сменилась радостной атмосферой коктейля, на котором Ганнибал выступал в роли веселого, радушного и внимательно-го хозяина.

— А что решило особое совещание? — спросил Кунс.

— Ну, — сказал Ганнибал, зажигая сигару, — на мой взгляд, они пришли к наилучшему варианту решения проблемы.

Ганнибал изложил гостям план, принятый на особом совещании, постоянно подчеркивая, что идея исходила от Кинги и была поддержана всеми участниками, и неоднократно намекая на то, что если Великобритания так уж жаждет получить этот аэродром, пусть готовится выложить кругленькую сумму за переселение пересмешников и деревьев омбу на новое место, во всяком случае, ей придется покрыть большую часть расходов.

Д — Полагаю, нами задумано нечто не имевшее прецедента во всей мировой истории, — сказал Ганнибал. — Во всяком случае, я не могу привести аналогичные примеры. По сути дела, мы переселяем пересмешников вместе со средой обитания.

— Какие блестящие телепрограммы можно будет сделать! — восторженно воскликнул Брюстер.

— О да, я ожидаю, что этим заинтересуются телекомпании всего мира, — сказал Ганнибал. — Мы еще хорошо поторгуемся!

— Как это... поторгуемся? — в ужасе спросил Брюстер. — Но ведь... исключительное право должно принадлежать «Би-би-си»! Что бы там ни было, вы же все-таки английская колония!

— Через несколько недель мы официально получим статус самоуправляющейся территории, — подчеркнул Ганнибал. — Но и в этом случае следует ожидать, что ваше предложение будет встречено с пониманием и сочувствием.

Наконец пишущая братия, маракая последние слова Ганнибала в своих блокнотах и расточая благодарности, покинула гостеприимного хозяина.

— Фу! — сказал Ганнибал, усаживаясь в свое знаменитое кресло-качалку. — Поддай-ка мне выпить, дружок. Я так страдаю от жажды! А что делать? Не успел вернуться — глядь, они уже сидят у меня на пороге! Вот и пришлось сказать пару слов, чтобы отвязались. Я старался разложить все по полочкам, чтобы они потом не выдали за мои слова плод собственного воображения.

— Спасибо вам, Ганнибал, — сказал Питер. — Теперь я от этой обязанности избавился. Но мне по-прежнему необходимо добыть официальное заявление для прессы, «Голоса Зенкали» и сэра Ланселота.

— Ну, так приступай, — сказал Ганнибал и, запрокинув голову, выпил стакан. — Какие новости от Друма?

— Он где-то в лесу. Я оставил ему записку, чтобы он немедленно, как вернется, скакал к вам.

— Прекрасно. Вы пообедали?

— Нет, — сказал Питер, неожиданно сообразив, что чертовски голоден.

— Ну, прошу в дом, перекусим — и за работу: пресс-релиз должен быть готов к сроку. Да, кстати, передай сэру Ланселоту и досточтимому Альфреду, что я сегодня жду их на ужин. Ну, разумеется, и вас с Одри тоже.

— Благодарю, — сказал Питер. — Я всем передам. Они будут в вос-торге. Боюсь, они уже чувствуют себя заброшенными.

По дороге домой Питер почувствовал, что не видел Одри уже целые сутки — с того знаменательного разговора с Лужей, и внезапно понял, как недостает ему ее присутствия, но тут же взял себя в руки. Собственно говоря, Одри — славная девчонка, с ней приятно провести время, но не более того. Так он себя уверял. Нет, он твердо решил, что останется холостяком! Жениться на такой капризуле?! Груды детских пеленок? Нет, увольте, эти игрушки не для него! Или вот еще картинка: он бьется как рыба об лед, стараясь свести концы с концами, а ей, видите ли, приспичило покупать шиншилловую шубку! Потом ломай себе голову, как расплатиться с долгами! (Правда, было неясно, с чего это ему взбрело в голову, что она бросится покупать именно шиншилловую шубку, — просто он утвердился во мнении, что это самый тяжкий грех благоверной после измены.) И все же, думал он, как ему не хватало мисс Одри! Ему было так весело с ней! Он решил, что позвонит ей сразу, как только переступит порог дома.

К своему облегчению, он обнаружил, что сэр Ланселот и досточтимый Альфред наслаждаются жизнью, ныряя у рифа. Значит, можно спокойно сесть за запоздалый обед, а затем и за пресс-релиз. Он как раз собирался позвонить Одри, когда ввалились его постояльцы, мокрые, как мыши. Он передал им приглашение Ганнибала, чему они были несказанно рады.

— Ну наконец-то мы встретимся с Силой, стоящей позади Трона, — с удовлетворением сказал сэр Ланселот.

— Не думаю, чтобы ему польстило такое определение, — сказал Питер. — Он только вносит предложения, но принимать или отвергать их — решает король.

— Понятно, понятно, — сказал сэр Ланселот. — Ну а до чего договорились на особом совещании? Приняли там какие-нибудь решения?

— Приняли, но это все полумеры, — сказал Питер. Он начал объяснять, как все было. Сэр Ланселот нахмурился и надул губы.

— Не уверен, что ВОПЕС это устроит, — скорбно сказал он.

— Точно, не устроит, — изрек досточтимый Альфред, вращая глазами за стеклами очков. — Равно как и мою организацию.

— А почему так, сэр? — раздраженно спросил Питер.

— Задача ВОПЕС заключается в том, чтобы бороться не просто за сохранение видов животных, но и за сохранение их естественной среды обитания, — разъяснил сэр Ланселот. — Идея особого совещания пересадить все деревья омбу и переселить всех пересмешников противоречит нашим принципам. Как председатель, заявляю с уверенностью, что ВОПЕС эта схема не устроит. Надо придумать что-то иное.

— Мы разделяем это мнение, — решительно заявил досточтимый Альфред.

— Боюсь, что вам придется разъяснить все это королю, — сказал Питер. — Это его идея. Но в действительности он высказал ее лишь затем, чтобы добиться для себя и Ганнибала отсрочки. А за это время можно будет придумать что-нибудь новое, хотя что — один бог ведает.

— Не хотите ли вы сказать, что на самом деле не имеете намерения воплощать в жизнь эту бредовую схему? — спросил сэр Ланселот.

— Боюсь, как бы ни пришлось, если не найдут альтернативы, — сказал Питер. — Но это влетит в копеечку.

— По-моему, следует серьезно и без обиняков поговорить обо всем с королем с глазу на глаз, — сказал сэр Ланселот, хмурясь и надувая губы. — В такие кошки-мышки с природой не играют. Это предосудительно.

— Что верно, то верно, — проблеял досточтимый Альфред, — с матерью-природой в кошки-мышки не играют.

— Сегодня вечером поговорю обо всем с Ганнибалом, — сказал Питер. — А теперь я позвоню мисс Дэмиэн.

В радостном предвкушении Питер бросился к аппарату. При посредстве конторы Наполеона Ватерлоо он связался сначала с местной меняльной конторой, затем с Домом правительства и рыбным рынком. Наконец в трубке раздалось торжественное шипение, будто одновременно казнили на электрических стульях трех знаменитых гангстеров, и ответила контора «Голоса Зенкали».

— Привет, Симон, — сказал Питер. — На проводе Флокс. Можно Одри?

— А, привет, Питер, — ответил папаша Дэмиэн. — Только... разве она не у тебя?

— Да нет... — слабым голосом сказал Питер. — А почему вы решили, что она у меня?

— Вчера вечером она сказала, что едет к тебе, и ее до сих пор нет. Я и подумал, что она провела ночь у тебя.

Питера бросило в холод.

— Вы имеете в виду, — сказал он, — что не видели ее со вчерашнего вечера?

— Именно так, — сказал папаша Дэмиэн. — Ее и след простыл. Если она не у тебя, то где же ее черти носят?

— Я не представляю, — ответил Питер.

— Это подозрительно, — с тревогой сказал Дэмиэн. — А вдруг с ней что-нибудь случилось?

— Да не волнуйтесь вы так, — ободряюще сказал Питер. — Я позвоню кое-кому и, если что выведаю, сразу сообщу вам.

— Спасибо, — сказал Дэмиэн, — но если отыщешь эту чертову подзаборницу, не забудь передать, что я выскажу ей все, что о ней думаю.

Битый час при содействии и поддержке Наполеона Ватерлоо Питер обзванивал все места, где могла находиться девушка: Дом правительства, Ботанический сад, заведение Мамаши Кэри, одного за другим всех английских колонистов; единственным человеком, кому он не мог дозвониться, была Джу. Ее телефон упорно молчал. В конце концов Питер, у которого душа была не на месте, позвонил Ганнибалу и объяснил ситуацию.

— Ну и как ты думаешь, что могло случиться? — спросил тот.

— Не знаю, — взволнованно ответил Питер. — Но мне все это не нравится. Я не могу дозвониться Джу, но если ее и там нет, прямо не знаю, что и думать. Впрочем... А если Лужа...

Ганнибал присвистнул, и на секунду воцарилась тишина.

— Не возьму в толк — неужели он такой идиот, что решился на похищение? Здесь ему не Чикаго, в конце концов!

— Но вы забыли, как он безуспешно пытался подкупить меня, — сказал Питер, — и в каком прискорбном настроении он от меня уходил.

— Слушай, — сказал Ганнибал, — только не горячись. Позволь мне кое-что разведать, а затем встретимся и соберем военный совет. А за это время попытайся дозвониться Джу.

— О'кей, — сказал Питер. — Но если это действительно дело рук Лужи, имейте в виду, Ганнибал, я ему сверну шею.

— Я помогу, — сказал Ганнибал.

Питер снова попытался дозвониться до Джу, но напрасно. В трубке раздавались лишь долгие редкие гудки. В раздражении он швырнул трубку и стал вышагивать по комнате. Затем налил себе стакан. У него в голове не укладывалось, что Лужа, каким бы мерзким и отчаянным он ни был, окажется настолько туп, что будет угрожать Одри. Но если он тут ни при чем, то где же она? Заплыла далеко в море и наткнулась на акулу? Или потерпела аварию на одной из удаленных горных дорог и теперь лежит, истекая кровью, среди обломков машины? При мысли об этом Питера прошиб холодный пот, и он налил себе еще стакан.

Вдруг он услышал шум приближающейся машины, скрип тормозов, прыжки по ступеням лестницы и гул голосов. Дверь распахнулась, и в комнату впорхнула раскрасневшаяся и взволнованная Джу — ее знаменитая шляпа сдвинулась на один глаз. К удивлению Питера, за нею вошли капитан Паппас и Леонардо-да-Винчи Браун.

— Вот это да! — сказала Джу без долгих предисловий, направив на него указательный палец. — По твоему лицу видно, что ты только сейчас заметил ее отсутствие. Верно я говорю?

— Да, — сказал Питер. — Так где же она, Джу, где?

Д

Джу села в кресло, поджав свои длинные ноги, сняла шляпу и стала обмахиваться ею, как веером.

— У Лужи, — только и сказала она.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ЗЕНКАЛИЙЦЫ ПОТЯСНЫ

За окнами стущалась тьма. Зазвенели и застрекотали сверчки, им вторили тонкими голосами гекконы: «Тик-ток! Тик-ток!» Теплый воздух был напоен ароматами цветов, а во мраке кустов, словно летучие опалы, сияли светлячки.

Но для Питера ничего этого не существовало.

— Как это следует понимать — у Лужи? — выдавил он наконец. — Что ты имеешь в виду?

— Что слышал, — сказала Джу, устремив на него совиный взгляд. — Лужа похитил ее прошлым вечером, когда она возвращалась домой.

— Ну а... где же она?! — спросил Питер, глядя на носки своих туфель. — Дома у Лужи? Неужели этот мелкий, омерзительный негодяй...

— Ну, ну, не спеши с выводами, — утешающе сказала Джу. — Она не у Лужи дома, его самого там тоже нет. Так что успокойся, не гляди так злобно, а лучше поднеси мне стаканчик.

— Прости, Джу, — сказал Питер и начал разливать напитки по стаканам, стараясь, чтобы никто не заметил, как у него трясутся руки. — Но, право же, где она и как ты обо всем этом узнала?

— Начнем с того, — сказала Джу, отхлебнув из стакана, — что она цела, можешь не волноваться. А узнала я об этом вот как: там был Леонардо-да-Винчи Браун.

— Но я думал, что это твой садовник... — начал Питер.

— Точно так, — сказала Джу. — И по совместительству один из моих лучших информаторов.

— Как... информаторов? — спросил потрясенный Питер.

— А вот так, — ответила Джу. — С того самого момента, как в воздухе стала носиться мысль о строительстве этого идиотского аэродрома, я почувствовала, что обязана держать руку на пульсе событий. Для начала я попросила самых смысленных из моих прихожан докладывать обо всем, что в этой связи делается. От Леонардо я узнала, что твой дядюшка и лорд Хаммер имели с Лужей закулисные беседы. Он слышал, как сэр Осберт и лорд Хаммер убеждали Лужу немедленно предпринять какие-то шаги, чтобы не

допустить срыва сделки. Сэр Осберт так и сказал, без обиняков: «Как хочешь, а долину нужно избавить от этих чертовых деревьев и дурацких птиц. И чем скорее ты это сделаешь, тем лучше». Бедняга был здорово напуган, потому и пытался тебя подкупить. Или я не права?

— Но откуда тебе об этом известно?

— Подросток по имени Тюльпан, что служит у тебя, — тоже мой человек, — сказала Джу.

— Ну и ну! Да ты похлеще всяких коммунистов! — воскликнул Питер.

— Куда им до меня! — с гордостью подтвердила Джу. — Я всегда неукоснительно придерживалась принципа Священного Писания «Око за око, зуб за зуб!», а ситуация сложилась такая, что есть где развернуться. Да и вообще, сдается мне, что христиане стали слишком сентиментальными. Нет, размазни не в моем вкусе! Короче говоря, я дала Леонардо задание втереться в доверие к Луже. И что бы ты думал — он так вошел в роль, что стал членом его шайки сорвиголов и хулиганов, которые были главными зачинщиками беспорядков и на чьей совести — поджог Английского клуба. Им же было поручено и похищение Одри, что они вчера вечером и сделали. Надо сказать, члены шайки были отнюдь не в восторге от этого боевого задания, поскольку они давно знакомы с Одри и испытывают симпатию к ней. Но Лужа так взял их в оборот, что они не посмели ослушаться. В общем, они привезли ее в одну из небольших лесных хижин, где селятся охотники на оленей, после чего сам Лужа пытался разговорить ее. Но перед этим Леонардо сумел привлечь внимание Одри и знаками показал ей, что сообщит мне обо всем.

— Благодарите бога, что он послал вам Леонардо, — с жаром произнес Питер. — Ну что, Леонардо, отведешь нас туда?

— Да, конечно, — сказала Джу. — А если понадобится помощь, мы с капитаном Паппасом тут как тут.

Капитан Паппас хорошенько прокашлялся.

— Да, сэр, можете на меня рассчитывать, — сказал он. — Мисс Одри — прекрасная девушка, очаровательная леди. Этот черномазый сукин сын Лужа слишком много на себя берет. Ну, мистер Фокстрот, надеюсь, ты задашь ему перцу, а? Я помогу!

— Спасибо, — с облегчением сказал Питер. — Как только доберусь до него — сразу пушу его на корм акулам!

— Не стоит. Думаю, он нам еще послужит живым, — раздался голос.

Все обернулись и увидели Ганнибала, стоявшего в дверном проеме.

— Ганнибал! — вскричал Питер. — Ты как раз кстати! Знаешь, этот мерзавец Лужа...

Д — Знаю, знаю, — сказал Ганнибал, снимая свою гигантскую «солатопи» и усаживаясь рядом. — Вы так орали, что за километр слышно. А если бы на моем месте оказался Лужа?!

— Мы как раз собирались на помощь Одри, — сказал Питер. — Пойдешь с нами?

— Конечно, — сказал Ганнибал, — но не сейчас.

— То есть в каком смысле — не сейчас?!

— А вот в каком, — сказал Ганнибал. — Сейчас, в семь часов вечера, всякий добропорядочный зенкалиец колдует над котелком. Раньше чем в половине девятого они не кончат ужинать, но зато сразу после этого заваливаются спать. Это одна из тех любопытных привычек, которые зенкалийцы унаследовали от французов. Значит, если мы сейчас отправимся к охотничьей избушке, врасплох мы их не застанем. Стало быть, лучше всего отправляться туда в час полуночи.

— Все это, конечно, прекрасно, — сказал Питер. — А вдруг, пока мы тут сидим сложа руки, Лужа попытается вытянуть из Одри сведения о местоположении долины?

— Ты имеешь в виду допрос с пристрастием? — спросил Ганнибал. — Это исключено. Такого не потерпит ни один из его шайки. Или я не прав, Леонардо?

— Да, сэ', мистер Ганнибал. Лужа наказал всем не трогайте мисси Одри, а то он всем хвосты накрутит, — серьезно сказал Леонардо.

— Ну ладно, — неохотно согласился Питер, хотя знал, что ожидание истреплет ему нервы. — Положим, вы правы.

— Значит, так, — сказал Ганнибал, — сейчас я заберу к себе в гости двоих. Полагаю, остальным неохота тащиться ко мне в гости на обед и неохота, чтобы те, кого я увезу, тут околачивались. Я заеду за вами в полночь. Сколько времени понадобится, чтобы добраться туда, Леонардо?

— Это недалеко, сэ', — сказал Леонардо. — Неподалеку от дома мисси Джу.

— Заодно заедешь и за мной, — сказала Джу. — От меня до места полчаса пути.

Ганнибал взглянул на Питера.

— А сколько времени потребуется, чтобы доехать до Долины пересмешников? — спросил он.

— Это зависит от того, как туда добираться. Если лезть через скалы, как мы, то не доберешься и за полдня. Но в долину можно попасть и через расщелину, сквозь которую стекает водопад. Самое большее — полчаса от дороги. А почему ты спрашиваешь?

— Да так, просто поинтересовался. Ты когда-нибудь спрашивал дорогу у ирландца?

— Нет, — ответил Питер, удивленный столь странным вопросом.

— Ничего. Это я так, — сказал Ганнибал и увел с собой сэра Ланселота и досточтимого Альфреда. Потом ушли Джу с Леонардо и Паппасом.

Когда часы пробили полночь, явился Ганнибал с двумя своими гостями. У обоих были пурпурные лица, а ноги выписывали кренделя. Отправив гуляк спать, Питер и Ганнибал покатали к дому Джу. Ночная прохлада была пронизана тысячами самых диковинных запахов, а воцарившаяся на небе канареечного цвета луна ярко освещала лес. Время от времени в свете фар вспыхивали, словно алмазы, глаза мангуста. Темные чащи были украшены мириадами мерцающих светлячков.

— Как ты справился с сэром Ланселотом и досточтимым Альфредом? — любопытствовал Питер. Ганнибал только хмыкнул.

— Неплохо. С первого взгляда ясно, что они настроены творить добро, так что, на мой взгляд, им вполне можно простить даже те слабости, которые кажутся предосудительными. Тем не менее во время обеда я победил Ланселота в счете Очень Важных Персон. Суди сам, какие у меня козыри: три члена королевских семейств из небольших стран, восемь герцогов, четырнадцать сэров и целая куча премьер-министров. Он остался под таким впечатлением, что просил называть его просто Ланс.

Питер рассмеялся.

— Ну, это чудачество безобидное, — сказал он. — Не то что непомерное самомнение этого сноба, Дэниэла Брюстера.

— Хватит трепаться, — прервал его Ганнибал. — Кстати, ты взял ружье?

— Нет, — с сожалением сознался Питер.

— Ну, может, это и к лучшему, — сказал Ганнибал. — Я захватил свой маленький «смит-вессон». Правда, попасть из него в цель довольно затруднительно, зато бабахает не хуже пушки, а нам это как раз и нужно.

Наконец они добрались до дома Джу. Там их поджидали хозяйка, Паппас и папаша Дэмиэн, одетые в костюмы цвета хаки. На Джу была также огромная ковбойская шляпа, в руке она держала внушительное ружье, на плече у нее висел кожаный патронташ, а на бедре — пугающих размеров охотничий нож.

— А, вот и вы! Ну что ж, мы в полной боевой готовности! — воскликнула она. — Симон, налей-ка нам выпить! А я пока достану шашки.

— Шашки?! — изумился Ганнибал. — Ты что... хочешь изрубить их на котлеты?!

Д — Ганнибал, хоть ты и очень умный человек, но временами порешь такую чушь, что стыдно слушать, — строго сказала Джу. — Я имею в виду не клинки, а всего-навсего дымовые шашки. Я тут отыскала книгу — называется «Сто утех, забав и шуток для прилежных детей», и там нашелся великолепный рецепт дымовых шашек. Такие и ребенок сделает! Капитан Паппас тут же привез мне все необходимые компоненты из Джакарты, и я набила ими длинные трубки и колбы.

— Паппас! Понимаю, тебе хотелось ублажить ее, но впредь думай хоть немного! — сурово сказал Ганнибал.

— Ты прав. Это самая воинственная и кровожадная христианка, которую я когда-либо видел, — сказал Дэмиэн, радуясь, что теперь может бесконтрольно хлестать бренди стакан за стаканом. — Клянусь, будь она ирландской католичкой, она поставила бы на колени британское правительство и отбила у него Северную Ирландию.

Порывшись в шкафу, Джу достала четыре шарообразные колбы и распихала их по карманам.

— Ну что, — сказала она, залпом допивая стакан, — все готовы? Прекрасно! Тогда в путь, привезем назад это бедное дитя, чтобы наша крошка могла принять ванну и сытно поужинать.

Они проехали около двух миль, а затем, следуя указаниям Леонардо, поставили машину под гигантским баньяном на обочине. Засветив фонари и послав Леонардо вперед, они двинулись по узкой петляющей тропке, огибающей деревья и прямые побеги гуавы. Паппас с помощью мачете срубил четыре дерева, вытесал из них шестифутовые кольца и раздал Дэмиэну, Ганнибалу и Питеру.

— Они незаменимы для драки, — объяснил он. — Ткнешь противнику в ноги — он не убежит. Ткнешь в голову — тем более.

— А мне? — раздраженно спросила Джу. Паппас неохотно вытесал кол и для нее. Она с великой радостью водрузила его на плечо, едва не снеся при этом голову Питеру. Процессия продолжила путь, но примерно через четверть часа Леонардо остановился и сел на корточки.

— Теперь мы почти у цели, сэ', — прошептал он и направил свет фонаря на тропинку. Затем он расстелил на дорожной пыли карту, расправив ее веточкой. — Эта хижина, сэ', — сказал он, — на берегу реки. В ней две комнаты. В одной сидит мисси Одри, а в другой — четыре человека стражников смотреть, чтобы она не убежала.

— Там есть еще охрана? — спросил Ганнибал.

— Да, сэ', еще два стражники. Один вот здесь, а другой вот тут.

— Превосходно, — сказал Ганнибал. — Мы с Симоном обезвредим одного, а Питер и Паппас займутся другим. Встретимся у хижины.

— О'кей, — сказал Питер и вместе с Паппасом скрылся за кустарником.

— А про меня забыл? Я-то что делать буду? — раздраженно спросила Джу.

— Пошли со мной, — сказал Ганнибал. — Да смотри не прострели мне голову своей пушкой!

Питер и Паппас пробирались вслед за Леонардо между деревьями. Из-за того, что они не могли зажечь фонари, им пришлось двигаться медленно, к тому же они боялись хрустнуть веткой, чтобы раньше времени не потревожить врага. Вдруг Питер увидел впереди крохотный костерок, мерцавший среди стволов. Питер сперва удивился, а потом сообразил, что его развел охранник и, сам того не зная, выдал свое точное местоположение. Тут и Леонардо остановился и шепнул Питеру на ухо:

— У огня сидит стражник, сэ'. Хочешь, я пойти его стукнуть?

— Не надо, — выдохнул Питер. — Оставь эту птицу мне. — Не спуская глаз с объекта поражения, Питер двинулся вперед, дюйм за дюймом приближаясь к мерцающему костерку, перед которым, как ему казалось, лежало огромное дерево. Вдруг это дерево встало и пошло. Оно оказалось крупным зенкалийцем, завернутым в одеяло и с внушительным копьем в руке. К счастью, объект находился спиной к Питеру. Пока он потягивался и позевывал, собираясь развернуться на сто восемьдесят градусов, Питер решил действовать. Он сделал три шага вперед, метнул свой кол, и, прежде чем противник успел посмотреть, что это свистит в воздухе, снаряд стукнул его по затылку. Верзила-зенкалиец, успев-таки фыркнуть от удивления, выронил копье, упал ничком и замер. Тут Питер и сам почувствовал удар — по руке.

— Молодец, мистер Фокстрот, ловко ты этого недоноска, — прохрипел Паппас. — На том свете будет помнить...

— Не надо, что ты! — встревоженно вскричал Питер. — Только не это...

Он с волнением опустил на колени и, повернув противника на бок, приложил ладонь к его широкой грудной клетке. К счастью, верзила еще дышал, и под массивной сеткой ребер сердце билось, как часы. Похоже было, что он еще долго не придет в сознание, но Питер не стал испытывать судьбу. Он немедленно порвал одеяло зенкалийца на полосы, связал ему руки сзади, а ноги накрепко привязал к молодым деревцам. Слева от себя он услышал донесшийся из лесу крик, прерванный треском, будто сломали небольшую ветку, — очевидно, это Ганнибал столь же ловко расправился со вторым стражником... Теперь оставались еще четверо в охотничьей хижине.

Д Питер прошел мимо еще не потухшего костерка; лес закончился, и он вышел на лужайку, по которой извивалась крохотная речушка. На противоположном берегу и приютилась хижина охотников на оленей. Она была довольно большая, и, осторожно обойдя ее кругом, Питер отметил, что у нее две двери и два закрытых тяжелыми ставнями окна. Одна из дверей была заперта на мощный засов — значит, там и находилась Одри, а вторая просто захлопнута. С другой стороны лужайки появились Ганнибал, Симон и нелепая в своем одеянии Джу. Выйдя им навстречу, так, чтобы они увидели его в лунном свете, Питер помахал рукой. Ганнибал помахал в ответ, и вскоре все пятеро были вместе.

— Ну что, все в порядке? — прошептал Ганнибал. — Ты справился со своим охранником?

— Конечно. Он накрепко привязан к деревьям.

— Здорово. Мой обернулся ровно за секунду до того, как я на него набросился, и хотел поднять дикий крик, но не успел. Ты слышал?

— Да, чуть-чуть. Каковы теперь наши планы?

— Судя по всему, у хижины две комнаты с отдельными входами, поэтому дымовые шашки Джу будут в самый раз. Если мы сможем открыть дверь и швырнуть их туда, фактор внезапности сработает на нас, — сказал Ганнибал.

— Ты одного не учел, — вмешалась Джу. — Только я одна знаю, как их бросать.

— Ну, ясно, ясно, не мне тебя учить, кровожадная карга, — сказал Ганнибал. — Симон, давай открывай дверь, а Джу метнет туда свое оружие. Потом сразу запираем дверь на засов. Через пять минут они уже не смогут сопротивляться, и мы возьмем их тепленькими.

— Я не забавлялась так с тех пор, как участвовала в соревнованиях по классической борьбе и дзюдо, — призналась Джу Питеру.

Они двинулись по лужайке в направлении хижины. Папаша Дэмиэн занял позицию у двери.

— Готова? — шепнул он.

Джу вынула шашки из кармана, поигрывая ими в своих могучих ладонях.

— Так точно, сэр, готова! — кивнула она.

Дэмиэн со страшной силой рванул на себя дверь. Джу тут же метнула шашки в темную глубину. Оттуда послышались треск, звон разбитого стекла и дикий крик ужаса. Дэмиэн тут же захлопнул дверь, и в следующий момент могучее бревно, заменявшее замок, заняло свое место. Из хижины донеслись какофония приглушенных звуков, кашель и отчаянный стук кулаками в дверь.

Как только стало ясно, что оружие возымело действие, Питер бросился к другой двери и отомкнул засов. За дверью стояла хохочущая Одри — целая и невредимая. Питер обнял ее и расцеловал.

— Ну как, власть насиделась? — спросил он. — А то, если тебе нравится быть похищенной, я не стану силком тащить тебя домой.

— Ты мой герой, — сказала Одри и засмеялась еще громче при виде остальных своих спасителей.

— Вот неблагодарная тварь! Ты всегда была такой, — сказал папаша, целуя дражайшую дочь. — Мы тут жизнью рискуем, чтобы спасти тебя, а она ржет как ни в чем не бывало!

— Но вы все так смешно выглядите! — стала оправдываться Одри. — А что вы сделали с моими беднягами-похитителями?

— Удушили, — с наслаждением сказала Джу.

— Как — удушили?!

— Джу сделала дымовые шашки, — сказал Питер, — ну, мы их и забросали. Вот откуда весь этот шум.

— А теперь мы их вытащим и повесим на ближайшем баньяне, — сказал папаша Дэмиэн, потирая руки.

— Не надо, ради бога, — раздраженно сказала Одри.

— Это еще почему? — поинтересовался Питер.

— Они были так милы со мной, бедняжки, — объяснила Одри, — у меня и в мыслях не было причинять им зло. А если вы, ваше преподобие, отравили их насмерть, я ни за что не прощу вам. Пойдемте сейчас же и выпустим их.

— Если мы их выпустим, это будет конец всему нашему делу, — сказал Ганнибал.

— Так вам вообще не надо было их трогать, — сказала Одри. — Вам нужно было только приехать, и они с радостью передали бы меня с рук на руки.

— С рук на руки? — недоверчиво произнес Ганнибал.

— Именно так.

— Почему?! — спросил Ганнибал.

— Они знали, что вы приедете, — нетерпеливо сказала Одри. — Ганнибал, ты порою такой несносный!

— Но кто им сказал? Откуда они это узнали?

— Я им сказала.

— Ты им сказала?! — изумился Ганнибал. — Я молчу!.. Мы тут пробираемся по лесным чащобам, словно партизанский отряд, разбавленный начинающими бойскаутами, а они, видите ли, поставлены обо всем в известность?!

О
Д

— Ну да, — сказала Одри. — Им не хотелось меня похищать. Это все поганец Лужа. Он их заставил. Ну, отпирай, пока они там не задохнулись.

Как только Питер снял засов, из комнаты выползли четверо насмерть перепутанных зенкалийцев. Они хрипели, кашляли, судорожно хватали ртами воздух, по лицам у них лились потоки слез. Белый удушливый дым, клубившийся в хижине, имел жуткий запах тухлых яиц и прорванной канализационной трубы.

— Чем же ты начинила свои шашки, Джу? — спросил Ганнибал.

— Видишь ли, когда я приготовила первую опытную партию, мне показалось, что там чего-то не хватает, — созналась Джу. — Вот я и подмешала кое-чего для запаха.

— Вот это да! — произнес потрясенный Ганнибал. — Какая же ты, к дьяволу, служительница церкви?! Ты самая настоящая ведьма, прямо с шабаша, только летаешь в шляпе, а не на помеле!

— А я-то думала, ты оценишь! Это первые дымовые шашки в моей жизни, — укоризненно сказала Джу.

Между тем Питер и Одри оказывали незадачливым похитителям первую помощь. Благодаря холодной воде из ручейка и порядочной фляге бренди, неохотно пожертвованной Дэмиэном, они вскоре пришли в чувство, но дыхание у них по-прежнему было хриплым, и они здорово кашляли. Питер выяснил, что двое стражников, оставшихся в лесу, тоже очнулись, и хотя у каждого на затылке было по шишке величиной с куриное яйцо, похоже, этим дело и ограничилось.

— Ну, — сказал Ганнибал, — коли вы удовлетворены тем, что никому из противников не угрожает командировка на тот свет, может, объясните, что все это значит?!

— Охотно, — сказала Одри, — но сначала давайте побыстрее доберемся до телефона — у нас мало времени, мы должны дозвониться до дворца.

Когда они возвратились в миссию Джу, Одри за стаканом бодрящего вина рассказала, как все произошло.

— Сама во всем виновата, — хмуро призналась она. — Я ехала домой, смотрю, дорога перегорожена огромным деревом, а рядом несколько зенкалийцев с мачете: стоят себе, вроде раздумывают, как бы убрать препятствие. Я готова была подождать, пока они справятся с этим, но тут с другой стороны подкатил Гарутара — ну, помните, кузен Лужи, который всегда клялся, что ненавидит его, — и наорал на столпившихся вокруг дерева людей. Потом, перебравшись через ствол, подошел к моей машине и сказал: мол, они послали за пилой, но операция по распилке займет минимум несколько часов, а поскольку сам он решил вернуться в город, то может подбросить и меня.

— И ты согласилась? — изумился Ганнибал.

— Да, как видишь... Прежде чем успела раскаться в собственной дурачине, мы уже свернули в лес. Тогда я решила: черт с ними, все равно сопротивляться бесполезно, а там, бог даст, пока я буду среди них, может, узнаю что-нибудь полезное.

Питер вздохнул и поднял глаза к небу.

— Так вот, — продолжала Одри, — когда мы вошли в хижину, там уже находился Лужа — в костюме сафари, да еще в тирольской шляпе — ни дать ни взять Джунга Дин! Он был довольно вежлив, но отпускал сальности, и тон его был угрожающим. Как только я сказала все, что думаю, по поводу проведенной операции, он улыбнулся и выбил у меня почву из-под ног, раскрыв все свои карты.

Она сделала паузу и отхлебнула глоток.

— Он заявил, что, если я не сообщу, где находится заветная долина, сорвется строительство аэродрома и электростанции, и он останется без денег. И тогда, хоть он и не мстителен, он устроит веселую жизнь всем, кого я люблю и ценю. Он сказал, что непосредственно мне угрожать не будет, так как меня все равно ничем не проймешь, но медленная пытка, когда мне из года в год придется беспокоиться о жизни и здоровье родных и близких, заставит меня капитулировать.

— Ну что за сволочь! — пробормотал Ганнибал. Питер ничего не сказал — он наблюдал за Одри, по лицу которой было видно, что она подходит к чему-то важному и неожиданному. Одри усмехнулась.

— Я попыталась поставить его на место, — сказала она, пожав плечами, — но все напрасно. Я говорила ему, что, даже если он узнает, где находится долина, и уничтожит ее, это не принесет ему дивидендов, так как все зенкалийцы ополчатся против него. В ответ он лишь рассмеялся и сказал, что ему начхать на Зенкали и его обитателей. Как только долина перестанет существовать, он тут же отправится в Джакарту, где его уже будут ждать денежки.

— Об этом я как-то не подумал, — сказал Ганнибал. — Так вот почему он действовал столь отчаянно.

— Точно, — сказала Одри. — Отчаянно, но в открытую.

— Так что же ты сделала? — спросила Джу.

— Я сказала ему, где находится долина, — выпалила Одри.

На мгновение воцарилась тишина.

— То есть... как это... сказала? — спросил Питер.

— И это... моя родная дочь... Господи, прости ее, если сможешь, — проблеял папаша Дэмиэн.

Одри, милая, как же так?! — взвизгнула Джу. Одного только Ганнибала заявление Одри ничуть не встревожило. Наоборот, глаза у него заблестели.

— Я чувствовал, что Одри найдет самый простой и остроумный выход, — сказал он. — Ну, прекрасная ирландка с душой Макиавелли, признавайся, что за этим кроется?

— Сказать-то я ему сказала, — с улыбкой ответила прекрасная ирландка, — только вряд ли это принесет ему пользу. Я расписала во всех подробностях самую дальнюю дорогу и не забыла поведать об опасностях, подстерегающих на пути. Тем не менее он решил туда отправиться — я сама слышала, как он говорил Гарутаре, что пойдет туда с отрядом из тридцати человек, как только зайдет солнце. А поскольку я знала, что Леонардо поведет вас ко мне на выручку, то особенно не беспокоилась — времени у нас за глаза хватит.

— Блеск! — сказал Ганнибал. — Не рой другому яму, сам в нее попадешь!

— Именно так! Судьба послала сюда прекрасную ирландку, чтобы она перехитрила коварного арапчонка, и вот свершилось! — с гордостью сказал Дэмиэн, похлопывая дорогое чадое по спине.

— Так каков же твой план? — спросил Питер.

— Кинги может отдать приказ своей гвардии войти в долину через расщелину с водопадом. Когда Лужа со своей шайкой доберется до обрывистой скалы, мы будем поджидать внизу. Начнут слезать — и...

— ...тепленькими попадут к нам в руки! — крикнула Джу, которая была в восторге от этой идеи. Ганнибал ухмыльнулся и встал.

— Так, теперь буду дозваниваться до дворца, — сказал он.

— А я наделаю еще шашек, — с энтузиазмом сказала Джу, когда Ганнибал вышел из комнаты.

— Да ты что, с ума сошла? Ты же можешь покалечить птиц! — воскликнула Одри.

Джу села. Вид у нее был печальный.

— А может, тебе вообще не стоит ехать с нами, Джу? — спросил Питер. — Еще затеешь там свалку, как ты любишь, а это, прямо скажем, сослужит дурную службу церкви.

Наконец вернулся Ганнибал.

— Жаль, что это отняло столько времени, — извинился он, — но Наполеон и Иисус лыка не вяжут в такой поздний час.

— Так что сказал Кинги? — спросила Одри.

— Его лейб-гвардия в полном составе будет поджидать заговорщиков на перекрестке дорог, ведущих в Долину пересмешников, — ответил Ган-

нибал. — Гвардейцы будут на месте через час. Король был несказанно обрадован, что представилась возможность поставить подножку Луже. При этом он сердечно благодарил тебя за столь остроумную идею и извинялся за своих земляков, которые так дурно обошлись с тобой.

— Спасибо Кинги, но дело-то еще не сделано, — возразила Одри.

— Ну, так будет, — сказал Питер.

— Ни минуты не сомневаюсь, — согласился Ганнибал. — Ну, ваше преподобие, приготовьте-ка нам кофе — несколько галлонов горячего кофе — и в путь!

Отважные бойцы встретились с королевской гвардией примерно в четверти мили от водопада, скрывавшего вход в долину. Гвардия состояла из отборных воинов устрашающего роста, которых возглавлял капитан Крэклинг Саммервиль, в свое время служивший в лейб-гвардии Ее Величества. Это был ладный и исправный офицер, державший свою немногочисленную рать в ежовых рукавицах.

Он подошел к Ганнибалу и отдал честь, тогда как воины замерли в ожидании распоряжений.

— Я проинструктировал личный состав, сэр, — сказал Крэклинг. — Спасти долину любой ценой, но кровопролития без надобности не допускать.

— Так точно, — сказал Ганнибал. — Более того, по возможности постарайтесь обойтись без лишнего шума.

— Есть, — ответил Крэклинг. — Об этом я тоже предупредил. Кстати, сэр, я вижу, и женщины с вами? Право, война — чисто мужское дело. Это не для женщин. Заварушка может подняться такая, что впору оглохнуть.

— Вы еще не знаете этих леди, — сказал Ганнибал, которого позабавили рассуждения капитана. — Мисс Дэмиэн и раскрыла весь этот заговор, а ее преподобие Длиннаяшаль мастерит такие бомбы, что хоть записывай ее в партизаны — даром что служительница церкви.

— Ну, раз так, тогда другое дело, — с сомнением сказал капитан, полагая, что Ганнибал все выдумывает, — но лучше пусть все-таки держатся подальше от линии огня.

— Под мою личную ответственность, — сказал Ганнибал.

...Колонна продвигалась к водопаду с величайшей осторожностью. Конечно, было маловероятно, что Лужа со своей шайкой их услышит, но искушать судьбу не стоило. У входа в расщелину капитан поставил стражу из шести человек, а все остальные полезли в щель. Кто спотыкался, кто вообще плюхался в воду, но все-таки колонна медленно приближалась к цели. Когда добрались до Долины пересмешников, уже занималась заря. В ее бледном жемчужном свете виднелись деревья омбу с массивными кронами

на толстых стволах. Когда же свет зари из жемчужного превратился в бледно-желтый, словно цветки примулы, со всех сторон раздалось: «Ха, ха! Ха, ха! Ха, ха!» — это здоровались друг с другом пересмешники.

А вот и скала, с которой так неудачно сверзился Питер, когда они с Одри впервые попали в долину. Значит, если шайка Лужа будет точно следовать инструкциям девушки, ей придется спускаться здесь.

Крэклинг развернул свои силы так, чтобы они могли действовать, не открывая огня. Утренний воздух был прохладен, и Одри покрылась мурашками — отчасти от холода, отчасти при мысли, что Лужа каким-то образом почует, что его провели, и не заявится. Последние клочья тумана, похожие на лебяжий пух, растаяли, и небо озарилось яркой голубизной.

— Скоро будут, — прошептал Питер, глядя на часы. — Я только боюсь, что наш друг Лужа не пойдет с ними. Так не хотелось бы, чтобы он улизнул!

Капитан Паппас, сидевший неподалеку, словно хмурый медведь, двинулся поближе и взглянул на Питера своими хитрыми черными глазами.

— Не волнуйтесь, мистер Фокстрот, — произнес он рокочущим шепотом. — Даже если он ударит отсюда, ему не удрать с Зенкали.

— Почему? — спросил Питер.

— Он заплатил мне пятьсот фунтов, чтобы я отвез его в Джакарту, — бесхитростно сказал капитан Паппас, — но после скандальной истории с мисс Одри я его не повезу.

— Ты хочешь сказать, что, если бы он не тронул Одри, но погубил долину, ты помог бы ему смыться? — спросил ошеломленный Питер.

Глаза Паппаса снова заблестели.

— Еще чего! Просто попросил у него плату вперед. А какой идиот платит вперед? Сам видишь, делец он никудышный. Ни один грек не стал бы платить вперед. В общем, я проинформировал мистера Ганнибала о планах Лужа, его схватят — и долина спасена. Все будет о'кей! — сказал он.

— Ну а... пятьсот фунтов? — спросил в свою очередь Ганнибал.

— А что пятьсот фунтов! Так я и вернул их этому мошеннику! — раздраженно сказал Паппас. — Греки так не делают бизнес.

Прежде чем они возобновили дискуссию о странной этике бизнеса, возле них неожиданно возник капитан Крэклинг.

— Ну, теперь потише, сэр, — сказал он Ганнибалу. — Один из моих караульных, которых я поставил у высокого дерева, доложил о приближении противника.

Питер и Одри переглянулись: они чувствовали себя победителями оттого, что Лужа явился-таки в расставленную ими ловушку. Джу медленно

сложила ладони вместе, даже невозмутимый Ганнибал был взволнован. Только капитан Паппас оставался бесстрастным — у него был вид человека, озабоченного лишь тем, как лучше потратить пятьсот фунтов.

Наконец на вершине скалы послышался шум — это явилась шайка Лужи. Пребывая в абсолютной уверенности, что кроме них здесь никого нет, налетчики перебрасывались крепкими словечками, пели какие-то непристойные куплеты и громко гоготали. Когда они подошли к самому краю, разгорелись ожесточенные дискуссии, как лучше привязывать веревки и кто какую поклажу понесет, спускаясь вниз. До засевших в засаде долетел и голос Лужи, который отдавал бесчисленные распоряжения и без конца выговаривал за что-то своим подчиненным. Было ясно, что его контингент куда более беспечен и недисциплинирован, нежели королевская лейб-гвардия, недвижно притаившаяся в кустах у подножия скалы. Но вот с вершины спустились первые три веревки, а вот и сами противники поползли вниз, нагруженные мачете, канистрами с керосином и разномастным огнестрельным оружием, начиная с кремниевых охотничьих ружей и кончая древними арабскими, заряжающимися с дула. Судя по всему, этот арсенал был куда опаснее для горе-охотников, нежели для птиц. Наконец все сорок человек спустились вниз и весело болтали в ожидании своего предводителя и его дальнейших инструкций. К удивлению Питера, сам Лужа соскользнул по веревке с необыкновенной для такого щеголеватого карлика легкостью и грациозностью. Коснувшись земли, он тщательно вытер руки белым шелковым платком, поправил на голове тирольскую шляпу и повернулся к бандитам, намереваясь сказать речь.

В это самое мгновение вокруг них плотным грозным полумесяцем сомкнулось кольцо лейб-гвардейцев. Поднявшись из кустов и держа винтовки наперевес, молчаливые отважные борцы притиснули непрошенных гостей к отвесной скале.

Потрясенный Лужа на мгновение замер, а затем стал беспомощно оглядываться по сторонам, облизывая розовым язычком губы. Навстречу ему шагнул Крэклинг.

— Именем короля! Бросайте оружие! — В голосе его звучала гордость за успешно проведенную операцию. — Вы арестованы.

Выйдя из оцепенения, все участники налета, побросав ружья, мачете и канистры, кинулись к веревкам. Они отпихивали и пинали друг друга, надеясь первыми добраться до вершины и задать стрекача.

— Гвардейцы, вперед! Арестовать их всех! — резким, взволнованным голосом скомандовал капитан Крэклинг.

Королевская лейб-гвардия рванулась вперед, словно из лука выпустили мощную стрелу черно-защитного цвета, и в мгновение ока у подножия ска-

Д

лы образовалась свалка. Поскольку противник побросал оружие, гвардейцы со спокойной душой сделали то же самое и налегке, с одними короткими, но крепкими дубинками бросились на отступающую визжащую ораву.

Лужа, чей щегольской наряд по-прежнему был без единого пятнышка, недвижно стоял в гуще свалки. Поначалу Питер подумал, что такова его реакция на внезапный поворот событий, расстроивший все его планы, что он признал свое поражение и хочет сдаться как можно торжественнее. Но Питер ошибся. К тому же ошибочному мнению пришли и гвардейцы: расценив поведение Лужи как молчаливый акт капитуляции, они позабыли о нем и занялись остальными, которые отчаянно вопили и яростно сопротивлялись. На это и рассчитывал хитроумный Лужа. Неожиданно для всех он пригнулся и дал стрелкача, петляя, точно заяц, между деревьями омбу. Одного он не учел — в кустах его поджидали Ганнибал с товарищами.

Как только Лужа обратился в бегство, Питер вскочил и бросился вдогонку. Ему стоило огромных усилий сократить дистанцию между собой и преследуемым, который оказался неожиданно легок на ногу. Ганнибал решил несколько снизить накал страстей, хотя и понимал, что добыча по праву принадлежит Питеру. Как только Лужа поравнялся с кустарником, Ганнибал тщательно прицелился и изо всей силы метнул деревянный кол, вырезанный капитаном Паппасом. Просвистев в воздухе, нехитрый снаряд поразил Лужу между лопаток и поверг его наземь.

— Bravo! Отличный бросок! — зааплодировала Джу, прыгая от радости.

Лужа катался по земле, отрывисто дыша, будто ему на шею затягивали петлю. Лицо у него сделалось серым — его в равной мере повергли в шок внезапный удар в спину и вид подскочившего к нему растрепанного и тяжело дышавшего Питера, следом за которым подбежали и остальные.

— Ф-флос! — каркнул он, злобно сверкая глазами.

— Точно так, любезный мой, — неласково сказал Питер, наклонившись и подняв Лужу за шиворот. — Ну, гадюка, теперь мы с тобой рассчитаемся!

Примерившись, Питер изо всех сил ударил Лужу в челюсть. Бедняга раза два перекувырнулся и застыл в сидячем положении. Глаза у него потускнели, по лицу ручьем текла кровь. Удар приятным покалыванием отозвался в руке Питера. В этот апперкот он вложил всю боль и тревогу прошедших недель и с гордостью мог считать его шедевром искусства.

— Это за себя, — сказал Питер, снова приближаясь к Луже, хватая его за лацканы и поднимая, словно котенка, — а вот это за мисс Дэмизн!

Он снова занес руку для удара, но Лужа вынул из рукава тонкий нож и всадил Питеру в грудь. Удар пришелся в небольшую серебряную фляж-

ку, которую Питер позаимствовал у Симона и носил в нагрудном кармане. Фляжка спасла Питеру жизнь, но поскольку Лужа бил под углом, то лезвие, скользя по металлу, проехалось по лицу Питера от подбородка до скулы. Теперь уже Питер оказался застигнутым врасплох. Бросив Лужу, он опустил глаза и увидел, что по куртке струится кровь. Воспользовавшись ситуацией, Лужа с оскаленными зубами, словно кровожадный хищник, снова бросился на Питера, на этот раз целясь ножом в живот. Питер только собирался парировать удар, как вдруг невесть откуда возникла могучая смуглая рука, покрытая густой шерстью, и сжала ручонку Лужи, как в тисках. Лужа заорал не своим голосом, и в тот же миг другая такая же рука обрушилась на его шею. Лужа обмяк и упал, будто сломанная кукла.

— Уф! — недовольно сказал капитан Паппас (а у кого еще могут быть такие могучие волосатые руки?). — Этот ублюдок и ножом-то не умеет пользоваться как следует.

— Питер, ты цел? — крикнула подскочившая Одри. Питер повернул к ней лицо, на котором, словно маска, застыла свернувшаяся кровь; слабые ручейки еще стекали вниз. Порез от подбородка до уха был похож на след от сабельного удара и доходил до самой скульной кости.

— Да, — сказал Питер, пытаясь улыбнуться, — нож-то, оказывается, куда страшнее, чем кажется на первый взгляд.

— Если бы он был страшнее, чем кажется на первый взгляд, тебя бы уже на свете не было, идиот! — сказала Одри и залилась слезами. — Какого черта ты с ним сцепился?

— Он же вполтину меньше меня ростом, — попытался отшутиться Питер. — Отчего бы не сцепиться?

— Подойди, я промою тебе рану, — сказала Одри.

— Нет уж, предоставь это мне! — возразила Джу. — Это должно быть сделано очень аккуратно, если не хочешь, чтобы шрам у него остался на всю жизнь.

Она тщательно смыла кровь и наложила на рану две полоски пластыря из небольшой походной аптечки, которую догадалась захватить с собой.

— Ну, милая, — сказала она Одри, — теперь скорее вези его в госпиталь! Там есть доктор Мафузи — настоящий кудесник, а иглу держит, будто искусный вышивальщик! Вот увидишь, пять секунд — и твой кавалер будет выглядеть как расшитый ковер, даже еще прекраснее. Да, захвати своего отца на случай, если Питер вдруг упадет в обморок и ему понадобится помощь в пути.

— Это я-то — в обморок?! — раздраженно сказал Питер. — Еще чего! Нет, позвольте сперва рассчитаться с этим недоноском...

Д

— Не надо, — твердо сказала Одри. — Джу права.

— Оставь Лужу, мы им займемся сами, — сказал Ганнибал. — Пришлем ему, ко всему прочему, покушение на убийство.

— Аминь, — сказала Джу.

И, словно эхом, отозвалось многоголосое: «Ха, ха! Ха, ха!» Печальный крик раздавался из кустов, из рощ деревьев омбу — словно реквием по крохотному тельцу Лужи, скорчившемуся между листьями.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЗЕНКАЛИЙЦЫ ПРАЗДНУЮТ ПОБЕДУ

Кинги возлежал в своем необъятном гамаке, дрыгая ногой и недовольно хмурясь. Возле владыки сидели Ганнибал и Питер с залепленным пластырем лицом. Все трое тянули большими стаканами дьявольское зелье под названием «Оскорбление Величества», но, даже несмотря на это, ни один не выглядел счастливым.

— Поймите меня правильно, Питер, — сказал Кинги, делая очередной глоток, — не думайте, что я не испытываю по отношению к вам и Одри чувство благодарности за то, что удалось спасти долину и вывести на чистую воду этого мошенника Лужу. Если бы на Зенкали существовали должность вице-канцлера и орден Подвязки, вы получили бы и то и другое, и я еще посетовал бы, что награда слишком мала. Впрочем, я найду способ отблагодарить вас, но в свое время. Нам удалось обезвредить Лужу, но это не решило проблему с долиной. Ко мне по-прежнему являются сэр Осберт и сэр Ланселот с диаметрально противоположными предложениями, каждое из которых по-своему ценно. Поэтому я и позвал вас с Ганнибалом — сегодня в одиннадцать часов они оба прибудут сюда для обсуждения вопроса.

— Ну, что же, — сказал Ганнибал.

— Это единственный путь, мой дорогой. Пусть оба выскажут свое мнение, поглядев в глаза друг другу. Вдруг до чего-нибудь и договоримся.

— По-моему, Кинги прав, — сказал Питер, с трудом открывая рот после наложения швов. — Если все аргументы будут исчерпаны, расскажем сэру Осберту все про Лужу.

— Прекрасная мысль, — сказал Кинги, светлея лицом. — Об этом я как-то не подумал. Кстати, вы разыскали Друма?

— Какое там! По-прежнему шляется где-то по лесам. Я оставил ему записку, — сказал Питер.

— Ну не поразительно ли? — раздраженно воскликнул Ганнибал. — То надоедал хуже горькой редьки, путался у всех под ногами, а когда позарез нужен — как сквозь землю провалился.

Ненадолго воцарилась тишина.

Кинги допил стакан и выкарабкался из гамака.

— Я вижу, сюда идет мой слуга Малами — представим, что это сама Немезида! Пошли, джентльмены.

В просторной столовой с противоположных концов огромного стола восседали сэр Осберт и сэр Ланселот, демонстрируя свое безразличие друг к другу, словно два кота на каменной ограде сада. Оба встали и холодно поклонились королю, когда тот, источая притворное радушие, вошел в комнату.

— Мой дорогой сэр Ланселот, мой дорогой сэр Осберт, простите, что запоздал, — выпалил король, блестя зубами. — Все дела, государственные заботы! Но мы ведь не для этого здесь собрались. Не желаете ли прохладительных напитков? Сегодня такой жаркий день! Тут у меня почти все, что душе угодно... Прекрасно, вам, сэр Осберт, виски с содовой, а вам, сэр Ланселот? Джин с тоником — отлично... Ганнибал, Питер, вот вам целый кувшин напитка из кокосового молока, который вы так любите... Ну, все устроились? Вот и замечательно!

Кинги сел и оглядел стол взором, пылающим, как вулкан, и яростным, как лавина.

— Итак, сэр Ланселот, вы получили мое письмо? Копию я, естественно, послал сэру Осберту. Теперь я был бы рад выслушать ваши мнения.

Кинги развалился в кресле, сделав серьезное, значительное лицо и переплетя большие смуглые пальцы. Сэр Осберт и сэр Ланселот смотрели на него так, будто видели в первый раз. На короткое время воцарилась тишина. Затем сэр Ланселот прокашлялся и пренебрежительно усмехнулся.

— Итак... если не возражаете, я начну первым, — предложил он. — Полагаю, мои взгляды помогут определить наши дальнейшие действия.

Сэр Осберт фыркнул так, что звук отразился эхом, но сэр Ланселот сделал вид, что не заметил.

— Ваше Величество, я досконально изучил ваше письмо. Позвольте с самого начала выразить свое понимание и сочувствие в связи с неординарностью и сложностью положения. Идея строительства аэродрома возникла до того, как была открыта Долина пересмешников, и я, будучи консерватором, полностью ее отрицаю, но решение, строить или не строить, должны принять зенкалийцы, и только зенкалийцы.

Он бросил взгляд на сэра Осберта, отпил глоток и продолжал:

Д — Позвольте разъяснить позицию организации, которую я представляю, и свою собственную. По всему миру вследствие человеческой деятельности истребление невозобновимых природных богатств идет с фантастической скоростью. Порою мы делаем это целенаправленно и сознательно, иногда — просто не отдавая себе в этом отчета, но всегда во имя прогресса. Мы сами, выражаясь фигурально, рубим сук, на котором сидим. Моя организация не является обструкционистской, как предполагает сэр Осберт. Мы просто призываем к осторожности. Мы глубоко озабочены жизнью животных и состоянием среды их обитания; кстати говоря, большинство людей упускают из виду тот факт, что в понятие «среда обитания» могут входить как тропические леса, так и трущобы Лондона. Оппоненты неизменно выдвигают возражение: мол, что значат для нас эти твари по сравнению с нашей чудесной техникой, покорением сил природы, способностью, как нас уверяют, вершить наши собственные судьбы? Увы, нам нечем ответить на столь простой вопрос.

— Вот именно, — фыркнул сэр Осберт. — Нечем.

— По крайней мере, мы сознаемся в своем невежестве, сэр Осберт. Мы не пытаемся скрывать его, как это делаете вы.

Сэр Осберт покраснел.

— Вы говорите, что все ваши аргументы, все ваши обструкционистские действия базируются на невежестве? — прорычал он. — Так как же с вами человечество сможет идти по пути прогресса? Вы же только и делаете, что тащите всех назад.

— Все равно я стою на своем: коли нужно выбирать между строительством аэродрома и плотины или сохранением Долины пересмешников, мои симпатии решительно на стороне долины, — заявил сэр Ланселот, — потому что, помимо ее интереса с чисто биологической точки зрения, мы не знаем, какова может быть ее важность для жизни острова.

— Важность? — вскричал сэр Осберт. — Даже если и будет установлена важность этой долины для жизни острова, мы все равно не будем сидеть развесив уши и бить баклуши! Мой дорогой сэр, вы сошли с ума! Двадцатое столетие на дворе! В нем не может быть места экологическим излишествам...

Ему пришлось прервать свою речь, поскольку Ганнибал затрясся от смеха. Сэр Осберт ошалело посмотрел на него.

— Я прошу прощения, — с притворной учтивостью сказал Ганнибал, — но выражение «экологические излишества», по-моему, редкостный перл изящной словесности, равных которому я давно не слышал. Мне нравится! В нем звенит колокол прогресса!

— Точно так, — сухо сказал сэр Ланселот, — только боюсь, что эти, как их называет сэр Осберт, экологические роскошества... э-э... излишества касаются нас всех, будь то природозащитники или проектировщики прогресса.

— Я и не знал, что сказал что-то смешное, — буркнул сэр Осберт.

— Нет, нет, вовсе не смешное, — возразил сэр Ланселот. — Очень даже печальное.

Король чуть приблизил к спорщикам свое огромное тело.

— Я в принципе согласен с вами, сэр Ланселот, — сказал он. — Но позвольте, если возможно, перевести дискуссию на волнующую нас всех проблему. Что вы думаете по поводу того плана действий, который мы приняли? — спросил он, переводя взгляд с одного дуэлянта на другого.

— Считаю данный план абсурдным, — сказал сэр Осберт, — ибо он задерживает реализацию всей схемы на неопределенный срок. Позвольте прямо заявить от имени правительства Ее Величества, чьим представителем я являюсь, что оно не потерпит колебаний в вопросе, от которого зависит безопасность не только стран Содружества, но и самого Зенкали.

— Мне лестно, когда вы заявляете, что русские устремили свой алчный взор на такой богом забытый остров, как Зенкали, — пробормотал король.

— Да не то что на Зенкали — на весь Индийский океан! — раздраженно сказал сэр Осберт. — Но похоже, мне так и не удастся втолковать вам, что из-за этих чертовых деревьев и дурацких птиц безопасность всего мира может оказаться под угрозой!

— Напоминаю еще раз, что птица-пересмешник является воплощением старинного божества фангуасов, — холодно заметил король. — Надеюсь, больше об этом напоминать не придется.

— Извините, — буркнул сэр Осберт.

— А вы что скажете, сэр Ланселот? — спросил король, переведя свой взгляд василиска с сокрушенного сэра Осберта на другого участника диспута.

— С моей точки зрения, трудность заключается в следующем. Даже если будет установлено, что пересмешники могут жить за пределами той небольшой экологической ниши, к которой они адаптировались, и даже если то же будет доказано в отношении деревьев омбу, мы сохраним их, так сказать, в вакууме. Моя же организация стремится к сохранению видов, по возможности, на местах. Так что у меня есть опасения, что мы будем против перемещения птиц и деревьев за пределы долины. Кроме всего прочего, стоимость этой операции повергнет вас в обморок, а я не могу дать совет, где искать на нее средства. В порядке компромисса я могу,

Д

вслед за вами, признать ее достоинства, но боюсь, моя организация будет принципиально против.

— Право, не смешно ли, что будущее рода человеческого оказывается под угрозой из-за какого-то дерева и какой-то птицы? — взвился сэр Осберт, который уже оправился после конфуза.

— Меня поражает, как это вы не понимаете, что будущее рода человеческого зависит от охраны, а отнюдь не хищнической и непрерывной эксплуатации природы, — сказал сэр Ланселот, чье терпение явно подходило к концу.

— Джентльмены, джентльмены, — примиряюще сказал король. — Я прекрасно понимаю, что какие-то ваши надежды не оправдались, но, пожалуйста, не выходите из себя. Вы оба изложили мне свою точку зрения, оба привели ценные аргументы в защиту своей позиции. Теперь позвольте сообщить об этом особому совещанию. Если у его членов возникнет желание задать вам вопросы, не будете ли вы так любезны изложить свои взгляды непосредственно им?

— С удовольствием, — сказал сэр Ланселот.

— Еще одна задержка... — пробурчал сэр Осберт, пожав плечами. — Ну что ж, придется согласиться, хоть я и полагал, что ситуация ясна как божий день...

— А именно? — вкрадчиво спросил король.

— Я хотел сказать, что каждому должно быть ясно, как важен для Зенкали аэродром, — выпалил сэр Осберт.

— В таком случае не надо упускать из виду, как важны для зенкалийцев пересмешник и дерево омбу, — сказал Кинги. — Вы сейчас оба будете шокированы, но минувшей ночью была предпринята попытка вторжения в долину с целью уничтожения всех деревьев и птиц.

— Боже, боже, как же так? — воскликнул сэр Ланселот. — Как это случилось?

Сэр Осберт хранил молчание.

— К счастью, заговор был раскрыт и злодеи схвачены, — мягко сказал Кинги. — Надеюсь, в скором времени выяснится, кто стоял за спиной заговорщиков.

Лицо сэра Осберта стало белым, точно у покойника, а затем начало медленно наливаться румянцем. Он нервно прокашлялся.

— Вот негодяи... Вот мерзавцы... — сказал он абсолютно бесцветным голосом. — А знаете ли вы, кто в этом заговоре участвовал?

— К сожалению, зачинщиком был один важный государственный чиновник, — скорбно сказал Кинги. — Он будет депортирован. Но больше всего нас интересует, кто же все-таки стоял за ним.

— Боюсь, его трудно будет расколоть, — сказал сэр Осберт, — но даже если это удастся, все равно вряд ли вытянешь из него всю правду.

— Ну, я думаю, мы сумеем развязать ему язык, — сказал Кинги, — но вам я больше не хочу докучать этой чушью. Как только у меня будут новости, я вам сообщу. Кстати, если хотите задать вопросы еще кому-нибудь, не стесняйтесь. Мистер Ганнибал и юный мистер Флокс будут рады ответить.

Он проводил обоих противников до дверей столовой и передал на попечение мажордома. Затем он вернулся и сел за стол.

— Ну, — обратился он к Ганнибалу, — что вы об этом думаете?

— Мои симпатии на стороне сэра Ланселота, — признался Ганнибал. — Он хоть честный малый, а вот в честности сэра Осберта позволю себе усомниться.

— Согласен, — сказал Кинги, — однако Лужа по-прежнему не пришел в сознание, и мы не в состоянии проверить эту точку зрения. Фактически мы не можем предпринять ничего разумного, пока не появится Друм и не очнется Лужа. Полагаю, самое для вас правильное — это идти домой и ждать новостей.

Голова у Питера дико ныла, а вся левая половина лица пылала, как после сильного ожога. Ганнибал взял беднягу за руку, и оба покинули дворец.

— Я просил Одри приехать ко мне к обеду, — сказал он. — Я, конечно, уложу тебя в постель, но, весьма возможно, ты скоро понадобишься. Уж прости мне такой эгоизм. Выпей фунт аспирина, поплотнее пообедай — и будешь здоров.

— Вот именно, аспирина, — согласился Питер, — а потом завалиться бы в постель и отключиться!

Когда Ганнибал привел Питера к себе домой, нашим героем тут же занялась Одри. Она скормила ему фунт аспирина, который он запил прохладительными напитками, и искупала в бассейне, не погружая в воду, естественно, изувеченного лица. Затем последовал спокойный роскошный обед, и к концу его, попивая кофе на веранде, Питер почти полностью пришел в норму. Тогда Ганнибал, оставив молодежь, умчался в город по каким-то делам.

— Не знаю, как ты себя чувствуешь после всего этого, да еще с таким шрамом на лице, а у меня за последние дни просто в голове помутилось, — сказала Одри. — Как вспомню, какой тихой, блаженной жизнью мы жили, пока не открыли эту Долину пересмешников, так прямо выть хочется.

— Я тоже совершенно выбит из колеи, — хмуро сказал Питер. — Я даже задумываюсь, стоило ли вообще открывать эту треклятую долину.

— Ну что ты, Питер! Ты понимаешь, что говоришь?

Д — Не знаю! А собственно, что она дала хорошего? На улицах — толпы утрюмых вояк, блуждающих, как мартовские коты, и устраивающих друг с другом драки — из-за забастовки в заведении Мамаши Кэри. Церкви пустуют. Гинка и фангуасы готовы перегрызть друг другу глотки. Кинги и Ганнибал не находят себе места. Остров наводнили ужасные люди вроде Брюстера и кучи любителей животных. Действительно, было райское, тихое местечко: ну зачем мы его взбаламутили?

— Да что за вздор ты несешь! — возмутилась Одри. — Фангуасы рады, что вновь обрели свое божество. Видел бы ты доктора Феллугону, когда я рассказала ему о целой роще омбу! Бедняжка, он ударился в слезы и со всех ног кинулся к Стелле, да так, что я не поспевала за ним! Нет, с моей точки зрения, открытие принесло куда больше хорошего, чем дурного!

— Да, похоже, ты права, — сказал Питер. — Хотелось бы только найти выход из тупика, в котором мы очутились.

— Единственная причина, почему мы оказались в этом тупике, заключается в том, что бедняжка Кинги не упускает ни одной возможности, дабы проявить свой демократизм, — сказала Одри. — Ему ведь ничего не стоило надавить на особое совещание по вопросу о плотине, но он всегда стремится отыскать наиболее мягкий способ решения любой проблемы.

— Боюсь, после сегодняшней утренней встречи он перестанет так деликатничать, — хмуро сказал Питер. Тут к нему неслышным шагом подошел Могила.

— Пожалста, сэ', масса Флокс, — сказал он. — Пришел масса Друм.

— А, Друм! — вскричал Питер. — Как раз вовремя! Пригласи его сюда!

— Да, сэ', — ответил Могила.

Друм скользящим шагом вошел на веранду, сверкнув своей желтозубой улыбкой. На нем была та же самая одежда, в которой Питер видел его в последний раз, и было ясно, что он несколько дней не мылся и не брился. Большой ящик для коллекций, который он нес на своем тщедушном плече, совершенно перекосил его детскую фигурку.

— Профессор Друм, — сказал Питер со всей сердечностью, на какую был способен по отношению к этому неопрятному человечку, — а мы вас так ждали! Его Величество и мистер Олифант горят желанием побеседовать с вами.

Друм сделал неуклюжий поклон.

— А! — сказал он. — Значит, я им понадобился-таки? Что ж! Люди везде одинаковы — в поисках решений обращаются к науке как к последнему средству, хотя заботятся о ней в последнюю очередь!

— Присядьте-ка с дороги да выпейте... Чего вам? Ах да, лимонного сока, — вспомнил Питер. — Ганнибал будет здесь через десять минут.

— Да, хорошо бы лимонного сочку для прохладнения, — сказал Друм, усаживаясь в кресло, сплетая свои волосатые ноги и ставя себе на колени ящик с коллекциями, который он крепко обхватил руками, словно только что родившегося, и притом хилого младенца. — Ура! Смилоствовались сильные мира сего! Сниззошли-таки до простого человека! — изрек профессор, с жадностью и сипением потягивая лимонный сок.

— Я что-то недопонял вас, профессор, — сказал Питер.

Друм поднял свой длинный заскорузлый палец:

— Мой милый Флокс! Забыл, сколько раз я просил аудиенции у Кинги или Олифанта! Много-много раз! А сколько раз они избегали меня, делали вид, что меня нет? Но мы, люди науки, хоть и отвержены массами, но не считаем это оскорблением. Нет! Мы, ясно мыслящие ученые, прекрасно отдаем себе отчет в том, что миром правят бездари! Поверишь ли, Флокс, но вряд ли во всем мире найдется хоть один политик, для которого биология — не пустой звук. Многие даже не представляют себе, как функционируют их собственные почки, не говоря уже о чем-то более хитроумном! При слове «эколог» они думают, что это иностранец из какой-то загадочной страны! Биология сводится для них к плотским утехам, которым они обучаются еще за школьной партой! Нужно ли удивляться, мистер Флокс, что последние, к кому наши владыки обращаются за консультацией, — это мы, авторитетные ученые! Вот когда ситуация окончательно запутывается, они и прибегают к нам со слезами, умоляя помочь, как ребенок к папаше со сломанной игрушкой, умоляя починить!

— Видите ли, Друм, на это была масса других причин, — осторожно начал Питер и честно, без обиняков сказал собеседнику, что хоть он и сочувствует ему, но вид у него настолько непрезентабельный, что все шарахаются.

— Как вы заметили, ситуация на острове весьма непростая, — продолжал Друм.

— Как же, заметил, — сухо сказал Питер.

— Открытие, которое сделали вы и мисс Дэмиэн, имеет неоспоримую важность, — заявил Друм, потянувшись за соком, но пронес стакан мимо рта и облил подбородок. — Я имею в виду для будущего Зенкали.

— Вы имеете в виду — в связи с аэродромом? — поинтересовался Питер.

— Ну да, и еще по ряду других причин, — сказал Друм, и глаза его внезапно хитро блеснули.

Д — Могли бы вы прояснить хоть что-нибудь по поводу вашего открытия? — начал было Питер, но собеседник прервал его:

— Прояснить, говорите? Хоть что-нибудь? Да я все разъяснить готов, все! Наши правители могут спать спокойно, — сказал он и разразился диким, резким смехом. — Я нашел им решение проблемы! Пусть они отшивали меня, пренебрегали мною, насмехались надо мной — я непрерывно, неустанно, днем и ночью, скрупулезно разрабатывал свою жилу. Меня переполняло такое вдохновение, которое мало кого из гениев посещало...

— Не хотите ли вы сказать, что вам удалось решить проблему Долины пересмешников? — спросил Питер, прерывая жизнерадостный самоанализ профессора Друма.

Друм поставил на стол недопитый бокал и еще крепче прижал к себе ящик.

— О да, — прошептал он, не в силах скрыть волнение. — Я решил ее, мистер Флокс! Решение проблемы здесь, вот в этом ящике.

Прежде чем Питер и Одри смогли сказать что-нибудь по этому поводу, на веранду, спотыкаясь, вошел Ганнибал.

— А, Друм! — с улыбкой сказал он. — Милый мой, тебя-то нам и надо!

— Меня это не удивляет, — сказал Друм, отвесив свой обычный неуклюжий поклон.

— Профессор Друм как раз начал объяснять, как он решил проблему Долины пересмешников, — объяснил Питер.

Ганнибал бросил на Друма острый взгляд.

— Ну, коли так, то ты и в самом деле умнейший на Зенкали человек, — скептически произнес он.

Друм так и засиял от удовольствия.

— Благодарствую, благодарствую. Право, весьма польщен. Да, — сказал он.

— Ну так что же? — спросил Ганнибал. — Не томи нас долгим ожиданием! Где же ответ?

— Вот здесь, в ящике, — ответил Друм. — Скажите, а у вас не найдется случайно стола, чтобы все продемонстрировать?

— Пошли, — сказал Ганнибал и повел ученого в просторную гостиную.

Там он показал ему стол, где высились пирамиды книг и курганы папок с бумагами, и свалил все на пол.

— Достаточно? — спросил он.

— Превосходно, — сказал Друм и, поставив ящик на стол, принялся распаковывать его. Он вытащил оттуда несколько маленьких круглых жес-

тянок с отверстиями в крышках, черную плоскую коробку, небольшой пресс для сушки растений и пачку фотографий. Одри, Питер и Ганнибал, стоя у края стола, наблюдали за Друмом, раскладывавшим свои причиндалы, как дети за фокусником, готовящимся показать волшебный трюк.

Приготовив все как надо, Друм сложил руки за спиной, откинул голову, прикрыл глаза и начал свою лекцию таким педантичным тоном, будто читал ее не для трех человек, а для огромной аудитории, полной студентов. Сколь бы непривлекательной ни была персона профессора Друма, она тем не менее обладала некоей гипнотической силой, и все трое слушали затаив дыхание.

— Всем вам хорошо известно значение дерева амела для экономики Зенкали, так что останавливаться на этом нужды нет. Да! Но лишь недавно удалось установить, что цветок дерева амела может опыляться только бабочкой амела, обладающей приспособленным для этого длинным хоботком.

На сем месте профессор прервал свой доклад и открыл плоскую коробку. К ее пробковому дну были тщательно приколоты булавками самец и самка бабочки амела с вытянутыми вперед хоботками.

— Как только было сделано данное открытие, стало ясно, что необходимо доскональное изучение этого насекомого, которое нуждается в особой защите, коль скоро мы хотим сохранить дерево амела как вид. Да!

Здесь профессор снова прервал свою речь и засмотрелся себе под ноги, словно собираясь с мыслями.

— Таким образом, я был приглашен на Зенкали с целью выполнения задачи, для которой подходил только я со своим уникальным опытом, накопленным в ходе успешного выполнения ответственных задач в прошлом. Но я понимал, что выполнение данной задачи, как и разгадка любой экологической проблемы, будет не из легких. Нет! Что мы знали об этой бабочке? Практически ничего. Мы знали, что существует некоторое различие во внешнем виде самцов и самок — вот видите, желтые подкрылья у самца, — и знали, чем питается взрослое насекомое. Но жизненный цикл этого насекомого оставался нам неизвестен. А почему? Потому что растение, которым питается взрослое насекомое, далеко не всегда совпадает с тем, которым питается личинка. В случае с бабочкой амела мы не только не знали, чем питается личинка, но и сама эта личинка вообще не была описана. Следовательно, моей первоочередной задачей было разрешить данную проблему. Казалось бы, чего проще — отловить несколько самцов и самок, подождать, пока они отложат яйца, и, как только вытупится личинка размером с булавочную головку, предложить ей различные виды расти-

Д тельной пищи. Но опыты успеха не имели. Что бы я ни предлагал, личинки неизбежно чахли и гибли. Да!

Друм открыл другую коробку. Там были еще пара бабочек амела, небольшая ветка с кладкой крохотных белых яиц, словно инкрустированных в ткань листа, и колба с заспиртованными в ней несколькими черными гусеницами. Друм достал папку для гербариев и развязал ее.

— Здесь, — сказал он, — образчики четырехсот двадцати видов растений — как местных, так и привозных, — которыми я безуспешно пытался кормить личинок бабочки амела. Да! И вот наконец я сделал потрясающее открытие...

Он покопался в папке и вытащил оттуда белый кусок картона, на который был наклеен лист в форме наконечника стрелы.

— Перед вами, — произнес он торжественно, — то единственное, что едят гусеницы бабочки амела. Это лист дерева омбу!

— Вот это да!.. — сказал Ганнибал, закатив глаза. — Значит...

— Пожалуйста, не перебивайте, — запротестовал Друм. — Дайте мне закончить. Да! Случилось так, что в своих блужданиях по горам я наткнулся на заветную долину вскоре после того, как ее открыли мистер Флокс и мисс Дэмиэн. Там-то я и нашел личинок бабочки амела на листьях деревьев омбу. Да! Но, приближаясь к разгадке одной тайны, я приближался и к разгадке другой. Как вам известно, до открытия долины считалось, что существует единственный экземпляр дерева омбу, и хотя оно давало семена, они никогда не прорастали. Это было загадкой и для меня, и для доктора Феллутона. Да! Значит, для проращивания семени необходим некий каталитический агент, но пока я не попал в долину, я и представления не имел, что это может быть. А теперь... Теперь я знаю!

Профессор Друм сделал паузу. Слушатели застыли в немом восхищении.

Друм покопался в пачке фотографий и извлек одну, которую молча предложил вниманию публики.

— Вот это да! — выдохнула Одри. — Это же... пересмешник!

— Именно так, мисс Дэмиэн, — сказал Друм, величественно склонив голову. — Пересмешник. Да.

Ганнибал подтянул кресло к столу и сел.

— Если я правильно понял, — сказал он, — бабочка амела, на которой держится экономика острова, так как только она опыляет дерево амела, откладывает яйца на листья дерева омбу, а это последнее, в свою очередь, не может существовать без пересмешника. Так?

— Верно, — сказал Друм.

— Почему?

— Потому, — объяснил Друм, — что внешняя оболочка семян омбу обладает особой прочностью. Значит, нужно, чтобы птица склевала это семя, и оно, пройдя сквозь ее пищеварительный тракт, подверглось воздействию соков. Только так оно сможет прорасти, когда снова ляжет в землю.

Ганнибал протяжно и гулко свистнул:

— То есть стоит затопить долину — и мгновенно рухнет вся экономика острова?

— Совершенно точно, — сказал Друм.

— Вот это да! Друм, да вы — гений! — крикнул Питер, вскакивая на ноги и тряся Друму руку.

— Это значит, что мы ни при каких обстоятельствах не можем затопить долину, а значит, не можем строить аэродром, — заключил Ганнибал. — О, славный день!

— Вы уверены, Ганнибал? — спросила Одри.

— Абсолютно уверен, — отрезал Ганнибал, изобразив зверскую улыбку. — Это именно то, что нужно Кинги. Все со мной, во дворец! И вы, профессор! Собирайте ваши образчики, возьмите с собой. Кинги захочет все их посмотреть. Поедьте скорей!

Ганнибал рассадил всех по королевским каретам, и они помчались во дворец, сопровождаемые лающей сворой псов.

Кинги слушал разъяснения Друма поначалу с недоверием, затем — с надеждой и наконец — с нескрываемой радостью.

— Мой милый профессор Друм! — воскликнул он. — Не в силах выразить, как я вам благодарен! И не только я, но и весь Зенкали! Уверю вас — отныне мы перед вами в неоплатном долгу!

— Вы очень добры, Ваше Величество, — сказал Друм, сияя от удовольствия и на радости переплетя ноги, словно винт штопора.

— Питер, будьте так добры, налейте нам пять больших бокалов «Оскорбления Величества», — сказал Кинги. — Поднимем тост!

Пока Питер разливал по бокалам лучезарную жидкость, Кинги забрался к себе в гамак, закрыл глаза и погрузился в глубокое раздумье; приподнялся он лишь тогда, когда ему подали бокал.

— За пересмешника! — торжественно произнес он и изучающе посмотрел на Друма. — Как вы думаете, профессор, — продолжил он, — можно ли будет перевезти несколько деревьев омбу и нескольких птиц в Дзамандзар?

— А почему бы и нет? Насколько я понимаю, климат и почва в долине и в столице почти одни и те же. Я не советовал бы вам перевозить всех птиц и все деревья, потому что они очень привыкли к этой долине. А несколько особей и несколько деревьев — вполне возможно. Птица всеядна,

Д и уж так получилось, что плоды деревьев омбу ей больше всего по вкусу. Мне представляется, что омбу — дерево неприхотливое и способно прижиться даже на малоплодородных почвах. Следовательно, если обеспечить молодым деревцам должный уход, в будущем можно будет разбивать плантации омбу параллельно плантациям амела. Да.

— Великолепно, великолепно! — сказал Кинги, поглядывая на Ганнибала, а у самого в глазах плясали озорные искорки. — Ну что? Давайте устроим парад по такому случаю!

— Парад? — изумился Ганнибал.

— Именно парад! — воскликнул Кинги. — В конце концов, на острове сейчас находятся представители всех видов вооруженных сил, куча гостей самого различного ранга; многие из них ожидали больших торжеств и церемоний — так не будем же лишать их этого удовольствия! Мы возвели столько сооружений, поставили столько шатров, вылизали дорожки для проведения парадов — и все напрасно? Питер, вспомни, сколько ты сам вложил труда и сил — не жаль? А главное — мне так хотелось покрасоваться в новой форме, и я не желаю этой возможности упускать. Значит, так: устраиваем грандиозное празднество и с этой целью доставляем в столицу пару пересмешников и шесть штук деревьев омбу для показа на параде, после чего деревья могут быть высажены в Ботаническом саду, а пересмешников поселим в Королевском дворце — павлины уже порядком поднадоели. Ну, как по-вашему? Неплохая идея?

Все согласились, что идея хорошая, и даже Друм, который после второго бокала «Оскорбления Величества» начал было икать и хихикать, согласился, что она заслуживает внимания.

— Мне придется специально по этому поводу собрать заседание парламента и сделать заявление, — сказал Кинги. — Ну как, Питер, можно будет поручить вам с Одри операцию по доставке в столицу деревьев и птиц?

— Конечно, — с воодушевлением сказал Питер. — Рад стараться!

— Полагаю, дело будет так, — сказал Кинги. — Устроим грандиозный парад, а затем гигантский праздник в саду у стен дворца. Согласны?

— Согласны, — ответил Ганнибал.

— Значит, на том и порешили, — сказал Кинги с глубоким удовлетворением. — Ну как, профессор Друм, еще по бокальчику? В конце концов, мы не каждый день пьем за новое открытие великого гения! Выпили? Ну а теперь за вас, Одри! Так, милая? Вот и отлично!

Три следующих дня Одри и Питер не вылезали из Долины пересмешников. Они выбрали и поместили полдюжины молодых деревьев омбу, которые были осторожно выкопаны и пересажены в бочонки с землей коман-

дой дюжих зенкалийцев. Операция проходила под наблюдением доктора Феллутоны, который, впрочем, больше путался под ногами, чем помогал делу, поскольку каждые полчаса разражался слезами радости, так что приходилось все бросать и успокаивать его.

С птицами дело обстояло иначе. Питер соорудил для них огромную проволочную клетку, положил в нее разные изысканные приманки и с помощью Одри заманил туда пару пернатых. Птахи вошли в клетку без малейшего колебания и отнюдь не выказывали каких-либо признаков недовольства пленением. Скорее их тревожило другое — что лакомые кушанья, которые припасли для них Питер и Одри, когда-нибудь закончатся. И точно: едва только клетку открыли, чтобы их выпустить, как они, хлопая крылышками и отчаянно крича, принялись носиться взад-вперед. Еще бы, только что был корм под клювом, а теперь вдруг исчез! Нужно ли говорить, что впоследствии, когда потребовалось заманить их в небольшую клетку для показа на параде, сделать это не составило никакого труда.

Между тем Лужа, придя в сознание и поняв, что его могут обвинить в целой куче преступлений, в том числе в покушении на убийство, принялся выкручиваться. Разве он так уж был заинтересован в строительстве аэродрома и плотины? Вот вам свидетельства в письменном виде, что это все сэр Осберт и лорд Хаммер! В их руках средства, они намеревались сорвать на этом куш, так с них и спрос! Кинги, который не прочь был при случае схитрить, утаил от Лужи, что планы строительства теперь окончательно отпали, и сказал, что если в добавление к письменному свидетельству против сэра Осберта и лорда Хаммера он напишет письмо, в котором полностью раскается в своих грехах, то в этом случае его наказание ограничится высылкой с Зенкали. Лужа ухватился за предложение владыки как за соломинку, и капитан Паппас спецрейсом вывез его с острова, честно отработав свои пятьсот фунтов. Что до сэра Осберта и лорда Хаммера, то Кинги пригласил их во дворец для встречи.

— Вам, конечно, хорошо известно, — начал Кинги самым холодным тоном, — что ваш общий знакомый Лужа являлся членом моего кабинета. Он был арестован и выслан с Зенкали по множеству причин, но главная из них заключалась в том, что он стремился протащить идею строительства аэродрома и плотины любой ценой, поскольку это сулило ему большие деньги.

В зале воцарилась зловещая тишина. Во время этой затянувшейся паузы сэр Осберт несколько раз менял цвет, становясь то красным, то белым, то бледно-желтым, а лорд Хаммер, покрывшись испариной, перекладывал, словно детские кубики, бумажник, футляр от очков и портсигар.

Д — Причиной того, что суровое тюремное заключение было заменено ему высылкой, стало не только чистосердечное раскаяние, но и ряд документов, свидетельствующих о том, что и вы... джентльмены...

— Подлог! Сплошной подлог! — проворчал сэр Осберт.

— Так вы ему поверили? Нельзя доверять таким, как Лужа, — пропищал, словно флейта, лорд Хаммер.

— Тем не менее эти документы заронили в мою душу сомнения и могли бы вызвать серьезные опасения у правительства. К счастью, мне нет необходимости обнаруживать их, — заметил Кинги.

Сэр Осберт вздохнул с облегчением, а лорд Хаммер вытер взмокший лоб.

— Причина тому заключается в следующем: благодаря открытию профессора Друма была доказана необходимость существования Долины пересмешников для экономики острова, следовательно, она не подлежит затоплению ни при каких обстоятельствах. Тем не менее эти документы, вместе с признанием Лужи, будут находиться в особой папке и в случае надобности могут быть использованы в будущем.

— А не лучше ли просто уничтожить такие вещи? — спросил сэр Осберт. — Попадут еще в недобрые руки!

— Вот именно! Все это — злостные наветы! — сказал лорд Хаммер.

— Эти бумаги — в моих надежных руках, — мягко сказал Кинги, — и всем остальным будут недоступны. Теперь о другом. Мне известно, что британскому правительству стоила больших забот и денежных затрат посылка сюда войск и гостей, и я полагаю, оно не обрадуется, если эти деньги уйдут в песок. Ну а для нас обретение старинного божества — великое событие, вполне достойное празднования. Итак, внимание: в следующий вторник состоится грандиозный парад и народное гулянье в саду у стен дворца. Надеюсь, сэр Осберт, я могу рассчитывать, что находящиеся на острове войска примут участие в торжествах?

— О да... да, конечно, — сказал слегка ошалевший сэр Осберт. — Я... буду рад помочь...

— Да, конечно, — сказал лорд Хаммер. — Можете на нас рассчитывать.

— Прекрасно, — сказал Кинги. — Ценю вашу любезность. Я передам юному мистеру Флоксу, чтобы он поддерживал с вами связь, когда дело дойдет до окончательного согласования деталей.

— Конечно, конечно, — сказал сэр Осберт. — Я буду только рад, если в столь уникальном мероприятии будет и капля моего участия.

— О да, — сказал лорд Хаммер. — Случай действительно уникальный.

Питер и Одри вернулись из Долины пересмешников для участия в заседании парламента, на котором Кинги должен был огласить решение относительно плотины и аэродрома. Кинги и Ганнибал заперлись на двое суток, трудясь над речью для владыки. Они переписывали ее шестой раз подряд, и к трем часам утра Ганнибал стал выходить из себя.

Наклонившись вперед, Кинги взял его за запястье.

— Милый друг! — мягко сказал он. — Не ворчите на меня так! Мы ведь оба знаем, что это будет самая выдающаяся речь из всех, которые мне когда-либо доводилось произносить, поскольку я буду говорить о том, что считаю благом для моего народа, моей страны. Для меня большая честь, что вы помогаете мне в этом, как всегда помогали во всем.

Ганнибал взглянул на владыку и улыбнулся.

— Вы слишком деликатны для монарха, — сказал он. — Я всего лишь взбалмошный балбес. Не обращайтесь на меня внимания.

— Мой друг, как мне не обращать на вас внимания, если ваши советы всегда были только добрыми. Ведь вы любите Зенкали, и, не скрою, я чувствую вашу привязанность ко мне, а это мне так лестно!

— Об одном я просил бы вас, — упрямо сказал Ганнибал, — молчите об этом: не дай бог широкой публике подумать, что я чувствую привязанность к черномазому.

Кинги запрокинул голову, заливаясь смехом.

— Милый Ганнибал, — сказал он, протирая глаза, — если бы не вы да не газета «Голос Зенкали», как скучно было бы мое правление!

Наконец они отстучали текст на машинке, нещадно барабанив по клавишам, и хотя содержание речи в значительной мере было придумано Ганнибалом, заключенные в ней чувства полностью принадлежали Кинги.

И вот наступил торжественный час. По такому случаю все надели свои самые красочные одеяния. Партер пестротой и яркостью напоминал лоскутное одеяло. На самом монархе был алый с желтым, ослепительно блестящий халат. Его Величество медленным шагом прошествовал по залу, отвешивая торжественные поклоны то правой, то левой стороне. Он выглядел словно только что вылупившаяся из куколки яркая бабочка. Дойдя до громадного трона, он аккуратно, чтобы не помять складки своего платья, сел на него. Затем вынул очки и, нацепив их на нос, аккуратно разложил листы с записанной на них речью. Наконец он поднялся с трона и мгновение простоял молча; одеяния ниспадали с его могучей и величественной фигуры, словно победные знамена.

— Друзья, — начал он своим глубоким, раскатистым голосом, — сегодня я имею честь сообщить вам новости, которые не только удивительны сами по себе, но и представляют исключительную важность для всех нас и

будущего Зенкали. Мы здесь, на нашем острове, живем в век чудес. Нам повезло, ибо для большинства людей чудеса остались где-то в глубокой древности; до недавнего времени я тоже так считал, но теперь позвольте поставить этот тезис под сомнение.

Он сделал паузу. В зале стояла удивительная тишина — трудно было поверить, что столько людей могут вести себя так тихо.

— Нам придется обойтись без аэродрома, — сказал Кинги, сняв очки и используя их для того, чтобы подчеркивать высказываемые мысли, — и вот почему. Если бы мы пошли на строительство аэродрома, то ввергли бы экономику Зенкали в глубокий хаос. От этого пострадали бы все без исключения. Позвольте разъяснить, как мы пришли к такому выводу.

Он снова надел очки, заглянул в свои записи, а затем посмотрел в зал.

— С открытием пересмешника вновь обретено старинное божество фангуасов. Не много найдется примеров, чтобы судьба настолько благоволила к народу, возвращая ему божество, которое считалось утраченным. Но это открытие оказалось чудесным вдвойне. Это божество незримо и неслышно, как и положено добрым божествам, поддерживало благополучие всех зенкалийцев — и фангуасов, и гинка. Профессор Друм, которого вы все хорошо знаете, сделал потрясающее открытие. Вам известно важное значение дерева амела для экономики Зенкали, а благодаря деятельности все того же профессора — и значение бабочки амела. Профессор Друм трудился днем и ночью, изучая жизненный цикл этой удивительной бабочки, ибо с ее исчезновением исчезло бы и дерево амела, а отсутствие сведений о ее размножении и развитии лишило нас возможности обеспечить ей соответствующую защиту. Теперь мы можем это сделать.

Король снова сделал паузу, чтобы сказанное дошло до всех.

Ганнибал, наблюдавший за венценосным оратором с почтением и восхищением, только сейчас понял, почему владыке с таким трудом давалась эта речь. Еще бы — ведь ему предстояло разъяснить сложную биологическую проблему столь же просто и красочно, как если бы он учил детей азбуке с помощью разноцветных кубиков с буквами.

— Обиталищем бабочки амела, местом, где она откладывает яйца, оказалась Долина пересмешников, — заявил Кинги.

Услышав в ответ странный шум в зале, он поднял свою могучую руку, прося тишины, и продолжал:

— Но это еще не все. Вылупляющиеся из яиц гусеницы бабочки амела питаются исключительно листьями дерева омбу.

Он снял очки и воздел их кверху.

— Профессор Друм предлагал гусеницам четыреста двадцать разных растений, — сказал Кинги, подняв руки и растопырив пальцы, будто соби-

рался отсчитывать на них это число, — но во всех случаях они чахли и гибли. Только после того, как профессор Друм добрался до Долины пересмешников и собственными глазами увидел, как гусеницы амела поедают листья омбу, значение этой долины стало понятно окончательно и бесповоротно.

Кинги достал большой шелковый платок, вытер брови, а затем, зажав его меж пальцев, словно крыло бабочки, жестикулировал, подчеркивая сказанное.

— Возможно, у вас глаза на лоб полезли от удивления: есть ли на свете что-либо более необычное, чем только что вами услышанное? Кто бы мог подумать, что в течение стольких веков наше благосостояние зависело от крохотного мотылька, а его жизнь, в свою очередь, — от дерева, которое мы полагали давно исчезнувшим! Теперь это дерево вновь открыто, но чудеса на этом не кончаются. Профессор Друм установил, что в не меньшей степени, чем существование бабочки зависит от дерева омбу, существование самого дерева омбу зависит от пересмешника. Когда плод дерева падает на землю, птица съедает его. Проходя по ее пищеварительному тракту, семя подвергается воздействию различных соков, в результате чего оболочка становится мягче, и семя получает возможность прорасти. Теперь вам понятно, дорогие друзья, каким образом наш старинный бог незримо и неслышно помогал нам на протяжении веков? Когда пересмешник освобождает свой кишечник, семя попадает в почву и дает начало дереву.

Король убрал платок, снял очки и на несколько долгих мгновений задержал свой взгляд на слушателях.

— Ну как, друзья, полезно узнать, что наше благополучие зависит, во-первых, от невзрачного мотылька?

С этими словами он столь изящно поднял свою смуглую руку, будто она и в самом деле была бархатисто-темным крылом бабочки, а потом повернул ее розовой, словно обратная сторона крыла, ладонью к публике.

— Во-вторых, от дерева.

Сказав это, он описал руками полукруг, будто изображал крону омбу на могучем стволе.

— А в-третьих, — рывкнул он, предупреждаясь подняв вверх палец, — хотел бы я знать, что вы почувствовали, поняв свою зависимость от конечного продукта пищеварения птицы?

Парламентарии зашептались между собой, усиленно жестикулируя.

— Так вот, друзья мои, все мы связаны одной цепью, — сказал Кинги, переплетая пальцы и как бы иллюстрируя вышесказанное. — Дерево аме-ла, бабочка, дерево омбу, пересмешник и, наконец, мы все. Никто из нас не выживет без других звеньев этой цепи. Без этих деревьев и прочих жи-

Дых существ погибнут все наши надежды на будущее Зенкали. Без аэродрома обойтись мы сможем, а вот без помощи матери-природы — нет.

Оратор снял очки и, преисполненный августейшего достоинства, направился к выходу, оставив публику обсуждать услышанное.

Великий парад имел грандиозный успех. Спецвыпуск «Голоса Зенкали» открывался огромным заголовком: «Бог жилище обрел в королевском саду». Под этим замечательным лозунгом и прошло все мероприятие.

Во главе парада выступал сам Кинги, ехавший в изысканно украшенной королевской карете; перед ним шагал луонширский оркестр, игравший национальный гимн Зенкали. В его основу легла бесхитростная популярная мелодия, слегка аранжированная самим Кинги, когда он купался в ванне. Проникновенные слова сочинил не кто иной, как Ганнибал:

Слава тебе, наш родной Зенкали,
Наш процветающий остров любви!
И солнца восход, и морской прибой
Поют тебе славу, наш остров родной!

Следом за королевской каретой шли два юноши-письмоносца. Только на сей раз к их полым тростям было прикреплено полотнище с лозунгом «Зенкали уверенно шагает в за». Правда, было непонятно, то ли в «зарю свободы», то ли в «завтрашний день», но искусная мастерица, трудившаяся над его вышивкой, неожиданно для всех ушла в декрет, а кроме нее, поручить столь тонкую и ответственную работу было некому. Следом, поднимая тучу розовой пыли, катила могучая повозка, запряженная шестеркой специально откормленных, лоснящихся зебу. В ней сидели Питер и Одри, державшие большую клетку с парой пересмешников. Судя по всему, пернатые были до того очарованы зрелищем огромных толп людей (а эти странные существа их так хорошо кормили!), что в волнении бегали взад-вперед по клетке, рассыпая, словно воздушные поцелуи, свои «Ха, ха! Ха, ха!» или, к особому удовольствию публики, целуясь клювами, которые трещали при этом, как пулеметы. На фангуасов особое впечатление произвело то, что их вновь обретенное божество оказалось таким голосистым. За повозкой с пересмешниками катила еще одна украшенная искусной резьбой королевская карета — в ней восседали губернатор и Изумрудная леди. Губернатор был в парадной форме, в треуголке с пером и при сабле.

Вся эта процессия двигалась сквозь пеструю толпу, сбежавшуюся позевывать на невиданное зрелище. До участников парада долетал щекочущий ноздри запах надушенных, одетых в свежeweыстиранную одежду человеческих тел, аромат цветов добросердечности, а главное — терпкий запах, ка-

кой ударяет в нос, когда откупориваешь бочонок редкого вина, — таков, должно быть, запах амброзии. Процессия катила сквозь море бронзовых, шоколадных и медных лиц, озаряемых, словно вспышками, белозубыми улыбками, сквозь лес плещущих розовых ладошек — казалось, всеобщую радость и ликование народа можно было потрогать руками.

Вслед за королевской каретой, в которой восседали губернатор и Изумрудная леди, ехала повозка, где величаво покоились шесть массивных бочонков, любезно предоставленных владелицей заведения «Мамаша Кэри и ее курочки». В бочонках были высажены шесть молодых деревьев омбу — коротких, толстопузых, машущих публике переплетенными ветвями. Их сопровождали профессор Друм, выглядевший еще более убийственно, чем прежде, в новом фланелевом костюме, кое-как заколотом булавками, и доктор Феллутона с огромным белым платком, обильно смоченным слезами радости. Он постоянно гладил стволы деревьев омбу, как бы желая воодушевить их. За ними, чередуясь с войсками в начищенных мундирах, ехали королевские кареты с высокими гостями. Вот сэр Осберт и лорд Хаммер — у них такой вид, будто они час назад были на волосок от смерти и лишь чудом вырвались из пасти крокодила. А вот сэр Ланселот и достойный Альфред — оба улыбаются и машут толпам людей так, будто все здесь присутствующие принадлежат к высшим кругам высшего общества. А вот повозки с представителями прессы — приходится сожалеть о том, что они изрядно набрались, причем отнюдь не знаний, — и весь природоохранный контингент. Представитель Швеции выглядит утрюмее, чем скалы Скандинавии, — так может выглядеть только швед среди восторженной, рукоплещущей, счастливой до экстаза публики. А вот швейцарец — он ни на секунду не отнимает от уха блестяще отремонтированные часы в страхе, что они могут остановиться снова. Вот Харп и Джагг — они изрядно дерябнули «Нектара Зенкали» и, завернувшись в огромный звездно-полосатый флаг, который бог ведает где позаимствовали, лежат в повозке и машут публике. В общем, веселая, не слишком формализованная процессия в лучших традициях тропиков. Правда, одна неприятность все-таки произошла. Платформа для телекамер, сооруженная по специально разработанному Питером проекту, оказалась атакованной простыми смертными, справедливо решившими, что отсюда лучше видно парад. Стоило двумстам пятидесяти слишком возбужденным зевакам на нее взгромоздиться, как вся махина рухнула в тартарары. Брюстер был вне себя от ярости и пытался разогнать нахалов, нещадно лупя их сценарием по щекам и ушам, но вскоре оказался затоптанным. «Я — представитель Би-би-си!» — орал он, но что поделаешь, если для зенкалийцев это пустой звук. Блор со своей чрезвычайно дорогой, на зависть япошкам, камерой был сметен с верхуш-

Д ки платформы и рухнул с пятнадцатифутовой высоты вниз. Жалобные крики вроде: «Что вы делаете?! Мы же из Би-би-си, а не из Ай-ти-ви!» — потонули в грохоте рушащегося сооружения: предназначенное для двоих, оно, конечно, не выдержало нагрузки двухсот пятидесяти. К счастью, зенкалийцы спружили мягко и плавно, словно электрические угри. Большинство из них приземлились аккуратно на макушку Брюстеру, который отделался переломом ключицы, несколькими синяками да фингалом под глазом.

Толпы фангуасов и гинка пели песни, кричали, играли на барабанах и дудках, а девушки обоих племен танцевали с такой грацией, будто их тела вовсе лишены костей, — такое под силу только темнокожим.

Наконец процессия достигла дворцовых ворот. Шикарно разодетая стража салютовала ружьями. Сначала в ворота вошел оркестр, затем въехал король и остальные участники парада, ну а толпе зевак пришлось пока задержаться. Дожидаясь своей очереди, люди шутили, смеялись, пялили глаза сквозь ажурную кованую ограду. С обратной стороны ворот счастливые лица выглядели словно баклажаны в плетеной корзине.

Когда наконец всем удалось просочиться в залитые ярким солнцем королевские сады, праздник разгорелся с новой силой.

Взволнованные всеобщим вниманием к себе, пересмешники были наконец выпущены из клеток, и первое, что в благодарность за это сделал самец, — с силой клюнул короля в ногу. (На следующий день «Голос Зенкали» вышел под заголовком «Король укушен богом» — первоначально набрали «Король ушиблен богом», но, к счастью, бестактность была исправлена при подписании номера в печать.) Это было воспринято как сигнал к всеобщему гулянию, в ходе которого были поглощены галлоны напитка «Оскорбление Величества», целые блюда с жареной олениной и молочными поросятами, не говоря уже об огромных корзинах разноцветных овощей. Вездесущий король старался поговорить со всеми, перекинуться шуткой с каждым, и его раскатистый смех раздавался над толпами веселых гостей, словно гром.

Питер и Одри неожиданно обнаружили, что любят друг друга. Как зачарованные двигались они рука об руку сквозь толпу.

— Слушай, — сказал Питер, наполняя стакан Одри в четвертый раз, — бродить в толпе все равно что плавать у нашего рифа. Тебя носит волнами туда-сюда, а взору открываются удивительные сцены из жизни подводного царства.

— Намек понят, — сказала Одри. — Пойдем поплаваем. — Рука об руку, словно скованные одной цепью, они покинули торжество.

По дороге на море они увидели Харпа и Джагга, возлежавших бок о бок в шезлонгах. Клюкнувший Харп говорил с таким завыванием и с такой вибрацией адамова яблока, что производил впечатление американского лося, подзывающего самку.

— Ну да, — хмуро ответил Джагг, как только стихли последние сонорные звуки. — У нас их было несколько штук разом, да вот беда: все поотдавали концы! Что и говорить, хитрая это штука — американский лось! Чуть что, сразу откидывает копыта! Нет уж, охота была с ними связываться, попробую-ка другого зверя, который не помрет! Слоны хороши в этом отношении, к тому же увидел разок слона — и впечатлений на всю жизнь. В общем, нужны такие виды, которые способны поразить воображение публики! Да вот беда: все такие животныедохнут как мухи! Купишь, бывало, вбухашь деньжищи, а он у тебя на второй день окочурится — прямо беда!

— А ты попробуй ламантина, — сказал Харп. — Ламантин — это как раз то, что тебе нужно. Помню, я со своей супругой Мэми ездил купаться во Флориду — там мы всласть поплавали вместе с ламантином. Вдруг Мэми и говорит: «Не правда ли, Хайрам, он совсем как человек, разве что не говорит?» А я говорю: «Что правда, то правда, надень на него лифчик — и он будет совсем как ты».

— Ну и... что же она ответила? — спросил потрясенный Джагг.

— А ничего... Просто ушла от меня, — сказал Харп.

Одри и Питер двинулись дальше.

А дальше они наткнулись на досточтимого Альфреда, который рассказывал Друму сложную и запутанную историю, в которой были замешаны три герцога, один раджа и даже один наследный принц.

— Всегда утверждал и буду утверждать: если включишь в разговор *нужных* людей, — проблеял он, — то и вести разговор будет куда легче.

— Да, но таковыми я всегда считал ученых, — сказал Друм. — Все остальные без них беспомощны, как слепые котятка.

— Позвольте с вами не согласиться, — возразил досточтимый Альфред, — я веду речь немного не о том. Я имею в виду, что, если не получишь поддержки *нужных* людей, вам будет куда труднее в жизни.

— Возьмем хотя бы мое несравненное открытие, — сказал Друм, не желая слушать собеседника. — Что случилось бы с Зенкали, если бы не я? Когда мой доклад будет напечатан полностью, он произведет настоящий фурор.

— Согласен, — сказал досточтимый Альфред, — ведь вы не только спасли дерево омбу, пересмешника и еще дерево амела — вы ведь самого короля — понимаете, *короля*! — замешали в ваше дело!

Д — Ну, это как раз ерунда, — сказал Друм. — Пусть теперь делают с деревьями и птицами что хотят. Главное, я опубликую свой материал и реабилитирую себя в глазах научного мира. Никогда не забуду, как из-за крохотной ошибки в оценке популяции мухи цеце на акр площади в кратере вулкана Нгоронгоро — машинистка ляпнула пару лишних нуликов, только и всего! — меня освистали во всем академическом мире! Ну уж теперь я воздам им сполна! Вот погодите, опубликую свой доклад...

Питер и Одри двинулись дальше.

Дальше на их пути повстречались губернатор и Изумрудная леди, которые, по какой-то непонятной причине, вели беседу с Кармен.

— О, как я 'ада, — сказала Кармен, — как я несказанно 'ада, что и де'евьям, и птицам ничего не уг'ожает. Ей-богу, не в'у, ваше п'евосходительство!

— Превосходно! Объявляю всем благодар-ность! — сказал губернатор.

— П'изнаюсь вам, ваше п'евосходительство, сколько не'вов я пот'е-пала с моими ку'очками! Это все 'авно что де'жать собаку на запо'е и не выпускать на дво'. Какого т'уда стоило убедить их в сп'аведливости общего дела!

— Благородное женское тело — становой хребет Империи! — заключил губернатор.

Наконец в разговор включилась Изумрудная леди, вставив себе в ухо слуховой рожок.

— Приходите почаще к нам на обед, — сказала она с удивительным радушием. — Мы так редко видим вас и ваших очаровательных девочек.

— Охотно, — сказала Кармен, розовея от удовольствия, — если вы действительно хотите видеть их в Доме п'авительства, то уве'яю вас, они будут де'жать себя достойно и не докучать джентльменам.

— Черт возьми, — сказал губернатор.

Одри и Питер последовали далее, по пути выпив еще по стакану. Внезапно до них долетел сердитый голос капитана Паппаса, о чем-то торговавшего с лордом Хаммером.

— Точно, — говорил Паппас. — У меня остались все бумаги, которые этот недоносок Лужа отдал мне на хранение. Но это было еще до того, как мы его раскусили.

— Так, — сказал лорд Хаммер, — а что конкретно представляют собой эти бумаги?

Паппас нахмурился еще больше.

— А почему я знаю? Я никогда не читаю чужих частных бумаг. Теперь этот недоносок изгнан с острова — так как по-вашему, что мне делать с ними?

Он уставился на лорда Хаммера своими крохотными черными глазками, стараясь изобразить на лице святую невинность.

— Ну а если, — осторожно начал лорд Хаммер, — мы *вместе* изучим бумаги Лужи, то, может быть, вместе придем к заключению, что с ними делать? А?

— О'кей, — сказал капитан Паппас и улыбнулся широкой золотозубой улыбкой мошенника с большой дороги. — Ну что, завтра я принести их все гуртом, чохом! Идет?

— Откуда у него бумаги Лужи?! — в изумлении прошептала Одри.

— Он грек, и этим все сказано, — объяснил Питер.

Следующими звуками, которые долетели до ушей наших влюбленных, было гоготанье швейцарцев из природоохранной делегации, которым адмирал читал долгую, несколько путаную лекцию по европейской истории.

— Когда мы бились при Ютландии, ваши brave парни находились справа от нас, — произнес он, и от волнения его глаза увлажнились. — Развертывание кораблей в боевой порядок...

— Да как же так, сэр? — перебил его швейцарец, который во всем любил точность. — У нас же нет флота.

— Как нет?! — изумленно спросил адмирал. — Не может такого быть! У всех есть.

— Но Швейцария — маленькая страна, — сказал швейцарец, складывая руки чашечкой, словно изображая птичье гнездо. — Мы со всех сторон окружены сушей!

— Тьфу! — сказал адмирал. — Терпеть не могу сражаться на суше! Прислушайтесь к моему совету: обзаведитесь флотом — и будете непобедимы!

Одри и Питеру не хотелось больше слушать. Так, а вот и сам Кинги в своем изысканном халате! Он с нежностью смотрит на сэра Ланселота, который так захвачен всеобщей атмосферой праздника, что на его всегда суровом лице нет-нет да и проскользнет улыбка.

— Я очень рад, — проворковал сэр Ланселот, — что привез вам добрые новости от герцога Пейзанского. Он очень просил меня вам о нем напомнить.

— О, милый Бертрам, — сказал Кинги, просветлев лицом. — Он был моим замечательным однокашником в Итоне! Не знаю почему, но мы все его звали «Бертрам-тарарам»!

Не было похоже, чтобы сэр Ланселота это как-то тронуло. Он крепче сжал в руке стакан и оглянулся.

— Я очень рад, что нам удалось найти столь блестящее решение этой проблемы, — сказал он.

Д — Нам здесь, на Зенкали, — сказал Кинги, — обычно худо-бедно удавалось вести дела на благо острова. Корю себя за то, что недооценивал вас, видя в вас лишь разумного и сочувствующего мне человека.

— Спасибо, спасибо, — сказал сэр Ланселот, сияя от удовольствия. — Я так рад слышать это, Ваше Величество! Мы, ревнители охраны природы, всегда во все суемся, всегда вставляем палки в колеса, и нам ой как трудно убеждать людей, что все это для их же блага. Люди думают, что мы помешались на любви к животным, ставя их выше интересов человека.

— Согласен, — сказал Кинги. — По-моему, все, что здесь произошло, лишний раз подчеркивает сказанное вами. Без понимания биологической архитектоники нашего острова мы могли бы в одночасье погубить и его экономику, и самих себя.

— Именно так, — сказал сэр Ланселот. — Истории, подобные той, что имела место в нашем микрокосме, происходят повсюду в мире, и, как правило, последствия их бывают более прискорбными.

— Хорошо, что мы здесь, на Зенкали, обладаем достаточной властью для принятия решений, — сказал Кинги. — Я всегда чувствовал, что во многих странах мира власть слишком распылена, чтобы быть эффективной. Демократия по-своему хороша, но подчас при помощи диктатуры — в мягкой, разумеется, форме — можно добиться большего.

— Положимте, что так, — с сомнением сказал сэр Ланселот.

— А вот и счастливая парочка, благодаря которой заварилась вся эта каша, — сказал Кинги и обхватил своими могучими руками Питера и Одри за плечи. — Милая Одри, — сказал он, — вы сегодня выглядите счастливой как никогда! Не потому ли, что вы решили взять себе в мужа честного малого в лице Питера Флокса?

— О да, — сказала улыбающаяся Одри. — Я решила: в чем он нуждается больше всего, так это в сварливой жене.

— Ему следовало бы почитать за счастье, что на него будет ворчать такая красавица, как вы, — сказал Кинги. — И я открою вам секрет: наш благодарный остров подарит вам на свадьбу плантацию деревьев амела.

— О, Кинги, — сказала Одри. — Вы так щедры!

— Скорее предусмотрителен, — сказал Кинги. — Я надеюсь, что благодаря этому Зенкали станет вашим родным домом навсегда.

— Не сочтете ли вы «оскорблением величества», если я поцелую вас? — спросила Одри.

— Сочту, если откажетесь, — твердо сказал Кинги.

— Ну, Питер, пошли, сообщим обо всем папочке, — сказала Одри.

— Заодно передайте, что если он еще раз тиснет обо мне какую-нибудь гадость, то я выкину его за шкуру с острова. «КОРОЛЬ УКУШЕН БОГОМ». Какой подрыв репутации монарха, а!

...Под гигантской бугенвиллеей, где била ключом жизнь насекомых, плавно покачивался королевский гамак, в котором восседали Ганнибал и Джу. Под гамаком, скрестив ноги по-турецки, сидел папаша Дэмиэн.

— Ну, уважаемый и обожаемый предок, у меня для тебя новость! — сказала Одри. — Наш высокочтимый король подарил нам с Питером плантацию амела!

— Как — плантацию амела? — спросил Симон. — Чтобы моя родная дочь позорила отцовские седины, живя во грехе у него под боком на плантации амела?

— Боже, да что ты несешь! — сказала Одри. — Разве я собираюсь жить во грехе?!

— Не хочешь ли ты сказать, о моя дражайшая дочь, что ты по глупости решила повести сего неоперившегося отрока к церковному алтарю? Смилуйся, о мать божия, это еще хуже, чем жить во грехе!

— Ну, ничего, немножечко греха тоже не помешает, — сказала практичная Джу. — В конце концов, грехи — это мой хлеб, без них я осталась бы без работы! Но, я надеюсь, у вас все серьезно? Могу я вас обвенчать?

— А где же еще им завязать брачные узы, как не здесь? — сказал Ганнибал. — О господи! Я теряю не только ту единственную девушку, которую искренне любил, но и добрую помощницу. А я ведь так рассчитывал на тебя еще на девяносто ближайших лет!

— На все воля божья, — сказал Питер.

— Что ж, — произнес Ганнибал, — теперь, когда всю эту заваренную вами кашу удалось расхлебать, я отниму у Питера еще немножечко времени — если, конечно, эта паршивка хоть ненадолго оставит его в покое... Питер, у меня к тебе будет вот какое задание: я задумал выпуск нового, исправленного издания своей книги.

— Это какой же?

— «Зенкали, фрагментарный путеводитель для случайного приезжего».

— Так это... ваша?! — спросил изумленный Питер.

— «Ваша»! Ты еще спрашиваешь «ваша»! Ну а кто еще на острове, по-твоему, обладает такой эрудицией и таким блестящим знанием английского, чтобы проделать столь титаническую работу? — спросил Ганнибал.

— Так вы действительно собираетесь готовить новое, исправленное издание? — спросил Питер.

— Безусловно, — ответил Ганнибал, — если ты готов мне помочь.

— Я-то готов, но мы сначала хотели бы провести медовый месяц, — сказал Питер.

— Как — медовый месяц? Вы же еще не повенчаны! — удивился Ганнибал.

Д — Мы решили поступить наоборот, — как бы извиняясь, объяснила Одри. — Сначала медовый месяц, потом венчаться.

— О святой Павел и двенадцать апостолов! Так, стало быть, моя дочь будет стоять перед алтарем и каяться во всех грехах?! — воскликнул Симон, бия себя в лоб. — Только из-за чистоты души моей я не потерплю такого!

— Если не секрет, где вы намерены провести этот странный предсвадебный медовый месяц? — поинтересовался Ганнибал.

— Как это — где? — перебила Джу, выскакивая из гамака. — Черт побери, есть только одно подходящее место — ДОЛИНА ПЕРЕСМЕШНИКОВ.

ЭПИЛОГ

— Ты можешь притиснуться ко мне поближе? — спросил он.

— Никак, Питер. Ты и так умудрился втиснуть два тела в спальный мешок, рассчитанный на одного. Куда уж ближе?

— Ну, еще поближе, — сказал он, довольный. Лунный свет струился на причудливо толстые, переплетающиеся фигуры деревьев омбу, хранивших покой влюбленных, а ветви окружающих их кустов мерцали от множества светлячков.

— Когда ты в первый раз решила, что любишь меня? — спросил Питер, не боясь показаться банальным.

— Сразу, как только увидела, — с удивлением сказала Одри. — А почему ты спрашиваешь?

Питер осторожно поднялся на локте и взглянул на ее лицо.

— Сразу? — переспросил он, потрясенный услышанным. — Напомни, когда ты меня впервые увидела?

— Как когда? В то утро, когда ты пришел к Ганнибалу. Ты был таким лапочкой... Ну как брошенный щенок.

— Вот спасибо, — холодно сказал Питер. — Это самый романтический комплимент, который я когда-либо слышал.

— Так я же не в том смысле. Я имела в виду — *хорошенький* щенок, — запротестовала Одри. — Ну, такой, как в зоомагазинах, что невозможно удержаться!

— Понятно. Такой же кудлатый?

— Ну да. И такой же вислоухий и беспомощный. Он тебе на полу будет лужу делать, будет туфли грызть, а все равно — такая лапочка!

— Да что ты говоришь! Разве я в твоём присутствии когда-нибудь заикался о желании сделать лужу на полу? Или погрызть твою обувь — туфли, тапки, сапоги или что там еще?

— Да нет, ты прекрасно знаешь, что я имею в виду, — сказала Одри. — Не притворяйся тупицей.

Пауза.

— Ну, хорошо. Ты знаешь, что происходит с этими очаровательными щенками после того, как их приносишь из зоомагазина? — продолжал Питер.

ОД

— А что?

— Из них получаются волкодавы.

— Я всегда мечтала о собственном волкодаве! — мечтательно сказала Одри.

— Ну а я вот не влюбился в тебя с первого взгляда, — заговорщицки сказал Питер. — Ты показалась мне привлекательной, но не более того.

— Что-то, а я-то хорошо запомнила, как ты посмотрел на меня в первый раз. У тебя был взгляд похотливого развратника — точь-в-точь как у молодца-итальянца, только-только ставшего мужчиной, — сказала Одри.

— Ну уж нет! — раздраженно сказал Питер. — Я не глядел на тебя взглядом похотливого развратника.

— Глядел. И своим первым же взглядом не только раздел, но и затащил в постель, — сказала Одри. — Что я пережила, одному богу известно.

— Позвольте с вами не согласиться, — сурово сказал Питер. — Я в жизни не позволял себе бросить *такой* взгляд на женщину.

— Я так и поняла, — сказала Одри. — Вот почему мне это так понравилось.

— Вот уж не думал, что наша первая с тобой ссора будет в спальном мешке, — сказал Питер. — Здесь и места-то маловато! Даже подушками не побросаешься!

— Согласна. В спальном мешке маловато места — и не только для ссоры, — жалобно сказала Одри.

— Ничего. При желании найти можно. Я покажу.

Воцарилась тишина.

— Ты мой маленький, мой миленький волчонок, — наконец сказала Одри.

— Да еще такой, который проявляет ловкость в стесненных обстоятельствах, — сказал Питер.

— Да еще какую ловкость! — согласилась Одри.

...Луна совершала свой неслышный путь по небу, и под ее лучами словно оживали деревья омбу — казалось, будто они переходили с места на место или собирались в группы, словно заговорщики. Светляки, будто крохотные карманные фонарики, освещали свой замкнутый мирок зеленым пульсирующим светом. На бескрайней черноте небосвода оставляли следы падающие звезды, а неподвижные сияли, словно сосульки, освещенные солнцем. Луна, прежде золотая, как лепестки подсолнуха, стала бледной, словно поганка.

Вдруг из глубины рощи омбу раздался голос — полусонный, словно первый утренний крик петуха:

«Ха, ха! Ха, ха!»

Потом тот же голос зазвучал мягче, как бы вопрошая:

«Ха, ха? Ха, ха?»

Ему ответил другой голос, успокаивающий:

«Ха, ха, ха, ха».

И наконец со всех сторон раздались жалобные, но сладостные крики:

«Ха, ха!.. Ха, ха!.. Ха, ха!..»

— Послушай! — сказал Питер. — Как ты думаешь, что это такое?

— Как что? — спросила она.

— Пересмешники, — сказал Питер. — Хорошо смеется тот, кто смеется последним. ЭТО ВЫПАЛО ИМ!

И В ЗАКЛЮЧЕНИЕ...

Если кого-то из читателей интересует, как получилась эта книга, я могу ответить так: я писал ее в добром настроении, когда легко на сердце, и, вообще-то говоря, понарошку. Но события, подобные тем, что в ней описаны, происходили и происходят в различных частях света.

Если кто-то подумает, что описанная в книге связь между деревом амела и бабочкой амела, деревом омбу и пересмешником сильно преувеличена, позволю себе заметить, что в природе существуют и куда более сложные ассоциативные связи. Взять хотя бы птицу оропендола из Южной Америки, которая живет колониями в длинных, похожих на свисающие корзины гнездах. В некоторых регионах у этой птицы есть опасный враг — муха, залетающая в гнезда и откладываяющая свои яйца прямо на птенцов, после чего личинки начинают на них паразитировать. В этих же регионах водится оса, для которой муха, а также ее яйца и личинки — лакомое блюдо. Складывается впечатление, что взрослые оропендолы каким-то образом осознают полезность ос для защиты своего потомства и допускают их в свои гнезда, чтобы те очищали нежных крошек от паразитов. В тех же регионах, где не встречается зловредная муха, оропендола не терпит ос и убивает их, если они оказываются возле гнезд.

Сюжет книги — обретение, казалось бы, давно утраченной птицы — подсказан случаем, происшедшим несколько лет назад в Новой Зеландии. В забытой богом долине, где ваш покорный слуга имел счастье побывать, была обнаружена птица такаэ, иначе ноторнис, считавшаяся давно вымершей. Значит, у нас еще сохраняется надежда, что даже сегодня, когда гораздо более часты примеры разрушения природы человеком, мы еще можем открыть популяцию миниатюрных динозавриков, скрывающуюся где-нибудь в глухом болоте.

Персонажи этой книги, разумеется, вымышленные, но за ними стоят люди, с которыми я встречался во время путешествий. Отрицательные персонажи, конечно же, списаны с отрицательных характеров, и если эти люди узнают себя — надеюсь, у них найдется время для размышлений.

В заключение хочу сказать вот о чем. НА НАШЕЙ ПЛАНЕТЕ МНОГО ПЕРЕСМЕШНИКОВ И ДЕРЕВЬЕВ ОМБУ, КОТОРЫЕ БУДУТ НЕСКАЗАННО БЛАГОДАРНЫ ВАМ ЗА ПОДДЕРЖКУ. ПРАВО, БЕЗ ВАШЕЙ ПОМОЩИ ОНИ ПРОСТО НЕ СМОГУТ СУЩЕСТВОВАТЬ!

Джеральд ДАРРЕЛЛ

ПОСЛЕСЛОВИЕ

СООБЩЕНИЕ

от Фонда охраны дикой природы Джеральда Даррелла

Художественная повесть Джеральда Даррелла о птице-пересмешнике отражает его реальные усилия по спасению исчезающих видов животных во всем мире. Кампания за сохранение богатого разнообразия животного мира на нашей планете, ставшая делом всей его жизни, включает программы восстановления двух видов, считавшихся вымершими, — жабы с Майорки и ямайской игуаны.

Эта кампания за сохранение исчезающих видов не закончилась со смертью Джеральда Даррелла в 1995 году. Его работа продолжается благодаря неустанным усилиям Фонда охраны дикой природы.

В течение ряда лет многие читатели книг Джеральда Даррелла настолько вдохновлялись его впечатлениями и видением мира, что выражали желание продолжить историю, поддерживая деятельность его фонда. Мы надеемся, что вы тоже внесете определенный вклад, потому что своими книгами и всей своей жизнью Джеральд Даррелл ставит перед нами важную задачу. «Животные составляют бессловесное и лишенное права голоса большинство, — написал он, — которое может выжить лишь с нашей помощью».

Пожалуйста, не теряйте интереса к охране природы, когда вы перевернете эту страницу. Напишите нам, и мы расскажем вам, как можно принять участие в нашей работе по спасению животных от вымирания.

Чтобы получить более подробную информацию и направить пожертвования, обращайтесь по следующим адресам:

Durrell Wildlife Conservation Trust
Les Augès Manor
Jersey, English Channel Islands, JE3 5BP
UK

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЗОЛОТЫЕ КРЫЛАНЫ И РОЗОВЫЕ ГОЛУБИ

Вступительное слово	7
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Дерево Дронта и лес Макаби	8
ГЛАВА ВТОРАЯ. Голос розовых голубей	23
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Остров Крутлый	31
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Полным-полно плодов	49
ГЛАВА ПЯТАЯ. Волшебный мир	68
ГЛАВА ШЕСТАЯ. За удавами	83
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Розовый постскриптум	97
Послесловие	100

САД БОГОВ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Собаки, сони и сумбур	103
ГЛАВА ВТОРАЯ. Призраки и пауки	123
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Сад богов	135
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Весенние стихии	158
ГЛАВА ПЯТАЯ. Факиры и фиесты	172
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Королевское событие	190
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Пути любви	210
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Радости дружбы	227
Послесловие	250

ПИКНИК И ПРОЧИЕ БЕЗОБРАЗИЯ

ПИКНИК	253
ПЕРВЫЙ РЕЙС	274
ВЫПУСКНИКИ ЧАСТНЫХ ШКОЛ	297
СМЯТЕНИЕ ОТ ЧТЕНИЯ	316
ЧЕЛОВЕК ОТ «МИШЛЕНА»	335
ПЕРЕХОД	349
Послесловие	390

ПТИЦА-ПЕРЕСМЕШНИК

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Открытие Зенкали	393
ГЛАВА ВТОРАЯ. Первое знакомство с Зенкали	414
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Зенкали — это класс!	443
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Зенкали удивлен	466
ГЛАВА ПЯТАЯ. Зенкали взбунтовался	487
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Зенкалийцы поднимают голос	508
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Зенкалийцы потрясены	526
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Зенкалийцы празднуют победу	542
Эпилог	569
И в заключение...	572
Послесловие	573

Литературно-художественное издание

Джеральд Даррелл
ЗОЛОТЫЕ КРЫЛАНЫ И РОЗОВЫЕ ГОЛУБИ
САД БОГОВ
ПИКНИК И ПРОЧИЕ БЕЗОБРАЗИЯ
ПТИЦА-ПЕРЕСМЕШНИК

Ответственный редактор *Е. Басова*
Художественный редактор *Е. Савченко*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *Т. Комарова*
Корректор *М. Мазалова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

*По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.*

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Малкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:**
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12
(м. «Сухаревская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.
Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.
Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

ООО Дистрибьюторский центр «ЭКСМО-УКРАИНА». Киев, ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Санкт-Петербурге:
РДЦ СЗКО, Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

Сеть книжных магазинов «Буквоед»:
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Нижнем Новгороде:
РДЦ «Эксмо НН», г. Н. Новгород, ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Челябинске:
ООО «ИнтерСервис ЛТД», г. Челябинск, Свердловский тракт, д. 14. Тел. (3512) 21-35-16.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 28.09.2004
Формат 70х100^{1/16}. Гарнитура «Бодони»
Печать офсетная. Бум. тип. Усл. печ. л. 46,8
Тираж 5 000 экз. Заказ № 4893

Отпечатано с готовых диапозитивов во ФГУП ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ДЖЕРАЛЬД ДАРРЕЛЛ

К Джеральду Дарреллу как нельзя лучше подходит меткая английская фраза «родился с серебряной ложкой во рту». Живя в необыкновенной, дружной, любящей, счастливой и «немного» эксцентричной семье, он уже с шести лет знал, что непременно станет Зооспасателем и организует собственный зоопарк.

Как утверждала его мать, первым словом Джеральда было не «мама», а «zoo»!

Многим ли из нас удалось исполнить наши самые невероятные детские мечты...
А Дарреллу удалось!

Натуралист многосторонней, блестящий литератор, неутомимый путешественник, непримиримый борец за сохранение исчезающих животных, безгранично одаренный, обаятельный и жизнерадостный человек, он изменил наш мир к лучшему уже одним своим присутствием в нем.

От него буквально веяло мудростью, терпимостью и юмором. Даррелл подарил нам свои книги, которые несут тепло его отношения ко всему живому на планете и делают всех нас добрее и внимательнее друг к другу и к тем «малым» созданиям, которые нуждаются в нашей защите и помощи. Но самой большой заслугой Даррелла остается созданный им в 1959 году на острове Джерси зоопарк и образованный на его базе Фонд сохранения диких животных, который успешно работает и по сей день и помогает спасать исчезающие виды животных по всему свету. Даррелл удостоился многих престижных наград, присужденных ему как выдающемуся писателю и исследователю. Фондом учреждена ежегодная премия имени Джеральда Даррелла за лучшие фотоснимки исчезающих видов флоры и фауны.

И как было написано в литературном приложении к газете «Times», «если бы звери, птицы и насекомые могли говорить, возможно, одной из первых своих Нобелевских премий они удостоили бы мистера Даррелла».

